

В.И. БУГАНОВ

МОСКОВСКИЕ
ВОССТАНИЯ

КОНЦА XVII ВЕКА

1404 592

В. И. БУГАНОВ

9(0)1
Б 902

МОСКОВСКИЕ
ВОССТАНИЯ
КОНЦА XVII ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1969

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

доктор исторических наук

Л. Г. БЕСКРОВНЫЙ

1404592

Виктор Иванович Буганов

Московские восстания конца XVII в.

Утверждено к печати Институтом истории СССР Академии наук СССР

Редактор издательства *Г. Д. Капустина*

Художник *М. В. Серегин*

Технический редактор *Т. В. Алексеева*

Сдано в набор 7/V 1969 г. Подписано к печати 22/VIII 1969 г. Бумага № 1.

Формат 60×90¹/₁₆. Физ. п. л. 27,5. Уч.-изд. л. 29,2. Тираж 2700 экз. Т-11267.

Тип. зак. 5667. Цена 2 р. 06 к.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

1-6-4

4-6-69(1)

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящем исследовании рассматривается история двух восстаний в Москве — 1682 и 1698 гг., крупнейших народных выступлений феодально-крепостнической России «бунташного» XVII столетия.

Несмотря на имеющуюся богатую литературу о классовой борьбе в России XVII в., советская историческая наука уделяет большое внимание разработке этой важнейшей темы. Это вызвано не только тем, что труды дворянских и буржуазных ученых не могут нас удовлетворить ввиду устаревшей методологии, но и ввиду обогащения источниковедческой базы исследований. В последние десятилетия появился ряд ценных трудов о городских движениях середины XVII в. (М. Н. Тихомирова, С. В. Бахрушина, П. П. Смирнова, Г. А. Новицкого, Е. В. Чистяковой и др.), Крестьянской войне под руководством С. Т. Разина (В. И. Лебедева, А. Г. Манькова, И. В. Степанова, Е. В. Чистяковой и др.), московских восстаниях 1662 г. (К. В. Базилевича и др.), 1682 г. (С. К. Богоявленского, Л. В. Черепнина и др.), народных движений в Сибири (А. П. Окладникова, В. И. Шункова, В. А. Александрова и др.) и т. д.¹

Необходимо отметить, что не все народные движения XVII в. получили детальную монографическую разработку и, что еще более важно, правильную научную оценку.

В первую очередь это относится к двум движениям в Москве конца XVII в. — восстанию 1682 г., называемому нередко «Хованщиной», и восстанию стрельцов 1698 г. В исторической литературе последних десятилетий они характеризуются часто как

¹ А. А. Зимин, А. А. Преображенский. Изучение в советской исторической науке классовой борьбы периода феодализма в России (до начала XIX в.). — «Вопросы истории», 1957, № 12; В. В. Мавродин. Советская историческая литература, о крестьянских войнах в России XVII—XVIII вв. — «Вопросы истории», 1961, № 5; он же. Советская историография крестьянских войн в России. — «Советская историография классовой борьбы и революционного движения в России», ч. 1. Л., 1967; В. И. Кириллов. Новейшая советская литература о крестьянских и городских движениях в России (XI—XVIII вв.). — «Вопросы истории», 1965, № 3; А. П. Пронштейн. Решенные и нерешенные вопросы истории крестьянских войн в России. — «Вопросы истории», 1967, № 7.

«реакционные бунты», направленные против петровских преобразований. Правда, на протяжении более чем 200-летнего изучения эти восстания получали не только такую, но и иную, более правильную, с нашей точки зрения, оценку.

В дворянской (Ф. Прокопович, В. Н. Татищев, А. П. Сумароков, Н. М. Карамзин и др.) и зарождающейся буржуазной (И. И. Голиков) историографии XVIII — начала XIX в. крайне яркое выражение получила линия апологетического восхваления Петра. Восстания конца столетия в сочинениях многих авторов представлены как результат козней Софьи и Милославского. Мало внимания уделялось положению стрельцов накануне восстания, участию в движении московского «простоародства», хотя отдельные замечания на этот счет иногда проскальзывают в их сочинениях (например, у М. В. Ломоносова, И. И. Голикова и др.). Несмотря на наличие опубликованных и архивных источников, содержавших различные версии событий конца XVII в., в частности восстания 1682 г. (например, С. Медведев и А. А. Матвеев — в известной мере антиподы в истолковании смысла, хода этого движения; то же самое можно сказать о С. Романове и Иоакиме и т. д.), в основу исторических построений были положены источники типа записок А. А. Матвеева, официальных «журналов», «Подробной летописи» и т. д., содержащих явные неточности, искажения. Показания С. Медведева, С. Романова, Розенбуша, некоторых актов во многом не учитывались. Вместо этого страницы различных работ XVIII в. заполнялись официальными толкованиями, искаженными версиями событий и объяснениями по адресу восставших. Научная критика источников по этому вопросу почти не производилась (частичное исключение — В. Н. Татищев); наоборот, историки, как правило, черпали без разбору сведения из всех почти известных им источников и сочинений.

Изучение в первой половине XIX в., в период кризиса крепостничества, классовой борьбы в начале правления Петра I характеризуется определенными сдвигами в оценке восстаний. Ряд буржуазных историков (В. Берх, П. Щебальский, С. М. Соловьев и др.), в большей степени, чем дворянские историки XVIII — первой половины XIX в., говорили о том, что важными причинами или поводами для выступлений стрельцов были притеснения со стороны их начальников, общее неблагополучие в делах государственного управления, материальные лишения. Историю стрелецких восстаний 1682 и 1698 гг., розыска 1698—1699 гг. они изучили гораздо полнее, ввели в оборот новые источники (акты, розыскные дела и др.). Увеличение источниковедческой базы сказалось и в том, что многие выдумки, столь популярные в XVIII в., стали меньше использоваться. В то же время следует отметить, что большинство как дворянских, так и буржуазных историков следовало по старому пути в оценке классовой борьбы конца

XVII в. Те авторы, в работах которых содержались элементы правильного анализа, сводили их на нет недоброжелательным отношением к восставшим стрельцам или к «мятежным» раскольникам, выступления которых против властей квалифицировались как «наглость», «буйство», «разнузданность» и т. д. Сами стрельцы рассматривались по-прежнему как орудие в руках то Софьи и Милославского, то раскольников и Хованского.

Решительную критику традиционного представления о классовой борьбе конца XVII в. содержат работы Н. А. Добролюбова и других революционеров-демократов. В рецензии Добролюбова на исследование Н. Г. Устрялова дана в общем правильная оценка стрелецким восстаниям конца XVII в. как народным выступлениям против гнета феодально-крепостнического государства, подготовленным «фактами прошедшей жизни». Мысль о народном характере движений конца XVII в., в том числе стрелецких восстаний, лежит в основе трактовки раскола в трудах А. П. Щапова.

В ряде работ буржуазных ученых (Н. Я. Аристова, Е. А. Белова и др.) второй половины XIX в. в той или иной форме признается народный характер восстаний 1682 и 1698 гг., которые ставятся в один ряд с другими движениями второй половины XVII — начала XVIII в.; правда, эта оценка сопровождается оговорками и обвинениями в адрес восставших (иногда вместе с обвинениями в адрес правительственной, военной администрации, допустившей подобные взрывы народного недовольства).

Историки официально-охранительного направления (М. П. Погодин, Д. И. Иловайский) подходили к оценке этих событий со старых позиций, искали причины народных выступлений в деятельности придворных партий, одобряли меры властей против восставших. Впрочем, действия восставших в той или иной мере осуждало (или не одобряло) большинство авторов.

Отметим также характерные для работ этого времени источниковедческие моменты: во-первых, сугубо критическое отношение к фактам и сведениям, переполнявшим исторические сочинения XVIII — первой половины XIX в.; во-вторых, более серьезный и глубокий сравнительный анализ источников (в частности, критика записок А. А. Матвеева, большее внимание к актам, разрядным записям, запискам С. Медведева, Розенбуша и др.); в-третьих, появление помимо отдельных источниковедческих наблюдений (например, у Н. Я. Аристова, Е. А. Белова), специального исследования об источниках по истории восстания 1682 г. (у М. П. Погодина).

Изучение классовой борьбы конца XVII в. русской дворянско-буржуазной и мелкобуржуазной историографией периода империализма дало мало нового (исключение составляет труд М. М. Богословского, в котором содержится фактическая разработка вопроса). Оценка дворянско-буржуазными историками

движущих сил и классового смысла восстаний в центре государства была отступлением назад, что вполне объяснимо позицией официальной науки в предгрозовую пору кануна революций 1917 г. и реакционным курсом правительства Романовых, отмечавших 300-летний юбилей своей династии, топившей в крови народные восстания, начиная с «бунташного» XVII столетия.

В изучении классовой борьбы в России конца XVII в. советскими историками наметились серьезные сдвиги. Положительным является то, что появились исследования, для которых характерна серьезная разработка фактической истории Московского восстания 1682 г. (А. Н. Штрауха, С. К. Богоявленского и др.), стрелецкого восстания и сыска 1698—1699 гг. (Н. Б. Голиковой и др.).

В оценке народных движений окраин государства у исследователей не возникало, кажется, сомнений и разногласий; они рассматривались как антифеодальные, прогрессивные и ставились в связь с движениями крестьян и посадских людей Европейской России. В суждениях о «стрелецких бунтах» 1682 и 1698 гг. подобное единодушие отсутствует. Если в 20-х — начале 30-х годов они рассматривались как движения народные, хотя эта оценка сопровождалась ошибками методологического (теория «торгового капитализма» М. Н. Покровского и т. д.) и фактического характера (характеристика Хованского как «народного вождя» и т. п. в работах А. Н. Штрауха и др.), то с конца 30-х годов наметились две линии в оценке этих восстаний. Господствующие позиции завоевала точка зрения исследователей, выдвинувших тезис о реакционном характере восстаний стрельцов, являвшихся будто бы опорой консервативного боярства и духовенства в их борьбе с начинавшимися преобразованиями Петра I. По существу такая точка зрения означает возврат к «государственным» догмам историков XVIII — первой половины XIX в., исходным пунктом суждений которых в конечном счете являлись представления о событиях конца XVII в., сложившиеся у Петра I и «птенцов гнезда Петрова».

Другая линия представлена единичными работами (Л. В. Черепнина и др.); в них дается более правильная характеристика классового смысла и направленности Московского восстания 1682 г. Вывод указанных авторов о том, что это восстание стоит в ряду других народных движений второй половины XVII в., заслуживает самого пристального внимания, хотя он и не получил «права гражданства» в исторической науке; он по существу ставит вопрос о переоценке всего комплекса стрелецких движений в России конца XVII в.

Иностранцы авторы при описании событий 1682 и 1698 гг., как правило, малооригинальны. Они в подавляющем большинстве сводят их смысл к борьбе придворных партий за власть, выстулениям консервативных элементов русского общества против нововведений Петра, цивилизовавших отсталую Россию. Уча-

стники обоих восстаний характеризуются по обычному шаблону, как орудие политических расчетов и действий Софьи и Милославских, Голицына и Хованских в 1682 г., старомосковских устремлений консервативных бояр и духовенства в 1698 г. В некоторых случаях мы встречаемся с трудами, содержащими подробное освещение фактической истории вопроса (книга П. Мерио о Петре I, исследование Ф. Дукмайера о дневнике И. Г. Корба и др.), и с наличием попыток разобраться в серьезных причинах указанных восстаний, проявлении в них социальных, революционных моментов (у немецких авторов Э. Э. фон дер Брюггена, Э. Мюллера, К. Керстена, американца Б. О'Брайена, голландца Т. Лохера и др.).

Таким образом, историография вопроса показывает, что в исследовании истории указанных движений имеются существенные пробелы².

Возвращение в ряде научных работ последних десятилетий к характеристике стрелецких движений как «реакционных бунтов» в известной степени вызвано сложившейся в эти годы определенной оценкой таких исторических деятелей, как Иван Грозный и Петр I, согласно которой некоторые выступления против политики этих правителей рассматривались как реакционные, консервативные. Нельзя, конечно, забывать и о других факторах—живучести традиций дворянско-буржуазной историографии в изучении этих движений, недостаточной подчас источниковедческой базе.

Уже одна эта нерешенность в изучении двух важнейших движений конца XVII в. диктует необходимость повторного, более детального и объективного их исследования.

В двух первых разделах рассматриваются источники о восстаниях 1682 и 1698 гг. При обзоре главное внимание уделяется малоизвестным или совсем не использованным в научной литературе источникам (актам, повестям, летописным записям и др.).

В следующем разделе кратко рассматривается историческая обстановка, обусловившая неизбежность этих классовых выступлений. Исследование здесь основывается на результатах, достигнутых новейшей советской историографией в исследовании важнейших процессов социально-экономического и политического развития России XVII в. Основное внимание уделяется положению горожан и приборных служилых людей (стрельцы и др.) — участников изучаемых движений.

Основное место в монографии занимают разделы, посвященные истории Московского восстания 1682 г., знаменитой «Хован-

² Более подробно об историографии вопроса см.: В. И. Буганов. Московские восстания последней четверти XVII в. в дореволюционной и советской историографии.— «История СССР», 1966, № 2; он же. Московские восстания второй половины XVII в. М., 1968 (рукопись докторской дисс.), стр. 12—128.

щины». Большой объем этой части исследования вызван длительностью, сложностью и противоречивостью движения, необходимостью привлечения широкого круга источников. Только детальный их анализ дает возможность понять исторический смысл восстания 1682 г., его особенности и значение. К тому же до сих пор оно недостаточно изучено с фактической стороны.

Последний раздел, посвященный восстанию московских стрельцов 1698 г., гораздо меньше по объему. Это объясняется кратковременностью восстания и неплохой изученностью его в историографии; последнее особенно относится к истории «стрельцкого розыска». В этом разделе делается попытка, как и в главах о восстании 1682 г., показать связь восстания 1698 г. с предыдущими народными движениями. Уделяется внимание и изучению его идеологии, программы.

Восстания 1682 и 1698 гг. называются «московскими». Автор рассматривает их как движения народные, городские по своему характеру. Первое из них происходило в Москве и в нем приняли известное участие жители столицы; положение главных участников восстания — стрельцов и других приборных служилых людей — во многом напоминало положение посадских людей, а сами стрельцы составляли часть торгово-промышленного и одновременно военного населения Москвы. Восстание 1698 г. началось в марте в самой Москве, а в июне продолжилось в ее окрестностях (стрельцы шли в столицу); его участниками были, как и в 1682 г., московские стрельцы. Оба восстания рассматриваются в связи с социально-экономическим, политическим развитием России, эволюцией классовой борьбы этого времени, в плане выявления общих особенностей, сближающих их с другими проявлениями народного протеста, и специфики этих движений в условиях формирования российского абсолютизма, консолидации и трансформации феодальных сословий.

В книгу включены в расширенном и переработанном виде некоторые исследования автора, опубликованные в академических изданиях последних лет.

Автор выражает глубокую признательность своим товарищам и коллегам за участие в обсуждении, рецензировании монографии в целом или ее отдельных частей, за указание в ряде случаев на архивные источники по теме и помощь в переводе некоторых иностранных текстов.

ИСТОЧНИКИ О МОСКОВСКОМ ВОССТАНИИ 1682 г.

ПУБЛИКАЦИЯ И ИЗУЧЕНИЕ ИСТОЧНИКОВ

История Московского восстания 1682 г. довольно подробно освещена в различных источниках, опубликованных и архивных. В течение прошедших более чем 280 лет публикаций накопилось довольно много. Все они в той или иной мере использовались в трудах историков, писавших об этом движении. Кроме того, сами источники служили предметом специального исследования в трудах некоторых ученых.

Первые публикации появились в разгар Московского восстания 1682 г.; мы имеем в виду два сочинения патриарха Иоакима, направленных против раскольников — участников движения¹. Они прямо и недвусмысленно служили целям официальной пропаганды православной церкви и государства против участников «раскольничьего мятежа». Спешно отпечатанные сочинения главы русской церкви раздавались в народе, в том числе среди восставших, в Москве, а также рассылались по стране.

В конце XVII в. за границей появилось в печати несколько иностранных известий о событиях 1682 г.: донесения датского приказчика Розенбуша, бывшего их свидетелем², анонимного польского автора³, Г. А. Шлейзинга, посетившего страну в 1684 г.⁴; французского автора Невилля, под именем которого,

¹ Иоаким. [Слово на Никиту Пустосвята]. М., 1682; он же. Увет духовный. М., 1682. «Увет» впоследствии несколько раз переиздавался.

² «Eigentlicher Bericht, wezen des, in der Stadt Moskau 15, 16 und 17 May, anno 1682, einstandenen greulichen Tumults und grausahmen Massacke...» Hamburg, 1682. «Theatrum Europaeum», t. XII, Frankfurt am Mayn, 1691, S. 441—456.

³ «Kurtze und gründliche Relation, wie die vornehmste moscovitische Herren in der Stadt Moscow anno 1682 jämmerlich seyn niedergehauen». 1686 (место изд. не указано).

⁴ G. A. Schleusing. Anatomia Russiae Deformatae oder historische Beschreibung derer beyden auf einem Trohn gesetzten Czaaren Iwan und

возможно, скрывается компилятор Балье⁵. Крелль, издавший свое сочинение под именем Бове; при описании событий 1682 г. пользовался слухами, а также рассказами членов русского посольства, побывавшего в Западной Европе в 1698 г.⁶

Первая половина XVIII в., когда вышло немало русских и иностранных сочинений о царствовании Петра I, в которых затрагивались и события 1682 г., не дала ничего в смысле публикации источников. Тем не менее важно отметить, что в это время впервые в труде В. Н. Татищева дана историко-ведическая оценка запискам современников восстания С. Медведева и А. А. Матвеева, которые ученый внимательно изучил в рукописях: оба автора «описали стрелецкий бунт 1682, токмо в сказаниях по страстям весьма не согласны и более противны». Это противоречие между обоими авторами Татищев объясняет тем, что отец Матвеева был убит во время восстания, а Медведев входил в число сторонников партии Мирославского, противостоявшей партии Нарышкиных и Матвеева⁷.

В последней четверти XVIII в. Н. И. Новиков, Г. Ф. Миллер, Ф. Туманский издали (подчас, правда, неудовлетворительно с археографической точки зрения) ряд источников о событиях 1682 г.

Так, в одном из изданий Московского университета появились некоторые официальные акты о воцарении Петра I и Ивана Алексеевичей в 1682 г. и др., а также двинский летописец с известиями о сборе в том же году денег на жалованье стрельцам и др. (публикации и статьи Г. Ф. Миллера и И. А. Навроцкого)⁸.

В издании типографии Н. И. Новикова увидело свет анонимное сочинение современника, посвященное боярину А. С. Матвееву, погибшему от рук восставших в 1682 г.⁹ Ф. Туманский в своем многотомном издании опубликовал (как правило, по плохим неполным спискам и при невысоком уровне археографического оформления) записки современников: А. А. Матвеева

Peter Aleaxewitz. Dresda Misnico, 1688; см. также Н. Г. Устрялов. История царствования Петра Великого, т. I. СПб., 1858, стр. LXI.

⁵ «Relation curieuse et nouvelle de Moskovie». Paris, 1698; то же. A la Haye, 1699. Ср.: «Русский вестник», 1849, т. 9, стр. 596—599.

⁶ I. Bouvet. The present condition of the Muscovite Empire, till the year 1699... London, 1699, pp. 5—9 и сл.; рус. пер.: I. Bouvet. Современное состояние Московской империи в 1699 г.—«Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого, издаваемые трудами и иждивением Федора Туманского» (далее — Ф. Туманский. Собрание), ч. I. СПб., 1787.

⁷ В. Н. Татищев. История российская с самых древнейших времен, кн. I, ч. I. М., 1768, стр. XIII.

⁸ «Опыт трудов Вольного Российского собрания при Московском университете», ч. I. М., 1774, стр. 169—172; ч. 4. М., 1778, стр. 1—106; ч. 5. М., 1780, стр. 87—184.

⁹ «История о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергеевича Матвеева», изд. 2. М., 1785.

(дважды: сначала как анонимное «Описание стрелецкого бунта 1682 г. с имеющейся у меня рукописи» и затем под именем А. А. Матвеева)¹⁰, С. Медведева¹¹, И. А. Желябужского¹². Им же изданы некоторые актовые источники — грамоты о воцарении двух царей, казни Хованских, ссылке стрельцов — участников восстания, а также упоминавшиеся выше публикации Г. Ф. Миллера и И. А. Навроцкого и др.¹³ Издатель кратко характеризует записки Матвеева и Медведева.

Те же публикации Г. Ф. Миллера в третий раз появились в известном издании Н. И. Новикова¹⁴. Тогда же в труде И. И. Голикова был дан краткий обзор печатных и неопубликованных источников конца XVII в.¹⁵ «Подробная летопись», составленная в конце царствования Петра I и изданная в конце XVIII в., содержит описание событий 1682 г.¹⁶

Неудовлетворительное качество публикаций Ф. Туманского вызвало переиздание важнейших записок (А. А. Матвеева, С. Медведева, И. А. Желябужского) Н. Сахаровым в 1841 г.¹⁷ Сахаров в предисловиях к публикациям дает оценку предшествующих изданий, характеризует публикуемые источники, их авторов, рукописи, по которым готовились записки. В приложениях помещен указ о казни Хованских 17 сентября 1682 г. За год до появления публикации Н. Сахарова Д. Языков издал записки И. А. Желябужского¹⁸. В научный оборот были введены, как правило, полные тексты, изданные в некоторых случаях по нескольким рукописным спискам, снабженные примечаниями и указателями.

В первой половине XIX в. были опубликованы записки некоторых иностранцев в переводе на русский язык: отрывок из записок Кемпфера (перевод Ф. Аделунга)¹⁹, сделанный Н. А. Полевым неполный и низкокачественный перевод донесения Невилля²⁰, неполный перевод донесения Розенбуша в книге

¹⁰ Ф. Туманский. Собрание, ч. 1, стр. 109—229; ч. 6. СПб., 1787, стр. 8—54.

¹¹ Там же, ч. 6, стр. 54—214.

¹² Там же, ч. 7. СПб., 1787, стр. 88—298.

¹³ Там же, ч. 2. СПб., 1787, стр. 53—64; ч. 5. СПб., 1787, стр. 117—288; ч. 7, стр. 3—87.

¹⁴ «Древняя российская вивлиофика», изд. 2, ч. VII. М., 1788, стр. 372—484.

¹⁵ И. И. Голиков. Деяния Петра Великого, ч. I. М., 1788, стр. XI—XIII.

¹⁶ «Подробная летопись от начала России до Полтавской баталии», ч. 4. СПб., 1799, стр. 77—124.

¹⁷ «Записки русских людей. События времен Петра Великого». СПб., 1841.

¹⁸ «Записки Желябужского с 1682 по 2 июля 1709». СПб., 1840 (далее — Желябужский. Записки).

¹⁹ Ф. Аделунг. Барон Мейерберг и путешествие его по России. СПб., 1827, стр. 321—370.

²⁰ «Русский вестник», 1841, кн. III—IV.

В. Берха²¹, немецкий текст и неполный перевод того же источника в книге Н. Устрялова²². М. П. Погодин издал донесение анонимного автора, итальянского дипломата под названием «Известование о московских происшествиях по кончине царя Алексея Михайловича»²³.

О. Тейнер (Aug. A. Theiner) издал полные тексты этих донесений на латинском и итальянском языках²⁴.

В первой же половине XIX в. ряд актовых источников о различных событиях Московского восстания 1682 г. был опубликован в «Полном собрании законов»²⁵, в известных изданиях Комиссии печатания государственных грамот и договоров²⁶, Археографической комиссии²⁷. В руки исследователей был дан богатый актовый материал (в ААЭ опубликован частично по рукописи записок С. Медведева, в которых приводится полностью или в выдержках немало документов): стрелецкие челобитные, официальные грамоты о ходе и прекращении восстания и др., а также составленные в 1682 г. в Разрядном приказе записные книги с данными о восстании и служебная записка «Смутное время». Два последних источника были заново опубликованы С. М. Соловьевым в приложениях к одному из томов «Истории России»²⁸.

В труде В. Берха приводится краткая характеристика некоторых источников. Автор отмечает пристрастность в записках Матвеева, подчеркивает достоинство в этом плане донесения Розенбуша, хотя и неполного по объему. Данные последнего дополняются русским актовым материалом²⁹. Н. Устрялов более подробно говорит о записках Матвеева и Медведева, отмечая, что оба пристрастны, но с противоположных точек зрения (пер-

²¹ В. Берх. Царствование царя Федора Алексеевича и история первого стрелецкого бунта, ч. 2. СПб., 1835, стр. 56—63.

²² Н. Г. Устрялов. Указ. соч., стр. 276—279, 330—346.

²³ «Журнал министерства народного просвещения» (далее — ЖМНП). СПб., 1835, № 1, ч. 5, отд. II, стр. 69—82.

²⁴ «Monuments historiques, relatifs aux règnes d'Alexis Michailowitsch, Féodor III et Pierre le Grand czars de Russie, extraits des archives du Vatican et de Naples par Augustin Theiner» (далее — А. Theiner). Rome, 1859, p. 236 и сл.

²⁵ «Полное собрание законов Российской империи». Собрание первое (далее — ПСЗ), т. II. СПб., 1830, № 914, 920, 929, 931, 940, 954, 960, 961, 963, 965, 975, 978, 992.

²⁶ «Собрание государственных грамот и договоров» (далее — СГГиД), ч. IV. М., 1828, № 147, 152, 155, 158, 160, 165.

²⁷ «Акты Археографической экспедиции» (далее — ААЭ), т. IV, СПб., 1836, № 254—255, 258, 260, 263—274 и др.; «Акты исторические» (далее — АИ), т. V. СПб., 1842, № 86, 91, 94—98 и др.; «Дополнения к актам историческим» (далее — ДАИ), т. X. СПб., 1867, № 4, 9, 15, 29, 39, 42 и др.

²⁸ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. VII. М., 1962, стр. 311—348.

²⁹ В. Берх. Указ. соч., стр. 25—31.

вый — ярый противник Софьи, второй — ее «жаркий приверженец»), что их «сказания, представляя события с разных точек зрения, много разнятся в подробностях, и историку предстоит немалый труд угадать истину». С точки зрения автора, сказание Медведева хотя и содержит «множество любопытных актов, которые без него погибли безвозвратно», все же «не обнаруживает истинных причин начала стрелецких бунтов». Отмечая наличие ошибок у Матвеева, писавшего о событиях 1682 г. спустя много лет, Устрялов отдает все-таки предпочтение именно ему³⁰. Весьма кратко характеризуются записки и сказания Желябужского, Кемпфера, Шлейзинга, Невилля³¹. Главным критерием при суждении о достоинствах того или иного источника Устрялову служило отношение их авторов к прославленному им Петру I и его противнице Софье Алексеевне.

То же свойственно М. П. Погодину, которому принадлежит специальное исследование об источниках по истории «стрелецких бунтов 1682 г.»³². Он подробно характеризует содержание записок Матвеева, Медведева, С. Романова, Желябужского, анонимной «Истории о невинном заточении» А. С. Матвеева, разрядных записок, донесений Розенбуша, неизвестных поляка и итальянца, Невилля, сравнивает их известия между собой (то-то есть то-то отсутствует в других источниках и т. д.), фиксирует ошибки. На первое место он ставит записки Матвеева, отмечая в них лишь «излишнюю риторику». В каждом отдельном случае он оговаривает качество издания этих источников у Туманского, Сахарова и др. Погодин приводит сведения об авторах, времени составления источников. Все исследование подчинено стремлению выискать доказательства того, что события 15—17 мая 1682 г. явились следствием интриг царевны Софьи.

Н. Аристов, исходя из своих суждений о стрелецких восстаниях конца XVII в. как движениях народных и из высокой оценки Софьи Алексеевны, отдает явное предпочтение свидетельствам Медведева и Розенбуша перед записками Матвеева в смысле точности и добросовестности. Их показания подтверждаются данными актовых источников. Впрочем, акты он не подвергает анализу. Останавливается он на содержании записок Желябужского и некоторых иностранцев³³.

Во второй половине XIX в., кроме упомянутых выше источников, были изданы знаменитые записки Саввы Романова,

³⁰ Н. Г. Устрялов. Указ. соч., стр. LII—LIV.

³¹ Там же, стр. LIV, LXI—LXII.

³² М. П. Погодин. Об источниках для истории стрелецких бунтов. — В кн.: «Семинадцать первых лет в жизни имп. Петра Великого». М., 1875, стр. 3—92.

³³ Н. Я. Аристов. Московские смуты в правление царевны Софьи Алексеевны. Варшава, 1871, стр. 1—4, 8—10, 12—13, 16, 22—26.

принявшего участие в выступлении раскольников в 1682 г.³⁴, челобитная его соратника по борьбе с официальной церковью инока Сергия и его показание в Крестовой палате³⁵. В новом хорошем переводе А. И. Браудо были переизданы записки Невилля³⁶. Дважды в это время издавалось сочинение С. Медведева: И. Козловским (он высказал предположение, что автором сочинения был неизвестный иннок, которому летописные материалы и акты предоставили С. Медведев, к тому же редактировавший этот труд, и К. Истомина³⁷) и А. Прозоровским, отстаивавшим тезис об авторстве С. Медведева³⁸.

В начале XX в. впервые появилось в русском переводе донесение анонимного автора — польского дипломатического представителя, который был свидетелем событий 1682 г.³⁹ Откликнувшийся на это издание Е. Ф. Шмурло высказал в рецензии мнение, что донесение написано в 1683 г.⁴⁰ Тогда же опубликованы некоторые активные источники: приказные записи о походе царского семейства из Москвы в Троице-Сергиев монастырь, о казни Хованских и др. за 30 августа — 15 октября 1682 г. (публикация А. Н. Зерцалова)⁴¹, а также некоторые документы о Хованских⁴².

Таким образом, дооктябрьская дворянско-буржуазная историография и археография ввели в научный оборот немалое количество источников о Московском восстании 1682 г., некоторые из них переиздавались по нескольку раз. Нельзя не отметить, что наибольшим вниманием историков пользовались сказания современников, русских и иностранных, а из них — прежде всего записки С. Медведева и А. А. Матвеева. В зависимости от взглядов, симпатий или антипатий того или иного ученого предпочтение отдавалось одному из этих источников, поскольку их авторы стояли на разных позициях в их отношении к царевне Софье.

³⁴ «История о вере и челобитная о стрельцах Саввы Романова». — «Летописи русской литературы и древности, издаваемые Н. Тихонравовым», т. V, М., 1863, отд. II, стр. 111—148 (далее — С. Романов, История о вере).

³⁵ «Материалы для истории раскола за первое время его существования». Под ред. Н. Субботина, т. 4, М., 1878, стр. 299—312.

³⁶ «Русская старина», 1891, сентябрь, стр. 419 и сл.

³⁷ И. Козловский, Сильвестр Медведев. Очерк из истории русского просвещения и общественной жизни в конце XVII в. Киев, 1895, стр. 91—97. Текст «Созерцания» С. Медведева — стр. 1—206.

³⁸ «Чтения ОИДР» (далее — ЧОИДР), 1894, кн. 4 (171), отд. II, стр. I—II, 1—297.

³⁹ «Дневник зверского избинения московских бояр в столице в 1682 г. и избрания двух царей Петра и Иоанна». СПб., 1901.

⁴⁰ Е. Ф. Шмурло. Польский источник о воцарении Петра Великого. — ЖМНП, 1902, февраль, стр. 424—448.

⁴¹ ЧОИДР, 1907, кн. 4 (223), Смесь, стр. 49—54.

⁴² «Частная переписка кн. П. И. Хованского, его семьи и родственников». М., 1905; «Князья Хованские». Сообщил В. А. Капустин. — ЧОИДР, 1909, кн. 4 (231), Смесь, стр. 15—17.

Актовый материал в тех немногих работах, в которых рассматривались источники о восстании 1682 г., почти не привлекал внимания. Главным недостатком исследований историковедческого характера является, конечно, отсутствие классового анализа их содержания, преимущественное внимание к действиям и устремлениям лиц из правящей верхушки. К тому же, в целом все источники не были подвергнуты детальному сравнительно-историковедческому анализу.

В советской историографии в последние десятилетия введены в научный оборот новые интересные источники о Московском восстании 1682 г. Были изданы акты и источники об откликах на это восстание в южных районах России в том же 1682 г.⁴³

В неопубликованной диссертации А. П. Станевич о восстании 1682 г. немало страниц уделено анализу источников — воспоминаний русских и иностранных современников, актов и повестей. Причем на первое место поставлены мемуарные источники. Автор почему-то помещает в эту группу официальные разрядные записи (записную книгу Разрядного приказа), к тому же переоценивает их точность и беспристрастность. Столь же необоснованно записки И. А. Желябужского отнесены к иностранным известиям. Но несмотря на то, что анализ источников является не только неполным, но подчас довольно элементарным, достоинством работы является использование архивных материалов, актов, повести из Мазуринского летописца, позднее изданной М. Н. Тихомировым. Автор довольно подробно рассматривает содержание источников, сопоставляет их данные, выясняет время их составления и классовые позиции авторов⁴⁴.

Акад. М. Н. Тихомиров опубликовал две повести о восстании: одна из них составлена на Ваге земским дьячком Аверкием, с сочувствием относившимся к восставшим⁴⁵, автором другой является москвич — очевидец восстания, с большим неодобрением описавший расправы с деятелями из правящих верхов⁴⁶.

Описание недавно обнаруженной повести и ее текст изданы автором этих строк. Повесть написал, вероятно, представитель московского духовенства, служивший в Кремле. Повесть находится в составе летописца, законченного в конце 1691 — начале 1692 г.⁴⁷ Изданная нами другая повесть написана, вероятно,

⁴³ «Красный архив». 1936, № 6 (79), стр. 150—174.

⁴⁴ А. П. Станевич. Московское восстание 1682 г. [Б/м и б/г], стр. 3—50.

⁴⁵ М. Н. Тихомиров. Заметки земского дьячка второй половины XVII в. — «Исторический архив», т. II. М.—Л., 1939 (далее — М. Н. Тихомиров. Заметки), стр. 93—100.

⁴⁶ М. Н. Тихомиров. Записки приказных людей конца XVII в. «Труды отдела древнерусской литературы» (ТОДРЛ), т. XII. М.—Л., 1956 (далее — М. Н. Тихомиров. Записки), стр. 442—457.

⁴⁷ В. И. Буганов, В. А. Кучкин. Новые материалы о московских восстаниях XVII в. — «Исторический архив», 1961, № 1, стр. 151—153; «Хресто-

1401592

в том же 1682 г. (до казни Хованских в сентябре) очевидцем восстания, представителем приказных низов, близким по своим взглядам к восставшим⁴⁸. В другой статье проанализированы некоторые архивные акты-источники, рассказывающие о подготовке и ходе восстания, откликах на него во Владимирском и Ростовском уездах⁴⁹.

В работе М. И. Белова дается анализ сведений о событиях 1682 г., сообщаемых голландским дипломатическим представителем в Москве бароном Иоганном ван Келлером⁵⁰.

В многотомной академической истории русской литературы дается краткая характеристика «Созерцания краткого» С. Медведева как литературного произведения⁵¹.

Таким образом, к настоящему времени накопилось немало изданных источников, которые с привлечением архивных материалов дают возможность довольно полно и тщательно изучить историю Московского восстания 1682 г. В дореволюционной и советской историографии имеются обзоры источников по этой теме, но их нельзя признать удовлетворительными не только из-за неполноты охвата изучаемых материалов, но и в силу ряда недостатков в истолковании источников. Детальное источниковедческое исследование этих материалов позволяет выяснить их взаимоотношения между собой, степень достоверности, классовую позицию авторов и составителей, значение в освещении запутанных событий 1682 г.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Основными группами источников являются акты, документальные материалы, описания современников, летописи.

Первая группа включает в себя в основном публичные акты, исходящие от правительственных и церковных властей, это ука-

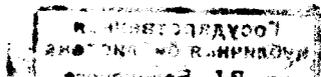
матия по истории СССР XVI—XVII вв.». Под ред. А. А. Зимина. М., 1962, стр. 471, 509—513; В. И. Буганов. Повесть о Московском восстании 1682 г.—«Древнерусская литература и ее связи с новым временем». М., 1967, стр. 317—354; ПСРЛ, т. 31. М., 1968.

⁴⁸ В. И. Буганов. Новый источник о Московском восстании 1682 г.—«Исследования по отечественному источниковедению». Сб. статей, посвященный 75-летию проф. С. Н. Валка. М.—Л., 1964, стр. 318—324.

⁴⁹ В. И. Буганов. Источниковедческий анализ документов о Московском восстании 1682 г.—«Вопросы архивоведения», 1965, № 1; он же. Новый источник о волнениях крестьян Ростовского уезда в 1682 г.—«Крестьянство и классовая борьба в феодальной России». Сб. статей памяти И. И. Смирнова. Л., 1967, стр. 329—332; он же. Из истории Московского восстания 1682 г.—«Славяне и Русь». М., 1968.

⁵⁰ М. И. Белов. Нидерландский резидент в Москве барон Иоганн Келлер и его письма (рукопись канд. дисс.). Л., 1947, стр. 280—346; он же. Письма Иоганна ван Келлера в собрании нидерландских дипломатических документов.—«Исследования по отечественному источниковедению». М.—Л., 1964, стр. 374—382.

⁵¹ «История русской литературы», т. II, ч. 2. М.—Л., 1948, стр. 272.

зы, грамоты, отписки и т. д. Другие документы исходят от различных групп людей (например, челобитные стрельцов отдельных или многих полков и т. д.) и от частных лиц.

Документы не дают полного представления о всех событиях Московского восстания 1682 г., да это и трудно требовать как от них, так и от других источников. Однако преимущество документов состоит в том, что они, так сказать, рождались в гуще событий. Недостающие же звенья могут быть восполнены сведениями из других источников. Кроме того, в ряде случаев содержание документов перекликается друг с другом, подчас противоречит друг другу. Ввиду этого необходимо сравнить их показания и тем самым попытаться внести ясность в представления о сложных, запутанных и противоречивых событиях восстания.

Документальный материал сопровождает все события восстания: его назревание, ход, подавление и отклики на него. Сюда входят различные челобитные, царские указы и грамоты, следственные материалы и др.

К сожалению, не сохранились челобитные стрельцов и солдат, поданные зимой — весной 1682 г. Правда, одна из них, челобитная на стрелецких полковников от 30 апреля, пересказывается в именном царском указе, составленном в начале мая и обращенном к отставленным от должностей полковникам. В челобитных, судя по этому пересказу, стрельцы и солдаты обвиняют своих начальников в различных злоупотреблениях; далее в указе говорится о наказании начальников⁵².

Представляют большой интерес материалы о подготовке восстания. Помимо указанных выше стрелецких челобитных от зимы — весны 1682 г., в этом плане большое значение имеет следственное дело 1684 г. о монахе Псково-Печорского монастыря Иоасафе Сарапе⁵³. Оно состоит из допросов самого И. Сарапа, псковского посадского человека Г. Ф. Лазарева-Станицева, архимандрита Иоасафа, переписки псковских властей с Москвой и содержит важные сведения о намерении московских стрельцов поднять восстание не только в столице, но и в других городах страны, о планах восставших.

В челобитной от имени стрельцов, гостей, посадских людей и ямщиков от 6 июня 1682 г. содержатся обвинения в адрес бояр, дворян, приказных и воинских начальников, с которыми восставшие расправились 15—17 мая того же года; в ней же выражены

⁵² ААЭ, т. IV, № 254, стр. 357—358; С. Медведев. Созерцание краткое лет 7190, 7191 и 7192, в них же что содеяся во гражданстве (далее — С. Медведев. Созерцание). — ЧОИДР, 1894, кн. 4 (171), стр. 49—51.

⁵³ ЦГАДА, ф. 125 (Монастырские дела), д. 28, лл. 1—16; ДАИ, т. XI, № 74, стр. 208—212 (опубликована докладная выписка от 25 августа 1684 г.); Н. Я. Аристов. Указ. соч., стр. 120—121; В. И. Буганов. Источниковедческий анализ документов о Московском восстании 1682 г. — «Вопросы архивоведения», 1965, № 1, стр. 52—54.

требования восставших. Царская грамота от 6 июня пересказывает содержание этой челобитной и содержит ответ на требования восставших⁵⁴.

Ряд актов посвящен описанию воцарения Петра I⁵⁵, а затем, после восстания 15—17 мая, двух царей — Ивана и Петра Алексеевичей⁵⁶. Это окружные грамоты, памяти о восшествии их на престол, записи речей патриарха Иоакима и др. С. Медведев акт о восшествии на царский престол двух царей взял из записной книги Разрядного приказа.

Ряд приказных документов (грамоты, отписки, переписка и т. д.) посвящен событиям июня — августа 1682 г. Они говорят о текущей деятельности московских приказов, удовлетворении некоторых требований стрельцов и солдат, классовой борьбе в московских слободах среди посадских людей.

Челобитные раскольников сохранились в сочинениях патриарха Иоакима и Саввы Романова. Сохранились также челобитная и показание раскольника инока Сергия, грамота новгородского митрополита Корнилия архимандриту Тихвинского монастыря Макарию о казни раскольника Никиты Пустосвята⁵⁷ и др.

Переломным событиям сентября посвящены знаменитый извет на Хованских от 2 сентября, подброшенный на царском дворе в селе Коломенском⁵⁸, и грамоты о казни Хованских в селе Воздвиженском 17 сентября⁵⁹, о сборе военных сил в Троице-Сергиевом монастыре для организации отпора предполагавшемуся нападению восставших на резиденцию царей и Софьи в Троице-Сергиевом монастыре⁶⁰. В извете и грамоте о казни Хованских последние обвиняются в злоупотреблении властью и «злых умыслах» на жизнь членов царского семейства.

В грамотах и указах из Троице-Сергиева монастыря в Москву и посланиях Иоакима правительству из Москвы, сказках и челобитных стрельцов и солдат от сентября — ноября 1682 г. приводится богатый материал о положении в столице после казни Хованских, планах восставших, переговорах Иоакима от их имени с правительством Софьи и капитуляции стрельцов и солдат⁶¹.

⁵⁴ ААЭ, т. IV, № 255, стр. 358—366. С. Медведев. Созерцание, стр. 68—75 (текст царской грамоты, челобитная приводятся в кратком пересказе).

⁵⁵ СГГид, т. IV, № 132, стр. 412—413; С. Медведев. Созерцание, стр. 43—45.

⁵⁶ ААЭ, т. IV, № 257, стр. 367—368; АИ, т. V, № 82, стр. 131—133, № 86, стр. 135—137; СГГид, т. IV, № 147, стр. 441—445, № 150, стр. 452; С. Медведев. Созерцание, стр. 65—67.

⁵⁷ АИ, т. V, № 91, стр. 144—145 и др.

⁵⁸ ААЭ, т. IV, № 258, стр. 368—369; С. Медведев. Созерцание, стр. 98—99.

⁵⁹ АИ, т. V, № 94 и др.

⁶⁰ ААЭ, т. IV, № 262 и др.

⁶¹ ААЭ, т. IV, № 260, 261, 263—271; АИ, т. V, № 95—98; ДАИ, т. X, № 39, 42 и др.

Ряд грамот, указов и других документов говорит о бегстве наиболее активных участников Московского восстания 1682 г. из столицы на окраины, мерах правительства по их задержанию и поимке, о последней вспышке восстания — волнениях в стрелецком полку П. Бохина в конце 1682 — начале 1683 г., о высылке из столицы ряда стрелецких полков в 1683 г., преследовании различных лиц, «с похвалой» вспоминавших события Московского восстания 1682 г.⁶²

Подобного же рода документы говорят об откликах на Московское восстание 1682 г. в южных городах России, во Владимирском и Ярославском уездах и т. д.⁶³

Особую разновидность документальных источников составляют записи в составе сводных книг Разрядного приказа. Представляют интерес опубликованные в «Дополнениях к актам историческим» и «Истории Российской» С. М. Соловьева разрядные записи. Так называемый «разряд без мест» царя Федора Алексеевича содержит записи с 12 января до 27 апреля 1682 г. Среди записей о пожалованиях в чины, назначениях должностных лиц и др. в них находим сведения о стрелцком челобитье 24 апреля, смерти Федора Алексеевича 27 апреля и др. В «книге записной» описаны в основном придворные события с 27 апреля по 24 мая, в том числе волнения стрельцов полка А. Карандеева 27 апреля при целовании креста Петру I, говорится о возвышении Нарышкиных, А. С. Матвеева, стрелцком челобитье 29 апреля, наказании и смене стрелецких полковников и др. В этой «книге» события восстания 15—17 мая не освещаются, так как им посвящена третья, наиболее интересная часть разрядных записей под названием «Смутное время». В ней довольно подробно рассказывается о приходах восставших в Кремль 15—17 мая, переговорах с ними представителей правящей верхушки, требованиях восставших, их расправах с ненавистными деятелями из царского окружения.

Описание последующих событий (с мая по декабрь 1682 г.) также связано с различными событиями Московского восстания 1682 г. Вероятно, эта приказная записка была составлена некоторое время спустя после восстания, так как в нескольких случаях в ней перепутаны даты некоторых событий. Так, извет в Коломенском 2 сентября здесь датирован 20 августа, а декабрьские волнения в стрелецком полку П. Бохина — октябрем⁶⁴.

⁶² ААЭ, т. IV, № 280; ДАИ, т. X, № 54—55 и др.

⁶³ «Красный архив», 1936, № 6 (79); В. И. Буганов. Источниковедческий анализ документов о Московском восстании 1682 г.— «Вопросы архивоведения», 1965, № 1; Н. В. Устюгов. Волнения крестьян Симонова монастыря в селе Ильинском Череможской волости Ярославского уезда в 1682—1683 гг.— «Русское государство в XVII в.», М., 1961.

⁶⁴ С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 336, 338.

Наконец, «книга записная» царей Ивана и Петра Алексеевичей содержит менее интересные для нашей темы записи о придворных событиях с 26 мая по 29 июня. Таким образом, опубликованные записи этих разрядных книг дополняют друг друга. Кроме того, сохранились аналогичные неопубликованные записи, например, за 20 августа — 3 октября 1682 г.⁶⁵ В ряде случаев их содержание перекликается с данными опубликованных «книг записных», актовых источников, с показаниями Медведова и др. Но многие их данные, а подчас и целые документы, приводимые в них, не имеют аналогий в других источниках. Например, в архивных разрядных записях рассказывается о челобитье выборных от восставших полков 23 августа в селе Коломенском, приводятся тексты царских грамот из Воздвиженского в Москву боярину кн. И. А. Хованскому от 14 сентября, патриарху Иоакиму, восставшим стрелецким полкам и др.⁶⁶ В то же время в них отсутствуют упоминания о некоторых событиях или же они освещены с меньшей подробностью в сравнении с другими источниками.

В другом неопубликованном отрывке из разрядных записей рассказывается о придворных событиях 24—25 сентября 1682 г.⁶⁷

В фонде канцелярии Правительствующего Сената в ЦГАДА (в составе книги за 1721 г.) сохранились выписки из «разрядных дел», составленные по именному указу Петра I от 12 декабря 1715 г. Указом предписывалось «сыскать и выписать подлиннее» из дел бывших Разрядного, Стрелецкого и других приказов сведения «о всех знатных делах воинских, гражданских, также о розыскных и о бывших бунтах в государстве Росиком с начала государствования его величества, дабы, собрав все то, выписав, прислать в Санкт-Петербурх в скором времени»⁶⁸. В московской канцелярии Сенатского правления была составлена «ведомость» из «розрядных дел» о различных событиях за 1682—1708 гг. Здесь приводятся сведения о военных действиях, гражданских узаконениях и т. д. Значительное место занимают в них записи о «бунтах» — восстаниях 1682 и 1698 гг., заговорах Ф. Шакловитого 1689 г., И. Цыклера и А. Соковнина 1697 г., о гетмане И. Мазепе⁶⁹.

Сведения, относящиеся к истории Московского восстания 1682 г.⁷⁰, начинаются с известий о «походе» в августе этого года

⁶⁵ ЦГАДА, ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Приказного стола, д. 609, лл. 1—119.

⁶⁶ Там же, лл. 1—2, 8—14, 15, 26—29, 45—50, 62—71 и др.

⁶⁷ ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Московского стола, д. 635, лл. 783—784.

⁶⁸ ЦГАДА, ф. 248, д. 650, л. 498.

⁶⁹ Там же, лл. 499—641; то же см. — ЦГАДА, ф. 181 (Рукописный отдел библиотеки МГАМИД), д. 346/726, лл. 1—80 (рукопись второй половины XVIII в.).

⁷⁰ Там же, ф. 248, д. 650, лл. 499—507.

царей Ивана и Петра Алексеевичей из Москвы в Коломенское, затем в Павловское, Савво-Сторожевский монастырь, село Воздвиженское (Софья, ставшая к этому времени, после восстания 15—17 мая, правительницей, нигде даже не упоминается, хотя она играла значительную роль в событиях). Приводится список лиц, оставленных в Москве для управления делами; это — бояре кн. И. А. Хованский, П. М. Плещеев, окольников К. О. Хлопов, И. Ф. Пушкин, думные дворяне В. М. Тяпкин, И. И. Сухотин и думный дьяк И. С. Горохов. После сообщения о казни Хованских в Воздвиженском 17 сентября помещены интересные сведения о «великом страховании и смятении» в Москве среди стрельцов и солдат. Они «учинили зборы ратным обычаем, ходили в городе (Кремле.— В. Б.) и везде с копыи и со всяким ружьем, ис Пушечного двора пушки розвезли к себе по полкам, а иные ввезли в Кремль, и всякие воинские припасы розобрали по себе и роздали розных чинов людям». Далее говорится об устройстве караулов по всему городу, крепостей по земляному валу; свои семьи и пожитки солдаты и стрельцы перевезли из слобод в Белый город. Таким образом, восставшие — солдаты, стрельцы и москвичи, примкнувшие к ним, — приготовились к борьбе. Все эти сведения дополняют сообщения других источников новыми данными об обстановке в столице после казни Хованских.

Столь же интересны сведения о сборе для борьбы с восставшими дворян не только в Троице-Сергиевом монастыре, но и в других местах: в Переяславле-Залесском, Коломне и Серпухове. Далее говорится, что после принесения повинной стрельцами и солдатами всем дворянам, а также «приказным, дворовым и коношенного чину людям, гостем, дохтуром и иных таких чинов людям» приказано было ходить «на Москве и в походах» (т. е. в столице и во время царских выездов из нее) в полном вооружении — «с саблями и с шпагами и с иным ружьем». Но «купецким и надворной пехоте», т. е. рядовым горожанам и стрельцам, которым, очевидно, не было веры, разрешалось ходить по Москве с саблями только во время пребывания на караулах; «купецким и иных нижних чинов людям и надворной пехоте, которые не на карауле, с ружьем не ходить». Ту же боязнь властей перед возможным повторным выступлением низов выдает и указ от 4 января 1683 г., согласно которому ворота Белого города (в пределах современного Бульварного кольца) велено было закрывать с начала 4 часа ночи (ночь, по тогдашнему счету времени, началась с наступления темноты, день — с рассвета), а открывать за 3 часа до рассвета. В это время в Белый город нельзя было никого впускать, но выпускать из него свободно разрешалось.

В конце выписок говорится о царской «похвале» боярским людям (холопам) за их лояльное поведение во время восстания и ссылке стрельцов и «иных чинов людей» — участников «бунта» в «розных месяцах и числах» 7191 (1682/83) г. «за смутные и иные

непристойные и московского смутного времени похвальные слова».

«Статьи», посланные в стрелецкие полки, — о том, что «им того дела не всчинать и не мыслить и не похвалятца», — приводятся здесь в сокращенном виде; более полно они передаются у С. Медведева⁷¹.

СООБЩЕНИЯ РУССКИХ СОВРЕМЕННОКОВ

Наряду с документальными источниками большое значение в изучении Московского восстания 1682 г. имеют описания современников, в первую очередь русских. На первое место здесь нужно поставить, конечно, обстоятельный труд С. Медведева⁷², человека даровитого и образованного, к тому же известного и почитаемого при царском дворе. Ученик и преемник Симеона Полоцкого, земляк Ф. Шакловитого, ставшего фаворитом Софьи Алексеевны, он играл немалую роль при ее дворе. Он имел доступ в государственный архив, и этим прежде всего объясняется ценность его записок о восстании 1682 г. и последующих событиях. Поскольку последняя запись у С. Медведева датируется 7 января 1684 г., можно считать, что его сочинение было закончено в том же 1684 г. В нем подробно рассказывается о многих событиях восстания, начиная с зимних и весенних волнений в стрелецких полках и кончая ссылками восставших после окончания движения. Главная ценность записок состоит в том, что автор приводит полностью или в изложении ряд документов, которые до нас не дошли в подлинниках или в передаче других источников. Так, у С. Медведева помещены сказки стрелецким полковникам, произнесенные им перед наказанием по требованию стрельцов⁷³, жалованная грамота стрельцам от 6 июня, ряд царских грамот (о сборе ратных людей и др.), переписка патриарха Иоакима с царским двором, отсиживавшимся в Воздвиженском и Троице-Сергиеве монастыре, и др. Ряд подобного типа документов, опубликованных в «Актах Археографической экспедиции» и других изданиях, взят именно из записок С. Медведева.

Другая ценная особенность записок Медведева — довольно объективное освещение событий восстания. Он отмечает, что выступление стрельцов имело серьезные причины — притеснения начальников и царских временщиков. Из его сочинения видно, что в движении принимали участие, помимо стрельцов, другие слои населения столицы, что восставшие оказывали влияние на

⁷¹ С. Медведев. Созерцание, стр. 141—151; см. также ААЭ, т. IV, № 266-II, стр. 381—387.

⁷² Там же, стр. 40—197.

⁷³ Там же, стр. 49—51, 69—75, 100—105.

дела управления государством. Гораздо менее пристрастный по сравнению с А. А. Матвеевым, Медведев тем не менее не избегает тенденциозности. Он старается не упоминать о роли Софьи и ее клеветов в событиях. Софья, действия которой он воспекает и идеализирует, выступает у него носительницей порядка, мудрой и храброй правительницей. Он осуждает расправы восставших с ненавистными деятелями из правительственного лагеря, а также действия раскольников против представителей официальной церкви, в том числе и патриарха Иоакима, к которому С. Медведев относился с большой личной антипатией.

Довольно подробно описаны события восстания А. А. Матвеевым⁷⁴, сыном убитого во время «бунта» боярина А. С. Матвеева. А. А. Матвеев являлся видным деятелем из окружения Петра I — он был дипломатическим представителем России в Австрии и Голландии, сенатором, президентом Юстиц-коллегии. Ревностный приверженец Петра I и его нововведений, он воспекает его деяния и с ненавистью относится к его противникам — Софье, Милославским и их сторонникам. В его изображении восставшие в 1682 г. стрельцы — орудие в руках властолюбивой царевны и Милославских. Вообще он большое место в записках отводит интригам своих врагов, в его описании нет ни слова о тяжелом положении стрельцов, бесчинствах начальников, об участии в восстании других слоев московского населения и т. д. Он решительно отвергает обвинения в адрес начальников, считая их вымышленными. Более того, он утверждает, что стрельцы начали бунтовать... от богатства! К действиям восставших он относится с нескрываемой ненавистью, в его глазах они — «подлая самая чернь», а погибшие от их рук бояре и начальные люди — это невинные агнцы. К тому же записки были написаны Матвеевым много лет спустя после восстания — так, он упоминает о «блаженной памяти» царевне Чталье Алексеевне, умершей в 1716 г. Поэтому в его рассказах встречается немало ошибок и путаницы. Он наблюдал восстание в течение 15—17 мая, когда скрываясь от народного гнева в покоях царицы Марфы Матвеевны. Затем тайно выведенный из Кремля «карлой» Комаром, Матвеев находился сначала в доме священника у Пречистенских ворот, потом у конюха; у них он прятался вплоть до прекращения восстания и не мог сам наблюдать многое из того, что он описал впоследствии уже на основании рассказов москвичей, слухов и т. д. Вследствие этого события после 17 мая 1682 г. им описаны более кратко и сухо. Его записки отличаются тяжеловесным, витиеватым языком.

Все сказанное говорит о том, что записки Матвеева, до крайности пристрастные и тенденциозные, требуют тщательной кри-

⁷⁴ «Записки русских людей», стр. 1—47.

тической проверки данными из других источников. Вместе с тем Матвеев приводит ряд любопытных подробностей, деталей о восстании, дополняющих показания других источников.

Близко к этим запискам стоит анонимное сочинение, посвященное ссылке боярина А. С. Матвеева, его освобождению и гибели в 1682 г. Основное место занимают в нем челобитные сосланного в 1676 г. боярина А. С. Матвеева царю Федору Алексеевичу, патриарху Иоакиму и письма влиятельным московским боярам, в которых опальный старается отвести обвинения в его адрес. Гораздо более скромное место отведено описанию возвращения боярина и его сына Андрея из ссылки в 1682 г., его гибели 15 мая 1682 г.⁷⁵ Восстание 15 мая описано очень бегло, собственно только в той его части, которая касается героя повествования. В представлении неизвестного автора, причиной восстания и гибели «неповинного агнца» А. С. Матвеева и других «неповинных» бояр были интриги Милославских и их сторонников. Стрельцы — это «безбожные воры и изменники», забывшие страх божий, крестное целование и «рабскую свою крайнюю низость». Не называя поводы для восстания стрельцов, он отвергает их как «самые вымышленные и лживые причины и наглые спросы», старается опорочить их как «варварское изменниче сонмище», рыкающее «из неукротимого и безобразного пьянства своего», хотя известно, что во время событий 15—17 мая стрельцы не допускали пьянства, грабежей и т. д. Таким образом, позиция анонимного автора, ненавидевшего участников восстания и сплетавшего посмертный венок своему погибшему герою, ясна и недвусмысленна — она очень схожа с позицией А. А. Матвеева, сына убитого боярина, сопровождавшего отца и во время ссылки, и при возвращении в Москву и наблюдавшего сцены гибели бояр, в том числе и своего родителя. В описании и оценке событий восстания, боярских интриг, даже в стиле оба эти сочинения — анонимная «История о невинном заточении» и записки А. А. Матвеева — имеют много общего. Анонимная «История» была написана, вероятно, лицом, близким к А. С. Матвееву и его сыну Андрею. Известно, что вместе с ними в ссылке находились учитель молодого Матвеева — И. Л. Подборский, происходивший из мелкой польской шляхи, и священник Василий Чернец. Столь же вероятно предположение, что оно принадлежит перу самого Андрея Артамоновича Матвеева, ставившего целью оправдать своего отца, воспеть его мученический конец. Об этом как будто говорится в новом, недавно обнаруженном списке этого сочинения. Он имеет заголовок «Оправдание о безвинном разорении и о семилетнем страдании бывшем в ссылке в Пустозерском остроге боярина Артамона Сергеевича и сына его комнатного столника Андрея Артамоновича Матвеевых с 7184-го по 7190-й год

⁷⁵ «История о невинном заточении...», стр. 409—427.

при державе пресветлейшаго г. ц. и в. к. Феодора Алексеевича в. В. и М. Б. Р. с.». В печатном тексте отсутствуют это заглавие, имя приставы у Матвеевых в Пустозерском остроге (стольник Г. Я. Тухачевский), краткое изложение содержания и, наконец, имя автора «Оправдания» или по крайней мере основной его части: «А те все подлинныя челобитныя (из которых в первую очередь и состоит сочинение.— В. Б.) писаны были собственною рукою сына ево Андрея Артемоновича»⁷⁶. «История» написана, возможно, в конце XVII в., так как в ней говорится как о недавнем событии об обряде казни останков боярина И. М. Милославского.

Менее интересны сведения о восстании, сообщаемые И. А. Желябужским. Он не был свидетелем событий восстания, так как вскоре после смерти царя Федора Алексеевича 27 апреля его послали на Украину с известием об этом прискорбном событии к гетману И. Самойловичу. Поэтому события восстания описаны у него весьма кратко; в записках приводится царская грамота московским жителям от 21 сентября 1682 г. о казни Хованских с приложением извета на них же в Коломенском 2 сентября. Очень кратко и сухо говорится и об окончании «смуты»⁷⁷. Таким образом, эти записки, законченные не ранее 1709 г., до которого они доведены, дают исследователю мало нового. В их основе лежат, вероятно, дневниковые записи, которые автор вел более или менее регулярно. Но события восстания 1682 г. он описал, вероятно, по рассказам современников, а частично по официальным источникам.

Из сочинений церковников центральное место занимает, несомненно, труд Саввы Романова⁷⁸, бывшего келейника архимандрита Макарьевского на Желтых Песках монастыря, затем убежденного раскольника и сторонника Никиты Пустосвята, активного участника «раскольничьего мятежа» летом 1682 г. В своей записке, составленной вскоре после событий, Савва Романов лишь мимоходом говорит о майских событиях «смуты» и основное внимание уделяет борьбе раскольников с представителями официальной церкви. Ценным являются его данные о позиции посадских людей, стрелецких полков, Хованского во время «раскольничьего мятежа», описание «при» (диспута) в Грановитой палате и др.

С резко противоположных позиций написаны сочинения главы православной ортодоксальной церкви патриарха Иоакима, составленные в дни восстания 1682 г. Он обличает «ересь» Никиты Пустосвята и его единомышленников, по пунктам разбирает

⁷⁶ Ульяновский дворец книги, отдел редких книг и рукописей, д. 6, л. 1—1 об. Рукопись в 1°, 128 л., скоропись второй половины XVIII в.

⁷⁷ Ж е л я б у ж с к и й. Записки, стр. 1—14.

⁷⁸ С. Р о м а н о в. История о вере, стр. 111—148.

челобитную раскольников, поданную летом 1682 г.⁷⁹ Ценным в его писаниях являются вынужденные признания об участии широких слоев московского населения в событиях «раскольников-его мятежа».

ЛЕТОПИСНЫЕ ПОВЕСТИ И ЗАПИСИ

Особую группу источников составляют описания русских современников восстания, имеющие форму летописных повестей, записей.

Наибольший интерес представляют летописцы, содержащие подробное описание Московского восстания 1682 г. в форме летописных повестей — своеобразных записок современников.

Первая, небольшая по объему, повесть находится в составе краткого летописца, написанного земским дьячком Благовещенского погоста на Ваге. Летописные записи охватывают время от «начала великого княжения Московского» до 1691 г. Известия за вторую половину XVII в. посвящены в основном описанию местных событий. Но в текст этих памятных записей, как их называет М. Н. Тихомиров, вставлена своеобразная повесть о Московском восстании 1682 г. В ней кратко говорится о челобитье московских стрельцов и солдат на своих начальников после смерти царя Федора Алексеевича 27 апреля 1682 г., о правяже денег с полковников, наконец о восстании 15—17 мая. В повести заметно использование в качестве источника известных стрельцких челобитных и грамот победившим стрельцам и солдатам⁸⁰. Автор неточно передает некоторые факты, путает имена и фамилии исторических деятелей (так, он пишет: Артамон Сергеевич Нарышкин вместо правильного — А. С. Матвеев и т. д.), однако основные события восстания освещаются хотя и кратко, но правильно. Очень важным является указание на участие в событиях майского восстания «московских людей черных слобод и всяких чинов», «великое множество» которых сходилось на Красную площадь «с ослопьем и з дрекольем»⁸¹. Автор с симпатией относится к восставшим.

Несравненно более богато содержание другой летописной повести, по форме тоже своеобразных записок, составленных неизвестным приказным деятелем — очевидцем восстания⁸². Рассказывая о расправах восставших, автор подчеркивает, что среди них не было никого из начальных людей. Очень живо описывается попытка членов царского семейства уговорить восставших и спасти от расправы боярина И. К. Нарышкина и др.

⁷⁹ Иоаким. [Слово на Никиту Пустосвята]; он же. Увет духовный.

⁸⁰ М. Н. Тихомиров. Заметки, стр. 93—100; ср. ААЭ, т. IV, № 255.

⁸¹ М. Н. Тихомиров. Заметки, стр. 99.

⁸² М. Н. Тихомиров. Записки, стр. 443—444, 448—456.

(«со слезами у стрельцов просили» и т. д.). В повести приводится отсутствующий в других источниках список лиц, сосланных после восстания (Нарышкины, их родственники и сторонники). При описании «раскольничьего мятежа» подтверждается участие в нем «множества народа».

Автор, с неодобрением смотревший на действия восставших, признает, что летом 1682 г. стрельцы и солдаты были хозяевами положения в столице — «владели всем Московским государством стрельцы, что хотели, то делали». Живо описаны арест и казнь Хованских в Воздвиженском, окончание восстания и возвращение царского семейства с двором в Москву.

Столь же интересна и содержательна повесть о Московском восстании 1682 г. в составе сборника из Соловецкого монастыря⁸³. Она находится в составе летописца 1619—1691 гг., составленного, вероятно, в конце 1691 — первой половине 1692 г. современником событий Московского восстания, возможно, лицом церковного звания, служившим в одном из кремлевских соборов или церквей⁸⁴.

К этому же времени нужно отнести и окончание повести, являющейся основной частью всего летописца и представляющей исключительный интерес в качестве исторического источника. Она занимает две трети всего объема летописца. Автором повести, несомненно, является автор всего летописца.

Большинство приведенных в ней данных перекликается с показаниями других известных нам источников, но в повести содержится много деталей, отсутствующих в документах или записках современников и представляющих большой научный интерес.

Первая часть повести начинается с описания смерти и погребения царя Федора Алексеевича в 1682 г. Затем сообщается о брожении в солдатских и стрелецких полках: «человецы ненавистницы», «смутницы», по словам автора, «яко волцы ходяще посреде овец, всею ратию возмутиша». Они распускали в народе «лживыя глаголы..., яко боляре всем обиды творят и стеснение великое, суд и росправу чинят несправедно всему христианству ради мзды своея, сирых и бедных не щадыще, разорения и беды им сотворяют и домов отжениют, нападают всякими неправдами, себя обогащают и домом своим прибитки чинят, а народ губят». Жители Москвы с сочувствием относились к этой агитации («простии же человецы у них слушающе, чают, яко правду глаголют, присташа к ним»). Стрельцы и солдаты «совет сотво-

⁸³ ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Отдел рукописей, Соловецкое собрание, (далее — ГПБ, ОР, Солов. собр.), д. 988 (878), лл. 702—730 об.

⁸⁴ См. об этом более подробно: В. И. Буганов. Повесть о Московском восстании 1682 г.—«Древнерусская литература и ее связи с новым временем». М., 1967; ПСРЛ, т. 31, М., 1968.

риша, всеми полками во единомыслии сташа», избрали в полках выборных представителей, которые должны были продолжать агитацию в столице.

Очень интересны сообщения повести о содержании «мятежных слов», которые распространялись в Москве накануне восстания: царевич Иван Алексеевич «в возрасте», поэтому ему можно царствовать, другой царевич — Петр — «вельми юн, токмо 9 лет и 11 месяцев, како ему царством владети, аще не бояром богатеть? И народ весь погубят». Сторонники Нарышкиных, друзья А. С. Матвеева обвинялись в стремлении захватить власть («государством владети бы и людьми мять им, бояром»).

Ряд дополнительных сведений приводит повесть о стрелецких и солдатских челобитных на своих начальников до и после смерти Федора Алексеевича. Тексты этих челобитных до нас не дошли, но сохранились краткие пересказы челобитной от 30 апреля 1682 г. в майском именном царском указе полковнику С. Грибоедову, в жалованной грамоте солдатам выборного полка Р. Жданова (до конца апреля полком командовал генерал М. Кравков) от ноября того же года, приводимых в сочинении С. Медведева⁸⁵.

Повесть более подробно пересказывает содержание стрелецкой челобитной, поданной «во 190-м году, тогда еще царствующу... Федору Алексеевичу»; стрельцы жаловались на то, что полковники заставляли их пахать и «копани» копать и т. д. Здесь же приводятся новые известия о «словесном челобитье» стрельцов на С. Грибоедова, сказанном царю, «как был выход по переграде».

Повесть приводит любопытные сведения о подготовительных мерах, которые стрельцы и солдаты предпринимали накануне восстания: в Земляном городе «круг царства» были поставлены «стражи крепкие», сами стрельцы и солдаты «яко на рать изготовившеся», у съезжих изб соорудили деревянные походные городки, «яко во осаде седши». Одновременно стрельцы избрали из своей среды по пять и более челобитчиков от каждого приказа. Последние били челом царю Петру и просили отдать стрелецких полковников на правож «в начотных их деньгах», «и по розыску они, полковники, во всем повинилися», после чего были подвергнуты наказанию.

Наибольшее внимание уделяется в повести событиям 15—17 мая, о которых она приводит ряд новых подробностей: 15 мая в 10-й час дня все стрелецкие полки подали друг другу вести выстрелами из «вестовых» пищалей, ударили в «сполошныя борабаны» и у своих приходских церквей начали бить в колокола «по-набатному», затем «всеми враты» вошли в Кремль

⁸⁵ ЧОИДР, 1894, кн. 4, стр. 41—42.

«и сташа круг царева двора со всех стран, отыкався копии и бердыши, яко к неприятелскому граду приступати хотящим».

После переговоров восставших с боярами кн. И. А. Хованским и П. М. Салтыковым, патриархом Иоакимом вышли Петр и Иван Алексеевичи с матерью, многие думные и «комнатные ближние» люди (по фамилиям называются 17 бояр). Успокоившиеся было стрельцы и солдаты спустя полчаса «стали просити воров и изменников — бояр и думных людей... и стали у копей отрубати концы, чтобы им в государевых хоробах недолги были дrevка копейные, чем бояр колоть».

Далее подробно описаны расправы с боярами и другие события восстания, о которых сходно говорится и в других источниках, за исключением некоторых новых деталей. Подробно излагаются обращенные к восставшим «речи» царицы Натальи Кирилловны и царевен и т. д. Вторую часть завершают записи об избрании «первым» царем Ивана Алексеевича и венчании на царство обоих братьев.

В третьей, заключительной, части повести сообщается о событиях лета — осени 1682 г. Наибольший интерес здесь представляет сообщение об участии в восстании московских холопов: восставшие «присовокупляще к себе от господ беглых рабов в стрельцы», вместе с ними ходили по домам для взыскания «долгов».

В случае поимки господином своего беглого холопа, который «с караулом» приводился «в приказ к записке», «они же, самовольницы, невежди, за их, беглых, мнози прихождаху, не токмо господина того, но и суди[я]м грозяще копиями заклати, рекуще, яко они хошут сами царем служити».

Судьи не смели возражать восставшим стрельцам и холопам, которые, таким образом, освобождались путем вступления в стрельцы. Далее в повести бегло рассказывается о роли Хованского, отъезде царей из Москвы, слухах про сбор ополчения против стрельцов под Москвой и тревогах в столице, о казни Хованских в Воздвиженском и прекращении восстания.

Таким образом, повесть является важным источником о Московском восстании 1682 г. Она обладает известными литературными достоинствами, написана простым, очень живым, образным языком и в ряде случаев почти в «зримой» форме воссоздает события того времени.

Близка к указанным памятникам повесть о Московском восстании 1682 г., сохранившаяся в составе сборника богословского содержания XVII в.⁸⁶ Ее особенность состоит в том, что она составлена человеком, с явным сочувствием писавшим о

⁸⁶ Государственный исторический музей (ГИМ), Барсовское собр., № 1578, лл. 336—341 об. На лл. 1—335 помещены слова и поучения «отцов церкви», на лл. 342—348 — записи о заговоре И. Цыклера 1697 г.

стрелецких невзгодах и обидах, виновниками которых автор без обиняков называет их начальников и бояр. Так, когда стрельцы хотели побить «до смерти» своих полковников после их ареста по стрелецкому челобитью юному царю Петру I, то «бояра за них стали и взяли в Розрядной приказ и стали у них (стрельцов.— В. Б.) упрашивать, чтобы не бить никого насмерть»⁸⁷.

Автор, как и все вообще восставшие, стоит на царистских позициях, верит или хочет верить, что слух об убийстве царевича Ивана Алексеевича, послуживший поводом к восстанию, имел под собой почву. Автор горячо сочувствует восставшим, знает их тяжелую жизнь в условиях боярского и начальнического произвола, одобряет их классовую месть по отношению к своим угнетателям.

Повесть невелика по объему и охватывает события начиная с подачи челобитной на С. Грибоедова и кончая списком убитых 15—17 мая. К сожалению, не сохранилось начало повести, первые ее слова приписываются автором стрельцу, подавшему челобитную на стрелецких начальников царю Федору Алексеевичу. Царь велел «распросить накрепко» С. Грибоедова, что подтверждает С. Медведев («по тому их челобитью велено государским повелением вскоре розыск и указ учинить») ⁸⁸. Наибольший интерес представляет здесь пересказ стрелецкой челобитной, дополняющий известные по другим источникам сведения.

Интересно указание повести на то, что стрельцы, «отбившие» от наказания своего товарища, челобитчика на Грибоедова, решили на общем совете стоять заодин «и написали роспись за своими руками (т. е. со своими подписями.— В. Б.), кольке на полковниках взять государевы казны». Кроме того, оказывается, что стрельцы решили бить челом не только на полковников, но и на других командиров (сотных, пятидесятников и десятников) за то, что они «ушничали с ними, полковниками, заедино, нас изгоняли; и тех бити насмерть и с роскату бросать». Здесь же называется фамилия одного из пятидесятников (Морозов), с которым расправились стрельцы, бросившие его с роската. Столь же ново и интересно сообщение о том, что стрельцы решили взыскивать «начетные деньги» (за недоданное им жалованье, поборы, взятки с них и т. д.) не только с полковников, но и с бояр, сидевших в Стрелецком приказе. Это известие делает понятным расправу в середине мая с начальником этого учреждения боярином кн. Ю. А. Долгоруким, хотя до последнего времени имеет хождение версия, согласно которой стрельцы убили его только за угрозы в их адрес⁸⁹.

⁸⁷ ГИМ, Барсовское собрание, № 1578, л. 339 об.

⁸⁸ ЧОИДР, 1894, кн. 4, стр. 42.

⁸⁹ См. С. К. Богоявленский. Хованщина.— «Исторические записки», т. 10.

Можно думать, что автор повести если и не был участником событий 1682 г., то во всяком случае наблюдал за ними с явным сочувствием и одобрением по отношению к стрельцам. На них и сосредоточено его внимание, он не говорит об участии в движении других слоев московского населения (солдат, пушкарей, посадских людей, холопов) и не упоминает о событиях, происходивших после 15—17 мая. Цель его рассказа — обоснование стрелецкого выступления; с этой целью используются с явной натяжкой мнимые «речи» царевича Ивана Алексеевича. Это как будто говорит о том, что автор, принадлежавший, вероятно, к московским низам (об этом свидетельствует простонародный слог его сочинения), близок к восставшим стрельцам. Он сам был, возможно, стрельцом, из которых нередко выходили площадные подьячие, обладавшие бойким стилем письма, или же мелким приказным служащим — подьячим, писцом. Повесть, вероятно, составлена вскоре после майских событий, в том же 1682 г., во всяком случае до середины сентября этого года, когда после казни Хованских (17 сентября) и принесения повинной стрельцами и их союзниками не могло быть и речи о сочувственном по отношению к восставшим освещении событий Московского восстания 1682 г.⁹⁰

Менее подробны сведения о Московском восстании 1682 г. в составе других летописцев, тем не менее они должны быть учтены при исследовании вопроса. В одном из кратких летописцев приводится список бояр и дворян, убитых и отправленных в ссылку во время событий в мае 1682 г.⁹¹

Более интересны сведения краткого летописца с записями от древнейших времен до 1690 г. Он был составлен, очевидно, не ранее этого года при дворе патриарха Адриана, сменившего умершего в том же году Иоакима⁹². В центре его внимания в записях за XVII в. царское семейство и патриарший дом. В летописце описываются только события 15 мая 1682 г. Восставшие для автора — «убийцы злии... лютейши разбойник», «зломысленныя коварники», пришедшие «во град Кремль... яко к неприятельскому граду приступати хотящим». Далее сообщается, что переговоры с восставшими вели бояре кн. И. А. Хованский, П. М. Салтыков, патриарх Иоаким. Участники восстания требовали от бояр показать царевича Ивана Алексеевича, якобы убитого Нарышкиными. Со «святейшим» патриархом они обошлись более сурово: «Они же и в дело его не поставиша, вси

⁹⁰ Более подробно см.: В. И. Буганов. Новый источник...

⁹¹ ГБЛ, Музейное собр., д. 1341, лл. 74об.—75 (рукопись, помимо этого, включает сочинения А. А. Матвеева и П. Н. Крекшина; список относится к 1766 г.).

⁹² ГБЛ, д. 199 (Никифоровское собр.), д. 69, записи о восстании 1682 г. на лл. 101—104. О летописце см.: А. Н. Насонов. Летописные памятники хранилищ Москвы.— «Проблемы источниковедения», вып. IV, М., 1955, стр. 277.

воскричаша, яко ты не глаголи ничто, не слушаем тя, яко лжу глаголеши нам; и хотяху его убити. Он же отъиде от них». Выход Ивана и Петра Алексеевичей описан сходно с другими источниками. Расправы описаны общими словами, из убитых по фамилии называется только боярин А. С. Матвеев. Автор сокрушается и негодует на стрельцов, осмелившихся не только переступить порог царского дома, но вести себя в нем без всякого почтения к его обитателям. Подробно передаются «речи» «благородной церевны» Софьи, увещевавшей стрельцов, молившей их отстать от «злого умысла». Но они «на умоление не склонилишася, прошения царского не послушавше... вскричаша с прошением зелным о боярех и о велможах, нарицая их изменниками, дабы их дати на смерть». Далее отмечается, что «государю» трижды кланялись восставшим, «но не упростиша. Они же, окаяннии, потом побиша множество бояр и велмож и ближних знатных людей». Дальнейшие события не привлекли внимания составителя, ограничившегося в конце описания фразой: «И прекратися мятеж невскоре».

Записи этого летописца перекликаются в ряде случаев с другими источниками, особенно близко стоят они к повести о восстании 1682 г., помещенной в сборнике из собрания Соловецкого монастыря. Но в них имеется и ряд новых моментов, деталей, дополняющих показания других источников.

В другом летописце, содержащем записи с древнейших времен до 1699 г., особенно подробно описываются события 1682—1699 гг.

С самого начала в летописце проводится мысль о преступности стрелецких выступлений, начиная с 1682 г., «сговоре» с ними злокозненной Софьи. По идейной направленности летописец смыкается в освещении событий 1680—1690-х годов с записками П. Н. Крекшина, данные которых в нем используются, и других усердных хвалителей Петра I и хулителей Софьи. По содержанию записи летописца во многом напоминают упоминавшиеся выше выписки из «розрядных дел» за 1682—1708 гг. Событиям восстания посвящено в летописце немало страниц (более 25 листов)⁹³, однако многочисленные трафаретные похвалы в адрес юного Петра и его матери и недоброжелательные замечания в адрес Софьи и восставших снижают их достоинство в качестве источника. Многие из того, что он сообщает, известно по другим данным. Однако в нем подтверждаются в ряде случаев интересные показания других источников, в других — приводятся любопытные дополнения.

Стрельцы выступили 15 мая, согласно летописцу (и позднейшей официальной версии, отраженной в записках П. Н. Крек-

⁹³ ГБЛ, Музейное собр., д. 9479, лл. 164—190 об. Рукопись в 1°, 220 лл., написана скорописью середины XVIII в., летописец — на лл. 1—211 об.; см.: А. Н. Насонов. Летописные памятники, стр. 284.

дина), по проискам Софьи, Милославского и их клеветов, один из которых, Петр Толстой, «борзо скакал по полкам и кричал: „Нарышкины царевича Иоанна убили“». Расправы стрельцов с боярами — следствие козней Софьи, подсылавшей своих людей и подпавивавшей стрельцов. Интересно сообщение о том, что во время этих событий царица Наталья Кирилловна «от зельные печали и от страха обмираше», молила всех о помощи, но никто не смел стрельцам «противно говорить». Из других источников известно, что боярин кн. М. Ю. Долгорукий обратился к стрельцам, стоявшим у Красного крыльца, с бранью и угрозами; это послужило поводом к стрелецким расправам. Здесь же об этом умалчивается, говорится только, что князь «увещевал» стрельцов по повелению государей. Во время расправ, сообщает летописец, «пред убивством тогда вышепоменованных лиц проповедник в крузе мятежникам стоящим изъясляше, аки бы оныя злодеи и достойны той казни». Это интересное свидетельство говорит о наличии среди восставших своеобразных судей, предводителей, выступавших от имени восставшего народа.

Из изложения летописца ясно видно, что восставшие вели себя угрожающе по отношению к представителям царской власти; они приходили в Грановитую палату, где «в великом страхе, ожидая лишения живота своего», сидели Наталья Кирилловна, царь Петр и царевич Иван. Они «великой государыне безстыдно о отце» и о брате ее говорили: «Не укроешь и неволею отдашь в наши руки. Великая же государыня и государи ничто смея речи страха ради, токмо лияшесь слезами».

16 мая стрельцы пришли к «царским чертогам» «с премногим безчинством, являя всем смерть, аще в предбудущей день не отдадут» К. П. и И. К. Нарышкиных. Далее следуют росказни о мнимых зверствах стрельцов в столице в тот же день. Здесь же повторяются басни о том, что «чернь», т. е. простой люд Москвы, ожидала сигнала от холопов, чтобы выступить против стрельцов, а холопы, не желая принять из их рук свободу, угрожали стрельцам: «Лежать будет вашим головам на площади, до чего добунтуете, российская земля велика, вам не овладеть».

После сооружения столпа на Красной площади стрельцы, получившие одновременно грамоты о своих заслугах во время майских событий, несли эти грамоты, по любопытному замечанию летописца, «на главах в приказ (Стрелецкий.— В. Б.) и тогда велели по церквам звонить в колокола, а ис приказу, доколе несли в съезжия избы, тогда играли музыка поход. И от той похвалы в стрелцах стало превозношение и глубокия замыслы, бояря и чиновныя люди оных почитали и при столах своих сажали, бояся от них убиения».

Нападая на раскольников — участников движения 1682 г., летописец сообщает в то же время, что в их «совете» участвовал «мног народ промышленники и чернь».

Во время «прения» раскольников со сторонниками официальной церкви 5 июля («сборище многонародное и дерзостное») «стрельцы возмущася и чернь многа». Они бросали камнями в патриарха Иоакима, увещевавшего их перед тем в Успенском соборе, и изгнали его «со всем священным ликом» из церкви.

В летописце сообщается о фактическом разъединении стрельцов, одни из которых поддерживали официальную церковь и царскую власть, другие выступали сторонниками раскольников. Описание «при» 5 июля дано в официозных тонах (вплоть до «речей» 10-летнего Петра против раскольников!). Интересный штрих передается относительно выборных стрельцов после этих событий: были выбраны сторонники Софьи, «верные» ей.

С радостью сообщается о сборе дворянского войска (до 100 тыс.) у Троице-Сергиева монастыря, казни Хованских и выборных стрельцов «Бориса Казанцева с товарищи» (37 чел.). Описывая «смещение» в Москве, летописец сообщает, что стрельцы раздали оружие горожанам, готовясь к борьбе с дворянским войском. Однако, сознавая невыполнимость этого намерения, стрельцы принесли повинную. Летописец сообщает, что 3700 стрельцов — «зла начателей» («начальные бунта») — прибрели в Троице-Сергиев монастырь и положили свои головы в знак признания вины на плахи и топоры, после чего получили прощение. Составитель пытается описать эту сцену в «трогательных», верноподданнических тонах, выдвигая на первый план царицу Наталью Кирилловну, хотя не она, а Софья (о которой здесь не говорится) и ее сторонники играли ведущую роль в событиях осени — зимы 1682 г.

В одном из рукописных сборников Музейного собрания, содержащем Новгородскую III летопись с рядом дополнительных статей, помещено краткое описание раскольников «мятежа» 1682 г.: говорится о Никите Пустосвяте и шести монахах, которых «блюдше» у себя за Яузой рекой стрельцы Титова полка⁹⁴. Впрочем, описание путает события 1682 г. с более ранними событиями, в частности с осуждением того же Никиты Пустосвята на церковном соборе 1681 г. при царе Федоре Алексеевиче.

Краткое описание восстания 1682 г. имеется в одной из сибирских летописей с записями за 1575—1686 гг. Она называется: «Книга записная, сколько в Сибири, в Тобольску и во всех сибирских городех и острогах, с начала взятия Ермака Тимофеева, в котором году и кто имяны бояр и окольничих и столников и дворян и стряпчих на воеводствах бывали и диаков и

⁹⁴ ГБЛ, Музейное собр., д. 1841, лл. 165 об.—166. Рукопись в 1°, 175 лл., список 1780 г. Описание см.: «Музейное собрание рукописей. Описание», т. I. Под ред. И. М. Кудрявцева. М., 1961, стр. 312—314.

письменных голов и с приписью подьячих и кто которой город ставил и в котором году и от которого государя кто был». Рассказ о «стрелецком скопе» начинается с известия о смерти царя Федора Алексеевича и воцарении его брата Петра. Сообщается о расправах 15—17 мая, правяже денег, сооружении «столпа», религиозном диспуте 5 июля. Автор описания осуждает восставших стрельцов и раскольников⁹⁵.

Таким образом, известия летописцев о Московском восстании 1682 г. представляют немалый интерес для исследователя, как ценный исторический источник. Помимо того, что они подтверждают в ряде случаев показания других источников, мы находим в них многие новые данные об этом движении. В этом плане наибольший интерес представляют факты, свидетельствующие об участии в восстании не только стрельцов и солдат, но и московских «черных людей», т. е. о народном, антифеодальном характере восстания. Об этом говорят не только памятники, вышедшие из враждебного повстанцам лагеря, но и повести, составленные представителями народных низов, с сочувствием относившимися к участникам московского «бунта». Наконец, некоторые из рассмотренных памятников привлекают читателя живостью описаний и образностью языка; эти достоинства, как тонко замечает М. Н. Тихомиров, показывают, «что протопоп Аввакум не был единичным явлением среди людей XVII в.»⁹⁶.

СООБЩЕНИЯ СОВРЕМЕННОКОВ-ИНОСТРАНЦЕВ

Из сообщений иностранцев упомянем прежде всего рассказ датского приказчика в Москве Розенбуша⁹⁷, наблюдавшего и подробно описавшего события 15—17 мая 1682 г. Он пишет о волнениях стрельцов в конце апреля — начале мая, интригах партий, расправах 15—17 мая. Написанное по горячим следам событий, 19 мая того же года, сочинение Розенбуша имеет большое значение в качестве источника. Автор, отмечая серьезные причины восстания, в то же время не одобряет действия стрельцов и других участников движения, называя их «всякой сволочью». Правда, автор, отсиживавшийся в бурные дни восстания в своей московской резиденции, не мог все видеть собственными глазами; он нередко передает слухи, ходившие в

⁹⁵ Томский гос. ун-т им. В. В. Куйбышева, Научная библиотека, Отдел редких книг и рукописей, витрина 752, исторический сборник, в 4°, на 260 лл., написанный скорописью конца XVIII—начала XIX в., лл. 76—77; Тобольский краеведческий музей, инв. № 73, 9 (с 18) I, К-53 (копия XIX в., в 4°, 129 лл.), лл. 116—117 об.

⁹⁶ М. Н. Тихомиров. Записки, стр. 443.

⁹⁷ М. П. Погодин. Семнадцать первых лет в жизни имп. Петра Великого. Исследования, стр. 38—50.

народе, путает некоторые события (убийство кн. Ю. А. Долгорукого у него 15 мая, на самом деле это произошло 16 мая и др.).

В другой записке, принадлежащей перу того же Розенбуша и написанной 16 мая 1682 г., рассказывается о переживаниях и приключениях автора, к которому явились восставшие стрельцы якобы с целью поисков доктора Даниила фон Гадена. В записке говорится о том, как автор ехал по московским улицам и по Кремлю во время восстания в сопровождении стрелецкой охраны. Возможно, эти подробности (арест, увод в Кремль) являются вымыслом, так как И. Келлер, сообщая об обыске у Розенбуша, ни слова не говорит об его аресте и последующих событиях. А между тем Келлер и Розенбуш жили по соседству в Немецкой слободе в Москве⁹⁸.

Донесения И. фан Келлера, нидерландского резидента в русской столице, представляют большой интерес. Следует подчеркнуть его большую осведомленность — он располагал ценными сведениями, поскольку у него имелись тайные агенты в Посольском приказе. Он сообщает ряд важных подробностей о начале движения, событиях 15—17 мая и лета 1682 г. Симпатии нидерландского барона целиком на стороне московской знати⁹⁹.

Описание восстания приводится у чешского автора Бернгарда Таннера. Он посетил Москву в 1678 г. в составе польского посольства. Во время восстания 1682 г. он там не был, но его друзья из московской Немецкой слободы 30 мая того же года известили его письмом о драматических событиях в русской столице. Таннер поместил это письмо в качестве «прибавления» к своему сочинению, в котором оно составило главу XXIII — «О недавнем бунте в Москве»¹⁰⁰. По словам Таннера, эта глава есть не что иное, как письмо из Немецкой слободы («новости из Москвы»), которое он сопроводил своими замечаниями: «Я и решил лучше напечатать их с своими замечаниями, потому что очень многих царедворцев, называемых здесь по имени, я знал и видел лично». Далее в «новостях из Москвы» сообщается о смерти Федора и воцарении Петра, жертвах расправ 15—17 мая (некоторые имена и фамилии спутаны). Характеризуя последних, Таннер приводит иногда явные небылицы (например, о краже золота кн. М. Ю. Долгоруким у царя Михаила Федоровича, умершего еще в 1645 г.). Интересно указание «новостей» на то, что «возмущение» охватило всю Москву,

⁹⁸ М. П. Погодин. Указ. соч., стр. 52—56; ср. М. И. Белов. Нидерландский резидент в Москве, стр. 290—291.

⁹⁹ М. И. Белов. Нидерландский резидент в Москве, стр. 280—346; он же. Письма Иоганна фан Келлера, стр. 374—382.

¹⁰⁰ Бернгард Таннер. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. Перевод с латинского, примечания и приложения И. Ивкина — ЧОИДР, 1891, кн. 3 (158), отд. III, стр. 125—129.

а Ивана Алексеевича провозгласил царем народ или (в другом месте) провозгласили в угоду народу, так что теперь, мол, у них два царя — один от народа, другой от знати.

Другой чешский автор, иезуит Иржи Давид, посетивший Москву в 1685 г., не говорит о восстании, но сообщает некоторые данные о московских стрельцах, которые, по его замечанию, «весьма неспокойны и по любому поводу нагоняют ужас на Москву»¹⁰¹.

В «дневнике» неизвестного польского автора¹⁰², очевидца восстания, рассказывается об избрании на престол Петра Алексеевича, интригах боярских партий в связи с этим, убийствах бояр и других знатных людей восставшими. Автор составил свой «дневник», вероятно, не ранее весны 1683 г. В одном месте своего сочинения он сообщает, что «царю Петру I 11 лет в 1683 г.»; в другом месте пишет, что после подавления восстания и казни многих его участников «стрельцы стали сильно негодовать и поджидать теперешней поры, когда спадут воды и оденутся листьями леса, обещаясь снова собраться вместе. Что выйдет из этого, покажет время»¹⁰³. Дневник в значительной степени писался по слухам. Так, о думном дьяке Ларионе Иванове, которого искали восставшие, говорится, что «он спрятался в трубу или, как говорят другие, в ларь»¹⁰⁴. В нем много ошибок, путаницы. Так, он утверждает, что царем провозгласил Петра приехавший в столицу из ссылки А. С. Матвеев; на самом деле это произошло 27 апреля, в день смерти Федора Алексеевича, а Матвеев приехал в Москву на две недели позже. Убитого стрельцами Ф. П. Салтыкова он называет боярином, тогда как такой чин имел не он, а его отец. Неправильно излагается содержание извета, приклеенного в Коломенском: будто бы в нем содержалось требование об избииении 70 бояр, а сам извет был делом стрельцов и Хованского; между тем известно, что извет содержал нападки на Хованского. Неправильны и сведения о пребывании Хованского с царским двором в «походе» в Троице-Сергиевом монастыре и др. В то же время некоторые другие данные подтверждаются показаниями актов и описаний современников.

Сообщения анонимного итальянца, посланные из Варшавы в Рим¹⁰⁵, были написаны во второй половине мая — августе 1682 г. Автор пишет, что он видел на Красной площади неоконченный столп, на котором должна была быть помещена цар-

¹⁰¹ Иржи Давид. Современное состояние великой России или Московии. — «Вопросы истории», 1968, № 3, стр. 96.

¹⁰² «Дневник зверского избияения московских бояр в столице в 1682 г. и избрания двух царей Петра и Иоанна».

¹⁰³ Там же, стр. 26, 27.

¹⁰⁴ Там же, стр. 21.

¹⁰⁵ ЖМНП, 1835, ч. 5, № 1, отд. II, стр. 69—82; A. Theiner, pp. 236 и сл.

ская жалованная грамота стрельцам от 6 июня. В другом месте он сообщает об отъезде царского двора в Коломенское. В его донесении рассказывается о роли А. С. Матвеева в воцарении Петра, интригах Софьи, которой он отводит главную роль в возмущении к «бунту» «готовых на все стрельцов». Он описывает расправы восставших в Москве, волнения стрельцов в Смоленске, восстания башкир и калмыков. В передаче подробностей восстания в Москве автор допустил немало путаницы (возвращение А. С. Матвеева еще при жизни царя Федора, объединение воедино разновременных событий — избрания Петра и восстания 15 мая и т. д.).

Невиль-Балье описал восстание 1682 г., очевидно, по слухам и рассказам современников¹⁰⁶. Он считает восстание стрельцов результатом интриг Софьи, в передаче фактов допускает ряд неточностей (сначала коронование Ивана Алексеевича, потом расправы с боярами, «посредство» Хованского Софье с самого начала событий и т. д.).

И. Г. Корб, секретарь германского посольства, побывавший в Москве в 1698 и 1699 гг. и подробно описавший стрелецкое восстание и розыск, кратко останавливается и на событиях 1682 г.¹⁰⁷, о которых ему, очевидно, рассказали в русской столице. Он пишет: «грабежи, убийства и разбои», случившиеся в этом году, «они, (вероятно, «другие писатели», о которых автор пишет несколькими строками выше.— В. Б.) приписывают коварным проискам царевны Софьи». После смерти царя Федора, который перед кончиной прочил в цари брата Ивана, провозгласили монархом происками царицы Натальи другого брата — Петра. Софья внушила солдатам, что царь Федор умер от яда, принесенного боярами, та же участь ждет стрельцов, которых тоже хотят опохмелить водкой с подсыпанной отравой (которую примешала к водке та же Софья). Один стрелец, выпив водку, умер. Его товарищи пришли в ярость, и начались расправы. Автор сообщает, что в восстании приняло участие 60 тысяч «бунтовщиков» — цифра, вероятно, преувеличенная. Стрельцы потребовали выдачи бояр и выплаты недоданного жалованья в размере 500 тыс. дукатов. Неправдоподобны описанные у Корба сцены осады восставшими Кремля (который они будто бы бомбардировали из орудий, выламывали двери, грабили комнаты во дворце, расхищали казну, оскверняли святыни), гибели многих тысяч людей (только в Китай-городе погибло-де от разных бедствий 5 тыс. человек). Интересно указание на то, что «бунтовщики» «захватили себе все права верховной власти».

¹⁰⁶ «Русская старина», 1891, сентябрь, стр. 419—421, 436—442.

¹⁰⁷ И. Г. Корб. Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.). СПб., 1960, стр. 198—201.

Таким образом, по истории Московского восстания 1682 г. сохранился довольно широкий круг источников. Наиболее важное значение среди них имеют акты источники, а из описаний современников — записки С. Медведева, Розенбуша, Матвеева, С. Романова, безымянных авторов повестей о восстании. Большинство их вышло из враждебного восставшим лагеря, в том числе и сочинение такого серьезного автора, как С. Медведев; исключением являются лишь некоторые повести. В смысле классовой тенденциозности, принимающей форму открытой ненависти к восставшим, особенно выделяются записки А. А. Матвеева и правительственные акты, составленные после восстания, а также некоторые повести и летописцы. Естественно, все они требуют при использовании сугубой осторожности, критического к себе отношения, сопоставления со всеми другими источниками.

В отличие от «Медного бунта» 1662 г., история Московского восстания 1682 г. не сохранила комплекса следственных дел. Это и понятно, ибо правительство, крайне испуганное грозным размахом «смуты», главной движущей силой которой явились московские стрелецкие полки, и не помышляло об организации широкого сыска над ее участниками. Капитулировавшие стрельцы оставались серьезной военной силой, поэтому власти вынуждены были удовлетвориться высылкой некоторых из них из столицы, казнями других.

Правда, сохранились следственные материалы, рассказывающие о подготовке восстания и откликах на него в разных местностях России, но они все же не имеют такого значения, как следственные дела о «Медном бунте».

Все эти источники в своей совокупности и при взаимопроверке дают возможность довольно полно изучить события Московского восстания 1682 г.

ИСТОЧНИКИ О ВОССТАНИИ МОСКОВСКИХ СРЕЛЬЦОВ 1698 г.

ПУБЛИКАЦИЯ И ИЗУЧЕНИЕ ИСТОЧНИКОВ

Вопрос об источниках по истории Стрелецкого восстания 1698 г. в целом специально не рассматривался в литературе, хотя ряд авторов с большей или меньшей подробностью использовал важнейшие источники по теме. Кроме того, некоторые источники были опубликованы, полностью или частично, в различных изданиях, начиная с XVIII в.

М. М. Щербатов опубликовал составленный с участием Петра I и отредактированный им походный «журнал» с краткими записями о событиях 1698 г.¹ Ф. Туманский напечатал записки А. А. Матвеева и И. А. Желябужского, «журнал» барона Гюйсена, содержащие сведения о восстании². Некоторые письма Петра I, связанные с событиями восстания, были изданы И. И. Голиковым³.

В самом конце XVIII в. была опубликована составленная, вероятно, вскоре после смерти Петра «Подробная летопись», в которой кратко описано восстание 1698 г.⁴

Сорок с лишним лет спустя Д. Языков переиздал записки И. А. Желябужского, а Н. Сахаров — записки А. А. Матвеева и И. А. Желябужского⁵. А через 10 лет вышел в немецком пере-

¹ «Журнал или подневная записка блаженный и вечнодостойный памяти государя императора Петра Великого с 1698 г. даже до заключения Нейштатского мира», ч. 1. СПб., 1770 (далее — «Журнал или подневная записка»), стр. 1—3.

² «Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого, издаваемые трудами и иждивением Федора Туманского» (далее — Ф. Туманский й. Собрание), ч. 1. СПб., 1787, стр. 109—229; ч. 3, СПб., 1787, стр. 102—112; ч. 6, СПб., 1787, стр. 8—54; ч. 7. СПб., 1787, стр. 88—298.

³ И. И. Голиков. Деяния Петра Великого, изд. 1, ч. 11. М., 1788, стр. 41—43; изд. 2, т. XIV. М., 1842, стр. 328—330.

⁴ «Подробная летопись от начала России до Полтавской баталии», ч. 4. СПб., 1799, стр. 172—173.

⁵ «Записки Желябужского с 1682 по 2 июля 1709» (далее — И. А. Желябужский й. Записки). СПб., 1840; «Записки русских людей. События времени Петра Великого». СПб., 1841.

воде ценнейший дневник генерала Патрика Гордона, служившего в России с 1661 по 1699 г. В нем имеются и сведения о восстании стрельцов в 1698 г., одним из душевателей которого выступал автор⁶. Содержание этого источника подробно проанализировал А. Брикнер, посвятивший ему специальную книгу⁷.

Другой историк, М. И. Семевский, предпринял почти аналогичную работу с дневником И. Г. Корба, секретаря австрийского посольства, возглавлявшегося Гвариентом, побывавшего в Москве в 1698—1699 гг. Автор опубликовал свой перевод той части дневника Корба, которая касается восстания стрельцов и их казней в 1698—1699 гг., сопроводив его лишь небольшими своими замечаниями⁸. Полный перевод этого важного источника, сделанный А. И. Малеиным, появился почти 50 лет спустя, но он содержал не только опубликованное ранее М. И. Семевским компактное «сжатое описание», которое занимает особое место в дневнике Корба, но и сами дневниковые записи последнего⁹. Отметим, что эти два перевода имеют различия в передаче некоторых терминов, фактов, смысла событий (например, при описании восстания 1682 г. в переводе М. И. Семевского говорится о 60 тыс. стрельцов, его участников, в переводе А. И. Малеина — о 60 тыс. «бунтовщиков» и т. д.)¹⁰. Впрочем, М. И. Семевский сделал скорее пересказ, чем перевод дневника Корба.

Немало важных документов по истории восстания использовал или опубликовал Н. Устрялов, это — документы розыска (показания привлеченных к делу, грамоты, росписи, ведомости подследственных, казненных и т. д.; изветное письмо, и челобитная стрельцов, поданные Шеину в июне 1698 г., и др.), письма Петра I и его приближенных, царевен Софьи, Марфы, Екатерины, отрывки из дневников П. Гордона, И. Г. Корба, донесение Гвариента цесарю от 17 октября 1698 г., списки царских полков и др. В тексте и в примечаниях автор отметил ошибки в сообщениях иностранных авторов Корба и Гвариента¹¹.

С. М. Соловьев использует в своем сочинении материалы сыского дела, донесения царских воевод, дневники Желябужского, Гордона, Корба. Автор опубликовал тексты некоторых источни-

⁶ «Tagebuch des Geherals Patrick Gordon», bd. 2—3, St.-Pb., 1851—1852 (далее — P. Gordon. Tagebuch).

⁷ А. Брикнер. Патрик Гордон и его дневник. СПб., 1878.

⁸ М. И. Семевский. Восстание и казни стрельцов в 1698 г. (рассказ очевидца И. Г. Корба).— «Отечественные записки», СПб., 1861, т. СXXXVI, стр. 103—130.

⁹ И. Г. Корб. Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.). СПб., 1906.

¹⁰ М. И. Семевский. Указ. соч., стр. 124; И. Г. Корб. Дневник, стр. 199.

¹¹ Н. Г. Устрялов. История царствования Петра Великого, т. 3. СПб., 1858, стр. 113—116, 144—145, 152—178, 201—242, 401, 405—413, 439—440, 443—445, 474—476, 563—572, 582—589, 626—631.

ков: письмо Софьи к стрельцам, челобитную последних, некоторые письма царя к своим приближенным¹². Стрелецкую челобитную, отрывки из записок Желябужского, журнала Гюйсена напечатал Н. Аристов¹³.

Письма царя во время заграничного путешествия к приближенным в Москву и послания последних к царю по вопросам, связанным с «бунтом» стрельцов весной и летом 1698 г., опубликованы в известном издании документов Петра I¹⁴.

В начале XX в. Г. В. Форстен дал характеристику донесений датского посла при московском дворе Гейнса, в том числе и в части, касающейся восстания и казней стрельцов¹⁵.

Материалы розыского дела с наибольшей подробностью разработал М. М. Богословский. Он подробно пересказывает, цитирует допросы стрельцов, печатает тексты допросов, вопросные пункты, письма Петра и его сановников и т. д. Столь же подробно излагаются документы «азовского дела» (о брожении среди московских стрельцов в Азове и донских казаков в связи с восстанием 1698 г.)¹⁶.

М. Н. Тихомиров дал краткую характеристику некоторых источников, содержащих описание восстания 1698 г. и стрелецкого розыска (дневники Гордона, Корба, записки Желябужского и др.)¹⁷. В одной из его работ, а также в статьях А. Н. Насонова отмечены летописцы, включающие статьи о Стрелецком восстании 1698 г.¹⁸

В книге Н. Б. Голиковой использован богатый материал политических процессов, рассматривавшихся в Преображенском приказе в конце XVII — начале XVIII в. Это допросы представителей социальных низов населения (крестьян, посадских и гулящих людей, стрельцов, солдат и др.), связанные, в частности, с от-

¹² С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. VII (т. 13—15). М., 1962, стр. 559—568, 570—574, 657—659.

¹³ Н. Я. Аристов. Московские смуты в правление царевны Софии Алексеевны. Варшава, 1871, стр. 154—158; прим., стр. XLVI—XLVII.

¹⁴ «Письма и бумаги Петра Великого» (далее — ПибПВ), т. I. СПб., 1887, стр. 251—252, 266, 268, 270, 276, 642, 725—727, 742 749, 752, 761—762.

¹⁵ Г. В. Форстен. Датские дипломаты при московском дворе во второй половине XVII в.— «Журнал министерства народного просвещения» (далее — ЖМНП), 1904, ноябрь, стр. 99—101; декабрь, стр. 294—295.

¹⁶ М. М. Богословский. Петр I. Материалы для биографии, т. II. Соцэкгиз, 1941, стр. 408—410, 538—540; т. III. Госполитиздат, 1946, стр. 26—126, 175—195, 212—225; т. IV. Госполитиздат, 1948, стр. 319—331.

¹⁷ М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1940, стр. 199, 222; то же, М., 1962, стр. 334—335, 472.

¹⁸ М. Н. Тихомиров. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962, стр. 58, 115, 119, 135; А. Н. Насонов. Летописные памятники хранилищ Москвы, стр. 275—284; он же. Материалы и исследования по истории русского летописания.— «Проблемы источниковедения», вып. VI. М., 1958, стр. 261—264.

кликами на Стрелецкое восстание 1698 г. и стрелецкий розыск, последовавший за ним¹⁹.

Таким образом, опубликованы прежде всего описания современников, русских и иностранных; делопроизводственная документация издавалась, но не полностью; детальному изучению подверглось розыскное дело (Н. Г. Устрялов и М. М. Богословский). Обзор источников по истории восстания 1698 г. в литературе отсутствует.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ, ПЕРЕПИСКА И ДР.

Источники по истории Стрелецкого восстания 1698 г. можно разделить на несколько групп: документальные, делопроизводственные источники; деловая переписка Петра со своими сановниками; статейные списки и «журналы»; описания современников и, наконец, летописи.

Среди делопроизводственных источников исключительное значение имеет, несомненно, огромное следственное дело, включающее в себя розыск над стрельцами — участниками восстания в июне 1698 г. в Воскресенском монастыре и «большой стрелецкий розыск», тянувшийся с осени 1698 по май 1707 г. Основное место занимают в нем допросы стрельцов, в некоторых случаях допросы были повторными. Следует иметь в виду необычайную сложность и запутанность розыска, не говоря уже об охвате им широкого круга людей. Повстанцы допрашивались сразу более чем в 10 следственных комиссиях (застенках), подследственным вручались одинаковые вопросные пункты. Так что имеется возможность сопоставления показаний разных лиц по одному вопросу. Но, с другой стороны, поскольку со стороны стрельцов естественным было стремление скрыть или приуменьшить свою вину, их допросы отличаются подчас крайней скудостью, лаконичностью или же противоречивостью не только в показаниях отдельных лиц, но и в показаниях одного и того же лица, данных в разное время. Чтобы преодолеть это, следователи часто применяли метод очных ставок, перекрестных допросов, не говоря уже о страшных пытках в преображенских застенках.

Следовательно, допросы стрельцов требуют к себе сугубо критического отношения, тщательной взаимной проверки, сопоставления с показаниями других источников.

Помимо допросов, следственное дело содержит ряд других документов — переписку властей об арестованных стрельцах, списки арестованных, казненных, сосланных. В нем сохранились также тексты извещного письма и челобитной восставших стрель-

¹⁹ Н. Б. Голиков а. Политические процессы при Петре I. По материалам Преображенского приказа. М., 1957, стр. 101—128, 165—219.

цов, которые они подали А. С. Шеину накануне сражения 18 июня под Воскресенским монастырем, а также письма (полные тексты или пересказы подследственных) царевен Софьи, Марфы и Екатерины и др.

Огромный комплекс документов сыского дела подробно изучен в указанных выше исследованиях Н. Г. Устрялова и особенно М. М. Богословского, частично они ими опубликованы²⁰. Но в целом материалы розыска до сих пор, к сожалению, не изданы²¹.

Помимо материалов следствия, сохранился другой документальный материал о восстании — грамоты, памяти центральных учреждений, отписки с известиями о восстании, сборе правительственных сил, с оповещениями об его подавлении, с указаниями о рассылке в тюрьмы арестованных, строгом наблюдении за ними, отписки местных властей и т. д.²²

Об откликах на Стрелецкое восстание 1698 г. говорят показания таких же источников — допросы, переписка властей (грамоты, отписки), росписи и т. д.²³

В упоминавшихся выше выписках (или «ведомостях») из «разрядных дел» за 1682—1708 гг., составленных по именному указу Петра I от 12 декабря 1715 г., имеются сведения и о Стрелецком восстании 1698 г.²⁴ В них говорится об объявлении 11 июня 1698 г. указа дворянам (в том числе и недорослям) с приказом москвичам быть готовыми к походу «со всею службою» против забунтовавших стрельцов четырех полков («а в них меньше двух тысяч человек») и не съезжать из Москвы. Дворяне, проживавшие в других городах, по своим деревням, обязывались тотчас ехать в Москву тоже «со всею службою и с людьми». Они должны были быть в большом полку боярина А. С. Шеина, а идти «наперед» с его товарищем генералом П. И. Гордоном «сего июня в 14 день».

Но 12 июня Шеину и Гордону приказали выступить в поход не 14-го, а 13 июня и стать на волоцкой дороге на р. Ходынке.

²⁰ Н. Г. Устрялов. Указ. соч., стр. 113—116, 144—145, 152—178, 201—242, 405—413, 582—589; М. М. Богословский. Указ. соч., т. III, стр. 26—126, 212—225; т. IV, стр. 319—331

²¹ ЦГАДА, ф. 6, д. 11, 12; ф. 371 (Преображенский приказ), стлб. 516.

²² ЦГАДА, ф. 125 (Монастырские дела), д. 14, лл. 1—4; ф. 210 (Разрядный приказ), Столбцы Приказного стола, 2042, 2104, 2386 и др.; Архив ЛОИИ, ф. 157, д. 325; колл. 238, оп. 2, д. 104/74а, 300/24; колл. 260, оп. 1, д. 690, 788; Пушкинский дом (Ин-т русской литературы АН СССР), Собрание ИМЛИ, д. 135 и др.

²³ ЦГАДА, ф. 6, д. 11, 12; ф. 210, Столбцы Приказного стола, д. 1746, 2166, 2565, 2623; ф. 371, д. 685, 696а, 732, 739, 764, 808, 845, 905 и др.; С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 579—581, 658—659; М. М. Богословский. Указ. соч., т. III, стр. 175—195; Н. Б. Голикова. Указ. соч., стр. 109—127 и др.

²⁴ ЦГАДА, ф. 248 (Канцелярия Правительствующего Сената), д. 650, лл. 557—562; ф. 181 (рукописный отдел библиотеки МГАМИД), л. 346/726, лл. 57 об.—61.

Далее сообщается: 19 июня А. С. Шеин писал в отписке, что ему велено выступить против мятежных стрельцов, чтобы не пропускать восставших в столицу, заставить их идти в указанные для расквартирования места и выдать властям «винных стрельцов» («бегавших» в Москву весной 1698 г.). Если же они «учинятца противны и станут стоять в упорстве», то «над ними чинить промысл». Шеин пошел с войском из Москвы 16 июня и пришел в село Тушино. Здесь стало известно, что «те ослушники и противники» уже прошли Волоколамск и идут «вблизости». Поэтому он отправился с войсками из Тушина «наспех» и прибыл под Воскресенский монастырь 17 июня. Тут они сошлись со стрелецкими полками, из которых прислали к нему для переговоров четырех человек. Они говорили ему, чтобы «их (восставших стрельцов.— В. Б.) пропустить к Москве, а в указные б места им не итить». Боярин сказал стрелецким парламентарам, что стрелецкие полки должны идти в указанные им места («им к Москве итить не для чего») «безо всякого отговору и противности». Он потребовал выдачи беглецов и «завотчиков», которые «были на Москве». Но парламентары отказались выполнить эти условия и сказали, что стрельцы «пойдут прямо к Москве».

Затем боярин послал к стрельцам генерала Гордона, которому в ответ на те же требования стрельцы «в том во всем отказали и кричали невежливо».

18 июня, продолжает Шеин, ратные люди большого полка вышли из обоза и тех стрельцов «оступили» на «сей стороне» (на восточной) р. Истры. Здесь он дважды посылал к ним для уговоров «посыльного воеводу» Ивана Ржевского. Но стрельцы опять «отказали и говорили свирепые и невежливые слова и стали в упорстве в том, что им итить к Москве». Они укрепили свой обоз, распустили знамена, поставили пушки на все четыре стороны против ратных людей большого полка А. С. Шеина и «к бою устремилися». Они стреляли из пушек и «чинили многую противность». Боярин велел своим ратным людям приступить к их обозу и стрелять по ним из пушек. В результате многих из стрельцов побили и ранили, а остальные «знамена приклонили и ружье покинули», т. е. сдались. Боярин велел их держать по кельям Воскресенского монастыря.

«По переписке» оказалось из них 15 убитых и 37 раненых, всего 52 человека.

Далее в «ведомости» записано, что 19 июня по боярскому приговору (т. е. по приговору Боярской думы) Шеину было велено: «начальных воров» из четырех полков (выборных — по 4 человека в каждом полку) расспрашивать с пыткой. Указывалось выяснить имена «первых из них завотчиков», «пристальцев», а затем казнить при всех стрельцах. Других «пущих завотчиков» (помимо указанных выше выборных) оставить для розыска в Воскресенском монастыре (по 20 человек из каждого

полка или, если будет нужно, больше). А остальных велено, сковав, разослать по городам «по росписи» с провожатыми (по 2 начальных человека из «московских чинов», 20 солдат, 13 монастырских служек и посадских людей на каждых 100 колодников). В тюрьмах держать тех стрельцов скованными, под крепкими караулами. Наконец, в «ведомости» записано, что того же 19 июня к Шеину послали окольного кн. Ф. И. Шаховского «спросить о здоровье и службу ево и всех полку ево ратных людей похвалить». Шаховской же привез Шеину государеву грамоту «с милостивым словом».

На основе указанного выше материала, прежде всего документов розыска, можно подробно изучить ход восстания, его подавление, меры властей против восставших (расправа с ними на поле боя и в застенках Преображенского приказа и других местах). Следственные материалы дают возможность узнать имена главных вождей и наиболее активных участников движения, ход восстания и следствия, особенности программы, идеологии, психологии восставших, отношение к их выступлению со стороны населения столицы и периферии.

Дополнительный материал содержится в деловой переписке Петра I, находившегося за границей, с оставленными им в столице руководителями правительства Ф. Ю. Ромодановским и др.; это — письма, донесения царских сановников, воевод (Т. Н. Стрешнева, М. Г. Ромодановского и др.). Сановники сообщают подробности выступления стрельцов весной и летом 1698 г., царь в письмах дает указания о розыске, отчитывает своих приспешников за нерасторопность и т. д.²⁵

Краткий характер носят записи о движении стрельцов в статейных списках, составлявшихся во время «великого посольства» Петра I за границу в 1697—1698 гг.²⁶

В «журналах» за царствование Петра эти записи более подробны. В журнале Гюйсена за 1695—1715 гг. стрельцы — участники восстания 1698 г. — сравниваются с древнеримскими преторианцами и турецкими янычарами. В нем кратко описывается ход восстания и следствия, причем здесь явно заметно влияние рассказов И. Г. Корба, дневник которого был, очевидно, использован при составлении журнала в этой части (например, сведения о требовании А. С. Шеиным подписей московских бояр под приговором о походе против восставших стрельцов и их наказании, о ходе переговоров П. Гордона со стрельцами, о раздорах между руководителями восставших и др.)²⁷.

²⁵ С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 562, 567—568; Н. Г. Устрялов. Указ. соч., стр. 439—440, 443—445, 474—476; ПиБПВ, т. I, стр. 251—252, 266, 268, 270, 276, 642, 725—727.

²⁶ «Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными», т. VIII. СПб., 1867, стр. 1390; т. IX. СПб., 1868, стр. 8.

²⁷ Ф. Туманский. Собрание, ч. 3, стр. 102—112.

В журнале за 1698—1721 гг., составленном при участии Петра I и отредактированном им, восстанию 1698 г. и следствию уделено очень мало места; больше говорится о причинах досрочного и спешного возвращения Петра из-за границы в связи с получением известия о стрельцком «бунте» (стремление предостеречь новое «замешание») и «скасовании» стрельцкого войска, его замене регулярными полками (причем здесь не отмечается, что эта замена носила более длительный характер, чем это может показаться при чтении петровского журнала) ²⁸.

СООБЩЕНИЯ СОВРЕМЕННОКОВ

Особую группу источников составляют записки современников. Из русских авторов можно назвать А. А. Матвеева и И. А. Желябужского.

А. А. Матвеев описал восстание 1698 г., не в пример «смуте» 1682 г., очень кратко. Он говорит о «бунте» четырех полков в июне, их походе к Воскресенскому монастырю, переговорах с ними Гордона, поражении, казнях в Воскресенском монастыре, возвращении Петра и новом розыске, казнях. Интересных подробностей у него почти нет, некоторые утверждения нельзя не признать преувеличенными, например сообщения об аресте после сражения 18 июня 3 тыс. стрельцов, хотя последних в составе четырех полков насчитывалось 2 тыс. с лишним, об исчезновении стрельцкого войска после подавления восстания. Интересно указание автора на то, что в движении участвовали «старой повадки воры», под которыми он имеет, вероятно, в виду стрельцов — участников восстания 1682 г. ²⁹

И. А. Желябужский приводит более подробные сведения: о мобилизации правительственных сил, посланных против восставших стрельцов (объявление 11 июня указа московскому дворянству, выступление войск из Москвы, их смотр 14 июня), ходе переговоров с восставшими накануне сражения, сражении 18 июня, розыске в Воскресенском монастыре, потерях стрельцов во время сражения и в результате казней. Кратко говорится о «большом розыске», который производился, по преувеличенным данным автора, в 20 застенках, казнях и ссылках в результате сыска. Некоторые данные автора отсутствуют в других источниках (например, о казнях 4 февраля 1699 г.), хотя другие его сведения (например, указания на количество убитых во время боя 18 июня, казненных в ходе следствия стрельцов) не всегда точны

²⁸ «Журнал или подневная записка», стр. 1—3.

²⁹ «Записки А. А. Матвеева». — «Записки русских людей» (далее — А. А. Матвеев. Записки). СПб., 1841, стр. 60—64.

и требуют проверки показаниями других источников, в первую очередь данными следствия³⁰.

Из сочинений иностранцев наиболее ценными являются дневники П. Гордона и И. Г. Корба. П. Гордон, выходец из Шотландии, служивший в России около 40 лет (с 1661 по 1699 г.) и ставший одним из сподвижников Петра I (он умер в России в 1699 г. в чине генерала), лично участвовал в подавлении восстания стрельцов 1698 г. Он описывает волнения стрельцов-беглецов в Москве весной 1698 г., в частности события 3 апреля, затем говорит о восстании в июне, отправлении войск для его подавления. Автор рассказывает о своих безуспешных переговорах с восставшими, о сражении и разгроме стрельцов³¹.

Секретарь царского посольства И. Г. Корб приводит в своем дневнике сведения о событиях, связанных с восстанием в июне 1698 г.: совещаниях бояр по вопросу об «усмирении мятежа стрельцов», посылке войска против них, поражении восставших, прибытии в Москву Петра I и последовавшем затем розыске и казнях стрельцов³². Помимо этих дневниковых записей, автор составил особое «Сжатое описание опасного мятежа стрельцов в Москве», в котором более подробно описал ход восстания и его подавление правительством. Автор приводит любопытные сведения о замыслах восставших стрельцов, их руководителях, разногласиях среди последних. Довольно подробно описываются переговоры со стрельцами (вероятно, со слов Гордона), ход сражения и особенно сыск над восставшими после их поражения. Останавливается он и на роли Софьи, которой ошибочно приписывает инициативу стрелецкого выступления³³. Автор кое-что из того, о чем сообщает, видел собственными глазами (некоторые казни, тела изувеченных стрельцов), но очень часто пишет по слухам, рассказам действующих лиц. Отсюда понятно наличие неточностей, ошибок. Так, он говорит о гибели нескольких тысяч стрельцов во время осенних расправ в 1698 г.³⁴, тогда как на самом деле число погибших было меньшим. Ряд неточностей Корба отметил Н. Устрялов³⁵.

Гвариев, глава царского посольства, в которое входил Корб, в одном из своих донесений описал осенние розыск и казни стрельцов в 1698 г.³⁶, тоже с рядом неточностей³⁷. Так, он, как

³⁰ И. А. Желябужский. Записки, стр. 117—128, 136—137. Ср.: М. М. Богословский. Указ. соч., т. III, стр. 224.

³¹ P. Gordon. Tagebuch, bd. 3, S. 181—182, 192—200.

³² И. Г. Корб. Дневник, стр. 64, 78—79, 83, 88—94, 96—98, 101, 103—104, 119—125, 132.

³³ Там же, стр. 177—198.

³⁴ Там же, стр. 103.

³⁵ Н. Г. Устрялов. Указ. соч., стр. 208, 214, 215, 217, 405—407.

³⁶ Там же, стр. 626—631.

³⁷ Там же, стр. 202, 215, 405—407.

и Корб, называет одним из главарей восставших подполковника Колпакова.

Интересные данные о восстании приводит датский посол Гейнс. Он сообщает о восстании стрельцов весной 1698 г., когда они покинули войско Ромодановского и возвратились в Москву, о растерянности «министров», обеспокоенных к тому же отсутствием царя. В связи с описанием июньских событий посол отмечает, что стрельцы имеют множество сочувствующих среди черни, которая вся восстала бы при появлении стрелецких полков в столице. Он подтверждает сведения других источников о разразившемся в 1698 г. страшном голоде и дороговизне на съестные припасы. Наконец, имеются у него некоторые (впрочем, небольшие по объему) данные о казнях стрельцов³⁸.

Сохранилось анонимное описание Стрелецкого восстания 1698 г., составленное каким-то французом³⁹. Автор упоминает в своем сочинении 1714, 1717 гг., стало быть его труд был составлен не ранее 10-х годов XVIII в. Автор с неодобрением пишет о своевольстве, избалованности, недисциплинированности, разнузданности стрельцов (их насчитывалось 25 тыс. человек), сравнивает их с римскими преторианцами, французскими вольными стрелками и турецкими янычарами. Но он не может скрыть трудностей, которые они переживали в военных походах по вине начальства, утаивавшего часть жалованья. Однако все это он называет «мнимыми причинами», которые внушили им «вредные люди». Но эти «причины», распространившись, как зараза, «взволновали грубые умы их и произвели возмущение». Интересно сообщение, что во время похода к Москве стрельцы, требуя и забирая себе силой все необходимое, «особенно преследовали чиновников государственных». Среди бояр, получивших известие о «бунте», начались разногласия: одни считали, что стрельцы, увидев своих жен и детей и получив деньги в счет своего жалованья, сами уйдут от столицы, к которой их можно допустить; другие, наоборот, опасались последствий «от соумышленников и приверженцев бунтовщиков», они хорошо помнили ужасы во время «бунта» 1682 г. и в 1686 г. (ошибка; очевидно, — 1689 г.).

Бояре после многих дневных и ночных совещаний послали против стрельцов А. С. Шеина и П. Гордона с наказом попытаться «кротостью» убедить восставших прекратить «бунт», а в случае отказа — воздействовать силой.

«Генералы» Шеин и Гордон потребовали письменного распоряжения бояр с их подписями, но они не получили его из-за нерешительности министров.

³⁸ Г. Форстен. Указ. соч.— ЖМНП, 1904, ноябрь, стр. 99—101; там же, декабрь, стр. 294—295.

³⁹ ЦГАДА, ф. 1362, д. 106 — «Описание на французском языке о стрелецком бунте, бывшем под Воскресенским монастырем, и о следствиях оного» (с переводом на русский язык); лл. 1—36 — французский текст, лл. 59—87об.— черновик перевода, лл. 37—58 об.— его беловик. См. также: ф. 375, д. 27.

Правительственное войско насчитывало 6 тыс. конницы и 2 тыс. пехоты (те же цифры находим у И. Г. Корба). Автор сообщает о смотре, речах Шенна и Гордона (генерал «произнес довольно трогательную речь»).

В Москве приняли меры предосторожности: удвоили караулы, поставили вооруженных людей по всем воротам, особенно наблюдали за лазутчиками и сообщниками стрельцов, проникавшими в город под разными предлогами. Царевича с царской фамилией под большой охраной перевели под видом богомоля в Троицкий монастырь (то же у И. Г. Корба). Многие в Москве приготовились к бегству.

Как и Корб, автор сообщает о разногласиях между тремя главными начальниками стрельцов, что помешало последним вовремя занять Воскресенский монастырь.

Далее автор говорит о переговорах со стрельцами П. Гордона, «любимого народом». Он их несколько укротил. Тем временем генерал, **успевший осмотреть местность около монастыря**, велел занять своим войскам возвышенность, на которой расставили артиллерию.

Между тем в лагере восставших в ночь с 17 на 18 июня происходили совещания. Большинство отвергло предложение кончить дело миром и решило не надеяться на обещания, а силой осуществить свои замыслы. На рассвете переговоры продолжились. Интересно сообщение, что одни стрельцы, отвечая Гордону, угрожали ему «исправить портупеею, прическу или седой парик», а другие **говорили, что дадут ему другие сюртук и галстук**, «который будет по их вкусу, а не так, как у него *по-немецки*». Они даже предложили Гордону присоединиться с войском к ним и заявили, что пройдут в Москву силой, если им будет мешать.

Кратко описывается сражение 18 июня, в результате которого пленили «несколько тысяч» стрельцов. Во время допросов стрельцы «по обыкновенной ненависти военных чиновников к гражданским... наговорили много зла» о боярах, комиссарах, пошлинниках, управляющих (интендантах), дьяках, подьячих и «приписывали всему сословию ошибки, преступления и лихоимство некоторых из них» (что это имело место, автор не скрывает). В притеснениях они обвиняли в частности родственников царицы Лопухиных. Офицеры, с их точки зрения, не знают службы, правители богатеют кровью и имуществом подданных, не выдают жалованье войскам, притесняют невинных, обременяют города и области чрезмерными налогами для своей пользы, торгуют должностями, чинами и почестями. Поэтому стрельцы решили отомстить «сим пивьяцам».

Интересны сообщения автора о разногласиях среди стрельцов по вопросу об отношении к иностранцам (одни предлагали расправиться с ними, другие их защищали), о плане выпустить арестованных из «темниц» по приходе в Москву, разграбить

дома чиновников, злых богачей, знатных вельмож, злоупотреблявших своей властью, сослать их в ссылки и лишить чинов, «коими намеревались наградить своих сообщников», т. е. стрельцов — участников восстания.

До достижения совершеннолетия царевичем Алексеем Петровичем они намеревались вручить управление государством Софье, которая «уже управляла оным при всеобщем одобрении» во время малолетства братьев, дать ей в помощь В. В. Голицына, «память коего для них была драгоценна».

Далее автор пишет о роли священников-раскольников, которые призывали стрельцов к бунту, боязни нововведений, приверженности их к старине, о казнях стрельцов по указанию Шеина (Гордон и другие советовали не спешить и произвести более тщательный розыск).

Говорится о новом розыске, о кознях Софьи, якобы уговорившей стрельцов лучше умереть, чем допустить введение новых обычаев. Софья во время розыска якобы в слезах упала к ногам Петра и молила его о прощении за свои проступки.

Кратко сообщается о казнях стрельцов, в частности о повешенных под стенами Новодевичьего монастыря.

Автор пишет, что по инициативе духовных лиц в Преображенском и других местах, где бывал Петр, неизвестные лица подкинули прошения с целью смягчить сердце монарха, упросить его воздержаться от наказания стрельцов. Несколько священников просили о том же Петра в Преображенском в присутствии «всех государственных чинов».

Сообщается о казнях более чем 1 тыс. стрельцов в октябре 1698 г. и далее в продолжение всей зимы, до весны следующего года, о ссылках других стрельцов с семьями, о публичном чтении приговоров, постановке столбов с обозначениями «преступлений сих несчастных».

Далее автор с удовлетворением пишет об «уничтожении» «необузданного и своевольного» стрелецкого войска, «сих врагов отечества и нарушителей общественного спокойствия», выговоре Шеину за поспешный розыск в июне 1698 г.

Императорский посол Гвариент, въехавший в Москву 28 апреля, имел 13 сентября торжественную аудиенцию у Петра, которого поздравил с победой над «мятежниками».

Гвариент вел переговоры с Петром. Последний, между прочим, оправдывал перед послом свои расправы со стрельцами ссылками на то, что в отличие от германского императора имеет дело с народом строптивым и мятежным.

Сообщается о въезде в Москву «великого посольства» во главе с Лефортом и Головиным 18/29 октября, приезде вице-адмирала К. Крюйса 26 октября, отъезде Петра 22 ноября в Воронеж и его возвращении 30 ноября в столицу, об организации «впоследствии» (?) двух гвардейских полков — Преображен-

ского и Семеновского (они уже были организованы), Карловицком конгрессе.

Таким образом, это позднейшее анонимное сочинение, близкое в некоторых своих известиях к дневнику И. Г. Корба, содержит ряд любопытных сведений о восстании 1698 г., хотя в целом оно нуждается в сугубо критической проверке показаниями документов и современников восстания.

ЛЕТОПИСНЫЕ ЗАПИСИ

Последнюю группу источников составляют летописи. Правда, сведения о восстании, которые мы в них находим, не отличаются подробностью, богатым содержанием, но все же представляют известный интерес. Так, в «Подробной летописи», составленной в конце правления Петра I или вскоре после его смерти, кратко рассказывается о ходе восстания и казнях стрельцов; последние, как и в журнале Гюйсена, сравниваются с преторианцами и янычарами.

В одном из летописцев XVIII в., исследованном А. Н. Насоновым, содержатся ужасные подробности о казнях стрельцов. Некоторых из них вешали, другим отсекали головы, третьих «ошиваху» живых вместе с «пороховым зелием», которое затем зажигали, отчего порохом взрывом этих стрельцов «вздымаше» вверх и «тамо всего изрываше». Тела казненных стрельцов были повешаны «по осыпи» Земляного города и на воротах Белого города, а от Лобного места на Красной площади до Средтенки лежали их отсеченные головы, «аки плах подовинных». Казни происходили в присутствии царя, исполненного «неукротимая ярости». Петр повелел разорить жилища казненных стрельцов, а их жен и детей «меж двory питатися сотвори». Стрельцов, оставшихся в живых, он разослал в заточение по разным городам. «Всех же стрелцов смерти предано болши десяти тысяч человек» — заключает свой рассказ летописец, пораженный размахом и жестокостью расправ царя со стрельцами; потому он и преувеличил во много раз число казненных стрельцов, к которым испытывает явное сочувствие (говорит об их «страшной и горкой смерти», «напрасной смерти и горкой»). Еще более это сочувствие в адрес стрельцов и неодобрение действий бояр выражено во вступительных словах к рассказу о казнях: «... Богу попустившу, а врагу действующу... по зависти московских бояр Алексиа Шеина да полковника Лаферта и с прочими ненавистники возвестиша они, бояре, великому государю, тщетно и сказаша неправедно, будто они, стрельцы, изменили ему, великому государю, и от него отложились и хотят бояр прирубить, а государю не покориться. А ему, государю, бывшу в то время в Стекляной земли. О горе! В то время излился фиал ярости господня

над христоролюбивым воинством». Автор рассказа является, таким образом, сторонником стрельцов и противником бояр⁴⁰.

В другом летописце, написанном в первой половине XVIII в. (после 1721 г.), также с большим преувеличением сообщается о казни нескольких тысяч стрельцов: «Лета 7207 генваря в день царь Петр Алексеевич з боярами казнили на Москве стрелцов 4000 за измену»⁴¹. Приурочение казней только к январю 1699 г., как и сама цифра казненных, неверны. Любопытно указание на то, что казнили стрельцов сам царь со своими боярами. Интересно также, что тот же мотив в объяснении наказания («за измену») повторен и в записи за 1682 г. относительно бояр, побитых во время Московского восстания: «И в то время много бояр казнили за измену, а иных в сылку ссылали»⁴².

В одном из летописных сборников восстание описано с использованием сообщений А. А. Матвеева и П. Н. Крекшина. В нем кратко рассказывается о походе стрельцов под Воскресенский монастырь, переговорах с ними И. И. Ржевского, П. Гордона, бое правительственного войска со стрельцами (он был начат холостыми выстрелами — пыжами — из пушек). Цифра побитых стрельцов — 420 человек — явно преувеличена, как и количество арестованных — 3 тыс. человек. Кратко говорится о стрелецком розыске, казнях⁴³.

В другом летописце, близком в ранней своей части к Софийской I и Уваровской летописям, среди очень кратких записей за XVI—XVII в. помещено известие и о восстании 1698 г., ошибочно датированном 30 сентября: «Приходили стрелцы ис-под Азова и стояли под Воскресенским монастырем и хотели итти к Москве для бояр. И того же году за такое их умышление и бунтовство казнены на Красной площади многие числы»⁴⁴.

В летописце, доведенном до 1700 г., который, по предположению А. Н. Насонова, является, возможно, официальным сводом петровского времени сочинения Скорнякова-Писарева, рассказывается о Стрелецком восстании 1698 г. Будучи в Вене, говорит автор, Петр получил известие «о бунтовании от стрельцов в резиденции своей граде Москве». Сообщается о слухах в Москве, где «учинися... великой страх и смятение немалое» (из-за слухов о гибели Петра за границей), о планах восставших стрельцов

⁴⁰ РО БАН СССР, Текущие поступления, № 104 (инв. № 8783), л. 430 об.; А. Н. Насонов. Материалы и исследования, стр. 262. Список этого летописца составлен в XVIII в.

⁴¹ ЦГАДА, ф. 196 (собр. Ф. Ф. Мазурина), д. 1142, л. 205 об.; М. Н. Тихомиров. Краткие сведения, стр. 57—58.

⁴² Там же, л. 205.

⁴³ ГБЛ, ОР, ф. 178, д. 9479, лл. 206—209 об. Рукопись представляет собой сборник серед. XVIII в. См.: А. Н. Насонов. Летописные памятники, стр. 284.

⁴⁴ ГБЛ, ОР, ф. 178, д. 5710, л. 462 об. Рукопись первой половины XVIII в.; см.: А. Н. Насонов. Летописные памятники, стр. 284.

(избиение бояр и иноземцев, посажение на трон Софьи). Интересно известие, что московские власти получили информацию о восстании не только от боярина кн. М. Г. Ромодановского, но и от «переметчиков тех же бунтовщиков стрельцов». Кратко говорится о сражении 18 июня под Воскресенским монастырем, казнях стрельцов⁴⁵.

В летописном своде, принадлежащем, возможно, Ф. Поликарпову, коротко сообщается о сражении 18 июня, казнях под Воскресенским монастырем, новом розыске в Москве и казнях. Приводится приговор стрельцам, объявленный 30 сентября 1698 г. Здесь интересно указание на то, что А. С. Шеин под Воскресенским монастырем посылал к стрельцам для уговоров своих помощников «трижды», и свидетельство о том, что в результате обстрела восставшими стрельцами большого полка А. С. Шеина «многих поранили, а иные многие от тех ран померли»⁴⁶.

Таким образом, несмотря на краткость, летописные записи сообщают интересные детали о событиях, связанных с восстанием 1698 г. В основном летописи с осуждением и даже ненавистью описывают действия восставших стрельцов. Тем более интересен факт появления в одном из летописцев записей, свидетельствующих об одобрительном отношении их автора к стрельцам и осуждении действий московских бояр. Это говорит о разном подходе в оценке событий 1698 г. со стороны разных слоев населения — консервативных, придерживающихся официальной версии, и оппозиционных.

В целом рассмотренные источники дают возможность изучить ход Стрелецкого восстания 1698 г. и «стрелецкого розыска».

* * *

Таким образом, история восстания московских стрельцов в 1698 г. нашла отражение в ряде различных источников, прежде всего документальных. Из них главное место занимает следственное дело об участниках движения, а также другие документы (грамоты, отписки и др. о ходе восстания и его подавлении, материалы **розысков, об откликах** на него и т. д.) Имеются документы сводного характера типа выписок («ведомости») из «рядных дел» 1682—1708 гг. Из сообщений современников выделяются записи из дневников. П. Гордона, входившего в число генералов-карателей в 1698 г., и иностранных дипломатов — германского И. Г. Корба и датского Гейнса.

⁴⁵ ЦГАДА, ф. 181, д. 358, лл. 1254—1255 об. Рукопись написана почерком конца XVIII в. См. также: А. Н. Насонов. Материалы и исследования, стр. 262—263.

⁴⁶ ЦГАДА, ф. 181, д. 849, лл. 444 об.—445, 446—448. Рукопись написана в начале XVIII в.; см.: А. А. Насонов. Летописные памятники, стр. 282—283.

Все эти источники требуют сугубо критического отношения и взаимной проверки ввиду специфических условий возникновения материалов следствия (попытки стрельцов скрыть свою вину и стремление властей доказать их связи с Софьей, их намерение посадить царевну-узницу на престол, оставляя в стороне истинные причины восстания) и ввиду слабой подчас осведомленности современников-иностранцев о событиях в России. Кроме того, составители документов, авторы различных сообщений, как правило, резко отрицательно настроены по отношению к восставшим. Это не могло не наложить отпечатка на характер их сообщений о восстании. Лишь в одном из летописцев автор записей о восстании 1698 г. с сочувствием говорит об его участниках и осуждает действия их противников — бояр. Следовательно, различный подход к оценке восстания 1698 г. имел место уже в XVIII в. Изучение всего комплекса источников дает возможность изучить ход, характерные особенности восстания московских стрельцов в 1698 г.

Важнейшими особенностями истории России XVII в., времени окончательного юридического оформления и резкого усиления крепостнических отношений, являлись зарождение капиталистических отношений в области социально-экономического развития и становление абсолютизма в области внутренней политики. С этими явлениями теснейшим образом связано развитие классовой борьбы в стране, в частности в русских городах, прежде всего в столице России Москве, в которой, как в фокусе, отражались социальные противоречия эпохи.

Ключ к пониманию социально-экономического развития в России XVII в. дает известная ленинская характеристика: «Только новый период русской истории (примерно с 17 века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это ...вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было не чем иным, как созданием связей буржуазных»¹.

Советские историки в последние десятилетия уделяют большое внимание изучению узловых вопросов социально-экономического развития страны периода позднего феодализма, в частности проблем мелкого товарного производства, складывания всероссийского рынка, начала разложения феодального способа производства и вызревания элементов нового, капиталистического уклада. С этими проблемами связаны дискуссии о буржуазном расслоении и классовой борьбе русского крестьянства, о генезисе капиталистических отношений, о «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодализма.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 153—154.

Феодалные производственные отношения в XVII в. начинают тормозить развитие производительных сил. К этому времени относится начало разложения феодалных производственных отношений, которое в своем дальнейшем развитии приводит к замене феодализма новым способом производства².

Наращение в феодалных производственных отношениях явлений регрессивности сказывается в XVII в. в резком усилении крепостничества, юридически оформленного Соборным уложением 1649 г., расширении дворянского землевладения и консолидации класса феодалов, консервации варварских форм феодально-крепостнической эксплуатации, в сдерживающем влиянии феодално-крепостнической системы на развитие элементов капиталистического уклада, укреплении позиций самодержавия, начавшемся превращении его в абсолютную монархию. С другой стороны, нельзя не видеть появления и развития новых, капиталистических явлений в недрах феодалного способа производства: усиление общественного разделения труда, экономических связей между различными местностями России, начало складывания всероссийского рынка, массовое превращение ремесла в мелкое товарное производство, рост торгового капитала и усиление купечества, появление и развитие мануфактур, применение вольнонаемного труда на промыслах, транспорте, отчасти на мануфактурах, начавшееся социальное расслоение среди крестьян и горожан³.

Вместе с тем следует отметить, что степень развития элементов новых отношений нельзя преувеличивать; можно говорить о начавшемся зарождении нового способа производства, об истоках капиталистических отношений. Господствующим оставался феодалный способ производства. Это проявлялось в укреплении феодалной собственности на землю, в консолидации прослоек класса феодалов, развитии феодалных отношений вширь и вглубь, об их проникновении в промышленность (применение крепостного труда на мануфактурах) и т. д.

Диалектика исторического развития России XVII в. состояла в том, что в недрах феодално-крепостнического строя, продолжавшего укрепляться, начались процессы, которые в своем развитии должны были в будущем его подорвать.

² М. В. Нечкина. О «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодалной формации.— «Вопросы истории», 1958, № 7; она же. К итогам дискуссии о «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодализма.— «Вопросы истории», 1963, № 12.

³ И. А. Булыгин, Е. И. Индова, А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов, С. М. Троицкий. Начальный этап генезиса капитализма в России.— «Вопросы истории», 1966, № 10.

УКРЕПЛЕНИЕ ПОЗИЦИЙ ДВОРЯНСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

Класс феодалов (служилые люди «по отечеству» — чины думные, московские и городовые), в течение XVII в. сильно укрепил свои позиции⁴⁻⁵. Значительно расширилось феодальное землевладение — количество дворянских земель возрастало за счет уменьшения крестьянской запашки, массовой раздачи дворцовых, черносошных земель, пустошей, освоения дворянами земель южных районов страны, Поволжья и др. Так, в последней четверти XVII в. только из дворцовых волостей близкие к царскому двору лица получили огромное количество земель с более чем 30 тыс. крестьянских дворов.

В это же время крепостническое землевладение с разрешения правительства стремительно внедряется в южных уездах страны. Перелом правительственной политики по отношению к этим районам палает на 70—80-е годы XVII в., когда обеспечение безопасности южных границ сделало в глазах властей излишним законодательство, запрещавшее сыск беглых, приобретение дворянами «порозжих» земель, покупку и мену земли у приборных служилых людей и ее насильственный захват.

В руках отдельных феодалов сосредоточиваются огромные земельные владения с большим количеством крепостных крестьян. Так, кн. И. А. Воротынский владел 4609 крестьянскими дворами, П. М. Салтыков — 3019; от 1,5 до 2 тыс. дворов имели Г. С. Куракин, И. Б. Троекуров, И. А. Голицын, Я. Н. Одоевский и др. Царские родственники Нарышкины с 1684 по 1699 г. получили из дворцовых волостей 6,5 тыс. крестьянских дворов. Кн. М. Я. Черкасский в 1699 г. имел около 9 тыс. крестьянских дворов. Патриарху в конце 1670-х годов принадлежало более 7 тыс. дворов, Троице-Сергиеву монастырю — около 17 тыс., Кирилло-Белозерскому — около 5,5 тыс. и т. д.

Согласно итогам переписи 1678—1679 гг., в Европейской России насчитывалось около 813 тыс. тяглых дворов. Из них посадские и черносошные дворы составляли соответственно 45 и 74 тыс. Остальные 694 тыс. являлись дворами крепостных крестьян, из которых 584 тыс. дворов принадлежали дворянам и церкви, 110 тыс. — дворцу, т. е. царю с его семейством. Из населения 4374 тыс. человек мужского пола крестьяне светских фео-

⁴⁻⁵ Н. П. Павлов - Сильванский. Государевы служилые люди. СПб., 1909; Ю. В. Готье. Замосковский край в XVII в., изд. 2. М., 1937; А. А. Новосельский. Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII в. — «Исторические записки», 1938, т. 4; «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в.», М., 1955, стр. 139—159; то же. «Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I». М., 1954, стр. 185 и сл.; «История СССР с древнейших времен до наших дней», т. III. М., 1967, стр. 16—17, 57, 114—115.

далов насчитывали 2 млн. 269 тыс. (52%), крестьяне духовенства — 686 тыс. (16%), дворцовые — 405 тыс. (9,2%), чернососшные — 338 тыс. (8,3%), ясашные — 200 тыс. (4,5%), посадские люди — 134 тыс. (3%), неподатное население (в том числе однодворцы) — 311 тыс. (7%). В целом крестьянство составляло 90% населения, причем $\frac{3}{4}$ его были крепостными⁶.

Важное значение для феодалов имело стирание различий между поместьями и вотчинами. Правительство часто практиковало перевод части поместной земли в вотчинную (за участие в войне с Польшей в 1650—1660 гг., в чигиринских походах, в «троицком походе» 1682 г., в связи с заключением «вечного мира» 1686 г. и т. д.). Законодательство разрешало обмен поместьями с доплатой деньгами, что на практике означало разрешение купли-продажи поместной земли. Юридическое оформление процесс фактического слияния поместья и вотчины получил в указе о единонаследии 1714 г.

Дворянство в XVII в. последовательно «очищалось» от выходцев из других классов и сословий — от крестьян, посадских людей, приборных служилых людей. С другой стороны, запрещалось похолопление детей боярских без именного царского указа. В 1675 г. правительство запретило переход в дети боярские «мужиков» — служилых людей по прибору, крестьян, холопов, посадских людей.

В течение XVII в. продолжалось стирание граней между двумя прослойками феодалов — боярством и дворянством. С одной стороны, часть боярства беднела и опускалась в ряды дворян и детей боярских. С другой стороны, в ряды знатной московской аристократии поднимались представители незнатного дворянства. Одним это удавалось благодаря родству с царским семейством, фавору, другим — благодаря заслугам на приказном, бюрократическом поприще (Стрешневы и Милославские, Языковы и Лихачевы, Нарышкины и Матвеевы, Башмаков и Заборовский и др.). Происходило «одворянивание» класса феодалов.

Попытки боярства отстоять, утвердить свои олигархические привилегии терпели поражение. Это с полной ясностью показали крах «боярской попытки» 1681 г.⁷, когда ее представители предложили разделить страну на наместничества во главе с «вечными» наместниками из «великородных людей», и отмена местничества в следующем году.

00-45800

⁶ Я. Е. Водарский. Численность населения и количество поместно-вотчинных земель в XVII в. (по писцовым и переписным книгам). — «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1964 год» Кишинев, 1966, стр. 226—227, 230; он же. Служилое дворянство в России в конце XVII — начале XVIII в. — «Вопросы военной истории». Сб. статей. М., 1969.

⁷ В. К. Никольский. «Боярская попытка» 1681 г. — «Исторические известия», издаваемые историческим обществом при Моск. ун-те, 1917, кн. 2.

КРЕСТЬЯНЕ И ХОЛОПЫ

Огромной победой дворян было юридическое оформление закрепощения русского крестьянства Соборным уложением 1649 г. и организация в широких масштабах сыска беглых крестьян во второй половине XVII в. Тем самым окончательно ликвидировались остатки прав крестьян на переход от одного владельца к другому. Правда, в течение нескольких десятков лет после 1649 г. в южных уездах страны действовали нормы «урочных лет» для сыска и возврата беглых. Бежавшие сюда беглые крестьяне спасались от крепостной неволи поступлением в приборные служилые люди и иногда верстались даже в дети боярские. Но постепенно, с укреплением обороны южных границ, уменьшением опасности набегов крымских татар, в южные уезды проникает землевладение русских помещиков, создававших серьезную угрозу закрепощения приборным служилым людям, в том числе бывшим беглым крестьянам, холопам и другим социальным группам.

Увеличение количества закрепощенного населения достигалось, как мы упоминали выше, не только путем захватов новых земель, но и раздачей земель черносошных крестьян. Раздавались и земли дворцового ведомства. Закрепошались также оставшиеся свободными группы населения деревни и города — «вольные» или «гулящие люди» (освобожденные кабальные холопы, обедневшие приборные служилые люди и их родственники; посадские люди, покинувшие службу или тягло, бывшие пленные, выходцы из-за рубежа и др.). Крестьяне по существу приравнивались по своему положению к холопам — по законам 1681—1682 гг. сделки владельцев на крепостных крестьян указывалось записывать в Приказе холопья суда, а пошлины с подобных сделок брать в том же размере, как и с холопских кабал⁸.

Наряду с общим ростом крепостнической эксплуатации, барщинных, оброчных и денежных повинностей, в русской деревне XVII в. проявляются иные, «антикрепостнические» тенденции: переход от отработочной к денежной ренте, отходничество и наемный труд, аренда земли, расслоение крестьянства, его борьба за землю, за право заниматься торгами и промыслами, за гражданские права. Все это было обусловлено началом складывания всероссийского рынка, зарождением буржуазных связей. Классовая борьба крестьян против феодалов дополняется обострением

⁸ М. А. Дьяконов. Очерки из истории сельского населения в Московском государстве (XVI—XVII вв.). СПб., 1898; Л. В. Черепнин. Классовая борьба в 1682 г. на юге Московского государства. — «Исторические записки», т. 4; А. Г. Маньков. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII в. М.—Л., 1962; «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в.», стр. 176 и сл.

противоречий внутри самой деревни, социальной разностью между трудовой массой, беднотой и зажиточной верхушкой⁹.

Все эти явления не свидетельствовали еще о капиталистическом, буржуазном расслоении русской деревни, но создавали условия, базу для этого расслоения в будущем; в XVII в. существовали зародышевые формы такого расслоения.

В положении холопов, проживавших на дворах феодалов в их деревнях и городах, прежде всего в Москве, тоже имело место неодинаковое положение разных слоев. На дворах московских бояр и других знатных людей обитало по несколько десятков и даже сотен холопов. Среди них имелась своеобразная холопская аристократия — приказчики, ключники и особенно масса холопов-воинов, отправлявшихся вместе с господами на военную службу. Основную часть составляли рядовые холопы.

Помимо собственно холопов, во дворах светских феодалов и на своих собственных дворах проживала многочисленная категория «задворных» и «деловых» людей, в монастырях — «детенышей» и «слуг» (наемные рабочие, «работные люди» из крепостных крестьян, крестьянские и бобыльские дети, безродные сироты, выходцы из-за рубежа и др.). При введении подворного обложения в 1679—1681 гг. задворные и деловые люди, монастырские детеныши, проживавшие на своих дворах, а также сельские ремесленники были положены в тягло, от которого раньше их освобождали.

ГОРОД И ГОРОЖАНЕ

В положение городов и горожан большие изменения внесли Соборное уложение 1649 г. и посадская реформа («посадское строение») 1649—1652 гг.¹⁰ Посадские люди по новому закону

⁹ Н. В. Устюгов. К вопросу о социальном расслоении русской черносошной деревни XVII в.— «История СССР», 1961, № 6; Е. И. Индова, А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов. Буржуазное расслоение крестьянства в России XVII—XVIII вв.— «История СССР», 1962, № 3; они же. Классовая борьба крестьянства и становление буржуазных отношений в России (вторая половина XVII—XVIII в.).— «Вопросы истории», 1964, № 12; И. А. Булыгин. О капиталистическом расслоении крестьянства в дореформенной России.— «История СССР», 1964, № 4; М. Я. Волков, С. М. Троицкий. О буржуазном расслоении крестьян и складывании рынка наемной рабочей силы в России в первой половине XVIII в.— «История СССР», 1965, № 4; Дискуссия о расслоении крестьянства в эпоху позднего феодализма.— «История СССР», 1966, № 1; А. Н. Сахаров. Русская деревня XVII в. По материалам патриаршего хозяйства. М., 1966.

¹⁰ О положении горожан во второй половине XVII в. см.: П. П. Смирнов. Города Московского государства в первой половине XVII в., т. I, вып. 2. Киев, 1919; он же. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в., т. I—II. М.—Л., 1947—1948 г.; «История Москвы», т. I. М., 1952, стр. 456—457, 468—470 и др. «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в.», стр. 198—220; Ю. Р. Клокман. Город и законодательство рус-

прикреплялись к тяглу, а в результате «посадского строения» в посадское тягло были включены беломестцы, беломестные слободы, числившиеся до этого за светскими и духовными феодалами. Число посадских дворов с 31,5 тыс. в 1646 г. (по неполным данным) увеличилось до 41,6 тыс. с 108 тыс. посадских людей мужского пола. К концу XVII в. насчитывалось приблизительно около 48 тыс. дворов с 134 тыс. посадских людей мужского пола (прирост числа посадских дворов на 7%, их жителей — на 24%), а с членами семей — 250—300 тыс. человек. Интересно, что число всяких служилых людей в городах с 1652 по 1678 г. абсолютно увеличилось по приблизительным данным со 139 тыс. до 149 тыс. человек, но относительно уменьшилось с 56% до 45%¹¹.

Помимо посадских людей, в городах, прежде всего в Москве, проживало немалое количество служилых людей по отчеству (бояре, дворяне) и служилых людей по прибору (стрельцы, пушкари, воротники и т. д.). Так, в середине XVII в. в Москве из 27 тыс. дворов в стрелецких слободах насчитывалось 10 тыс. (посадские люди имели 3,6 тыс. дворов).

В целом посадские люди к концу XVII в. составляли всего около 3% населения страны. Но торгово-ремесленное значение городов в жизни страны было весьма заметным.

Важным фактором внутренней жизни русского города было имущественное расслоение посадских жителей — торгово-промышленных людей и ремесленников. Среди них выделяются «лучшие люди», «средние люди», «молодые люди» (нередко также «самые молодые», «худые», «самые худые»). Если «лучшие люди» имели капитал в сотни и тысячи рублей, а иногда в 20—100 тыс. рублей (до 1,5 млн. руб. на деньги начала XX в.), вели огромные торговые операции в масштабе всей страны, с заграницей, то большинство посадских торговцев продавало мелочные товары со скамей, лотков, «походячим торгом»; стоимость их товаров не достигала подчас рубля. Расслоение наблюдалось и среди ремесленников.

На грани нищеты жили всякие «вольные люди», чернорабочие-ярыжки и др.

Крупные купцы наживали огромные капиталы не только на торговых операциях, но и промышленной деятельностью — они владели винокурнями, кожевенными заводами, соляными варницами и т. д. Исполнение различных казенных служб (сбор пошлин, покупка и продажа казенных товаров), мирских выборов

ского абсолютизма во второй половине XVII—XVIII вв. — «Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.)». Сб. статей. М., 1964; Е. В. Чистякова. Народные движения в России в середине XVII в. (1635—1649). Автореферат докт. дисс. М., 1966, стр. 1—2, 7—8.

¹¹ Я. Е. Водарский. Численность и размещение посадского населения в России во второй половине XVII в. — «Города феодальной России». Сб. статей. М., 1966, стр. 271—281.

обязанностей (земские старосты, целовальники и др.) также давало возможность городской верхушке обогащаться не только за счет казны, но и за счет своих неимущих собратьев. В частности, такую возможность они получали при мирской раскладке налогов, повинностей.

Накопление в руках богатых купцов капиталов, возрастание доли предпринимательской прибыли в их доходах, расширение использования наемного труда приводило к превращению части горожан в «капиталистов-купцов» (В. И. Ленин), к зарождению буржуазии в России. Впрочем, пути феодально-крепостнических отношений, господствовавших в стране, стесняли развитие новых тенденций в жизни русских городов¹².

В XVII в. горожане в ходе классовой борьбы выдвигали в разное время и в различных сочетаниях общесословные требования (уменьшение налогов, упорядочение суда и управления, установление их монополии в торговле, ликвидация беломестной системы), а посадские низы, кроме того, выступали против эксплуататорских, хищнических тенденций со стороны городских богатеев, мироедов. Середина и вторая половина XVII столетия отмечены поэтому выступлениями горожан в защиту своих сословных привилегий, против гнета феодально-крепостнического строя в целом, а также внутриклассовой борьбой между посадскими низами и городской верхушкой.

Социальные противоречия в развитии русского города с особой четкостью и рельефностью выявляются в Москве. В русской столице и ее окрестностях во второй половине XVII в. произошли наиболее сильные вспышки классовой борьбы.

Москва — экономический, политический, административный и культурный центр страны — стала в XVII в. одним из крупнейших городов Европы с многочисленным населением. Столица являлась центром сосредоточения казенных, дворцовых и тяглых ремесленников различных специальностей. В ней проживали сотни и тысячи специалистов по металлообработке (кузнецы, котельники, серебряники и др.), деревообработке (плотники, бочарники, тележники и др.), обработке растительного и животного сырья (ткачи, кожевники, сапожники, скорняки и т. д.), по производству продуктов питания (хлебники, пирожники, калачники, квасники и др.), изготовлению и ремонту одежды (портные, шубники, ветошники и др.). В течение XVII в. ремесленники все больше начинают работать на рынок, происходит превращение ремесла в мелкое товарное производство (особенно у металлистов, хлебников и др.), растет использование наемного труда, имущественное неравенство среди товаропроизводителей (с од-

¹² «Распределение между гостями царских служб в 1675 г.» — «ЧОИДР», 1913, кн. 3, отд. IV; М. Я. Волков. Формирование городской буржуазии в России XVII—XVIII вв. — «Города феодальной России». Сб. статей. М., 1966.

ной стороны, масса рядовых работников, с другой — зажиточная верхушка в лице хозяев заведений, подрядчиков строительных работ и т. д.). Эти процессы в Москве прослеживаются с наибольшей полнотой в сравнении с другими городами страны.

В столице находился ряд казенных мануфактур (Пушечный и денежные дворы, пороховые мельницы и др.). В качестве подсобной силы или учеников привлекались тяглецы, мелкие служилые люди (пушкарки, воротники, стрельцы и их дети). Дворцовому ведомству подчинялись Кадашевская полотняная мануфактура, Сыромятная и Кожевенная слободы, Измайловский стекольный завод, Царская и Царицына мастерские палаты (швейные мануфактуры). Мануфактуры применяли принудительный труд (вызов мастеров «по указу»), основанный на феодальном способе эксплуатации путем внеэкономического принуждения¹³.

Москва являлась самым крупным торговым городом России, центром складывающегося всероссийского рынка. Торговали в многочисленных рядах (более 120) Китай-города, а также «походячим торгом» на Красной площади и в других местах. Богатые купцы и ремесленники, владевшие несколькими лавками, вели операции с помощью наемных приказчиков — «сидельцев». Большинство же торговало вразнос, со скамей, саней, кадок, лотков под открытым небом. Основную массу торговцев составляли московские посадские тяглецы из черных сотен и слобод, в меньшей степени — из стрельцов и др. Они занимались розничной торговлей. Оптовые операции на внутреннем и внешнем рынках находились в руках гостей и членов Гостиной и Суконной сотен. В их же руки попадали подряды на казенные работы, поставки (вина и др.), откупные операции; участвовали в них и наиболее зажиточные представители стрелецкой верхушки¹⁴.

Социальное расслоение между «лучшими» и «молодыми» людьми посада, а также в среде приборных служилых людей в столице было несравненно более резким, чем в других городах. Амплитуда здесь была колоссальной — от полуголодного существования массы посадских, «вольных» людей, рядовых приборных служилых людей до почти сказочного богатства посадских купчин-богатеев, владевших огромными капиталами (Шорины, Задорины, Гурьевы, Кирилловы и др.). Городская беднота добывала себе средства существования личным трудом — мелким ре-

¹³ А. Н. Сперанский. Очерки по истории Приказа каменных дел Московского государства. М., 1930; Н. В. Устюгов. Ремесло и мелкое товарное производство в Русском государстве XVII в.— «Исторические записки», т. 34; П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в., т. II; «История Москвы», т. I, стр. 366—423.

¹⁴ С. И. Сакович. Торговля мелочными товарами в Москве в конце XVII в.— «Исторические записки», т. 20; «История Москвы», т. I, стр. 423—445.

меслом и торговлей, наемным трудом, службой в приказчиках и стрельцах, подвергалась эксплуатации со стороны представителей богатой посадской и стрелецкой верхушки.

Весь ход социально-экономического и политического развития страны, ее столицы обуславливал усиление классовой борьбы, которая наблюдается начиная с середины XVII в. в течение всей второй половины столетия. Все народные выступления этого времени назревали изнутри, подготавливались нарастанием и поляризацией социальных противоречий в русском обществе, наступлением складывающейся абсолютистской монархии на жизненные права основной, малообеспеченной массы населения.

В середине и второй половине XVII в. в Москве и ее окрестностях произошел ряд крупнейших антифеодальных движений — восстания 1648, 1662, 1682, 1698 гг.; здесь же зародился раскол, который нередко выражал в религиозной форме социальный протест народных низов против феодально-крепостнического строя, порядки которого освящала и защищала официальная церковь, в частности это имело место во время движения раскольников в столице в 1682 г., когда оно явилось составной частью Московского восстания.

Московское восстание 1662 г. имело своим прямым следствием отмену медных денег и возвращение к серебряной монете в 1663 г. Борьба горожан за свои права во второй половине XVII в. привела и к другим заметным результатам. Помимо приписки в посадское тягло многих беломестцев в середине XVII в., правительством изданном Новоторгового устава 1667 г. и ряда указов распорядилось сыскивать и возвращать в посад тяглецов. Оно же, помогая, с одной стороны, дворянам в сыске беглых крестьян и холопов, с другой, идя на уступки посадам, в ряде случаев признавало переходы крестьян в посадские жители.

В 1680 г. из ведения городских воевод и его помощников (сыщики, головы, сборщики и др., присылаемые из Москвы) изъяли все финансовые дела и передали их в руки городского самоуправления, т. е. прежде всего в распоряжение «лучших» посадских людей. Налоговая реформа 1679—1681 гг. сопровождалась снижением налога с ряда городов, а затем и общим снижением оклада стрелецких денег со 152 687 руб. до 107 550 руб. (эта последняя мера была осуществлена с участием крупнейших купцов-гостей). Тем самым городское сословие в 1660—1680 гг. добилось уменьшения налогового гнета, повышения роли городских мирских властей и соответственно ограничения компетенции, произвола воеводской администрации в городах. Численность горожан возрастала за счет приписки в посадское тягло беглых крестьян и возвращения в него самих посадских людей. Все это делает понятным поведение московских посадских жителей во время восстаний 1682 и 1698 гг., когда, несмотря на известное участие в первом движении и явное сочувствие делу

восставших в них обоих, говорить об их активном участии вряд ли приходится.

В то же время нужно отметить, что общие условия режима феодально-крепостнической эксплуатации — налоговое бремя, произвол бояр и приказных дельцов, крепостнический характер посадской жизни (приписка посадских людей к общинам, запрет перехода из одного посада в другой и др.), имущественное расслоение и нарастание внутрикласовых противоречий среди горожан — приводили к проявлениям недовольства, сочувствию к делу восставших, к отдельным выступлениям горожан в конце XVII в.

СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ ПО ПРИБОРУ (СТРЕЛЬЦЫ И ДР.)

Близкое к крестьянам и посадским людям положение занимали приборные служилые люди — московские и городовые стрельцы, пушкарки, воротники, казаки и др. В их ряды вербовались родственники самих приборных людей, всякие вольные люди и в значительном числе крестьяне и посадские люди. Правда, приборные служилые люди (как и представители некоторых других слоев населения) могли вступить в ряды служилых людей по отечеству и получали, помимо небольшого денежного и хлебного жалованья, еще и землю по нормам поместного права. Земельные дачи имели, как правило, приборные люди мелких провинциальных городов. Но к последней четверти XVII в. правительство приняло энергичные меры по очищению дворянства от этих «мужиков» (указ 1675 г.). К тому же землю они получали не индивидуально, как дворяне, а «миром», чем был обусловлен крестьянский порядок землепользования (уравнительное распределение земли, общее пользование угодьями). В массе своей они не имели крестьян и вели личное трудовое хозяйство (отсюда их название — однодворцы). В отличие от дворян они выполняли различные повинности (обработка государевой десятинной пашни, выполнение разных «поделок», изготовление стругов). С 1668 г. они должны были вносить «четвериковый хлеб» — тяжелый натуральный оброк, по существу феодальную ренту.

Налоговая реформа 1679—1681 гг. приравняла приборных служилых людей (однодворцев) к крестьянам, наравне с которыми они должны были платить подворную подать. Приборные служилые люди, терявшие во второй половине XVII в. свои привилегии и сближаясь по своему положению с тяглыми слоями населения, впоследствии переходили в число государственных крестьян или посадских тяглецов¹⁵.

¹⁵ В. А. Александров. К вопросу о происхождении сословия государственных крестьян. — «Вопросы истории», 1950, № 10; он же. Стрелецкое на-

Поскольку в восстаниях 1682 и 1698 гг. главной движущей силой выступали московские и отчасти городовые стрельцы, на их положении следует остановиться подробнее. Стрельцы наряду с полками солдатского строя занимали весьма заметное место в вооруженных силах России второй половины XVII в.

Появившись в 1540-е годы, стрельцы сразу заняли прочное место в составе русской армии и в качестве первого в России постоянного войска сыграли заметную роль в военных действиях второй половины XVI в. (взятие Казани в 1552 г., Ливонская война и т. д.). В опричном войске Ивана Грозного имелись и стрельцы. Они набирались из простых людей, прежде всего из беднейшего тяглого посадского населения, «вольных охочих людей», получали постоянное жалованье, жили отдельными слободами. Стрелецкие сотни сводились в статьи, позднее в приказы (приборы), просуществовавшие до второй половины XVII в. Во главе приказов стояли головы (позднее — полковники), сотен, полусотен и десятков — сотники, пятидесятники и десятники. Головы (полковники), полуголовы, сотники назначались из дворян и детей боярских, а пятидесятников и десятников назначал голова из числа старых, «добрых» рядовых стрельцов. Стрельцы делились на московских и городских, пеших, которые составляли большинство, и конных (стремянных). Ежедневную охрану царского дворца в Кремле несли стремянные, а пешие стрельцы, сменяясь по неделям, несли караульную службу по всей остальной Москве. Московские стрельцы числились в составе государева полка. Московских стрельцов посылали в другие города для укрепления их гарнизонов, в военные походы и т. д. Городовых стрельцов держали повсеместно — в пограничных городах на западе, юге, в Поволжье, Сибири и др. Их служба была наследственной и пожизненной, освобождали от нее только по старости, за раны и увечья. Московские стрельцы получали по 4—7 руб. ежегодного денежного жалованья, по 12 четвертей ржи и 12 четвертей овса.

Вооружение стрельцов включало ручную пищаль (ручница, самопал) или мушкет, бердыш, саблю или пику; им выдавали пороховницу, свинец и порох. Они ходили строем, имели свое знамя в каждом полку и носили военную форму. В стрелецких слободах они имели дома, дворы и приусадебные участки. На периферии им, кроме того, выделяли земельные участки для пашни. Соответственно этому они получали более низкое денежное жалованье. Ввиду плохой материальной обеспеченности стрельцов правительство разрешало им заниматься торговлей и ремеслом. Конечно, это сказывалось отрицательно на уровне их

селение южных городов России в XVII в. — «Новое о прошлом нашей страны». Памяти акад. М. Н. Тихомирова. М., 1967; «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в.», стр. 141—143.

военной подготовки, но давало дополнительный источник для существования и сближало по положению с посадскими жителями. С последними их связывало и другое — многие стрельцы сами в прошлом вышли из их среды, к этому нужно добавить родственные связи, общие хозяйственные занятия, особенности психологии и т. д. Но нельзя забывать и о различиях в их положении, взаимных трениях, соперничестве в торгово-ремесленной деятельности. Специфические особенности в положении тех и других сказывались в ходе народных движений XVII в., в их требованиях и действиях. Вместе с тем те и другие одинаково страдали от произвола властей, эксплуатации и хищничества верхов посадских жителей и богачей из стрелецкой среды.

Из тех же слоев населения набирались пушкарки и затынщики, московские и городовые. Они получали денежное и хлебное жалованье, более скромное в сравнении со стрельцами. Чтобы прокормиться, они занимались земледелием, торговлей и ремеслом.

Еще менее обеспеченными были воротники, кузнецы, плотники и другие служилые люди по прибору «пушкарского чина».

Приборные люди стали к концу XVI в. преобладающей боевой силой русского войска. Но классовой опорой феодально-крепостнического государства, его правительства оставалось дворянское ополчение. Дворяне занимали руководящее положение во всем войске, из них, в частности, комплектовался командный состав стрелецких полков.

Стрельцы сыграли выдающуюся роль в событиях начала XVII в. — в ряде случаев (например, при обороне городов от иноземцев) они оказывались боеспособней и устойчивей дворянского войска, входили в состав Первого и Второго ополчений. Учитывая это, правительство в первой половине XVII в. увеличило их численность (до 30 тыс. человек в 30-е годы XVII в. против 20—25 тыс. в конце XVI в.). Кроме того, стрельцов стремились превратить в полицейскую силу, в замкнутую кастовую организацию. В состав стрелецкого войска разрешалось вступать и вольным охочим людям, но последние делали это неохотно. поэтому основным источником увеличения численности стрельцов все более становились их собственные семьи¹⁶.

Этот курс по отношению к стрельцам правительство продолжало и в середине и второй половине XVII в. В то же время в их положении произошли существенные перемены. Правда, по-прежнему увеличивалась их численность. Если численность

¹⁶ Н. Родиславский. Стрельцы.— «Москвитянин», 1850, № 1, отд. III; Н. Шпаковский. Стрельцы.— ЖМНП, 1898, сентябрь, стр. 135—151; А. В. Чернов. Вооруженные силы Русского государства в XV—XVII вв. М., 1954, стр. 46—52, 61, 82—86, 89—91, 95—97, 108, 118—120, 126—128, 130—132; он же. Строительство вооруженных сил Русского государства в XVII в. (до Петра I). Рукопись докт. дисс. М., 1949., стр. 606 и сл.

дворянского ополчения с 1651 по 1680 г. уменьшилась с 39,4 тыс. до 15,8 тыс. человек, то численность московских стрельцов увеличилась с 8,1 тыс. до 22,5 тыс. в 1681 г. Вместе с городовыми к началу 80-х годов насчитывалось 55 тыс. стрельцов (в 1651 г. около 44,5 тыс.). Правда, основное место в армии по численности занимали полки нового строя: в 1680 г. имелось 30,5 тыс. рейтар, 61,3 тыс. солдат (число драгун неизвестно)¹⁷. Стрелецкое восстание 1698 г. было подавлено именно полками нового, регулярного строя.

Основная обязанность стрельцов заключалась в несении гарнизонной, караульно-полицейской службы в городах, а также в участии в военных походах. Участием в восстаниях середины и второй половины XVII в. стрелецкое войско в некоторых случаях показало себя как ненадежная опора с точки зрения государственной власти. Но, с другой стороны, по ее же указаниям оно не раз расправлялось с народными выступлениями. Эта двойственность позиции стрельцов обусловлена рядом факторов—их положением в качестве вооруженной организации, служившей интересам феодально-крепостнического государства, социальным происхождением, составом стрелецкого войска, его социальной неоднородностью, разнью в его рядах, постепенным ухудшением материального, правового, бытового положения стрельцов во второй половине столетия.

Выше уже отмечалось, что еще в первой половине XVII в. правительство старалось организовать пополнение стрелецкого войска в первую очередь за счет родственников самих стрельцов, а также их «подсосудников», «захребетников» и т. д. Не исключался прием «всяких охочих вольных людей». Прием же холопов и крепостных крестьян запрещался. Вольные люди, поступавшие в стрельцы, должны были оставаться в их рядах навсегда, то же ожидало их потомков¹⁸.

Соборное уложение 1649 г. зафиксировало факт недоброжелательного отношения властей к записи в стрельцы посадских тяглецов, стремившихся тем самым избавиться от тягла¹⁹.

Во второй половине XVII в. правительство старалось проводить этот принцип наследственности службы стрельцов, недопущения в их ряды холопов, крепостных крестьян и посадских тяглецов. Однако нужды внутренней охраны, пограничной, гарнизонной службы приводят к тому, что в ряды городских стрельцов

¹⁷ А. В. Чернов. Вооруженные силы Русского государства в XV—XVII вв., стр. 161—162, 167; он же. Строительство вооруженных сил..., стр. 656—657; «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в.», стр. 447—448.

¹⁸ ААЭ, т. III, № 199; Г. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича, изд. 4. СПб, 1906, стр. 91; А. П. Станевич. Московское восстание 1682 г. Рукопись канд. дисс. [Б/м, б/г], стр. 118—119.

¹⁹ М. Н. Тихомиров, П. П. Епифанов. Соборное уложение 1649 г. М., 1961, стр. 234 (гл. XIX, ст. 26).

принимают крещеных татар, мордву, марийцев, пленных поляков и литовцев, ссыльных людей. К 80—90-м годам XVII в. в ряды стрельцов, как и солдат, все больше принимают выходцев из крестьян (из числа даточных), посадских людей, холопов. Причем в ряды московских стрельцов старались выбирать людей женатых и обеспеченных, одиноких и маломощных брать запрещалось²⁰.

Основной обязанностью московских и городских стрельцов оставалась караульная и гарнизонная служба в Москве и других городах страны, участие в военных походах. Деятельное участие они приняли в Чигиринском походе 1678 г., крымских и азовских походах 80—90-х годов XVII в. Во время своих служб в городах московские и городовые стрельцы исполняли всякие работы — строили и чинили крепости, возили лес, делали струги, сопровождали казну и запасы, охраняли торговые караваны, помогали при их разгрузке и т. д. В Москве стрельцы, свободные от службы, участвовали во встречах послов, а во время пожаров превращались в пожарников. Стремянные стрельцы сопровождали царя и двор во время выездов из столицы.

Московские стрельцы занимали самое привилегированное положение среди приборных служилых людей, будучи близки к царю и его двору. Цари, в особенности Алексей Михайлович, оказывали им особое внимание — устраивали смотры, угощения, выдачи денег, повышали иногда денежные оклады, оберегали их во время военных походов. Власти отмечали и несколько преувеличивали их боевые заслуги в Чигиринском походе, в котором участвовало 17 тыс. стрельцов²¹. Во время существования Приказа тайных дел (1655—1676 гг.) московские стрельцы ведались непосредственно им²².

Военно-гарнизонная, военно-полицейская служба стрелецкого войска приводила, конечно, к снижению его боевых качеств. На его военное обучение обращалось недостаточное внимание. Торговля и промыслы также отвлекали их от военных занятий.

На содержание стрелецкого войска собирали «стрелецкий хлеб» (хлебные и продовольственные запасы) с крестьян и «стрелецкие деньги» с посадских жителей. Впрочем, во второй половине XVII в. от этого налога освобождаются дворцовые крестьяне, часть помещичьих и большая часть патриарших крестьян. Но тогда же увеличивается сбор «стрелецких денег» с горожан. В связи с этим заметим, что победившие весной 1682 г. стрельцы потребовали в августе того же года сбора «подможных денег» для них с дворцовых крестьян.

²⁰ ДАИ, т. III, № 36; т. V, № 18; Г. Котошихин. О России..., стр. 93; А. П. Станевич. Указ. соч., стр. 120—123; А. В. Чернов. Строительство вооруженных сил..., стр. 607—613.

²¹ А. В. Чернов. Строительство вооруженных сил..., стр. 625—629, 658.

²² Там же, стр. 664.

К концу XVII в. общая сумма налога снижается, жалование стрельцам постепенно уменьшается, потом стабилизируется; стрельцы непрерывно жалуются на постоянные задержки в выдаче денежного и хлебного жалованья.

Правительство нередко расходовало стрелецкие деньги и хлеб не по прямому назначению, а стрельцы вынуждены были кормиться за счет тех городов, в которых они служили, или искать каких-то других источников существования. Указанное явление нередко приводило к обострению отношений стрельцов с горожанами. Это сказалось впоследствии в фактической изолированности выступлений стрельцов от горожан, несмотря на явное сочувствие со стороны последних.

Размер денежного жалованья в разные годы был неодинаковым и зависел от многих причин — от суммы собранного налога, военного или мирного времени, урожая или недорода, от места службы (в зависимости от величины и значения города) и т. д. Московские стрельцы получали больше городовых. По Котошихину, московские стрелецкие пятидесятники, десятники и рядовые стрельцы в середине XVII в. получали в год по 15, 13, 10 руб., хлеба соответственно — по 20, 18, 15 четей, соли — по 5, 3, 2 пуда; ежегодно им выдавали сукно из царской казны на платье. За выполнение дополнительных поручений (военные походы, подавление «бунтов» и др.) они получали особые выдачи, угощения.

Городовые, провинциальные стрельцы получали меньше — от 5 до 1 руб. в год (пятидесятники, десятники, рядовые), причем твердо установленных окладов не было.

Размер жалованья во второй половине XVII в. сильно уменьшился: если в середине XVII в. рядовой московский стрелец получал 10 руб. в год, то в 1681 г. — немногим более 5 руб. (100 тыс. с лишним руб. на 20 тысяч московских стрельцов по окладной росписи 1681 г.). Это уменьшение жалованья стрельцам начал осуществлять еще с 1648 г. Б. И. Морозов. Недаром стрельцы в 1682 г. требовали улучшения своего материального положения.

Из своего жалованья, и без того недостаточного, стрельцы должны были выделять определенную, и немалую, часть на содержание и приобретение знамен, барабанов и другого «полкового строения», покупку боевых припасов (последних — в мирное время), лошадей, ремонт личного оружия, содержание слободских церквей, на подарки и взятки стрелецкому начальству, воеводам, приказным.

Правительство, сознавая недостаточность жалованья для содержания стрельцов и их семей, по-прежнему выделяло для них земли под дворы, дворовое строение и огороды. Тем, кто служил без жалованья или получал его в уменьшенном размере, давали землю под пашни, выгоны и сенокосы (обычно по 8 четвертей в

поле, всего 24 четверти). Землевладение приборных служилых людей, в том числе стрельцов, как уже отмечалось, приближалось по своему характеру к крестьянскому.

Выделение стрельцам (обычно в провинции) земельных наделов (8—10 четвертей, т. е. 4—5 десятин) практиковалось нечасто, гораздо большая их часть получала жалованье. Так, по данным за 1663 г. стрельцы 40 городов получали денежное и хлебное жалованье, а землю — стрельцы только 20 городов, причем таких мелких, как Одоев, Лихвин, Шацк и др. Но в целях экономии правительство все чаще практикует наделение городовых стрельцов землей вместо выдачи денежного и хлебного жалованья, превращая их в пашенных стрельцов. Это вело к снижению их жизненного уровня²³.

Чтобы обеспечить себя и свои семьи, стрельцы занимались торговлей и промыслами. Это сближало их с посадскими жителями, но отделяло то, что они не несли посадского тягла.

Среди стрельцов можно было встретить плотников, кузнецов, сапожников, портных и других ремесленников, немало среди них было писцов, площадных подьячих и т. д. Ряд стрельцов владел мелкими мастерскими, кузницами, за что они платили оброк. Некоторые хозяева-стрельцы использовали наемный труд, прежде всего своих же собратьев из обедневших стрельцов. Последние нанимались также в работники к посадским людям, разбогатевшим крестьянам.

Таким образом, в стрелецкой среде налицо явные признаки имущественного расслоения: с одной стороны хозяева заведений, с другой — наемные работники.

До Уложения 1649 г. стрельцы могли торговать, не уплачивая пошлин, товарами на сумму до 1 руб. («что носяще»). Торговля стрельцов в первой половине XVII в. приняла заметные размеры. Некоторые из них имели лавки, лотки и т. д., промышленяли отхожим торговым промыслом. Это вызывало недовольство посадского населения.

По Соборному уложению 1649 г. указывалось приборным служилым людям, в том числе стрельцам, платить таможенные пошлины, оброк с лавок. Правительство повело борьбу с безуказной стрелецкой торговлей.

Во второй половине XVII в. стрельцы, в частности московские, продолжали заниматься торговлей. Так, переписные книги Москвы 1671—1672 гг. перечисляют десятки стрелецких лавок в Мясном ряду (на Мясницкой ул.), у Пречистенских, Ильинских, Тверских и других ворот. Торговые промыслы в это время стали доступны прежде всего для зажиточных стрельцов, которые могли запла-

²³ ААЭ, т. IV, № 250 (окладная роспись 1681 г.); Г. Котошихин. О России..., стр. 89—90; ЧОИДР, 1911, кн. 3, стр. 28 (сметная роспись 1663 г.); А. П. Станевич. Указ. соч., стр. 135—149; А. В. Чернов. Строительство вооруженных сил..., стр. 635—649.

тить таможенные пошлины, оброки. Мелкие торговцы-стрельцы к 1670-м годам почти исчезают ввиду запрещения беспошлинной торговли. С другой стороны, нередко среди стрельцов появляются владельцы нескольких лавок, харчевен, кабаков и т. д. В источниках упоминаются торговые обороты стрельцов в 500—600 руб. и более²⁴. Таким образом, поляризация среди стрельцов во второй половине XVII в. становится более четкой.

Согласно Соборному уложению, приборные служилые люди обязывались вносить, как и посадские люди, один из налогов — полоняничные деньги (на выкуп пленных, по 2 ден. с двора), временами их заставляли платить «пятую деньгу» на жалованье ратным людям (например, в 1663 г. и в другие годы). В ходе «посадского строения» середины XVII в. стрельцов нередко заставляли продавать свои лавки в посад.

В то же время стрельцы имели и ряд льгот, привилегий — не несли посадского тягла, не платили судебных пошлин с исков до 12 руб., они гарантировались от закабаления в случае невыплаты в срок заемных денег по кабалам или искам (долги вычитались из их жалованья). При обзаведении дворами новоприборным стрельцам выдавали ссуду в 80-е годы XVII в. до 10 руб. на семью. Они имели право пользоваться лесами в окрестностях городов. До середины 70-х годов стрельцы могли верстаться в дети боярские («за службу», «за кровь», «за смерть»). Старые, больные, увечные стрельцы получали помощь от правительства, отсылавшего их на содержание в монастыри, где им выдавали деньги и хлеб. Все это приводило к тому, что стрельцам завидовали казаки, пушкари и некоторые другие.

Однако в целом после 1649 г. положение стрельцов заметно ухудшилось; к сказанному выше следует добавить различные вымогательства, притеснения и обиды со стороны начальства, бояр и приказных, о чем стрельцы весьма убедительно говорили накануне и в начале Московского восстания 1682 г. Чтобы прожить, стрельцам приходилось придумывать всякие приработки; кроме промыслов и торговли, они занимались рыбной ловлей, продажей продуктов своего хозяйства (овощей, скота). Торговля, промыслы являлись если не основным, то весьма значительным источником их существования. Они все более и более сблизались с посадскими жителями; недаром стрельцы нередко принимали участие в городских выступлениях в середине XVII в., в ходе Крестьянской войны под руководством С. Т. Разина. В других случаях они подавляли народные движения, но их верность правительству не была постоянной²⁵.

²⁴ ААЭ, т. IV, № 24; А. В. Чернов. Строительство вооруженных сил..., стр. 649—650.

²⁵ ААЭ, т. IV, № 24; АИ, т. V, № 58; ДАИ, т. IV, № 138; ДАИ, т. V, № 17. «Переписные книги г. Москвы 1665—1676 гг.». М., 1886; Г. Котошихин. О России..., стр. 90; М. Н. Тихомиров, П. П. Елифанов. Соборное уло-

В стрелецкую среду, несмотря на всякие запрещения, проникли многие представители крестьян и холопов, разночинцы, задолжавшие и обнищавшие люди, изгои. Стрельцы иногда женились на крепостных крестьянках. К 1683 г. в стрелецком войске скопилось столько беглых крестьян и холопов, что правительство принимало специальные меры для их исключения из его состава (среди них были и те, кто вступил в ряды стрельцов до «смуты» 1682 г.). Эти слои стрелецкого войска составляли наиболее радикальную его часть.

Все это делает понятным неодинаковое поведение разных групп стрельцов во время событий 1682 г. в Москве, когда рядовые, бедные стрельцы, которые в источниках называются иногда «голыми людьми», в начале восстания расправлялись с представителями зажиточной стрелецкой верхушки, пытавшейся остановить начавшееся движение; объясняет колебания в поведении стрельцов после майской победы и конечном счете их капитуляцию осенью 1682 г.

Имущественное различие, социальная рознь характерны для положения стрельцов других крупных городов, например Новгорода. В большинстве провинциальных гарнизонов оно сказывалось меньше, но и там оказывало заметное влияние на настроение и поведение стрельцов. Как показал В. А. Александров, в 65 южных городах стрелецкие гарнизоны составляли преобладающую часть городского населения (в 1678 г.—около 6 тыс. стрельцов, около 2400 пушкарей, затинщиков и др., около 6 тыс. сторожевых приборных людей). Среди них немало было «вольных», «гулящих» людей, беглых крепостных крестьян (последние принадлежали, как правило, к средним слоям русского крестьянства). Приборные люди, помимо земледелия, занимались также ремеслами и торговлей. В ряде городов, например в Туле, Рязани, Путивле, Воронеже, Курске, стрельцы и другие приборные люди являлись серьезными конкурентами посадских людей в кузнечном, соляном, мукомольном и других промыслах, торговле продуктами питания. По количеству лавок, полок, ремесленных заведений они соперничали с посадскими жителями, нередко превосходя их.

После 1649 г. положение провинциальных приборных служилых людей в области торгово-ремесленной деятельности изменилось. Соборное уложение провозгласило ее монополией посадских людей. Ряд дворов приборных служилых людей южных городов согласно указу о «посадском строении»-отписали в посад. Усиливается феодальная эксплуатация в южных уездах государства (см. выше). Это ухудшило положение стрельцов. Так, в Туле к середине 80-х годов торговля посадских людей в сравнении

жение 1649 г., гл. VIII, ст. 1; гл. X, ст. 124, 265; гл. XVIII, ст. 50; А. П. Станевич. Указ. соч., стр. 150—171, 179—180.

с 1625 г. значительно усилилась, а торгово-ремесленные операции стрельцов почти прекратились. То же происходило в Козлове, Воронеже и т. д. Но в других городах ввиду малочисленности посадского населения стрельцы сохраняли до конца столетия преобладающее положение на торгу и в ремесле (Белгород, Яблонов, Карпов и др.). Стрельцы принимали участие в уездной и междугородной торговле, в откупных операциях.

Стрельцы и другие приборные люди южных городов во второй половине XVII в. теряли свои привилегии (например, до 40-х годов XVII в. они не платили пошлин с мелкоторговых операций, а с этого времени их обязали это делать), их эксплуатация усилилась, а по своему положению они по существу сближались с тяглыми слоями населения России²⁶.

Ухудшение материального, правового положения стрельцов во второй половине XVII в., строгая регламентация их жизни в стрелецких слободах, отлучаться из которых они могли только с разрешения своих голов, естественно приводили к нарастанию недовольства в их рядах, которое нередко проявлялось в грабежах, насилиях, своевольстве, плохой дисциплине, недостаточном рвении при несении службы (что было свойственно не только им, но и солдатам)²⁷, в активных антиправительственных выступлениях. Правительство намечало перевод стрельцов на новый строй, что вызывало их беспокойство²⁸.

Огромное недовольство стрельцов вызывали также притеснения начальников — полковников, пятисотных, сотных и т. д. Полковники московских стрельцов получали немалое жалование — от 34 до 70 руб. деньгами и 650—1000 четвертей земли, а также имели другие доходы (выдачи хлеба из дворцовых запасов, придачи земли и т. д.)²⁹. Стрелецкими головами являлись обычно дворяне и дети боярские, иногда и будущие бояре. Стрелецкими головами начали свою карьеру бояре кн. И. А. Хованский, А. С. Матвеев (с 1657 по 1674 г.), дед Петра I К. П. Нарышкин. Насилия и вымогательства стрелецких голов (полковников), являвшихся полными хозяевами в своих полках, подробно описаны в стрелецких челобитных 1682 г.

²⁶ ААЭ, т. IV, № 24, АИ, т. III, № 24, 34; А. Н. Штраух. Стрелецкий бунт 1682 г.—«Научные труды Индустриально-педагогического ин-та им. К. Либкнехта», серия социально-экономическая, вып. I. М., 1928, стр. 15—18; А. А. Новосельский. К вопросу об экономическом состоянии беглых крестьян на юге Московского государства в первой половине XVII в.—«Исторические записки», т. 16; В. А. Александров. Стрелецкое население южных городов России XVII в., стр. 238—250; А. П. Станевич. Указ. соч., стр. 182—184.

²⁷ А. П. Станевич. Указ. соч., стр. 185—191.

²⁸ СГГид, т. IV, № 130; А. В. Чернов. Строительство вооруженных сил..., стр. 618—619.

²⁹ А. В. Чернов. Строительство вооруженных сил..., стр. 654—655. Данные за 1670 г.

Пятидесятники и десятники получали по 15 и 12 руб. денег, 30 и 27 четвертей земли. Они, как и рядовые стрельцы, вынуждены были искать дополнительного заработка в торговле и промыслах. Но некоторые из них достигали богатства и благополучия и вызывали своим поведением ненависть рядовых стрельцов, проявившуюся во время событий 1682 г. Слабый контроль властей, семейственность среди полковников, их всесилие в слободах приводили к тому, что они нещадно эксплуатировали подчиненных, обирали и избивали их, превращая их чуть ли не в своих крепостных. Самоуправство и самодурство стрелецкого начальства не знали пределов. Это вызывало массовое недовольство и ропот стрельцов. Городовые стрельцы нередко требовали, чтобы ими ведали не головы (полковники), а местные воеводы. Правительство подчас шло им навстречу, а в 1679 г. издало общий указ по этому вопросу, но он выполнялся медленно. Московских стрельцов он не касался³⁰.

В аналогичном со стрельцами положении находились солдаты. Они принадлежали к числу ратных людей нового строя. Полки нового строя (солдатские, драгунские и рейтарские) формировались начиная с 30-х годов XVII в., и знаменовали появление в России регулярной армии. Поскольку дворяне считали более почетной службу в коннице, они верстались в рейтарские полки — это была дворянская конница нового строя. В солдаты и драгуны записывали вольных охочих людей, но таких было немного, поэтому власти набирали в них даточных людей из крестьян и посадских жителей. Но имелись среди них мелкопоместные и беспоместные дворяне и дети боярские. Их служба была пожизненной, они получали постоянное жалованье деньгами, вооружение, находились на полном содержании государства³¹. Из числа солдатских полков ведущее место занимали два выборных полка, которыми командовали генералы А. А. Шепелев и М. О. Кравков. Оба полка приняли участие в Московском восстании 1682 г. Если остальные солдатские полки нового строя собирались в военное время, то эти два выборных постоянно находились в столице (солдат только на небольшие сроки отпускали поочередно для отдыха домой). С 1676 г. оба эти полка управлялись Стрелецким приказом (после восстания 1682 г. перешли в ведение Иноземского приказа).

Выборные полки комплектовались из детей боярских, иноземцев, детей стрельцов и казаков, «всяких охочих вольных людей», другие солдатские полки набирались в большей степени из даточных крестьян. По данным 1639 г. солдаты из даточных получали жалованья 60 алтын в месяц, вольнонаемные — 3 руб.

³⁰ А. П. Станевич. Указ. соч., стр. 193—199; А. В. Чернов. Строительство вооруженных сил..., стр. 619.

³¹ А. В. Чернов. Вооруженные силы..., стр. 133—155, 159—161.

в месяц, с добавлением «поденного корму» (по 8 ден. в день для детей боярских и иноземцев, 7 ден. в день для «охочих людей»). Из казны им давали оружие, «полковое строение» они, как и стрельцы, должны были содержать и исправлять на свои деньги. Они освобождались от податей, повинностей. Но жизнь их в слободах регламентировалась так же придирчиво, как и у стрельцов.

Солдаты не имели земель, платили судебные пошлины, не получали помощи в старости, за увечьем, не могли, как стрельцы, заниматься торгами и промыслами. Правда, их лучше обеспечивали жалованьем. Стрельцы по этому поводу открыто выражали недовольство, что «государь нас не жалует, прибирает солдат» (так говорили псковские стрельцы во время восстания 1650 г., избивая своего голову Бориса Бухвостова)³².

Еще ближе к стрельцам стояли московские пушкари, воротники, затинщики, тоже участники событий 1682 г. Пушкари, служившие, как и стрельцы, пожизненно и наследственно, получали, по данным за 60-е годы XVII в., по 5 руб. денег в год и 6—7 четвертей земли на семью. Соборное уложение 1649 г. запретило им беспошлинную торговлю и обязало «быти им в тягле» и платить подати. Они, как и солдаты, платили судебные пошлины³³.

По военно-окружной реформе 1680 г.³⁴, которой предшествовал «разбор» всех ратных людей, многих городских стрельцов, годных к полковой службе, велено было писать в солдаты. Московских стрельцов сохранили, но переформировали в тысячные полки (20 048 человек в составе 21 полка) во главе с полковниками (полуголовы стали называться полуполковниками, сотники — капитанами, пятидесятники и десятники назывались по-старому). Их распределили по 9 разрядам-округам (Московский, Севский, Белгородский и др.). Управлялись московские стрельцы Стрелецким приказом, остальные ратные люди — Разрядным, Рейтарским и Иноземским приказами. Последние три приказа возглавил с 7 ноября 1680 г. боярин кн. М. Ю. Долгорукий, сын душителя разинского восстания боярина кн. Ю. А. Долгорукого, с 1676 г. по 15 мая 1682 г. стоявшего во главе Стрелецкого приказа³⁵.

Все эти мероприятия означали сближение стрельцов по положению с солдатами. Это вызывало тревожное настроение среди них. Появление выборных солдатских полков, зачисление горо-

³² А. В. Чернов. Вооруженные силы..., стр. 164; он же. Строительство вооруженных сил..., стр. 659.

³³ ААЭ, т. III, № 287; АМГ, т. III, № 323; М. Н. Тихомиров, П. П. Епифанов. Соборное уложение 1649 г., гл. XIX, ст. 12; А. П. Станевич. Указ. соч., стр. 200—205.

³⁴ А. В. Чернов. Вооруженные силы..., стр. 187—198.

³⁵ С. К. Богоявленский. Приказные судьи XVII в. М.—Л., 1946, стр. 58, 148, 152, 167.

довых стрельцов в солдаты создавали реальную угрозу для московских стрельцов³⁶.

Положение стрельцов в результате Московского восстания 1682 г. улучшилось. Они участвовали в ряде важных военных предприятий конца XVII в. В первом крымском походе они составляли 10% численности всего войска (11 262 человека из 112 902), во втором участвовала половина стрельцов, причем пять стрелецких полков шли в центре авангарда войска (солдатские полки на флангах). Азов был взят во втором походе способом, который подсказывали стрельцы во время первого похода (см. ниже).

Во время событий 1689 г. (свержение регентши Софьи) и 1697 г. (заговор Соковнина и Цыклера) стрельцы отказались встать на сторону противников Петра I. Это говорит о том, что они не были каким-то послушным и слепым орудием в руках его недоброжелателей — Софьи, Милославских, «реакционного боярства и духовенства» и т. д., а выступали каждый раз под влиянием глубоких и важных для них самих причин.

В крестьянских войнах XVII в., городских восстаниях середины столетия нередко часть стрельцов становилась в ряды восставших, часть же входила в состав карательных войск. В каждом конкретном случае это объясняется положением стрельцов, их отдельных групп и слоев, их социальной разнородностью. То, что стрельцы, основная масса которых принадлежала к народным низам, подавляли народные же выступления, является социальной трагедией для народа не только в XVII в.

Диалектика исторического развития состояла в том, что народ был вынужден укреплять угнетавшее его государство, те цепи, которыми он был опутан, и одновременно умножать свои героические попытки разорвать эти цепи. То же было и со стрельцами, которые то подавляли народные движения, то сами участвовали в них.

После событий 1682 г. положение стрельцов несколько улучшилось, но затем снова стало ухудшаться, особенно после свержения правительства Софьи в 1689 г. Их часто посылали в тяжелые походы, например крымские походы 1687 г. и 1689 г., а затем азовские походы 1695 и 1696 гг. Стрельцы жаловались на то, что царские воеводы во время похода на Азов ставили их в самых опасных местах, а царь и его приближенные постоянно не доверяли им, унижали и притесняли. Их крайнее недовольство вызывали также оторванность от семей (кроме посылок в походы, многих стрельцов разослали в пограничные города), плохое материальное положение, различные притеснения со стороны начальства. Вскоре вспыхнуло последнее крупное антифеодальное восстание XVII в., в котором стрельцы выступили уже

³⁶ А. В. Чернов. Строительство вооруженных сил..., стр. 1348.

по существу единственным участником. Это — стрелецкое восстание 1698 г.

Поражение восстания 1698 г. привело к расформированию и ссылке московских стрелецких полков. К лету 1700 г. московских стрельцов и их родственников выселили из Москвы, их дома и земли конфисковали и раздали служилым и посадским людям. Однако начавшаяся ликвидация стрелецкого войска была сначала замедлена, а потом и прекращена совсем ввиду начала Северной войны. Правительство не только восстановило старые, но и сформировало новые стрелецкие полки, им вернули все прежние права и привилегии, предали забвению «шатости» конца XVII в. Стрельцов широко использовали при несении гарнизонной, караульной службы, во время военных действий (например, под Нарвой в 1700 и 1704 гг., в Полтавской битве 1709 г., в Прутском походе 1711 г. и др.). Боеспособность стрелецкого войска, по словам М. Д. Рабиновича, не вызывала сомнения. Правительство, сначала запретившее доступ в регулярную армию стрельцам из-за их политической неблагонадежности, в ходе Северной войны отказалось от такой точки зрения. Наиболее боеспособные кадры стрельцов превратили в солдат и они влились в регулярную армию. Московские стрелецкие полки существовали до 1713 г., а городовые стрельцы исчезли только во второй четверти XVIII в., уже после смерти Петра I. Стрельцы, не включенные в армейские полки, переводились на положение посадских тягловцев. Их поглотила та среда, которая выделила в свое время немало кандидатов в стрельцы и с которой они были связаны многими нитями по своему положению³⁷.

СКЛАДЫВАНИЕ АБСОЛЮТИЗМА

Усиление феодально-крепостнического гнета, ухудшение положения народных масс сопровождалось укреплением самодержавной власти русских царей, перерастанием сословно-представительной монархии в абсолютную. Складывавшаяся абсолютная монархия опиралась на класс феодалов-дворян и городскую верхушку (это не исключало определенных уступок всему городскому сословию), сильный приказной и воеводский аппарат, органы суда и мощную армию, находившиеся под контролем того же дворянства. Укреплению феодально-крепостнического строя, абсолютной монархии способствовали реформы, предпринятые после подавления Крестьянской войны под руководством

³⁷ М. Д. Рабинович. Стрельцы в первой четверти XVIII в.— «Исторические записки», т. 58, стр. 273—305; Л. Г. Бескровный. Русская армия и флот в XVIII в. М., 1958, стр. 25 и сл.; Госархив Воронежской области, ф. 182, оп. 1, д. 210, л. 1.

С. Т. Разина. Эти начавшиеся реформы дают основание называть последнюю четверть XVII в. кануном преобразований, предреформенным временем.

Складывание абсолютизма в России сказывалось в постепенном «одворянивании» Боярской думы, в которой представители аристократии постепенно вытеснялись неродовитыми людьми (Милославскими, Нарышкиными, Языковыми и др.); в ее составе увеличивалось число думных дворян и думных дьяков. В большей степени, чем прежде, члены Боярской думы принимали участие в управлении приказами; возросла роль «Ближней», или «Тайной», думы («комнаты») при царе, состоявшей из особо приближенных к царю лиц.

Складывание абсолютизма проявилось также в прекращении с середины XVII в. созыва земских соборов. Вместо них правительство собирало совещания из представителей какого-либо одного сословия, поддержкой которого оно хотело заручиться. Если раньше, во второй половине XVI и первой половине XVII в., еще неокрепшее самодержавие нуждалось в поддержке сословий, то во второй половине XVII в. оно достаточно укрепило свой аппарат господства и принуждения, опиралось на мощную поддержку дворянства и верхушки горожан, колебания которых быстро сошли на нет после Соборного уложения 1649 г. и посадской реформы середины столетия³⁸.

Заметные сдвиги происходили в центральном управлении. Общее число приказов сократилось (к концу XVII в. их стало 44), руководство рядом приказов сосредоточивалось в руках одного человека (например, И. Д. Милославского, Н. И. Одоевского, И. М. Милославского, А. С. Матвеева, В. В. Голицына, Л. К. Нарышкина и др.), они сливались. Так, к ведомству Посольского приказа присоединились Новгородский, Владимирский, Галицкий, Устюжский, Малороссийский, Великорусский, Смоленский приказы. В царствование Алексея Михайловича существовал (1655—1676 гг.) Приказ тайных дел, поставленный над всеми другими органами управления. В приказах все большую роль играют думные чины, приказные чиновники³⁹.

На местах централизация управления проявлялась в дальнейшей организации разрядов — военно-административных округов, включавших определенную территорию с рядом городов, один из которых являлся центром разряда (Белгородский, Севский, Смоленский, Новгородский, Казанский и др.). В 1680 г.

³⁸ Л. В. Черепнин. Земские соборы и утверждение абсолютизма в России.— «Абсолютизм в России». Сб. статей. М., 1964, стр. 131—133.

³⁹ Н. В. Устюгов. Эволюция приказного строя Русского государства в XVII в.— «Абсолютизм в России», стр. 134—167; Н. Ф. Демидова. Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII—XVIII вв.— там же, стр. 206—221.

были созданы Московский, Владимирский, Рязанский и Тамбовский разряды, но существовали они недолго. Создание военных округов предвосхищало разделение России на губернии, проведенное в начале XVIII в.⁴⁰

Постепенный переход к регулярной армии выражался в снижении удельного веса дворянского ополчения в составе вооруженных сил, увеличении полков нового строя, появлении в 1680—1690 гг. «потешных» и других полков будущей регулярной армии. Основной военной силой становились солдаты и рейтары. Служилые люди по отечеству, помимо уменьшившегося по численности дворянского ополчения, служили в полках нового строя, составляя опору правительства в регулярной армии. Из них комплектовался весь командный состав армии. Проводившиеся общегосударственные наборы даточных из крестьян и посадских людей для солдатских полков напоминали будущие рекрутские наборы.

Для более исправного поступления денежных средств на содержание армии правительство провело налоговую реформу 1679—1681 гг.⁴¹ По этой реформе на жалованье стрельцам указывалось вместо прежних стрелецких, данных, четвертных, ямских, пищальных и других налогов с посадов, поморских уездов, дворцовых волостей брать одни стрелецкие деньги в размере 1 руб. 10 алтын (30 коп.) с каждого двора. Деньги поручалось собирать Стрелецкому приказу (с дворцовых волостей — Приказу Большого дворца). Впоследствии, в 1681 г., размер налога был несколько снижен (в основном — по 1 руб.). На содержание солдат и драгун собирались особые подворные деньги (от 25 коп. до 1 руб. с крестьянского и бобыльского двора), с посадов брали «пятую», «десятую» и т. д. деньги. В 1680 г. военные налоги составляли 28% доходной части бюджета, военные расходы — более 60% расходной его части, причем 48% военных расходов покрывалось военными налогами. Кроме того, на хлебное жалованье ратным людям ежегодно требовалось около 10 млн. пудов зерна. Хлеб собирали в виде налога с населения, в первую очередь это стрелецкий хлеб, размер которого не раз повышался в течение XVII в. По реформе 1679 г., с каждого двора брали от 1 до 7 четвериков ржи и овса в зависимости от категорий дворов (дворцовых, помещичьих, монастырских) и от районов (города заокские, замосковные и т. д.). Иногда размер налога повышался (например, в 1682 г. взяли дополнительный сбор для «надворной пехоты» по 1 четверику ржи и столько же овса с каждого двора). На содержание московских стрельцов собирали около

⁴⁰ А. В. Чернов. Вооруженные силы..., стр. 187—194.

⁴¹ Н. В. Устюгов. К вопросу о раскладке повинностей по дворовому числу в конце XVII в.— «Акад. Б. Д. Грекову ко дню 70-летия». Сб. статей. М., 1952, С. М. Троицкий. Финансовая политика русского абсолютизма во второй половине XVII—XVIII в.— «Абсолютизм в России».

2 млн. пудов хлеба. Существовал при Стрелецком приказе особый Приказ сбора стрелецкого хлеба (до 1697 г.). Помимо стрельцов московских, этот хлеб получали стрельцы городовые и другие приборные люди⁴². Часть хлеба давали десятинная пашня, казенные закупки.

Переход сословно-представительной монархии в абсолютную диктовался для самодержавия и необходимостью усиления борьбы с частыми и грозными для властей народными движениями. В связи с завершением процесса закрепощения крестьянства, дальнейшим оформлением дворянства, крестьянства и горожан как классов-сословий феодального общества, усилением самодержавия и его органов власти социальные противоречия приобретают более отчетливый, полярный характер. Если в начале XVII в. дворянство иногда выступало против правительства, то теперь оно, как правило, не участвует в народных движениях в качестве их попутчиков и является мощной опорой правящих верхов при их подавлении. На сторону формирующегося абсолютизма переходит верхушка горожан. Социальные низы горожан наряду с общесословной борьбой против феодального строя ведут борьбу против эксплуатации посадской верхушки.

Такую же «двойную» борьбу вели служилые люди по прибору, прежде всего стрельцы, вышедшие из рядов «вольных», «гулящих» людей, крестьян, холопов и горожан, а позднее слившиеся с теми же крестьянами и горожанами. Правда, особое положение накладывало своеобразные черты на их выступления. Но в целом ухудшение их экономического и правового положения, усиление недовольства, находившее крайнее выражение в восстаниях против гнета властей, лежит в общем русле ухудшения положения народных масс и усиления его классовой борьбы во второй половине XVII в. и прямо связано с процессом складывания абсолютизма в России.

Страх перед народными «бунтами» объединил во второй половине XVII в. абсолютистское правительство, дворянство, русское купечество (из числа посадских людей, служилых людей по прибору, разбогатевших крестьян).

Все эти особенности классовой борьбы второй половины XVII в. сказались как в Московском восстании 1662 г., в Крестьянской войне под руководством С. Т. Разина, так и в народных движениях после ее подавления, волнениях и восстаниях на юге и на Дону в 70—80-х годах XVII в., восстаниях в Башкирии и Сибири, движениях раскольников, наконец, в наиболее ярких народных движениях послеразинского времени — московских восстаниях 1682 и 1698 гг. Несмотря на специфику всех этих дви-

⁴² Н. В. Устюгов. К вопросу о раскладке повинностей...; А. В. Чернов. Строительство вооруженных сил..., стр. 1143—1152, 1156, 1164, 1176—1178, 1181.

жений, которая, несомненно, имела место, их объединяет то, что все они свидетельствовали, с одной стороны, об усилении протеста различных слоев народа против нарастающего гнета абсолютистского государства, с другой — о наступлении этого абсолютистского государства, последовательно и жестоко расправлявшегося со всеми проявлениями недовольства своей политикой и беспощадно подавлявшего протест крестьян, городских низов и мелких служилых людей по прибору⁴³.

* * *

Рассмотренный выше материал свидетельствует, что в положении различных слоев народа в середине и второй половине XVII в. произошли серьезные сдвиги. С одной стороны, крестьянство попадает после 1649 г. в жесточайшие крепостнические пути. Проведение в жизнь закрепостительных норм Соборного уложения 1649 г. затрагивает интересы крестьян различных местностей России, а также других слоев населения, в частности мелких приборных служилых людей юга страны.

Посадские люди как класс-сословие добились ряда уступок со стороны правительства и увеличения своих привилегий: в первую очередь это — проведение в жизнь посадской реформы 1649—1650 гг. и ряд налоговых и других льгот 1660—1680-х годов. Если начало второй половины XVII в. отмечено резким ухудшением положения посадских людей в связи с «медной» реформой, заметным усилением налогового гнета в годы войны с Польшей и Швецией, чумой 1654 г. и др., что привело к общему расстройству хозяйственной жизни, то для последующего времени можно отметить некоторые послабления правительства в отношении горожан — изъятие ряда вопросов, касающихся их, из ведения воеводской администрации, снижение налоговых ставок в ходе налоговой реформы 1679—1681 гг. Но общий нажим абсолютистского государства (налоговый гнет, тяготы военных времен, притеснения центральной и местной приказной и воеводской администрации) самым непосредственным образом коснулся посадских людей. Их общесословные требования вливались в общее русло требований народных низов. Борьба за удовлетворение этих требований, направленная против феодально-крепостнического строя, абсолютистского государства, сопровождалась внутрисословной борьбой посадских низов против посадской верхушки. Все эти особенности положения посадских людей и колебания правительственной политики по отношению к ним самым непосредственным образом сказались на их поведении во время восстаний в Москве второй половины XVII в.

⁴³ Е. И. Индова, А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов. Народные движения в России XVII—XVIII вв. и абсолютизм. — «Абсолютизм в России».

Сходными чертами можно охарактеризовать положение и поведение близких к народным низам служилых людей по прибору — ввиду ухудшения материального и юридического положения во второй половине XVII в. они выступают против возрастающего гнета абсолютистского государства, выдвигают программу своих, сословных требований (улучшение экономического и бытового положения, прекращение злоупотреблений начальства и т. д.). Одновременно явственно обозначаются внутрисословные противоречия между бедными и зажиточными слоями приборных служилых людей, которые приводят к столкновениям между ними. В отличие от посадских людей в их положении можно отметить заметное ухудшение в течение 40-х—начала 90-х годов XVII в. (уменьшение жалованья, вычеты из него, притеснения приказного и полкового начальства). Именно эти обстоятельства и объясняют тот факт, что если посадские люди после 1662 г. и Второй Крестьянской войны не поднимаются на сколько-нибудь заметное, крупное выступление, то приборные служилые люди вступают в борьбу именно в 80—90-е годы XVII в. и затем в начале XVIII столетия.

В своих основных, главных чертах народные движения второй половины XVII в. — крупные вехи великого противостояния эксплуатируемых классов гнету эксплуатирующего класса феодалов-дворян, наступлению абсолютистского самодержавия на интересы различных слоев народных масс России — закрепощенного крестьянства, посадских низов, основной массы приборных служилых людей. В подавлении их протеста набравший силы русский абсолютизм опирался на дворянство, зажиточную верхушку среди крестьян, горожан и служилых людей по прибору. Тем самым московские восстания 1682 и 1698 гг., несмотря на их специфику, входят в единую цепь классовой борьбы русского народа в XVII столетии.

МОСКОВСКОЕ ВОССТАНИЕ 1682 г.

НАЧАЛО ВОССТАНИЯ

ПЕРВЫЕ ВОЛНЕНИЯ. НАЧАЛО ВОССТАНИЯ

*(февральская челобитная стрельцов полка Б. Пыжова;
события 23—27 апреля)*

При изучении событий Московской «смуты» 1682 г., или, как еще до сих пор нередко называют это восстание, «Хованщины», многие авторы концентрируют внимание лишь на описании его наиболее драматических моментов: событий 15—17 мая, раскольничьего «мятежа» в июле и казни Хованских в сентябре. Между тем восстание в Москве 1682 г. имеет гораздо более длительную историю.

Многие современники восстания искали его причины в промысле божием. Так, автор повести из Мазуринского летописца, опубликованной М. Н. Тихомировым, подробно описывает «знание виели» в 1681 г. Тогда на небе появилась комета, стояще хвостом на Московское государство». Все люди «недоумевахуся»: «Что будет?» Люди же «мудрые» объяснили, что это «не к доброму делу»: звезда-де предсказывает тем государствам, «на кои... она стоит хвостом», «всякое нестроение, и бывает кровное пролитие многое и междуособныя брани и войны великие меж ими. Тако же и збытсья в Московском государстве: от стрельцов и от солдатов учинилося смятение великое»¹.

Другие наблюдатели отмечали реальные причины восстания, первые признаки которого стали явственными задолго до майских расправ. С. Медведев сообщает, что еще зимой 1681/82 (7189) г. «начаша люди зело, ради неправд и нестерпимых обид, себе стужати (докучать, досаждать.—В.Б.) и друг на друга глаголати, яко той неправду деет, иной на того, наипаче же на временников и великих людей и на начальных людей, яко мздоимательством очи послепили». Это недовольство испытывали, таким образом, широкие круги населения («люди»), а не какие-то

¹ М. Н. Тихомиров. Записки приказных людей конца XVII в.—ТОДРЛ, 1956, т. XII (далее — М. Н. Тихомиров. Записки), стр. 448.

отдельные личности. Обвинения на неправды и обиды «всюду не точию в мужех, но и в женах словеса от обид и в неполучении правных дел всюду происходили»². Недовольство вызывали широко распространившаяся система взяточничества, несправедливого суда, всяких насиллий и притеснений, особенно засилье временщиков, вообще всяких «великих», «начальных» людей, т. е. правящей верхушки государства.

С. Медведев, правда, осторожно, пытается представить дело таким образом, что виной всему этому является отстранение старых и мудрых советников, выдвижение на политическую авансцену новых «ближних предстателей», которые, подражая иноземным обычаям, вводят новые «дела», «чины», «суды», а также болезнь («присная скорбь») царя Федора Алексеевича. Автор вынужден отмечать, что недовольство в народе уже тогда грозило опасностью, «из малья бо искры огня великий пламень происходит». К концу правления царя Федора «уже бо в царствующем граде гнев божий от налогов начальнических и неправедных судов возгаратися нача, и мысли у людей такожде начаша развращатися»³. Опять основанием для народного недовольства здесь представлены начальнические налоги и несправедливый суд.

Далее тот же С. Медведев описывает «первое возбуждение» к народному возмущению. Зимой того же 1681/82 г. стрельцы полка Богдана Пыжова били челом «всем приказом» на своего начальника «с великим прилежанием и со слезами многое время». Стрельцы обвиняли его в том, что он при выдаче жалованья удерживал в свою пользу до половины и даже больше. Царь Федор указал произвести розыск. Но розыск, по словам автора, оказался «несправедным», так как он был поручен «первому государскому советнику» боярину И. М. Языкову. Последний «по наговору» стрелецких полковников, вставших, конечно, на защиту своего собрата, указал челобитчикам от стрельцов (которых автор называет «лучшими людьми», «невинными стрелцами») «учинить жестокое наказание». Это было сделано явно в целях устрашения, предупреждения других жалоб на стрелецких полковников. Челобитчиков били без милости кнутом, потом сослали. На этот раз цель оказалась достигнутой: «тем всех приказов стрелцом страх великий содеяша». А их начальники, ободренные этой расправой над подчиненными, «наипаче стрелцом начаша налоги многия чинити»⁴. Усилия стрельцов доказать свою правоту оказались тщетными.

² С. Медведев. Созерцание лет краткое 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве — ЧОИДР, 1894, кн. 4 (171) (далее — С. Медведев. Созерцание) отд. II, стр. 37.

³ Там же, стр. 37, 38, 40.

⁴ Там же, стр. 40—41.

Правительство во главе с Языковым справилось, таким образом, с положением и довольно быстро погасило пламя недовольства.

М. П. Погодин предположительно датирует челобитную стрельцов полка Пыжова январем 1682 г.⁵, между тем имеется точное показание современника по этому вопросу. Голландский резидент Иоганн ван Келлер датирует стрелецкую челобитную февралем 1682 г., когда в стране резко обострилось положение: вспыхнуло восстание киргизов (имеются в виду, очевидно, калмыки) и башкир, на подавление которого власти послали войска, собирались отправить в Казань также стрельцов; в апреле началось народное движение на Дону; при дворе происходит междоусобица.

Еще ранее, в июле 1681 г., «чернь» была крайне недовольна обменом медных денег и падением в связи с этим их стоимости на 15%; это могло вызвать ее восстание. В Москве, отмечает Келлер в донесении за февраль 1682 г., возможно восстание «черни»⁶.

Наблюдательный голландец верно подметил связь между возможностью восстания в столице и начавшимися народными движениями на периферии, поскольку эти движения тоже отражали общее недовольство широких масс существующими порядками, а самое главное, осложняли положение правящей верхушки и, наоборот, стимулировали новые возможные волнения в других частях государства.

Действительно, в ряде районов страны вспыхивали волнения, восстания, причем его участники высказывали недвусмысленные надежды на выступление народа, особенно стрельцов, в самой столице. Их надежды сбылись, хотя и неполностью. Но восставшие в Москве так «тряхнули царством», что это на многие годы запомнилось господствующему классу.

Февральские события, связанные с подачей челобитной стрельцами Б. Пыжова, еще нельзя назвать началом восстания. Подача жалоб, петиций вообще была широко распространенной и традиционной формой отстаивания своих интересов, которая применялась всеми слоями русского общества XVII в. В январе — марте 1682 г. стрельцы ряда городов, в том числе московские стрельцы, служившие в других городах, например в Епифани, Ржеве и др., подавали много челобитных с жалобами на притеснения со стороны своих начальников и просьбами об улучшении материального, правового положения. Все эти

⁵ М. П. Погодин. Семнадцать первых лет в жизни имп. Петра Великого. М., 1875, Исследования, стр. 110.

⁶ М. И. Белов. Письма Иоганна ван Келлера в собрании нидерландских дипломатических документов. — «Исследования по отечественному источниковедению». М.—Л., 1964 (далее — М. И. Белов. Письма), стр. 380—381.

события явились как бы прологом Московского восстания 1682 г.⁷ Восстание в Москве началось по существу в конце апреля, назадолго до смерти царя Федора Алексеевича. 23 апреля стрельцы, по словам Медведева, «от великого полковников своих тяжелоносия не возмогающе к тому терпети», обратились к царю с жалобой на самого ненавистного из них — Семена Грибоедова. Они подали на него челобитную «о нўжном неправедном порабощении их от него и о немилостивом в наказании мучении». По царскому указу был организован розыск, которым руководил, очевидно, тот же боярин И. М. Языков. Он делал все для того, чтобы «до конечного возмущения народа не допустить». С этой целью Грибоедова посадили в тюрьму, в которой он пробыл только один день, а потом «свободися»⁸.

Эти довольно краткие сведения Медведева дополняются донесением Розенбуша и особенно повестями из летописей. Розенбуш пишет, что восстание, которое он называет «кровавой трагедией», произошло «большею частью вследствие великого неудовольствия, заявлявшегося часто стрельцами, на великую тяжесть и жестокое обременение их работою, от которой не освобождались они по воскресеньям и по праздникам и которую они должны были нести для своих полковников, понуждаемые побоями». Розенбуш неправильно датирует челобитную на Грибоедова 25 апреля, путает чин, имя и отчество Языкова (Павел Петрович вместо Иван Максимович, думный дворянин вместо боярин), управлявшего якобы Стрелецким приказом вместе с боярином Ю. А. Долгоруким. В остальном его данные интересны и подробны. Стрельцы обвиняли своего начальника в том, что он «на прошедшей святой неделе», т. е. на пасху, заставлял их возить к себе на двор на постройку нового загородного дома «в нескольких милях за городом» различные материалы (камень, известь и др.), вычитал в свою пользу часть жалованья. Избранный из среды стрельцов челобитчик передал просьбу Языкову, который сообщил Долгорукому, что будто принес ее пьяный стрелец, к тому же оскорблявший «многими бездельными словами» начальника Стрелецкого приказа Долгорукого. Последний в ответ приказал высечь «пьяного» стрельца-челобитчика кнутом на съезжей избе, «чтобы другие видели себе пример». Это пытались сделать на следующий день, когда челобитчик пришел в приказ, чтобы узнать о решении по челобитной. Языков ответил ему, что царь приказал высечь его «за буйство». У съезжей избы дьяк прочел ему приговор. Стрелец закричал в толпу своих товарищей: «Я с вашего согласия и по вашему желанию подавал просьбу, что ж вы выдаете меня на

⁷ А. П. Станевич. Московское восстание 1682 г. Рукопись канд. дисс. [Б/м, б/г], стр. 209—210.

⁸ С. Медведев. Созерцание, стр. 41—42.

какой позор?». Несколько стрельцов бросились к нему, повалили пристава и двух служителей, «приколотили их ужасно» и освободили своего товарища. Дьяк «удалился тотчас» и доложил Языкову⁹.

В повести из Барсовского собрания ГИМ сказано, что стрелец-челобитчик обращается к стрельцам, охранявшим царский дворец: «Братцы, вы, молодцы, холопи государевы стрельцы, не куйте и не мучите меня, бедного холопа государева, что мне будет одному, то и всем. Поведите вы меня вверх в государевы палаты к царю государю... Феодору Алексеичю... за мною есть слово ево царево». Стрельцы «послушая ево стрелецкого умоления и обещания и вопля многа и приведоша его пред царя». Федору Алексеичю челобитчик «со слезами» говорил: «Свет ты наш... пожаловал ты полковников за их многия выслуги, дал им по сороку крестьян сверх прежнего твоего государева жалованья, а нас ты, свет великий государь, бедных своих холопей, от них, полковников, разореных, пожаловал, не велел им имать никаких денежных поборов и всякого зделиа и работы на их, полковников, не роботать». Далее он от имени стрельцов обвинил начальников в том, что они «емлют» их к себе на всякие «зделиа», работы, посылают по 200 и больше стрельцов красть из казны кирпич, камень, известь и привозить к ним на дворы, где строят себе каменные палаты. Полковники «пороботали и вконец разорили» своих подчиненных, заставляя их работать в страстную пятницу и воскресные дни, удерживая часть жалованья. Стрельцам от того «великого налога и натуги» нечего есть и пить, «и женишка наши и детишка сиротают и многие голодом измирают». Хотя эта жалоба касалась вины многих полковников, но, поскольку стрельцы жаловались на одного Грибоедова, царь Федор послал за ним и приказал допросить его «накрепко». Но, по словам автора повести, бояре «привести того полковника... снаровили и пред царя не поставили». Стрельца-челобитчика же приказали «сковать в железа немилостивно» в Стрелецком приказе и затем бить кнутом до смерти у приказа и водить по стрелецким слободам. Для этого выделили двух дьяков. Когда стрельца раздели для наказания, он закричал товарищам: «Братцы мои, холопи государевы, что вы меня, бедного, выдали одного и обещание свое и заповедь ни во что положили?». К нему подбежали четыре стрельца и вывели «из круга всенародного множества, взяли в стрелецкие слободы», а между собой говорили: «у нас, у всех холопей государевых, одне речи, что заоднем» — в этом и состояло «обещание», «заповедь», о которой напомнил своим товарищам челобитчик. «Заповедь» стоять всем «заодин»

⁹ «Записка датского резидента [Розенбуша].— М. П. Пог о д и н. Указ. соч. Исследования (далее — Р о з е н б у ш. Записка), стр. 38—40.

была выработана, таким образом, до подачи челобитной на ненавистного Грибоедова, о которой так живо рассказывается в этой повести¹⁰.

Еще более подробно и живо рассказывается об этом в повести из Соловецкого собрания ГПБ. В ней, как и в предыдущей повести, говорится о челобитье «всех полков московских стрельцов и солдат на полковников стрелецких (и, вероятно, солдатских.— В. Б.) во всяких налогах и обидах» — «многих взятках», «безмерных работах» на полковников и их друзей в Москве и их деревнях: пашни пахали, копани копали, «к полатному строению» ломали в селе Мячкове камень белый и бутовый, жгли известь «паче работных их крестьян и хуждьши наемных работников», причем «платие носили и драли на тех работах государственное, что им дается из государские казны для их государственной службы». «Кормы про себя» они брали с Москвы «свои», а от полковников милости «тем ничего себе не получили», к тому же все это время «государские службы служили и на караулы ходили непрестанно». И «в том», т. е. во всех этих обидах и жалобах, стрельцы всем приказом подали челобитную «на одного» С. Грибоедова царю Федору, «дождався ево, государя, как был выход по переграде».

Далее следуют интересные подробности, которые отсутствуют в других источниках. Царь велел «стрельцов-челобитчиков» (значит, их было несколько человек!) «роспросить пред собою... словесно». В своем «словесном челобитье» стрельцы сказали царю, что по приказу С. Грибоедова 100 стрельцов его полка ломали камень в Мячкове весь великий пост и затем «гнали» его в Москву по Москве-реке «в самой торжественной праздник в светлое Христово воскресение и пригнали на себе с великою нуждею и непомерною тяготою, яко за какую измену или за воровство неволею мучими бѣша или яко невольники на катарах. И той ради неволи потонуло стрельцов в воде 16 человек». После пасхи полковник послал 100 стрельцов своего полка в свои деревни «копаней копать», чистить пруды и строить хоромы.

Федор Алексеевич указал «одного челобитчика» отослать в Стрелецкий приказ с тем, чтобы дать очную ставку стрельцам с Грибоедовым и «розыскать». Грибоедов «против того роспросу и словесного челобитья» стрельцов подал в Стрелецком приказе сказку. В ней он написал, что «такова де великого государя указу и боярского приговору, что на полковников стрелцом никакой их полковничьи работы не работать, не слышал, и в наказе де ему о том не написано». Далее Грибоедов утверждал, что

¹⁰ В. И. Буганов. Новый источник о Московском восстании 1682 г. — «Исследования по отечественному источниковедению». М.—Л., 1964, стр. 321—322.

«как де преж сего при прежних их братье полковниках бывало», так и сейчас у всех полковников, у него в том числе, бывает, а мучения стрельцам, «кроме вины, никому нет».

Далее в повести сообщается, что стрельцу-челобитчику, отосланному царем в Стрелецкий приказ, «по поноровке к ним, полковником, дьяков Михаила Прокофьева с товарищи без ево великого государя указу велено учинить наказание». Тогда стрельцы снова написали челобитную на Грибоедова и подали в Стрелецком приказе. Но челобитчика, того же стрельца, той же «поноровкою» велели «держать» в приказе. Для наказания кнута его послали к съезжей избе. Туда приехал дьяк М. Прокофьев. Собрали всех стрельцов. Присутствовал и, вероятно, торжествовал С. Грибоедов. Но стрельцы — пятидесятники, десятичники и все рядовые (сотников и пятисотенных автор не включает в их число) — «того стрельца к наказанию не дали». Затем «многие лутчие люди» из них «от всего полку» пришли на двор к начальнику Стрелецкого приказа боярину кн. Ю. А. Долгорукому и снова (уже в третий раз!) подали челобитную на Грибоедова. К ней они на этот раз присоединили «роспись во всяких обидах и в работах, и в посулах».

Настойчивость стрельцов возымела, наконец, действие: был произведен розыск, во время которого Грибоедов «обличился винен». По царскому указу его заключили в английский тюремный двор. Сидел он в нем три дня: 27 апреля, в день смерти царя Федора, боярин К. П. Нарышкин, дед нового царя Петра I, бил челом о Грибоедове, «чтобы ево свободить ис тюрьмы... для поминовения брата ево государева». Грибоедов был освобожден «до указу»¹¹. Таким образом, посадили его в тюрьму 24 или 25 апреля.

Данные источников, при небольших взаимных противоречиях в деталях, позволяют, таким образом, довольно подробно выяснить ход дела. Стрельцы, подавая челобитную на одного Грибоедова, жаловались по существу на многих полковников. Они заранее договорились о совместном выступлении-челобитье, выработали общую «заповедь» — стоять всем друг за друга, как это бывало и во время городских восстаний середины XVII в. В ходе неоднократных обращений к власти (самому царю, в Стрелецкий приказ, к его главному судье) они выполнили уговор и добились своего — заставили власти отступить, признать в результате розыска вину Грибоедова и тем самым других полковников. Можно не сомневаться, что роспись обид, «работ» и взяток (посулов) на Грибоедова была составлена стрельцами также заранее. Изготовить ее в течение одного-двух дней во время подач челобитных и розыска довольно трудно.

¹¹ ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Отдел рукописей, Соловецкое собрание (далее — ГПБ, ОР, Солов. собр.), д. 988 (878), лл. 707—709.

События этих дней были шагом вперед в сравнении с февралем. Если тогда властям удалось наказать стрельца-челобитчика и утратить его товарищей из всех полков, то теперь все выглядело иначе. Стрельцы дружно, настойчиво и целенаправленно добивались своего — они оказали открытое неповиновение представителям властей, некоторых из них избили или обратили в бегство, «отбили» от наказания своего товарища-челобитчика. Наконец, они добились розыска над своим начальником, признания вины им самим и властями, заключения виновного полковника в тюрьму. Очевидно, предполагалось какое-то решение по «росписи», но освобождение Грибоедова отсрочило его «до указа». Таким образом, этот нерешенный вопрос оставался открытым.

Изложенное выше не позволяет согласиться с утверждением А. П. Станевич о том, что движение, начавшееся 23 апреля, носило прежние формы подачи челобитной (в данном случае на С. Грибоедова); она же пишет о «вторичной расправе» (первая — расправа над челобитчиком в феврале). Начало массового движения стрельцов автор относит к концу апреля, совпавшему со смертью царя Федора¹². На самом деле стрельцы не ограничились просьбами, подачей очередной челобитной; они оказали открытое неповиновение властям, не допустили наказания своего товарища-челобитчика.

Стрельцы, конечно, заметили «понаоровку» бояр и приказных дельцов своим обидчикам. Да это и не могло быть иначе. Стрельцы надеялись на помощь «доброего» царя Федора, но он умер. К тому же, как показали события февраля, на «доброего» царя и нельзя было надеяться.

Тяжесть обид и надежда получить удовлетворение своих жалоб заставляли стрельцов действовать сплоченно и упорно. Урок февраля пошел им, как видно, впредь. Смерть царя отсрочила дальнейшие события, но ненадолго.

С. Медведев отмечает, что стрельцы не только не были довольны таким наказанием ненавистному Грибоедову, «но наипаче на ярость подвигошася». К тому же они «начаху себе такожде за праведное свое челобитье неправедного наказания и ссылки надеяться», поэтому во всех полках «тайно качаша мысли, како б того бедства избыти (здесь и далее курсив мой. — В. Б.)»¹³.

Таким образом, стрельцы совершенно разумно рассудили, что власти не оставят попыток наказать их за уже начавшийся по существу «бунт». Поэтому они на каких-то тайных совещаниях обсуждают свои контрмеры. Розенбуш по этому поводу говорит, что стрельцы (очевидно, полка Грибоедова) уже после попытки наказания своего челобитчика «вознегодовали на такое реше-

¹² А. П. Станевич. Указ. соч., стр. 210—211.

¹³ С. Медведев. Созерцание, стр. 42.

ние, собрались на следующую ночь, как и на другой день поутру». Пригласили на это совещание «несколько товарищей» из других полков, чтобы узнать у них, «какие полковники обходятся с ними таким же образом». По рассказам последних оказалось, что к таким можно отнести девять из двадцати полковников. «Стрельцы — заключает Розенбуш, — соединились тогда между собою и решились искать на них суда, иначе переломать им шеи», но исполнение замысла было сорвано смертью царя Федора 27 апреля¹⁴.

Автор повести из Барсовского собрания дополняет: «И стрельцы меж собою совет учиниша и сотвориша обещание крепкое: кто в слове не постоит, и того казнию смертною казнить». Более того, они «написали роспись за своими руками, — кольке на полковниках взять государевы казны»¹⁵.

Таким образом, выясняются чрезвычайной важности моменты начавшегося движения. В ходе борьбы вокруг челобитной на полковника Грибоедова кристаллизуется замысел стрельцов: объединенное выступление против ненавистных начальников, составление еще при жизни Федора их списка и росписей того, что было намечено взыскать с виновных полковников, план расправы с ними в случае неудовлетворения своих требований. Участники предполагаемого осуществления этого плана связали себя «обещанием крепким» о единстве, его нарушение могло караться смертной казнью.

Заметим, что обсуждение и принятие этого плана происходило при жизни царя Федора, сам план, принятый в конце апреля, тесно связан с февральскими и апрельскими событиями (челобитными), является их результатом. Причем все упоминавшиеся выше источники единодушно свидетельствуют, что участники движения сами, по своей инициативе, исходя из своих нужд и требований, тайно обсуждали и принимали эти решения. Ни о каком участии в этих обсуждениях клеветов Софьи, Милославских или Хованских нигде не упоминается, что вполне понятно — им не было никакого смысла делать это при жизни Федора Алексеича. Не об интересах же притесняемых стрельцов они заботились! Об этом стрельцы стали беспокоиться сами, когда чаша их терпения переполнилась и когда они поняли, что на милость властей нельзя положиться. Справедливость и обоснованность их жалоб не вызывает никаких сомнений, об этом говорят все указанные выше русские и иностранные авторы, отрицательно относившиеся, как правило, к выступлениям «черни». С. Медведев, в общем-то с неодобрением описавший действия восставших, пишет о стрелецком челобитье как о «праведном» и с явным осуждением, хотя и не очень решитель-

¹⁴ Розенбуш. Записка, стр. 40.

¹⁵ В. И. Буганов. Новый источник, стр. 322.

ным, относится к бесчинствам стрелецких начальников и царских временщиков. То же можно сказать о Розенбуше, не говоря уже об авторе повести Барсовского собрания. Авторы, не скрывающие своего резко отрицательного отношения к восставшим стрельцам, вынуждены признать, что их выступление явилось ответом на бесчинства и вымогательства начальников и правящих лиц.

Об участии клеветов Софьи и Милославских в тайных совещаниях стрельцов в середине двадцатых чисел апреля не преминул бы сообщить А. А. Матвеев, от которого, собственно говоря, и идут в первую очередь обвинения в адрес стрельцов, как орудия партии ненавистных ему Милославских. А. А. Матвеева в это время не было в Москве, он возвращался в столицу из ссылки вместе с отцом и не мог знать о тайных совещаниях у стрельцов. Но по возвращении в столицу он наверняка мог слышать об их сходках. О них, несомненно, знали москвичи, находившиеся в столице (сообщают же о тайных сходках стрельцов даже иностранцы). Матвеев мог бы впоследствии, много лет спустя, добавить лишние штрихи в свое описание «козней» Софьи и Милославских. Но он этого не делает, Недаром он начинает свой рассказ с описания смерти Федора и воцарения Петра. Мы тоже перейдем к рассмотрению версии Матвеева, поскольку она до сих пор лежит в основе многих суждений о причинах и сущности Московского восстания 1682 г.

* * *

Смерть царя Федора 27 апреля сильно осложнила ход начавшегося движения. Воцарение Петра Алексеевича — сына Алексея Михайловича и его второй жены Натальи Кирилловны Нарышкиной — неизбежно привело к борьбе придворных группировок за власть. На очередь дня встало возвышение Нарышкиных и их сторонников, возвращение из ссылки и восстановление в политических правах вождя этой придворной группировки боярина А. С. Матвеева. Напротив, детям Алексея Михайловича от первого брака с М. И. Милославской, в том числе царевне Софье, самим Милославским и их сторонникам, предстояло другое — уход с политической авансцены. Неудивительно, что ввиду, как пишет А. А. Матвеев, «возвышения» Петра I «на оный высокий престол тогда ж люди раздвоились, как от бояр и от прочих светлых фамилий, так и от дворянства на две партии, то есть шайки». К числу сторонников Петра и Нарышкиных он причисляет ряд известных бояр — князей Одоевских, Голицыных, Черкасских, Долгоруких и др. Характеризуя их противников, он выделяет царевну Софью, эту «великого ума и самых нежных пронцательств, больше мужеска ума исполненную деу». Она, по его словам, хотела выдвиганием болезненного

брата Ивана утвердить при дворе положение свое и Милославских. К тому же Софья и ее соумышленники боялись мести возвратившихся к власти Нарышкиных. Именно партия Милославских выступила против избрания Петра. Все это в общем верно. Но неверно, что все «московское стрелчество» выступило вместе с этой партией.

Характеризуя положение московских стрельцов, Матвеев пишет, что по кончине царя Федора многие московские стрелецкие полки «за нечастыми службами, за беспрестанным и гораздо прибыльным торгом... жили вольными слободами, за нерегулярным обучением воинским тогда бывшим», они «всемерно тогда уклонились в чрезмерные свои купеческие промыслы, покупая себе везде в рядах знатных многочисленные лавки, отчего всемерно обогатились и из прибытков тех своих... отменились из стрельцов в купцы». Далее автор обвиняет стрельцов во «всвременном» пьянстве, своевольствах, «продерзостях». По Матвееву получается, что стрельцы восстали не от бедности, нищеты и страданий, о которых они говорили в своих челобитных; этого Матвеев признавать не хочет. Их жалобы на полковников он называет... «притворными и ложными вымыслами!» Выше мы уже могли убедиться как раз в обратном. Но, по Матвееву, стрельцы «забунтовали» из-за своего вольного положения, богатства, своевольства и т. д. и т. п.

Далее Матвеев сообщает ряд любопытных фактов, хотя и сдобривает их изрядной дозой проклятий по адресу стрельцов. Последние, по его словам, «еще в пущие и горшие того вверглися своеволия, потом же в великое самое бесстрашие пришли и сделали себя так самовольными, властными, как бы некоторую особую в то время составляли свою республику или речь посполитую, забыв все свое подданство, службы и надлежащую им повинность и со дня на день от подначального в команде прежде бывшего над ними начальства, как бы самосудцами быть они решились»¹⁶.

Все эти гневные тирады против ненавистных Матвееву стрельцов свидетельствуют о том, что последние после всех мытарств, потеряв надежду получить удовлетворение своих жалоб от властей, по существу вышли у них из всякого повиновения. Исполненные решимости добиться своего, они сами сообща решали необходимые вопросы. Эти события относятся ко времени после смерти царя Федора и воцарения Петра.

Сходные мысли высказывает П. Н. Крекшин¹⁷. Правда, описание избрания на царство Петра I автор сопровождает всяки-

¹⁶ «Записки А. А. Матвеева». — «Записки русских людей». СПб., 1841 (далее — А. А. Матвеев. Записки), стр. 4—10.

¹⁷ П. Н. Крекшин. Краткое описание блаженных дел великого государя имп. Петра Великого, самодержца всероссийского. — «Записки русских людей», стр. 25—32.

ми выдумками и риторическими оборотами (единодушие «народа», «речь» Петра с отказом от престола и т. д.).

Избрание Петра прошло не совсем гладко. Тот же Матвеев и И. А. Желябужский сообщают, что в Кремле при объявлении об избрании Петра дворянин М. И. Сумбулов кричал, что «по первенству надлежит быть на царстве государю царевичу Иоанну Алексеевичу всея России». За это он впоследствии получил чин думного дворянина¹⁸. Но авторы умалчивают о том, что против избрания Петра выступали не только представители дворянства, но и часть стрельцов. Об этом говорят другие современники.

С. Медведев, тоже пытающийся, согласно официальным документам, которые он пересказывает, показать «всенародный» характер избрания Петра, тут же отмечает, что «от того времени наипаче всех стрелецких полков служивые люди» и солдаты полка М. Кравкова «начаша помышляти»: если при царе Федоре, который имел «лета доволны и разум совершен и бе милосерд», бояре И. Языков и другие и приказные люди дописали разные насилия, «мздоимание», то что же будет при юном и неопытном в делах правления Петре? «Вемы, яко не лучшее нам, бедным, восхошут сотворити, но наипаче потщатся во всем на нас величайшее ярмо неволи возложити;... яко волки имут нас, бедных овец, по своей воли во свое насыщение и утешение пожирати»¹⁹.

Автор повести из Соловецкого собрания, описав смерть и погребение царя Федора, избрание Петра²⁰ и посетовав на козни врага рода христианского «супостата нашего диявола», который «возмути народом», сообщает в общей форме, что 27 апреля во время целования креста новому царю у западных дверей Успенского собора в Кремле «внезапу возопиша нелепыми гласы, закликающе стрелцом... повелевающе престати креста целовати с великим прещением сице, яко без ума целуют меньшему брату мимо болшаго; и от того часа стрелцы и солдаты престаша приходити ко кресту»²¹. В официальной же разрядной записи прямо называются стрельцы приказа А. Карандеева, которые «учинились сильны и креста не целовали». К ним послали «уговаривать» целую комиссию — окольничего кн. К. О. Щербатого, думного дворянина В. А. Змеева, думного дьяка Е. И. Украинцева; «и их уговорили, и они крест великому государю целовали»²².

¹⁸ А. А. Матвеев. Записки, стр. 6; «Записки И. А. Желябужского с 1682 по 2 июля 1709». СПб., 1840, стр. 4—5.

¹⁹ С. Медведев. Созерцание, стр. 42—47; см. также СГГид, т. IV, № 132, стр. 412—413.

²⁰ ГПБ ОР, Солов. собр., д. 988 (878, лл. 702—704 об.

²¹ Там же, л. 702 об.

²² С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. VII. М., 1962, стр. 320—324.

Дело, очевидно, не ограничилось неповиновением одного стрелецкого приказа, если судить по повести из Соловецкого собрания, которая говорит, что крест перестали целовать «стрелцы и солдаты», т. е. явно не одного, а нескольких или многих полков, причем в качестве агитаторов выступало несколько человек («возопиша»). Во всяком случае, события 27 апреля вновь показали, что в стрелецко-солдатской массе продолжало нарастать недовольство, поскольку дело дошло до попытки выступления против утверждения нового царя. Правда, усилиями властей оно было предотвращено.

Правительство рассылало во все концы грамоты о возведении на престол Петра Алексеевича и посылало своих представителей для приведения населения к присяге «по чиновным книгам». «Крестоприводные книги» приказывалось присылать в Москву в Разрядный приказ к боярину кн. М. Ю. Долгорукому «с товарищи»²³.

В связи с избранием Петра и другими событиями при московском дворе представляют интерес донесения И. Келлера. Он сообщал Генеральным штатам, что вопрос о воцарении Петра был предрешен еще до смерти Федора. Вызов из ссылки А. С. Матвеева связывался, помимо прочего, с надеждами, что он приложит «все свои усилия для предупреждения и устранения смутений и волнений, угроза которых налицо». Имеются в виду не только раздоры придворных партий, но и народное выступление. Выбор царя прошел при общем согласии, только стрельцы хотят противиться ему, так как они недовольны дурным обращением с ними полковников. С целью предотвращения выступления стрельцов все прослойки русского дворянства объединились, вокруг нового царя Петра I, даже враждебные друг другу партии Нарышкиных и Милославских. Вплоть до 15 мая не производилось никаких перемен среди приказных деятелей²⁴.

Слухи, донесения дипломатических агентов, представителей с событиями при московском дворе становились известными в зарубежных странах.

Неизвестный итальянский резидент папского двора в Варшаве, пользовавшийся «слухами», «депешами, полученными из Кенигсберга», доносил в Рим о смерти царя Федора и воцарении Петра. В связи с этим он добавляет, что предстоят важные изменения в правительстве — вызван из ссылки А. С. Матвеев,

²³ СГГид, т. IV, № 132—134, стр. 412—416; АИ, т. V, № 82, стр. 131—133; Архив ЛОИИ, Собр. грамот, д. 2869, лл. 1—22 (наказ стольнику В. Я. Хитрово, посланному в города Владимир и т. д. до Гороховца; грамота в эти города).

²⁴ М. И. Белов Нидерландский резидент в Москве барон Иоганн Келлер и его письма. Л. 1947 (далее — М. И. Белов. Нидерландский резидент), стр. 307—315.

человек больших способностей, который вел интриги при дворе отца нынешнего царя (т. е. при Алексее Михайловиче), а теперь возглавляет взявшую верх придворную группировку. В воцарении Петра большую роль сыграла его мать, которой приписывают отравление царя Федора²⁵.

В свете изложенного выше неубедительно выглядят утверждения М. П. Погодина, который пишет о стрельцах, что они, присягнув Петру, спокойно разошлись, и делает вывод: «значит, плана у них еще не было». Поскольку он пытается доказать, что стрелецкое выступление не имело причин «в их собственных делах», а происходило «от внушений посторонних», т. е. от наветов Софьи и И. М. Милославского, то, следовательно, у стрельцов и не было «плана» восстания²⁶.

Между тем, хотя, к сожалению Погодина, «внушений посторонних» в начале восстания, действительно, не было, план выступления уже существовал, его разрабатывали сами восставшие на тайных совещаниях. Этот план вскоре начал осуществляться опять же независимо от интриг тех или иных придворных деятелей.

Нельзя не согласиться с мнением А. Н. Штрауха, который пишет, что «мемуаристы из самого „порядочного общества“ при всем своем высокомерии и откровенной вражде к „черни“... с неудовольствием отмечают самые разнообразные признаки организованности движения: конспирацию, товарищескую дисциплину, быстрый рост связей с широкими массами недовольных». Далее он замечает, что «благочестивая легенда о лояльности стрельцов, беззаветно хранимой ими вплоть до момента появления Софьиных агитаторов, тает, как дым, пред лицом фактов»²⁷.

С. К. Богоявленский, отмечая обусловленность выступления стрельцов их тяжелым положением, в частности притеснениями и вымогательствами начальства, пишет, что они одновременно находились под влиянием общего настроения недовольства и неуверенности.

Общее благосостояние было подорвано непрерывными войнами, финансовыми экспериментами с введением унифицированной соляной пошлины и медных денег; подати взимались с недоимками, представители всех городов жаловались на оскудение и «конечное разорение»²⁸.

²⁵ А. Theiner, pp. 236—237.

²⁶ М. П. Погодин. Указ. соч. Исследования, стр. 111, 114.

²⁷ А. Н. Штраух. Стрелецкий бунт 1682 г.— «Научные труды Индустриально-педагогического ин-та им. К. Либкнехта». Социально-экономическая серия, вып. 1. М., 1928, стр. 12—13.

²⁸ С. К. Богоявленский. Хованщина.— «Исторические записки», 1941, т. 10, стр. 182—183.

**ДЕЙСТВИЯ ВОССТАВШИХ
В КОНЦЕ АПРЕЛЯ — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ МАЯ**

(челобитные конца апреля — начала мая, наказание полковников, расправы с младшими начальниками, подготовка более широкого выступления)

Современный исследователь вопроса, А. П. Станевич, считает события, связанные с подачей 29 апреля новой челобитной, шагом вперед в развитии событий восстания. Но в их истолковании автор допускает ряд неточностей и противоречий: то отмечает, что подача челобитной является фактом мощного коллективного протеста, а сама челобитная — «уже не традиционная просьба, а требование, скрывавшее за собой реальную силу», то утверждает, что движение еще не вышло из законных мирных рамок, а в распоряжении правительства имелись средства для его ликвидации (дворянское войско, полки иноземного строя и др.), и заключает: «поэтому несколько странным кажется нам то обстоятельство, что на этот раз просьба стрельцов была полностью удовлетворена». Автор пишет далее, что правительство Петра I решило дать стрельцам подачку, чтобы заручиться их поддержкой в борьбе со своим дворцовым противником — партией Милославских. Автор, таким образом, склоняется к мысли, что Нарышкины стремились использовать стрельцов в борьбе с Милославскими, в данном случае в борьбе с реформами В. В. Голицына в области государственного управления, в частности системы подготовки военных сил (перевод старофеодалных военных отрядов на иноземный строй); эта реформа была непопулярна среди стрельцов²⁹.

В дальнейшем автор придает определенное значение интригам и действиям царевны Софьи и ставшего во главе правительства патриарха Иоакима, не без влияния которых были удалены от двора Языковы и Лихачевы — временщики царя Федора (хотя выше говорилось об их отставке по требованиям стрельцов.) Требование о возведении на престол старшего брата Ивана вышло, по мнению автора, не из гущи стрелецких слобод, а явилось следствием постороннего, очень сильного влияния, это «новое требование» привело к «кровавым событиям 15—17 мая»³⁰.

Данные источников позволяют утверждать, что движение, связанное с подачей челобитной 29 апреля, носило грозный характер восстания, которое правительство было попросту бессильно предотвратить (за неимением реальных сил для противодействия ему), а восставшие руководились своими собственными требованиями и стремлениями.

²⁹ А. П. Станевич. Указ. соч., стр. 211—214.

³⁰ Там же, стр. 215—216, 218—219.

А. А. Матвеев не утруждает себя пересказом новой стрелецко-солдатской челобитной, поданной после смерти Федора и воцарения Петра. Он пишет только, что стрельцы «под некоторыми своими притворными и ложными вымыслами, якобы за учиненные им, стрельцам, от тех командиров их полковников тягостные обиды и нападки, стали уже самих их, полковников, всемерно уничтожать, ругать и отщипением жестоким озлобительно им угрожать». В это же время они «прямое свое ослушание показали и во все противности дошли»³¹.

Официальная разрядная запись³² сообщает, что новая челобитная была подана 29 апреля, т. е. на третий день после воцарения Петра. В ней кратко говорится, что стрельцы «били челом великому государю в насильствах и в налогах и во всяких разорениях... на полковников и на пятидесяцких». С жалобой обратились стрельцы и солдаты 12 полков: М. Кравкова, Н. Колобова, В. Воробина, С. Грибоедова, М. Вешнякова, И. Нелидова, И. Полтева, А. Карандеева, Г. Титова, А. Дохтурова, П. Глебова, Р. Остафьева. Записи от 1 мая сообщают об отправке в тюрьму двух полковников: И. Щепина, К. Крома, о наказаниях и смене еще четырех: В. Перхулова, Н. Борисова, А. Танеева, С. Янова. Всего, таким образом, насчитывается 18 стрелецких и солдатских полковников. Если учесть, что, по сообщению С. Медведева и А. А. Матвеева, в Москве находилось в это время 19 стрелецких полков численностью в 14 198 человек³³, выясняется участие большей части стрельцов и многих солдат в этой антиправительственной акции.

Согласно разрядам, по указанию властей челобитные стрельцов и солдат «приняли» и «за ними сидели» патриарх Иоаким с боярами, которые полковников расспрашивали «против их челобитья». В то же время в стрелецкие и, вероятно, солдатские полки послали их «уговаривать» думного дьяка Посольского приказа Лариона Иванова. Но его уговоры не подействовали: стрельцы «били челом против прежнего своего челобитья, чтоб великий государь пожаловал их, велел от полковников оборонить»³⁴.

В царских указах, сказанных в начале мая от имени Петра I полковникам во время наказания по стрелецко-солдатской челобитной, и в ноябрьских жалованных грамотах о прощении

³¹ А. А. Матвеев. Записки, стр. 10.

³² С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 324—326, 328, 332.

³³ С. Медведев. Созерцание, стр. 180; А. А. Матвеев. Записки, стр. 11 (ошибочно говорится только о 9 полках). В одном из неопубликованных списков «Записок» А. А. Матвеева указывается правильная цифра—19 полков, см.: Орловский областной краеведческий музей, коллекция столбцов, рукопись по истории Московского восстания 1682 г., на 37 л., скоропись XVIII в., л. 4 об. За сообщение данных об этой рукописи приношу глубокую благодарность Т. Г. Свистуновой.

³⁴ С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 324.

стрельцам (они дополняют друг друга в деталях) говорится, что челобитье состоялось не 29, а 30 апреля: в этот день «били челом пятидесятники и десятники, и рядовые стрельцы». Далее в указе пересказывается содержание челобитной. Судя по пересказу, каждый полковник обвинялся в том, что «им, стрельцам, налоги и обиды и всякие тесноты чинил», бил «жестокими бои» «для взяток своих и для работ». Особо отмечено, что по наговорам пятисотных и приставов начальник бил стрельцов батогами «ругательством, взяв в руку батога по два и по три и по четыре». Стрелецкие земли, отведенные под дворы, полковники использовали под свои загородные огороды, на которых заставляли работать «в неволе» жен и детей своих подчиненных, покупавших к тому же на «сборные деньги» (вероятно, собранные ими же) разные овощные семена для полковничьих огородов. Так же насильно заставляли начальники своих стрельцов и солдат выполнять различные работы в своих деревнях — копать пруды, строить плотины и мельницы, чистить лес, косить сено, «дрова сечь», причем возить в Москву припасы заставляли на лошадях, покупаемых «неволею». «Неволею» же стрельцы и солдаты покупали себе обмундирование (цветные кафтаны с золотыми нашивками, бархатные шапки, желтые сапоги), а также же лес и всякие запасы на полковничье «дворовое строение». Полковники посылали их ломать камень для «полатного строения» в село Мячково по 100 человек и больше. Камень и известь стрельцы возили водой на стругах или сухим путем на своих подводах.

Столь же внушительен перечень злоупотреблений с деньгами. Из жалованья полковники вычитали у своих подчиненных и присваивали «многие денги и хлеб». Отпуская по 30, 40, 50 и больше стрельцов с караулов, они брали с них за это по 4—5 алтын, по 2 гривны и больше с человека, а с «неделных» (вероятно, с тех, кто дежурил по неделям) — по 10 алтын, по 4 гривны, по полтине. Присваивались ими деньги и запасы «с дворцов», которые выдавались стрельцам «на стенной караул». В то же время на свои дворы, помимо денщиков, они «имали» для караульной службы многих стрельцов, которых заставляли делать всякую домашнюю работу, вплоть до очистки «отходов». Таким же притеснениям подвергались стрельцы и солдаты во время походной службы. Все это делалось, как говорится в майском указе Петра I, в нарушение указа покойного Федора Алексеича, согласно которому полковникам запрещалось брать со своих подчиненных взятки, посылать на работы. Причем полковникам «для того... на пополнение дана была великого государя жалованная деревня в поместье, чтоб быти... у того приказу безкорыстным». Но это, как видим, не остановило алчных и жестоких полковников, что власти и признают в майском указе, обращаясь к каждому из полковников с такими словами: «А ты,

забыв такую великого государя милость и жалованье, того приказа стрелцом те налоги и обиды, и тесноты, и взятки чинил и бил их напрасно»³⁵.

Уже эти данные официальных источников опровергают утверждения и домыслы Матвеева. Другие источники тоже достаточно красноречиво подтверждают показания майского указа и разрядных записей. С. Медведев³⁶ пишет, что «все пехотного строя полки, которые на Москве суть солдаты и стрельцы», били челом 30 апреля и 4 мая «во своих всяких обидах и налогах и в наказательном немилосердном мучении». Их челобитные автор называет «заручными», т. е. имеющими подписи стрельцов и солдат. Медведев приводит список 16 полковников и одного солдатского генерала — М. Кравкова, на которых били челом. В сравнении с приведенным выше списком из официальной разрядной записи здесь отсутствуют фамилии двух полковников — Р. Остафьева и С. Янова, но в разрядах нет приводимой у Медведева фамилии полковника И. Конищева. В целом оба списка называют 19 фамилий начальников. Из них 18 человек являлись, очевидно, стрелецкими полковниками — в ноябрьской 1682 г. жалованной грамоте стрельцам, которая тоже пересказывает апрельскую челобитную, отмечается, что ее подали «урядники и рядовые салдаты на генерала Кравкова, а московския надворныя пехоты пятидесятники и десятники и рядовые всех полков на полковников... и подавали на них челобитные за ругами».

Розенбуш, ошибочно утверждающий, что стрельцы присягу Петру I «исполнили охотно», датирует подачу челобитной 29 апреля (суббота). Он пишет, что они «во множестве пришли во дворец» и потребовали от Петра I наказания полковников (автор опять говорит, что их было девять) и взыскания с последних «проторей и убытков по точному реестру». Иначе, заявляли челобитчики, они «найдут себе суд сами». Они грозили убить полковников, а их дома взять за уплату своих долгов. Раздавались аналогичные угрозы по адресу других «изменников» из числа «некоторых вельмож» (назывались их имена), «ибо терпеть жестокость своих полковников и дурное правление изменников, обманывавших царя, они более не могут»³⁷. Таким образом, на этот раз челобитные не вручались отдельными представителями обиженных стрельцов и солдат, недовольные явились «во множестве» во дворец и решительно потребовали удовлетворения своих требований и наказания притеснителей. Очень важно то, что они угрожали не только своим непосред-

³⁵ ААЭ, т. IV, № 354, стр. 357—358; № 271, стр. 392—393; С. Медведев. Созерцание, стр. 49, 50, 166—167.

³⁶ С. Медведев. Созерцание, стр. 47—49.

³⁷ Розенбуш. Записка, стр. 40.

ственным начальникам, но и правительственным деятелям — «изменникам», обманывавшим царя. Это характерно для царистской психологии народных низов. Возможно, стрельцы и солдаты явились в кремлевский дворец для подачи челобитных 29 апреля, а их рассмотрение властями состоялось на следующий день, т. е. 30 апреля; этим, может быть, и объясняются разноречивые хронологические указания источников. Кроме того, согласно С. Медведеву, челобитные подавались также и 4 мая (повторно или же часть восставших била челом в конце апреля, а другая часть — 4 мая).

Интересные данные содержатся в летописных повестях. Согласно повести Аверкия, царю Петру били челом «служивые люди, стрельцы и салдаты всех приказов... и подали роспись, сколько за кем государева жалованья, денежные казны, и просили их, полковников, у великого государя к себе по слободам в стрелецкия приказы»³⁸.

Повесть из Барсовского собрания датирует новую челобитную маем (число отсутствует), причем говорится об инициативе «того же приказа», т. е. стрельцов полка С. Грибоедова, которые «собрались и меж собою совет учинили, что бити челом великому государю на полковников и сотных, и пятидесятников, и десятников, которые ушничали с ними, полковниками, заедино, нас изгоняли; и тех бити насмерть и с роскату бросать»³⁹. Выясняется, таким образом, новое исключительной важности обстоятельство — стрельцы на своих тайных совещаниях решили выступить не только против главных своих «гонителей» — полковников, но и их «ушников», как метко и красочно говорится в повести о помощниках стрелецких голов из числа сотных, пятидесятников и десятников, составлявших привилегированный слой среди стрельцов, своеобразную стрелецкую аристократию, которая пользовалась милостями начальства и вела предательскую линию в отношении массы рядовых стрельцов.

Исследователи давно обратили внимание на наличие социальной розни среди стрельцов, разногласий в стрелецких полках в конце апреля — начале мая. Так, М. П. Погодин отмечает, что в первой половине мая одни склонялись к выступлению, другие колебались, а полк Сухарева вообще оставался в стороне от движения⁴⁰. С. К. Богоявленский пишет о социальной розни в среде восставших — о борьбе между радикальной и умеренной, консервативной группировками⁴¹. Ряд исследователей

³⁸ М. Н. Тихомиров. Заметки земского дьячка второй половины XVII в. — «Исторический архив», т. II. М.—Л., 1939, стр. 98.

³⁹ В. И. Буганов. Новый источник, стр. 323.

⁴⁰ М. П. Погодин. Указ. соч., стр. 34.

⁴¹ С. К. Богоявленский. Хованщина, стр. 184.

отмечают, что уже в первой половине мая начались расправы стрельцов с младшими начальниками⁴², хотя и не всегда истолковывают эти факты как начало восстания.

Наиболее подробно обстановка, в которой происходила подача челобитья стрельцов и солдат, описывается в повести из Соловецкого собрания⁴³. «Не по многим же днех» после смерти царя Федора, повествует автор, «злии человецы, дьяволом наученныя смутницы, яко волцы ходяще посреде овец, всею ратию возмутиша». Речь опять идет, таким образом, о группе «смутников», каких-то агитаторов, главарей, поднимающих на восстание массу стрельцов и солдат, а также московский простой народ, среди которого велась их агитация. Они «всеяша мысль злую служилым людем, стрелцом и салдатом, дабы им в Московском государстве царев сикклит обругати, боляр и вельмож всех побити и смерти предати, глаголюще и зубы скрегчюще посреде народа, друг другу дерзновенно вопиюще, како бы в народе замутити, аки праведно и небоязненно сказывающе на бояр измену». Таким образом, и этот источник говорит, что начавшееся народное движение грозило не только стрелецким и солдатским полковникам, но и боярам, которые, как и ранее, например, в 1648 и 1662 гг., обвинялись в «измене». «Простии человецы», по словам повести, «у них», т. е. у «смутников», агитаторов, «слушающе, чают, яко правду глаголют, присташа к ним, и изыдоша от них та тщетныя лживыя глаголы во весь народ сице, яко бояре всем обиды творят и стеснение великое, суд и росправу чинят неправедно всему христианству ради мзды своея, сырых и бедных не щадяще, разорения и беды им сотворяют и домов отжениают, нападают всякими неправдами, себя обогащают и домом своим прибитки чинят, а народ губят». Несмотря на свою ненависть к восставшим, автор повести нарисовал довольно яркую картину развертывавшегося на его глазах движения, в котором простой люд Москвы «пристал» к «смутникам», стрельцам и солдатам. Оно было направлено в целом против злоупотреблений, бесчинств правящей верхушки.

Автор повести прямо свидетельствует, что возмущенные стрельцы и солдаты «между собою совет сотвориша всеми полками, во единомыслии сташа», поскольку бояре завладели всем государством и «что хотят, то и творят, а служилым де людем несть разсмотрения». В результате боярского засилья «возмутишася вси и восколебашася», поэтому, рассуждали они, «мы на бояр востанем», так как «от бояр терпети невозможно». Они уже «устремившеся всех полков, дабы бояр смерти предати.

⁴² Н. Г. Устрялов. История царствования Петра Великого, т. I. СПб., 1858, стр. 25; Н. Я. Аристов. Московские смуты в правление царевны Софии Алексеевны. Варшава, 1871, стр. 68—70; А. Н. Штраух. Стрелецкий бунт 1682 г., стр. 15—16, 22.

⁴³ ГПБ, ОР, Солов. собр., д. 988 (878). лл. 704 об.—707, 709—711.

но обаче сумняющеся, розмышляше, како бы то учинити не скоростию, прежде наслушающе народ от простых розных мелких чинов пронырством лукаваго дьявола, подсылкою пияниц и пройцов научающе на зломысленные козни, чтобы от народу было им неопасно». Таким образом, уже вскоре после смерти царя Федора стрельцы и солдаты имели как будто намерение поднять восстание против правящей верхушки, но оно, очевидно, было отложено в целях более тщательной подготовки, в первую очередь для того, чтобы обеспечить благожелательное отношение московского народа к предстоящему выступлению.

Стрельцы и солдаты, продолжает повесть, никому не сообщали о своем замысле, «только знают сами между собою, понеже утверждение себе положиша крепкую заповедь с великим прещением под смертным страхом, чтобы им в том своем злом умыслении стояти крепко и друг за друга свои главы положить неизменно». Они избрали из своей среды, из всех полков «вестников» для агитации в народе. Автор повести не жалеет бранных слов по их адресу: они «ко всякому злу затейные вымышленики», бунтовщики, горланы, ябедники, «всенародныя прелестники и смутницы», их цель — своровать, затеять ложно и солгать в народе, учинить в нем смуту «воровски», «помутить пародом» и т. д., и т. п. Значение этих сообщений трудно переоценить. Речь идет о том, что стрельцы и солдаты при молчаливой поддержке народа сразу после смерти Федора и воцарения Петра сами, по своей инициативе начали агитацию против бояр и своего начальства, причем немедленное выступление против них было отложено на некоторое время для его лучшей подготовки.

Повесть и далее сообщает не менее ценные данные. В ней говорится о тех призывах, с которыми «вестники», «смутницы» обращались к московскому народу. Автор повести, бывший очевидцем описываемых им событий, сам, конечно, слышал эти разговоры, толки и призывы. Агитаторы разъясняли в народе, что только что воцарившийся Петр I «вельми юн, токмо 9 лет и 11 месяцев, како ему царством владети, аще не бояром богатеть? И народ весь погубят». В то же время старший брат Иван Алексеевич «в возрасте, мочно ему, государю, царствовать». В «неправедном» избрании младшего брата «чрез болшаго брата» они обвиняли патриарха и бояр, которые не объявили их «всему народу». Тут же передавались слухи о том, что Иван после смерти царя Федора не взял царского посоха и велел патриарху передать его Петру. Но существовала и передавалась из уст в уста и другая версия: «Инии же смутници говорили, что Иван посох принял и передал патриарху с тем, чтобы «в народе» объявить обоих братьев—его, Ивана, и Петра,— «и вопросить, кого из них... изберут на царство народом во святей церкви соборной», т. е. в Успенском соборе. Но патриарх, по мнению

«смутников», не сделал этого по «прошению» царицы Натальи Кирилловны, матери Петра, и по совету бояр, «которые дружны Артемону и Нарышкиным, дабы царствовать меньшему брату, царю Петру Алексеевичю всеа России, а государством владети бы и людми мять им, бояром». Это явно видно и из того, продолжали «вестники», что еще до смерти царя Федора было велено освободить из заточения Ивана Нарышкина, Артамона Матвеева, которым «поспешением» велено ехать в Москву. Не осталось без внимания и поведение Нарышкиных во время погребения царя Федора на глазах у всего народа: «Еще же и сами видехом меньших детей боярина Кирила Полиевктовича Нарышкина Афанасия з братьями в то плачевное время». Во время выноса тела царя Федора для погребения в Архангельский собор они перебегали «из церкви вверх и паки в церковь, аки некую радость обретших, поне же весь мир сетует и плачет, а им радость и веселие бысть, не вемы, чесо ради». Не скрывал чувства радости и полковник Василий Бухвостов, «соотрапезник Артемонов» (т. е. боярина А. С. Матвеева), который еще перед выносом тела при всем народе «обляжеса на перило» Красного крыльца, «яко какую радость обрел, вельми смеющеса, не вем что, зря». Присутствовавшие здесь на кремлевской площади многие люди обращали его внимание на недопустимость такого поведения. Другие же говорили: «Радость обрете, поне же Артемона ожидаше вскоре; и будут царством владети паче прежняго и людми мять и обидети бедных и продавать».

Слухи и пересуды о событиях при дворе распространялись далеко за пределы столицы. Итальянский резидент в Варшаве в донесении в Рим от 8 июня 1682 г. писал, что «старший брат нового великого князя» явился в сопровождении нескольких «стрелков» (стрельцов) в «Думу» и «горячо протестовал» против возведения на престол своего младшего брата и против нанесенной ему самому обиды. Но братья матери нового царя (т. е. Нарышкины) напали на Ивана и пытались силой выгнать его из Думы. Именно в ответ на это началось избиение стрельцами бояр⁴⁴.

Во всей этой агитации стрельцких и солдатских представителей в народе, помимо явно царистских моментов, сквозит еще другое — они понимали, что надеяться на правду, удовлетворение их справедливых жалоб и требований со стороны Нарышкиных и их сторонников, пришедших к власти с воцарением Петра, невозможно. Именно этим объясняется их агитация в пользу старшего из братьев — Ивана Алексеевича и обвинения в адрес Нарышкиных и их клеветов, со стороны которых они со страхом ожидали новых бесчинств и усиления гнета.

⁴⁴ А. Theiner, p. 237.

Для царистских настроений этих агитаторов, как и вообще всех участников движения, характерно то, что, обвиняя Нарышкиных в недостойном поведении во время похорон Федора Алексеевича, они не посмели упомянуть в этом плане самого Петра I. Дело в том, что присутствовавший на заупокойной службе в Архангельском соборе юный царь не достоял до конца и был уведен матерью в царские палаты. Наталья Кирилловна не без основания, конечно, говорила, что мальчик устал, к тому же долго не ел, но сам по себе факт ухода царя с погребения своего предшественника не мог не показаться по крайней мере бестактностью. Это не земедлили использовать царевна Софья и Милославские в своих целях, обвиняя Нарышкиных в неуважении к памяти усопшего монарха.

Между тем агитация против Нарышкиных продолжалась: «И о сем молва бысть в народе по многи дни от тех же мятежников». Неизвестно, сколько времени она длилась, однако же можно думать, что не один и не два дня, а более («по многи дни»). Судя по данным повести, началась агитация сразу после смерти Федора и воцарения Петра и продолжалась во время массового стрелецко-солдатского челобитья и после него.

О самом челобитье и обстановке, в которой оно происходило, повесть также сообщает важные сведения. Правда, содержание челобитной передается менее подробно, чем в других источниках. Стрельцы и солдаты били челом царю Петру «на всех полковников... в работах и в спусковых денгах» «после погребения тела государственного не по многих днех прешедших». Таким образом, согласно повести, речь в челобитье шла о злоупотреблениях полковников, отягощении подчиненных различными «работами», о чем более подробно сообщается в других источниках, и злоупотреблениях со «спусковыми денгами», о чем здесь говорится более подробно. Правда, другие источники не ограничиваются только известиями о «спусковых деньгах» (сообщают, например, о вычетах и т. д.), но зато о них в повести имеется ряд дополнительных данных. В ней довольно подробно объясняется механизм собирания спусковых денег. Дело в том, что «промышленники, торговые и ремесленные люди» из числа стрельцов откупались от караульной и походной службы внесением «спусковых денег», которые брались «на съезжие избы в братию, и за них (т. е. за этих откупившихся стрельцов. — В. Б.) на караулах стоят и в походы ходят, и в посылки ездят из братии они (т. е. стрельцы. — В. Б.) за те же спусковые денги». Из этих денег производились расходы на покупку знамен, барабанов, на постройку съезжих изб, полковничьих караульных хором, пушечных и мелких оружейных амбаров, свечей и другой «всякой стрелецкой подмоги». Все это было, очевидно, в порядке вещей, освящено обычаем и не вызывало особых возражений. Гнев вызывало другое — то, что «ис тех же спусковых денег с съезжих

изб полковники емлют себе для всяких своих прихотей во всякие свои домашние заводы и теми денгами дворы и хоромы свои полковничьи строили и сами корысть себе получали, а имали на год по сту и по двести рублей и болши, как им мочно что взятъ; и таких денег по их стрелецкому начоту объявилоса на них, полковниках, тысячи по две и по три и болши». Стрельцы во всех полках составили ведомости всех уворованных полковниками денег, «написав росписи и тем спусковым денгам приходу и расходу сметы». Таким образом, восставшие составили подробные реестры с указанием сумм, удержанных у них их начальниками. Делалось это, конечно, сообща на тайных собраниях стрельцов.

Автор повести далее сообщает, что все возмущившиеся стрельцы и солдаты нашли единомышленников в лице раскольников — «советника и учителя своего» Пустосвята, его «товарищей», последователей и учеников. Он вспоминает здесь, что некоторые из них «не поидоша» целовать крест новому царю, «а иже из них котории и крест целовали, они же, мятежницы, и тех возмутиша, прещаше им смертию, емлюще их на съезжие избы и затворяюще в темницы». Они же (т. е. те, кого посадили в темницы за целование креста Петру I) «страха их ради паки смутишася и крестное целование преступиша... согласившеся с преждереченными вестниками и ложными прелестными смутники». Стрельцы и солдаты всех полков «сташа... вооружшеся, аки противу неприятеля, врага и супостата единомысленно в своих слобода[х] круг царства в Земляном граде и стражи укрепивше крепкие, яко на рать изготовившеся, на битву с пушечным и с мелким огненным боем, с самопалы, с копии, з бердыши и со всем воинским оружием». Они окружились около съезжих изб гуляй-городами («деревянными походными служилыми городки»), «яко во осаде седши, и всякое оружие к бою наготове держажу, и пребыша тако многия дни, ждуще не вем какова времени или неприятеля во всем воинском наряде, в цветных одеждах своих стрелецких».

Итак, движение приобрело грозный для властей характер задолго до событий 15—17 мая, на которых, между прочим, и сосредоточено основное внимание в литературе, посвященной восстанию. Оказывается, сразу после воцарения Петра восставшие организовали широкую агитацию в московском народе. Вместе с раскольниками, которые уже на этом этапе включаются в движение, стрельцы ясно показали, что они остаются противниками «незаконного» избрания царя, причем они преследовали тех, кто выступал за целование креста Петру I (их сажали в темницы и заставляли отказываться от своей прежней позиции). Наконец, подача стрелецко-солдатской челобитной носила отнюдь не мирный характер. Стрельцы и солдаты вооружились и сели в осаду по всему Земляному городу (по ли-

нии современного Садового кольца). Тем самым «царство», т. е. столица — Кремль, Китай-город, Белый, Земляной город с царским дворцом, правительственными учреждениями и дворами бояр, дворян и приказных людей, — попало в окружение. Дела для правящих властей принимали плохой оборот. Правда, среди участников восстания не было единства. Это проявилось, в частности, в ходе присяги на верность Петру I, когда одни отказывались целовать крест, другие же делали это, за что подвергались преследованиям со стороны первых. Очевидно, у стрельцов и солдат, с самого начала выступавших в качестве главной движущей силы восстания, не было полной уверенности в поддержке или по крайней мере в благожелательном нейтралитете со стороны массы простых москвичей. Именно этим объясняется тот факт, что, несмотря на видимый успех агитации среди простого народа вскоре после смерти царя Федора, они отложили немедленное выступление против властей с целью его более тщательной подготовки.

Между тем, не ограничиваясь агитацией и призывами, стрельцы и солдаты подают новое челобитье. Они избрали из своей среды «челобитчиков» или «выборных» по пяти и больше стрельцов из каждого полка. Именно эти выборные били челом на полковников «против прежняго своего челобитья». Эти известия повести подтверждают показания других источников (например, С. Медведова и др.) о том, что челобитье подавалось не один, а несколько раз (может быть, 29 и 30 апреля и 4 мая; возможен другой вариант: 29 или 30 апреля и 4 мая). Стрельцы потребовали выдачи полковников на правех стрельцам и солдатам в съезжие избы. Царь и бояре указали: «Против того их челобитья в тех их начотных денгах про всех полковников розыскать», причем форма этого известия — «великий государь указал и бояре приговорили» — указывает на то, что решение было принято на заседании Боярской думы. Москва уже в это время оказалась фактически во власти решительно настроенных стрельцов и солдат, которым сочувствовало московское «простолюдство».

Далее повесть описывает это «шаткое время и страхование», которое продолжалось «у них, стрелцов, от дне зачатия апреля 29-го мая по 15 число 190-го году». Тем самым автор повести считает началом «страхования» и «шатости», т. е. началом восстания, конец апреля, точнее 29 апреля, когда в результате предшествующих волнений (во время челобитья на С. Грибоедова, целования креста Петру) и агитации «вестников» в народе стрельцы и солдаты одновременно с подачей челобитной на своих начальников вооружились, окружили город и тем самым недвусмысленно заявили о намерении добиться удовлетворения своих требований с оружием в руках.

Выше уже выяснилось, что по стрелецко-солдатскому челобитью власти организовали розыск — за челобитными «сидели»

патриарх Иоаким и бояре и расспрашивали полковников. В это время думный дьяк Посольского приказа Ларион Иванов ездил в стрелецкие приказы для уговоров. Но стрельцы «били челом против прежнего своего челобитья, чтоб великий государь пожаловал их, велел от полковников оборонить»⁴⁵. Повесть Соловецкого собрания кратко подводит результаты розыска: «И по розыску они, полковники, во всем повинилися»⁴⁶.

Далее все источники с большей или меньшей подробностью и с некоторыми противоречиями в деталях сообщают о наказании полковников, а также их «ушников» из числа начальников более низких рангов. По приговору, приводимому в царском указе от начала мая, полковников «за такие налоги и обиды и за многие взятки» указывалось от полков отставить, отнять полковничьи чины и «деревни, что даны к приказу». Они должны были вернуть стрельцам по их челобитью и росписям все уворованные «спусковые деньги», вычеты и прочие взятки, а также заплатить за различные работы, которые выполнялись у полковников, их друзей, свойственников и знакомых теми же стрельцами. За всякие вины, «тесноту» и обиды полковников указывалось бить батогами⁴⁷. Этот приговор — результат решительных требований восставших, заставивших правительство признать, наконец, справедливость и обоснованность их жалоб. Однако этот официальный документ не передает обстановку, в которой происходило рассмотрение челобитья стрельцов и солдат, исполнение самого приговора и другие события.

А. А. Матвеев кратко сообщает о событиях конца апреля — начала мая⁴⁸, сопровождая это бранью в адрес стрельцов, вышедших полностью из повиновения и организовавших, по его словам, как бы республику или речь посполитую. Автор сетует, что «их тогда с начала допустили» собираться на круги по примеру донских казаков. Стрельцы, по его словам, управлявший ими Стрелецкий приказ и его начальников бояр князей Ю. А. и М. Ю. Долгоруких (на самом деле Стрелецкий приказ возглавлял старший из Долгоруких, а его сын князь М. Ю. Долгорукий стоял во главе Разрядного приказа) «ни во что ставили и за посмешище вменяли и бедствием им самим грозили». Столь же решительно вели себя стрельцы и по отношению к своим непосредственным начальникам — некоторых полковников, приезжавших к съезжим избам, они «начали отгонять от себя, палками в них бросать, камнем метать и сквернословить их, что едва тогда они, полковники, живот свой, от них, стрельцов, уходя, срасали». Таким образом, и Матвеев фак-

⁴⁵ С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 324.

⁴⁶ ГПБ, ОР, Солов. собр., д. 988, л. 710.

⁴⁷ ААЭ, т. IV, № 254, стр. 358.

⁴⁸ А. А. Матвеев. Записки, стр. 10—11.

тически признает, что восстание началось не 15 мая, а раньше. Стрельцы полностью вышли из повиновения, угрожали не только полковникам, но и даже боярам Долгоруким. Дело едва не доходило до расправ над полковниками, спасавшимися бегством от съезжих изб, куда некоторые из них приезжали, очевидно, с целью уговорить стрельцов прекратить волнения. В ответ в них летели палки и камни. Эти стрельцкие «тиранства», «злости» и «варварства» Матвеев квалифицирует как «первое как бы видимое предверие к возмущению», которое открыто объявилось во многих полках «под самым скрытым у них коварством». Автор дает понять, что в стрельцкой среде наряду с вызреванием тайного заговора проявилось и открытое, публичное неповиновение властям. Оно приняло еще более резкие формы — стрельцы приступили к расправе с пятисотными, сотными, пятидесятниками, десятниками и другими «умными и заслуженными людьми», как их называет Матвеев. Такая оценка этих полковничьих помощников вызвана тем, что они, по словам Матвеева, могли унять стрельцов и не допустить до «злых дел». Эта оценка — яркий пример классового подхода при описании событий восстания. Если для автора повести из Барковского собрания клеветы начальников — их «ушники», т. е. доносчики и лизоблюды, то для Матвеева они — добрые, «умные и заслуженные» люди. Последние пытались «начальнической рукою остро» воздерживать стрельцов от «своевольных неистовств», «злых дел», т. е. от выступлений против полковников и вообще властей, обличать их. Но стрельцы их не слушали. Наоборот, они «в ту же самую пору, самосудно кругами собрався, как бы на Дону, и, нагло ухватя из съезжих своих изб» этих «ушников», «выводили на самые высокие каланчи, то есть на караульные, и, взяв за руки и за ноги, на землю сверху так безчеловечно и жестокосердно бросали». Причем «всенародно» при этом кричали: «Любо, любо, любо!» Эти расправы коснулись «главных и нарочитых добрых людей»; «ни один человек из тех побитых, — пишет Матвеев, — не нашелся целым». Автор по существу показывает, что среди стрельцов задолго до 15—17 мая началось вне зависимости от всяких интриг дворцовых партий восстание против стрельцких властей, правительства. Слухи о незаконном избрании Петра I могли, конечно, подогреваться некоторыми придворными деятелями. Но главное заключается в недовольстве стрельцов и их союзников своим положением. Важно отметить, что основная масса стрельцов выступила против стрельцкой верхушки из своей среды, стоявшей на стороне начальства. Это — явное свидетельство социальной розни, борьбы в стрельцкой массе. В стрельцкой среде сложилась группировка радикально настроенных стрельцов — представителей социальных низов, враждебно относившихся к верхушке в своих рядах (типа пятидесятника Морозова и др.). Среди этих «радикалов»

имелись, между прочим, астраханцы — участники Крестьянской войны под руководством С. Т. Разина.

О наличии среди московских стрельцов астраханцев говорится в докладной выписке от 30 декабря 1683 г., составленной в Стрелецком приказе уже год спустя после окончания Московского восстания: «Если не учинить по предложенным мерам и воров, а наипаче астраханцов, не вывезть, то Москве от преждебывшаго стрелецкого воровства небезопасно». Они появились в столице вскоре после подавления в конце 1671 г. восстания в Астрахани — последнем оплоте второй Крестьянской войны. В 1672 г. там было сформировано из «самых добрых и семьянистых людей» пять конных и пеших приказов по 300 человек в каждом; тех же, на которых власти не надеялись, велели послать на службу в верховые города и отпустить их с московскими стрельцами⁴⁹.

Стрельцы вступили, как говорит Матвеев, «в совершенное самовластие и в полную свободу свою», но в то же время «стали уже озираться и трепетать ожидаемого себе впредь жестокого уйму и пресечения всем бывшим их самоначальным тем своевольствам».

Другие источники рисуют еще более ясную картину начавшегося в конце апреля восстания. Согласно повести из Барского собрания⁵⁰, стрельцы всех приказов в самом начале мая, еще до челобитья о «начетных деньгах», «усоветовали» (после какого-то инициативного «совета» стрельцов полка С. Грибоедова) бить челом на своих полковников и их прихвостней «и тех (очевидно, «ушников». — В. Б.) бити насмерть и с роскату бросать». Стрельцы тут же приступили к исполнению общего решения. Они «в первые Морозова пятидесятника били и с роскату бросили и иных тако же, которые неистово творили». Далее автор повести сообщает, что по челобитной с каждого полковника «довелось» взять «начетных денег» по 10 тыс. руб. и более. Очень важно его указание на то, что с бояр, «которые были в Стрелецком приказе и которые государеву казною владели», тоже предполагалось взять «по четверти денег» (т. е., очевидно, в размере четвертой части имущества), «а числом тысячь по пятидесят и больши».

Из других источников мы знаем, что правительство под угрозой начавшегося восстания вынуждено было спешно уступить и отдать приказ об аресте полковников и розыске их вины. Повесть сообщает, что они были скованы и сидели в Стрелецком приказе. Стрельцы хотели расправиться с ними, но «бояра за них стали и взяли в Рязрядной приказ, и стали у них упраши-

⁴⁹ ААЭ, т. IV, стр. 415; АИ, т. IV, стр. 495; Н. Устрялов. Указ. соч., стр. 272—273.

⁵⁰ В. И. Бугаинов. Новый источник, стр. 323.

вать, чтобы не бить никого насмерть». Очевидно, стрельцы уступили. По указу царя и боярскому приговору велено было «доходить на полковниках денег судом и верою», а их самих бить не кнутом, а батогами. Начальников же чином пониже — полуполковников, пятидесятников и десятников — приговорили бить кнутом. Стрельцам указывалось «самим сильным не чиниться», т. е. не расправляться со своими обидчиками.

О наказании полковников и правее с них денег говорится очень кратко: «И полковников били батогами пред всеми стрельцами, и деньги доправили все сполна».

Очень ценные сведения приводит Келлер⁵¹. Он сообщает, что стрельцы восстали еще 29 апреля, причем не только против полковников, но и против бояр. Стрельцы собираются кружками, фактически они захватили в свои руки всю столицу, «нападают на кареты бояр, бегущих из столицы, и боярских холопов». Дело дошло до нападений на представителей господствующей верхушки и их челядь, бежавших из охваченной восстанием столицы и спасавших свое наиболее ценное имущество. Все это имело место в конце апреля и первой половине мая. Келлер, по его словам, сам беседовал со стрельцами, которые сказали ему, что они добиваются удовлетворения законных требований об уплате правительством жалованья и наказании виновных полковников. Осторожный Келлер далее упрекает московское правительство, которое поступает неправильно, не удовлетворяя полностью стрелецких требований; «когда терпение у некоторых людей доведено до крайности, оно меняется тогда в противоположное чувство». Он пишет, что шесть стрелецких полков, получивших приказ идти в Казань для усмирения татар и башкир, отказываются повиноваться до удовлетворения своих законных просьб. Это известие об отказе стрелецких полков подтверждают официальные документы, а также донесение неизвестного итальянца из Варшавы в Рим (стрельцы боятся разъединиться и быть уничтоженными поодиночке). На подавление восстаний татар и башкир вынуждены были направить верные правительству войска.

Розенбуш⁵² пишет, что подача стрелецко-солдатской челобитной привела царский двор в «великое смущение». Полковников (опять 9!) велели посадить под стражу. Это сделали в течение двух дней со времени подачи челобитной от 29 апреля. Стрельцы требовали полковников «себе» (т. е. на расправу), «но получили отказ, чем были недовольны», и уступили только благодаря заступничеству патриарха и некоторых бояр за начальников. Но стрельцам обещали отставить полковников и

⁵¹ М. И. Белов. Нидерландский резидент в Москве, стр. 320 и сл.; он же. Письма, стр. 381.

⁵² Розенбуш. Записка, стр. 40—41.

заменить их другими, взыскать с них убытки. Вместо наказания кнутом (что требовали стрельцы) полковников били батогами. В понедельник и вторник, 1 и 2 мая, их раздели перед приказом (каким, не сказано) и секли до тех пор, пока стрельцы не закричали: «Довольно!» Некоторых, особо ненавистных полковников, клали по 2—3 раза и ломали об них по 2 или 3 пары палок. Других, «не столько виноватых, секли меньше по усмотрению стрельцов, которым никто поперечить не смел». Стрельцы после этого благодарили царя за «праведный суд». Полковники же приносили положенную на них «пеню» — по 2 тыс. руб. или меньше, и их отпускали. Тех же, кто «замешкался», каждый день ставили на правож на 2 часа, пока они «не выплачивали долга». Расплатившиеся полковники разъезжались по деревням. Наказание полковников и правож денег с них продолжались, по Розенбушу, восемь дней, т. е., очевидно, с 1 по 8 мая.

Тот же автор передает, что стрельцы в эти дни постоянно толковали о незаконности избрания Петра в обход старшего царевича Ивана, говорили, что это сделано «партией изменников, преимущественно Нарышкиными... Они кричали открыто, что не хотят управляться каким-нибудь Нарышкиным или Матвеевым, который после шестилетней ссылки ожидался со дня на день. Лучше им сломить шею». Таким образом, восставшие, уже приступившие к расправам со своими угнетателями, правда, пока только из числа своих непосредственных начальников, и добившиеся их наказания и отставки, с самого начала движения не намерены были ограничиваться только этим. Они имели в виду выступление против бояр-«изменников» из правящей верхушки. Без сомнения, восставшие отдавали себе отчет в том, что, выступая под флагом защиты интересов старшего царевича — Ивана, они неизбежно столкнутся с Нарышкиными, которые стояли за спиной младшего — Петра. Отсюда — неизбежность выступления против Нарышкиных, их сторонников, вождя этой придворной партии — боярина А. С. Матвеева, которого еще незадолго до смерти царя Федора было указано возвратить из ссылки.

Разрядные записи подтверждают данные Розенбуша в части, касающейся времени ареста и наказания полковников⁵³. В них говорится, что они были посажены в тюрьму 30 апреля, когда указ им об этом «сказывал» думный дьяк Ларион Иванов, а отводил в тюрьму дьяк Стрелецкого приказа Федор Кузьмищев. Очевидно, в этот день арестовали большинство полковников, так как 1 мая заключили под стражу только двух — И. Щепина и К. Крома. 30 апреля началась смена полковников: А. Карандеева сменил Ф. Головленков, С. Грибоедова —

⁵³ С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 325, 326, 328, 330, 332.

В. Л. Пушечников, 1 мая: И. Полтева — Н. Д. Глебов, Н. Колобова — П. А. Лопухин, А. Дохтурова — М. Марышкин (в тексте ошибочно — Нарышкин), М. Вешнякова — В. Лопухин, И. Нелидова — А. Нармацкий; под этим же числом снова упоминается о смене Карандеева и Грибоедова.

Очевидно, замена начальников не всегда производилась после указа о том. Так было, вероятно, с И. Полтевым, запись о замене которого от 1 мая повторяется снова в записи от 11 мая. Вновь назначенные полковники тоже иногда заменялись новыми; так, П. А. Лопухин, сменивший по указу 1 мая Н. Колобова, сам был заменен 25 мая А. Даниловым.

О наказании полковников в разрядах записано: 1 мая двух полковников — А. Карандеева и С. Грибоедова, очевидно, особо ненавистных стрельцам, — били кнутом. Это сообщение официального документа опровергает указания современников на то, что всех полковников били батогами, а не кнутом (второе наказание было более тяжелым, чем первое). По разрядам, батогами наказали Н. Колобова, Г. Титова, Н. Борисова, И. Нелидова, В. Перхулова, А. Дохтурова, В. Воробина, М. Вешнякова, П. Глебова, К. Крома, А. Танеева, И. Щепина — всего 12 человек. Вместе с двумя, названными выше, их общее число составляет 14 человек. Это означает, что, возможно, не всех полковников наказали, хотя, конечно, некоторые из наказанных, как увидим ниже, просто не названы.

О правее денег с полковников в разрядах имеется только запись от 5 мая. Это не означает, конечно, что правей производился только в течение этого одного дня; просто в разряды не записывалось все, достойное внимания, в ряде случаев пропуск тех или иных известий мог носить случайный, а в других случаях, наоборот, преднамеренный характер. В этой связи более точен Розенбуш, который говорит, что наказание полковников и правей денег продолжались в течение нескольких (восьми) дней.

С. Медведев сообщает ценные дополнительные известия по поводу событий конца апреля — начала мая⁵⁴. По челобитью стрельцов и солдат состоялся царский указ и боярский приговор об отставке полковников и о том, чтобы «отдати их за их неправоделание в приказы стрелцам головами в наказание». Оказывает, что власти в первый момент были настолько напуганы массовым выступлением стрельцов и солдат, что согласились выдать стрельцам для наказания ненавистных им полковников, над помощниками которых («ушниками») они уже начали расправы.

Здесь на сцену, по Медведеву, выступает патриарх Иоаким. Он и, конечно, стоявшие за ним правящие круги опасались, как бы стрельцы, которые «возсвирепевше на полковников своих,

⁵⁴ С. М е д в е д е в. Созерцание, стр. 47—48, 51.

онех напрасной смерти не предали и от того не пришла в народное кое смущение», т. е. боялись перерастания начавшегося движения в широкое народное восстание. Чтобы это предотвратить, Иоаким послал во все стрелецкие полки «ко всем людем», т. е. к солдатам и стрельцам, «архиереев, митрополитов, архиепископов и епископов, архимандритов и игуменов с прошением, чтобы тех полковников в приказы свои они не имали, а за государской указ милостивой, что по их челобитью отданы в наказание головами, государю били челом». Таким образом, власти, несмотря на испуг и бессилие, сделали довольно ловкий ход: согласившись выдать на расправу полковников их подчиненными, они тут же пустили в ход «увещевания» высших церковных иерархов во главе с самим патриархом. Кроме того, в уговорах стрельцов принимали участие и другие лица — какие-то бояре, о которых упоминают повести, думный дьяк Ларион Иванов и, возможно, другие.

На этом этапе власти, сначала безоговорочно уступившие законным требованиям восставших стрельцов и солдат, сумели все же добиться некоторых уступок и с их стороны — полковников не выдали на расправу самим стрельцам и солдатам в полки, наказали перед Разрядным приказом батогами, а не кнутом.

С. Медведев добавляет, что «вины» и указ о наказании «сказывали» им перед Разрядным и Стрелецким приказами «на площади» (в Кремле). Наказывали их там же «при всем народе», причем некоторые из них были избавлены от этого по челобитью стрелецких выборных «для того, что не вси полковники равно им, стрелцом, обиды и налоги творили». Восставшие в 1682 г. поступали так же, как и многие другие участники восстаний до них и после них: они делили правителей, бояр и всяких начальников на две категории — «добрых», «хороших», и «плохих», «изменников».

С. Медведев далее с сожалением констатирует, что стрельцы не удовлетвоались «государским праведным указом», и их «досада» на полковников не только «не утолилася», но «от того часа» (т. е. со времени подачи челобитья и наказания полковников) «огнь гневный» на них начал еще более разгораться, причем «к тому же в прибавку и на иных времянников», т. е. все-лихачевых временщиков, которые не обращали внимания на их тяжелое положение в прошлом или могли угрожать им в будущем, всех этих Языковых, Лихачевых, Долгоруких, а затем, с приходом к власти юного Петра, — Нарышкиных, Матвеева. Они с самого начала, как мы видели, не скрывали своей ненависти и желания расправиться с ними.

Стрельцы и солдаты, продолжает С. Медведев, начали «всякими вымыслы горети... днями и ночами тайно о том между себе начаша советовати». Этот «мятежный совет» начался и продолжался потом в полку Н. Колобова (которого, как говорилось

выше, указано было заменить П. А. Лопухиным). Возможно, таким образом, что инициатива дальнейшей подготовки восстания, вернее его усиления, от стрельцов полка С. Грибоедова, которые выступали застрельщиками некоторое время назад, перешла к стрельцам полка Н. Колобова.

Повесть Аверкия не совсем точно описывает события, связанные с последствием челобитья стрельцов и солдат⁵⁵. Сообщив о том, что они просили полковников «к себе» для расправы, он далее говорит, что патриарх Иоаким «за них, полковников и за голов, у стрелцов умаливал». Все это верно, но неточно утверждение, что «стрельцы патриарху отказали», поскольку-де царь велел доправить по челобитью деньги на полковниках. Но патриарх и другие иерархи «умаливали» не об этом (с этим-то как раз вынуждены были согласиться все власти предрежащие), а о том, чтобы стрельцы и солдаты не убивали своих начальников.

Доправить деньги с полковников, по Аверкию, указано было в Иноземском приказе, причем с каждого из них взыскивали по 2—5 и даже по 13 тыс. руб., а с думного дьяка Лариона Иванова — 40 тыс. руб. Любопытно, что среди лиц, с которых восставшие намеревались взыскать деньги за различные злоупотребления, называется на этот раз представитель высшей приказной бюрократии, убитый во время событий 15—17 мая. Вспомнив, что повесть из Барсовского собрания упоминает в этой же связи некоторых бояр, с которых восставшие собирались взыскать по четверти стоимости всего имущества. Нельзя вынести окончательное суждение о том, были ли эти бояре, думный дьяк и, возможно, другие внесены в список лиц, на которых, согласно челобитью, нужно было наложить денежное взыскание. Может быть, и нет, поскольку челобитье, как будто, было посвящено злоупотреблениям непосредственных начальников стрельцов и солдат. Но почти несомненно, что подобные замыслы могли вынашиваться. Ведь в конце апреля — первой половине мая все чаще и чаще восставшие упоминали в качестве своих смертельных недругов, «изменников» бояр и дворян, таких, как Языковы, Лихачевы, Долгорукие, Нарышкины, Матвеев, виновных во всех их тяготах и несчастьях. Именно эти лица вскоре подверглись расправе, их имущество потом распродала, а вырученные деньги делились между восставшими. Ведь недаром же бояре начали бежать с наиболее ценным имуществом из Москвы именно во время событий конца апреля и первой половины мая.

Повесть из Соловецкого собрания несколько иначе говорит о наказании полковников⁵⁶. В ней сообщается, что на площади

⁵⁵ М. Н. Тихомиров. Заметки, стр. 98.

⁵⁶ ГПБ, ОР, Солов. собр., д. 988 (878), лл. 710—711.

перед Иноземным приказом «при челобитчиках и при народе» били нещадно батогами «вместо кнута» полковников, «снем рубашки»: А. Ф. Карандеева, С. Грибоедова, А. С. Дохтурова, Г. С. Титова. Другие были «не биты, у наказания стояли роздеты», это — Н. Колобов, М. Вешняков, П. Глебов, Н. Борисов, А. Танеев; согласно же разрядам, они тоже подверглись наказанию батогами. Трудно отдать предпочтение одному из этих источников, каждый из которых имеет свои достоинства и в то же время и неточности. Согласно повести, стрельцы и солдаты «и иных многих с ними (т. е. с названными выше помилованными ими полковниками.— В. Б.) в таких же винах... простили». После наказания выборные от имени стрельцов и солдат обратились к царю с просьбой доправить на виновных «начотные денги».

На правеж поставили солдатского генерала М. О. Кравкова «в 7000 рублех»; он сидел «за караулом», пока не расплатился (по июль месяц) в Приказе судных дел «в казенке». Может быть, эта огромная по тем временам сумма была еще большей, доходя, возможно, до 10 тыс. руб. Из переписки Хованских известно, что к 4 июня Кравков уплатил 6246 руб. 50 коп. и потом продолжал собирать деньги для уплаты «начотных денег»⁵⁷.

Забегая вперед, автор повести добавляет, что по стрелецкому челобитью и приговору боярина кн. И. А. Хованского в Черныгов послали грамоту из Стрелецкого приказа с повелением «взять к Москве» полковника С. Янова, которому стрельцы предъявили аналогичные обвинения и требования.

У правежа «стояли» дьяки разных приказов, а стрелецкие денщики били генерала и полковников «без милосердия палицами, стоящих с ног збили и лежащих на земли, валяющихся мучили, еле живы быша». Как видим, стрельцы и солдаты поступали довольно круто со своими начальниками, которые, «видя свою смерть, не претерпевая такова своего мучения лютаго», закладывали поместья и вотчины, продавали дворы и пожитки, чтобы заплатить «те долги»; таким путем они «от смерти свободились».

Как и некоторые другие источники, повесть упоминает о расправах с сотенными, пятидесятниками, десятниками и приставами, которых, «взяв на съезжие избы и учиня круги по обычаю донских казаков, самовольством приговаривали на тех сонмищах, кому какое наказание чинити». Многих из них восставшие, «бив, грабили и водили на съезжие избы, на караульные нарубы, и называли те нарубы колончами, и с тех коланчей сверху бросали на землю и побили до смерти». Других били палицами и водили около съезжих изб и затем «чуть живых» спускали их с коланчей привязанными «ужами» за руки и ноги, предавая «ругательному мучению».

⁵⁷ С. К. Богоявленский. Хованщина, стр. 182.

Данные источников о начавшемся восстании, расправах с младшими начальниками, некоторой поддержке действий стрельцов и солдат московским простым людом подтверждаются и официальным документом — сентябрьской грамотой 1682 г., посланной правительством Софьи из Савво-Сторожевского монастыря по городам для сбора дворянского войска против восставших⁵⁸. В ней говорится, что после воцарения Петра московские стрельцы всех приказов и бутырские солдаты «нам, великим государем, изменили и *весь народ Московского государства возмутили*, и свою братью, старых московских стрельцов, которые к их измене не пристали и от того их унижали, они, изменники, взбунтовався, самоволством своим ругателски побили, метав с съезжих изб, и учинили тем съезжим избам вновь воровские свои прозвищи — коланчи». Таким образом, правительство, в сентябре уже несколько оправившееся от потрясений весны и лета 1682 г., сочло возможным сказать о том, что оно думало по поводу событий конца апреля — первой половины мая. С его точки зрения, это — «измена», «бунт», т. е. восстание, которое поддержал «весь народ Московского государства».

Далее в грамоте говорится о челобитье тех же «изменников» «после того», т. е. после расправы со «старыми московскими стрельцами» («ушниками»), на своих начальников «бутто в налогах своих и обидах». В сентябре правительство не утруждало себя доказательствами. Если в конце апреля — начале мая власти согласились со справедливыми требованиями стрельцов и солдат, то теперь они их просто игнорируют, не в силах доказать их необоснованность, беспочвенность. Но это понятно — тогда, в начале восстания, правительство не могло себе позволить такого отношения к требованиям восставших.

Со своим челобитьем, продолжает сентябрьская грамота, «воры и изменники... приходили... к бояром нашим с великим невежеством и с большими вычеты и просили их к себе в слободы, хотели побить до смерти». Таким образом, восставшие, одновременно с подачей челобитья расправлявшиеся с младшим начальством, приходили в Кремль к боярам и вели себя бурно и требовательно («с великим невежеством»). Они, очевидно, без обиняков говорили боярам о своих тяжких обидах на власти («с большими вычеты») и предъявили требования.

Согласно грамоте, церковные власти во главе с Иоакимом уговаривали стрельцов и солдат прекратить волнения и прийти «ко обычному послушанию». О том же «посыланы к ним... говорить думныя наши люди многожды». Но эти неоднократные попытки церковников и думных людей в целом не дали результатов, так как «воры и изменники тем не удовольилися и учили при-

⁵⁸ ААЭ, т. IV, № 262, стр. 372—373; С. Медведев. Созерцание, стр. 100—101.

ставать ко многим людям для задору разными своими воровскими вымыслами». Грамота оставляет без объяснения определение «многие люди», к которым начали «приставать» восставшие. Ясно, что под ними нельзя понимать простой народ, который «возмутился» вместе со стрельцами и солдатами. Ответ на этот вопрос дают современники, описавшие события этих дней (например, Келлер и др.), которые сообщают об угрозах восставших по адресу представителей правящей верхушки и начавшемся бегстве ее представителей из столицы.

Как видим, классовая месть, расправы с начальниками приняли довольно активные формы уже в первый период восстания. Уже тогда стрельцы и солдаты при поддержке московских низов, многие представители которых, по данным источников, присутствовали при расправах с начальниками, стали фактически хозяевами столицы. Жертвами их гнева стали многие из младших начальников, одного из которых мы знаем по фамилии (Морозов).

Важно отметить, что восставшие упорно готовили свое выступление на тайных совещаниях и открытых сходках, которые нередко в источниках называются «кругами», действовавшими по обычаю донских казаков. Если учесть, что восстание началось немногим более 10 лет спустя после Крестьянской войны под руководством С. Т. Разина, а среди восставших стрельцов находились и стрельцы, переведенные из Астрахани, одного из главных центров Крестьянской войны, этот момент нельзя не признать очень характерным для настроений и стремлений восставших в 1682 г. Тайные совещания и массовые круги стали по существу органами восстания.

Конец апреля и первая половина мая заполнены, таким образом, самыми различными событиями: челобитья на полковников и их наказание, праведж денег, физические расправы с младшими начальниками и угрозы по адресу знати, широкая агитация в народе с целью привлечения его симпатии на свою сторону. Все это сопровождалось тайной и явной подготовкой более широкого выступления в Москве и, как выясняется, в других городах страны.

* * *

Выше отмечалось, что в 1681 — первой половине 1682 г. имел место ряд народных восстаний в различных местностях России, причем в отдельных случаях, как это было, например, на юге страны, выяснилось стремление их участников объединиться в одном выступлении с восставшими в центре, в частности с московскими стрельцами. Предпринимались как будто попытки и прямой организации выступлений в других местностях России одновременно с восстанием в Москве.

В этом отношении чрезвычайный интерес представляет следственное дело 1684 г. о монахе Псково-Печорского монастыря Иоасафе Сарапе⁵⁹. 17 июля 1684 года в Псковской приказной избе он показал «перед боярином» Б. П. Шереметевым, что «тому де недель з двенатцать» к нему в монастырь (где допрашиваемый сидел в тюрьме в городской стене) приходил псковитин Герасим Федорович Лазарев-Станищев. «И он де, Герасим, взвопел ему з города (с городской стены.— В. Б.): жив ли де он и молит де бога за великих государей?» Узник ответил, что «жив и за великих государей бога молит и умереть должен» (вероятно, от голода и лишений). Затем монах сообщил ему, «что де за ним есть страшное великих государей слово». Далее выясняется, что об этом «слове» знал и Г. Ф. Станищев: «А он, Герасим, и дотоль, пока он (И. Сарап.— В. Б.) и не посажен был в темницу, про то ведал...». Очевидно, Станищев опасался, что заключенный может выдать общую тайну, так как, «под окна приходя к нему, говорил, чтоб он не кричал» и обещал ему помощь в освобождении. Станищев присылал к узнику «тайным обычаем» хлеб и пироги. Иоасаф далее излагает свое «слово»: оказывается, старец Семион, который поступил на его место («в судных») в тот же Псково-Печорский монастырь, в мае 1682 года приходил к нему к тюрьме, «а сказался ему, что де он *стрелец московской полка Василия Пушечникова, Сенкою зовут, белец, наложено у него черное платье собою*»⁶⁰. Далее приводятся исключительно важные сведения: «И говорил ему, что де *пришел он во Псков, чтоб наговорить во Пскове стрельцов и казаков, чтоб побить дворян всех, а на Москве побить бояр всех на Семен день. А как де бояр всех побьют и чернь обладает, и после де того побьют*» царицу Наталью Кирилловну и царя Петра Алексеевича. О разговоре чернца Иоасафа и «старца» Семиона (стрельца Семена Юрлова, как потом выяснилось), очевидно, узнал архимандрит Псково-Печорского монастыря Иоасаф. Но его попытки выведать содержание этой беседы окончились полной неудачей. Узник, которого били плетью, заявил ему, «что де то не ево архимандричье дело, что ему про то объявить, развее де из него теменем язык выволочен будет, то же де он объявит», т. е. попросту отказался с ним разговаривать.

Архимандрит Иоасаф, допрошенный 23 июля 1684 г. в псковском «митрополичьем приказе», подтвердил, что «старец» Семион в монастыре был, но «в судных побыл небольшое время». «Старца» приняли в монастырь в его отсутствие: он нахо-

⁵⁹ ДАИ, т. XI, № 74, стр. 208—212 (опубликована докладная выписка от 25 августа 1684 г.); ЦГАДА, ф. 125 (Монастырские дела), д. 28, лл. 1—16; Н. Аристов. Указ. соч., стр. 120—121.

⁶⁰ Т. е. самовольно надел монашескую одежду.

дился в это время в Москве. По его возвращении во Псков старец Семион «сказался» ему козловским казачьим сыном Юрловым, постригшимся «лет с 15» назад. Далее «старец» рассказал, что чином он иеродьякон, жил во многих московских монастырях. Такая аттестация, видимо, сразу убедила архимандрита, утвердившего «старца» в его монастырской должности. Архимандрит сообщил также, что Семион покинул монастырь в конце августа 1683 г., т. е. пробыл в нем более года.

По словам архимандрита, «как в прошлом во 190-м году была от стрельцов смута на Москве, и он де, чернец... (т. е. И. Сарап.—В. Б.), во Пскове народ возмущал к бунту». Таким образом, «старец» Семион знал, с кем обсуждать планы выступления против бояр и дворян во Пскове и Москве.

Псковский воевода боярин кн. М. А. Голицын сослал было этого агитатора («вора бунтовщика») «в Елизаров монастырь под начал», но тот «ушел» оттуда во Псков. Здесь его увидел возвратившийся из Москвы митрополит и, убедившись, что И. Сарап «от воровства не отстанет» (не прекратит своих призывов к «бунту»), приказал его сослать «под начал» в Псково-Печорский монастырь.

Псковский митрополит Саркел 10 августа 1683 г. писал патриарху Иоакиму в Москву об этом деле. Он называет чернца «пьяницей и озорником и всяким крамолам великим составщиком», который во время восстания на Москве в мае 1682 г. «возмущал народом и стрельцом наговаривал на всякое дурно, чтоб смятение учинить и бунт завести». Митрополит утверждал, что И. Сарап, «заминяя свое воровство, сказывает за собою государево слово». То же говорит архимандрит: «Сидя в смиренности и хотя избыть свое воровство, кричал за собой великих государей слово».

О деле Иоасафа писал 4 июля 1684 г. в Москву и псковский воевода Б. П. Шереметев, которого известил упомянутый выше Станищев о том, что И. Сарап хочет сообщить о «великих государей слове». Из Посольского приказа 7 мая прислали распоряжение допросить монаха. В тот же день Шереметев снова писал в Москву и отослал туда челобитную архимандрита Иоасафа о подозрительном поведении Станищева, который в мае и июне 1684 г. «в разных числах» приходил в Псково-Печорский монастырь «не по одно время и имеет такой совет неведомой о каких тайных замыслах с вором с чернцом Иоасафом, прозвище Сарапом, хотя ево... свободить», ругал архимандрита с братьею «всякою бранью и угрожал всячески».

Допрошенный воеводой Станищев утверждал, что, будучи в Псково-Печорском монастыре 9 мая 1684 г. для участия в церковном обряде и 10 мая для «поминовения» покойного отца и прочих сродников, заходил к Иоасафу Сарапу «и подал ему

милостыню нетайно». Это утверждение нельзя, конечно, принять; оно опровергается показаниями монастырской братии и И. Сарапа. Станищев полностью отрицал свою причастность к каким-либо замыслам о «бунте и воровстве» вместе с И. Сарапом: «А иные хто к бунту какой замысл с ним, чернцом, ведают, того он... не ведает». Он только сообщил воеводе о «слове», которое сказал за собой чернец, а освободить его «своими никакими замыслами не хотел». Станищев в этом допросе обронил многозначительную, но не совсем понятную фразу: «А как де в Великом Новгороде учал быть совет к бунту от московских стрельцов, и для подлинного розыску присланы были во Псков московские стрельцы». Из этого следует, что одновременно с выступлением в Москве и Пскове предполагалось начать «бунт» и в Великом Новгороде. Почему для розыска прибыли во Псков «московские стрельцы», от которых, как сказал Станищев, исходила инициатива «совета к бунту» в Новгороде и Пскове, — неясно. Может быть, и здесь сказалась рознь между отдельными прослойками московских стрельцов, одна из которых выступала за решительные действия (за восстание), другая — против.

В деле Иоасафа Сарапа много загадочного. Во-первых, возникает вопрос, говорил ли «старец» Семион Иоасафу Сарапу те слова, которые тот ему приписывал? Можно думать, что говорил. Утверждение архимандрита Иоасафа и митрополита Саркела о том, что чернец настаивал на этой версии, чтобы скрыть свою вину, объясняется, вероятно, опасениями обоих вызвать недовольство московских властей своей нерасторопностью: ведь прошло более двух лет после событий мая 1682 г., а они не могли выведать у узника и сообщить в Москву сведения о старце Семионе. Но почему тогда сам чернец молчал два года, хотя, конечно, и хотел освободиться из каменного мешка, в котором сидел? Это тоже, кажется, объяснимо: чувствуется, во-первых, что это был человек с убеждениями, ненавидевший власть и светскую, и духовную; недаром он призывал псковичей к восстанию. Во-вторых, сама эта вина была достаточной, чтобы долгое время надежды на освобождение казались ему несбыточными. Однако голод и лишения сделали свое дело, и он потребовал от Станищева донести псковскому воеводе о «великих государей слове». Житель Пскова Станищев, вне всякого сомнения, тоже имел непосредственное отношение к призывам в пользу восстания. Он был, вероятно, близко связан с И. Сарапом и со «старцем» Семионом общим делом.

В показаниях Иоасафа Сарапа указывается, что приходил к нему «старец Семион, что на ево место был в Печерском монастыре в судных, во 190-м году в мае за два дни шествия образа пресвятой богородицы в Псков». Подобное шествие, по показанию того же Станищева, происходило 9 мая. Следовательно

но, встреча состоялась 7 мая, несомненно 1682 г. В 1683 г. (в мае этого года Семион жил еще во Псково-Печорском монастыре) разговоров об убийстве царя Петра и его матери быть не могло, поскольку в это время царицу отстранили от дел, наряду с Петром царствовал Иван, а реальная власть принадлежала правительнице Софье. Кроме того, в мае 1683 г. не могла идти речь и о том, чтобы побить всех бояр и дворян, так как восстание было давно уже разгромлено, многие стрельцы казнены, другие сосланы, третьи подкуплены.

Выясняется, следовательно, что стрельцы с начала мая или с конца апреля 1682 г. готовились к восстанию под лозунгом истребления бояр, дворян и царя с матерью и ее родственниками, которым в то время принадлежала власть в государстве. Выступление предполагалось организовать «на Семен день».

Если доверять показаниям разбираемого источника, которые, к сожалению, не находят подтверждения в других известных материалах, то из дела Иоасафа Сарапа вытекает исключительно важный и принципиальный вывод о том, что восстание 1682 г. готовилось заранее под лозунгом классовой расправы с боярством и дворянством не только в Москве, но и в других городах.

Намечались: срок выступления, лица из числа правителей и царедворцев, с которыми предполагалось расправиться: сначала побить «всех бояр» на Москве, а после того, как «чернь обладает» (т. е. народ станет хозяином положения), — царя и его мать. Правда, стрельцам не удалось расправиться со всеми боярами и дворянами, но все же на некоторое время они сделались хозяевами положения в столице.

Иоасаф Сарап был прав, говоря, что знает «страшное великих государей слово». Правда, признание ему не помогло. В неполностью сохранившемся приговоре говорится, что 25 августа 1684 г. оба царя, царевна Софья и бояре в селе Коломенском приговорили: «того чернца Иоасафа разстричь»⁶¹. Перед ним на том же листе дела помещена выписка из «новых статей, присланных из Стрелецкого приказа во 191-м году»; согласно им, преступление, в котором обвинялся Иоасаф Сарап (призыв к «воровству» и «смуте»), каралось смертной казнью «безо всякого милосердия, чтоб вора и мятежникам о том страшно было и помышлять, не токмо затевать». Очевидно, Иоасаф Сарап сложил свою голову на плахе вскоре после вынесения приговора.

⁶¹ ЦГАДА, ф. 125, д. 28, л. 16.

ПРАВЯЩИЕ ВЕРХИ
В КОНЦЕ АПРЕЛЯ — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ МАЯ

*(мероприятия правительства Нарышкиных; проезд
А. С. Матвеева; Софья, И. М. Милославский и их сторонники,
И. А. Хованский накануне событий середины мая)*

Как протекал первый период восстания, какова была позиция восставших стрельцов и солдат, а также московского населения, к которому обращались агитаторы из стрельцовой среды, — все это источники дают возможность представить в целом ясно. Восставшие из числа стрельцов и солдат выступали довольно сплоченно; в то же время свидетельством социальной розни в их среде явились расправы основной их массы с привилегированным слоем — младшими командирами из числа стрельцов (десятники, пятидесятники и т. д.). Московский простой люд, вне сомнения, сочувствовал восставшим, хотя источники не дают оснований для вывода об их активном участии в событиях начального этапа движения. Тот факт, что в ряды восставших встали многотысячные массы стрельцов и солдат, неоднократно до этого служившие опорой правительства, в том числе и в борьбе с народными движениями, придавал движению грозный для правительства характер.

Растерянность правительства вначале приняла настолько панические формы, что оно даже, по словам С. Медведева, согласилось выдать полковников на расправу самим восставшим. Но тут же, опомнившись и используя авторитет царской и церковной власти, весьма высокий в глазах народа, оно добилось у них некоторых уступок.

Положение нового правительства, в котором после воцарения Петра I главенствующие позиции стали захватывать Нарышкины, оказалось довольно тяжелым. Правда, ему при энергичной поддержке патриарха Иоакима и высших иерархов удалось в конце апреля — начале мая предотвратить выступление восставших непосредственно против правящих властей. Это в известной степени ввело в заблуждение правительство, которое уступкой стрельцам и солдатам в их требованиях к своему начальству, отставкой наиболее ненавистных «временников», господствовавших при усопшем монархе, надеялось, очевидно, предотвратить девятый вал восстания. Нельзя также исключать надежды властей на то, что оно считало себя в состоянии справиться с положением, тем более что возвращался из ссылки энергичный и властолюбивый боярин А. С. Матвеев — признанный вождь нарышкинской придворной группировки или «партии». Приезду последнего придавалось большое значение, и его ожидали с нетерпением. Небезосновательно мнение исследователей о слабости и неопытности нового правительства, сделав-

шего ряд опрометчивых с точки зрения его интересов шагов именно в дни начавшегося восстания.

Правительство явно недостаточно учло два фактора в сложной политической обстановке первой половины мая. Первый, главный, заключался в том, что стрельцы с самого начала готовились к более решительному выступлению против властей, боярско-дворянской верхушки, не собираясь ограничиваться расправами только со своим непосредственным начальством. Это, конечно, было известно внимательным наблюдателям: русские и иностранные современники в своих записях, составленных нередко по свежим следам событий, неоднократно упоминают тайные совещания и открытые круги, на которых обсуждались вопросы дальнейшего развертывания восстания. Составившие полностью отдавали себе отчет в том, что их выступление рассматривалось правящими кругами как «измена», «бунт», и не могли не ожидать возмездия со стороны Нарышкиных, Матвеева и их клеветов. Второй фактор состоял во включении в политическую игру противостоящей Нарышкиным и их сторонникам придворной «партии» Мирославских во главе с честолюбивой царевной Софьей. А это привело к тому, что боярско-дворянская верхушка оказалась расколотой на две группировки, что ослабляло правительственный лагерь в обстановке начавшегося восстания. Таким образом, восстание началось в обстановке своего рода «кризиса верхов».

В этой обстановке правительство правильно, конечно, поступило, отстранив от власти фаворитов времени правления царя Федора. Разрядные записи сообщают, что 1 мая боярину И. М. и его сыну чашнику С. И. Языковым, постельничему А. Т. и казначею М. Т. Лихачевым, ближним стольникам И. А. Языкову, И. В. Дашкову Среднему было «сказано», «чтоб они во время выходу великого государя не ходили и ево государевых очей не видали»⁶². О том же сообщает Розенбуш, называющий боярина И. М. Языкова «самым большим любимцем покойного царя, которому вверена была и артиллерия», а А. Т. и М. Т. Лихачевых, «таких же больших любимцев», — первого «обер-камергером» и второго «казначеем»⁶³.

Но тут же началось стремительное возвышение Нарышкиных. Так, 23-летний самоуверенный брат Натальи Кирилловны стольник Иван Нарышкин 7 мая получил чин боярина и оруженничего, минуя промежуточные чины думного дворянина и окольничего⁶⁴. Это, по словам Розенбуша, «произвело неудовольствие между многими: как такой молодой человек в такое короткое время мог удостоиться таких высоких почестей». Неудоволь-

⁶² С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 326.

⁶³ Розенбуш. Записка, стр. 41.

⁶⁴ С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 328.

ствии быстрым возвышением Нарышкиных часто выражали и стрельцы. Среди них, как и во всем народе, ходили слухи и разговоры о том, что дерзкий И. К. Нарышкин не уважал старых бояр, драл иных из них за бороду. Рассказывали даже, что однажды он надел на себя царскую одежду, сел на царский трон и говорил при этом, что венец ни к кому так не пристал, как к нему. Его будто бы укоряли за недостойное поведение вдова царя Федора Марфа Матвеевна и царевна Софья Алексеевна в присутствии царевича Ивана Алексеевича. В ответ новоиспеченный боярин бросился душить Ивана, царевны подняли крик; в конце концов караульные удержали его. Все эти разговоры могли быть просто сплетнями о придворных делах, которые нередко ходили по Москве, но могли в какой-то степени и отражать реальные события, тем более что поведение заносчивого и самонадеянного брата царицы-матери давало для этого немалые основания. Во всяком случае, стрельцы опасались, что возвышение деятелей типа И. К. Нарышкина сулит им одни неприятности, как и возвращение из ссылки А. С. Матвеева. Розенбуш в этой связи, допуская большое преувеличение, все же не без резона утверждает, что «главнейшею причиною этого бунта (расправ 15—17 мая.— В. Б.) была наглость и дерзость сыновей Нарышкина и в особенности старшего — Ивана Кирилловича»⁶⁵.

Пожалования в чины получили и многие другие лица, это было обычным делом в особо торжественных случаях, каким в это время стало воцарение Петра I. Но быстрое возвышение родственников нового царя по матери, к тому же молодых и бесцеремонных, не могло, конечно, остаться незамеченным. Появление новых «временников» обещало простым людям новый боярский произвол и беззаконие.

Неосторожным со стороны правительства шагом явилось его распоряжение о посылке шести стрелецких полков на подавление восстания татар и башкир. Стрельцы, готовившиеся к новому выступлению и, естественно, не желавшие ослабления своих сил, на что рассчитывало правительство, отказались исполнять приказ⁶⁶. По словам Розенбуша, «у стрельцов шли речи, что при дворе решено казнить смертью зачинщиков доброго дела (так называли они свое дело), а большую часть прочих разослать по гарнизонам в дальние города»⁶⁷.

А. С. Матвеев, известный государственный деятель времени царя Алексея Михайловича (он возглавлял Посольский и другие приказы), происками И. М. Милославского, фактически возглавлявшего правительство при царе Федоре, был удален от

⁶⁵ Розенбуш. Записка, стр. 42, 49.

⁶⁶ М. И. Белов. Письма, стр. 381.

⁶⁷ Розенбуш. Записка, стр. 42.

царского двора и сослан сначала в Пустозерск, затем в Мезень. Незадолго до смерти царь Федор распорядился освободить А. С. Матвеева с сыном Андреем из ссылки. Им разрешили переехать в город Лух. Смерть Федора и воцарение Петра сразу сделали Матвеева главой нарышкинской партии. Ему возвратили боярский чин, вотчины, крепостных крестьян и холопов, имущество. Указ об этом записан в источниках под 12 мая⁶⁸.

10 мая (по словам А. А. Матвеева, по Розенбушу — 11 мая вечером, по «Истории о невинном заточении» — 12 мая) А. С. Матвеев приехал в Москву. Его с честью встречали еще при подъезде к столице посланные от имени царя стольник С. Е. Алмазов, а затем брат царицы-матери стольник А. К. Нарышкин. Его сын А. А. Матвеев сообщает в записках, что на дороге в Москву его отца встретили специально приехавшие семь московских стрельцов. Они предупредили его о готовящемся стрельцом «умысле к бунту на высшия особы», планах его убийства. Этот факт лишней раз выявляет наличие розни и отсутствие полного единства среди стрельцов накануне решительного выступления.

А. А. Матвеев подчеркивает бесстрашие своего отца и передает его слова о том, что он «до последней минуты своей или тот бунт их пресечет или живот свой за своего природного государя отдаст, токмо чтоб его глаза при его притруженной старости большого злополучия не увидали».

По приезде в Москву в доме А. С. Матвеева побывала вся столичная знать, исключая его старого соперника и ненавистника боярина И. М. Милославского. Визит к нему с хлебом и солью «знатных пятидесятников и пятисотных» из стрельецких полков А. А. Матвеев относит к «злохитрому коварству», поскольку-де они вместе с И. М. Милославским и его подручными готовили расправу с его отцом. Но это могло быть и не так. Ведь верит же он искренности семи стрельцов, предупредивших А. С. Матвеева об опасности «бунта». Это опять же свидетельствует о разногласиях в среде восставших стрельцов, одни из которых решительно выступали за восстание, другие — против. Свидетельством этой розни являются не только расправа стрельцов над своими «знатными» собратьями в конце апреля — начале мая, но и поступок семи стрельцов, тайно приехавших к А. С. Матвееву, а также, возможно, и визит других стрельцов (из числа пятидесятников и пятисотных) к возвратившемуся в столицу боярину⁶⁹.

С приездом Матвеева правительство Нарышкиных, несомненно, воспрянуло духом. Старый, опытный политик, админи-

⁶⁸ ЦГАДА, ф. 210 (Разрядный приказ), столбцы Новгородского стола, д. 319, лл. 243—247; С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 330.

⁶⁹ А. А. Матвеев. Записки, стр. 15—18; «История о невинном заточении ближнего боярина А. С. Матвеева», изд. 2. М., 1785, стр. 411—422.

стратор, он истосковался в далекой глуши по власти. Еще в 1662 г. он со своим стрелецким полком сыграл активную роль в разгроме «Медного бунта», а в 1671 г. ему доверили охрану и допрос привезенного в Москву С. Т. Разина. Теперь он, по словам его сына, собирался «пресечь» бунт. Розенбуш передает, что «все» в столице (конечно, не все, а те, кто страшился надвигающихся событий) «надеялись, что он положит конец всем беспорядкам стрельцов и предотвратит грозящие беспокойства». Матвеев, по его словам, не одобрил быстрое возвышение Нарышкиных и «потворства стрельцам, на которых-де чем повольнее оставлять узду, то тем склоннее они делаются ко всяким неистовствам, что вскоре и последовало». Твердая рука А. С. Матвеева, в прошлом стрелецкого головы (полковника), была, конечно, достаточно хорошо известна стрельцам. Не осталось, конечно, без внимания и то обстоятельство, что А. С. Матвеев по приезде в Москву посетил своего старого приятеля, дряхлого теперь боярина кн. Ю. А. Долгорукого, начальника Стрелецкого приказа, притеснения которого вызывали жгучую ненависть к нему со стороны стрельцов. Выше мы видели, что стрельцы в самом начале восстания собирались предьявить ему и другим руководителям Стрелецкого приказа счет за злоупотребления с выдачей жалованья, поборами, наказаниями и т. д. Во время этой встречи А. С. Матвеева с Ю. А. Долгоруким «на долговременных разговорах один на один они, бояре, оба с собою были»⁷⁰.

А. С. Матвеев успел побыть в столице всего несколько дней до своей смерти. Москва продолжала бурлить, назревали грозные события. Именно к этому времени (незадолго до приезда опального боярина из ссылки и от приезда до 15 мая) относят его сын и автор анонимной «Истории о невинном заточении» оформление заговора Софьи, И. М. Милославского и их сообщников, с одной стороны, и стрельцов — с другой. Правда, об этом молчат все источники, за исключением указанных двух, вышедших из окружения самого А. С. Матвеева; их версия впоследствии была подхвачена другими современниками, в первую очередь Петром I и его окружением, а еще позже перекочевала в сочинения бесконечного числа историков, вплоть до авторов новейшего времени. Например, М. П. Погодин пишет, что в это время начались происки Софьи, Милославского и их клеветников; их поверенными из стрелецкой среды выступали Б. Одинцов «с товарищи», а посредницей была постельница царевны Софьи Федора Семенова (ниже мы увидим, что она была постельницей Марфы Матвеевны и к тому же выступили на сцену только после событий 15—17 мая). Главным действующим лицом заговора автор считает Милославского, довод у него более

⁷⁰ «История о невинном заточении...», стр. 417. XV в. отов.

чем неубедительный: 12 лет спустя после смерти останки Мило-славского по указанию Петра I подвергли обряду страшной и беспримерной казни при ликвидации заговора Цыклера и Соковнина в 1697 г. Погодин, с одной стороны, утверждает, что стрельцы после удовлетворения их требования (отставка и наказание полковников) не имели причин для новых «смятений» в своих собственных делах: «смятения» происходили от внушений посторонних, с другой — вынужден признать, что партия Мило-славских решила воспользоваться этими смятениями в своих целях⁷¹. Последнюю мысль поддерживает Соловьев: Софья обрадовалась известию о движении стрельцов, т. е. решила им воспользоваться⁷².

А. П. Станевич, разбирая вопрос о борьбе дворцовых группировок в правление Федора Алексеевича, приходит к выводу, что царевна Софья для достижения своих честолюбивых целей, осуществление которых было поставлено под удар избранием на престол Петра, обращается к поискам союзников; это привело ее, с одной стороны, к дружбе с И. А. Хованским, с другой — к апелляции к мятежным стрельцам, которые соединились с Софьей и ее сторонниками; стрелецкая масса была готова восстать за свои интересы, но и могла расчистить дорогу дворцовой партии в ее борьбе за власть. Автор приходит к выводу, что нельзя начисто отрицать участие Софьи «в возбуждении восстания, но также неверно оценивать все восстание, как только дело рук одной правительницы», т. е. Софьи⁷³.

В литературе высказывались и иные мнения по этому вопросу, которые представляются более убедительными. Н. Я. Аристов прав, когда пишет: самым неопровержимым доказательством того, что стрельцы действовали не по внушению Софьи, а вполне самостоятельно, является то, что они бросили ее в самую критическую минуту (т. е. в 1689 г.) и снова вспомнили обиженную царевну, когда царь Петр не оправдал их ожиданий (в 1698 г.)⁷⁴.

Анализ источников позволяет отвергнуть версию А. А. Матвеева, «Истории о невинном заточении» и ряда исследователей о Софье и Милославском как инициаторах, вдохновителях майского восстания.

В «Истории о невинном заточении» отмечается, что И. М. Милославский, сказавшись больным, не приехал навестить А. С. Матвеева, как это сделали многие другие лица из московской знати. Опасаясь от Нарышкиных и Матвеева «воздаяния» за свои «неистовые и незаконные дела» в царствова-

⁷¹ М. П. Погодин. Указ. соч., стр. 32—33; там же. Исследования, стр. 112—114.

⁷² С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 268.

⁷³ А. П. Станевич. Указ. соч., стр. 226, 232, 239.

⁷⁴ Н. Я. Аристов. Указ. соч., стр. 84.

ние Федора Алексеевича, когда они попали в опалу, а некоторые и в ссылку, Милославский «начал тайно ков чрез тонкие свои коварства промышлять к будущей своей надежной безопасности». «Задолго» до прибытия в Москву А. С. Матвеева И. М. Милославский «со своими клеветы» — племянником А. И. Милославским, П. А. Толстым, И. Цыклером — начал «наговаривать московских стрельцов и возмутить к бунту» в пользу «первенства» на царстве старшего царевича Ивана. Он обещал этим стрельцам «многоприбыльные чины и великие пред прежним в годовом денежном жалованье впредь прибавки». Стрельцы согласились на это, но поджидали приезда А. С. Матвеева, чтобы расправиться с ним⁷⁵.

То же в основном рассказывает А. А. Матвеев⁷⁶, но, во-первых, более подробно и, во-вторых, с некоторыми существенными отличиями. Записки А. А. Матвеева опровергают (хотя этого не хотел бы, конечно, их автор) утверждение о том, что Милославский начал свою тайную работу «задолго» до приезда в Москву А. С. Матвеева, а также по существу и то, что стрельцы подняли 15—17 мая восстание по проискам Софьи и Милославских, являясь их орудием в политической борьбе с окружением Петра.

Автор пишет, что после расправ со своими «знатными» братьями (т. е. с пятидесятниками и др.) и полковниками, которые продолжались примерно в течение конца апреля и первой недели мая, стрельцы, трепеща «ожидаемого к себе впредь жестокого уйму и пресечения всем бывшим их... своевольствам» и «беспокойно волнуясь», начали сами искать выхода из создавшегося положения («безопасной пристани»). Они часто собирались на тайные сходы и советы. На них «многие стрелецкие полки» решили держать сторону царевича Ивана Алексеевича. Важно отметить сообщение А. А. Матвеева, что «не все полки сперва были в той помянутой стороне склонными и единомышленными, а шатаясь, еще хромая на обе колени». Оно опять свидетельствует о розни, каких-то несогласиях среди стрельцов, проявившихся на этот раз по вопросу о кандидатуре в цари Ивана Алексеевича.

Даже А. А. Матвеев, как мы заметили по всему предыдущему изложению, признает, что стрельцы до начала мая действовали без всякой режиссуры со стороны Софьи и Милославских. Если он и упоминал Софью при описании событий конца апреля и начала мая, то только в качестве противницы Петра и Нарышкиных. Только теперь, после сообщения А. А. Матвеева о том, что стрельцы, расправившись с начальниками, решили на своих тайных совещаниях делать ставку на царевича

⁷⁵ «История о невинном заточении...», стр. 417—420.

⁷⁶ А. А. Матвеев. Записки, стр. 11—15, 18—19.

Ивана, в его записках говорится, что царевна Софья и ее сторонники выступают в качестве участников событий, причем сначала отнюдь не в качестве каких-то режиссеров, вдохновителей движения, управлявших действиями массы стрельцов. Наоборот, «все те вышепомянутые, скрытые их стрелецкие сходбища и думные секреты благоприятно в отворенную и готовую дверь кабинета того высокого вошли в такое подобное и вожделенное время... ибо она помянутая царевна во всю жизнь свою никогда такой себе пользы благополучной получить отнюдь не могла». И далее: *«То стрелецкое открытое ей, царевне, намерение всеполезная оная весть была... которая подала бессомнительную и твердую помянутой царевне надежду подкрепить со стороны своей удобные и действительные самые меры и немедля сообщить во единомыслие их стрелецкое»*. Эти слова самого автора недвусмысленно опровергают его же утверждения о стрельцах как послушном орудии Софьи и Милославских с их сторонниками в событиях Московского восстания 1682 г.

Как видим, даже записки А. А. Матвеева дают возможность отвергнуть нелепую версию о стрельцах как о какой-то игрушке в руках Софьи и реакционного боярства, выступавших против Петра и его сторонников. В этой связи М. И. Белов, в целом правильно критикующий записки А. А. Матвеева с помощью данных Келлера, все же вряд ли прав, когда пишет: их автор утверждает, что после 29 апреля стрельцы успокоились, но их стали поднимать и разжигать Милославские, с помощью которых, в частности, стрельцы 8—14 мая организовались в тайные и явные кружки⁷⁷. На самом деле А. А. Матвеев, хотя и неохотно и очень кратко, но все же вынужден признать, что стрельцы еще за несколько недель до того, как Софья узнала об их замыслах о возведении на престол царевича Ивана («стрелецкое, открытое ей [кем, к сожалению, неизвестно.— В. Б.], царевне, намерение»), выступили против властей и уже «организовались в тайные и явные кружки». Это и не удивительно. Ведь движение началось при царе Федоре, единоутробном брате Софьи, когда правительство, допуская всякие беззакония и произвол, возглавлялось или вдохновлялось Милославскими! Разумеется, ни о каком тайном союзе, сговоре между стрельцами, с одной стороны, и Софьей и Милославскими — с другой, тогда не могло быть и речи. Только теперь, после смерти Федора, падения правительства Милославских и возвышения Нарышкиных, началась эта придворная распря.

Решающей силой становились в этой обстановке московские стрельцы и солдаты. Как мы видели выше, правительство проявило в эти полторы-две недели после 27 апреля неуверенность и недалекость, а порой и прямую беспечность. Возвышение

⁷⁷ М. И. Белов. Письма, стр. 381.

молодых Нарышкиных, их неумное и подчас наглое поведение, если верить сообщениям современников, открытые заявления возвращающегося из ссылки А. С. Матвеева о намерении подавить «бунт» — все это не могло не взбудоражить массы восставших. Недаром они говорили на своих совещаниях и вели агитацию среди москвичей против некоторых бояр, их произвола и грозили «переломать им шеи», строили планы взимания с них больших сумм денег в зачет недоданного жалованья, взяток и поборов.

Восставшие, как это бывало обычно и во время других восстаний, выступая против одних, «плохих» бояр (в данном случае против Нарышкиных, Матвеева и их сторонников) и в какой-то степени против царя, который не мог оправдать их надежды на удовлетворение справедливых требований (здесь, по существу, против Петра, поскольку выступали против его ближайших родственников, хотя имя юного царя дипломатично не называлось в этом плане), сразу же возложили надежды на будущего «хорошего», «доброго» царя, каким в их представлении мог стать царевич Иван, и таких же «добрых» и «хороших» бояр, которые, как увидим, не замедлили появиться.

Все это оказалось как нельзя более кстати Софье и Милославским. Они, как представители того же класса, к которому принадлежали незнатные Языковы и Нарышкины и родовитые Хованские и Долгорукие, прекрасно отдавали себе отчет в «незаконности» «бунта» стрельцов и солдат и возмущения московского «простонародства», и это они достаточно ясно показали в различных заявлениях, документах, когда более или менее укрепили свое положение (осенние и зимние грамоты и указы 1682 г.). Но сейчас они решили, пользуясь выступлением грозной военной силы против нового правительства, использовать его в своих корыстных интересах.

Дальнейшее развертывание восстания сильно осложнилось, таким образом, вступлением в политическую игру придворных группировок, партий, отдельных деятелей. Одно из наиболее видных мест на политической авансцене, начиная с драматических событий мая 1682 г., заняла царевна Софья, энергичная и честолюбивая женщина, смело вышедшая из темных царских теремов на открытую политическую арену.

А. А. Матвеев, приведя народную поговорку «молот вскоре нашелся, когда бы железо вскипело им ковать», сообщает далее, что Софья «сперва... великого своего кабинетного секрета ключ поручила» своему надежному родственнику боярину И. М. Милославскому. Последний привлек в свой союз А. И. Милославского, братьев И. А. и П. А. Толстых, стрелецких подполковников И. Е. Цыклера и И. Г. Озерова.

Этот «лукавый сонм» организовал «тайную пересылку по временам» со «знатными» московскими стрельцами. С этой целью, утверждает автор, «по их общему тому единомыслию, по частым

тем с ними, стрельцами, пересылкам для лучшего предуготовления впредь и действия» московские стрельцы назначили выборных из своей среды по несколько человек от каждого полка, «которые умнее и коварнее в письме и на делах и мочные в тех полках над ними, стрельцами, были». Матвеев называет их: Борис Одинцов, Обросим Петров, Кузьма Черный и другие.

Отметим, во-первых, неточность утверждения автором того, что выборных стрельцы назначили якобы только после установления контакта с Софьей и Милославским. Выше мы видели, что выборные появились у стрельцов в ходе событий, развернувшихся в конце апреля — начале мая. Мы, к сожалению, не знаем их имен и фамилий. Были ли это те самые, которых называет А. А. Матвеев, сказать трудно, как затруднительно ответить на вопрос, действительно ли вступали стрельцы в контакт с Милославским в это время. Вообще в этой части сведения А. А. Матвеева требуют особо критического отношения, поскольку они не подтверждаются другими современниками. Ведь о переговорах стрельцов с Милославским и его «алиацией» молчат не только С. Медведев (со стороны приверженца Софьи это понятно), но и безымянные русские авторы повестей, внимательные иностранцы Розенбуш и Келлер. В то же время возможность таких переговоров нельзя исключить совсем, тем более, если верить тому же А. А. Матвееву, в сговор со «скорпионом» Милославским встали два стрелецких подполковника, которые и могли служить связующим звеном между главарями «алиации» и выборными, принадлежавшими, что тоже немаловажно, к числу «знатных» стрельцов, командиров («мочные в тех полках над ними, стрельцами»). Таким образом, если и допустить возможность подобных контактов, то они были установлены между Милославскими и стрелецкой верхушкой.

Выборные, продолжает А. А. Матвеев, приходили тайно по ночам к Милославскому, который притворился больным и никого не принимал, и к другим участникам «союза». Они «о всем намерении их, стрелецких полков, ему (Милославскому.— В. Б.) рапортовали». Затем выборные начали призывать стрелецкие полки к единому выступлению в защиту династических прав царевича Ивана и расправе с боярами, верными Петру I. Некоторые полки — стремянный (личная охрана царя), Полтевский и Жуковский — «еще обмышлялися», т. е. не решались на выступление. Но обещаниями «награждения впредь многой годовой денежной им, стрельцам, дачи, и повышения чинов» эти полки, за исключением стремянного⁷⁸, тоже «прельстилися в общее смущение».

⁷⁸ А. А. Матвеев особо выделяет верных Петру I пятидесятника Ивана Борисова и пятисотного Василия Бурмистрова из этого полка.— А. А. Матвеев. Записки, стр. 14.

Весь этот рассказ А. А. Матвеева опять же выглядит искусственной конструкцией в сравнении с реальным положением вещей. Правда, он фиксирует, что выборные информировали заговорщиков «о всем намерении их, стрелецких полков». Тем самым стрелецкие полки у Матвеева выступают не в роли какой-то игрушки в руках Милославских, а в роли самостоятельной силы, имеющей свои намерения, стремления. Далее роль выборных сводится к тому, чтобы уговорить некоторые полки, не принявшие еще решения, действовать сообща с другими полками, очевидно уже принявшими такое решение.

Выше мы видели, что стрелецкие и солдатский полки по существу приняли решение о выступлении под флагом защиты «законных прав» Ивана Алексеевича до вступления на авансцену событий Софьи и Милославских. К этому их толкала логика уже начатой борьбы. Правда, у них не было полного единодушия, и здесь, возможно, сыграли некоторую роль клеветы Милославских. Но их агитация, конечно, не играла роли какого-то возбудителя, решающего фактора, поскольку стрельцы давно были готовы к выступлению, причиной которого явилось их тяжелое положение, гнет со стороны правящей верхушки и непосредственного начальства. Так что эти агитация и обещания, которые, возможно, и имели место, упали на давно подготовленную почву и сыграли некоторую дополнительную, но далеко, конечно, не главную роль в дальнейшем расширении восстания. Что касается до обещаний «многой годовой денежной дачи» и повышения в чинах, то политиканы, вступившие в игру, исходили из учета справедливых требований стрельцов и солдат, из их явного желания улучшить свое материальное, служебное положение.

Рушатся и другие подобные утверждения того же автора. Так, он говорит, что «в то же лучшее время» посредницей между Софьей и стрельцами выступила ее постельница Федора Семенова, по прозвищу Родимица. Она пришла к выборным с большой суммой денег и обещала стрельцам еще большие блага — прибавочное жалованье, повышение в чинах. Но, во-первых, Федора Семенова была постельницей не Софьи, а вдовой царицы Марфы Матвеевны (жены покойного царя Федора). Во-вторых, по свидетельству С. Медведева, она появилась у стрельцов 25 мая и приглашала их идти во дворец. Но стрельцы ее арестовали и допрашивали: «По чьему научению она те слова говорила». Стало быть, она не была известна стрельцам до конца мая. С. К. Богоявленский определенно считает это сообщение А. А. Матвеева неверным⁷⁹.

А. А. Матвеев далее утверждает, что в том «совете» Милославского были составлены «рописи» бояр и прочих знатных

⁷⁹ А. А. Матвеев. Записки, стр. 14; С. Медведев. Созерцание, стр. 62—63; С. К. Богоявленский. Хованщина, стр. 185.

людей, которых намечалось «побить» во время «бунта». Первым в списке стоял-де его отец боярин А. С. Матвеев⁸⁰. С. К. Богоявленский в связи с этим справедливо отмечает, что в список намеченных жертв попали близкие И. М. Милославскому люди, например думные дьяки А. Кириллов, Г. Богданов. Кроме того, «переворот» 15—17 мая принес И. М. Милославскому «только огорчения»: став начальником Пушкарского, Рейтарского и Иноземского приказов, он через несколько дней получил отставку и вследствие своей ссоры с кн. И. А. Хованским скрывался по своим подмосковным имениям «как бы подземный крот» (выражение А. А. Матвеева), опасаясь за свою жизнь⁸¹.

Ко всему этому нужно добавить, что так называемые проскрипционные списки, о которых с нескрываемым неодобрением и неприязнью говорит ненавидевший стрельцов А. А. Матвеев, могли быть составлены гораздо раньше того времени, когда начались дворцовые интриги и заигрывания Софьи и Милославских с определенной группой «знатных» стрельцов. Угрозы в адрес бояр, тех же А. С. Матвеева и Ю. А. Долгорукого, а также, конечно, Языковых и других приказных дельцов раздавались с самого начала движения. В этом нет ничего удивительного — ведь с их стороны стрельцы и солдаты терпели различные насилия и неправды или ожидали новых притеснений. Верить же утверждениям А. А. Матвеева о том, что ненависть притесняемых и обиженных стрельцов и солдат к боярам и другим «знатным» людям могла проявиться только с появлением на сцене «совета» во главе с Софьей и Милославским, было бы слишком опрометчивым.

С. К. Богоявленский отвергает версию о том, что Софья и Милославский «подняли» стрельцов на восстание 15—17 мая. Он совершенно справедливо указывает, что их волнения начались еще при Федоре, когда они совсем не были нужны ни Софье, ни И. М. Милославскому, который тогда фактически являлся правителем государства. С. К. Богоявленский отвергает также указание польского «Диариуша», подхваченное некоторыми историками (например, С. М. Соловьевым), о том, что Софья будто бы обратилась к московскому народу с агитационным призывом против Нарышкиных, произнесенным якобы после отпевания тела царя Федора в соборе. Он указывает на неправдоподобность этого обращения, являвшегося обычным литературным приемом в сочинениях того времени (вымышленные речи). По А. А. Матвееву, «первое публичное выступление» Софьи состоялось только 17 мая (у Богоявленского ошибочно — 17 сентября), когда она потребовала у царицы Натальи Кирилловны выдачи восставшим ее брата Ивана⁸².

⁸⁰ А. А. Матвеев. Записки, стр. 18.

⁸¹ С. К. Богоявленский. Хованщина, стр. 185—186.

⁸² Там же, стр. 185.

Из всего сказанного выше ясно, что Московское восстание 1682 г. началось не 15 мая, а в конце апреля — начале мая; ему предшествовали волнения в феврале при царе Федоре Алексеевиче. Причинами восстания явились тяжелое экономическое и политическое положение стрельцов и солдат, различные бесчинства и тяготы со стороны непосредственного начальства и правящей верхушки. Начавшееся восстание пользовалось сочувствием со стороны московского простого люда. Его главные участники — стрельцы и солдаты — с самого начала не были склонны ограничиваться расправой со своими полковниками и их помощниками. Они планировали выступление в Москве и, возможно, в других городах против «плохих» правителей — бояр и приказных деятелей. Они шли под знаменем царистской идеологии, надеясь на то, что «хороший», «добрый» царь (Иван Алексеевич) удовлетворит их справедливые требования, поскольку надежды на царя Федора и нового царя Петра и их «плохих» советников не оправдались или не могли, по их расчетам, оправдаться.

Наряду с усилением боевого накала в ходе восстания можно заметить и наличие розни в среде восставших: если большинство из них стремилось к решительному выступлению, то другие («старые», «знатные», т. е. наиболее состоятельные из их среды), наоборот, намеревались предотвратить его и нередко платились за это головами. Возможно, часть выборных «знатных» стрельцов вступила в тайный контакт с Софьей и Милославскими, начало интриг которых против Нарышкиных относится, возможно, к кануну решительного выступления восставших 15 мая. Во всяком случае, данные источников совершенно определенно свидетельствуют, что в развитии событий восстания не стрельцы пошли за Софьей и Милославскими, а, наоборот, последние увидели в этих событиях удобный случай возратить утерянные при дворе позиции и вступили в сложную политическую игру, которая в полной мере развернулась только после событий 15—17 мая.

Отметим также, что в описании событий конца апреля и первой половины мая источники совсем не упоминают фамилии боярина кн. И. А. Хованского, которому А. Н. Штраух и С. К. Богоявленский склонны приписывать большую роль в подготовке восстания. Правда, С. К. Богоявленский считает, что оно явилось следствием общего политического положения и нарушения экономических интересов стрельцов и не было вызвано Хованским, однако «он мог содействовать тому, что движение стрельцов приняло политический характер»⁸³.

Высказывались и иные мнения о роли Хованских. Н. Я. Устрялов пишет, что все преступление Хованских состояло в надменном властолюбии, оскорбительном для завистливых бояр,

⁸³ Там же, стр. 185, 186.

потворстве стрельцам и тайной привязанности к расколу. Справедливым для них наказанием было бы заточение в монастырь, быть царевубийцами они и не думали. Лучшим для них оправданием служит возвышение, после падения царевны Софьи, П. И. Хованского, которого вызвали из ссылки, и в короткое время он достиг должности астраханского наместника. М. П. Погодин считает, что Хованские не были «возбудителями бунта», «раскольничьего мятежа»; старый Хованский находился в зависимости от Софьи, которая в конце концов избавилась от него 17 сентября, хотя никаких планов (захват власти, расправа с царским семейством) у него не было. По С. М. Соловьеву, «на деле» управляла Софья, а не Хованский, его же «главным орудием» или «руководителем» был стрелецкий выборный А. Юдин; старый князь потакал стрельцам, исполняя все их требования, особенно после 5 июля, когда он делал это уже из чувства самосохранения⁸⁴. Н. Я. Аристов считает, что Хованский «примкнул» к движению стрельцов, а во время майского кровопролития сделался случайным распорядителем в Москве. Он был в определенной степени популярен, в том числе среди стрельцов, за доброту характера и приверженность старым обычаям. Он искал расположения стрельцов, угрожая им. Но автор неправ, называя Хованского «главным вождем движения староверов» (рассмотрение истории упомянутого движения это не подтверждает, см. ниже). Автор отмечает «простодушие» Хованского, неумение вести интриги, его самомнение, хвастовство и т. д.⁸⁵

А. П. Станевич считает, что боярин Хованский, знатный потомок Гедимина, «дошел до роли чуть ли не вождя мятежа, любимица и покровителя раскольников, отца-батюшки для московских солдатско-стрелецких полков». Преследуемый военными неудачами и ненавистью придворных деятелей, отстраненный в 1681 г. от воеводства в Новгороде, недовольный возвышением «худородных» и отменой местничества, Хованский встает «на путь открытой оппозиции рука об руку с царевной Софьей»; этот союз Софьи с Хованским складывается «перед началом стрелецкого восстания»⁸⁶.

Хованский действительно стал одним из главных действующих лиц в восстании 1682 г., но это отнюдь не значит, что он выступал чуть ли не руководителем стрельцов и солдат в подготовке и ходе восстания, как это старается доказать С. К. Богоявленский.

Правда, исключением из всех источников является сочинение анонимного польского автора. Но его рассказ о событиях конца

⁸⁴ Н. Г. Устрялов. Указ. соч., стр. 85—86; М. П. Погодин. Указ. соч. Исследования, стр. 134, 136—137, 141—147; С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 276, 290.

⁸⁵ Н. Я. Аристов. Указ. соч., стр. 97—98, 101.

⁸⁶ А. П. Станевич. Указ. соч., стр. 233—238.

апреля — начала мая переполнен ошибками и несуразностями (провозглашение царем Петра А. С. Матвеевым по возвращении в столицу; сцены, разыгравшиеся при погребении царя Федора, и т. д.)⁸⁷, поэтому его свидетельствам нельзя в значительной степени доверять. Автор свидетельствует, что замысел посадить на престол царевича Ивана исходил от «думы», составленной Софьей вместе с Милославским и кн. Хованским тогда, когда протекло уже две недели царствования Петра I; это согласуется с показаниями А. А. Матвеева о «кабинетных» замыслах Софьи и «алиации» И. М. Милославского. Правда, Матвеев не говорит о том, что в «алиацию» входил и боярин Хованский.

Польский же аноним сообщает далее о Хованском, что он «надеялся на них (стрельцов. — В. Б.) и старался их возмутить». С этой целью он «открывал глаза стрельцким офицерам и головам», т. е. тем, с кем стрельцы... расправлялись в начале движения! К тому же он называет Хованского «начальником стрельцов», каким он не был в первой половине мая (начальником Стрелецкого приказа являлся боярин кн. Ю. А. Долгорукий, а И. А. Хованский стал им в конце событий 15—17 мая), утверждает, что в «думу» к Софье, Милославскому и Хованскому «стал напрашиваться И. К. Нарышкин». Ввиду этого вряд ли можно верить «речи» И. А. Хованского, обращенной к «стрельцким офицерам и головам», хотя ее содержание в основном перекликается с теми разговорами, которые в это время шли в среде восставших: «Вы сами видите, какое тяжелое ярмо наложено было на вас и до сих пор не облегчено, а между тем царем вам избрали стрелецкого сына по матери. Увидите, что не только жалованья и корму не дадут вам, но и заставят отбывать тяжелые повинности, как это было раньше, сыновья же ваши будут вечными рабами у них». Далее Хованский будто бы обращал внимание на «главное зло»: нас отдадут в неволю чужеземному врагу, погубят Москву и истребят православную веру. Это связывалось с возможным нашествием иноземных «государей». Заканчивалась «речь» призывом «радеть о родной земле». Стрельцы, по словам анонима-поляка, поверили этим словам и «примкнули к их партии», т. е. к «думе» во главе с Софьей⁸⁸.

Хотя эта «речь», скорее всего, является просто мифической, нельзя полностью исключить возможность того, что наряду с Софьей и Милославскими активность, и, может быть, несколько большую в сравнении с ними, начал проявлять и потомок Гедина боярин Хованский. Ведь не секрет, что он выступает заметной фигурой во время событий 15—17 мая, а с 17 мая как-то незаметно, как будто само собой становится во главе Стрелецко-

⁸⁷ «Дневник зверского избения московских бояр в столице в 1682 г. и избрания двух царей Иоанна и Петра». СПб., 1901, стр. 17—19.

⁸⁸ Там же, стр. 19—20.

го приказа; стрельцы, конечно, не согласились бы на это, если бы он был для них нежелательным. В глазах многих москвичей Хованский выступал в роли «доброго» боярина задолго до 1682 г. Вспомним его оценку москвичами в дни «Медного бунта» 1662 г., когда они говорили ему: «Ты-де человек доброй». Неудачливый полководец, человек суматошный, шумный (отсюда его прозвище Тараруй — пустозвон, пустомеля), он в то же время отличался отчаянной храбростью и, вероятно, широтой натуры. Несмотря на свое знатное происхождение, он был не на очень высоком счету при дворе. Известны пренебрежительные высказывания о нем Алексея Михайловича: «Тебя, князь Ивана, — говорил он ему однажды всердцах, — взыскал и выбрал на службу великий государь, а то тебя всяк называл дураком, а тебе своею службою возноситься ненадобно»⁸⁹.

Хованский оказался не у дел, с завистью и ненавистью наблюдая возвышение при дворе временщиков типа «худородных» Языковых, Лихачевых, Нарышкиных. К тому же материальное положение Хованских оставляло желать много лучшего. Все это в соединении с сильно развитым честолюбием и властолюбием не могло не толкать этого способного быстро терять голову человека к тому, чтобы ловить подходящий момент для достижения заветных целей — власти, славы, денег.

В глазах стрельцов, выступавших против «плохих» правителей-бояр, Хованский был как раз тем «добрым», «хорошим» боярином, на которого можно возложить надежды всем обиженным и угнетенным. Ведь Хованский не имел отношения к притеснениям времени царя Федора (в этом отношении он выгодно отличался от И. М. Милославского — тогдашнего фактического правителя государства), имел в глазах простых людей некоторые привлекательные черты личного характера, к тому же, по слухам, тайно исповедовал учение раскольников и, помимо всего этого, поддерживал их требования. В связи с этим, возможно, не лишено основания предположение С. К. Богоявленского об участии И. А. Хованского в составлении списка убитых 15—17 мая; в него попали его недруги, такие, как боярин кн. Г. Г. Ромодановский, думный дяк А. С. Кириллов⁹⁰. Это все могло иметь место уже накануне решительного выступления, но особенно проявилось в ходе дальнейших событий.

Хованский, конечно, не выступает в роли вождя восстания. Его роль в событиях 1682 г. лишний раз свидетельствует, что народные движения нередко пытаются с разными целями использовать представители господствующего класса; это было нередким явлением в истории классовой борьбы феодального периода.

Нужно сказать, что Хованский начал отчаянную, рискован-

⁸⁹ С. К. Богоявленский. Хованщина, стр. 186.

⁹⁰ Там же, стр. 187.

ную политическую игру. Очертя голову, бросился он в очередную авантюру, на этот раз не военную, а политическую, придворную. Хотя, казалось бы, Хованский с самого начала получал в свои руки сильный козырь — поддержку восставших стрельцов и солдат, а также раскольников, он логикой событий неизбежно стал жертвой своего необузданного темперамента, неумеренного честолюбия и элементарной политической незрелости и нерасчетливости. Представитель верхушки русского дворянства, он с помощью стрелецкого войска, составленного из представителей социальных низов, захотел достичь высших почестей и власти и тем самым противопоставил себя этому дворянству, которое, конечно, не простило такого отступничества. Ожесточенная борьба за власть привела его на плаху.

С меньшими «активами» начали политическую игру Софья и Милославский. Последний, правда, всплыл в ходе событий 15—17 мая, но вскоре фактически сошел с политической арены. Причинами этого были его политическое прошлое, одиозное с точки зрения взявших верх стрельцов, а также нежелание делиться властью с коварным и властолюбивым боярином со стороны не менее властолюбивых и честолюбивых Софьи и Хованского. Софья — дочь Алексея Михайловича и М. И. Милославской, казалось бы, тоже не могла рассчитывать на благожелательное отношение со стороны восставших стрельцов и солдат. Но нельзя не учитывать, что она являлась дочерью царя, членом царской фамилии — факт, который имел тогда большое значение в глазах простых людей. К тому же она была женщиной и не играла при царе Федоре особой роли. В дальнейших же событиях проявился ее недюжинный ум, определенные способности политического деятеля. Софья и ее незаурядные помощники (В. В. Голицын, Ф. Л. Шакловитый и др.) вели в течение всего восстания, начиная с середины мая, весьма осторожную и умную политическую игру, которая привела их в конечном счете к победе.

МАЙСКИЕ СОБЫТИЯ

ДЕЙСТВИЯ ВОССТАВШИХ 15—17 МАЯ

(обсуждение плана выступления на совещаниях, кругах, публичная агитация; позиция народных низов; расправы 15—17 мая; разгром Холопьево и Судного приказов)

События 15—17 мая довольно подробно описаны в литературе, прежде всего с ними связаны представления широких кругов читателей о «Хованщине». Не останавливаясь подробно на фактической стороне дела, мы выделим несколько моментов в этих событиях, важных с точки зрения их исторического смысла. Это, во-первых, характер действий восставших стрельцов и солдат; во-вторых, позиция московского населения, точнее, его социальных низов; в-третьих, действия придворных кругов — правительства и его окружения.

Выше мы видели, что стрельцы и солдаты, начавшие восстание в конце апреля — начале мая, решили не останавливаться на расправах с ненавистными им лицами из числа непосредственных начальников и взимании с них уворованных денег. Они поставили своей целью перейти к более решительным действиям против правящей верхушки и предъявить более широкие требования. Первый успех их ободрил. Важно отметить наличие с самого начала восстания явных элементов организованности, целеустремленной подготовки движения — выработка планов на тайных совещаниях и открытых сходках-кругах, товарищеская спайка и взаимное согласование планов, дисциплина, определенные организационные формы (круги, выборные, агитаторы).

Источники свидетельствуют, что перед решительным выступлением восставшие обсуждали свои планы на кругах и проводили энергичную агитацию среди простого народа. Восстание, таким образом, готовилось заранее. Так, Матвеев пишет, что по приезде в Москву его отца стрелецкие полки собирались по ночам с палками, а днем с ружьями у съезжих изб; у своих приходов они били в набаты. Далее автор снова не удерживается от брани в адрес стрельцов: они-де начали, «по улицам мно-

голюдством ходя, в лавках торговых и в иных местах озорничать и народ озлоблять, и бунтом своим, впредь последующим, всем грозить»⁹¹.

С. Медведев сообщает о мятежных советах у стрельцов, прежде всего в полку Никифора Колобова, они происходили «днями и ночми тайно»⁹². Таким образом, имели место тайные совещания и открытые сборища и агитация. С помощью открытой агитации производилась мобилизация общественного мнения в пользу восстания. На тайных совещаниях, вероятно, выработывались конкретные его планы, сроки и т. д., в частности на них, очевидно, намечались жертвы предстоящих расправ.

Оба названных автора приводят слова восставших, которые они кричали перед началом расправ в Кремле, когда их пытались отговорить от них некоторые бояре и патриарх Иоаким: «Не потребуем никаких ни от кого советов!», «Время уже и наста, пора (кто надобен вам) разбирати!» (или: «Пришла уже самая пора, кто нам надобен, разбирать»). С. Медведев подчеркивает, что восставшие искали «в государевых палатах» жертвы, намеченные «по своему совету»⁹³. Тем самым восставшие, пришедшие утром 15 мая в Кремль, прекрасно знали, зачем они пришли и кто должен поплатиться в этот день за все их страдания.

Смысл публичной агитации тоже вырисовывается довольно отчетливо. Розенбуш сообщает, что после обеда в воскресенье 14 мая и утром в понедельник 15 мая «стрельцы рассказывали... публично на улицах» о бесчинствах И. К. Нарышкина при дворе (эпизоды с сидением на царском месте, попыткой удушить царевича Ивана). «Это считалось болтовнею, но слух распущен был, чтобы сделать Нарышкиных ненавистнее»⁹⁴.

Наиболее подробно об этой стороне подготовки выступления сообщает неизвестный автор повести из Соловецкого собрания. Возмутившиеся стрельцы и солдаты, по его словам, утром 15 мая «послаша пред собою прелестных вестников и волю дьяволу творящих мятежников. Они же *возмутиша в народе*, бегающе, кричаще, испущаще гласы дьявольским наваждением прелестных *во всем народе, иже на Красной площади*». Эти посланные из стрелецких полков «навадницы и смутницы... рассеюшеся всюду, иде же народу много хождаше, бегущи мимо людей, глаголаше». Агитаторы кричали в народ о том, что Нарышкины, Иван и Афанасий Кирилловичи, будто бы «убили до смерти» «великого государя нашего» царевича Ивана Алексеевича. «А во иных местех» другие агитаторы рассказывали, что супруга покойного царя Федора Марфа Матвеевна, выбежав на крыльцо, со слезами и воп-

⁹¹ А. А. Матвеев. Записки, стр. 18.

⁹² С. Медведев. Созерцание, стр. 51.

⁹³ Там же, стр. 53, 54; А. А. Матвеев. Записки, стр. 22.

⁹⁴ Розенбуш. Записка, стр. 42—43.

лем жаловалась караульным стрельцам: те же двое Нарышкиных «ее, государыню, били и косу оторвали», царевича Ивана хотели задушить подушками. Они же утверждали, что братья Нарышкины царевну Софью также «били и за власы драли». Ивана Нарышкина обвиняли еще и в том, что он садился на царское место, одевшись в царское одеяние. Агитаторы все эти «плевелные, смутные и расколные глаголы донесоша и до самых полков стрелецких к съезжим их избам, они же наготове ждуще сего вси»⁹⁵.

Цель этой агитации состояла в том, чтобы обеспечить поддержку предстоящему выступлению со стороны московского «народа», т. е. низов столичного населения, и в этом плане она достигла успеха.

Выступление началось утром 15 мая. Повесть из Соловецкого собрания красочно описывает, как «уже в 10 час дни вси полки возмутишася, ис полка в полк вести подавши съезжих изб вестовыми пищальми и удариша в сполошные борабаны и у приходских своих церквей в колокала бияху по-набатному». Несомненно, все это делалось по заранее достигнутой договоренности. Дело не ограничилось служилыми людьми. Автор повести вынужден признать, что и московский народ не остался равнодушным к начавшемуся движению, хотя и пытается доказать, что это произошло «страха ради и ужаса»: «И в той час в народе бысть ужас и трепет и страх велий, и сотворися в людех шум и мятеж. Еще стрелцам и не пришедшим в Кремль, весь народ восколебася, кийждо побеже восвояся, и из рядов торговья люди и лавочныя сиделцы из лавок вышли и все ряды заперли; и страха ради и ужаса не ведают, камо бежати, всех страх и ужас объа»⁹⁶.

Дьячок Аверкий сообщает, что, помимо стрельцов и солдат, сбежавшихся в Кремль, «московские люди черных слобод и всяких чинов на Красную площадь сходились с ослопьем и з дрекольем многое множество». Он же, рассказывая затем о расправах восставших с «изменниками» из бояр и других чинов, несколько раз подчеркивает, что «их в народе казнили» на Красной площади, их головы «всему народу оказывали»⁹⁷. Автор повести из Соловецкого собрания подтверждает это: на Красной площади восставшие «на копья вонзиша, подымаху овии главу, инии же руке и нозе отсеченныя кажуще народу, рекуще сице: „Любли?“ Народи же предстоящи шапками махающе к ним, ответ дающе, яко любо». Правда, не все делали это охотно: «избранныи же людие» (т. е., очевидно, более состоятельные, осторожные, но немногочисленные в сравнении с остальным «народом») кричали вместе с другими «Любо!» только «страха ради». Тех,

⁹⁵ ГПБ, ОР, Солов. собр., д. 988 (878), лл. 711 об.—712 об.

⁹⁶ Там же, л. 712 об.

⁹⁷ М. Н. Тихомиров. Заметки, стр. 99.

кто говорил это «тихим гласом», «обзираху, яко пси, претяще им на том же позорищи быти», т. е. изгоняя их с Красной площади⁹⁸. С. Медведев более кратко пишет, что «служивыя» не только сами кричали «Любо, любо!», «но и иным, кто идет, повелевали тоже „любо“ кричати. А кто тако кричать не хоте, и того изменником нарицаху, иних же и бяху»⁹⁹. А. А. Матвеев говорит, что присутствовавшие на Красной площади «от народу собрания», «не хотя, принуждаемы были с ними же, стрельцами, шапками махать и то „любо“ гласно с ними же кричать»; если же кто «из них, народов», умалчивал «от жалости сердечной» или вздыхал, того стрельцы «люто» били. Но тут же автор признает, что «тогда лютый страх, ужас и трепет» был нанесен не только «всей Москве, но и всему великому царскому дому» «от такой последней каналли или черни»¹⁰⁰.

И. А. Желябужский пишет, что 15 мая в 9-м часу дня «учини-лось на Москве смятение великое всему Московскому государству и всему народу, бунт великой» или: «И в Московском государстве время было лихое и шатание великое и в людех смута»¹⁰¹.

Участие в движении московского народа засвидетельствовано и очевидцами-иностранцами. Розенбуш пишет, что во время расправ на Красной площади «стояло также много стрельцов и всякой сволочи, которые ругались над мертвыми телами, кололи, резали, рубили»¹⁰².

По свидетельству анонима-поляка, в восстании приняло участие «много боярских детей, дворян и простого народа», причем все они, как и сами стрельцы, были «возмущены» князем Хованским¹⁰³. Это известие об участии «простого народа» в движении нельзя отвергнуть только из-за того, что автор, мало знакомый с событиями восстания и немало напутавший при их описании, изображает Хованского зачинщиком и вождем восстания, что не соответствует действительности, и преувеличивает степень участия в нем бояр, хотя часть их могла участвовать в событиях, связанных с борьбой придворных партий за власть.

Анонимный же автор-итальянец, сообщая о начале выступления, пишет: «Народ и бунтующие стрельцы в беспорядке бегут в Кремль». И далее он называет восстание «бунтом воинов и народа»¹⁰⁴.

Официальные правительственные документы (грамоты о сборе ратных людей для борьбы с восставшими, об окончании восстания) подтверждают известия об участии «народа» в событиях

⁹⁸ ГПБ, ОР, Солов. собр., д. 988 (878), лл. 717 об., 722 об.

⁹⁹ С. Медведев. Созерцание, стр. 55.

¹⁰⁰ А. А. Матвеев. Записки, стр. 25.

¹⁰¹ И. А. Желябужский. Записки, стр. 1, 3, 5.

¹⁰² Розенбуш. Записка, стр. 48.

¹⁰³ «Дневник зверского избияния...», стр. 20.

¹⁰⁴ «Повествование о московских проишествиях...», стр. 78.

середины мая: стрельцы и солдаты «приходили на наш государ-ской дом... бестудством и безстрашием с народом и со всяким ружьем», а Хованского и А. Юдина «с товарищи» казнили 17 сентября не только за «их многое воровство» и за «измену», но и «за возмущение в народе» (или: «возмущение народа») ¹⁰⁵.

Выше отмечалось, что согласно И. Г. Корбу, в восстании 1682 г. участвовало 60 тыс. «бунтовщиков». Автору эти преувеличенные данные сообщили в Москве, где он бывал в 1698—1699 г.; во всяком случае, те люди, которые ему говорили об этом, отразили ходившие в столице разговоры о том, что в восстании 1682 г. участвовало множество людей, причем не только стрельцов.

Таким образом, источники говорят о том, что московский «простой народ» во время событий 15—17 мая оказался на стороне восставших стрельцов и солдат и в какой-то степени принял участие в них: не говоря уже просто о присутствии на Красной площади и, конечно, на территории Кремля больших толп народа, которые выражали одобрение расправам с властью имущими, они могли принять определенное участие и в самих расправах. Недаром же московские чернослободцы и «всяких чинов» люди бежали к Красной площади с дрекольем и ослопьем, а, по недоброжелательному замечанию Розенбуша, московский плебс («всякая сволочь») вместе со стрельцами участвовал в надругательствах над телами ненавистных бояр и приказных. Конечно, среди присутствовавших имелись не только сочувствующие делу восстания (таких было, конечно, подавляющее большинство), но и люди, с неодобрением или бессильной ненавистью наблюдавшие за развитием событий; это социальное размежевание довольно точно зафиксировано в источниках, авторы и составители которых тоже неодинаковы в своих симпатиях и антипатиях.

Среди восставших стрельцов и солдат, по словам автора повести из Мазурина летописца, «начальных людей... полковников, ни полуполковников, ни капитанов, а у салдат тоже начальных людей с ними никою не было». Только, если верить Розенбушу, одного полковника восставшие заставили вести «две порядочные пушки... что тот должен был исполнить из страха лишиться жизни» ¹⁰⁶.

Все эти данные говорят о том, что восстание носило народный характер. Правда, показания источников об участии в событиях Московского восстания 1682 г. народных низов столицы носят, к сожалению, довольно общий, расплывчатый характер. Но во всяком случае они позволяют считать, что восставшие стрельцы

¹⁰⁵ С. Медведев. Созерцание, стр. 101, 168; ААЭ; т. IV, № 262, стр. 373; № 271, стр. 394.

¹⁰⁶ М. Н. Тихомиров. Записки, стр. 449; Розенбуш. Записка, стр. 49.

и солдаты не действовали в каком-то вакууме — их окружали толпы москвичей, которые выражали им свое сочувствие, поддержку и, возможно, принимали некоторое участие в восстании. Нужно иметь в виду, что источники главное внимание уделяют действиям стрельцов и солдат, которые представляли собой крупную вооруженную единицу, из опоры правительства превратившуюся в его противника. Этот факт поразил воображение многих, в том числе и авторов, составителей ряда источников, сочинений о восстании 1682 г. Вместе с тем данные источников не дают возможности сделать вывод об активных выступлениях социальных низов столицы в это время. Конечно, ведущей, движущей силой восстания явились стрельцы и солдаты, хорошо вооруженные и обученные. Они, не довольствуясь тем, что имели в своих полках, вечером 15 мая изъяли из государственной казны различные нужные им припасы. Согласно «книге пушечных запасов» за 1681/82 (7190) г., стрельцы «мая в 15 день, как сталося грех ради наших на Москве смутное время, и ввечере позно пришли разных приказов стрельцы, пятидесятники и десятники и рядовые... на Пушечной двор». Они насильно привели с собой целовальника «зеленые казны» С. Иванова «с коробокою» и «велели» ему снять печати с казны и отомкнуть замки и «зелье и свинец и фетиль учели собою (т. е. самовольно.— В. Б.) имать, сколько в которой приказ надобно им...» Расписки за взятые припасы выдавали целовальнику сотенные, пятидесятники и рядовые из стрелецких приказов С. Полтева, М. Ознобишина, Н. Глебова (Стремяной приказ), А. Нармацкого, П. Лопухина, Ф. Головленкова, Л. Сухарева. В эти семь полков стрельцы взяли 20 бочек с десятками пудов «зелья» и т. д.¹⁰⁷

Московский народ, сочувственно относившийся к выступлению стрельцов и солдат, принял в нем определенное участие, но в целом его вряд ли можно назвать активным в той мере, как это можно сказать о действиях москвичей во время восстаний 1648 и 1662 гг. С другой стороны, как замечает А. Н. Штраух, «разве только особым пристрастием москвичей к побоям можно объяснить добровольное присутствие народных толп при казни бояр и приказных»¹⁰⁸.

А. А. Матвеев, злобно живописующий расправы восставших с «невинными агнцами» вроде его отца и других деятелей из правительственной верхушки, сравнивает восстание 15—17 мая с действием «бунтовой мартыры», из которой «на кровы самого царского дома» шумно обрушилась «зело ужасная бомба» и «такое всей великороссийской империи нечаянно великой страх, трепет и ужас нанесла». Утром 15 мая, по его словам, стрелецкие полки начали собираться у своих съезжих изб «под ружье»

¹⁰⁷ Архив ЛОИИ, ф. 175, оп. 1, д. 264, лл. 311 об.—34.

¹⁰⁸ А. Н. Штраух. Указ. соч., стр. 24.

и ожидали «присылки» от Милославского и его клеветов, составивших накануне «росписи» лиц, намеченных для расправ. Далее драматически описывается, как его «кабинетные адъютанты или есаулы и советники» А. Милославский и П. Толстой «по полкам, на прытких серых и карих лошадях скачучи», кричали громко, что «Нарышкины царевича Иоанна Алексеевича задушили и чтоб с великим поспешением они, стрельцы, шли в город Кремль на ту свою службу»¹⁰⁹. Выше мы уже видели, что эта версия Матвеева не соответствует в целом действительности, хотя возможность какого-то общения между стрельцами и солдатами, с одной стороны, и придворными кругами — с другой, окончательно отрицать нельзя. Его же сравнение «бунта» 15—17 мая с действием мортирной бомбы ярко говорит о том впечатлении, которое оно произвело на современников. Действительно, решительное выступление против правительства большой массы стрельцов и солдат, расквартированных в Москве, их расправы с виднейшими его деятелями поражали воображение. Поэтому именно действия стрельцов и солдат стоят в центре внимания всех авторов, писавших о восстании; поведение же больших масс простого народа представляет в их сочинениях как бы фон для основных мизансцен в развернувшихся действиях исторической драмы.

Стрельцы, солдаты и пушкари, полностью вооруженные (вплоть до пушек), со всех сторон вступили в Кремль под звон набатов и колоколов. Ударили в набат и стрельцы стремянного полка, несшие охрану в Кремле. Их начальник подполковник Горюшкин вместе с двумя братьями Нарышкиными, Иваном и Афанасием Кирилловичами, пытались воспрепятствовать восставшим — они стреляли в них из верхних окон дворцовых покоев и убили некоторых из них. Но это, конечно, не могло остановить восставших, которые решительно потребовали у вышедших к ним для уговоров членов царского семейства, патриарха и бояр выдать «изменников». Разрядная записка «Смутное время» передает их список: бояре кн. Ю. А. Долгорукий, кн. Г. Г. Ромодановский, кн. М. Ю. Долгорукий, К. П. Нарышкин, А. С. Матвеев, И. М. Языков, оружейничий И. К. Нарышкин, постельничий А. Т. Лихачев, казначей М. Т. Лихачев, чашник С. И. Языков, думные дьяки Л. И. Иванов, Д. Полянский, Г. Богданов, А. С. Кириллов (ошибочно назван Алексеем вместо правильного: Аверкий), спальники Афанасий, Лев, Мартемьян, Федор, Василий и Петр Нарышкины¹¹⁰. Возможно, восставшие имели составленный заранее список жертв, об этом упоминает, например, Розенбуш: во время переговоров с царевнами и молодой царицей — вдовой царя Федора 17 мая восставшие упоминали

¹⁰⁹ А. А. Матвеев. Записки, стр. 3, 18—19.

¹¹⁰ С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 333.

о лицах, которые «стоят у нас в списке». В этом списке значилось 40 фамилий¹¹¹.

Как видим, в этот список попали лица, с которыми у восставших были связаны самые неприятные воспоминания о различных притеснениях и обидах со стороны временщиков, их родственников, воинских начальников.

После безуспешных попыток спасти намеченные жертвы со стороны царствующих особ, патриарха и остальных бояр, большинство которых не значится в этом списке, поскольку они не являлись в глазах восставших «изменниками», «плохими» советниками, от рук восставших погибли следующие лица: бояре князя Ю. А. и М. Ю. Долгорукие, кн. Г. Г. Ромодановский, А. С. Матвеев, И. М. Языков и И. К. Нарышкин, думные дьяки Л. И. Иванов, А. С. Кириллов, стольники Ф. П. Салтыков, А. К. и В. Ф. Нарышкины, В. Л. Иванов, полковник А. Дохтуров, полуполковник Г. Горюшкин, а также доктора Даниил фон Гаден с сыном Михаилом и Иван Гутменш¹¹².

Наиболее важные лица, вызывавшие особенно сильную ненависть или опасения со стороны восставших, стали жертвами их расправ. Из бояр, упомянутых в списке, приведенном в разрядной записи, избежал от смерти лишь отец царицы К. П. Нарышкин. По решению восставших, которых упростили Наталья Кирилловна и другие лица из правительственной верхушки, отца царицы постригли в Чудове монастыре и сослали на Белозеро.

Среди убитых не оказалось большинства Нарышкиных, всех Лихачевых, одного Языкова, двух думных дьяков. Дело заключалось, очевидно, в том, что они вовремя попрятались там, где кто успел, и спаслись от расправы.

В начале восстания 15 мая, по словам Розенбуша, «некоторые бояре хотели уйти из Кремля, другие, не звавшие за собою ничего хорошего, попрятались в потаенные места»¹¹³. Восставшие, гнев которых стих после расправ с главными виновниками их несчастий, простили тех, кого они не успели сыскать. Тот же Розенбуш пишет, что «о прочих изменниках» — Алексее и

¹¹¹ Розенбуш. Записка, стр. 43, 46.

¹¹² Более подробно о расправах 15—17 мая см.: С. Медведев. Созерцание, стр. 52—57, 101, 168; А. А. Матвеев. Записки, стр. 18—31; С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 333—335; Розенбуш. Записка, стр. 43—50; М. Н. Тихомиров. Записки, стр. 449—451; он же. Заметки, стр. 99; В. И. Буганов. Новый источник, стр. 323—324; ГПБ, ОР, Солов. собр., д. 988 (878), лл. 713—724; ГБЛ, ОР, ф. 159 (Никифоровское собр.), д. 69, лл. 101—104; А. Theiner, p. 237 (донесение от 8 июля 1682 г.); Научная б-ка Томского гос. ун-та им. В. В. Куйбышева, Отдел редких книг и рукописей, витрина 752, сборник конца XVIII — начала XIX в., 4°, на 260 лл., см. л. 76 (в составе «Книги записной» — одной из сибирских летописей); Тобольский краеведческий музей, фонд рукописных книг, д. 73, л. 116.

¹¹³ Розенбуш. Записка, стр. 43.

Михаиле Языковых, сыновьях И. Языкова, А. Степанове, полковнике С. Грибоедове, семи других бежавших полковниках, а также полковнике Янове (Степане, а не Федоре, как он его называет), двух дьяках Стрелецкого приказа, «которые их очень притесняли», «стрельцы требовали письменного царского обещания, что они будут казнены руками палача. Иначе когда бы то ни было стрельцы исполнят это сами. На все было изъявлено согласие, лишь бы только укротить бешеных!»¹¹⁴. На самом деле большинство упомянутых лиц отделалось ссылкой, только полковник С. Янов, за которым послали несколько стрельцов с думным дворянином во главе, был убит в Москве летом того же года.

Среди убитых имеются и деятели, не упомянутые в перечне лиц, затребованных для расправы. Это — стрелецкие полковник А. Дохтуров и полуполковник Г. Горюшкин, мотивы расправы с которыми вполне понятны. Они оказались в Кремле в день восстания, очевидно, по делам службы, к тому же Г. Горюшкин пытался вместе с Нарышкиными силой воспрепятствовать восставшим. Доктора-иноземцы стали жертвами, так как обвинялись в отравлении покойного царя Федора; в этом же обвиняли, между прочим, Матвеева и других царедворцев.

Ф. П. Салтыков был убит, по признанию восставших, сделанному его отцу, боярину П. М. Салтыкову, по ошибке: его приняли за Ивана Нарышкина. Они просили прощения у П. М. Салтыкова, который «был очень любим ими»¹¹⁵. Этот эпизод свидетельствует о том, что жертвы для расправ намечались заранее. Ведь во время переговоров восставших с царедворцами на Красном крыльце, помимо Матвеева и других лиц, стояли и многие другие бояре. Один из них, кн. М. А. Черкасский, пытался даже спасти А. С. Матвеева — он упал на него, загородив своим телом. Но это не помогло, ненавистного боярина вытащили из-под его защитника, на котором изодрали одежду, но самого не тронули в отличие от Матвеева, буквально растерзанного восставшими. Едва не был убит также окольный И. Т. Кондырев, «да бог сохранил, не убиша, поне же многим стрелцом знаем и конюшенного чину одобрили, токмо от единого копием прободен не во многих местех»¹¹⁶. Как и во время других народных движений XVII в., восставшие расправлялись не со всеми, а только с особо ненавистными «плохими» или «злыми» лицами, «изменниками». Так же было и в 1682 г. Правда, требуя выдачи «изменников», особенно Нарышкиных, восставшие грозили в противном случае расправиться со всеми боярами, но до этого дело не дошло.

Эпизод с И. Т. Кондыревым свидетельствует также и о том, что во время расправ имела место своеобразная «оценка» лич-

¹¹⁴ Розенбуш. Записка, стр. 47.

¹¹⁵ Там же, стр. 44.

¹¹⁶ ГПБ, ОР, Солов. собр., д. 988 (878), л. 715.

ности и действий тех или иных деятелей, причем в ней принимали участие не только стрельцы и солдаты, но и другие лица из простонародья, находившиеся в Кремле и на Красной площади. В данном случае Кондырева «одобрили» и тем самым псади от расправы многие стрельцы и «конюшенного чину», т. е. служащие по ведомству Конюшенного приказа, который возглавлялся И. Т. Кондыревым с 1676 г.¹¹⁷ В связи с этим любопытно известие, сохраненное в труде П. Н. Крекшина: перед убийством каждого из упомянутых выше деятелей «проповедник, в кругу мятежников стоящий, изъясляше аки бы вины и злодейство убиваемых, яко достойную казнь, прочие же возглашали: „Любо!“». Это же подтверждает А. А. Матвеев, сообщающий, правда, более глухо, что перед расправами в Кремле каждого из обвиняемых, «в тех кругах бунтовских стоя, избличали те (т. е. восставшие.— В. Б.) лжесоставными винами»¹¹⁸.

В описаниях современников и научной литературе довольно много писалось о кровавых расправах, зверствах восставших 15—17 мая 1682 г. Особенно усердны в этом отношении А. А. Матвеев и его последователи. На самом деле беглое ознакомление с фактами показывает, что, несмотря на довольно жестокий характер расправ с Долгорукими, Матвеевым и другими лицами, вполне объяснимый теми унижениями и издевательствами, которые по их прямой вине испытывали стрельцы и солдаты, последние в целом были скорее мягкосердечными, чем кровожадными. Расправившись примерно с двумя десятками «изменников», они тут же прекратили расправы, простили остальных лиц, намеченных для «убиения», за убитого Ф. П. Салтыкова просили прощения у его отца. Еще более характерно их поведение по отношению к престарелому Ю. А. Долгорукому, которого они ненавидели, вероятно, не менее, чем А. С. Матвеева и Нарышкиных. Кровавый душитель разинского восстания, Долгорукий, стоявший во главе карательных войск, послал на виселицы и под топор палача десятки тысяч повстанцев. Возглавляя Стрелецкий приказ, он самым непосредственным образом отвечал за бесчинства стрелецких начальников, более того, он их поощрял. Его близость к новому правительству, одним из ведущих деятелей которого он являлся, дружба с А. С. Матвеевым, заявлявшим о своем намерении укротить стрельцов и доверительно совещавшимся с ним накануне событий 15—17 мая,— все это, конечно, было хорошо известно восставшим. Тем не менее, расправившись с его сыном кн. М. Ю. Долгоруким,

¹¹⁷ С. К. Богоявленский. Приказные судьи XVII в. М.—Л., 1946, стр. 77—78.

¹¹⁸ А. А. Матвеев. Записки, стр. 24—25; П. Н. Крекшин. Краткое описание блаженных дел великого государя императора Петра Великого.— «Записки русских людей». СПб., 1841 (далее—П. Н. Крекшин. Краткое описание), стр. 35.

который утром 15 мая осыпал бранью обступивших царский дворец стрельцов и солдат («Чего ради они к царскому дому невежди сарынью приидоша?»)¹¹⁹, восставшие, пришедшие домой к его отцу для расправы, «раздумав, простили» из-за его тяжелой болезни («бывшу ему во своем его доме немощствующу, болну суцу, еле жива емше со одра»). Более того, они, если верить Розенбушу, просили у него прощения за убийство «в запальчивости» сына «за то, что он слишком грубо отзывался об их правом деле» и был заодно с Матвеевым. Только злобные слова старика Долгорукого: «Щуку убиша, а зубы осташася» (т. е. хотя сын его и убит, но он остался и отомстит за него) заставили стрельцов вернуться. Они убили ненавистного Долгорукого и надругались над его трупом¹²⁰. Пострадало и имущество убитого боярина. Участник восстания московских стрельцов 1698 г. Р. Буданов рассказывал своим товарищам, что он во время восстания 1682 г. «таскал» деньги с двора Ю. А. Долгорукого.

То же проделали восставшие и с телами других «изменников», до того сильно было у них чувство ненависти к убитым! Причем, как говорит Розенбуш, «из умерщвленных никто не погиб от руки полача, потому что всякий стрелец был готов и рад совершить казнь»¹²¹.

И. Келлер пишет, что убитые являлись «жертвами ярости стрельцов», а сами расправы 15—17 мая считал эпизодом восстания, начавшегося полмесяцем ранее. Стрельцы овладели арсеналом и всеми главными пунктами в городе и вне его. Они хотели отомстить тем, кто столько лет глумился над ними. Келлер считает, что стрельцы довольно безучастно относились к придворным делам, хотя и действовали от имени царевича Ивана¹²².

В чем же обвиняли «изменников» восставшие? Для А. А. Матвеева все обвинения восставших в адрес убитых — «затейный вымысел», «подложная, невинная оклеветанная их затейность» и т. д. Так, боярина кн. Г. Г. Ромодановского обвиняли в том, что «будто бы они, стрельцы, будучи под городом Чигириным (т. е. в Чигиринском походе.— В. Б.) в полках под командою его... великое себе озлобление и тягостные несли обиды». Это «будто бы» сопровождает и пересказ обвинений в ад-

¹¹⁹ ГПБ, ОР, Солов. собр., д. 988 (878), л. 715. Сарынь — толпа, ватага, сволочь, чернь (см. В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. IV. М., 1956, стр. 139). По словам А. А. Матвеева, М. Ю. Долгорукий «унижал» стрельцов «жестокими словами» (А. А. Матвеев. Записки, стр. 21); см. также: Розенбуш. Записка, стр. 44.

¹²⁰ ГПБ, ОР, Солов. собр., д. 988 (878), лл. 71 об.—718 об.; А. А. Матвеев. Записки, стр. 25—26; Розенбуш. Записка, стр. 44.

¹²¹ Розенбуш. Записка, стр. 49.

¹²² М. И. Белов. Нидерландский резидент в Москве, стр. 333—336.

рес думных дьяков Л. И. Иванова («будучи правителем прежним Стрелецкого приказа, напрасно их теснил») и А. С. Кириллова («правя Большого прихода приказом, вымысля из сего, накладывал на соль и на всякие съестные харчи пошлыны гораздо тяжелые») ¹²³. Такая позиция автора вполне понятна, как и прочувствованный отзыв об убитом в те же дни боярине И. М. Языкове («благоразумный и знатный муж») ¹²⁴, временщике царя Федора, в правление которого А. А. Матвеев вместе с отцом находился в далекой ссылке.

Повесть из Соловецкого собрания относительно боярина кн. Г. Г. Ромодановского сообщает дополнительные обвинения, предъявлявшиеся ему восставшими служилыми людьми: «Под Чигириным нерадетелно служил, дружа салтану турецкому и хану крымскому ради сына своего, тогда бысть в плену, в неволи, дабы не мучили» ¹²⁵. Между прочим, в отличие от отца, его сына, молодого кн. Ромодановского, восставшие «пощадили,— по словам Розенбуша,— может быть, потому, что имени его не стояло (в списке), а они (стрельцы.— В. Б.) говорили: за то, что двадцать лет находился в плену» ¹²⁶.

Наиболее четко обвинения в адрес побитых деятелей сформулированы в известной челобитной от 6 июня 1682 г., поданной стрельцами и московскими посадскими жителями ¹²⁷. Убитые «злодеи и мятели» обвинялись в различных налогах на служилых людей, обидях, неправдах. Долгоруким вменялись в вину «похвальные слова» (угрозы в адрес стрельцов); они, по словам челобитной, «многих нашу братью безвинно бив кнутом и ссылали в ссылку в дальние города». Старший Долгорукий, будучи в Стрелецком приказе, «нам, холопам вашим, учинил из вашей государской казны денежную и хлебную недодачу, все в перевод». И. М. Языкова «убили за то, что он, стакався с прежними нашими полковники, налоги нам великие чинил и взятки великие имал и прежним полковником на нашу братью наговаривал, чтобы они, полковники, нашу братью били кнутом и батоги до смерти». За великие взятки «со всяких чинов людей», налоги и неправды пострадал думный дьяк А. С. Кириллов, а Л. И. Иванов за то, что был к Долгоруким «приличен» (он слу-

¹²³ А. А. Матвеев. Записки, стр. 24. Ларион Иванов возглавлял Стрелецкий приказ в 1669—1675 гг., а в 1676 и 1677/78 гг. служил в нем под начальством боярина кн. Ю. А. Долгорукого (С. К. Богоявленский. Приказные судьи XVII в., стр. 166—167). Аверкий Степанович Кириллов служил в Приказе Большой казны под начальством боярина И. М. Милославского в 1677—1682 гг., в Приказе Большого прихода под его же начальством в 1677—1680 гг. (С. К. Богоявленский. Приказные судьи XVII в., стр. 27—28, 35—36).

¹²⁴ А. А. Матвеев. Записки, стр. 31.

¹²⁵ ГПБ, ОР, Солов. собр., д. 988 (878), л. 716.

¹²⁶ Розенбуш. Записка, стр. 44.

¹²⁷ ААЭ, т. IV, № 255, стр. 358—359; С. Медведев. Созерцание, стр. 68—69.

жил в Стрелецком приказе вместе с кн. Ю. А. Долгоруким); «да он же, Ларион, похвалялся, хотел нами, холопи вашими, обвесить весь Земляной город вместо зубцов Белого города». Кроме того, у Лариона Иванова изъяли высушенные диковинные морские рыбы, которые с отвращением характеризуются здесь «гадинами змеиным подобием» или «злыми отравными гадинами». Повесть из Соловецкого собрания столь же ярко рассказывает, что в день расправ с Л. И. Ивановым и его сыном Василием их обвиняли в том, что «изменницы» из этих «гадин» готовили отравное «зелье» для того, чтобы «преводити царский род и стрельцов, натирать в вино питье и в бочках отвозити в стрелецкие полки; и егда испиют, тогда вси, реша, погибнут»¹²⁸. Это обвинение в конце концов, конечно, не подтвердилось; находившиеся в это время в Москве торговцы-греки подтвердили, что рыба эта хорошая, а не «отравная». Тем не менее в народе стойко держалось убеждение в том, что «изменники» злоумышляли на здоровье членов царского дома, а также московских стрельцов. Та же июньская челобитная обвиняет в составлении «злого отравного зелья» убитых А. С. Матвеева, докторов Даниила фон Гадена с сыном и Иоганна Гутменша.

«Всякое зло», по словам челобитной, «мыслили» на покойного царя Федора и царевича Ивана Алексеевича Иван и Афанасий Кирилловичи Нарышкины, к тому же примерявшие к себе царскую порфиру. Г. Г. Ромодановскому припоминалась здесь та же изменная чигиринская служба, а полковнику А. Дохтурову и полуполковнику Г. Горюшкину — то, что они во время службы, «ругаяся», стрельцов «били кнутом и батоги без вашего государского указа до смерти».

Из показаний различных источников (челобитная 6 июня. описания современников) выясняется довольно широкий круг обвинений в адрес правящей верхушки. Здесь и претензии, которые выдвигались ранее в адрес стрелецких начальников (вымогательства, взятки, неправды, побои, ссылки и пр.), и обвинения в адрес правительственных деятелей в плохом управлении делами вообще (приказное неправоудие, мздоимство, усиление налогового бремени и т. д.). Тезис об «измене» имел в виду не только предполагаемые замыслы против некоторых членов царствующего семейства, но и плохое ведение военных дел. Кроме того, действиями восставших руководило и опасение, ожидание новых притеснений со стороны правительства Матвеева и Нарышкиных. Это хорошо выразил сочувствовавший восставшим дьячок Аверкий с далекой Ваги, когда писал, что «царские изменники и всему Московскому государству разорители... удумали... вражиим научением, чтоб царский род извести, а стрельцов и солдат опойть лютым зельем и змеями, а иных было по-

¹²⁸ ГПБ, ОР, Солов. собр., д. 988 (878), лл. 719—719 об., 723—723 об.

бивать, а им бы царством владеть и всю святорусскую землю»¹²⁹. Как и во всех рассуждениях и обвинениях восставших, в этих немудреных словах важского дьячка бьет в глаза наивный монархизм и суеврие. Но нельзя не заметить и другого: в них виден трезвый взгляд на положение дел в стране: ведь ее «разоряют» эти бояре-«изменники», стремящиеся владеть, распоряжаться и бесчинствовать во всем «царстве», в «святорусской земле», боль за страдания которой испытывает скромный дьячок из северного захолустья. Недаром он с таким сочувствием пишет о восстании 15 мая: «И божиею милостию и московских чудотворцов, не хотя господь бог им, изменникам, в наругательство отдать Московское государство... видя от них, изменников, таковое умышление, и в городе в Кремле у Спаскии башни в набатной колокол ударили»¹³⁰.

Не все было верным и точным в обвинениях, предъявленных восставшими «изменникам». Так, помимо фантастических утверждений об «отравных гадинах», в челобитной 6 июня выдвигается столь же нелепое обвинение в адрес боярина кн. Ю. А. Долгорукого «с товарищи» в том, что они «подменили» Федора Петровича Салтыкова, подставив его «вместо Ивана Нарышкина, хотя его от зломысленных дел и от смерти свободить, велели его, Федора, с крыльца бросить»¹³¹. На самом деле стрельцы сами по ошибке убили Ф. П. Салтыкова, приняв его за ненавистного И. К. Нарышкина, и просили в том прощения у его отца боярина П. М. Салтыкова, на что последний ответил: «Божья воля»¹³². Победившие повстанцы поступили в данном случае, строго говоря, неблагородно, когда, будучи хозяевами положения, сваливали свою вину на убитых бояр. Но нужно иметь в виду, что в той обстановке бурного восстания, которая царила 15—17 мая, народная стихия переклестывала иногда через край. При той крайней ненависти к правителям, которая бушевала в среде восставших, все могло случиться.

Возвращаясь к обвинениям в адрес убитых правителей, мы можем сказать, что они в целом верно и точно отразили народное недовольство, особенно служилых людей — стрельцов и солдат, режимом угнетения, притеснений, характерными для правления царя Федора. Обоснованность этих обвинений, справедливость расправ сознавались не только стрельцами и солдатами, которые являлись главной движущей силой восстания, но даже и некоторыми их идейными противниками из русских и иностранных современников (например, С. Медведевым, Розенбушем и др.), не говоря уже об их доброжелателях (дьячок Аверкий,

¹²⁹ М. Н. Тихомиров. Заметки, стр. 99.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ ААЭ, т. IV, № 255, стр. 359; С. Медведев. Созерцание, стр. 69.

¹³² Розенбуш. Записка, стр. 44; ГПБ, ОР, Солов. собр., д. 988 (878), л. 715 об.

автор повести из Барсовского собрания). Главное же заключалось в поддержке московского народа, толпы которого присутствовали 15—17 мая в Кремле, на Красной площади и шумно одобряли расправы с ненавистными «изменниками» и, вероятно, сами принимали в них некоторое участие. Когда источники сообщают о московском народе, трудно понять, какие его слои имеются в виду. Челобитная 6 июня перечисляет в этой связи гостей, кадашевцев, жителей дворцовых слобод, затем всех посадских людей вообще и, наконец, ямщиков¹³³. Дьячок Аверкий говорит о «московских людях черных слобод и всяких чинов», сбежавшихся на Красную площадь, Розенбуш — о «всякой сволочи» на Красной площади, другие источники — о «народе», «черни» вообще. Таким образом, можно думать, что речь может идти прежде всего о многочисленном московском плебсе, в той или иной степени поддержавшем движение.

Более сложным является вопрос об отношении к восстанию холопов. В трудах историков XVIII и XIX вв. широкое хождение получила версия, согласно которой холопы будто бы удерживали стрельцов от выступления. «Тогда люди боярские,— утверждает П. Н. Крекшин,— стрельцам говорили: „Перестаньте более деяти злодеяния! Доколе нам молчать? Что вскоре холопы могут согласиться и вооружиться против стрельцов“. А число тех людей было тогда в Москве вдвое числа стрельцов». Более того, автор убеждает читателя, что и вся московская «чернь», т. е. простой народ, «склонилась на стрельцов, токмо ожидала начала от людей боярских, а люди боярские от господ». Далее они будто бы говорили стрельцам: «Лежать будет вашим головам на площади; до чего вы добунтуете? Русская земля велика: вам не овладеть»¹³⁴. Эта версия, весьма далекая от действительности, не может быть принята, поскольку она противоречит данным всех других источников, которые говорят о поддержке восстания московской «чернью», в том числе частью холопов.

Нидерландский резидент, наоборот, считает, что восстание стрельцов 15—17 мая сомкнулось с выступлением холопов. Стрельцы, порвавшие регистры и документы, подтверждающие рабское состояние, хотят этим приобрести приверженцев (поскольку холопов в России насчитывается до 100 тыс. человек)¹³⁵.

Очевидно, что при изучении позиции как всего московского народа, так и холопов нельзя говорить об одинаковом отношении к восстанию различных их слоев. Выше мы видели, что во время расправ одна часть (подавляющее большинство) народа охотно приветствовала их, другая (меньшинство «избранных»)

¹³³ ААЭ, т. IV, № 255, стр. 358; С. Медведев. Созерцание, стр. 68.

¹³⁴ П. Н. Крекшин. Краткое описание, стр. 38.

¹³⁵ М. И. Белов. Нидерландский резидент в Москве, стр. 337; он же. Письма, стр. 381.

делала это неохотно или, вероятно, вообще уклонялась. Такая же картина имела, вероятно, место и в среде холопов, положение которых при господских дворах было неодинаковым. Холопская «аристократия» нередко верой и правдой, как известно, служила своим господам, сопровождая их в походах, в том числе и во время подавления народных движений, например во времена разинского восстания и др. Масса же холопов сама нередко составляла мощный резерв народных движений, как было, например, во время Крестьянской войны начала XVII в. Вспомним также, что в 1662 г. одни холопы платились головами за участие в «Медном бунте», другие получали награду и царскую похвалу за его подавление вместе со своими господами.

Эту двойственную природу холопов и соответственно возможность колебания в их позиции по отношению к восстанию хорошо уловил Розенбуш: «Стрельцы ставили на вид, что если б они промедлили (с выступлением 15 мая.— В. Б.), то были бы все погублены, потому что решено было (кем? властями? — В. Б.) вооружить всех боярских холопей (которых число было гораздо больше стрельцов) и наступить на них, что произвело бы больше кровопролития, и весь город подвергся бы огню и мечу. Стрельцы некоторым образом боялись холопей, но когда увидели в понедельник (15 мая.— В. Б.), что холопы держат себя смиренно, то напали на Холопий приказ, изорвали все бумаги и записи, коими холопы письмененно закреплялись за боярами, чем и снискали их дружбу»¹³⁶.

В этом свидетельстве некоторые пункты вызывают сомнения. Так, маловероятно, чтобы стрельцы и солдаты ускорили восстание из-за того, что боялись выступления холопов, которых кто-то решил вооружить. Во-первых, стрельцы и солдаты были по существу единственной реальной в тот момент вооруженной силой. Правительство не могло в середине мая что-либо предпринять. А. А. Матвеев в этой связи говорит, что при царском дворе «небезизвестно было» о готовящемся «бунте», но ввиду его «мнимого нечаяния» и отсутствия «важной причины» для него «надлежащую свою предосторожностью от себя тогда не упредили»¹³⁷. Во-вторых, правительство действительно провело мобилизацию дворян с их холопами, но смогло это сделать гораздо позднее — осенью 1682 г., когда обстановка существенно изменилась.

Что же касается слов Розенбуша о том, что стрельцы боялись холопов, то они имеют под собой основания, что впоследствии и подтвердилось в ходе событий. В начале же движения основная масса холопов, очевидно, поддерживала выступление против правительства и господ или соблюдала нейтралитет.

¹³⁶ Розенбуш. Записка, стр. 48.

¹³⁷ А. А. Матвеев. Записки, стр. 19.

Известно, например, что ряд наиболее ненавистных лиц, которых искали повстанцы, был выдан холопами. Так, брата царицы Натальи Кирилловны Афанасия Нарышкина, спрятавшегося в алтаре под престолом в церкви Воскресения Христова на Сенях, указал ее «карла» по прозвищу Хомяк. Злобные слова Ю. А. Долгорукого по адресу повстанцев, стоившие ему жизни, «пересказал» стрельцам его «раб и наветник». И. М. Языкова, скрывшегося у своего духовника в церкви святителя Николая на Хлынове между Тверскими и Никитскими воротами, тоже выдал стрельцам «некоторого дому раб, знаемый ему». Языкову не удалось откупиться дорогим перстнем, который он подарил этому «рабу», встретившемуся ему по дороге¹³⁸.

Эти примеры достаточно ярко характеризуют отношение некоторых холопов к своим или чужим господам. С другой стороны, повстанцы прекрасно понимали, что холопы нередко занимали положение «приближенных» при своих господах и могли представлять опасность для них. Из источников известно, что, когда они вошли в Кремль, то приняли решительные меры по отношению к боярским холопам, находившимся при лошадях и повозках своих господ, которые съехались в царский дворец. В разрядной записи говорится, что стрельцы, солдаты и пушкари в Кремле «стреляли из ружья и побили боярских людей и лошадей многих, а иных переранили». О том же пишут также С. Медведев, А. А. Матвеев и Розенбуш, причем первый называет цифру — 9 убитых холопов, а Розенбуш сообщает об убийстве восставшими, помимо знатных лиц и докторов, еще монаха и 48 человек писцов, стрельцов и простолюдинов, не выделяя в числе последних холопов¹³⁹.

Сообщение о разгроме восставшими Холопьево, а также Судного приказов также подтверждается другими источниками. Разрядная запись, сентябрьская царская грамота и С. Медведев датируют это событие 15 мая. В этот день восставшие «разорили» оба приказа, а все «письма всяких дел, — по словам Медведева, — передрали и обещалися уставить правду, а холопом боярским волю дати». Это обещание, которое не могло не привлечь холопов, автор объясняет просто: его дали для того, «чтоб на них, служивых, з боярских дворов холопи не встали и споны им в том их злом умышлении не учинили»¹⁴⁰. О финале этих действий повстанцев Желябужский пишет, что оба приказа они разорили «без остатку, не осталось ни одново дела»¹⁴¹.

¹³⁸ А. А. Матвеев. Записки, стр. 23, 25, 31.

¹³⁹ С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 333; С. Медведев. Созерцание, стр. 55; А. А. Матвеев. Записки, стр. 25; Розенбуш. Записка, стр. 50; см. также: «Дневник зверского избиения...», стр. 20.

¹⁴⁰ С. Медведев. Созерцание, стр. 56, 101; см. также: ААЭ, т. IV, № 262, стр. 373; С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 334.

¹⁴¹ И. А. Желябужский. Записки, стр. 2.

В связи с этим известием представляет большой интерес один документ, сохранившийся в собрании покойного академика М. Н. Тихомирова: на столбце из 10 сставов записано, что 20 августа 1686 г. стольник кн. М. Ф. Жировой-Засекин «с товарищи» (они возглавляли Холопий приказ)¹⁴² приказали выдать стольнику И. В. Кожину «выпись» с «московской записной старых крепостей книги» на четырех его крестьян. При наведении справок оказалось, что Кожин бил челом по тому же делу еще 13 апреля 1685 г., когда он писал: «Старые де у него крепости на людей и на крестьян были записаны в Приказе холопья суда, а в смутное время приказ разорен, книги и дела подраны, и великие государи пожаловали б его, велели те ево старые крепости записать вновь»¹⁴³.

Бывший стрелецкий голова И. А. Мещеринов в 1684 г. обратился в Приказ холопья суда с просьбой дать выпись на его «полонного человека» (холопа) литвина Ф. Константинова, который служил у него «по полонному взятю лет з дватцать и больши. А полонная выпись на него была и в смутное время утерялася»¹⁴⁴. Тот же Мещеринов в 1685 г. просил выдать ему ссудную запись на крестьянина С. Агеева, женившегося на его «старинной девке» Т. Филипповой; та ссудная у него «утерялась», а записные книги Холопьяго приказа «в [с]мутное время изодрали»¹⁴⁵.

Крекшин сообщает такие подробности: стрельцы, «угождая холопьям», разграбили Холопий приказ, а все «крепости» разодрали и разметали по площади (в Кремле, вероятно), «хотя холопей от всех господ учинить свободных и склонить к своему совету». По всей Москве они велели на боярских дворах кричать об освобождении холопов. Именно это холопы будто бы «и слышать не хотели и стрельцам воспрещали с грозой»: «Лечь будет вашим головам на площади; до чего вы добунтуете? Русская земля велика: вам не овладеть»¹⁴⁶. Автор старается показать, что холопы отказывались от предлагаемой им свободы, не замечая того, что они, спустя каких-нибудь полторы недели, подали правительству челобитную с просьбой о своем освобождении.

ПРАВЯЩИЕ ВЕРХИ ВО ВРЕМЯ СОБЫТИЙ 15—17 МАЯ

Многие авторы преувеличивали роль отдельных придворных лиц в событиях 1682 г. Не избежал этого и новейший исследователь вопроса. А. П. Станевич, вообще придающая немалое значе-

¹⁴² С. К. Богоявленский. Приказные судьи XVII в., стр. 208.

¹⁴³ Сибирское отделение АН СССР, Ин-т истории, философии и филологии, рукописный отдел Гос. публичной научно-технической библиотеки, Собрание М. Н. Тихомирова, столбцы, д. 5, лл. 1—10.

¹⁴⁴ ГПБ, ОР, Q. IV, 121, л. 159.

¹⁴⁵ ЧОИДР, 1869, кн. 4, Смесь, стр. 21—22.

¹⁴⁶ П. Н. Крекшин. Краткое описание, стр. 38—39.

ние действиям отдельных лиц из придворных кругов, считает, что факт постороннего влияния в восстании 1682 г. («стрелецком движении»), в частности во время расправ 15—17 мая, «совершенно бесспорен». Это видно, по мнению автора, из того, что раздавался ропот против Матвеева, не имевшего ровно никакого отношения к стрелецкому войску (?!), а вот-де И. К. Нарышкин в качестве оружейничего имел к стрельцам и солдатам непосредственное отношение. Эти доводы ни в коей мере нельзя принять — Матвеев, ставший во главе правительства и поставивший задачу пресечь начавшееся восстание, вызывал ненависть его участников не меньше, если не больше, чем молодой, заносчивый и неопытный И. К. Нарышкин. Автор, как и многие до него, склоняется к мысли о влиянии на стрельцов партии Милославских. Именно под влиянием Софьи они решились на дворцовый переворот. «Эта мера — продукт дворцовой агитации». Восстание 15—17 мая было якобы подготовлено и вызвано Софьей. Требования о династических правах царевича Ивана также, считает Станевич, шли из дворца, от агентов Софьи¹⁴⁷.

Станевич считает далее, что в движении 1682 г. сливаются стремление стрельцов сохранить или улучшить свое положение, избавиться от притеснений начальства и надежды Софьи и ее клевретов добиться власти с помощью стрельцов. Оба потока смыкаются перед 15 мая, действуют вместе до 26 мая — до образования нового правительства. Затем начинается их быстрое размежевание, закончившееся поражением «стрелецкого мятежа»¹⁴⁸.

В этой общей характеристике Московского восстания 1682 г. удивляет то, что автор считает однозначными «два потока» — движение стрельцов (почему только их одних?) и действия партии Софьи. К тому же они сначала сливаются, потом размежеваются! Речь может идти о восстании стрельцов и других слоев московского населения. Партия же Софьи не может рассматриваться как участник движения. В этом нас убеждают показания источников.

По признанию А. А. Матвеева, правительственные верхи, хотя и были осведомлены о волнениях в расквартированных в Москве стрелецких и солдатских полках, все же были застигнуты врасплох событиями, начавшимися 15 мая. Вероятно, они считали, что удовлетворение просьб, содержавшихся в челобитных стрельцов и солдат в конце апреля — начале мая, уже должно было сделать свое дело, т. е. сбить разгоравшееся пламя восстания. Малоопытное правительство Нарышкиных, пришедшее к власти после 27 апреля, сочло возможным, не принимая дополнительных мер, заняться текущими делами.

¹⁴⁷ А. П. Станевич. Указ. соч., стр. 240—244.

¹⁴⁸ Там же, стр. 241.

Оно распределяло должности и чины между своими сторонниками, прежде всего среди самих Нарышкиных и ближайших клеврегов, пыталось (правда, безуспешно) выслать из Москвы часть волновавшихся стрелецких полков. В конце концов правительство возложило все надежды на возвращавшегося из ссылки боярина А. С. Матвеева. Последний собирался навести порядок в пораженной бунтарским духом столице, проводил по этому поводу совещания с кн. Ю. А. Долгоруким и, вероятно, другими деятелями, близко стоявшими к кормилу государственной власти. Но правительство не учло высокий накал нарастающего движения, с самого начала поставившего себе определенную цель — не только добиться наказания непосредственных начальников, но и предьявить счет правительству, его наиболее известным и ненавистным для них представителям. Получив согласие центральной власти на наказание своих начальников и взыскание с них уворованных сумм, стрельцы и солдаты потребовали в дальнейшем возвращения «заслуженных денег» за многие годы, в той или иной степени удержанных с них по различным поводам. Кроме того, их чувство ненависти к власти имущим, накопившееся за долгие годы, не нашло себе полного выхода в конце апреля — начале мая.

Придворные круги несколько раз пытались предотвратить события, разыгравшиеся 15—17 мая. Восставшие пришли в Кремль утром 15 мая, как раз тогда, когда съехавшиеся в царские палаты бояре и другие думные чины начали разъезжаться после совещания о всяких текущих делах: «Тогда же случившимся в царских полатах боярам всем и вельможам сидящих о делах царских токмо наченших разъезжаться»¹⁴⁹. А. А. Матвеев пишет, что его отца боярина А. С. Матвеева, который уже спустился из царского дворца с дворцовой каретной лестницы, называемой также «спешной», встретил боярин кн. Ф. С. Урусов и извещил, что восставшие стрельцы уже в Земляном городе и входят в Белый город. Оба боярина возвратились во дворец и донесли об этом царице Наталье Кирилловне. Последовало быстрое повеление подполковнику стремянного полка Г. Горюшкину закрыть все кремлевские ворота. Но было уже поздно¹⁵⁰.

Восставшие вошли в Кремль и взяли все под свой контроль. С. Медведев сообщает, что в такой грозной обстановке придворные власти послали за патриархом Иоакимом, чтобы он шел «вверх к государю, не мешкая». Тот немедленно пришел во дворец вместе с присланным за ним боярином (его фамилию автор не называет). В разрядной записке сказано, что после того как стрельцы, солдаты и пушкарки, «пришед к Красному крыльцу, стали во всем своем ополчении», к ним вышел по царскому указу

¹⁴⁹ ГПБ, ОР, Солов. собр., д. 988 (878), л. 713.

¹⁵⁰ А. А. Матвеев. Записки, стр. 19—20.

боярин кн. И. А. Хованский. По повести из Соловецкого собрания, Хованский «срете их против соборныя церкви (т. е. против Успенского собора в Кремле.— В. Б.) на площади у патриарша двора» (возможно, Хованский возвращался от патриарха). Он спросил их: «Чесо ради таким великим собранием и шумом пришли?» (в разрядной записке: «Для чего ваш так приход?»). Восставшие ответили ему, «будто изменяют великому государю бояре», и потребовали «оказать» им якобы убитого боярами-«изменниками» царевича Ивана Алексеевича. «Слышав же сия,— говорится в повести,— боярин со скоростию побеже вверх ко государю». Боярин П. М. Салтыков также «извещал» царское семейство о требованиях восставших. Затем к стрельцам вышел патриарх Иоаким. Повесть сообщает, что патриарх, видя восставших «смущающихся, нача учити и плакаться пред ними, дабы во царстве пагубы не сотворили и от мятежу престали». Но его уговоры оказались безуспешными: «Они же и в дело его не поставиша, вси возопиша, яко: „Ты не речеши нам ничто же и не слушаем тя, поне же ты лжеши“». Он же отъиде от них». Никифоровский летописец XVIII в., пересказывающий содержание повести, добавляет при этом: «И хотяху его убити»; впрочем, это известие, вероятно, не что иное, как позднее добавление, сделанное с целью сгустить краски, драматизировать изложение. Вслед за этим вниз сошел тот же И. А. Хованский и сказал, чтобы по царскому указу ожидали выхода царя Петра и царевича Ивана¹⁵¹.

А. А. Матвеев сообщает, что на необходимости показать восставшим царя и царевича настаивали перед царицей Натальей Кирилловной ее отец и брат Иван и боярин А. С. Матвеев. Повесть из Соловецкого собрания подробно перечисляет тех, кто вышел на Красное крыльцо из «царских чертогов... из-за преграды»: Наталья Кирилловна, царь Петр, царевич Иван, бояре кн. Ф. Ф. Куракин, кн. М. Л. и М. А. Черкасские, кн. Н. И. и Я. Н. Одоевские, кн. И. А. Хованский, П. М. Салтыков, П. В. Шереметев, кн. М. Ю. и В. Д. Долгорукие, кн. Ю. И. и Г. Г. Ромодановские, И. Б. Хитрово, кн. И. Б. Троекуров, В. С. Волынский, А. С. Матвеев, К. П. Нарышкин «и прочие бояре и околничие, и думные люди, и весь их государской сигклит, комнотные ближние быша с ними же, великими государи». Присутствовали также патриарх Иоаким, дядька царевича Ивана боярин кн. П. И. Прозоровский и др. Восставшим «объявили» царя Петра и царевича Ивана. Они стояли на перилах Красного крыльца «у столпа от Грановитой палаты». Согласно повести, старшая царица и «государи» восставшим «речь... многую... жаловали, говорили». По Матвееву, «те злочестивыя изменники», несмотря на то, что «у того крыльца

¹⁵¹ ГПБ, ОР, Солов. собр., д. 988 (878), л. 713—713 об.; ГБЛ, ОР, Никифор. собр. (ф. 199), д. 69, л. 101 об.; С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 333.

деревянная решетка в дверях заперта была, однако ж... подставя лестницы, дерзали говорить с самими их особами царскими с великою невежливостью своею смелою и, как львы рыкая, нагло спрашивали его, царевича самого, что „он ли есть прямой царевич Иоанн Алексеевич? Кто его из бояр изменников изводит?“». Последний отвечал им, «что он ни от кого никакой себе злобы не имел, и никто его не изводит, и жаловаться ни на кого не может»¹⁵².

Вниз к восставшим, по сообщению разрядной записки, послали «уговаривать» бояр кн. М. А. Черкасского, кн. И. А. Хованского, П. В. Шереметева Большого, кн. В. В. Голицына. По повести, бояре «по их государскому изволению... выговаривали, что они (восставшие.— В. Б.) напрасно помutilиcя, и про царевича государя им го всем солгали, и пронесли те речи некакие смутники». И далее они сказали им: «Се наши государи... здравствуют, вы же о чем смутилиcя? и крест ему, государю, целовали». Стрельцы, видя обоих государей, «с плачем от радости великой поклонишася до земли и знамена и копия поклонили». Бояре напомнили им о том, что они получили удовлетворение своих жалоб на полковников, «а за прошлые годы заслуженное жалование, денги и хлеб, указано выдать»¹⁵³. Здесь неясно сообщение об удовлетворении требований стрельцов и солдат о выдаче «заслуженного жалованья» за прошлые годы. Когда оно было удовлетворено? После челобитной конца апреля — начала мая? Тогда последовало решение только о взыскании денег с полковников, а счет за прошлые годы стрельцы и солдаты предъявили после событий 15—17 мая. Возможно, упоминающийся в повести факт свидетельствует о маневре властей, предпринятом с целью предотвратить эти события.

А. А. Матвеев сообщает, что попытку уговорить восставших сделал и его отец: спустившись вниз по лестнице к стрельцам, он напомнил им их прежние службы и «верность», особенно во время «Коломенского бунта» 1662 г. Некоторые из стрельцов «в рассуждение то приняли и стали себя окорачивать и вдали себя, по кредиту многобывшей его, боярина Матвеева, с ними службе, в его об них заступление и рассмотрение». Об этом боярин Матвеев донес «их величествам». Но дело испортил, как изображает автор, кн. М. Ю. Долгорукий, который, «к ним, стрельцам, вышедши, унимал их жестокими словами, чтоб они тотчас назад шли в свои полки из Кремля». Вслед за этим рассирепевшие стрельцы убили М. Ю. Долгорукого, затем по наущению «адьютантов» Милославского принялись за А. С. Матвеева и других¹⁵⁴.

¹⁵² А. А. Матвеев. Записки, стр. 20; ГПБ, ОР, Солов. собр., д. 988 (878), л. 713 об.

¹⁵³ ГПБ, ОР, Солов. собр., д. 988 (878), лл. 713 об.—714.

¹⁵⁴ А. А. Матвеев. Записки, стр. 21—22.

В этом сообщении обращает на себя внимание, что среди стрельцов даже в этот момент наивысшего подъема восстания имелись колеблющиеся, сомневающиеся, в первую очередь из числа старых, наиболее консервативных, очевидно, кругов стрелецкого войска (например, из тех, кто служил еще со стрелецким головой А. С. Матвеевым).

К восставшим выходил, как свидетельствует С. Медведев, патриарх Иоаким. Но восставшие не приняли его: «Не истребуем никаких ни от кого советов!»¹⁵⁵ Впрочем, автор, возможно, имеет в виду выход патриарха еще до «оказания» стрельцам и солдатам царя и царевича. Если же это не так, то тем самым патриарх дважды предпринимал попытки уговорить восставших.

Все усилия царствующих особ, патриарха и бояр предотвратить выступление окончились провалом. Дело было, конечно, не в поведении М. Ю. Долгорукого, а в решимости восставших добиться своего. Они предъявили требование о выдаче «изменников», «и великий государь (Петр. — В. Б.) указал им сказать, что их у него... никого нет в верху»¹⁵⁶. Но это была заведомая неправда, и все это понимали. Восставшие ворвались на Красное крыльцо, затем в «царские чертоги», и началась расправа. А. С. Матвеева, державшего под руку юного царя Петра, восставшие выхватили из толпы приближенных, несмотря на заступничество кн. М. А. Черкасского. Далее они «внидоша и в царский дом за преграду, по всем царевым полатам, яко на приступ, вверх по лестницам идяху во царские чертоги, иде же сами царие сожительствоуют и собеседуют з бояры о тайных царских вещех» — так повествует об этом с трепетом и ужасом автор повести из Соловецкого собрания¹⁵⁷. Царское семейство удалилось в свои покои, как говорит А. А. Матвеев, «с ужасом и с плачем горьким» («в велице страсе», по С. Медведеву). Придворные, по словам Медведева, «убоявшеся, начаша бежати и хоронитися, кто камо возможе»¹⁵⁸.

В то время, когда восставшие искали «изменников» по царским палатам, члены царского семейства («благочестивыя же великия государи и благоверныя государыни») к ним «умилно глаголюще со упрошением, дабы престали от такова злаго начинания; почто суетный их мятеж? Се зде царевич Иоанн Алексеевич, кто вам сия помути? И глаголете, яко убиен бысть, кто вам сказа и кто может на такое дело дерзати? Се ныне здравствуют вси, зде ничего не бывало, чего ищете?» Восставшие отвечали: «Бояр ищем изменников!» Царствующие особы, в том числе и «ноипаче» царевна Софья, снова вышли на Красное

¹⁵⁵ С. Медведев. Созерцание, стр. 53.

¹⁵⁶ С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 333.

¹⁵⁷ ГПБ, ОР, Солов. собр., д 988 (878), л. 715—715 об.

¹⁵⁸ А. А. Матвеев. Записки, стр. 22; С. Медведев. Созерцание,

крыльцо и увещевали восставших: «Почто сей мятеж учинился? Кто вам помутит, яко и дому нашему царскому на разорение приидосте, еже чего от века не слыхано? Вы же что творите, паче иноплеменник, супостат наших, содеваете нам?». Они же, по словам автора повести, «не устрашишася царского величества... не послушавше царского прошения, хождаше по царским чертогам с копиями, яко пси лающе, в доме цареви скверный глаголы испущают, кричаще: „Отдайте изменников!“»¹⁵⁹.

Таким образом, восставшие, пришедшие в Кремль защищать интересы обиженных членов царского семейства, действовали в соответствии со своим планом, не обращая внимания на просьбы и мольбы тех, кого они пришли защищать. Интересно в этой связи, что приведенная выше «речь» к восставшим в Никифоровском летописце приписывается Софье Алексеевне¹⁶⁰. Заметим кстати, что те или иные «речи» придворных лиц или участников восстания, приводимые в источниках, могут быть плодом выдумки авторов, часто применявших этот литературный прием, но в какой-то степени могут и отражать настроения действующих лиц.

Переговоры восставших с царскими особами продолжались и 16 мая. В этот день восставшие требовали выдачи бояр К. П. и И. К. Нарышкиных: «Аще ли им не отдадутся и от них, государей, с верху им сведени не будут, тогда, реша, побиени будут вси бояре. И великие государи со всем своим царским домом просиша у них уреченнаго дне, среды мая 17-го числа». Другие восставшие просили «дохтура жидовина Стефана»¹⁶¹. Эти известия подтверждаются и другими источниками. Повесть из Мазуринского летописца сообщает, что царь, царицы и царевны в ответ на требование о выдаче И. К. Нарышкина «упросили у них сроку со слезами до утрея. И они да утрея сроку дали». Они же «со слезами» просили отпустить захваченного восставшими Аверкия Кириллова, но безуспешно¹⁶². В разрядной записке эти переговоры с восставшими приписываются одним царевнам, которые, помимо прочего, «выходили к ним говорить... чтоб они, помня крестное целованье, так к ним в дом их государев не приходили с невежеством»¹⁶³. Наконец, Розенбуш добавляет, что за жену врача-иностранца Даниила фон Гадена просила «младшая царица, которой стрельцы еще несколько совестились». По его же утверждению, в этот день царица Наталья Кирилловна упросила восставших оставить жизнь ее отцу и трем младшим братьям. Все они заплатились ссылкой, а первый к тому же был пострижен. Это верно, но договоренность

¹⁵⁹ ГПБ, ОР, Солов. собр., д. 988 (878), лл. 716 об.—717.

¹⁶⁰ ГБЛ, ОР, Никифор. собр., д. 69, л. 103—103 об.

¹⁶¹ ГПБ, ОР, Солов. собр., д. 988 (878), л. 719.

¹⁶² М. Н. Тихомиров. Записки, стр. 450.

¹⁶³ С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 334.

по этому вопросу была достигнута не 16 мая, а на следующий день.

Тот же Розенбуш пишет, что 17 мая восставшие в переговорах с членами царского семейства согласились даровать жизнь К. П. Нарышкину и трем его младшим сыновьям, но снова решительно потребовали выдачи И. К. Нарышкина, а также Д. фон Гадена: «Отдайте или мы отыщем сами и тогда хуже будет». «Старшая царица (Наталья Кирилловна.— В. Б.) просила подождать немного и пошла к младшей царице (Марфе Матвеевне.— В. Б.) и царевнам просить их о ходатайстве, просила патриарха прийти с образом божией матери и, наконец, вывела брата», т. е. И. К. Нарышкина. «Все они пали на колени пред стрельцами»¹⁶⁴. 17 мая датируются переговоры о судьбе К. П. Нарышкина в разрядной записке и повести из Мазуринского летописца¹⁶⁵. В последней опять подчеркивается, что царь, царицы и царевны «упрашивали» восставших «со слезами». Стрельцы «простили» К. П. Нарышкина, но умолений об И. К. Нарышкине «не послушали».

Наиболее подробно переговоры 17 мая описываются в повести из Соловецкого собрания¹⁶⁶. Оба «государя», царицы и царевны «все изыдоша к ним (восставшим.— В. Б.) к преградным дверем со образом пречистыя богородицы честнаго ея знаменія, реша им: „Кто вы смяте, яко царевич убиен бысть, и в кия времена Иоанн Нарышкин в царския одежды облачахся или нас безчестил, бил и за власы драл? Сия помути вам ненавистник всех православных христиан диявол и ученицы его, ложныя смутницы, зломысленныя челоовецы, како бы сотворити волю отца своего диявола, помутити государством, вместиша безделную речь, чего помыслити человеческим разумом не вместисю. ничего того не бысть“». Автор подчеркивает, что царствующие особы «говорили такими милостивыми, плачевными, умиленными словесы, яко источники перед ними точаше слезы с великим упрошением, дабы от мятежа и межоусобства отстали и престали приходити к царским чертогам с шумом и з бесчестием». Они пустили в ход еще один козырь: если бы даже они попали в плен к турецкому султану или к польскому королю, то-де даже они «над нами честь и милость показали». «Вы же,— продолжали они,— нам преслушни явистеса, прежде сего никто наших царских чертогов не знал, аще допущенных наших ближних людей по нашей царской милости и обычаю». Далее восставшим выговаривали, что они в царских «чертожных полатах» «страх деюще, всякого от вас бесчестия, шуму и барабанного стучания...

¹⁶⁴ Розенбуш. Записка, стр. 45, 46.

¹⁶⁵ С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 334; М. Н. Тихомиров. Записки, стр. 450.

¹⁶⁶ ГПБ, ОР, Солов. собр., д. 988 (878), лл. 720—721 об.

видехом и сами к вам изыдохом кольми болезненно, яко и солнце лиц наших не виде». Далее тон этой «речи» становится просительным: «Пожалуйте, умилитесь над нами для образа пречистойя владычицы нашей богородицы! Уже вы с теми управишася. кто вам бысть досаден и надобен, а Иоанн Нарышкин чем вам досадил? Безвинного просите, ей-ей!» Снова последовала просьба о пощаде И. К. Нарышкину, Д. фон Гадену. Но восставшие «и образ пречистойя богоматере презреша, на умоление пред сим не склонишася и царского прошения не послушавше, озлобишася, яко пси во время ловителства, воскричаша с прошением зелным». Повстанцы потребовали выдачи царицына брата, а ее отца согласились оставить в живых, но при этом сослате «в пустоезерския пределы — того ради, яко они суть царский род хотяху изводити». Восставшие сравнивают Нарышкиных с Б. Годуновым, захватившим престол после убийства царевича Дмитрия. Характерно в связи с этим, что восставшие приурочили свое выступление против правительства ко дню поминовения Дмитрия, погибшего 15 мая 1591 г. За грех Б. Годунова бог послал «многмятежное время, велий глад и мечь», Московское государство захватили иноплеменики. Если сейчас великие государи «не поволят» выдать им «тех воров и изменников», «и от них будет такое же воровство, каково бысть от Бориса Годунова». Восставшие далее угрожали: «Мы, рече, и сами, взяв жен своих и детей, пойдем из государства вон». Они кричали: «Ваша государская воля, изменников выдайте; а когда вам надобны воры, — и вы с ними оставайтесь в государстве своем, мы же и сами пойдем в иное царство, побрав жен своих и детей».

Обстановка во время этих бурных переговоров восставших с властями, как говорится в повести, сильно накалилась. Но в то же время даже в этот момент полного единодушия в их рядах не было, если судить по следующим словам автора повести: «Из них же и многия избранныя люди отступиша уже, и самим им бысть от мятежников непокоривое преслушание к старейшинам». Вероятно, «избранные люди», «старейшины» делали какие-то попытки «образумить» массы восставших, но все было безуспешно — они «превратишася во свирепство».

Царевич Иван со своими сестрами-царевнами «уже им, окаянным, трижды поклонишася, но не упросиша и поидоша» с иконой в свои покои. Изложенное выше говорит о том, что все разговоры о защите прав царевича Ивана, о стремлении Нарышкиных извести «царский род» нужны были восставшим как своего рода вуаль, оправдание и прикрытие их действий.

Вскоре после этого к восставшим вывели И. К. Нарышкина его сестра царица Наталья Кирилловна и мать Анна Леонтьевна. Во дворце царил страх. Боярин кн. Я. Н. Одоевский, по словам А. А. Матвеева, «честный и старый муж», но «по природе своей гораздо боязливый и весьма торопкий человек», довольно точно

и ярко выразил общее настроение, обратившись к царице Наталье с такими словами: «Сколько вам, государыня, ни жалеть, отдавать вам его нужно будет, а тебе, Ивану, отсюда скорее идти надобно, нежели нам всем за одного тебя здесь погубленным быть»¹⁶⁷. Как видим, придворная верхушка вполне ясно сознавала грозную опасность, нависшую над всеми знатными и богатыми.

Восставшие, схватив И. К. Нарышкина и издеваясь над ним по дороге, повели его в пыточную Константино-Еленинскую башню, мрачные своды которой не раз оглашались воплями простых людей, осмелившихся словом или делом выступить против властей. Теперь туда вели знатного боярина, брата самой царицы!

По дороге восставшие кричали ненавистному боярину-выскачке: «Помниши ли, как ты нам при царе Алексее Михайловиче... поругался, бил, пхал и толкал с лестниц, прямо главою телали на землю?» Вспомнили ему и «умышления» на царя Федора, который в гневе сослал его, и как надевал на себя царские одежды, сидел на царском месте. В башне его спрашивали: «Каково хотение бысть воцаритися и чесо ради на себя одеяние царское надевал и на царстем месте садился, и многую царскую казну имал, и лучшие кони после царя Федора Алексеевича... с конюшен побрал себе, и много ли казны взял?»¹⁶⁸

Из всего сказанного видно, что восставшие вели себя в царском дворце довольно решительно, не считаясь с просьбами царского семейства и их приближенных в том случае, если это не соответствовало их желаниям и намерениям. В то же время от некоторых требований они отказались, сохранив жизнь ряду лиц, которых они намеревались перебить в начале своего выступления. Это, между прочим, лишний раз свидетельствует о том, что восставшие действовали исходя из того, что хотелось им, а не мифическим закулисным руководителям. Они сами казнили и сами миловали. И в то же время не раз грозили перебить всех бояр в случае, если им не выдадут «изменников».

Конечно, в действиях восставших не было ясности, они не раз проявляли колебания. Они не мыслили себе иного устройства, кроме как государства во главе с царем и боярами. Только они хотели, чтобы правители были хорошими, добрыми по отношению к простым людям, не допускали обид, несправедного суда и т. д. Эта психология очень хорошо выражена дьячком Аверкием и автором повести из Барсовского собрания. Первый уверен, что «изменников» по просьбе «служивых людей» приказал выдать сам «великий государь». А «изменники» с пытки «сказывали, будто они прежних царей и царевичев таким зелием изводили и многие пакости чинили». Цари же Иван и Петр

¹⁶⁷ А. А. Матвеев. Записки, стр. 30.

¹⁶⁸ ГПБ, ОР, Солов. собр., д. 988 (878), лл. 721 об.—722.

Алексеевичи «указали изменничей род розослати по разным украинным городам в ссылку»¹⁶⁹. Конечно, все было не так — во время восстания народное правосудие вершилось волей восставших, а не «помазанников божьих».

Второй автор идет еще дальше. По его словам, утром 15 мая, накануне восстания, когда ударили в набат, к стрельцам пришел «вестник из государевых царских полат»: «Вы, стрельцы государевы, не знаете, что во царских полатах учинилася, утухла у нас звезда поднебесная, не стало болшаго брата государева царевича Ивана Алексеевича». Стрельцы, пришедшие в Кремль, кричали царю Петру: «Свет ты наш... объяви ты нам своего государева брата... жив ли есть или мертв!» Все это — и слова «вестника» из царских палат (им мог быть, действительно, какой-нибудь подосланный кем-либо из придворных «вестник» или же один из тех агитаторов, которого выделили из своей среды сами стрельцы), и обращение восставших к Петру — могло быть и, возможно, было. Но далее автор приводит совсем уж неправдоподобные заявления царевича Ивана. Когда все царское семейство вышло «на Златое крыльцо» (т. е. на Красное), он якобы стал говорить: «Меня хотели задавить до смерти Кирила Нарышкина дети». А после того, как стрельцы потребовали выдачи «изменников», Иван Алексеевич обратился к ним с прямым призывом к восстанию: «Вы, стрелцы государевы, и мое правое крыло и царево, и аз вас пожалую, стойте вы верою и правдою, а изменников вам всех выдадим, кто вам надобеть и кого вы знаете сами»¹⁷⁰.

Эта мифическая «речь» царевича Ивана по существу формулирует утопическое мировоззрение, политическое credo простого народа. Ведь именно таким хотелось видеть народу доброго, хорошего царя, о таком правителе он мечтал.

Любопытно, что, выступая «в защиту» прав царевича Ивана, стрельцы и солдаты в то же время с почтением, хотя бы внешним, относились и к Петру, хотя он и являлся одним из ненавистных им Нарышкиных. По Медведеву, стрельцы обвиняли «изменников» в том, что они хотят «извести» весь царский род, «бутто царевича Иоанна Алексеевича умертвили, а над царем Петром Алексеевичем злое свое умышление хотят учинити и лишити его царства; и они бутто слыша то, собрався, пришли того сыскивати, что они служат государем верно»¹⁷¹.

Розенбуш пишет, что после расправ 15—17 мая восставшие заявили: «Мы довольны теперь, а с остальными изменниками пусть царь — дай бог ему здоровье — поступит по своему усмотрению; мы готовы жить и умереть за его царское величество»,

¹⁶⁹ М. Н. Тихомиров. Заметки, стр. 99, 100.

¹⁷⁰ В. И. Буганов. Новый источник, стр. 323—324.

¹⁷¹ С. Медведев. Созерцание, стр. 52—53.

обеих цариц, царевича и царевен». Они, таким образом, не делали никакого различия между членами царского семейства. Более того, в ответ на просьбу царевича Ивана освободить его из-за болезни от престола в пользу меньшего брата стрельцы, если верить тому же автору, закричали: «Да сохранит Бог царя нашего Петра Алексеевича и царевича Ивана Алексеевича!» По просьбе братьев — царя и царевича — они согласились, чтобы царица Наталья Кирилловна «осталась при своем сыне, нынешнем царе, а не была пострижена в монахини, как они требовали прежде»¹⁷².

По тот же автор, внимательный и наблюдательный датчанин, отметил одну важную особенность, характерную для отношения восставших к царским особам. Он засвидетельствовал, что они действовали во дворце «без должного уважения к царям, царицам и царевнам». В другом месте он формулирует эту мысль еще более определенно: «Все три дня, пока продолжался этот бунт, стрельцы действовали от имени царя Ивана Алексеевича, хотя никого ни о чем не спрашивали и делали все, что хотели»¹⁷³.

По отношению к патриарху Иоакиму восставшие держались столь же независимо и еще менее уважительно. Выше мы видели, что они не стали даже слушать его уговоры утром 15 мая. Так же свободно и бесстрашно, как и по царским покоям, в тот же день ходили они в поисках «изменников» и «в дому же святейшаго патриарха, наипаче по всем местам и в самой соборной велицей церкви (в Успенском соборе.— В. Б.) непрестанно, станица по станице пришед, всюду в сундуках и в ящиках и под престолом копы пыряюще, при святейшем патриархе искали». Иоаким, шедший к себе из царских покоев «между множества» восставших, «едва пройде в соборную церковь. Невежди же зело ему в церкви досождали всякими словесы, чесого бы им и мыслити не довелося». На следующий день, 16 мая, восставшие снова к патриарху «многими стами приходяду во всем оружии и грозяху не токмо его домовым служителем, но и самому копыями и бердыши, чтоб выдал изменников, у него во дворе хоронящихся, которых ни одинаго не было, и всюду по погребам и по местам всем, и по сундукам, и по постелям непрестанно и по подмостью искали». Они никого не нашли, а патриарх, «во амофор одеянный (яко ждый по их свирепству смерти)», заявил пришедшим к нему стрелецким выборным: «Ей! несть у меня в доме никаких изменников». И оттоле,— заключает С. Медведев,— престаша ходити и стужати ему»¹⁷⁴.

¹⁷² Розенбуш. Записка, стр. 48.

¹⁷³ Там же, стр. 43, 48.

¹⁷⁴ С. Медведев. Созерцание, стр. 55, 56.

Если верить Крекшину, то вечером 15 мая к дому патриарха был даже поставлен караул «под заповедью, да никто в дом и из дома изыдет»¹⁷⁵.

Позиция восставших по отношению к боярам и прочим знатым лицам, которых не затронули расправы, была им, судя по словам боярина кн. Я. Н. Одоевского, вполне ясна. Недаром родственники убитых, а также «приказные люди и судьи и подьячие», полковники разбежались из Москвы; бояре, по словам И. ван Келлера, начали бежать еще до выступления 15 мая¹⁷⁶.

Наиболее сложен вопрос о той роли, какую играли в событиях 15—17 мая Софья и Милославский с их сторонниками и Хованский. Если Матвеев и некоторые современники-иностранцы приписывают активную роль в руководстве событиями первым, то правительственные акты осени, зимы 1682 г. отводят ее второму.

Выше уже упоминались фамилии этих деятелей в связи с событиями 15—17 мая. Чтобы рассмотреть этот вопрос в полном объеме, нужно изучить все свидетельства источников под этим углом зрения. А. А. Матвеев утверждает, что проскрипционный список был составлен в «совете» И. М. Милославского, а его сторонники А. Милославский и П. Толстой утром 15 мая скакали по полкам с криками об удушении царевича Ивана Нарышкиными¹⁷⁷. Тот же автор, ненавидевший Софью, тем не менее признает, что честолюбивая царевна «впервые публично» выступает на политическую авансцену только 17 мая в связи с выдачей восставшим И. К. Нарышкина. Его сестре царице Наталье Кирилловне она «остро» сказала, «что никаким образом того избить невозможно, чтоб его... им, стрельцам в тот день не выдать; разве общему всех и себя бедствию им, стрельцам, допустить». Далее он сообщает, что царица и царевна вместе выдавали И. К. Нарышкина стрельцам, причем Софья «по входе его... якобы под видом наружным zelo в скорбном об нем, Нарышкине, сожалении объявила ему необходимую причину той выдачи его им, стрельцам». Далее царевна вручила царице иконы, так как стрельцы, по ее мнению, «будто бы... объявления той святой иконы уstraшатся и от того запросу своего устыдятся, его, господина Нарышкина, отпустят». Автор отвергает эти «рассуждения» Софьи, которую он обвиняет в политическом макиавеллизме («во всем том внутри глубокая происходила политика италианская»)¹⁷⁸, хотя тут же приводит подобные же слова «честного и старого мужа» боярина кн. Я. Н. Одоевского

¹⁷⁵ П. Н. Крекшин. Краткое описание, стр. 36.

¹⁷⁶ С. Медведев. Созерцание, стр. 57—58. Розенбуш. Записка, стр. 47; М. И. Белов. Письма, стр. 381.

¹⁷⁷ А. А. Матвеев. Записки, стр. 18, 19.

¹⁷⁸ Там же, стр. 29—30.

о необходимости выдачи И. К. Нарышкина. Собственно говоря, и Софья и «гораздо боязливый и весьма торопливый» боярин по-разному отразили в своих словах и действиях одно и то же — страх представителей правящей верхушки перед восстанием. В одном случае автор объясняет это простым испугом боязливо-любивой царевны. Выше мы видели, что источники говорят о многих попытках членов царского семейства, в том числе и Софьи, испытывавшей, как и ее родственники, страх перед восставшими, остановить расправы. В этом плане утверждения Матвеева, к тому же очень пристрастного по отношению к Софье, доверять трудно, хотя, конечно, возможность ведения ею подобной игры не исключена. То же можно сказать и о предыдущем утверждении автора — об агитации сторонников Милославского и Софьи в стрелецких полках утром 15 мая и их участии в составлении проскрипционного списка.

П. Н. Крекшин еще более сгустил краски и драматизировал события 15—17 мая, выдвинув на первый план козни царевны Софьи: она послала И. Милославского к стрельцам просить о помощи в возведении на престол Ивана Алексеевича; велела выставить стрельцам, пришедшим 15 мая к Кремль, несколько бочек вина; торопила стрельцов расправиться с негодными ей лицами и т. д.; кроме того, восставшие, по его утверждению, заполнили все чертоги царские, кроме чертога Софьи¹⁷⁹.

Анонимные авторы — поляк и итальянец, а также Невиль пишут о Софье как режиссере событий 15—17 мая, причем первый и последний считают ее единомышленницей кн. И. А. Хованского¹⁸⁰.

Интересно и важно свидетельство Розенбуша: 16 мая его привели в Кремль восставшие для очной ставки с сыном придворного лекаря Д. фон Гадена, которого восставшие разыскивали. По его мнению, царевна Софья играла определенную роль в событиях. Розенбуша провели по лестнице «вверх до некоторой площадки» (очевидно, на Красном крыльце). Там находились вдоващая царица Марфа Матвеевна, царевна Софья и несколько бояр. Именно царице Марфе и царевне Софье докладывал Хованский о Розенбуше: он с ними «говорил что-то, чего я не мог слышать» (он стоял на лестнице ниже «площадки», куда его не пустили), «но не худое, ибо царевна сделала мне знак, чтоб я только шел вон». Потом Розенбуша стрельцы отвели домой¹⁸¹.

Это свидетельство очевидца, которое трудно подвергать сомнению, показывает, что царевна Софья и другие члены царско-

¹⁷⁹ П. Н. Крекшин. Краткое описание, стр. 32—35, 37—38.

¹⁸⁰ «Дневник зверского избияния...», стр. 20; «О Московских происшествиях...», стр. 78; Невиль. Записки, стр. 437—438.

¹⁸¹ Розенбуш. Записка, стр. 54—55.

го семейства предпринимали не только попытки уговорить восставших, но и отдавали распоряжения в качестве носителей верховной власти в том случае, если это не противоречило планам восставших. Неестественного тут, конечно, ничего нет: Софья выступала как бы защитницей интересов своего единоутробного брата Ивана. А ведь восставшие тоже, причем сами, по своей инициативе, выдвинули этот довод для обоснования своих действий. Таким образом, получалась видимость единства и согласованности действий восставших и царевны, равшейся к власти. Софья, конечно, могла, преследуя свои цели, принять меры к тому, чтобы подлить масла в огонь, сообщить восставшим стрельцам и солдатам накануне 15 мая слухи об «убийстве» или «удушении» царевича Ивана. Но даже если это и было, то главное заключается в том, что стрельцы и солдаты без чьей-либо подсказки выступили еще раньше в защиту своих интересов и стали готовить более решительное выступление под флагом защиты «законных прав» царевича Ивана.

Особую позицию в вопросе о роли Софьи занимает С. Медведев — усердный хвалитель царевны, честолюбивый деятель, имевший в ее правление немалое влияние на дела и к тому же надеявшийся занять при ее помощи престол патриарха вместо пронарышкински настроенного Иоакима. Он возносит хвалу богу за то, что он «в такое бедственное и мятежное время» в помощь юному царю Петру («в юных его государских летех») «воздвиге сестру его государеву благородную и премудрую, милосердную... Софию Алексеевну, ей же даде чюдный смысл и суждение». Автор сравнивает ее с библейской пророчицей Деворой, праведной Юдифью и мудрой Эсфирью, вспоминает время, когда в столице Византии Константинополе при юном императоре Феодосии управлением делами занималась его сестра «философствующая царевна дева» Пульхерия. Но все это — комплименты талантливому придворного сочинителя и тонкого льстеца. Более важно указание С. Медведева, что Софья «оных служивых (т. е. восставших стрельцов и солдат) от бога дарованными мудрыми и благозветливыми словесы уговаривающе на кииждо день, подъяша, дабы они паки мирно по-прежнему жили и дабы верно государем своим служили и страхов и всполохов и обиды бы дерзости своею никому не творили». Она же распорядилась («пожаловала») о выдаче каждому стрельцу и солдату 10 руб. Царевна также «призывающе служивых из выборных их людей благоразумным своим и мудрым приветом уговорила, чтобы мертвых изсеченных многое время лежащих на площади телеса и возсмердевших уже свесть и похоронить»¹⁸².

Таким образом, Софья, как член царского семейства и к тому же противостоявшая нарышкинской партии (об этом было,

¹⁸² С. Медведев. Созерцание, стр. 58—60.

конечно, известно восставшим), сразу приняла энергичное участие в событиях 15—17 мая, не противореча интересам стрельцов и солдат. Нельзя не признать, что царица действовала достаточно ловко и умно. Она довольно активно уговаривала восставших прекратить расправы и мятеж, но, убедившись, что это бесполезно, пошла по пути уступок. В ходе событий, когда руководящие деятели пропетровской, нарышкинской партии были или убиты или отстранены от власти, Софья естественно и даже легко заполнила создавшийся вакуум власти. Поскольку восставшие выступали под знаменем защиты поправленных интересов старшего царевича, то энергичная и умная и к тому же единоутробная сестра слабоумного Ивана выступила как бы «исполнительницей» воли восставших. Ведь последние не мыслили себе какого-либо другого государственного устройства — без царей и бояр. Отстранив от власти деятелей, группировавшихся вокруг Петра I, они готовы были принять «хороших» правителей, бояр из лагеря «хорошего» царевича Ивана; а тут к тому же на придворную авансцену выходила особа из царского семейства. Авторитет же царской власти, несмотря ни на что, имел вес в их глазах. С. М. Соловьев верно подмечает, что в ходе событий 15—17 мая Софья, участвовавшая в уговорах стрельцов (надеясь спасти И. К. Нарышкина, она надела ему икону на шею), сама собой выдвинулась на первый план. Точно так же И. А. Хованский неизвестно по чьему указу стал во главе Стрелецкого приказа. На участие Софьи в попытках уговорить восставших и защитить К. П. и И. К. Нарышкиных обращает внимание и Н. Я. Аристов: не по ее наветам, а по собственным воззрениям убили они негодных им лиц.

Стремление Софьи прекратить «мятеж» подтверждают и современники событий 1682 г. Любопытно, что Цыклер перед казнью в 1697 г. сказал о событиях мая 1682 г., что после расправ стрельцов с боярами и ближними людьми Софья просила, чтобы он уговаривал стрельцов с целью унять их от смущения; и он это делал по ее поручению¹⁸³. Этот факт свидетельствует о том, что Софья, во-первых, сама стремилась прекратить восстание в мае 1682 г. и, во-вторых, с этой целью вступила в контакт с одним из стрелецких начальников.

Русские авторы меньше говорят о роли боярина кн. И. А. Хованского в майских событиях «смуты» 1682 г. Выше мы видели, что этот боярин играл заметную роль в переговорах с восставшими, пришедшими утром 15 мая в Кремль. С. Медведев, общая о «жалованье», выданном стрельцам и солдатам по повелению Софьи или взимаемом ими насильно, добавляет, что «им же в том взятке способства чинил в Стрелецкой приказ посаженный боярин князь Иван Андреев сын Хованской»¹⁸⁴.

¹⁸³ С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 548.

¹⁸⁴ С. Медведев. Созерцание, стр. 59.

Наиболее интересные, но подчас запутанные и малодостоверные данные на этот счет приводят иностранцы. Автор «Диариуша» утверждает, что Хованский очень активно возмущал к выступлению стрельцов, а также «много боярских детей, дворян и простого народа». Майское восстание, расправы он также приписывает «наущению» Хованского. Автор картинно описывает сцену уговоров восставших А. С. Матвеевым и И. А. Хованским: первый, «выступив вперед, держал к ним речь, Хованский, стоя позади его, мигнул стрельцам. Те поняли этот знак» и расправились с Матвеевым. Хованский, согласно представлению автора, действовал как сообщник царевны Софьи. Так, стрельцы провозгласили царем Ивана Алексеевича «по наущению Софьи и Хованского»¹⁸⁵. В рассказах автора «Диариуша» немало непроверенного и даже фантастического; так, он называет Хованского применительно ко времени кануна выступления 15 мая «начальником стрельцов (Hetman)», что не соответствует действительности: он стал начальником Стрелецкого приказа 16 или 17 мая¹⁸⁶. Так что принять на веру его сообщение о роли Хованского нельзя без проверки другими данными.

Невиль тоже утверждает, что Софья возбуждала стрельцов к выступлению «при посредстве Хованского, которого она склонила на свою сторону». Он задним числом называет Хованского начальником стрельцов, который, «сделавшись приверженцем Софьи, посредством возмущения столь огромного числа войск легко заставил и провозгласить и короновать при Петре Иоанна и даже старшим царем, определив ему царствовать вместе с Петром»¹⁸⁷. Здесь Хованскому отведена еще большая роль — предводителя, вождя восстания, «заставлявшего» стрельцов, «определявшего» их действия. На самом деле этого, конечно, не было, так же как не являлся Хованский начальником стрельцов до 15 мая. Вообще иностранцы многое путали, просто не понимали, упускали, описывая события задним числом, к тому же нередко по непроверенным слухам.

Наиболее интересные сведения, содержащиеся в сочинениях иностранцев, мы находим опять у Розенбуша. Когда его привели 16 мая в Кремль к Красному крыльцу, «в это время сошел вниз князь Иван Андреевич Хованский и спросил у стрельцов: „Любо ли вам, чтобы царица Наталия Кирилловна не оставалась долее во дворце?“ Они отвечали: „Любо!“» Далее Хованский, увидев Розенбуша, переговорил о нем с царицей Марфой Матвеевной и царевной Софьей. Софья приказала Розенбушу удалиться, «а Хованский приказал моим стрельцам (которые привели его из дома в Кремль.— В. Б.) отвести меня домой и

¹⁸⁵ «Дневник зверского избияния...», стр. 20—21. 24.

¹⁸⁶ С. К. Богоявленский. Хованщина, стр. 190—191.

¹⁸⁷ Невиль. Записки, стр. 437, 438.

беречь, как глаз свой, причем отнесся обо мне с похвалою». Это обстоятельство, по словам Розенбуша, привело к тому, что стрельцы, ранее принявшие его за иностранца-доктора, которого они искали для расправы, теперь сразу изменили свое отношение к нему. Они говорили ему: «Надевай шляпу, теперь ты имеешь право на уважение, будучи найден невинным»¹⁸⁸.

В этом сообщении Розенбуша, если оно соответствует действительности, имеется ряд интересных моментов. Оно говорит о том, что Хованский и Софья 15—17 мая играли заметную роль, причем некоторые их распоряжения (например, об освобождении Розенбуша) исполнялись восставшими. В этом дуэте Софья — Хованский царевна играла, как сразу заметно, первую скрипку, Хованский же играл роль, так сказать, первого министра или главы исполнительной власти при государыне — Софье, уже тогда вышедшей на первый план. Но интересно, что все это казалось малозначительных вопросов управления. По более важным делам Софья и Хованский не могли диктовать свою волю. Выше мы видели, что попытки Софьи отговорить восставших от выступления, расправ успеха не имели. А Хованский 15 мая ограничивался тем, что спрашивал у восставших о причинах их прихода в Кремль и доносил о том правителям. Так и теперь, 16 мая, как говорит Розенбуш, Хованский, ставя вопрос о судьбе царицы Натальи Кирилловны (оставаться ли ей теперь, после свержения власти Нарышкиных, во дворце), не отдает указания стрельцам, а спрашивает их: «Любо ли вам?».

Подытоживая наши наблюдения по вопросу о роли придворных деятелей во время майских событий, можем сказать, что восстание, инициатором которого выступали с самого начала рядовые стрельцы и солдаты, привело к перестановке политических сил при царском дворе. В целом придворные деятели оказались полностью неспособными противостоять натиску восставших, более того — последние диктовали свою волю. Но поскольку восставшие не ставили своей целью непосредственный захват власти в свои руки, то вакуум власти, от которой они отстранили «плохих» правителей, оказался заполненным другими деятелями, которые были в их глазах «хорошими», «добрыми». В первую очередь к ним принадлежали царевич Иван, вскоре ставший первым царем, его сестра Софья и боярин кн. И. А. Хованский. Царевич Иван никакой роли ни сейчас, ни в будущем не играл, на этот счет ни у кого, кажется, не было никаких иллюзий. На первый план вышли Софья и Хованский. Их общее желание освободиться от власти неродовитых правителей, всех этих Языковых, Лихачевых, Нарышкиных, Матвеевых, могло создавать и создавало (особенно в глазах некоторых не очень внимательных наблюдателей из числа иностранцев) видимость их союза, сообщниче-

¹⁸⁸ Розенбуш. Записка, стр. 54—55.

ства. К тому же оба рвались к власти. Но с самого начала шансы у них были неравны: Софья выступала как член царского семейства, тем самым она как бы автоматически облакалась высшей властью, к этому нужно добавить и ее незаурядные личные качества. Хованский, не обладавший этими качествами и оказавшийся поэтому не способным к сложной и умной политической игре, в чем преуспела Софья, к тому же вздумавший опереться на социально чуждые ему слои, оказался явно в проигрыше, все это и привело его на плаху.

Во всяком случае восстание в столице не только разбудило народную стихию, но и стимулировало честолюбивые замыслы царедворцев. Кому, как не им, было думать о захвате власти, если восставшие сами предлагали ее предполагаемым «хорошим» правителям.

ДЕЙСТВИЯ ВОСТАВШИХ ПОСЛЕ 15—17 МАЯ

(казни и ссылки, взимание долгов, провозглашение царями Ивана и Петра и регентшей Софьи)

Восставшие после 15—17 мая стали по существу хозяевами положения в столице. С. Медведев с удивлением и страхом пишет, что «они, служивья, приявше в крови дерзновение, возвирепели тако, яко никому же дающе с собою и глаголати».

Более того, он отмечает совсем уже невиданное явление: «И тцахуса безумнии и глупии государством управляти»; по словам автора, «тогда бо поистинне видети бысть ослабление рук у всех людей... мало бо не вси и приказные судилища опустеша безлюдством» (несколькими строками выше он сообщает о бегстве из Москвы приказных людей и родственников убитых)¹⁸⁹.

Розенбуш говорит, что «во время бунта никто не мог сказать ни одного неприятного слова стрельцам, если хотел сберечь свою жизнь». Понятно, что за свою жизнь во время восстания опасались власть имущие и их приспешники. Всесилие восставших ярко проявилось и в эпизоде с арестом и освобождением самого Розенбуша, когда стрельцы говорили ему: «Ты знаешь, что теперь наша воля, и тебе не причинено никакого зла потому только, что нас все боятся»¹⁹⁰.

Итальянец сообщал из Варшавы в Рим, правда уже осенью (30 сентября), что все большую роль в государстве начинают играть стрельцы, которые ведут себя крайне дерзко и нагло. Эта «гвардия» диктует свою волю не только избранному их главой Хованскому (Covaski), человеку благоразумному и смелому, ко-

¹⁸⁹ С. Медведев. Созерцание, стр. 57, 58.

¹⁹⁰ Розенбуш. Записка, стр. 49, 55.

торый хотел бы, но не может привести их в повиновение, но и всей стране. Они, в частности, вынесли решение против тех лиц, кто пытается задержать выплату денег, предназначенных для платы солдатам¹⁹¹.

Восставшие установили порядок в столице. Они ставили везде караулы, на ночь запирали ворота Кремля, Китай-города, Белого и Земляного городов. Во время событий 15—17 мая восставшие самым строжайшим образом запретили какие-либо грабежи и насилия. Об этом говорит большинство современников. С. Медведев пишет, что они «поставиша между собою завет, да никто же грабительством возьмет чьих себе животов; того ради в то время где кого поймают какую вещь несущего, абие на площади умертвляху посечением, а служивых, кто где что похитит, то пропадет»¹⁹². По Розенбушу, «во все время кровопролития воровство и грабеж тотчас наказывались смертию, хотя бы украденная вещь не стоила алтына... Так погибло бедных мещан и самих стрельцов до 40 человек... Ни о каких грабежах, ни о поджогах не было слышно»¹⁹³. Дьячок Аверкий говорит о 40 казненных 15—17 мая, но в их число, помимо тех, кто занимался грабежами, он включает и «изменников», т. е. побитых бояр и приказных¹⁹⁴. Повесть из Мазуринского летописца сообщает, что 16 мая стрельцы ловили «всяких чинов людей», которые «понесли грабежем» платье и посуду с дворов бояр кн. Ю. А. Долгорукого, И. М. Языкова, думного дьяка Лариона Иванова, и отводили их «с поличным в Кремль к стрельцам же». Стрельцы выслали на Красную площадь «бирича кликать, чтоб боярских дворов и посадских людей и лавок не грабили». Они же послали сотню солдат с черным знаменем «всяких чинов людем говорить, чтоб грабежу никакова не было, хотя з дву денежным поймают и приведут, тово изрубить. И, ходя по Красному мосту, о том окликали». Пойманных с поличным «рубили» «бес пощады» на Красной площади у Лобного места и на Красном мосту у церкви Казанской богородицы. «А поличная опять относили в город» (т. е. в Кремль)¹⁹⁵.

Повесть из Соловецкого собрания сообщает, что «многих простых людей всяких чинов, боярских и гулящих, емлющих чужая граблением, имая, приведши на ту же площадь, положиша мертвых». «Свою же братью стрелцов» за грабеж «биша палицами доволно, а не смертно, и на съезжих избях затворяху в темницы». Автор повести добавляет, что 16 мая восставшие искали К. П. Нарышкина и его сыновей Ивана и Афанасия в их доме, но «не обретоша, имение же их все разграбиша, вынесши из кла-

¹⁹¹ А. Theiner, p. 237—238.

¹⁹² С. Медведев. Созерцание, стр. 57.

¹⁹³ Розенбуш. Записка, стр. 47.

¹⁹⁴ М. Н. Тихомиров. Заметки, стр. 99—100.

¹⁹⁵ Там же, стр. 450.

довых полат, посреди двора покладши, аки радетелно хотяху стрещи»¹⁹⁶.

Разрядная записка «Смутное время» подтверждает, что восставшие казнили «всяких чинов людей» за грабежи домов «побитых» и «меж себя положили, что[б] ничьех домов не грабить»¹⁹⁷.

Таким образом, указанные источники, хотя и с некоторыми разногласиями в деталях, свидетельствуют, что во время событий 15—17 мая грабежей почти не было. Начавшиеся погромы были пресечены. Сами стрельцы конфисковали имущество Нарышкиных, но дележ его отложили на более позднее время.

В свете этих данных не представляется возможным принять сообщения Матвеева, Крекшина и анонимного автора-поляка о буйствах, безмерном пьянстве победивших стрельцов, грабивших к тому же дома знатных лиц и купцов, даже царские сокровища¹⁹⁸. Хотя нельзя не видеть и того, что восставшие, одержав такую победу, не могли не отметить ее способом, давно известным не только на Руси. По Медведеву, они начали «пить и бражничать» по торговым погребам и, «по граду ходяще, без всякого опасения з женами кричать и нелепая словеса глаголати». Именно «в тое время» стрельцы «вымыслиша» называть себя «государевою надворною пехотою, а не стрелцами»¹⁹⁹. Заметим, что этот титул — «государева надворная пехота» — стрельцам никто не пожаловал, они сами себе его присвоили. Этот факт опять отражает их всеислие после победы. Но не только это. В нем опять проявился их наивный монархизм, стремление действовать в легальных рамках после того, как была восстановлена, с их точки зрения, справедливость — отстранены от власти «плохие» правители, а к власти пришли «хорошие», которым они предъявили свои требования.

По их требованию власти вынуждены были сослать в ссылку оставшихся в живых Нарышкиных, Языковых, Лихачевых и др. 18 мая восставшие, как сообщает разрядная записка и повесть из Мазуринского летописца, били челом царю Петру и царевнам, чтобы постричь боярина К. П. Нарышкина. Повесть при этом выделяет царевну Софью, которая выходила к стрельцам на Постельное крыльцо, а К. П. Нарышкин в это время «стоял на нижнем рундуке». Очевидно, Софья долго уговаривала стрельцов. «И царевна стрельцам говорила многое время, а что, не слышать издали», добавляет автор, стоявший, несомненно, в большой толпе в это время, но не слышавший слов Софьи из-за дальнего расстояния. Очевидно, речь шла о том, чтобы оставить

¹⁹⁶ ГПБ, ОР, Солов. собр., д. 988 (878), лл. 718 об., 719.

¹⁹⁷ С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 335.

¹⁹⁸ А. А. Матвеев. Записки, стр. 24, 26; П. Н. Крекшин. Краткое описание, стр. 35, 36—37; «Дневник зверского избияния...», стр. 24.

¹⁹⁹ С. Медведев. Созерцание, стр. 57.

боярину жизнь, так как, когда «стрельцы пошли, и боярин Кирилла Полуехтович трожди стрельцам в землю челом, а за что, не ведомо, не слышать, что говорили».

Того же 18 мая К. П. Нарышкина постригли в Чудове монастыре под именем Иллариона, а на следующий день новопостриженный инок в сопровождении младшего сына Федора, пристава думного дворянина И. П. Лихарева и 50 стрельцов уже ехал к месту ссылки — в Кирилло-Белозерский монастырь.

20 мая восставшие потребовали сослать ряд лиц из числа Нарышкиных, Лихачевых, Языковых и их сторонников, дворян и приказных лиц, а также «полковников прежних, на которых били челом». Повесть из Мазуринского летописца приводит роспись этих лиц, которые «по стрелецкому приговору розосланы были по разным городам; и приговорили их сослать в Сибирь» (Тобольск, Томск, Енисейск, Мангазея, Кузнецк, Нарым) ²⁰⁰.

Повесть из Соловецкого собрания сообщает только о пострижении и ссылке К. П. Нарышкина, которого «смерти не предаша» «по упрощению» его дочери царицы Натальи Кирилловны ²⁰¹.

В архивных делах Разрядного приказа сохранились столбцы со списками ссыльных людей, причем выясняется, что некоторые из них предполагалось сослать не только в Сибирь, но и в другие места (Терек, Яик, Кольский острог, Вологду и т. д.). Некоторые по пути к местам ссылки застряли в других городах, монастырях и т. д. Вместе с ними ссылались члены их семей, челядь. В сентябре 1682 г. ряду лиц разрешили возвратиться из ссылки в свои имения, другим — остаться в тех городах, где они остановились на пути к более дальним местам ²⁰².

Последующие события показали, что восставшие и после 15—17 мая полностью контролировали положение и добивались удовлетворения своих требований. Это касалось в первую очередь выдачи жалованья, во вторую — избрания царевича Ивана первым царем, а Софьи — правительницей, регентшей.

19 мая, согласно разрядной записке, стрельцы, солдаты и пушкари «били челом великому государю» о «заслуженных деньгах... со 154-го (т. е. 1645/46) году», которые исчислялись в огромную сумму — 240 тыс. руб. Сверх этих денег «великий государь пожаловал на человека по 10 рублев». Для того чтобы выплатить подобные суммы, было приказано собирать «со всего государства» деньги и серебряные сосуды, из которых «указано делать деньги». Кроме того, восставшие били челом о том, чтобы

²⁰⁰ С. М. Соловьев. Указ соч., стр. 334—335; М. Н. Тихомиров. Записки, стр. 451; см. также: ДАИ, т. X, № 5, стр. 25; И. А. Желябужский. Записки, стр. 4, 5; А. А. Матвеев. Записки, стр. 35—36.

²⁰¹ ГПБ, ОР, Солов. собр., д. 988 (878), л. 724 об.

²⁰² ЦГАДА, ф. 210, столбцы Приказного стола, д. 1152, лл. 109—119, 120—122, 123—124, 132, 138.

имущество убитых 15—17 мая лиц («животы их побраны на великого государя») было оценено и отдано им²⁰³.

Формула «великий государь пожаловал» не удивительна в официальной разрядной (т. е. правительственной) записке. На самом деле все исполнялось по требованию восставших, а к исполнению их пожеланий самое непосредственное отношение имела опять же царевна Софья. Требование восставших о выдаче денег за 40 лет имело в виду восстановление справедливости, поскольку стрельцам систематически недодавали полагавшееся им содержание. Еще при воцарении Алексея Михайловича, когда во главе правительства стал боярин Б. И. Морозов, было урезано жалованье московским стрельцам. Во время Московского восстания 1648 г. царь приказал выдать по 8 руб. каждому стрельцу из удержанных сумм. В дальнейшем, вероятно, эти деньги не выплачивались вплоть до 1682 г. Софья, удовлетворяя эти требования, тем самым выглядела в глазах восставших стрельцов и солдат «хорошей» правительницей, на которую можно надеяться²⁰⁴.

В сентябрьской грамоте, разосланной правительством Софьи от имени двух царей из Савво-Сторожевского монастыря по всем городам для сбора сил против восставших, последние обвинялись в том, что в мае, когда им обещали по 10 руб. на человека, «чинили все по своему воровскому намерению». Кроме того, они потребовали «нашего же великих государей заслуженного жалованья со 181-го (1673.— В. Б.) году» (а не со 154-го, как в разрядной записке). Это жалованье они «имали с великою наглостию по своим скаскам, кому было и не довелось». «Тем своим вымыслом» восставшие, говорится далее в правительственной грамоте, «нашу казну разобрали и монастыри оскудили и всему государству великую тягость и разорение учинили, понеже на тое их дачю, отлучающе их от кроворазлития и приводя к успокоению, денежная казна имана в монастырех и во иных местах и у всяких чинов людей, где сколько сыскалося, с великою тягостию»²⁰⁵. Таким образом, правительство в сентябре признало, что оно удовлетворило требования стрельцов, солдат и пушкарей из-за боязни их новых выступлений и «кроворазлития», стремясь внести «успокоение» в их ряды.

Данные правительственных источников подтверждают современники. С. Медведев инициативу в «пожаловании» жалованья приписывает Софье. Она, «видевше... таковое их неукротительство, чтоб они усмирися, пожаловала государскую их милостию всем служивым салдацкому полку, что на Бутырках, и стрелецким всякому человеку по списку, мал ли или велик, по десяти рублей человеку». Таким образом, все восставшие получали эти

²⁰³ С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 335.

²⁰⁴ А. П. Станевич. Указ. соч., стр. 271.

²⁰⁵ ААЭ, т. IV, № 262, стр. 374; С. Медведев. Созерцание, стр. 102.

деньги вне зависимости от чинов. Это была, так сказать, единовременная выдача. В казне, продолжает Медведев, не имелось столько денег; Софья «указала» брать их с крестьян патриарших, «властелинских», монастырских и боярских, с приказных людей (дьяков и подьячих) по их окладам. По существу, налогом в пользу победивших стрельцов и солдат были обложены имения и оклады светских и духовных феодалов, включая и приказных людей; это неизбежно означало усиление бремени для крестьян разных категорий. Неумение и нежелание понять, что подобные меры означают ухудшение положения крестьян, говорит о сословной, кастовой ограниченности стрельцов и солдат, что не могло не грозить им изоляцией.

Помимо этих денег, стрельцы и солдаты начали взимать жалованье за «заслуженные годы лет за 20 и за 30». Медведев подтверждает в этом месте версию разрядной записки, которая сообщает о заслуженном жалованье с 1645/46 г. (в ней, правда, расчет еще больший — почти за 40 лет). Наконец, автор говорит о конфискации и продаже восставшими «животов» «убиенных и ссылочных людей». Ко всему этому он добавляет, что «тем неправедным взяткам зело они, служивыя, людей во всем государстве ко оскорблению привели», хотя сам до этого не раз отмечал бедственное положение «служивых», которых грабили и унижали долгие годы кто только мог. Что касается «оскорбления» людей всего «государства», то это относится прежде всего к представителям правящих верхов. Но нельзя, конечно, не признать, что, добиваясь удовлетворения своих законных требований и обид, накопившихся у них в течение десятилетий, стрельцы и солдаты, заставляя расплачиваться бояр и приказных, в то же время, не сознавая (а, может быть, и сознавая) этого, ударили по интересам простых людей, точнее — крестьян.

Вытребованные у правительства и конфискованные у недругов деньги стрельцы и солдаты, по замечанию того же автора, «едва кто у себе... оставил или какую нужную потребу истощил, но на питиях по кружалам и в погребях изнуриша»²⁰⁶.

А. А. Матвеев, сильно преувеличивая, утверждает, что уже в дни расправ 15—17 мая стрельцы, считая себя «якобы правосудцами», ходили «разбойнически и воровски» по дворам бояр и других знатных и грабили и расхищали их пожитки «под разными бывшего того своего самоначалства вымыслами». Далее он пишет, как пьяные стрельцы и стрельчихи, подхватывая всякое женское дорогое платье из тех домов, бросали его в грязь и топтали ногами, «понося скверными лаями своими тех бывших господ своих, чье то платье было». Другие, ходя по кабакам, продавали это платье за самую дешевую цену, «непросыпно пропивали» его. Такое отношение автора к восставшим не должно нас удивлять.

²⁰⁶ С. Медведев. Созерцание, стр. 52.

После 15—17 мая, продолжает тот же автор, Софья «по мило- стивому обещанию своему» (данному якобы до и во время этого выступления) всех стрельцов «удовольствовала» многой прибав- кой денежного жалованья в сравнении с «прежнею им дачею». Она приглашала для бесед их выборных людей, обогатила их (кого? всех стрельцов или только выборных? Это место у Мат- веева понять трудно, хотя, кажется, речь идет именно о выбор- ных) прибыльными доходами с лавок. Она же «великую честь над ними, выборными, превосходнее и вернее всего дворянства вела»²⁰⁷. Как видим, ярый недоброжелатель Софьи и здесь, сам того не замечая, описывает умелую и гибкую тактику царевны, которая, оделяя дополнительным жалованьем всех стрельцов, в то же время начала особо выделять их выборных, рассчитывая найти в них себе поддержку. Конечно, утверждение о том, что выборные стрельцы получили «честь» «превосходнее и вернее всего дворянства», нельзя принимать всерьез, как и еще более нелепое утверждение его последователя Крекшина о том, что Софья-де «дворянство уничтожила и в крепкой надежде стрель- цами себя утвердила»²⁰⁸.

Сообщения источников по поводу взимания стрельцами и сол- датами «заслуженных» денег в зачет недоданного жалованья, различных взяток и поборов носят, как видим, довольно общий характер. В нашем распоряжении имеются некоторые архивные данные, позволяющие более конкретно представить «механизм» взимания этих денег.

Сохранились записи, расписки от 10 июля — 3 августа 1682 г., в которых говорится о взимании денег с бывшего стрелецкого го- ловы И. А. Мещеринова²⁰⁹. В первой отписке от 10 июля пред- ставители пятисот стрельцов полков Н. Д. Глебова и А. И. Дани- лова — пятидесятников, десятников и рядовых, а также жен и детей тех стрельцов, «которые... на боях побиты и померли» (на- чиная со службы в Киеве «в зборном приказе» под командовани- ем И. А. Мещеринова, «и тому осьмнатцеть лет», т. е. начиная с 1664 г.), — пишут, что в том же июле били челом «на него, Ива- на, в налогах и во взятках, и во всякой работе по цене в тысяче в двухстах в сороке в пяти рублех с полтиною». Далее сообщается, что они «с ним, Иваном, договорились и взяли у него, Ивана, за все свои убытки и протори и за взятые работные деньги» эти 1245 руб. с полтиною «все сполна». В конце говорится об обеща- нии больше «на него, Ивана, великим государем ни в чем не бить челом и не всчинать».

В одной расписке от 11 июля говорится о взыскании с

²⁰⁷ А. А. Матвеев. Записки, стр. 32, 34.

²⁰⁸ П. Н. Крекшин. Краткое описание, стр. 39.

²⁰⁹ ГПБ, ОР, Q IV. 121 (сборник копий с грамот и других документов рода Мещериновых, в 4^о на 241 лл., скоропись разных почерков конца XVII—начала XVIII в.), лл. 69 об.—74 об.; за указание на эти документы приношу глубокую благодарность В. И. Корецкому.

И. А. Мещеринова 40 руб. в пользу 22 стрельцов разных полков; в другой — от того же 11 июля представители пяти стрелецких полков или «надворной пехоты», как они тогда себя называли (Ф. И. Головленкова, С. Е. Полтева, Я. Ю. Лутохина, М. Ф. Ознобишина, В. Л. Пушечникова), вспоминая ту же киевскую службу с Мещериновым, пишут, что в июле же били на него челом «в налогах и в обидах, и во взятках, и за всякия работы, и за походные добычи, и за взятыя денги». Они взяли с него «по договору» 1000 руб. В расписке от 31 июля представители тех же пяти полков пишут, что они били челом на Мещеринова от имени «сирот» «в налогах и в обидах, и во всяких работах, и во всяких походных дабычех отцов их и мужей, братьев и дядьев, и племянников и сродников их в четырех тысячах». Но, «поговоря с ним, Иваном Алексеевичем Мещериновым, полюбовно помирился» и взяли с него вместо четырех тысяч одну тысячу рублей.

По двум распискам от 17 июля пятидесятники, десятники и рядовые полка М. И. Золотарева взяли с Мещеринова, который «был в прошлых» в 164-м, т. е. 1655/56 г., «у таго нашего полку», 763 руб. 8 алт. 2 ден., «не бив челом», и 1000 руб. — по челобитью, по расписке от 3 августа — 612 руб. 6 алт. 4 ден. по челобитью же.

Из этих документов можно заключить, что стрельцы, солдаты и пушкари, овладевшие в результате восстания положением в столице, в широких размерах организовали конфискацию больших денежных сумм в свою пользу. Об этом достаточно ясно говорит тот факт, что даже с отставного стрелецкого полковника И. А. Мещеринова, под началом которого стрельцы служили более двух десятков лет до событий 1682 г., они взыскали огромную сумму (более 5660 руб.). Ясно, что они могли предъявить большой счет своему бывшему начальнику. Они действовали от имени не только оставшихся в живых стрельцов, но и всех родственников своих убитых и умерших товарищей. Таким образом, восставшие в течение весны и лета 1682 г. продолжали проводить линию, намеченную на тайных совещаниях и в челобитных властям на своих начальников в конце апреля — начале мая.

Обращает на себя внимание, что стрельцы в данном случае по-прежнему предпочитали действовать в легальных формах. Они не грабили имущества и не громили дворы полковников или бояр, как это делали восставшие москвичи в 1662 г. или пытались это сделать некоторые из них в мае 1682 г. Они составляли расписи, реестры своих претензий (которые, к сожалению, не сохранились), подавали челобитные, вели переговоры с теми, кто вызывал их недовольство, выдавали расписки в получении требуемых сумм. Конечно, их требования, «начеты» могли иногда казаться завышенными, несправедливыми. Ввиду давности лет преступлений, совершенных начальниками, массового характера

самих денежных конфискации и «бунташной» обстановки, в которой они производились, это могло иметь место. Это сознавали обе стороны. Обратим внимание на то, с какой легкостью Мещеринов убедил одну группу стрельцов снизить размер требуемой суммы с 4 тыс. до 1 тыс. руб.

Любопытно, что во всех указанных выше документах по делу о взыскании денег с Мещеринова от имени стрельцов выступают лица, которые не могут похвалиться высокими чинами. Это — рядовые, десятники и пятидесятники. Сотенных и пятисотных, не говоря уже о более высоких чинах, среди них нет.

Интересно, что И. А. Мещеринов в короткий срок выплатил такие огромные деньги. Это говорит о том, что за время своей службы он нажил немалое состояние, в том числе, конечно, за счет подчиненных ему стрельцов. В дни «смуты» 1682 г. ему, как и его сослуживцам и собратьям по классу, сполна пришлось расплачиваться за различные поборы, взятки и бесчинства.

Стрельцы предъявляли иски, вероятно, довольно широкому кругу своих обидчиков. Об этом, кажется, свидетельствует факт жалобы стрельцов московского полка С. Сергеева, находившегося на службе в Киеве, на бывшего невелицкого подьячего Ф. Васильева. Трое стрельцов этого полка — А. Никитин «с товарищи» — жаловались, что «в прошлых годах» служили они в Невеле пушкарями, вместо денежного и хлебного жалованья им указали дать в Невельском уезде по 4 волоки земли на человека. Но теми землями два года владел подьячий Васильев, а они «служили без жалованья и з женами и з детьми помирала голодом и одолжали великими долгами». Хотя конца документа (грамоты из Москвы невелицкому воеводе, написанной до 24 августа 1682 г.) не сохранилось, можно все же предположить, что стрельцы поставили вопрос о возмещении им убытков Ф. Васильевым²¹⁰.

Имущество знатных лиц, убитых 15—17 мая, подверглось, как говорилось выше, конфискации — его по определенной (вероятно, невысокой) цене отдавали тем же стрельцам и солдатам. В отдельных случаях конфискация могла носить и безвозмездный характер (ср. выше свидетельство А. А. Матвеева).

Сохранились некоторые отрывочные известия о судьбе имущества думных дьяков Лариона Иванова и Аверкия Степановича Кириллова. Так, 27 апреля 1683 г. «греченин» (вероятно, греческий купец) Иван Анастасов «искал на госте» Иване Панкратьеве серого жеребца, две кобылицы «подунайских» и товаров на сумму 247 руб. Лошадей и товары он продал в свое время Лариону Иванову, «а денег взять не успел за его смертью, и те же лошади и товар у него, Ивана Панкратьева». Как к последнему попали лошади и товары Л. Иванова — неизвестно. Во всяком случае, гость И. Панкратьев был 3 мая «оправлен» (т. е. его вина

²¹⁰ ГПБ, ОР, Общее собр. грамот, д. 2881, л. 1.

не была признана), а И. Анастасов «обинен по обчей ссылке», после чего последний «искал» своих денег на вдове Л. Иванова. 27 июля оба царя и Софья приговорили «учинить веру», но И. Анастасов «у веры не был»²¹¹. Очевидно, дело этим и кончилось. Имущество же Л. Иванова осталось, как видно, у И. Панкратьева, купившего его, возможно, в ходе распродаж весной — летом 1682 г.

Другой «торговый иноземец» голландец Д. И. Артман 20 августа 1682 г. допрашивался в Посольском приказе по поводу «долговых денег» в сумме 1295 руб. Он их был должен за товар думному дьяку Аверкию Кириллову, которому он «кабалу... в тех денгах на себя дал». Д. И. Артман рассказал, что «в мае месяце в смутное время приехал к нему на двор полуполковник с стрельцами; и говорили ему, что по указу великих государей велено у него, Данила», взять те деньги в государеву казну — в Сыскной приказ. Купец туда их и отнес 24 мая 1682 г., получив соответствующую расписку²¹².

Деньги, принадлежавшие убитому А. Кириллову, конфисковывались и сдавались в Сыскной приказ, затем они, вероятно, шли в раздачу тем же стрельцам и солдатам. Тем, что деньги сдавались именно в Сыскной приказ, подчеркивалось, что они взяты с одного из убитых «изменников», вина которых сыскивалась и наказывалась в ходе восстания. Известно, что И. К. Нарышкина и лекаря Д. фон Гадена перед расправой водили для сыска и пыток в Константино-Еленинскую башню Кремля — официальный пыточный застенок, предназначенный для различного рода «бунтарей». Теперь туда попали сановный боярин, брат самой царицы и дядя царя, а также царский лекарь. То же происходило и с деньгами виднейшего приказного дельца. Если раньше в приказы текли со всех сторон и в разной форме деньги с простых людей, которыми он и ему подобные немало «корыстования», то теперь в приказ принесли деньги крупного приказного деятеля для удовлетворения накопившихся в течение десятилетий справедливых претензий тех, кого раньше грабили и притесняли.

И в этом случае мы замечаем свойственное стрельцам стремление действовать в легальных формах — они явились к Д. И. Артману под командой полуполковника, а деньги передали сначала в Сыскной приказ, откуда они, вероятно, все же перекочевали в кошель стрельцов.

Повесть из Мазуринского летописца сообщает, что «животы» убитых бояр и приказных дельцов «пойманы все в Верх и иконы в Столовую полату, переписаны и оценены самую дешевою ценою. И имали все стрельцы в цену. А иным мимо их никою ничево не продавали. И распродано многое множество всяких жи-

²¹¹ ЦГАДА, ф. 141, д. 30, 1683 г., лл. 9—10.

²¹² Там же, д. 72, лл. 1—18.

вотов. А приказаны те животы опальные продавать» боярину кн. А. И. Хованскому — сыну Ивана Андреевича²¹³. Между прочим, этот же А. И. Хованский возглавлял Сысский приказ, в который попали конфискованные деньги А. Кириллова²¹⁴.

По всей стране летом 1682 г. взимались деньги и хлеб на жалованье стрельцам²¹⁵, как это делалось, впрочем, и в прошлые годы, но в 1682 г., в отличие от предыдущих, за этим делом следил Приказ надворной пехоты²¹⁶.

Всесилие восставших в столице ярко вырисовывается в событиях, связанных с наречением царем Ивана Алексеевича и провозглашением Софьи регентшей.

26 мая нарекли на царство первым царем Ивана Алексеевича, Петр стал вторым царем, Софья провозглашена при них правительницей, 25 июня оба царя венчались царскими венцами. В связи с этими событиями многие получили повышения в чинах, в том числе и некоторые из Милославских. Сын И. А. Хованского Андрей получил боярский чин 25 июня. Внешне это выглядело как полная и решительная победа партии Милославских во главе с Софьей и И. М. Милославским, что давало и дает повод многим исследователям писать о событиях 1682 г., как о каком-то дворцовом перевороте в пользу этой партии, а о стрельцах, как ее слепом оружии. А. А. Матвеев, неверно датирующий наречение Ивана первым царем 18 мая, пишет в связи с этим, что царевна Софья «к вспоможению государственного их обоих величества правления.. вступила», а «в скором времени потом умалися прежнее самодержавие царицы Наталии Кириловны»²¹⁷.

Это верное наблюдение подтверждается официальным источником: в разрядных записях под 16 июня сохранилось известие о «походе» членов царского семейства в Новодевичий монастырь, причем, что особенно показательно, царица упомянута на последнем месте, после царевен: «...Ходили великие государи и государыни царевны в Ново-Девич монастырь пешком и государыня царица»²¹⁸. Эти сообщения, многократно затем повторен-

²¹³ М. Н. Тихомиров. Записки, стр. 453.

²¹⁴ С. К. Богоявленский. Приказные судьи XVII в., стр. 196.

²¹⁵ ГПБ, ОР, Общее собр. грамот, д. 2883, л. 1; д. 2884, л. 1; д. 2885, л. 1; там же, Собр. Зинченко, д. 837, лл. 1—4; Архив ЛОИИ, колл. 47, д. 267, лл. 1—3; ф. 134, оп. 1, д. 630, л. 1; д. 631, л. 1; д. 632, л. 1; ф. 157, д. 314, л. 1; д. 331, л. 1.

²¹⁶ ГПБ, ОР, Собр. Зинченко, д. 832, лл. 1—5 (31 июля 1682 г.— грамота из Приказа московской надворной пехоты в Устюг Великий воеводе генерал-поручику А. Ф. Трорурихту о порядке податного обложения монастырских и беломестных слобод в Устюжском уезде).

²¹⁷ С. М. Соловьев. Указ соч., стр. 338—348; С. Медведев. Созерцание, стр. 60—67; М. Н. Тихомиров. Записки, стр. 451—452, 452—453; ГПБ, ОР, Солов. собр., д. 988 (878), лл. 724 об.—727 об.; А. А. Матвеев. Записки, стр. 34.

²¹⁸ С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 342.

ные современниками Софьи и Петра и историками, как будто дают основание для вывода о том, что Софья и ее клевреты с помощью рукводимых ими стрельцов быстро добились своего. Так, А. П. Станевич считает, что челобитная о выборе второго царя, хотя и шла из стрелецкой среды, была составлена во дворце²¹⁹.

На самом деле все происходило гораздо сложнее. И это дает достаточно ясно почувствовать не кто иной, как ревностный сторонник Софьи С. Медведев²²⁰, расточающий ей похвалы за мудрое и умелое поведение во время «смуты».

23 мая все выборные восставших «служивых» людей пришли в Кремль к Красному крыльцу и «велели» боярину кн. И. А. Хованскому «доложить государыням царевнам, что во всех их стрелецких полках хотят и иных чинов многие люди», чтобы в Московском царстве были два царя: старший брат Иван — первым, младший Петр — вторым. Обратим внимание на то, что выборные от имени всех «служивых», а также «иных чинов многих людей» пришли не просить, а требовать, более того — диктовать свою волю, причем они обращались через посредство И. А. Хованского к царевнам, в том числе и в первую очередь, конечно, к Софье, а не к царю Петру и его матери, продолжавшей формально считаться правящей царицей. С ней они попросту не считались. Повесть из Соловецкого собрания²²¹ сообщает, что стрельцы для этого челобитья «избраша от всех полков самых избранных стрельцов». Правда, автор повести изображает дело так, будто бы стрельцы повелели своим выборным «всенародно... бити челом» царю Петру и царице Наталье, которые, «помыслив о сем» «со всем своим государским домом», с боярами, патриархом Иоакимом и освященным собором, согласились и о том «соборне уложиша», «дабы в народе всякая смута и мятеж прекратити». Верно, конечно, то, что удовлетворение этого «челобитья», как и в других случаях, вызывалось желанием верхов предотвратить дальнейшее развитие «мятежа». Но, как свидетельствуют источники, акт провозглашения Ивана первым царем отнюдь не выглядел этаким удовлетворением челобитья стрельцов со стороны Петра и его матери.

Восставшие, как свидетельствует Медведев, потребовали этого весьма решительно: «А естли де того не восхошет кто учинить, паки хотят итить вси, вооружася, во град (т. е. в Кремль.— В. Б.), и от того будет мятеж немалый». Это была прямая угроза вооруженной расправы в случае отказа удовлетворить их требование. Она подействовала немедленно: «по доношению» И. А. Хованского царевны собрали бояр, окольных, думных и

²¹⁹ А. П. Станевич. Указ. соч., стр. 271—272.

²²⁰ С. Медведев. Созерцание, стр. 60—67.

²²¹ ГПБ, ОР, Солов. собр., д. 988 (878), лл. 724 об.—726.

ближних людей, т. е. всю правящую верхушку. Сюда же привели выборных «и извет объявили, и они тому согласны учинилися». Последовало указание («их царского величества», т. е. Петра, на этот раз) собраться в Грановитой палате «всяких чинов людям» для обсуждения, «чтобы такое великое дело было постоянно, наипаче же вси желание имеют, како бы народное колебание и мятеж в царствующем граде усмирися».

В тот же день состоялось это предусмотренное совещание в Грановитой палате по вопросу об избрании двух царей. Результат был, конечно, тот же: «...Говорили много и, чтобы тому быти, согласилися».

Только после этого в Грановитую палату пригласили патриарха Иоакима и освященный собор и о том деле «свое намерение объявили». Эта деталь тоже знаменательна: неугодного восставшим патриарха и освященный собор поставили по существу перед совершившимся фактом, не спрашивая предварительно их согласия.

«Согласие» на совещании не обошлось без споров и противоречий: некоторые говорили, что в одном государстве двум царям быть «трудно», а другие, наоборот, доказывали, что «дело будет полезно государству». В конце концов «сие избрание и совет всего народа» царю Петру, царевичу Ивану, царицам и царевнам «возвестили». Затем, желая всему государству тишины, «чтобы смущения и мятежу в народе не было», в тот же день благовестили «довольно» в большой колокол, а патриарх с освященным собором, Иван и Петр и прочие присутствовали в Успенском соборе на благодарственном молебном пении. Царей поздравляли и возглашали им «многия лета».

Того же 23 мая И. А. Хованский, «вышед с Верху», спрашивал выборных: «все ли у них смирно», на что получил утвердительный ответ. Выборные спрашивали о здоровье членов царского дома. Потом царевна Софья, продолжает Медведев, «выборных изволила призвать и службу их похваляла, а впредь де за их службу им их государская милость будет». Ту же «государскую милость» им сказал и впредь обещал царь Петр.

25 мая опять состоялись переговоры выборных с Хованским и членами царского семейства. «Учиня между себе совет», выборные «пришли за переграду и велели сказать» Хованскому, «чтобы он к ним вышел». Вышедшему к ним боярину они «извещали наедине», что постельница царицы Марфы Матвеевны Федора Семенова, «сидя за караулом у Николаевских ворот», говорила: Иван Алексеевич «болезнует о своем государстве да и государыни царевны о том сетуют». Арестованная восставшими постельница, т. е. довольно приближенное лицо вдовой царицы Марфы, едва ли говорила выдуманные ею слова. Вероятнее, что она передавала (правда, в очень неясной форме) толки среди членов царского семейства, в частности в окружении младшей царицы-

вдовы и ее золовок. Эти толки могут отражать придворные интриги, в ходе которых могли складываться какие-то группировки, связанные общими интересами, стремлениями и т. д. Во всяком случае, можно сказать, что это муссирование слухов и разговоров о «болезновании» Ивана Алексеевича о «своем государстве», с одной стороны, совпадало с линией, проводившейся восставшими, с другой — соответствовало интересам партии Софьи.

Выборные потребовали доложить о словах Федоры царевне Софье и организовать им прием у Ивана Алексеевича («видети их государские очи»). Им разрешили прийти во дворец по человеку с полка и быть «перед» царевичем Иваном, который их «жаловал к руке», и царевнами.

Царевны службу стрельцов и солдат «милостиво похваляли и о приходе выборных спрашивали». В ответ выборные извещали о словах Федоры и «говорили: по чьему наученью она те слова говорила?». Царевич и царевны отвечали, что они никуда Федору не посылали и никаких слов говорить ей не приказывали, «только де она у них, великих государей, просилася в Вознесенской монастырь и к Василью Блаженному помолитися». Как видим, выборные стрельцы вели себя, кажется, вполне естественно и правдиво. Во всяком случае, в этой сцене не чувствуется, что с их стороны она разыгрывалась по какому-то предварительному сговору. Ведь в конце концов они могли прийти во дворец и спросить, когда и о чем захотят. Зачем для этого выбирать такой сложный путь — арест царицыной постельницы? Всего этого нельзя сказать о другой стороне, в первую очередь о Софье. Именно ее режиссерская рука чувствуется в этих водевильных сценах: отпрашивание постельницы безвольной и бесцветной царицы Марфы (отодвинутой на задний план после смерти мужа, царя Федора, и к тому же даже не приглашенной на встречу с выборными 25 мая) у «великих государей», т. е. у Ивана и Петра, помолитися, ее подозрительная агитация и арест восставших, приход представителей восставших в царские покои и уклончивые ответы царевича и царевен, среди которых первую скрипку играла Софья. Все дело в том, что все эти мелкие придворные хитрости в общем-то шли на пользу именно Софье, ловко игравшей на струнах наивномонархических чувств восставших. Она, конечно, хотела закрепить то, что наметилось 23 мая. И 25 мая это и произошло — «выборные всех полков им, великим государем и государыням царевнам, извещали, чтобы у них, великих государей, в их государских полатах никакова смятения не было». Таким образом, восставшие опять диктуют свою волю, на этот раз указывая на недопустимость каких-либо раздоров при царском дворе, среди членов царского семейства. Далее они подтвердили решение о двух царях и даже распределили их обязанности: первому, Ивану, править в Московском государстве, а второму, Петру, — принимать послов и ходить на войну против

неприятелей. Подобная мысль в общей форме приводилась, между прочим, на совещании в Грановитой палате 23 мая для обоснования законности правления двух царей. Теперь она получила, так сказать, конкретную разработку.

Медведев пишет далее, что оба государя и царевны «те слова слышали радостно», согласились, что Иван должен стать первым царем, «и тех выборных за те слова милостиво похваляли». Однако несколькими строками ниже оказывается, что Иван заявил при этом: «Желанием того, чтоб быть ему великим государем царем, не желает, в том буди воля божия: что бог восхощет, то и сотворит». Иван Алексеевич довольно ясно высказал свое отвращение к суете и хлопотам, связанными с царским саном, но подчинился требованию восставших, тем более что всегда можно было свалить на волю Божию. О воле бога говорили и царевны: «Они де, выборные, не собою то говорят, но божие о том изволение, и богом они в том наставляеми». Одна из них, Софья, могла, действительно, испытывать чувство благодарности к «промыслу Божию», во всяком случае громко заявлять об этом и даже видеть его проявление в действиях восставших, в результате которых к власти неуклонно продвигались она и ее сторонники. Свое же истинное отношение к восставшим она еще не замедлит показать уже осенью того же года, когда ее положение укрепится. А пока она действовала осторожно и расчетливо.

26 мая состоялось новое совещание в Грановитой палате о двух царях. Здесь присутствовали освященный собор во главе с патриархом и Боярская дума. Около Грановитой палаты «за перепрадою» ожидали решения выборные всех полков (и, вероятно, сами стрельцы), солдаты, гости, торговые люди Гостиной и Суконной сотен, посадские люди московских сотен и слобод. Решение не заставило себя ждать, его объявили приглашенным в Грановитую палату стрельцам и солдатам, московским купцам и чернослободцам. Это было официальное провозглашение царями Ивана и Петра. Цари распорядились «поить и кормить» по два полка стрельцов и солдат в день.

«По сем» (в какой день, неясно) Софью провозгласили регентшей, «яко же прежде (когда?— В. Б.) солдаты и стрельцы усоветоваше о прощении правления Росийского государства» этой ловкой и энергичной женщине. В записной книге Разрядного приказа, выпись из которой приводит С. Медведев, говорится по этому поводу, что участники совещания (неясно, какого — 23 мая или 26 мая? вероятно, все-таки 26-го, поскольку говорится об участии в нем Иоакима) решили вручить правление из-за юности обоих царей их сестре Софье; «и кроме ее правити Росийское царствие никому невозможно». Дело заключалось, конечно, не столько в этом, хотя всем были известны способности Софьи как политика, сколько в «совете» восставших стрельцов и солдат.

Софья, получившая это «всенароднее» челобитье и благословение патриарха, «по многом отрицании» (что полагалось по тогдашнему политическому этикету) «тот превеликий труд восприяти изволила». Софья указала докладывать себе о всяких государственных делах и за теми делами «изволила сидети... з бояры в полате», т. е. на заседаниях Боярской думы. Отныне она должна была упоминаться в начале официальных приговоров Боярской думы после царей.

Избрание двух царей отметили соответствующими церемониями. По всей стране население вновь два месяца спустя после воцарения Петра, приводили к присяге²²².

Итак, восставшие стрельцы и солдаты осуществили цель, намеченную в начале движения: устранив от власти «плохих» бояр, они сделали первым царем «хорошего» царевича Ивана. Их не смущало и, вероятно, не интересовало то, что он был неспособен к государственной деятельности ни сейчас, ни в будущем. Более важным в их глазах являлось то, что ставленник «плохих» бояр и патриарха Петр был отодвигнут на второе место (совсем сместить его они и не помышляли), а новый первый и к тому же, как они надеялись, тихий и беззлобный, «хороший» царь вместе с «хорошей» правительницей, которая хочет им добра (ведь она на стороне того же Ивана, к тому же ведет с ними ласковые разговоры, приказывает выдавать им деньги и водку!), и «хорошими» советниками принесет им облегчение во всем.

Эта двойственность, противоречивая сущность движения — с одной стороны, выступление против власти, с другой — надежды получить требуемое от нее же — пронизывают его от начала до конца. К тому же с самого начала ряды восставших разъедали противоречия, то скрытые, то открытые. Еще в конце апреля — начале мая находились среди них люди, выступавшие против начавшегося восстания. Но их сопротивление было подавлено решительно и круто, поскольку движение находилось на подъеме, и ничто не могло ему помешать. Требования, которые выдвигались на тайных совещаниях и в челобитьях, отражали интересы и пожелания большинства стрельцов и солдат, особенно радикально настроенных малоимущих рядовых.

После победы и удовлетворения основных требований стрельцы и солдаты, продолжая в течение весны и лета конфискации, а в отдельных случаях и расправы, по-прежнему заботились о своих интересах, причем теперь предпочитали действовать в легальных формах. Именно поэтому по их воле у власти оказались Иван, Софья, их сторонники, а также другие лица, особо угод-

²²² ГПБ, ОР, Собр. грамот, д. 2878, лл. 1—2; д. 3011, лл. 1—8. СГГид, т. IV, № 145—147, 149—150, стр. 440—445, 450—455. ААЭ, т. IV, № 257, стр. 367—368. АИ, т. V, № 86, стр. 135—137. ДАИ, т. X, № 15, стр. 37—40.

ные самим стрельцам и солдатам В числе первых назовем боярина кн. В. В. Голицына, фаворита Софьи, талантливейшего политического деятеля конца столетия, возглавившего Посольский и другие приказы, и другого известного деятеля — думного дьяка Ф. Л. Шакловитого, будущего фаворита Софьи, пришедшего в Разрядный приказ, и некоторых других, в числе вторых — боярина кн. И. А. Хованского, возглавившего Стрелецкий приказ, и его сына Андрея, ставшего главным судьей Судного приказа, объединившего функции прежних Московского и Владимирского судебных приказов, разгромленных 15 мая 1682 г. Боярин И. М. Милославский, возглавивший Пушкарский, Иноземский и Рейтарский приказы, через какую-нибудь неделю после назначения (16 или 17 мая) был отставлен и заменен боярином кн. Ф. С. Урусовым из-за плохих отношений со старшим Хованским. Впрочем, властолюбивый и коварный Милославский не был угоден и самой Софье, которая не допускала его к делам и после падения Хованского²²³.

Впереди стрельцов и солдат ожидало много разочарований в их надеждах на «хороших» правителей, пока же они были все-таки сильны. Они думали, что новое правительство будет «хорошим» в смысле удовлетворения их требований, а они будут служить ему, как и прежде. Восставшие по существу встали на путь, гибельный для движения в целом, хотя в будущем не раз заявляли себя «бунтарями».

В ходе последующих событий стрельцы и солдаты, эта основная движущая сила движения, повели себя так, что, несмотря на свое противостояние власти имущим, теряли одного за другим своих союзников, не смогли поднять на активную борьбу «чернь». Причин для этого было много: социальная рознь в их рядах, политическая неадекватность, эгоистичность и нежелание, неумение считаться с интересами других слоев населения, излишняя уверенность в своих силах, желание действовать в легальных рамках при наличии власти царей, бояр и приказных, поскольку другого они не могли помыслить, хотя и пытались внести в эту привычную систему свои коррективы (представительство в виде выборных, круги и т. д.).

Правда, мы должны отметить одну особенность наивного монархизма восставших. Выше уже на основании свидетельства Розенбуша²²⁴ отмечалось, что они, хотя и действовали от имени царевича Ивана, никого ни о чем не спрашивали и делали все, что хотели. Услышав от Ивана, что он не хочет царствовать, они тут же закричали здравцу царю Петру и согласились, чтобы царицу Наталью оставили при нем, а не постригали в монахи, как они хотели раньше сделать.

²²³ С. К. Богоявленский. Хованщина, стр. 190—191, 192

²²⁴ Розенбуш. Записка, стр. 48.

Голландский резидент Келлер в связи с этим отмечает даже, что стрельцы относились равнодушно к спорам в среде придворных деятелей по вопросу об избрании на престол царя Ивана. Единодушно выступили здесь бояре, которые, опасаясь восстания холопов, отложили свои распри и объединились перед лицом новой страшной угрозы: было принято компромиссное решение о двух царях²²⁵. Это замечание можно принять во второй его части, касающейся позиции верхушки правящего класса. К этому нужно только добавить, что она испытывала страх не только перед возможным восстанием холопов, но и перед уже совершившимися восстание стрельцами и солдатами, которые к тому же грозили повторить то, что они делали 15—17 мая. Что касается равнодушия стрельцов к династическим распрям, то с этим можно согласиться с оговорками. Они проявили равнодушие к придворной политической кухне и ясно показали это во время своего визита в царские палаты 25 мая, когда потребовали, чтобы не было никаких склок и раздоров, и не принимали участия в совещаниях и обсуждениях 23 и 26 мая (это им и по чину не было положено, они на это и не претендовали). Но им было безразлично, кто возглавит правительство после свержения ими «плохих» правителей. Им нужны были «хорошие» правители, желательно лица, негодные бывшим «плохим» деятелям. Таких они увидели в «обиженном» царевиче Иване, поправившейся им и казавшейся «доброй» его сестре царевне Софье, «добром» же князе Хованском. Впоследствии к этой категории «добрых» бояр они отнесли кн. В. В. Голицына. И уже здесь, в вопросе о вручении власти «хорошим» правителям, они диктовали свою волю. В этом проявлялась их сила и еще более — их слабость. Во всяком случае, восставшие стрельцы и солдаты оказали явное влияние на обновление состава правительства; они, по словам С. М. Соловьева, «устроили, налепили правительство, которое все признали беспрекословно»²²⁶, хотя в целом правительственная машина оказалась в конечном счете в руках не восставших, а Софьи и ее сторонников.

²²⁵ М. И. Белов. Письма, стр. 382.

²²⁶ С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 276.

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ ВОССТАВШИХ. ПРОГРАММА ВОССТАНИЯ

ХОЛОПЫ, ПОСАДСКИЕ ЛЮДИ ВО ВРЕМЯ ВОССТАНИЯ

Основной движущей силой Московского восстания 1682 г. явились стрельцы и солдаты и их союзники (пушкари, воротники и др.), т. е. мелкие служилые люди — выходцы из посадских и всяких «вольных», «гулящих» людей, крестьян, холопов и т. д. Но помимо них, в движении приняли прямое или косвенное участие и сами посадские люди, крестьяне, холопы. Важность этого вопроса требует особого рассмотрения.

Противоречивость и слабость восстания, свойственные, впрочем, и другим народным движениям XVII в., проявлялись в разных формах с самого его начала. Вскоре после событий 15—17 мая они ярко выразились в истории с челобитьем московских холопов 26 мая.

Выше мы видели, что восставшие стрельцы и солдаты, на стороне которых было сочувствие и поддержка простых москвичей, разгромили Судный и Холопий приказы, уничтожили все документы на холопов и обещали «установить правду», а самим холопам дать волю. Это дало основание Келлеру считать, что вооруженное восстание стрельцов сомкнулось с выступлением холопов, требовавших «полной свободы», но тут же он предсказывает, что стрельцы после получения жалованья изменят холопам и расправятся с их выступлением. Самих стрельцов он сравнивает с древнеримскими легионерами, преторианцами, подавлявшими выступления рабов: «История нас учит, что у римлян подобные выступления рабов происходили часто, но что они обыкновенно подавлялись силой оружия». Так и произошло вскоре после выдачи жалования стрельцам²²⁷.

Относительно выступления холопов 15—17 мая источники молчат. Правда, некоторые холопы, используя события 15—17 мая, делали попытки освободиться от власти своего господина. Так, 19 мая в доме С. Ф. Толочанова обнаружилось «письмо», автором которого оказался его холоп Алексей Степанов. В нем

²²⁷ М. И. Белов. Нидерландский резидент в Москве, стр. 338; он же. Письма, стр. 381, 382.

содержалось требование к Толочанову отпустить всех холопов, иначе владельцу угрожали смертью²²⁸.

В целом же стрельцы и солдаты, хотя и пытались вызвать чувство социальных низов Москвы, чего они и добились, в том числе и со стороны холопов, видимо, считали свои вооруженные полки достаточными для успеха восстания.

В рассматриваемом вопросе следует принять во внимание сложность во взаимоотношениях между стрельцами и холопами. Часть стрельцов — представители социальных низов, в числе которых имелись выходцы из холопов и крестьян, конечно, сочувственно относились к попыткам московских холопов получить свободу, что едва ли можно сказать о стрелецкой верхушке. С другой стороны, в среде столичных холопов имелись совсем обездоленная и нищая масса кабальных людей и своеобразная холопская верхушка, обладавшая нередко большими средствами и влиянием, — боярские приказчики, ключники и особенно привилегированные и приближенные к господам холопы-воины. На стороне бояр выступали прежде всего представители этой высшей категории холопов. Что касается предсказания Келлера о расправе стрельцов с холопами, то оно в известной степени оправдалось, хотя и здесь есть ряд моментов, на которые не обратили внимания ни он, ни его современники, ни исследователи.

Как сообщается в разрядной записке, 26 мая, т. е. в день официального наречения первым царем Ивана Алексеевича, «били челом великим государем люди боярские розных домов о свободе, чтобы им быть безкабально, и воровские составные челобитные подносили»²²⁹. Очевидно, подаче этой челобитной предшествовали какие-то совещания среди холопов «розных домов» (т. е. домов бояр и других холоповладельцев). Они пытались установить контакт с победившими стрельцами и солдатами: в челобитных восставших и пересказывающей их царской жалованной грамоте 6 июня говорится, что «боярские люди к ним (восставшим. — В. Б.) приобщаются в совет, чтобы им быти из домов свободным...»²³⁰. Но это не удалось. Цари указали стрельцам холопов-челобитчиков «ловить... и приводить и, приводя, их пытать и казнить, а иных бить кнутом за их воровское составное челобитье». Приказано было также организовать сыск «про воровскую составную челобитную и промысл»²³¹.

Именно в связи с этой разрядной записью исследователи, в

²²⁸ ЦГАДА, ф. 210. Столбцы Белгородского стола, д. 1059, лл. 275—276; А. П. Станевич. Указ. соч., стр. 263.

²²⁹ С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 335.

²³⁰ ААЭ, т. IV, № 255-I, стр. 360; 255-II, стр. 363; С. Медведев. Со-
здание, стр. 70.

²³¹ С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 335.

частности С. К. Богоявленский, и пишут о разгроме движения холопов. А. Н. Штраух, наоборот, пишет, что «холопская петиция была не массовым явлением, а только незначительным эпизодом»²³². Эта разрядная запись говорит не о казнях и пытках, а об указании царей на сей счет. Правда, о подавлении стрельцами выступления холопов говорит Келлер, но его свидетельство нельзя признать достаточно ясным и убедительным. Все другие источники единодушно молчат о каком-либо выступлении, восстании холопов — речь шла совсем не об этом, а о мирной подаче челобитной двум царям.

Холопы после разгрома ненавистных им приказов 15 мая и обещаний стрельцов и солдат надеялись получить волю и подали о том челобитную властям, что само по себе являлось, конечно, дерзким актом. Правда, они рассчитывали на помощь стрельцов и солдат, в «совет» с которыми они пытались вступить, а также на милостивое отношение царей в день наречения на престол одного из них. Наивно-монархические иллюзии были и им свойственны в полной мере. О восстании они и не помышляли ни 15 мая, ни 26 мая. Желая получить свободу из рук двух царей, они строили свои надежды на песке.

Если стрельцы и расправились с ними, то это не носит характер массовой расправы с движением московских холопов. Речь идет о небольшом, конечно, числе челобитчиков из числа холопов, мирно подавших свое необычное прошение. Тем не менее стрельцы и солдаты не поддержали это челобитье и тем самым лишились возможности получить сильнейший резерв для своего движения, поскольку число холопов в Москве превышало число их самих. Это сказалось впоследствии: когда в сентябре и октябре в Троице-Сергиевом монастыре собиралось против восставших дворянское ополчение, в его рядах насчитывалось немало холопов, приехавших туда вместе со своими господами.

То, что произошло с холопами-челобитчиками 26 мая 1682 г., не является исключением. Во время Московского восстания 1648 г. холопы 27 июня просили, «чтобы им дана была свобода». В ответ 6 холопов обезглавили, 72 — посадили в тюрьму²³³.

Выше мы уже отмечали двойственность в положении и поведении холопов во времена народных движений, боязнь со стороны стрельцов и солдат их выступления на стороне господ. К этому прибавилось теперь и то обстоятельство, что «служивые», добившись удовлетворения своих требований от постав-

²³² С. К. Богоявленский. Хованщина, стр. 195—196; А. Н. Штраух. Указ. соч., стр. 27.

²³³ «Городские восстания в Московском государстве XVII в.». Сб. документов. М.—Л., 1936, стр. 38 (из донесения Поммеринга).

ленных им «хороших» правителей, считали себя обязанными подчиняться их распоряжениям, как это они всегда и делали по долгу службы. В связи с этим обращает на себя внимание сообщение папского резидента в Варшаве о том, что большое число холопов (именно их он имеет в виду, хотя называет «крестьянами») объединилось со стрельцами, надеясь таким путем избавиться от жестокого рабства. Стрельцы не препятствовали этому стремлению. Но Хованский заставил их изменить свое мнение, уверяя, что и без этого союза гвардия очень сильна и может добиться всего, чего хочет. Таким образом, холопы («крестьяне») были отвергнуты, преданы бесчестью и осмеяны, а некоторые даже убиты солдатами²³⁴.

Тот факт, что стрельцы не поддержали челобитье холопов 26 мая, не исчерпывает, однако, вопроса. Имеются данные источников, которые говорят о совсем другом отношении стрельцов к холопам. Вот важное свидетельство автора повести из Соловецкого собрания²³⁵: он сетует на то, что после наречения на престол двух царей «[в] народе же самовольницы от мятежу еще не укротившася и от злых помышлений не престаша». Эти «невежды, жесто[ко]сердые и немилостивые человецы паки начаша творити всему миру страхования, присовокупляюще к себе от господ беглых рабов в стрелцы». Далее говорится, что эти сбежавшие от господ холопы, ставшие стрельцами, вместе со своими товарищами ходили по дворам с копьями, «правляще никому же ведомых долгов, кто и у кого что взя». Речь идет, несомненно, о взимании различных «начетных» денег с людей типа Кравкова, Мещеринова и т. д. Последние беспрекословно отдавали требуемое: «Жители же домов тех, окупая свой живот, чествоваху их двоцею и третицею и вьящи тех запросов отдающе им пенязи (на примере с Мещериновым мы можем убедиться и в обратном. — В. Б.), реша страшливым сердцем, плачущесе: «Примите господие, должное свое», и тако от смерти свободишася». Перед нами — довольно красноречивое свидетельство недоброжелателя восставших об их всесилиии и том чувстве страха, которое испытывали перед ними власть имущие. Далее автор повести рассказывает о том, как восставшие «самовольницы» вставали на сторону холопов против их господ: «И кто поимается за беглого своего раба и с караулом приведен будет в приказ к записке, — они же, самовольницы, невежди, за сих беглых мнози прихождаху, не токмо господина того, но и суди[я]м грозяще копиями заклати, рекуще, яко они (холопы. — В. Б.) хошут сами царем служити; сего же ради и судии не смеюще с ними слова рещи, бояху бо ся смерти напрасныя».

²³⁴ А. Theiner, p. 237—238 (донесение от 30 сентября 1682 г.).

²³⁵ ГПБ, ОР, Солов. собр., д. 988 (878), л. 728.

Таким образом, «многие» из числа восставших стрельцов становились на сторону холопов, освобождавшихся из подневольного состояния и вступающих в ряды стрельцов. Тем самым они как бы автоматически становились вольными людьми, служащими царям. В этом акте по существу сочетается несочетаемое: «революционность» и преклонение перед царской властью, желание облечь освобождение от крепостной неволи в легальные формы. В связи с этим любопытно замечание А. А. Матвеева о том, что стрельцы, громя Холопий приказ и крича по столице: «Всем слугам боярским дана от нас полная воля на все стороны», — стремились «служителей боярских без всякой опасности к себе принимать и от неволи той вовсе освободить»²³⁶.

Получается довольно своеобразная картина: стрельцы не поддержали челобитье холопов к царской власти и даже, возможно, казнили по ее указанию нескольких их представителей (кстати, в этом факте, если он имел место, стрельцы не видели ничего особенного: ведь расправились же они с некоторыми холопами на кремлевской площади утром 15 мая, а сейчас исполняли распоряжение новой, поставленной ими власти, которую они «признали»). В то же время они поддерживали их освобождение от холопства путем поступления в стрельцы, т. е. на царскую службу, и выступали против их господ и приказных судей, если бывшим холопам, а теперь стрельцам и людям вольным, грозила опасность возврата к прежнему состоянию.

Дополнительные данные по этому вопросу дают некоторые сохранившиеся документальные источники. Тульский воевода стольник И. Я. Мясной в отписке, написанной между 9 и 19 октября 1682 г., сообщает о поимке 9 октября «прихожева чело века» на заставе и его допросе в съезжей избе на Туле. Пойманный сказался Михаилом Тимофеевичем Бухаревым, дворовым человеком П. В. Любавского, от которого он бежал 6 августа того же года из деревни Тереховой Пронского уезда. «Бегаючи», продолжает пронский холоп, жил он в Москве в полку надворной пехоты полковника П. Бохина у свояка С. Боровкова в четвертой сотне. Хотя он и не говорит этого, но, очевидно, был зачислен в стрельцы, иначе он едва ли бы мог жить среди них в течение полутора — двух месяцев. 5 октября, т. е. после капитуляции восставших стрельцов, он «с Москвы пошел» в Данков к В. Ф. Карандееву — зятю своего владельца П. В. Любавского. На допросе он утверждал, что «думы» у него с надворною пехотою не было, никаких слов о них не слышал и в надворной пехоте не служил. Бухарева посадили в тульскую тюрьму. В Москве на тульской отписке 19 октября записали указ царей: как только Любавский будет бить о нем челом, то, «бив кнутом

²³⁶ А. А. Матвеев. Записки, стр. 33.

на козле нещадно», отдать его владельцу, «чтобы впредь неподобно было бегать»²³⁷.

В стрельцы во время восстания в Москве принимали не только холопов. В том же октябре (между 15 и 29) в отписке одоевский воевода П. А. Расловлев сообщил в Москву, что 15 октября на заставах, поставленных на мостах на р. Упе под Одоевом и в Лихвинском уезде «под Настасовым монастырем», задержали одоевских стрельцов Мартына Дербышева, Лариона Дурнобрагова, стрелецкого сына Елизара Фурсова и пушкарей Антипа Канина и Афанасия Панкротова. На допросе 15 октября стрелецкий сын Е. Фурсов показал, что пошел из Одоева в Москву в июле 1682 г. и пришел в полк П. Бохина к Е. Дунаеву, бил челом словесно великим государям, чтобы его приняли в этот полк в надворную пехоту. Его просьбу удовлетворили, правда при этом не дали ни жалованья, ни оружия. Он занимался тем, что «нанимался в караул», поскольку начальство никуда его не посылало. Но «в нынешнем» 191-м году (т. е. в сентябре или, что вероятнее, в октябре 1682 г.) полковник П. Бохин объявил «им, новоприборным надворной пехоте», царский указ о том, что «великие государи не указали им быть в надворной пехоте». Такая же примерно судьба постигла и пушкарей А. Канина и А. Панкротова, которые в августе нанялись у одоевского садовника Д. Мартинова в работники, чтобы гнать в Москву «животину». Там Канин пришел к двоюродному брату Г. Першину, Панкротов — к дяде М. Худошорстову и тоже записались по словесному челобитию в полк П. Бохина. Л. Дурнобрагов в июле нанялся гнать «животину» в Москву у одоевского посадского человека С. Титова; в полку П. Бохина служил его дядя И. Кондратов. Наконец, М. Дербышев в августе нанялся у «человека» одоевца М. И. Ботвиньева у А. Федорова вести в Москву запас в полк П. Бохина к его брату П. Лукьянову²³⁸.

В данном случае речь идет о поступлении в ряды московских стрельцов не холопов, а одоевских стрельцов и пушкарей, но из документов, связанных с делом этой по существу провинциальной голи перекатной, выясняется положение «новоприборных» стрельцов, каковыми становились и поступившие в их ряды холопы, их судьба после капитуляции восставших.

Рязанский воевода кн. Г. Козловский сообщил, что 9 октября в Переяславле-Рязанском сыскан московской надворной пехоты полка М. Ф. Ознобишина Иван Ефремович Грязной. Последний на допросе не мог даже припомнить, какого чина и места он уроженец, только слышал от крестьянина села Стебачева Спасо-Ефимьева монастыря Суздальского уезда О. Екимова, что он — уроженец того же села, крестьянский сын (т. е. проис-

²³⁷ ЦГАДА, ф 210, Столбцы Белгородского стола, д. 990, лл. 101—102.

²³⁸ Там же, д. 1029, лл. 87—94.

ходил из монастырских крестьян); кто-то «свез его» в Переяславль-Рязанский, где он жил «лет с 15 и больши, переходя, и кормился работою своею», т. е. стал гулящим человеком. В 190-м, т. е. в 1681 или 1682 г., он женился и «на тое женитву» и уплату долгов занял у рязанского подьячего С. Обонисимова 6 руб. За эти деньги он просился подьячему «в работу во двор». Но в том же году «перед Семенем днем» он сбежал от своего хозяина в Москву, где бил челом в стрельцы и был принят в полк М. Ф. Ознобишина. В октябре 1682 г. он был «из стрелецкой службы отставлен» и приехал снова в Переяславль-Рязанский к подьячему С. Обонисимову²³⁹.

В правительственных статьях от 3 октября 1682 г., содержащих условия, на которых принималась капитуляция восставших стрельцов и солдат, в одном из пунктов им предписывалось: «На Москве и в городех ни у ково дворов себе не отнимать и людей и крестьян в пехотной строй и на свободу не подговаривать, и свойственниками не называть, и за них в челобитчиках не ходить, (подч. мной — В. Б.), и тем никому никакова разоренья и убытков не чинить»²⁴⁰. Это указание правительства говорит не об абстрактном запрещении, а имеет в виду, как мы могли убедиться выше, реальные факты поступления холопов, крестьян, стрельцов, пушкарей и, вероятно, представителей других слоев населения из Москвы и провинции в ряды московских стрельцов в период «смуты» 1682 г., причем сами восставшие стрельцы при этом «подговаривали» их к этому, «называли» (очевидно, не всегда правдиво) свойственниками, заступались за них с помощью не только челобитной, но и оружия.

В «смутное время» 1682 г. многие холопы получили отпускные. Об этом в частности говорится в записи о спорном деле о холопах между боярином кн. М. А. Черкасским и стольником А. Безобразовым, которое оба царя и Софья слушали 21 мая 1683 г. По этому делу они приговорили взять у Черкасского и отдать Безобразову крестьянского сына Е. Еремеева и его зятя И. Казака с их женами и детьми. «А которые отпускные тем людям дал князь Андрей Хованской (возглавивший Судный приказ, к которому перешли и дела по ведомству Холопьяго приказа.— В. Б.), и по тем отпускным взял на тех людей служилые кабалы» боярин кн. М. А. Черкасский,— «и те отпускные и кабалы было велено отставить», так как они были даны без царского указа и без соответствующего челобитья Безобразова. Далее следовало общее указание: «И по иным многим делам отпускные, которые даваны в смутное время боярским людям по приговору князя Андрея Хованского, отставлены»²⁴¹.

²³⁹ Там же, Столбцы Белгородского стола, д. 1044, лл. 1—7.

²⁴⁰ ААЗ, т. IV, № 266-II, стр. 568; С. Медведев. Созерцание, стр. 149.

²⁴¹ ЦГАДА, ф. 141, д. 30, 1683 г., лл. 12—13.

Жалобы на то, что их холопы взяли отпускные в «смутное время» («чтобы в то смутное время отбыть холопства»), подали жилец Ф. Григорьев (январь 1683 г.), подьячий Е. Зотов и др.²⁴²

Очевидно, таких отпускных на холопов было так много, что 13 февраля 1683 г. власти обнародовали специальное распоряжение по этому вопросу. В нем предписывалось: «Которые холопы взяли у бояр отпускные в смутное время за страхованием... тех отдать прежним их боярам и впредь таким отпускным не верить, потому что они их взяли в смутное время, неволею, за смутным страхованием». При «отдаче» господам этих холопов велено было бить нещадно кнутом, а в случае отказа господ принять их в свои дома — ссылать в дальние города «на вечное житье»²⁴³.

Н. Я. Аристов, отмечая связь восстания 1682 г. с «бунтами» времени Алексея Михайловича, например с разинским восстанием, в части провозглашения свободы холопам, пишет, что от слова до дела и в том, и в других случаях было далеко. Стрельцы в 1682 г. после майских событий «поддерживали царей» и поэтому по указанию властей хватили 26 мая холопов-челобитчиков²⁴⁴. Это верно, но, как мы могли убедиться из приведенных выше данных, вопрос о холопах во время восстания 1682 г. отнюдь нельзя свести только к вопросу о подаче челобитной 26 мая.

Чтобы до конца понять всю сложность вопроса о взаимоотношениях стрелецко-солдатских масс с холопами, необходимо учесть и тот элемент беспокойства, который они испытывали перед возможностью выступления холопов вместе со своими господами. Некоторые последующие события подтверждают, что эта боязнь действительно имела место.

Вечером 4 июня («в первом часу ночи», т. е. в первый час после захода солнца) «учинился за Тверскими вороты сполох»: стрельцы забили в барабаны и колокола по всей Москве. Оказывается, «пронеслася ложная весть, будто люди боярския на Бутырках в слободе (там стоял солдатский полк.— В. Б.) всех солдат порубили, а скопом де збираютца в Марьинской роще». Многие стрелецкие приказы в полном вооружении, даже с пушками, под знаменами и с барабанами пришли «под Бутырки». Там тоже «учинилась замятня и сполох», все солдаты уже стояли в боевом строю. Стрельцы, несмотря на то, что убедились в ложности «сполошных» слухов («видя, что пролгалось»), ночью все же пошли под Марьинскую рощу, но никого там не нашли, исключая двух пьяных бродящих людей, о которых им сказали, «что от тех и смута сполошная учинилась». На следующий день, 5 июня, двух бродяг после пытки повесили под Марьинской рощей.

²⁴² ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Белгородского стола, д. 1027, л. 45; д. 1039, л. 7 об.; А. П. Станевич. Указ. соч., стр. 264—265.

²⁴³ ПСЗ, т. II, № 992.

²⁴⁴ Н. Я. Аристов. Указ. соч., стр. 80—81, XVIII.

В тот же день на Лобном месте Красной площади сложили голову еще четыре человека — два холопа (А. И. Безобразова и И. А. Прончищева) и двое «не знама каких людей». «А казнили их за то: пьяным делом говорили на кружале, что самих стрельцов так жа рубить и на копы поднять, как бояр рубили»²⁴⁵.

В разрядной записке события этих двух дней описаны не совсем точно под одним числом — 5 июня, когда «была тревога во всех приказах, а взымали в то число боярских людей, а в приводе они сказали, будто собрались боярския люди в Марьинской роще и хотят рубить стрелецкия приказы». Любопытно известие о том, что «во всю ночь» (очевидно, в ночь с 4 на 5 июня) «была стрельба... везде изо всякого ружья». «На утрая» (можно понять, что это произошло утром 6 июня; на самом деле — 5 июня) холопов, распускаявших ложные и опасные слухи, «казнили за их воровство»²⁴⁶.

Через неделю разыгрались новые события. С. Медведев датирует их 12—14 июня, разрядная записка — 13—14 июня, повесть Мазуринского летописца — 14 июня²⁴⁷; С. Медведев описывает их с наибольшей подробностью, а два других источника — более кратко, причем их более всего интересует финал событий.

Сначала какой-то крещеный татарин или, по словам Медведева, царевич Одышевской земли Матвей Леонтьев (в повести — «Матвей Дидьянец, что назывался царевичем Дидьянским», хотя оказалось, что он не царевич, а простой боярский сын, как он потом признался на допросе) «вымыслом злым своим возмутил всех служивых, которые безумством хотели правительство стяжати, разсуждати же право не возмогали». Стоявшим у него на карауле стрельцам он заявил, будто «слышал в Верху, якобы все бояря хотят всех стрелцов ради их досады, что они бояр побили и в непокорстве пребывают, перевести и разными смертми их помучити». Среди стрельцов, естественно, «огонь ярости гневной возгоряся». Множество «служилых людей» «возшумеша... государем zelную доuku творят, чтобы всех их, бояр, изволили выдати». Страх перед расправой охватил всех знатных, «паки множество слез проляся у многих людей».

Разрядная записка и повесть добавляют при этом, что «царевич» конкретно обвинял в этих замыслах трех бояр князей Одовских: Никиту Ивановича, Якова Никитича (это о нем сказал А. А. Матвеев; «Гораздо боязливый и весьма торопкий человек»), и Василия Федоровича; они-де собирались «стрельцов вешать, казнить и рубить» (разрядная записка) или «чтоб стрельцов

²⁴⁵ М. Н. Тихомиров. Записки, стр. 452.

²⁴⁶ С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 335—336.

²⁴⁷ С. Медведев. Созерцание, стр. 92—94; С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 336; М. Н. Тихомиров. Записки, стр. 452.

половина разослать по городам, а другую половину перевешать на Москве около Землянова города» (повесть).

То же говорил о боярине жн. Н. И. Одоевском ярославский посадский человек Иван Бизяев, сказавший за собой «государево слово»: он якобы слышал на боярском дворе, что «хотят бодре стрелцов переводить всякими вымысла».

На пытке оба сказали, что то дело «затеяли напрасно», причем «царевича» пытали в застенке по указу обоих царей в присутствии всех бояр, которые пребывали «в велием страсе», и множества «служивых». «Царевич» повинился в том, что был недоволен малым «кормом», который давался ему от царского двора, и «честью невеликой»; он в результате своего доноса стрельцам «чаял себе честь принять большую». Другую причину выдвинул ярославец И. Бизяев: он де хотел «в Московском государстве смущение учинити, к тому еще хотел выжести Москву»; здесь уже проглядывает намерение организовать широкое движение против всех бояр путем распространения ложных слухов о намерениях последних (которые, кстати говоря, непрочь бы были это сделать, но в то время не в силах были это предпринять; в несколько другой форме они сделали это вместе с Софьей осенью того же года). Собственно, организовать выступление против бояр непрочь был и «царевич», но его стремления не простирались далее пожелания о большем «корме» и «чести великой».

Обоих казнили 14 июня на Красной площади: «царевича» — боярского сына — четвертовали, ярославцу отрубили голову на плахе.

В те же дни, как сообщает Медведев, пытали дворянина московского (в повести — «дьяка») Михаила Вешнякова и его сына Матвея, бывшего полковника (младший Вешняков получил отставку вместе с другими полковниками в ходе восстания). По «оговору», «доводу» холопа (по другим данным — не одного, а ряда холопов) их обвиняли в том, что они в сговоре с другими отставными стрелецкими полковниками «ради злобы своея собирают войско и нанимают боярских людей на стрелца по дватцати человек, чтобы стрелецкия полки вырубити». От пыток старший Вешняков умер, а его сын, согласно повести, «вместо смерти упросился у стрельцов постритца». Интересно, что повесть, несколько иначе формулирующая обвинение в адрес Вешняковых («брутто... хотели своею казною на стрельцов ратных людей нанимать»), повторяет ту же формулировку применительно к ним в записи под 19 мая, когда впервые был арестован М. Вешняков²⁴⁸. Стало быть, слухи о возможном сборе ратных людей, в том числе холопов, будоражили столицу вскоре после событий 15—17 мая, более чем за неделю до подачи холопами челобитной 26 мая.

²⁴⁸ М. Н. Тихомиров. Записки, стр. 451.

Согласно разрядной записке, со времени событий первой половины июня «немногие дни были без стрельбы, а во всех слободах стреляли из ружья».

Подытоживая свои сообщения об этих «сполохах», слухах, казнях и пытках, Медведев пишет: «И тако все лето суетнословия и затеек было полно, деющих страх и невинным людям всякого чина» — и приводит народную поговорку в связи с этим: «Который день прошел, тот до нас дошел» (некто вроде: «День прошел — и слава богу»). Эти слова рельефно рисуют обстановку страха и неуверенности, царившую в столице. Страх испытывали даже «невинные» люди, не говоря уже о тех, кто имел полное основание страшиться мести со стороны восставших. Но беспоконились в такой обстановке, начиная уже с середины мая, и сами восставшие стрельцы и солдаты, среди которых имелись различные группировки с противоположными подчас стремлениями, взглядами. Софья и ее сторонники, рвавшиеся к власти, ловко учитывали именно это обстоятельство, когда заигрывали со стрельцо-солдатской верхушкой в лице выборных. Ведь именно последние были вхожи во дворец, в покои Софьи. Вероятнее всего, именно они сыграли основную роль в том, что челобитье холопов 26 мая окончилось безрезультатно и, возможно, даже расправой с их представителями, пришедшими к царскому дворцу. Сыграла, несомненно, свою роль и боязнь стрельцов и солдат перед их возможным выступлением.

Запись правительственных актов о том, что отпускные давал в «смутное время» кн. А. И. Хованский, отражает тот факт, что он возглавлял Судный приказ, исполнявший функции Приказа холопьяго суда и выдававший подобного рода документы. Разумеется, знатный боярин, сам, конечно, холоповладелец, не хотел бы выдавать такие отпускные холопам, но не мог этого делать в той обстановке, в которой он работал летом 1682 г. Решающая роль здесь, как и в другом, принадлежала восставшим стрельцам и солдатам. В целом же приходится с горечью признать, что восставшие из-за противоречий в своей среде, монархизма, неопытности, недалекости, эгоистичности и самоуверенности не сумели организовать широкое движение холопов, которое могло бы стать мощным резервом, одной из важнейших движущих сил восстания. То же можно сказать и об отношении стрельцов и солдат к посадским людям.

Выше мы видели, что московское население поддержало движение во время событий 15—17 мая. Но и здесь победившие стрельцы и солдаты не захотели развязать народную инициативу. Они резко пресекли начавшиеся тогда же погромы боярских дворов московскими жителями, а ярославский посадский человек И. Бизяев, пытавшийся организовать новое «смятение», был казнен 14 июня.

С. К. Богоявленский приводит данные о волнениях среди посадских жителей Москвы в «смутное время»²⁴⁹. Борьба обострилась и приняла форму борьбы между «лучшими» и «молодшими» людьми, т. е. между зажиточной верхушкой и московским плебсом. Так, в конце августа 1682 г. жители Мещанской слободы, преимущественно «лучшие» люди, собрались на сход для выбора старосты. Но в схожую избу ворвалась группа «молодших», разогнала сход и выбрала из своей среды старосту, «не против своей меры, наглым озорничеством». На сходе в Бронной слободе 27 сентября староста пытался читать царский указ о том, «чтобы стрельбы в Бронной слободе не было и мятежу никакого не чинили», но серебряник Илья Федоров вырвал его из рук старосты, смял и сказал: «Тому указу верить нечему».

В царских жалованных грамотах, выданных после окончания восстания в московские слободы с похвалой за то, что они в нем не участвовали, признается в то же время: старосты и сотские в слободах были «во всяком смертном страховании и ужасе, сотенных людей от всякого мятения и дурна унимали и опасали». А тяглец Дмитровской сотни Иван Романов, служивший по выбору гостей и Гостиной сотни в Сотенной палате (орган сотенного самоуправления или же орган Земского приказа), получил похвалу за то, что, «будучи в смутное время, был во всяком страховании и ужесе и сотенных людей от всякого мятения и дурна унимал и опасал и боярину Михаилу Петровичю Головину с товарищи, которые тяглецы в то время были в шатости,—извещал».

Все это свидетельствует, по словам С. К. Богоявленского, о «косвенной» поддержке стрельцов московскими черными сотнями и слободами, хотя они и не примкнули к движению. Автор в известной степени неправ относительно того, что московские посадские люди не поддержали прямо выступление восставших. Приведенный материал о событиях 15—17 мая говорит о другом.

Некоторые данные о прямом участии московских посадских людей в восстании 1682 г. сохранились в деле «вольнодумца» Д. Е. Тверитинова. Из него известно, что тяглец Котельной слободы Михайло Андреев Косой «некако согласие возымел с теми бунтовщиками стрельцами, которые за таковые свои злобные дела наказаны различными видами и разосланы в дальние разные места, а иные из них и смертью казнены». М. А. Косой с товарищами ходили «бунтом» к дьякам и подьячим, брали с них деньги и были сосланы за это в Тобольск²⁵⁰.

Возвращаясь к С. К. Богоявленскому, мы должны отметить: он все же прав в том, что московские низы не приняли активного участия в движении в целом, хотя и пытались воспользоваться

²⁴⁹ С. К. Богоявленский. Хованщина, стр. 201—202.

²⁵⁰ Н. С. Тихонравов. Московские вольнодумцы начала XVIII в. и Стефан Яворский.— Соч., т. 2. М., 1898, стр. 175—176.

им, чтобы в отдельных случаях свести старые счеты с «лучшими» людьми, в других склонялись к «мятению», «шатости». И здесь стрельцы и солдаты не оказали им поддержки, не организовали их выступления, которое тоже могло бы стать мощным резервом движения. Правда, сочувствие московской бедноты было по-прежнему на их стороне, и не только сочувствие, но и готовность принять участие в новых выступлениях. Это проявилось не только в событиях, разыгравшихся после казни Хованских 17 сентября, но и во время движения раскольников весной — летом 1682 г.

Интересны некоторые сохранившиеся данные о прямом участии в восстании 1682 г. пришлых крестьян²⁵¹. Так, крестьяне Б. и А. Сныткины, принадлежавшие А. И. Лызлову, известному автору «Скифской истории», в «самое смутное время» жили «для работы в Москве» и, «собрався с воровскими многими людьми, приходили к отцу ево на двор и хотели убить ево до смерти и дом их разорить».

Известно и о других совместных выступлениях стрельцов и крестьян против феодалов. Так, около 10 июля 1682 г. крестьяне села Ильинского Череможской волости Ярославского уезда, принадлежавшие московскому Симонову монастырю, подали на него жалобу-челобитную боярину кн. И. А. Хованскому, который в это время возглавлял боярскую комиссию. Хованский дал челобитью обычный ход, началась приказная волокита. Стрельцы же, родственники и покровители крестьян-челобитчиков, «ходили за них, крестьян, в челобитье», более того — приходили в Симонов монастырь и «всячески угроживали копьями и ссылкой», т. е. прямо выступали в поддержку крестьян, которые отказались повиноваться монастырским властям, чуть было не убили монастырского приказчика в селе Ильинском. 31 июля, после возвращения (29 июля) царского двора, в том числе Софьи и В. В. Голицына, монастырское начальство подало свою челобитную с просьбой «смирить» подвластных ему крестьян, причем направило ее в Посольский приказ, который возглавлялся враждебным Хованскому фаворитом регентши. Челобитная, по словам Н. В. Устюгова, «выдержана в очень робких тонах», ее составители, прося «смирить» крестьян, в то же время соглашались уменьшить сумму денежного оброка. В этом нельзя не видеть непосредственного влияния обстановки продолжавшегося в столице восстания. Тон второй монастырской челобитной, поданной 15 ноября, т. е. уже после капитуляции восставших, совсем иной. Она обвиняет крестьян в том, что они, опираясь на восставших

²⁵¹ Е. В. Чистякова. Об авторе «Скифской истории» А. И. Лызлове. — «Вопросы социально-экономической истории и этнографии периода феодализма». М., 1961, стр. 287; Н. В. Устюгов. Волнения крестьян Симонова монастыря в селе Ильинском Череможской волости Ярославского уезда в 1682—1683 гг. — «Русское государство в XVII в.». М., 1961, стр. 289—291.

стрельцов, предъявили монастырю необоснованные якобы требования, до сих пор не подчиняются монастырю и тем причиняют ему большие убытки. Московские власти встали на сторону монастыря-феодала.

Московское восстание пытались использовать также крестьяне, мелкие служилые люди (стрельцы, пушкари и др.) разных уездов и городов России, выступления которых, вспыхивавшие в разное время и в разных местах, тоже остались без поддержки восставших столицы и более или менее быстро были подавлены или попросту сошли на нет, погасли.

ДВИЖЕНИЕ РАСКОЛЬНИКОВ

(проповедь раскольников в народе; составление челобитной о старой вере; переговоры раскольников с Хованским, царским двором, патриархом; диспут 5 июля; расправа с расколоучителями)

«Раскольниковый мятеж» явился важной составной частью Московского восстания 1682 г. Не входя в разбор специфических богословских, догматических разногласий, по которым происходили споры между сторонниками «древлего благочестия» и их противниками из числа сторонников официальной церкви во главе с патриархом Иоакимом, или никонианами, как называли их раскольники²⁵², остановимся только на ходе самого движения раскольников в Москве и прежде всего на участии в нем простого народа.

А. Н. Штраух отмечает, что это религиозно-политическое движение, зародившееся в одном полку (Титова), широко разлилось по московскому посаду, а затем — по деревням и скитам крепостной России. Его участниками в Москве стали прежде всего стрельцы и чернослободцы; высшие разряды городского населения (гости и др.) не были его активными участниками. Автор преувеличивает роль И. А. Хованского в этом движении, но правильно отмечает различное отношение к нему стрельцов и их выборных. С. К. Богоявленский также считает, что Хованский играл активную роль в раскольниковом движении²⁵³.

²⁵² См. об этом: Иоаким. [Слово на Никиту Пустосвята]; он же. Увет духовный; «Инока Сергия челобитная (вторая) царям Ивану и Петру Алексеевичам. 1682 г.».— «Материалы для истории раскола за первое время его существования». Под ред. Н. Субботина, т. 4. М., 1878, стр. 299—312; Н. Г. Устрялов. Указ. соч., стр. 284—287. Раскольники не признавали «новоисправных» богослужебных книг, введенных при патриархах Иосифе и Никоне, выступали за крещение по-старому двумя перстами против троеперстия и некоторых других церковных новшеств.

²⁵³ А. Н. Штраух. Указ. соч., стр. 38—43. С. К. Богоявленский. Хованщина, стр. 209—211.

О «раскольничьем мятеже» очень кратко рассказывается в повестях из Мазуринского летописца и из Соловецкого собрания, в записках А. А. Матвеева. Последний изображает их предводителями в первую очередь кн. И. А. Хованского, затем Никиту Пустосвята и «чернцов неучев, бродяг и пьяниц», допускает ряд ошибок в рассказе о «пре» 5 июля (присутствие на ней обоих царей, изгнание раскольников из Кремля стрельцами и т. д.). Но он не может скрыть факт участия больших масс народа в этом движении. Патриарх Иоаким в своем сочинении пишет, что «злии раскольницы возбеснеша... на непорочную церковь в царствующем зде граде восташа...» Царей, архиереев, весь монашеский священный чин, всех христиан (придерживающихся учения официальной церкви) они «назваша еретиками и богоотступниками и церкви святыя не токмо простыми храминами, но и конскими стоялищы нарицаху». Он описывает их проповеди в народе и отмечает: «И убо мнози прельщени от них». Один из сибирских летописцев, рассказывая о «пре» 5 июля, сообщает, что наряду с раскольниками на нем присутствовали «мирские мужики»—«бродяги ис кабаков»²⁵⁴.

С наибольшей подробностью описывают события, причем с противоположных позиций, сторонник официального православия С. Медведев и один из предводителей раскольников Савва Романов. Первый, отмечая, что раскольников ободрила «служивых дерзость во всем и смущение в государстве», пишет, что они начали выступать против официальной церкви («церковь святую ратовати»), «народ простой возмущати». Раскольники «присовокупиша лестными глаголами к тому своему злому начинанию многих служилых людей, грамоте не умеющих». Посадских людей, прельщенных и приставших к ним, автор тоже считает «неискусными». Все это говорит о том, что раскольников поддерживал простой народ, не искушенный в грамоте. Помогал им «в то время» (автор говорит о начале раскольничьего движения) и начальник Стрелецкого приказа боярин кн. И. А. Хованский. Раскольники открыто проповедовали по московским улицам и площадям, «людей простых учили», чтобы они не ходили в церковь, оскверненную никонианами, не кланялись новописанным иконам и не почитали трехсоставный крест. Подобные «прелести», возмущается автор, говорили не только люди, читающие по складам священные книги, «но и неуди, мужики и бабы, говорили невозбранно, собиралися бо много время на Красной площади все мужики простыя купами;

²⁵⁴ А. А. Матвеев. Записки, стр. 38—40; Иоаким. Увет духовный, лл. 54—56; Научная библиотека Томского гос. ун-та им. В. В. Куйбышева, Отдел редких книг и рукописей, витрина 752, ист. сб-к, лл. 76 об.—77; Тобольский краеведческий музей, фонд рукописных книг, д. 73, л. 117—117 об.

и всюду то и слышети, что како бы им веру старую утвердити». Толпы народа на московских площадях были по существу хозяевами положения; это явилось следствием того, что восставшие 15—17 мая одержали верх над правительством. Проповедники безнаказанно ратовали в пользу старой веры, а их противники либо молчали, либо при малейшей попытке защиты новой веры подвергались избиению («при всем народе били бес пощады»). «И тако они, невежди, вознеистовившеся, яко ради их лютаго свирепства и забойства никто же им смеяше глаголати что, страх бо всех обяше». Раскольники, по словам С. Медведева, составили челобитную и били челом царям, чтобы устроить им состязание о вере с патриархом и церковными властями у Лобного места на Красной площади, «дабы тамо, аки для состязания веры и вземше лестно, всех побити». Все эти события²⁵⁵, которые автор точно не датирует, начались, как можно понять из контекста, вскоре после расправ 15—17 мая и продолжались до начала июля — далее у Медведева идет известие от 3 июля о приходе Хованского и раскольников к Иоакиму в Крестовую палату.

Это время еще подробнее описал Савва Романов²⁵⁶. По его словам, 15 мая произошло «чудо преславно: попущением святаго бога возсташа служивые люди на бояр и убиша князя Юрья Долгорукова с товарищи». На третий день после того «смятения» (т. е. 18 мая, если считать с 15 мая, или, что вероятнее, 20 мая, так как «смятение» продолжалось с 15 по 17 мая) у «служивых людей» происходили «дума и совет заедино, что в царствующем граде Москве старую православную веру возобновити». Решено было составить челобитную, но людей умелых среди стрельцов и солдат не нашли. Поэтому они призвали в приказ Ознобишина, «он же и Титов именовашеся», «единого от чернослободцев Гончарных слободы» Семена Ивановича Калашникова и начали его «впрошати»: «Есть ли де у вас в посадских людех или в ином каком чину ревнители о старой вере, чтобы были искусные люди божественному писанию и умели бы сложить челобитную о старом благочестии и ответ дати патриарху и властем?» С. И. Калашников назвал таких людей из числа «братии своей» — Никиту Борисова, Ивана Ивановича Курбатова, Савву Романова — бывшего келейника Макарьевского монастыря на Желтых песках, происходившего из холопов. К ним присоединился отец Сергей: «И обретохом нового Илию, ревнителя по отеческих преданий и догматах, благоговейна инока, искусна во учении и твердого адаманта, отца Сер-

²⁵⁵ С. Медведев. Созерцание, стр. 76—77.

²⁵⁶ «История о вере и челобитная о стрельцах Саввы Романова». — «Летописи русской литературы и древности, издаваемые Н. Тихонравовым», т. V. М., 1863 (далее — С. Романов. История о вере), стр. 111—121.

гия», в миру Сергей был нижегородским посадским человеком (Семен Иванович Крашенинников). С. Медведев определенно называет «начальствующим» среди раскольников суздальца Никиту Пустосвята (Никита Константинович Добрынский), который за выступление против официальной церкви был «извержен» на церковном соборе 1681 г. Он же пишет и о других предводителях, расколоучителях: названные выше «Сергий Нижегородского уезду, Савватий рострига, боярский холоп, моквитин (Савва Романов.— В. Б.)», а также «другий Савватий, костромитин, пострижен в Ярославле в мирском дому таким же волочагою чернцом; Дорофей, поселянин; Гавриил, поселянин же»²⁵⁷.

Таким образом, социальное положение расколоучителей точно отразило социальный состав широких масс приверженцев раскола — это посадские люди, крестьяне («поселяне»), бывшие холопы. Их же выступление против официальной церкви, отрицание не только ряда ее догматов, новшеств, но и призыв не ходить в эту церковь в религиозной оболочке отражало социальный протест против не только церковной, но и поддерживавшей ее светской власти. Об этом и говорит поведение больших толп народа в Москве вскоре после событий 15—17 мая.

С. Романов далее сообщает, что названные им лица, а также Павел Захарьев пришли в дом Никиты Борисова и, благословившись у отца Сергея, начали писать челобитную «от лица всех полков и чернослободцов». По окончании челобитной С. И. Калашников известил пятисотного Ивана в Титове полку, что посадские люди закончили свою работу. К Калашникову на двор пришли вместе с этим пятисотным стрельцы Никита Юрьев Колча и пятидесятник Авдей Артемьев. Встретивший их отец Сергей призвал стрельцов постоять за старую веру и особо просил их о защите: «И вы, братие, нас в поругание попрежнему не дайте, якоже и братию нашу жечь да мучить, но будите готовы обличати их новую веру». Пятисотный ответил, что они готовы «с вами заедино помереть за старое благочестие... что будет нам, и то и вам».

Представители Титова полка получили челобитную и «удивившаяся» ее слогу и подробному «описанию ересей в новых книгах». Пятисотный Иван, сотенный Михаил Артемьев «и инии, подумаше», послали денщиков по всем другим полкам и созвали «всех стрельцов» в съезжую избу. Челобитную читал и «толком ереси рассказывал» Савва Романов. Стрельцы решили стоять за старую веру и «кровь свою пролияти за Христа света», списали челобитную, «а подлинную опять нам отдали».

Стрельцы «возвестиша о сем» боярину И. А. Хованскому, который обрадовался и спросил их: «Есть ли де, братие, кому ответ дать противу властей? Велико дело божие сие, надобно люди бы ученые были». В ответ стрельцы сказали: «Есть де, царский боярин, у нас инок zelo искусен божественному писанию, и посадские люди многие на сие дело тшатся».

К Хованскому вместе со стрелецкими выборными пришли отец Сергей и посадские люди с челобитной. Боярин им признался: «Аз и сам, грешный, вельми желаю, чтобы по-старому было во святых церквах единогласно и немятежно. Аще, рече, и грешен, но неизменно держу старое благочестие и чту по старым святым книгам и воображаю себе на лица своем крестное знамение двема персты». Из дальнейшей беседы выяснилось, что Хованский не был знаком с большинством расколоучителей, только о Никите Пустосвяте он сказал: «Знаю я того священника гораздо. Противу тово им (т. е. церковным властям, с которыми предстоял диступ о старой и новой вере.— В. В.) нечего говорить; тот уста им заградит, и прежде сего ни один от них противу ево не можаше стати, но яко листовие падоша». Далее боярин обещал раскольникам свою помощь, но откровенно признал, что в спорах он не силен: «Я, братие, рад вам помогати, да мне не за искус дело, и вконец божественного писания не знаю, и их обличити ум не осяжет, потому что мы измлада навькли воинскому чину, а не духовному; а нам сие дело не за искус». Он же обещал раскольникам, что их не будут, как прежде, «казнить», да вешать, да в срубах жечь: я вам в том бога свидетеля представляю, за то рад стоять».

Продолжение разговора между «царским боярином» и прошившими устройства прения раскольниками очень любопытно:

Хованский: «Да где вам хочется быть собору?»

Раскольники: «Молим, государь, твое боголюбие, чтобы быть собору на Лобном месте пред всем народом; и были бы тут цари государи и благоверная царица Наталья Кирилловна, и патриарх со всем своим собором. Буде не изволят они на Лобном месте, ино в Кремле промеж собором у Красного крыльца, и повели, государь, быть собору в пяток».

Хованский: «Послушайте меня в сем, не изворотню быть собору в пяток, понеже цари государи станут в неделю венчаться царскими венцы, и вы не сделайте великого смятения в народе».

Сергий и выборные просили Хованского отложить венчание царей на неделю, т. е. провести его не 25 июня, а 2 июля, но услышали в ответ: «Невозможно никоим образом отложить, все приготовлено и служивым всем отповедь была к нынешнему воскресенью». Но боярин тут же, призвав опять бога в свидетели, обещал им, что цари будут венчаться, как того хотели расколоучители, «по-старому», таковой же будет и церковная служба.

Хованский, как видим, выступает как «царский боярин», обеспокоенный тем, чтобы в связи с предполагаемым диспутом о вере не произошло «великого смятения» среди народа в канун царского венчания. Но, желая использовать в своих целях движение раскольников, с помощью которых этот сановный и ничтожный человек хотел бы укрепить свое положение и ослабить влияние Софьи, патриарха и других своих противников в борьбе за власть, он всячески подчеркивает свою приверженность старой вере, раздает нереальные обещания о поддержке, клятвы, упоминает имя божие всуе. В ответ на резонное возражение расколоучителей, что патриарх не будет венчать царей по-старому, боярин невразумительно отвечал: «Да ведь де ему (кому? самому Хованскому или патриарху? — В. Б.) на царей тех государей не кабала взять» и тут же уступил им в другом: «Буди по вашему благому изволению, что в пяток собору быть», хотя несколькими минутами раньше возражал против этого.

В пятницу, т. е. 23 июня, выборные пришли «в Верх» и напомнили об его решении созвать «собор» в этот день. В седьмой час дня к Красному крыльцу явились расколоучители Никита Пустосвят, Сергей, Савватий и др., «бе же народ мног ту собравшеся мужеска пола и женска, по них приидоша». По указанию Хованского их ввели в Ответную палату. К ним вышли Хованский, «множество» дьяков и подьячих и «всех чинов людей». На вопрос боярина: «Коя ради вины приидосте, отцы честнии?» Никита Пустосвят отвечал: «Приидохом зде великим государем побить челом о старой православной христианской вере»; если же патриарх не захочет служить по-старому, они просят «патриарху с нами, богомольцами своими, дать праведное свое рассмотрение от божественных писаний». Хованский в ответ снова сказал о своей приверженности старой вере и публично «слагаше» крестное знамение «двема персты» и спросил у них челобитную: «Приказали де государи цари челобитную взять и прочеть».

Никита Пустосвят усомнился: «Да как, государь, царский боярин, возьмешь у нас челобитную, а нам без них (у расколоучителей было две челобитных. — В. Б.) что будет на соборе подать?»

Хованский возразил: «...паки к вам принесу, а не учиню того, что не отдасть. Когда же положилися на меня во всем, верьте же ми неотложно».

Раскольники «подумавше промеж себе и даша ему челобитную»; эта сцена снова подтверждает, что у Хованского не было никаких близких отношений или давних связей с предводителем раскольников и что называть его самого их «предводителем», как это делает, например, А. А. Матвеев, нет никаких оснований. Это показали и последующие события.

Челобитную Хованский отнес «в Верх к царем государем, тут же и патриарх был и слушал челобитную». Выйдя оттуда с челобитной, боярин объявил «народу, кои тут предстоят»: «Будет

де против тоя челобитныя дела недели на три, не токмо еще книги свидетельствовать; великое сие дело божие». Ясно, что Хованский передавал в данном случае распоряжение, отданное патриархом и, конечно, Софьей. Это признал и сам боярин: «Патриарх де у царей государей упросил о сем деле до среды. В среду же приходите после обедни». Постоянное упоминание о «царях государях» — не более как официальная формула, за спиной обоих царей-мальчиков стояла и всем вершила при дворе царевна Софья.

В конце этого совещания (никакого обещанного «собора» не состоялось) Никита Пустосвят спросил Хованского: «Как де, государь, изволишь царей государей венчать?» Раскольники, подкупленные тем, что Хованский исповедует старую веру, верили ему и сильно преувеличивали степень его влияния при царском дворе. Любопытнее же всего то, что сам Хованский поддерживал эти иллюзии, упиваясь своей в значительной степени мнимой властью. Так и тут он снова самоуверенно ответил: «Я де вам говорил прежде сего, что царей государей станут венчать по-старому».

Никита Пустосвят: «Хорошо, если бы патриарх и литургию служил по-старому на седми просфирах, а крест бы воображен был истинной, а не крыж (т. е. двухсоставный, а не трехсоставный, как в латинском кресте-«крыже». — В. Б.)».

Хованский: «И вы де велите испечи просфир воображения старым крестом, я де патриарху сам поднесу и велю служить по-старому; а ты, отец Никита, тут же буди».

Все эти слова Хованского были не более, чем бравадой, пустой болтовней. На царском венчании 25 июня главную роль из числа сановников играл боярин кн. В. В. Голицын, фаворит Софьи, вообще имевший большое влияние в руководстве делами летом 1682 г. А Хованские на этой церемонии не исполняли никаких особенно почетных обязанностей и присутствовали на ней почти только в качестве зрителей²⁵⁸.

Никита Пустосвят в этот торжественный день из-за множества народа и давки не смог пройти в Успенский собор со своими просфирами, которые после неудачи «раздаше верным благословения ради». Хованский и не подумал обеспечить появление Никиты в соборе, хотя, конечно, мог бы это сделать с помощью подчиненных ему стрельцов. Не сделал он этого скорее всего, чтобы избежать публичного конфуза для себя; кроме того, он боялся «смятения» в народе и попросту обманул расколоучителей.

Между тем вокруг раскольничьего челобитья и предполагаемого диспута уже началась борьба. Сразу после совещания

²⁵⁸ См. С. К. Богоявленский. Хованщина, стр. 209; см. также: ГПБ, ОР, Солов. собр., д. 988 (878), лл. 726 об.—727 об.; С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 344—347.

23 июня в Ответной палате патриарх, «уведав, зане служивые всех полков заедино хотяху за православие стоять, убоясь, да не будет лишен славы и сана своего, посылая по выборным служивого полку, воздавая им честь велию и повелел поить их разными питьями и подачи посылая им, такоже и дары великие, чтобы не поборники были православию». Это возымело действие: «И тако иных слабоумных улести в свою волю».

В Титове же полку «видев... благоразумнии людие, яко по улещению патриарха не бысть в иных полках согласия о правоверии». Эти «благоразумнии людие», т. е. раскольники из числа стрельцов, избрали из своей среды «старых стрельцов пятидесятника Михаила Артемьева, Ивана Максимова, Егорья да Михаила» и после благословения пошли собирать подписи под раскольнической челобитной во всех приказах. Всего «приложиша руки 9 приказов (всего было 19 приказов²⁵⁹. — В. Б.), а десятое пушкари. И бысть между ими прѣ великая и брань: инии хотят прикладывать, а инии не хотят, обольстившеся патриархом». Дело, очевидно, не в том, что, как утверждает С. Романов, стрельцы еще в середине мая все «заедино» стояли за старую веру, а спустя какой-нибудь месяц — полтора раздвоились под влиянием угощений патриарха, а в том, что они задолго до этого делились примерно поровну на приверженцев новой веры и ревнителей «древлего благочестия».

Рассуждения тех, кто не хотел подписывать челобитной раскольников (а таких была примерно половина или несколько больше), сводились к следующему: «Нам де за что прикладывать? Мы де отвечать против челобитной не умеем и как руки приложить, так и ответ давать противу патриарха и властей; а старцам уметь ли противу такова собору ответ дать? А они, смутив, да уйдут. А все то дело не наше, сие дело патриаршее; мы и без рук рады тут быть да стоять за православную веру и смотреть правду, а по-старому де не дадим жечь да мучить». На том эти стрельцы и порешили: стоять всем заодно и «делать правду» без рукоприкладства к челобитной. Челобитную же, подписанную стрельцами 9 полков и пушкарями, положили в Титове полку, «запечатав», и «велели подавать большую челобитную от лица всех православных христиан, на 20 столпцах писана».

В среду, т. е., очевидно, 28 июня, стрелецкие выборные благословились у расколоучителей идти к Хованскому, чтобы «доложить боярину о том, как вам приити на собор, в коем часу». Хованский встретил пришедших и «видев промеж ими смятение и непостоянство». Он велел им ждать себя в Ответной палате, а сам пошел «в Верх». По возвращении оттуда он трижды торжественно их спросил: «Приказали мне цари государи вас вопросить: все ли вы полки заедино хотите стоять за старую христи-

²⁵⁹ С. Медведев. Созерцание, стр. 180.

анскую веру?» Они отвечали: «Мы, государь, царской боярин, вси полки и чернослободцы заедино рады стоять за старую православную христианскую веру» и даже «не токмо стоять, но умереть ради» за нее. Цари послали Хованского к патриарху Иоакиму, «и служивые посадские многие тут были».

Таким образом, в конце мая и в июне открытая проповедь раскольников на улицах и площадях Москвы, их расправы со сторонниками официальной церкви и тем самым светской власти сочетались с большой работой по составлению челобитных, переговоров с расколуучителей с Хованским и через его посредство с царским двором и патриархом. Одновременно кипели страсти в стрелецких полках.

Завершающие события «раскольниковьего мятежа» произошли в начале июля. В понедельник 3 июля, по словам С. Медведева²⁶⁰, к патриарху в Крестовую палату приходил боярин кн. И. А. Хованский «со многими раскольники, мирскими людьми». Боярин ссылался на царей, «указавших» патриарху, «чтобы смущения о вере в народе не было», организовать с ними прение на Лобном месте или перед Успенским собором на площади в Кремле. Раскольники, надеясь на такого «крепкого им в том заступника и помощника», как Хованский, «в Крестовой начаша шумети безстрашно и говорити о святой церкви и о патриархе, и о всем священном чине словеса нелепая, их же не подобает писати». Патриарх Иоаким отвечал Хованскому, «яко тому делу без государского прибытия быти невозможно».

В это описание Медведева необходимо внести коррективы. Изображая Хованского «крепким заступником и помощником» раскольников, явтор явно преувеличивает. Это видно из рассказа С. Романова о событиях второй половины мая — июня. Но у Медведева интересно указание на то, что Хованский добивался в угоду раскольникам публичного диспута в присутствии народа на Красной площади или же на соборной площади Кремля; ссылка на «указ» обеих царей могла казаться Хованскому ловким ходом с его стороны; на самом деле его, скорее всего, не существовало, так как линия, которую проводили стоявшие за их спиной Софья и ее сторонники, состояла в том, чтобы не допустить диспута именно на Красной или иной площади. Как показало время, правительству Софьи довольно легко удалось добиться этого, несмотря на настояния раскольников, интриги Хованского и потерявшей влияние царицы Натальи Кирилловны.

Дополнительные подробности посещения раскольниками патриарха 3 июля сообщает С. Романов²⁶¹. Он точно не датирует эту беседу у патриарха, но если она состоялась в понедельник, то из его описания можно понять, что это произошло не 3 июля,

²⁶⁰ С. Медведев. Созерцание, стр. 77.

²⁶¹ С. Романов. История о вере, стр. 121—132.

а на неделю раньше, т. е. 27 июня: после беседы патриарх в субботу высылал для агитации в народе попа Савву²⁶², а диспут уже состоялся на следующей неделе, в среду 5 июля. Этой субботы не может быть между 3 июля, понедельником, и 5 июля, средой. Первым прошел к Иоакиму Хованский, выборных стрельцов и «посадских» (расколоучителей) оставили в сенях. Этим воспользовался патриарх, который велел всех выборных «взять на погреб и приказал поить довольно водками и красным питием и медом». «Напившеся зело пьяне», выборные, несомненно сторонники официального православия, возвратились в сени, где сидели «ревнители православия», «верные», т. е. раскольники. «Выборные, кои пьяны», иронически спрашивали их: «Уже де как станете отвечать патриарху и властям?» Раздоры между сторонниками и противниками официальной церкви снова проявились с полной отчетливостью.

Эти выборные пошли к руке патриарха, «из правоведных же ни один не пошел». Патриаршая Крестовая палата наполнилась народом («бе же народу полна палата»).

На вопрос патриарха: «Чесо ради, братие, приидосте к нашему смиреню и чесо от нас требуете?» — подробно отвечал Хованский: «Пришли де, государь, святейший патриарх, к твоему благословению всяких чинов люди, надворная пехота великих государей всех полков и солдатского строю выборного полку, и пушкари все, и чернослободцы, и посадские люди о исправлении старого благочестия православныя веры христианския побить челом» и т. д. «И молчание бе немал час, и повелел Хованский стрельцам говорить».

Первым «говорил» выборный Воробина приказа Алексей Юдин (Юдин), затем Павел Даниловец и Савва Романов. В ответ на призыв раскольников возвратиться к службе по старым книгам, двоеперстию и т. д. патриарх упирал на то, что его оппоненты «простого чину и воинского, и вам сие дело не за искус; но нашею архиерейскою властью разрешается и вяжется», т. е. дал понять, что это дело не их-де разумения, а патриарха и церковных властей. Взял он под защиту Никона и Арсения Суханова, которых критиковали раскольники за «новую веру»: «И то не ваше простолюдинов — архиерея судити, но нашей архиерейской власти о том разсмотретья и по правилом святых отец отлучати и судити, ваше токмо повиноватися». В ответ на обвинения раскольников, что их за приверженность старой вере жгут в срубах и пытаются, патриарх неубедительно отвечал: «Мы за крест и молитву в срубах не жжем и не пытаем; мы за то жжем, что нас еретиками называете и не повинуетеся святей соборней и апостельстей церкви; а кто как хочет, так и крестится,— двема ли персты, трема ли или всею дланию, то все едино, лиши бы зна-

²⁶² Там же, стр. 130.

мение на себе вообразить, и мы о том не истязуем». Это же пытался доказать Савве Романову нижегородский митрополит: «Мы никогда за крест и молитву не жжем, но за их (раскольников.— В. Б.) непокорство, что возмущают народом в церкви не ходить и не исповедываются у священников и тем множество народу от церкви отлучили». Но С. Романов, хорошо знавший порядки в нижегородской митрополии (он служил в свое время в Макарьевском монастыре на Желтых песках), быстро уличил его во лжи: одного «христианина» пытали, жгли и посадили в тюрьму за двоеперстие и творение молитвы по-старому. «Да у тебя же в Нижнем под Ивановскою башнею,— продолжал Романов обличать митрополита,— выкопана яма сажен с десять, и тут сидят и донныне три человека за крест и молитву». Видя, что митрополит попал впросак, патриарх на него «закричал и велел молчать: видит он, что неладно говорит». Романов образно и с большой иронией характеризует растерявшегося нижегородского иерея: «И митрополит за властей схоронился в кут да искусненько из-за властей и выглядывает».

По просьбе нижегородского коллеги новгородский митрополит спросил у С. Романова: «Как де тебя зовут?»,— на что тот «сказался» ему Васильем. Нижегородский же владыка спросил у стрельца из Титова приказа: «Откуда де у вас сей человек?»,— тот тоже ответил уклончиво: «Нашего де полку, первья сотни сотник».— «А как зовут?» — «Зовут де его Васильем». Это говорит о том, что предводители раскольников заранее договорились со стрельцами из Титова приказа, с которыми они и имели прежде всего связь, скрывать свои настоящие имена.

В трудное положение попал и сам патриарх, притом дважды, сначала в споре с Павлом Даниловцем, затем — с Саввой Романовым. Он даже начал оправдываться тем, что «новая вера» была заведена до него, а он-де «на готовое пришел».

«Служивые», т. е. выборные стрельцы, засомневались: «Вот де патриарх против двоих человек ответу не дал, лишь только де нас вином да медом поить знает, а нам де против правды стоять будет». Однако они (конечно, приверженцы новой веры) «после тоя беседы» вместе с Хованским пошли к патриаршему благословию, «а ревнителю правоверию ни один не пошел». Лишь Павел Даниловец согласился принять от патриарха благословение, если он это сделает «по-старому». Патриарх, конечно, ответил отказом, но формулировал его очень осторожно: «Когда де будет время, тогда и благословлять буду по-старому, а ныне еще не почал». Он «упрошал сроку до среды собору быть». Обращает на себя внимание это слово «упрошал»: патриарх чувствовал себя очень неуверенно. Но еще большее удивление вызывает поведение Хованского: на словах поддерживая раскольников, публично крестясь двумя пальцами, он вместе с выборными — противниками старой веры — пошел под благословение патриарха,

в то время как раскольники наотрез отказались это сделать. Когда он разговаривал один с патриархом, а раскольники и выборные дожидались в сенях, некоторые из них убеждали по приказу патриарха отречься от раскола; Хованский не сделал никаких попыток воспрепятствовать этому.

Выйдя от патриарха, Хованский продолжал заискивать перед раскольниками — он «нача Павла (Даниловца.— В. Б.) во главу целовати и зело похвалил: „Не знал де аз, малой, тебя до сея поры“».

Вскоре после «беседы» патриарх «выслал» к народу попа Савву, «иже искусен и школьному учению». Тот начал агитировать за новую веру, крестился тремя перстами и т. д. «Народи же того попа камением побиша, еле жива оставиша», также какого-то «черница у Москворецких ворот биша довольно». Церковные власти были в панике, некоторые священники начали уже благословлять по-старому, а патриарх и «власти» «оставиша жезл с проклятыми змиями» и стали носить старые жезлы митрополита Петра.

Интересно сообщение С. Романова о том, что Наталья Кирилловна «прислала нарочно» какую-то свою приближенную Прасковью Павловну к раскольникам. Царицу трудно, конечно, заподозрить в симпатиях к расколу, который преследовал ее покойный супруг царь Алексей Михайлович. Все же она предупреждала «верующих», чтобы они настаивали на проведении собора на Лобном месте или соборной площади Кремля в присутствии обоих царей и ее самой и не ходили в Успенский собор или Грановитую палату: «у них де (очевидно, у патриарха и Софьи с их сторонниками.—В. Б.) дьявольской вымысел есть над вами».

Иоаким, который «разуме свое лишение», не хотел идти на «собор», т. е. на диспут с раскольниками, и предложил провести испытание обеих вер другим путем: положить «старые» и «новые» книги в раку митрополита Петра, запечатать Успенский собор печатями царевыми, патриарха, выборных и старцев; по всей земле заповедуется пост. Предполагалось, что «святой чудотворец» «явит» свое отношение к тем или иным книгам (оставит те, которые ему угодны, а негодные выбросит из раки).

«Отцы»-расколуучители согласились, но «с Верху» к ним пришла «отповедь»: «...вы печатайте раки чудотворцовы, а не церковныя двери, а у них такой вымысл есть, хотят внити потайными дверьми в церковь и старыя книги из раки вон выкинуть; и повелите около церкви крепкой караул поставить человек по 100 на сузки». «Отцы» отказались от предложения патриарха, который тоже «сие дело отложил».

Как видим, при царском дворе имелись лица, которые пытались использовать движение раскольников против захватившей власть Софьи, оказывая им некоторую помощь, правда, не очень существенную. В первую очередь это Хованский, неумело и не-

умно лавировавший между царским двором и раскольниками, явно стремившийся не вызвать недовольства у властей; в то же время он не считался в решительные минуты с раскольниками, а то и попросту предавал их интересы. Имели место и попытки Натальи Кирилловны, убежденной сторонницы официального православия, а также, возможно, других особ при царском дворе воспользоваться движением раскольников в борьбе с Софьей и ее сторонниками.

«Прение» (или «пря») о вере состоялось 5 июля²⁶³. Обстановка для патриарха и властей вначале складывалась не очень благоприятно. В этот день патриарх, архиереи и все сторонники официальной церкви приготовились, по словам С. Медведева, «не к состязанию, но к побоеванию». В Успенском соборе патриарх служил обедню, а раскольники во главе с Никитой Пустосвятом, собравшись за Яузой в Титове полку, с иконами и книгами, налоями и зажженными свечами «без всякого опасения и не докладывая царского величества» пришли в Кремль. На площади за Архангельским собором Никита «с товарищи», стал на подмости, «весь народ проклятому своему упорству и от церкви отступлению начаша учить, и церкви называли хлевинами и анбары и иными непотребными словесы». Медведев с содроганием добавляет: «И каковый тогда бе трепет и ужас, книждо может от дела уразумети!».

В это время патриарх выслал из Успенского собора спасского протопопа (т. е. священника придворной церкви Спаса нерукотворного) «с печатным увещательным поучением к тамо сущему народу (кое в той день издано печатным тиснением), чтобы народ их, лестцов и мятежников, Никиты с товарищи, не слушали». Медведев утверждает, что это «поучение» отняли у протопопа раскольники, которые «его хотели предати смерти», но рука господня его-де защитила. Патриарх после обедни и со всеми «властями» прошел в свою Крестовую палату; «град же Кремль весь бе тогда исполнен множества народа, иже ожидаше, что имать быти».

Упомянутое Медведевым «поучение» принадлежало самому Иоакиму; это — слово на Никиту Пустосвята, законченное патриархом к началу июля и специально приуроченное к диспуту о вере. В нем он обвинял своего противника и его сторонников в том, что они «после челобитья своего паки ныне вознеистовися, паки блядет и бесчестит святую церковь и с единомысленники своего безумства отчуждившися соборныя церкве... поносят и нас укаряют и еретиками зовут²⁶⁴.

²⁶³ С. Романов. История о вере, стр. 132—146; С. Медведев. Созерцание, стр. 78—91; А. А. Матвеев. Записки, стр. 39—40; Иоаким. Увет духовный, лл. 63 об.—273; М. Н. Тихомиров. Записки, стр. 453.

²⁶⁴ Иоаким. [Слово на Никиту Пустосвята], л. 10—10 об.

С. Романов дополняет данные и опровергает некоторые утверждения С. Медведева. Он сообщает, что рано в среду выборные говорили расколоучителям: «Мы, отцы, по прежнему боярину (Хованскому.— В. Б.) о сем деле не станем докладывать, потому что они паки станут сразу просить; и мы вам весть учиним, так и приходите». Это сообщение весьма любопытно: выборные стрельцы (неясно: все или только сторонники старой веры) решают «не докладывать» Хованскому по вопросу о предполагаемом прении. Это можно понять так, что они, не считаясь с Хованским, который вместе с патриархом и царским двором (это о них, конечно, сказано: «они») будет-де опять просить отсрочки, решают добиться, чтобы диспут, наконец, состоялся.

В исходе шестого часа пришел стрелецкий десятский Михаил «и велел отцам итти на собор». Расколоучители благословились у Никиты Пустосвята и пошли к Кремлю. Их окружало «множество народа», который, «утесняяще друг друга», удивлялся: «Не толсто де брюхо-то у них, и не как нынешние нового завета учителя».

В кремлевских воротах караульные стрельцы беспрепятственно пропустили «отцов», но пытались воспрепятствовать народу. Это не удалось — они не успели запереть ворота, и народ прошел к соборной площади.

Эпизод с чтением «поучения» Иоакима тоже выглядит у Романова иначе, чем у Медведева. Романов пишет, что «об одну ночь» напечатали 160 экземпляров «тетрадей на обличение Никитино», «как он, Никита, прежде сего повинную принесил, что впредь о старой вере не бить челом и такого дела не вчинять» (после отлучившего его от церкви собора 1681 г.). По замечанию автора, «поп же вышел из церкви, и сам весь дрожаше». Читал он «тетради» у угла Грановитой палаты. «Служивые» взяли его и привели к «отцам», а его самого хотели убить и тетради «изодрать». Но попа взял под защиту отец Сергей: «За что его бити? Он де не сам собою прииде, но послан от патриарха». Он «взял его к себе и велел ему тетради дочитать». Но «народи же вельми взятошася о сем и хотяще попа камением прибити. И бысть велия голка, и не слышать, что чтет». Угроза народной расправы носила, вероятно, реальный характер: по словам Матвеева, «едва не у всех пазухи камением были наполнены».

Сергей обратился к протопопу: «Что всеу трудишися, видиши ли: никто не слушает, но паче молва бывает?»

Протопоп Сергию: «Аз, отче, не сам собою пришел, но послан есмь от патриарха».

Эту сцену народного «мятежа» из «окончин» Грановитой палаты наблюдали Софья, весь царский синклит и патриарх со властями; народу на площади собралось такое количество, что «многим тут стеснения ради стоящим по палатам и церквам». Царевна, по утверждению Романова, даже похвалила расколоучителя

отца Сергия за то, «что не дал попа народу убить». Таким образом, посланного патриархом протопопа спас от народной расправы отец Сергий, один из вождей раскольников, а не рука господня, как туманно предпочитает выражаться С. Медведев, который, всячески обличая раскольников, не склонен писать о них что-либо хорошее.

Оба автора подробно описывают переговоры о том, где быть «собору» и кто из членов царского семейства должен на нем присутствовать. С. Медведев утверждает, что Хованский, ссылаясь на указ государей и желание мятущегося народа, «многажды» понуждал патриарха, чтобы он проводил диспут на площади. Вообще автор все это движение старается изобразить результатом козней Хованского. На первый план в деле противодействия Хованскому и раскольничьему «мятежу» в целом он выдвигает «горлицу российскую» Софью, всячески подчеркивает ее мужество, бесстрашие в той тяжелой обстановке, которая сложилась в результате народного «мятежа».

С переоценкой автором роли Хованского нельзя, конечно, согласиться, хотя козни Хованского и имели место. Что касается Софьи, то ее энергия и ловкость подмечены в целом правильно, хотя и здесь не обошлось без преувеличений.

И Софья и Хованский в своих интригах опирались каждый на своих сторонников среди выборных стрельцов. Софья «повеле к себе тайно призвати выборных стрелецких тех, к ним же князь Иван (Хованский.— В. Б.) малу любовь имеет, и, государскою их милостию обнадежа, князь Ивановы страхи (его слова об опасности для государей и царевен присутствия на диспуте.— В. Б.) предложила». Они же ей «все по ряду князь Иванов совет и его то умышление рекоша» и сообщили, что стрельцы к этому не имеют никакого отношения. Хованский же о том деле «глаголаше... между иных своих». Но Софья «весь князь Иванов с выборными его единомышленники совет тайный» хорошо знала.

Хованский пытался мобилизовать всех бояр, чтобы отговорить Софью идти на диспут вместе с патриархом; «при них и нам быти всем побитым так же, как и недавними часы нашу братию побили, и домы наши розграбят». В этих словах заметны не только не очень ловкие ходы придворного интригана, но и верное классовое чутье боярина, боявшегося, как и его «братия», народного движения. Недаром он незадолго перед этим просил «отцов»-расколоучителей не доводить дело до «великого смятения в народе» и вообще старался нейтрализовать движение в социальном плане, используя его только в своих личных целях.

В этой обстановке Софья, верно рассчитавшая соотношение противоборствующих сил среди стрельцов, в придворных кругах, а также нежелание самих расколоучителей доводить дело до «крайностей» (они по существу стремились договориться со светскими и церковными властями), приняла решение о том, чтобы

собор состоялся в Грановитой палате в ее присутствии. И она настояла на своем. По ее указанию Хованский («посла князь Ивана Хованского») передал Иоакиму ее распоряжение идти «в Верх», в царские палаты, причем во избежание народной расправы с ним (а такая перспектива не исключалась, весь Кремль бурлил возмущенным народом) велела ему идти не по площади, а из Успенского собора по лестнице церкви Ризположения. Патриарх, «уже вяшше не помышляя жив быти», так и сделал. Сюда же пришли, «плачущеся», все церковные «власти».

Софья начала с ними «о укрощении воссвирепевшего народа советовати». Хованский снова, ссылаясь на угрозу народной расправы («народ, яко же и прежде, к ним, государем, в Верх хошут итти со оружием, патриарха и всего освященного чина на убиение»), говорил, что толпы народа требуют немедленного «прения» на площади или в Грановитой палате. Здесь заметно снова лавирование придворного интригана — народ, согласно данным С. Романова, все время требовал диспута на площади. Хованский же заявляет здесь якобы от имени народа о возможности его проведения и в Грановитой палате, против чего народ как раз возражал. Его слова о том, что народ не хочет присутствия царей на диспуте, тоже неверны — народ как раз хотел, чтобы присутствовали оба царя, а не царевны. Хованский, извращая волю народа, о царевнах молчал; ясно, что он не хотел уже вступать в конфликт с Софьей, убедившись, что она твердо решила присутствовать на «пре».

Софья, несмотря на слова Хованского о возможности народной расправы с боярами и нежелание Иоакима идти в Грановитую палату без царей, решительно настояла на том, что «прение» должно состояться в Грановитой палате в присутствии ее, царского двора, патриарха и «властей», но без царей.

По С. Романову, народ в Кремле упорно настаивал на том, чтобы диспут состоялся на одной из площадей, так как в Грановитую палату не может войти много людей, а в народе «много смятения» о вере, поэтому нужен открытый публичный диспут. «И вы, отци святии,— говорили в народе расколуучителям,— в палату не ходите; а царевнам государыням до сего дела несть; достоит тут быти царем государем, а не царевнам».

Но Хованский, интригуя «в Верху», в одних случаях довольно точно передавал Софье и боярам известия о пожеланиях собравшегося под окнами царских палат возбужденного народа, в других — попросту извращал их. Однако, робко и неумно пытаясь использовать народное движение в своих целях, в основном он шел на поводу у Софьи, против которой он же и интриговал. Хованский заявил Никите Пустосвяту и Сергию, что они должны пойти в Грановитую палату, где царевны хотят выслушать челобитную, «а зде (на площади.— В. Б.) им быти зело зазорно». Далее он, выполняя, конечно, наказ той же Софьи, оза-

дачил «отцов» такими словами: «А собору ныне и свидетельству от божественных писаний некогда быти, сие дело великое надобно не прильпом делать, да и на дворе также уже поздно; и только лишь хотят царевны государыни и царицы (ив: царевен он упомянул первыми, а цариц — вторыми. — В. Б.) челобитную выслушать, да отпуск вам будет». По существу это означало, что царевны, т. е. фактически Софья, приняли решение не проводить «прение» всерьез, отложить его на неопределенное время, а сейчас ограничиться чтением челобитной и «отпуском» раскольников. Хованский же, заигрывая с «отцами» и интригуя против Софьи, выступает по существу ее пособником, а не предводителем раскольников.

«Отцы» сомневались и не хотели идти в Грановитую палату без народа. Но Хованский, снова призывая бога в свидетели, обещал им безопасность: «...Вам никакова худа не будет; разве что будет мне, то же и вам». «Отцы» согласились, несмотря на уговоры народа, а также повторные предупреждения каких-то таинственных посланцев из царского двора («инии же от царского двора приидоша и в палату им ходити не велели»).

Когда расколоучители вступили на Красное крыльцо, чтобы пройти в Грановитую палату, караульные стрельцы, пропустив их, «весь народ прутьями стали отбивать», чтобы народ не прошел вместе с ними. В этот момент на «отцов» набросились и «смьяша всех» приходские попы, которых «было... 300 заведено за палату», конечно, по указанию властей. Один из попов схватил за волосы Никиту Пустосвята. Но стрельцы «устремишася на попов и начаша их под боки кулаками бить», попы разбежались. Вокруг поднялся «шум велик и крик во всех людех», возмущались и стрельцы: «То ли де правда? Обещалися праведной суд сотворити; или для того и в палату и звали, чтобы убити занапрасну по-прежнему?»

Вышедшему Хованскому указали на «подстав» и «обман»: «Ты обещался, что по-прежнему не будут ни бить, ни мучить; а ныне при их царской светлости безвинно бьют, а инде где и давно станут давити и бить». «Я ничего не знаю», — только и мог ответить боярин.

Народ «едино» кричал «отцам»: «Не ходите в палату, аще пойдете, худо будет, обманут тамо вас лукавством своим». Однако они, снова поверив клятве Хованского, пошли в Грановитую палату, «много же с ними посадских людей поидоша».

В Грановитую палату пришли расколоучители во главе с Никитой Пустосвятом, а также, по словам Иоакима, «и инии невежди миряне и неuki самыя худыя и ярыжныя, кабаков пропойцы нагло пришедше с великим буйством, безчинием же и невежеством пред их царское величество»²⁶⁵. Автор повести

²⁶⁵ И о а к и м. Увет духовный, лл. 63 об.— 64.

из Мазуринского летописца тоже отмечает, что «приходили... в Верх» Никита Пустосвят, «чернецы два приезжая неведомо откуда. Да к ним жа пристали многия стрельцы и иных чинов люди»²⁶⁶. С. Медведев, говоря о раскольниках, которых Хованский «повеле в палату пустити», называет сначала их вождей, а об остальных говорит почти словами «Увета» Иоакима: «Инии невежды миряне и неуки, самая худыя люди и ярыжные, с кобаков пропойцы, нагло с велиим буйством, безчинием же и невежеством вшед в полату...»; называет их «грубыми мужиками» и т. д.²⁶⁷

Официальные власти были представлены тремя царевнами, царицей Натальей Кирилловной, «царского величества сигклитом» (бояре, окольные, думные люди, стольники, стряпчие жильцы, дворяне), патриархом с «властями».

Присутствовали выборные от стрельцов, принадлежавшие к двум «партиям».

Интересно, что на царские места сели царевны Софья Алексеевна (которую С. Романов ошибочно называет «царицей») и ее тетка Татьяна Михайловна, а ниже их в креслах царица Наталья Кирилловна и царевна Мария Алексеевна.

Описание «при» у С. Романова и С. Медведева имеет и сходные черты и различия²⁶⁸. По С. Романову, она началась словопрениями между патриархом и Никитой Пустосвятом о старой и новой вере. Так как Иоаким «против Никитиных речей ничего не отвеща», к нему на помощь поспешил холмогорский епископ. Но Никита со словами «Что ты, нога, выше главы ставишиде, я не с тобою говорю, но с святейшим патриархом» «отведе его мало рукою». Этим тут же воспользовалась Софья. Вскочив с престола, она «воскрича»: «Видите ли, что Никита делает в наших очах, архиерея бьет, а без нас и давно убьет». Но «предстоящий» резонно ей ответили: «Нет де, государыня, он не бьет, лишь только рукою отвел да не велел ему прежде патриарха говорить».

Но Софья продолжала, обращаясь уже к Пустосвяту: «Да ты ли, Никита, с святейшим патриархом говоришь? Не довелось тебе у нас и на очах быть, не токмо что говорить». Далее она припомнила ему его «повинную» царю Алексею Михайловичу, патриарху и освященному собору и клятву не бить больше челом о старой вере. Никита отвечал, что сделал это «за мечем и за струбом», затем заявил, что на его челобитную, которую он писал 7 лет и подал на соборе, никто из властей не дал ему ответа. К тому же написал против него Симеон Полоцкий книгу «Жезл», на которую он сейчас готов дать ответ. Но царевна

²⁶⁶ М. Н. Тихомиров. Записки, стр. 453.

²⁶⁷ С. Медведев. Созерцание, стр. 85—86.

²⁶⁸ С. Романов. История о вере, стр. 137—146; С. Медведев. Созерцание, стр. 86—91.

оборвала его: «Нет тебе дела говорить с нами, и на очах наших тебе не подобает быти».

По меткому замечанию С. Медведева, Софья «распопа Никиту... отрече, да он тамо ничто же глаголет, и ста он на страну», т. е., попросту говоря, властолюбивая правительница запретила говорить одному из самых красноречивых и опасных вождей раскола, и он выбыл из «при». Этот автор ведение диспута с самого начала приписывает только ей, героине своего повествования, что, как мы видели из сообщения С. Романова, неверно. С. Медведев не был, конечно, склонен отмечать промахи сторонников официального православия. Поэтому он и опустил описание инцидента с Иоакимом, который не смог отвечать «распопу» Никите.

Эпизод с архиепископом Афанасием Холмогорским Медведев относит ко времени чтения раскольничьей челобитной. Это вряд ли так, и здесь мы должны отдать предпочтение версии С. Романова. Медведев же не совсем вразумительно пишет, что во время чтения челобитной «проклятый Никита, напився пьян», начал кричать и досаждать «хулительными словесы» Иоакиму и властям, «яко бесноватый». Но ему «воспрети» Афанасий. В ответ Никита якобы «вержеся его... бити и терзати», но на него «вержеся» один из стрелецких выборных «и отторже его от архиепископа прочь». Выборного, упавшего «с степеней» в ряды раскольников, последние «на кулаках понесоша». Поднялся шум и крик, который не могли остановить увещания Софьи; Хованский же, ходивший по палате «то семо, то овамо», не принимал никаких мер, чтобы прекратить шум — «оных от крику не внимаше, неведомо чесого ради». Власти, по словам Медведева, «видят зло, а пособити нечим».

В этой напряженной обстановке Иоаким попытался воздействовать на раскольников старыми книгами — евангелием, писанным рукой «святого» митрополита Алексея, и Хрисовулом (соборное деяние о поставлении в России патриарха) вселенского константинопольского патриарха Иеремии, писанным по-гречески. «Ведите, о чада,— гласно и болезненно глагола (патриарх.— В. Б.), яко несмы никоему злу последователи, и содержим все книги старья и во святей церкви чинное изрядство». Но раскольники, сложа персты по-старому, закричали: «Сице! Сице! Тако! А! А! А! А!».

Услышав шум в палате, народ на Кремлевской площади «ужасеся», а люди, бывшие в Грановитой (противники раскола), «слез исполнишася... недоумевахуся и отчаявахуся живыми изыти из полаты».

Царевны же и царицы сошли с престолов, «плачущеся». Софья «умиленно и с плачем» начала говорить выборным стрельцам: «Что вы, о служивые, зрите? Что стоите праздни? Лепо ли таким мужиком-невегласом к нам бунтом приходити?» Далее

она обвиняла раскольников, которые «о церковных вещех» «воздвизают мятежи», «ни в чем нас не слушают». Закончила же она свою речь угрозой: «Аще ли тако нам в порабощении быти, то к тому уже благочестивым царем и нам зде жити невозможно; имамы ити отсюду во грады иныя и в таком непослушании и разорении народу всему возвешати». Это был явный намек на то, что царский двор может, выехав из Москвы в «иные грады», мобилизовать силы против московского народа, что впоследствии, как увидим, и было сделано.

Выборные стрельцы (несомненно, из числа сторонников Софьи и официальной церкви) отвечали, что они рады служить и головы свои положить за царский дом и православную веру, но призвали к осторожности, поскольку и сами боялись возмущенного народа: «Точию сами вы, государыни, днесь видите, что народ возмущенный, и у полат ваших стоит множество людей, дабы, как мощно, день той препровадити, во еже бы чесого и нам зла от них не пострадати». По умолению этих выборных, всего «сигклита» и «властей» «государыни... паки возвратишася на места своя».

С. Романов несколько иначе описывает чтение челобитной и прения по ней. По указанию Софьи ее читал какой-то думный дьяк «и чтение его бе зело стройно и внятно» — отмечает автор. Когда дошла речь до чернца Арсения и Никона, которые «поколебали... царскою душею» Алексея Михайловича, Софья «скочи с престола и начала со слезами говорити: „Когда Арсений и Никон патриарх еретики, так и отец наш и брат таковы же стали? Ино по сем нынешние цари не цари и патриархи не патриархи и архиереи не архиереи стали? И мы де сея хулы не хотим слышати, что отец наш и брат еретик, и мы де пойдем все из царства вон“». Встав с престола, царевна отошла «с сажень» от него и остановилась.

Бояре, в том числе и Хованский, и «выборные вси» «восплакаша»: «За что де царем государем из царства вон ийти? Мы де рады за них, государей, головы своя положить». Но дело этим не ограничилось — «иные стрельцы», из числа, несомненно, раскольников — противников Софьи, начали ей говорить: «Пора де, государыня, давно вам в монастырь; полно де царством тем мутить; нам бы де здоровы государи были, а и без вас де пусто не будет».

Можно себе представить, каким холодом повеяло на Софью от этих слов. Эти безымянные стрельцы, которых поддерживала значительная часть их собратьев и множество раскольников, прямо говорили, что царевне нужно отказаться от власти. Казалось бы, Хованский и Наталья Кирилловна могли ликовать от предвкушения победы над своей противницей в борьбе за власть. Но не такова, как видно, была царевна, чтобы отступить без боя и даже не попытаться выиграть его. Она это и сделала.

После такой отповеди Софья отступила и села на царское место (она одна, а не все «государыни», как утверждает Медведев). «Она же слышавше сие, бысть ей зазорно вельми, и с великим стыдением седе на царском месте и повеле паки челобитную чести».

Во время дальнейшего чтения Софья несколько раз пыталась снова спорить с раскольниками по обрядовым вопросам, но они всякий раз принуждали ее своими доводами «умолчать». Неудачей окончилась и попытка властей обратиться к старым, в том числе греческим, книгам; и здесь раскольники взяли верх. После окончания чтения «патриарх же и вси власти против челобитной нимало ответа не дали, только сидят, повеса головы. Бояре же, друг на друга возглядываясь, улыбаются, что власти ответа не дадут; а инии зело плачут, слышавше толикое описание ересей в новых книгах и великую их неправду».

Царица Наталья Кирилловна после прочтения челобитной ушла из Грановитой палаты. Софья же продолжала спорить с раскольниками, обвиняя в непочтении к Алексею Михайловичу, и «нача людем говорить, да не слушают ревнителей православия (раскольников.— В. Б.), будто лжу на них глаголющих». «Народи» же (разумеется, раскольники), указывая на Саваофа в росписи потолка Грановитой палаты, благославляющего «по обою страну... по-старому два персты», протестующе «воскричаша»: «Мы, государыня царевна Софья Алексеевна, рады за старой крест помереть».

«Неведомо, что мне с вами стало делать»,— «со слезами» проговорила Софья. Тут же она опять попыталась воззвать к выборным стрельцам. Снова обвинив раскольников в неуважении к отцу, брату и к живым членам царского семейства («да ч мы таковы»), царевна уговаривала их: «...и вам, светы, надобно за это дело стоять. Да и в том крест целовали великим государем, что за наш царский дом стояти».

Но поставленный выборными к ответу Савва Романов доказал Софье ошибочность ее обвинений (еретиками они-де считают только Никона и Арсения).

Софья прекратила прения: «Идите же с миром»,— и ушла из палаты вместе с патриархом и властями, «а собору приговорили быть в пятницу», т. е. 7 июля.

Интересно, что Медведев, исходя из того, что никакого обещанного «собора» ни 7 июля, ни когда-либо позднее не было, вообще молчит о подобном приговоре в конце «при» 5 июля. Он только туманно сообщает, что «не бысть раскольников от царского величества никоего слова, никакова указа... Возвещено же им, расколником, что указ им будет государской во иной день».

Раскольники, вышедшие из Грановитой палаты, оповестили, по словам Медведева, народу на Соборной и затем на Красной

площадях о своей победе: «Победихом! Победихом!», «Тако слайте персты! Веруйте, люди, по-нашему!», «Тако веруйте! Мы всех архиереев препрехом и посрамихом! Тако творите!» С. Романов добавляет, что на Лобном месте расколоучители долго проповедовали среди «многого множества» народа, которые «с женами и с детьми слушающе прилежно и дивящися Никоновы веры учению, како превратиша всю нашу православную христианскую веру». «Народи» с радостью сообщали друг другу: «Нам де цари государи приказали по-старому креститься». По приходе «за Язузу», где остановились расколоучители, они «повелеша» звонити в колокола церкви Спаса, что и продолжалось «довольно — три часа».

О финале раскольниковеого мятежа большинство источников сообщает кратко: стрельцы арестовали расколоучителей, главу которого, Никиту Пустосвята, казнили на Красной площади, а остальных разослали «под начал» по разным монастырям. После этого мятеж прекратился²⁶⁹. Дата казни Пустосвята в них не сообщается. Матвеев говорит об этом: «После того (т. е. после 5 июля.— В. Б.) вскоре», автор повести из Мазуринского летописца: «Спустя с неделю», — т. е. примерно 11—12 июля.

Только у С. Романова мы находим более подробное описание. После «прения» к Софье в царские палаты пришел Иоаким «со властью» и умолял ее: «Не дай де... в понос и унижение и в посмех таковым раскольникам». Софья призвала выборных всех полков и обратилась к ним с призывом от имени царей и других членов царского семейства, царского синклита, патриарха и церковных властей: «...не променяйте вы нас и всероссийское государство наше на шестерых чернецов и не дайте в поругание святейшаго патриарха и потом всего освященного собора». Затем царевна обещала им «дать дары и чести великия». Пятисотный Никифор Силин из первого выборного Стремянного приказа (самый привилегированный из всех стрелецких полков) тут же по ее указанию был «помечен» в думные дьяки, а «боярин пятисотный» (?) — в дьяки, «а сына (чьего? — В. Б.) в Верх приказала взять». Другим выборным указала выдать по 100, 50 руб. «и велела поить на погребях, чего ни хотят».

Выборные не смогли устоять перед такими соблазнами и заявили, что им до старой веры «дела нет... и не наше то дело, то дело святейшаго патриарха и всего освященного собора». Только выборные из наиболее «упрямого» Титова полка не пошли «в Верх» к Софье. В ответ на ее уговоры пятидесятник Авдей Артемьев говорил: «Мы де, государыня царевна, без брат-

²⁶⁹ С. Медведев. Созерцание, стр. 91—92; А. А. Матвеев. Записки, стр. 40; М. Н. Тихомиров. Записки, стр. 453—454; ГПБ, ОР, Солов. собр., д. 988 (878), л. 730—730 об.

скаго совета повинной (обещания не «заводить» челобитья о старой вере.— В. Б.) не смеем дать, прибьют де нас камением рядовые стрельцы, как придем в полк».

Царевна попыталась было действовать быстро — приказала отобрать у выборных (неясно: только Титова полка или у всех выборных?) оружие и жалованные грамоты, выданные в начале июня, отказать от царского двора и «от караула, как хотят, так и живут». Но тут же ее отрезвили слова одного из стрелецких выборных, которых повели «за караул» (в тюрьму): «Добром с ними не разделаешься, пора де опять за собачьи кожи приниматься». Намек на возможность новых расправ подействовал мгновенно, Софья забила отбой. Выборных она возвратила в палату, и «им стали говорить: «Ну, цари государи в непокорстве вашем прощают, живите по-прежнему, а оружия и пороховой казны у вас не отнимают и жалованных грамот». Далее их снова начали уговаривать принести «с своею братиею заодно челобитную, что впредь сего дела не вчинять».

Выборные обещали известить «братии своей, что они придумают», и их отпустили из дворца.

Рядовые стрельцы, услышав от выборных информацию, «стали за них приниматься: что де вы о правде посланы говорить, а неправду делаете, пропили вы нас на водках да на красных пойвах?» Они посадили выборных, «перевязавши», в тюрьму со словами: «Утре де вам указ будет, ино де вы ныне Титов приказ руками выдали без нашего ведому, а ино де иной также отдадите». В ответ выборные, называя стрельцов «дворянами государскими», оправдывались тем, что их упрашивали со слезами и в ноги кланялись сами царевна и патриарх «со властью», «а мы при них кто?»; мы-де, «слышав от них, подумав да и отказали, а сказок без вашего ведома не дадим».

Вечером, какого дня, неизвестно, выборные собрались на совет в Стремянном приказе и решили во всем «отказать» раскольникам, «старцам» и посадским: «Нам до того дела нет». Царевне же они сказали: «Наша де, государыня, немощ стала, и рядовыя нас хотят камением прибить, а иных де нашу братью в тюрьму пересажали. И не ведаем сами себе, что будет нам утре,— живы ли будем или нет? И хотят (рядовые стрельцы — В. Б.) расписываться по-прежнему приказы и с барабаны идти; и наша де, государыня, топере стала немощ».

Опять нависала угроза повторения событий 15—17 мая. Патриарх в страхе «прибежал» к Софье «и начал плакать»: «Теперь де наша конечная погибель пришла, напрасно де их раздражили».

Но Софья лучше оценивала обстановку: «Не кручинься, багюшко, ты об этом деле, я де знаю их уговорить». По всем приказам разослали памяти с указанием прийти «на опасной караул к Троице, иже на рву» (церковь около Василия Блаженного) по 100 стрельцов, солдат от каждого полка «и пушкарей тако же».

Сшедшиеся говорили между собой: «Худо де, братцы; выборные нас пропили на водках и красном питье и Титов приказ руками хотели отдать, а потом иной приказ так же отдадут». «И придумали все полки, что выборных всех прибить за неправду их, а к патриарху по-прежнему идти с барабанами».

Но тут из дворца пришел «неведомо какова чину человек» и обратился к ним: «Дворяне и вся надворная пехота великих государей! Цари государи жалуют вас погребом» — на каждых 10 человек выдали по ушату простого и «поддельного» пива, «также и мера меду». По горькому замечанию Романова, собравшиеся стрельцы, солдаты и пушкари «и думать перестали» о своем деле «да и побежали всякой десяток с своим ушатом, да перепилился пьяны».

Выборные же еще настойчивее стали говорить о «почестях великих», которые «взяли на дворян государевых»: «Чего нам больше жалованья от великих государей? Чем нас великие государи не пожаловали?»

В течение трех дней царские власти, по режиссуре Софьи, сговорившейся с выборными, «все полки так перебрали». Перепившиеся «служивые» начали даже бить раскольников: «Вы де бунтовщики и возмутили всем царством». Затем они принесли требуемую Софьей «повинную», арестовали «отцов». А 11 июля, во вторник, рано утром («на первом часу» после рассвета) Никите Пустосвяту отсекали голову на Красной площади, где он совсем недавно фанатически призывал народ стоять за старую веру.

Вскоре власти «уставиша молебное сословие» воздавать в день 5 июля хвалу «о умирении церкви»²⁷⁰, которая после подавления раскольников мятежа торжествовала победу и продолжала преследовать сторонников старой веры с большим ожесточением²⁷¹.

В борьбе с раскольниками официальная церковь использовала различные приемы. Так, 5 сентября патриарх Иоаким посетил церковь апостола Филиппа. Здесь в патриаршей ризнице и книгохранильнице он узрел ковчег с «мощами» апостола Андрея Первозванного, привезенными еще в 1644 г. архимандритом Галактионом из гор. Селуни в дар царю Михаилу Федоровичу, деду царей Ивана и Петра, причем «правая рука» апостола сложила троеперстное (а не двуперстное, как у раскольников) знамение. Это сейчас же было использовано для воздействия на собравшийся народ. Затем «мощи» выставили для всеобщего обозрения²⁷².

Подытоживая рассмотрение вопроса о раскольниковьем движении, можем сказать, что оно, несмотря на свою религиозную обо-

²⁷⁰ ГПБ, ОР, Солов. собр., д. 988 (878), л. 730 об.

²⁷¹ АИ, т. V, № 91, 100 и др.

²⁷² ДАИ, т. X, № 39, стр. 124—125. С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 298.

лочку, носило народный характер и было направлено против властей, имело черты социального протеста народных низов против официальной церкви и в какой-то степени против поддерживавшей ее светской власти. Дело доходило до избиений сторонников официальной церкви, угроз расправиться с другими ее представителями, занимавшими высокое положение и поставленных не только церковными, но и светскими властями. Эти последние в ходе «мятежа» не раз оказывались в очень трудном положении, были нередко бессильны что-либо предпринять.

В то же время движение обнаружило с самого начала свою слабость. Его участники отказались от какого-либо решительного выступления против властей. Они наивно надеялись мирным путем (переговоры с властями, «прения», собор) добиться своего. Расколуучители сеяли иллюзии, что путем договоренности с царями, с помощью «царского боярина» Хованского и стрельцов, а также простого народа можно «установить правду». И они, конечно, жестоко ошиблись, не говоря уже о том, что сами их идеи, с которыми они шли в народ, уводили его в сторону от активной классовой борьбы.

Они недооценили силу, возможности правительства, возглавляемого Софьей, явно переоценили влияние незадачливого Хованского, который, заигрывая с ними, в решающие моменты устранился, скрываясь за спину Софьи. Именно за нею он фактически шел во время этих событий, несмотря на свои интриги против правительницы.

Если кто и показал себя с «выгодной» стороны во всех этих событиях, так это царевна Софья, которая, конечно, использовала помощь и поддержку своих сторонников и клеветов в правительстве, придворных округах. Используя авторитет царской власти, силу правительства, рознь среди стрельцов, слабость и непоследовательность раскольников, бездарность своих противников при дворе (Хованский, Наталья Кирилловна и, возможно, другие), Софья умело и осторожно вела интригу. Правда, иногда она срывалась, но в целом проявила себя гибким политиком, умеющим не только наступать в подходящий момент, но и отступать, лавировать и выжидать. Недаром яростный противник царевны А. А. Матвеев отдает дань ее «макиавеллиевским» талантам.

Хованский же показал себя в этих событиях с самой отрицательной стороны. Он не был, конечно, предводителем, не был он и ловким царедворцем. Ему казалось, что он ведет сложную и умную игру, то поддерживая раскольников против Софьи, то поспешно исполняя ее приказы. Все это прекрасно видели и понимали и прежде всего, конечно, умная и проницательная царевна. На самом деле всем заправляла Софья при поддержке своих сторонников. Хованского, как всегда, занесло, и он не рассчитал своих сил; стрельцы, которые называли его «отцом», «батюшкой»,

в конце концов принимали решения сами, не считаясь с его честолюбивыми устремлениями.

Правда, в сентябрьских правительственных грамотах и указе о казни Хованских старший из них обвинялся в том, что объединился с раскольниками Никитой Пустосвятом и его единомышленниками, которых во время невежливого прихода в Кремль он и «воры и изменники» обороняли, а его противников «ругательски били». Он же, боярин кн. И. А. Хованский, оберегал от казни раскольничьих предводителей, в частности после казни Н. Пустосвята его «товарыщ» «промыслом» Хованского «от смерти освободился». Других же Хованский велел сослать на Терек, «а смертию их казнить не велел»²⁷³. Князь все-таки что-то сделал для предводителей раскольников, но он надавал им обещаний, которых не мог выполнить, и способствовал их разгрому, несмотря на некоторое заступничество за них, когда дело дошло до топора.

Стрельцы и прочие служилые люди в раскольничьем движении показали себя не с лучшей стороны. Начав с поддержки раскольников, под влиянием раздоров в собственной среде и грубого подкупа со стороны властей они окончили их избиением и казнью Никиты Пустосвята, ссылкой других расколоучителей. В течение второй половины мая и июня они последовательно изолировались сначала от холопов, затем от московских посадских людей, теперь — от раскольников — представителей тех же социальных слоев, в первую очередь посадских жителей. В их действиях заметен коренной порок всех народных движений Древней Руси: борьба за удовлетворение прежде всего своих непосредственных нужд, наивный монархизм. Поскольку в результате событий конца апреля — середины мая они получили то, что требовали в начале восстания, победители сочли себя удовлетворенными — им выдали деньги, обещали выдать еще, поили и кормили из царских запасов. К тому же они имели поставленных ими «хороших» царя, правительницу, боярина Хованского и в целом «хорошее» правительство. Стрельцы и солдаты обещали служить верой и правдой, как и полагалось, поскольку они целовали царям крест. Что же еще желать? Дело только в том, чтобы в дальнейшем соблюдался этот «уговор» между ними и правительством.

Свое положение в этом смысле «служивые» и попытались закрепить в начале июня, когда они подали челобитья с требованием о выдаче им царских жалованных грамот и сооружении «столпа» в их честь на Красной площади. Удовлетворение их требований в значительной степени предопределило их поведение во время движения раскольников. В событиях 6 июня проявились в полной мере успехи восставших, достигших в какой-то степени своей цели, одержавших победу в ходе восстания — победу, которая неминуемо должна была закончиться их поражением.

²⁷³ С. Медведев. Созерцание, стр. 103, 108—109.

ЧЕЛОБИТНАЯ И ЖАЛОВАННАЯ ГРАМОТА 6 ИЮНЯ

(содержание челобитной и жалованной грамоты; сооружение «столпа» на Красной площади; характерные черты идеологии, программы восставших)

Смысл знаменитой челобитной 6 июня истолковывался исследователями по-разному. Так, А. Н. Штраух считал, что в ней формулируются достижения первого этапа мелкобуржуазной революции, а жалованная грамота пытается устранить наиболее вопиющие злоупотребления существующего строя, не поднимая вопроса о власти; эти документы — свидетельство соглашения различных групп московского населения, акт политического компромисса²⁷⁴. С. К. Богоявленский пишет об убогой политической программе, отразившейся в челобитье от 6 июня²⁷⁵.

Челобитная была подана от имени пятидесятников, десятников и рядовых московских полков надворной пехоты, урядников и солдат «солдатских выборных и всех полков», пушкарей, затинщиков, гостей, торговых людей московских сотен, посадских людей всех черных слобод и всех ямщиков, т. е., собственно говоря, от двух основных групп — московских служилых людей по прибору разных категорий и московских посадских людей. Упоминание в челобитной первой группы понятно и естественно. Во второй группе объяснимо упоминание о чернослободцах, которые во время событий 15—17 мая оказались, как можно полагать из не очень подробных и ясных показаний источников, на стороне восстания. Они не только сочувствовали ему, но и в какой-то степени приняли в нем участие, правда, не очень активное. Кроме того, широкие слои московского посада поддержали движение раскольников; во второй половине мая и в июне их представители составляли челобитную о старой вере в союзе со стрельцами и другими служилыми людьми, а в это время на московских улицах и площадях бурлили толпы московского посадского люда, вышедшие одно время по существу из-под контроля властей. В столичных посадских общинах обострилась внутриклассовая борьба. Все это и дало основания служилым людям упомянуть в начале жалованной грамоты посадских людей и ямщиков. Представители верхушки московского купечества могли упомянуться в челобитной для «престижа», но, возможно, и по другой причине: общее недовольство политикой, бесчинствами правителей конца царствования Федора и начала царствования Петра могло захватить и их. Не исключено также, что они могли в какой-то степени сочувствовать движению раскольников.

Во всяком случае едва ли можно полностью согласиться с утверждением С. К. Богоявленского, что стрельцы напрасно впи-

²⁷⁴ А. Н. Штраух. Указ. соч., стр. 35—38.

²⁷⁵ С. К. Богоявленский. Хованщина, стр. 197—198.

сали в число челобитчиков гостей и чернослободцев²⁷⁶. Правда, челобитная содержала пункты, неприемлемые именно для гостей (о сборе с них долга) и чернослободцев (о поручении им обязанностей целовальников по приему хлеба на житных дворах). Это опять говорит об эгоистичности и недальновидности стрельцов, но не доказывает еще того, что у стрельцов не было оснований упоминать о них, особенно о чернослободцах, в своем челобитье. В ней поднимаются вопросы не только об удовлетворении интересов служилых людей, но и другие, более общие, представлявшие интерес и для посадских людей Москвы.

В челобитной²⁷⁷ сначала перечислялись вины побитых 15—17 мая бояр и приказных. Челобитчики просили поставить столп на Красной площади с описанием их заслуг в борьбе со «всякими неправдами и изменами» побитых, «чтобы впредь иные чинили правду», а также выдать во все полки, купеческие сотни, дворцовые, черные и ямщицкие слободы жалованные грамоты «за красными печатми, чтобы на Москве и на наших государских службах, и в городех» их бояре, окольные, думные люди, весь царский синклит и никто вообще не называли никакими «поносными словами и бунтовщиками, и изменниками». За нарушение этого правила просилось по розыску «указ чинить безо всякия пощады». Тем самым восставшие пытались оградить себя на будущее гарантиями со стороны правительства.

Общий характер носило и требование о том, чтобы без царских именных указов и «подлинного розыску их и всяких чинов людей никого бы в ссылки напрасно не ссылали и безвинно кнутом и батоги не били и не казнили». Это требование повторено еще раз применительно к служилым людям: они требуют, чтобы начальные люди «для своих прихотей за их малые вины без ведома пятидесятников и десятников, и урядников кнутом и батоги не били бы», но «что кому доведется за какое дурно наказание или поучение учинить, и о том они впредь за тех людей не стоятели».

Защитой интересов «всяких чинов людей» продиктовано и требование о том, чтобы «во всех приказах началным людем, дьяком и подьячим со всяких чинов людей никаких посулов не имать и всякия невершения и крепостныя дела вершить безволюкитно».

Все эти пункты о том, чтобы не было несправедливого суда, напрасных ссылок, наказаний безвинных, приказного взяточничества и волокиты, отражали требования не только «служивых», но и широких кругов посадского мира столицы, и в этом плане нет

²⁷⁶ Там же, стр. 200—201.

²⁷⁷ См. ее текст: ААЭ, т. IV, № 255-I, стр. 358—361, а также № 255-II, стр. 361—364; С. Медведев. Созерцание, стр. 69—72 (пересказ челобитной в жалованной грамоте от 6 июня); РО БАН, 32.4.23, лл. 75—81.

ничего удивительного в том, что челобитная подавалась и от их имени.

Ряд требований отражал пожелания «служивых» — основной движущей силы восстания. Это упоминавшийся уже пункт о более правильной организации дела с назначением наказаний, которые должны выноситься отныне с ведома пятидесятников, десятников и урядников, т. е. начальников младших категорий. Сотники и пятисотные сюда опять же не включались, не говоря уже о полковниках и подполковниках, которые эти наказания, как предполагалось и как и должно быть на самом деле, должны назначать. Далее «служивые» требовали, чтобы им увеличили сумму подъемных денег при посылке на службу (платившихся до сих пор двух рублей было, по их словам, явно недостаточно: «от того денежного малого подъема разоряются вконец без остатку»). Возражали они и против того, чтобы деньги на покупку всякого «полкового строения» (станки и колеса к пушкам, знамена, барабаны и т. д.) брались из их жалованья и паев «великими выворотами», а не из царской казны, как делалось раньше. Требовали они, чтобы «на всяких начальных людей и на друзей их никакой работы им не работать», чтобы со «служивых» и их семей «никаких денег не править». Кроме того, они просили, чтобы стрелецкие и солдатские полки посылались на службу по очереди «без выписок», чтобы быть им на службах «в городех» по-одно.

Все эти требования повторяли то, о чем писали в своих челобитных восставшие стрельцы и солдаты в конце апреля — начале мая. Именно они явились тем побудительным толчком, который привел их к решению начать восстание.

Несколько пунктов челобитной касались вопроса о пополнении государственной казны, которая должна была выплачивать деньги «служивым» по их майскому челобитью, и некоторых казенных служб. Это проводилось в интересах служилых людей и противоречило интересам купцов и чернослободцев. Но это было неизбежно, поскольку их претензии к правительству и своему начальству имели за собой весьма реальные основания (невыплаченное и удержанное жалованье, различные вычеты, взятки, поборы, «работы» и т. д., причем за многие годы). Удовлетворение этих требований неизбежно было связано с необходимостью изыскания больших сумм денег, что не могло в той или иной форме не ложиться на посадских людей и крестьян, с которых правительство и собирало эти деньги (а также с монастырей и с других владельцев) в казну. Здесь «служивые» проявляют заботу о том, чтобы эти деньги в казну хорошо поступали и не разворывались.

В челобитье предусматривалось, чтобы у денежного сбора были выборные люди из посадских людей, «в приеме и расходе во всех приказах» — из гостей и Гостиной сотни, чтобы казне

«никакой поруки не было». Голов и полуголов, которые сидят в городах в кабаках, таможнях и «во всяких денежных зборех», предлагалось «считать на городех по книгам», а «денги присылать без посулов», т. е. взятки. Деньги, взятые гостями и купцами Гостиной и Суконной сотен из казны в долг, «на них выбирать, а впредь им в долг... казны не давать, потому что дьяки и подьячия... казну дают ис посулу многия годы».

Наконец, стрельцам хотелось бы, чтобы целовальников для хлебного приема и раздачи на житных дворах назначали не из их числа, а «ис черных сотен посацким людем».

Таким образом, по мысли инициаторов этой челобитной, которыми являлись, конечно, стрельцы и солдаты (главным из них являлся выборный А. Юдин)²⁷⁸, посадские люди как бы в обмен на постановку общих требований о правильном судопроизводстве, прекращении взяточничества и волокиты в приказах, а также за то, что «всяких чинов люди» в результате восстания получили «хорошее» правительство, должны были взять на себя некоторые дополнительные обязанности — заботу о лучшем, чем до сих пор, ведении финансовых дел в стране (упорядочение сбора налогов), замену стрельцов в делах по хлебному сбору и раздаче. Конечно, это ущемляло интересы посадских людей, но такова была логика событий и таковы были представления победивших стрельцов и солдат о справедливости, далекие от идеала. Характерным для них, как и вообще для участников народных движений на Руси периода феодализма, являлось то, что они в своих требованиях и действиях исходили прежде всего из удовлетворения своих непосредственных, насущных потребностей, не всегда считаясь с интересами других слоев населения.

С. К. Богоявленский отметил, что требование стрельцов об их замене в должностях хлебных целовальников московскими чернослободцами встретило со стороны последних возражения. Они подали челобитную, в которой писали, что ежегодные казенные службы и так требуют от них до 180 человек, а эта дополнительная обязанность потребует еще 52 человека с них же — «людей скудных и должных и от постоев и от пожаров разоренных». После этой челобитной в целовальники решили брать людей не только из черных, но и из дворцовых и казенных слобод. Но затянвшееся дело кончилось тем, что исполнение обязанностей так и осталось за стрельцами, так как восстание было подавлено²⁷⁹.

В целом можно сказать, что интересы посадских людей в челобитной были учтены недостаточно, а в некоторых случаях, как мы видели, с ними и не очень-то считались. Стрельцы и солдаты и здесь проявили эгоистичность и политическую близорукость и

²⁷⁸ С. М. Соловьев отмечает, что челобитную 6 июня стрельцы подали «по заводу» А. Юдина (С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 277).

²⁷⁹ С. К. Богоявленский. Хованщина, стр. 200.

наивность. В еще большей мере это свойственно знаменитому пункту об отношении к холопам: «А что ныне бояр и окольных, и думных людей, и всего государства домов боярския люди к ним приобщаются в совет, чтобы им быти из домов свободным, а у них с ними, боярскими людьми, ни с кем приобщения никакова и думы нет».

Царские жалованные грамоты, выданные 6 июня²⁸⁰ во все полки, а также гостям и московским слободам, удовлетворяли все требования, выдвинутые в челобитной. Грамоты обещали праведный суд, запрещали взяточничество и волокиту, шли навстречу пожеланиям «служивых». В частности, сумма подъемных денег с 2 руб. увеличивалась до 3 руб.; обещалось не высчитывать у них денег из жалованья на «полковое строение», запрещались всякие «работы» на начальников, их родственников и друзей. Утверждались и пункты, касающиеся обязанностей посадских людей. Взамен «служивые» обязывались «служити и прямити по своему обещанию», «быти им в нашем государском повелении по своему обещанию непременно, безо всякого прекословия так же, как деды и отцы их и они служили и во всяком послушании были».

Особо в грамотах оговаривался пункт о холопах: «А будет боярские люди, похотя из дворов бояр своих быти ис холопства свободны, учнут такие слова на бояр своих затевать, и тому извету не верить».

Наконец, грамоты санкционировали сооружение «столпа» на Красной площади с перечислением заслуг восставших стрельцов и солдат в их борьбе с «неправдами и изменами» побитых ими бояр и приказных людей. На четвероугольном каменном «столпе», сооруженном наподобие шатра и покрытом «черепицею муромленою», с четырех сторон были прибиты «листы большия медныя лужоные». На них выбили текст, повторяющий содержание царских жалованных грамот 6 июня²⁸¹.

А. А. Матвеев, верный своей линии на опорочивание Софьи и ее клеветгов, пишет: «Столб тот указом ея царевниным был позволен, и та его архитектура к созданию оному тогда поручена была их же стрелецким собеседникам тайным подполковникам Цыклеру и Озерову, которые вскоре с великим поспешением оный сделали»²⁸². То же пишет П. Н. Крекшин, добавляющий, что жалованные грамоты, напечатанные на «большой александрийской» бумаге, стрельцы несли на головах в свои приказы, потом в съезжие избы. В это время по церквям звонили колокола

²⁸⁰ ААЭ, т. IV, № 255-II, стр. 361—366; С. Медведев. Созерцание, стр. 69—75; Архив ЛОИИ, Колл. 108, д. 8, лл. 1—8.

²⁸¹ С. Медведев. Созерцание, стр. 75; С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 336 (здесь неправильная дата — 14 июня); М. Н. Тихомиров. Записки, стр. 452; «О московских происшествиях...», стр. 80.

²⁸² А. А. Матвеев. Записки, стр. 35.

и «играла музыка поход». «И за такие похвалы (в грамотах.— В. Б.),— продолжает автор,— в стрельцах стало превозношение: бояре и чиновные люди их почитали и при столах своих их сажали, боясь от них убиения»²⁸³. Автор же повести из Соловецкого собрания приписывает инициативу выдачи жалованных грамот, а тем самым и сооружение «столпа», кн. И. А. Хованскому, который «даде им (стрельцам.— В. Б.) во вся полки от царска лица жалованныя грамоты на александрийских листах за царственными красными печатями». Далее автор, рассказывая о «столпе», пишет, что листы на нем прибили железные (а не медные, как в повести из Мазуринского летописца), текст на них написан был «уставным писанием со златою прописью во царском именовании».

Характерно в связи с этим замечание автора: *«Боярин же князь Иоанн Хованской во царствующем граде Москве мятежу уголити не возможе, бояшеся мятежников, творяше по их воле; аще мятежники о чесом начнут бити челом, затеяв на кого что, он же строяше по их прошению»*²⁸⁴. Впоследствии правительство Софьи, приказывая изъять у «всяких чинов людей» жалованные грамоты от 6 июня 1682 г., приписывало инициативу их выдачи Хованским. Так, в памяти из Стрелецкого в Разрядный приказ от 27 мая 1683 г. говорится: кому те грамоты даны, кому не даны, — «и тово в Стрелецком приказе неведомо, потому что роздача тем грамотам была по приказу князь Ивана и сына ево князь Андрея Хованских в розных местех без записки». Здесь же, между прочим, сообщается, что жалованные грамоты раздавались в полки, сотни и слободы 18 и 19 июня 1682 г.²⁸⁵

Власти в начале июня 1682 г. вынуждены были делать все по «воле» восставших, и в этом отношении Софья и Хованский мало чем отличались друг от друга, хотя каждый из них преследовал свои цели. В сентябрьской царской грамоте отмечается: «И мы, великие государи, по тому их челобитню то все учинити велели для того, чтобы тем их, воров и изменников, от такова невиннаго и напрасного кровопролития успокоити»²⁸⁶. С. Медведев пишет, что власти выдали жалованные грамоты восставшим, «утишая их свирепство и дерзость»²⁸⁷.

Подача челобитной и выдача жалованных грамот говорили не только о всесии победивших стрельцов и солдат, но и об их

²⁸³ П. Н. Крекшин. Краткое описание..., стр. 39; сходно, но с меньшими подробностями о столпе и жалованных грамотах см.: А. А. Матвеев. Записки, стр. 40—41.

²⁸⁴ ГПБ, ОР, Солов. собр., д. 988(878), л. 729.

²⁸⁵ ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Московского стола, д. 639, л. 53; см. также лл. 54—57 (памяти об изъятии этих грамот были посланы еще по крайней мере в 35 приказов).

²⁸⁶ ААЭ, т. IV, № 262, стр. 374; С. Медведев. Созерцание, стр. 102.

²⁸⁷ С. Медведев. Созерцание, стр. 68.

слабости. По существу они после событий 15—17 мая отказались от возможности дальнейшего развития восстания и заключили своеобразный договор с поставленным ими у власти «хорошим» правительством. В ответ на удовлетворение их пожеланий, выдвигавшихся с самого начала движения, а также требований общего характера, отвечавших интересам более широких кругов московского населения, они обещали, как и прежде, верно служить этому «хорошему» правительству, которое должно было в будущем следить за соблюдением их интересов. Они даже придумали себе новое название: «Московская надворная пехота». Этим как бы подчеркивалось их особое, приближенное положение к царской власти, что должно обеспечить им почет, уважение и соблюдение их законных прав. Стрельцы, как мы выше убедились из данных, приводимых С. Романовым, не возражали и, более того, очевидно, гордились тем, что их величают «дворянами государскими». Хованского, этого «царского боярина», они величали «отцом», «батюшкой», а он их — «детками». Это наивное, эгоистичное и честолюбивое стремление приблизиться к подножию царского трона, хоть в какой-то степени сравниться с теми, кто стоял выше их на социальной лестнице, ярко говорит об отсталости, крайней примитивности их мировоззрения.

Любопытно в связи с этим донесение папского резидента в Рим из Варшавы: по словам победивших солдат, они являются спасителями княжества, которое управляется крайне плохо (мошеничество и воровство наносят урон народу); они-де освободят родину, восстановят силу законов и власть царей, которым совсем не подчиняется знать²⁸⁸.

Конечно, стрельцы и солдаты, попавшие в исключительное для всей русской истории положение победителей в антиправительственном восстании в самой столице Российского царства, не были какими-то «революционерами», как изображает их А. Н. Штраух. Но не были они и «реакционерами», игрушкой в руках Софьи или Хованского, которые, естественно, использовали их движение для достижения своих целей. Попросту, доведенные до отчаянного положения своим начальством и центральной властью, они восстали, одержали победу, а потом, пожиная ее плоды, стали одновременно делать одну ошибку за другой. Иначе они и не могли поступать — на пути выработки многими поколениями повстанцев правильного мировоззрения, программы, тактики и стратегии их ждало немало поражений, ошибок и разочарований.

Таким образом, в челобитной от 6 июня царистская психология восставших стрельцов и солдат выявляется со всей очевидностью. Положительными моментами, выдвинутыми в этом документе, являлись требования о прекращении злоупотреблений на-

²⁸⁸ А. Theiner, p. 238 (донесение от 30 сентября).

чальников и приказной администрации, об улучшении материального положения служилых людей. Ввиду, как им казалось, реальной угрозы со стороны холопов стрельцы отмежевывались от всякого сотрудничества с ними. Программа восстания была в целом довольно ограниченной, если судить по этому документу. Это вызывалось самим положением стрельцов, занимавших привилегированное место среди других слоев московского населения, а также наличием сильной розни в их среде, благодаря чему они не могли выдвинуть единую радикальную программу. В этом отношении гораздо более организованно и целеустремленно выступали правительство и царевна Софья, подкупившие значительную часть стрельцовой верхушки, которая сделалась их опорой в последующих событиях.

В задачу восстания входило также, если судить по действиям повстанцев, отстранение от власти «плохих» и утверждение «добрых» правителей. «Хорошие» цари, по их мысли, должны будут удовлетворять справедливые требования народа (в данном случае — стрельцов и солдат), выдвигаемые через их выборных. Подразумевалось, что последние получают наказ от стрельцов и солдат на «кругах»; нередко на этих общих сходах восставшие стрельцы выступали против выборных, если им не нравились их методы «представительства» при правительстве Софьи, как, например, было во время «раскольничьего мятежа». Получалась интересная картина своеобразного «народного представительства», выраженная, правда, в довольно неопределенной форме. К тому же многие стрельцы (примерно половина из 14 тыс. человек) придерживались раскольничьего учения с его догматом равенства. Все это дало повод А. Шапову заметить, что стрельцы «замышляли основать старообрядческое государство или раскольничью демократию»²⁸⁹. Несмотря на несомненное преувеличение (они быстро порвали с раскольниками), в этой мысли есть доля истины.

Своеобразие восстания 1682 г. заключается в том, что в отличие от всех предыдущих движений повстанцы взяли под свой контроль высшую власть в государстве. На очередь дня встал вопрос: как этим пользоваться, что делать? В той обстановке, которая сложилась в Москве, стрельцы предпринимали кое-что для реализации своих целей, кое-чего достигли (избиение и ссылки «изменников», наказание начальников, пражез с них уворованных денег, выплата стрельцам и солдатам жалованья за прошлые годы, известное влияние на правительственные дела и распоряжения и т. д.). Это было, конечно, победой восставших, сделавшихся, хотя и ненадолго, господами положения. Правда, они достигли немногого, их требования шли от желания удовлетворить непосредственные потребности; это и не удивительно. Ведь мог-

²⁸⁹ А. Шапов. Русский раскол старообрядчества. Казань, 1859, стр. 477.

ли же разинцы называть некоторых московских бояр «добрыми», поскольку они «кормили и поили» их во время приездов в столицу с донскими станицами, а крестьяне после расправы со своими непосредственными угнетателями в пределах своего уезда считали нередкой свою задачу выполненной. Вообще, во всех восстаниях того времени наиболее ясный характер носили конкретные требования. В то же время нельзя не заметить, что восставшие в 1682 г. и не могли выдвинуть программы уничтожения феодальной эксплуатации и ее носителей — дворян, какую выдвинула, например, Крестьянская война под руководством С. Т. Разина. Слишком узка была для этого социальная база участников Московского восстания 1682 г. и, наоборот, велика рознь между их отдельными слоями и группами.

Исключительное значение опыта повстанцев 1682 г. заключается в том, что он дает ответ, хотя и неполный, на постоянный вопрос о практическом осуществлении лозунгов, выдвигавшихся во время народных движений. Этот опыт показывает, какие трудные проблемы ставит перед восставшими перспектива хотя бы частичного достижения цели — захвата Москвы и возведения на престол «хорошего» царя.

Литература: А. И. Щипков, *Рязанский восстание 1682 г.*, М., 1950, стр. 177.

«ДВОЕВЛАСТИЕ» ЛЕТА — НАЧАЛА ОСЕНИ 1682 г.

ДЕЙСТВИЯ ВОССТАВШИХ

(взимание денег, казни и т. д.; роль Хованских; укрепление позиций правительства Софьи)

Конец весны, лето и начало осени 1682 г. было временем своеобразного двоевластия. С одной стороны, фактическими хозяевами положения оставались обладавшие реальной силой стрельцы и солдаты, а состояние восстания как бы продолжалось, хотя и в сильно затушеванной форме, с другой — действовало правительство Софьи, в руках которого находился весь приказной аппарат и тем самым управление страной. Среднее положение в правительстве занимали бояре Хованские.

Такова картина в общих чертах. На самом деле она выглядела сложнее; это видно хотя бы уже из того, что современники и документы того времени, а также исследователи приписывают реальную власть то стрельцам, то Софье или Голицыну, то Хованскому. Матвеев пишет то о «стрелецком правлении», то о «правлении» Хованского, в то же время постоянно пытается доказать, что Софья и Милославский направляли действия стрельцов²⁹⁰. О В. В. Голицыне как «правителе» пишет итальянец²⁹¹.

А. Н. Штраух считает, что «революционные события» этого времени проходят две стадии: первый период, от середины мая до середины июня, отмечен «неустойчивым равновесием двух политических сил: московской мелкой буржуазии и выдвинутого ею правительства»; эти отношения персонифицируются в виде сотрудничества правительства Софьи с Хованским. С середины июня, с новым подъемом массового движения, начинается второй период, для которого характерен резкий конфликт между властью и «чернью»; он оканчивается капитуляцией посада²⁹². Эта внешне стройная схема выглядит искусственной при изучении

²⁹⁰ А. А. Матвеев. Записки, стр. 38, 40 и др.

²⁹¹ «О московских происшествиях...», стр. 81.

²⁹² А. Н. Штраух. Указ. соч., стр. 28—29 и сл.

различных источников. Неверно и утверждение о существовании двух правительств — «революционного в Москве и дворянского («земского») под Москвой»²⁹³.

С. К. Богоявленский, с одной стороны, пишет о порядке в Москве, установленном восставшими после событий 15—17 мая, с другой — об их «стяжательстве». Автор пытается доказать все-силе Хованских, но вынужден признать, что они все более отодвигались на задний план Софьей, мало пользовались своим могуществом и т. д.²⁹⁴

Все авторы, если их суждения по этому вопросу брать изолированно друг от друга, неправы и, наоборот, они правы, если их суждения соединить в одно целое. Каждые из названных лиц и групп в той или иной степени имели непосредственное отношение к «правлению» государством, но в каждом конкретном случае это принимало различные формы и оттенки.

Стрельцы и солдаты оставались в течение лета хозяевами положения, господствующей силой в столице. Важно отметить, что в это время движение привлекает представителей социальных низов.

Восставшие продолжали взыскивать «зачетные» деньги со своих бывших полковников, в том числе с тех, кто был отставлен от службы, очевидно, еще до восстания. А. А. Матвеев сообщает о взимании денег со стрелецкого полковника А. Барсукова и солдатского генерала (у автора ошибочно — полковника) М. Кравкова, «с них... многия тысячи денег безчеловечно, тиранским своим правежем сами себе доправили и дома их вконец разорили»²⁹⁵. Кравкову солдаты предъявили огромный счет — 10 тыс. руб., из которых к 4 июня он уже выплатил 6246 руб. 50 коп.²⁹⁶

В переписке между думным дьяком Ф. Л. Шакловитым и дьяком Разрядного приказа П. Оловянниковым летом 1682 г. упоминается «память Приказу надворные пехоты по челобитью разных полков на Павла Фирсова сына Давыдова в налогах», причем стрельцы проявляли большую настойчивость и требовательность; дьяк Оловянников просит: «Изволь, государь, прислать о Павле Давыдове, пехота непрестанно приходят»²⁹⁷.

Деньги взыскивались и с других начальных людей — полковников, полуполковников и майоров (Нелюбова, Шепелева, Колупаева, Писарева, Барыкова, Остафьева, Перхурова и др.). Стрельцы и солдаты упорно добивались удовлетворения своих требований. Так, помощнику боярина кн. И. А. Хованского по управлению Приказом надворной пехоты В. А. Змееву, которому

²⁹³ А. Н. Штраух. Указ. соч., стр. 54.

²⁹⁴ С. К. Богоявленский. Хованщина, стр. 197, 205—214.

²⁹⁵ А. А. Матвеев. Записки, стр. 42—43.

²⁹⁶ С. К. Богоявленский. Хованщина, стр. 182.

²⁹⁷ ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Новгородского стола, д. 319, лл. 295, 296.

было поручено взимание денег с Кравкова, солдаты «пригрозили Вяткой (т. е. ссылкой в Вятку.— В. Б.) и написали на него челобитную в 20 тысячах, и он их убоялся и над Матвеем Осиповичем (Кравковым.— В. Б.) так учинил, выдал им его головой». По требованиям, челобитным и искам стрельцов и солдат взыскивались в их пользу «подможные деньги» с монастырей (Ипатьевского, Калязина и др.), посадов ряда русских городов (Серпухова, Твери, Боровска, Старицы, Торжка и др.), конфисковывались выморочные (например, убитого во время восстания А. С. Кириллова) и пустые лавки, шалаши, скамьи, участки для дворов²⁹⁸. Тот факт, что деньги в их пользу взыскивали не только с начальников, монастырей, но и с посадов, крестьян, говорит о кастовой, сословной ограниченности восставших стрельцов и солдат, а это неизбежно вело их к самоизоляции.

Монастыри жаловались на взимание с них больших сумм денег, но не только на это. Их негодование вызывала и присылка на содержание отставных стрельцов. Так, архимандрит московского Симонова монастыря Гавриил писал в челобитье в августе 1682 г., что «в прежних годах» в монастыре бывало «на корму» 26 стрельцов. По указу царя Федора Алексеевича «для монастырского великого необъятного строения и для заводу общежительства» они были разосланы на корм «в ыные монастыри». Но в 1682 г., «в разных месяцах и числах», по указу великих государей и по памятям из Приказа Большого двorca прислано в монастырь на содержание 47 отставных надворной пехоты. Всего на их содержание (ржи и овса — по 3 четверти, овсяных круп и толокна — по четверику, гороху — по полчетверику, соли — по 10 гривенок, денег — по 1 руб. 30 алт. человеку в год «в одно число») требовалось «блиско пятисот рублей». Между тем, жалуются архимандрит, деньги, которые остались в монастыре «за строением», были взяты «все без остатку» в государеву казну, хлебных запасов также «придержано». Монастырские власти, «не истерпя страха и гроз от тех отставной надворной пехоты, дали им кабалу в запасах и в денгах до Семеня дни, а послали на крестьянишках править без пощады». Кроме того, к ним присылали «на корм» и «иных многих», но они их не стали принимать. Власти просили, чтобы монастырь «ведали» в Посольском приказе, возглавлявшемся боярином кн. В. В. Голицыным. Просьба их была удовлетворена, и в июне 1683 г. отставных стрельцов разослали в другие монастыри²⁹⁹.

По настоянию восставших, как упоминалось выше, казнили некоторых лиц («одышевского царевича», Бизяева, Вешняковых). В середине июня (по Медведеву — 14 июня) привезли с Украины стрелецкого полковника Степана (Стефана) Янова.

²⁹⁸ С. К. Богоявленский. Хованщина, стр. 206—207.

²⁹⁹ ЦГАДА, ф. 141, д. 135, лл. 1—5; ДАИ, т. X, № 31, стр. 84—85.

Взят он был, как говорит А. А. Матвеев, «по самовластной их стрелецкой нарочной туды из Москвы присылке... и за многим крепким караулом их в Москву привезен». Тот же автор пытается доказать невиновность полковника, которого стрельцы, «несмотря ни на какие государственныя права, по своему неубуданному жестокосердию и вольному самосудству... повели с собою в константиновский застенок», т. е. в Константино-Еленинскую башню. С. Медведев сообщает, что пыткам Янова подвергли «по челобитью стрелцов, у которых он полков и наперед того бывал полковником, что он, будучи у них начальником, им обиды великия и наказания страшная чинил, а иных жесточью своею нехристианскою до смерти помучил». Полковник «винился» в константино-еленинском застенке, где его пытали стрельцы. «В тот же день», т. е., очевидно, 14 июня, Янова четвертовали на Красной площади, причем, по данным Матвеева, отсеченную голову полковника положили на его труп подле каменного столпа, незадолго перед тем поставленного. Тем самым восставшие дали понять, что эта казнь является продолжением тех расправ, в результате которых 15—17 мая заплатили своими головами ненавистные им обидчики и мучители³⁰⁰.

По их требованиям арестовывались и сажались в тюрьму различные лица. Так, 22 сентября, уже после казни Хованских, из Троице-Сергиева монастыря последовало распоряжение в московскую боярскую комиссию, возглавлявшуюся М. П. Головиным, освободить подполковника Данила Цея, холопов боярина кн. М. И. Лыкова и других «розных чинов» людей из Приказа надворной пехоты и съезжих изб, посаженных туда «по взятью» надворной пехоты³⁰¹.

Папский представитель сообщал из Варшавы, что солдаты личной гвардии царя продолжают волноваться; они убили нескольких бояр и других господ, поведение которых пришлось им не по нраву, не подчинились указу царей отправиться в поход против «татар», которые вторглись в пределы Московии и нанесли большой ущерб. Стрельцы добиваются назначения в качестве командиров угодных им лиц³⁰².

Эти примеры убеждают в том, что летом 1682 г. стрельцы и солдаты оставались хозяевами положения в столице и оказывали непосредственное воздействие на ход правительственных дел, правда, тех, которые непосредственно касались их интересов. Именно это имеет в виду С. Медведев, когда говорит о них, что «тщяхуся безумнии и глупии государством управлять», причем не только с помощью выборных, которые были вхожи во дворец

³⁰⁰ С. Медведев. Созерцание, стр. 93; А. А. Матвеев. Записки, стр. 43.

³⁰¹ ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Московского стола, д. 639, лл. 179, 184.

³⁰² А. Theiner, p. 238 (донесения от 30 сентября и 21 октября).

и участвовали в обсуждении некоторых вопросов; после венчания царей (т. е. после 25 июня) «стрелцы всюду к ним, государем, приступали смело и дерзостно и будто великия люди и з бояры мешались и ставили всех чинов людей ни во что»³⁰³. В царской грамоте от начала сентября сообщается, что восставшие стрельцы и солдаты, именуемые теперь «ворами и изменниками», «чинили все по своему воровскому намерению», «ходят ныне по своим волям и чинят казачьи круги, чего в Московском государстве никогда не повелось. И учинили себе в тех кругах воровския свои ясаки и всем всякого чина Московского государства людем нагло грозят воровскими свои[ми] копы и разорением, а в познание нимало не приходят и живут во всяком безстрашном самовольстве». Это ценное указание содержит упоминание о казачьих кругах, ясаках, имевших место, таким образом, не только в конце апреля и мае, но и в течение всего лета и начала осени 1682 г. Составители этого правительственного документа подчеркивают, что таких порядков «не повелось» в Русском государстве; действительно, царские власти никогда не допустили бы по своей воле ни кругов, ни ясаков. Но это делали вопреки их воле повстанцы во времена С. Т. Разина и других народных движений. Эта же грамота пытается доказать, что стрельцы и солдаты угрожают «всякого чина людем», в частности «многих людей наглými нападками разоряют и в напрасных поклевных исках бьют многих знатных и честных людей на правеже и всячески поругаются, а у иных из домов людей их и дворы насильно отъимают и емлют себе без всякого страха и зазора»³⁰⁴. Ясно, что речь идет об «обидах», причиняемых восставшими всяким «знатным и честным» людем — боярам, дворянам, приказным, «начальным людем». Упоминание о насильном «отъимании» «людей» из «домов», т. е. холопов, еще раз подтверждает приведенные выше данные об освобождении ряда холопов из казачьего состояния по воле восставших.

В правительственном приговоре о казни Хованских старшему из них вменялось в вину то, что он «в ближния их великих государей полаты попустил ходить всяких чинов людем без всякого страха и опасения с таковым наглством и невежеством, чего и в простых домех не повелось, и тем учинил ты им, великим государем, безчестие»³⁰⁵.

Сообщая о сборе «войска великого» в Троицком монастыре, С. Медведев пишет, что во всем государстве в связи с этим «начала быти... молва великая, что странное дело... невегласем мужиком владети или началствовати людами разумными и величайшим господам и самодержцам всего многонародного государ-

³⁰³ С. Медведев. Созерцание, стр. 58, 97.

³⁰⁴ Там же, стр. 102, 103, 104.

³⁰⁵ Там же, стр. 106.

ства указывать или противу их царского величества стояти упорно»³⁰⁶. Тем самым эти слова означают признание того, что «невегласы мужики» в конце весны, летом и в начале осени «владели», «начальствовали» в столице государства.

Правда, нельзя забывать того, что восставшие стрельцы и солдаты не были едиными. Источники не раз говорят о группе выборных стрельцов, которые вели переговоры с Софьей и нередко выступали на ее стороне, например во время движения раскольников. Другая группа выборных, которую возглавлял Алексей Юдин (Июдин), стояла ближе к «доброму» боярину И. А. Хованскому. Этот факт отражал деление восставших, вероятно, не только по религиозному признаку. Еще большее значение имела социальная рознь между ними.

Впоследствии капитулировавшие стрельцы в своих челобитных от 28 октября приписывали «умысел» майского восстания, подачи челобитной 6 июня и сооружения «столпа» «вору и раскольщику Алешке Юдину с товарищи» при «потачке» Хованских, а правительство — «здохитросному умышлению» Хованских и «единомышленников их, воров и раскольников святые церкви и ругателей Алешки Юдина с товарищи»³⁰⁷. Все это как будто говорит о том, что А. Юдин «с товарищи» выступали предводителями наиболее радикального течения среди восставших стрельцов и солдат. Нужно, однако, учесть несколько моментов: роль Юдина и других руководителей в источниках выделяется прежде всего применительно к движению раскольников, и в этом смысле понятно стремление капитулировавших осенью 1682 г. стрельцов свалить на них вину за подачу челобитной 6 июня и сооружение столпа — Юдин «с товарищи» не могли опровергнуть это, так как сложили головы 17 сентября вместе с Хованскими. Между тем эти действия — подача челобитной и сооружение столпа — отвечали интересам всех стрельцов и солдат.

Выдвижение Хованских на первый план в правительственном документе — жалованных грамотах в стрелецкие полки — тоже понятно: правительству еще раз нужно было оправдать поспешную казнь Хованских; оно уже тогда начало создавать легенду о том, что восстание явилось делом рук прежде всего этих незадачливых деятелей на русском политическом небосклоне конца XVII в. и их «единомышленников» из числа стрельцов.

Роль Хованских в восстании, как уже отмечалось, сильно преувеличена не только в правительственных актах конца 1682 г., но и в сочинениях некоторых историков. Выше мы уже могли убедиться, что Хованские, пытаясь прорваться к кормилу власти и оттеснить от него соперников, использовали движение стрельцов и солдат в своих корыстных целях. Они оказались в

³⁰⁶ С. Медведев. Созерцание, стр. 119.

³⁰⁷ Там же, стр. 163, 164, 168.

конце концов между Сциллой и Харибдой и были раздавлены. Но в течение некоторого времени — с середины мая до середины сентября — они, опьяненные видимостью успеха, осуществления своих авантюристических планов, считали себя чуть ли не вершителями судеб страны, тем более, что стрельцы и солдаты относились к ним с почтением, величали старого Хованского «отцом», «батькой»; он их звал в свою очередь «детками»; эскорт «деток» сопровождал и охранял его безопасность и покой. К тому же он возглавлял Приказ надворной пехоты, выполнял их требования, допускал послабления и т. д., а его сын стоял во главе Судного и, возможно, Сыского приказов, что давало лишнюю возможность вести демагогическую политику среди простого народа (выдача отпускных на волю холопам, рассмотрение судебных дел, в частности претензий стрельцов и солдат к своим бывшим начальникам и прочим недругам).

С. Медведев, возвеличивая Софью, старается выставить Хованского в неприглядном свете. Он отмечает, что старый князь «способства чинил» стрельцам и солдатам в их требованиях о выдаче жалованья за «заслуженные годы» (за 20—30 лет)³⁰⁸.

А. А. Матвеев считает Хованских жертвой козней ненавистного ему Милославского, этого «перводействительного сочинителя всего того стрелецкого воровства и онаго бунта». Именно он, «в сторону уклоняясь тайно», убедил царевну Софью, чтобы Хованским «все правление то стрелецкое поручить». Старшего из Хованских, Тараруя, он характеризует как человека, известного своим непостоянством, безумной трусостью и поражениями от неприятелей — поляков и шведов. Сын же его «самомнительный был человек, токмо по фамилии своей княжеской всякого властолюбия суетнаго желал, но высокоумно безосновательную голову имел». Этих «безрассудливых» людей Милославский «равно как обезьяна в свои лукавые руки, яко кошек помкнул и сделал участниками гнусных тех преждебывших своих дел» (т. е. в возмущении стрельцов к восстанию).

Хованские (точнее — старший Хованский) «власть» над Стрелецким приказом «с лепотою любочестия своего приняли ко многому себе якобы почтению со всемерным удовольствием, от чего, они, князья Хованские, со дня на день в славе и в той их стрелецкой радости превосходить начали и во всем им, стрельцам, большие от безумия своего любительно снисходили и слепо угождали». Стрельцы же «старого князя Хованского, лукаво любя, „батюшкой“ своим называли и завсегда за ним ходили и бегали в безчисленном множестве и, куда он ни ехал, во все голоса перед ним и за ним кричали: „Большой! Большой!“». Хованские

³⁰⁸ С. Медведев. Созерцание, стр. 59.

вошли к стрельцам в такое доверие, что все их полки «в собственной их, князей Хованских, воле и во власти были».

Следствием этого явились угрозы, хвастовство, неблагоприятные поступки Хованских. Старый князь принудил «за жестокими угрозами» выйти за себя замуж вдову (к тому же беременную) недавно убитого думного дьяка Лариона Иванова, человека очень богатого (Хованские же постоянно испытывали недостаток в деньгах). Младший Хованский публично угрожал «многим особам знатным» смертью, ссылаясь опять же на стрельцов. Дело дошло до того, что Хованским «ничего вопреки никогда прямо говорить никто не смел»; Матвеев говорит даже о «правлении» Хованских. Но он же не раз отмечает, что их власть по существу была «скоропостижной и тщетной» и держалась «за таким великим страхом их стрелецким». Хованские раздали многие суммы из царской казны, «угождая стрельцам»³⁰⁹.

Из этих противоречивых сообщений Матвеева довольно ясно вырисовывается действительная картина отношений стрельцов и Хованских: первые являлись хозяевами положения, реальной силой, а Хованские держались на верхушке неожиданно поднимающейся их высокой волны только благодаря поддержке стрельцов. Последние были в их «воле» и величали потерявшего от «тщетного» успеха голову старого князя «батюшкой» постольку, поскольку он поддерживал их требования. А он и его сын делали это, «угождая» стрельцам, для достижения своих честолюбивых политических целей и поправления неблагоприятных материальных дел. Тот же Матвеев сообщает: Милославский опасался, что старый Хованский «в такую крепкую силу у всех полков стрелецких пришел, что их вновь великим бунтом на всеконечное их царского дома искоренение приводит». А его сын «публично говорил, что по своей высокой породе из фамилии старых королей литовских Ягеллы, Наримунта и Карибута, похвалялся замуж... за себя взять» царевну Екатерину Алексеевну и «по той наследственной линии быть царем московским»³¹⁰.

О честолюбивых замыслах Хованских сообщают и иностранцы, которые, будучи нередко плохо осведомленными, допускают ошибки и преувеличения. По Невиллю, И. А. Хованский думал, что после всего сделанного им для Софьи и «после изъявлений ее дружбы и благодарности он может достигнуть многого и даже царского престола», тем более что, «заклучал он не без основания, милиция всегда будет ему преданною, так как он разрешил ей всякие злодейства и грабежи». Для достижения своих целей он задумал породниться с царским семейством путем женитьбы сына на младшей сестре Софьи—Екатерине³¹¹.

³⁰⁹ А. А. Матвеев. Записки, стр. 37—38, 40.

³¹⁰ Там же, стр. 42.

³¹¹ Невиль. Записки, стр. 439.

Поляк-аноним утверждает, что на деньги убитого Лариона Иванова старый Хованский набрал себе единомышленников и подкупил стрельцов в надежде сделаться царем, а Софью выдать за своего сына. «Тогда,— говорил он,— мы можем совершенно обезопасить Московское государство от внешних врагов, а несовершеннолетние цари пусть тем временем подрастают». Он предполагал-де отправиться в Польшу с войском в несколько сот тысяч и заключить мир, «а потом к шведам». Далее автор с юмором продолжает, что Софья приказала однажды показать ей сына Хованского (как будто она раньше его не видела!). Когда его привели, «не на что было и смотреть: слишком молод он был и некрасив собою». Софья рассмеялась: «О женишок мой, хорош женишок, ярыжной (т. е. подъячим) ему впору быть!»³¹² В этом ярком описании, не очень-то правдоподобном, претендентом на трон выступает не младший Хованский, который мог для этого вступить в брак с одной из многих незамужних дочерей Алексея Михайловича (здесь в качестве «объекта» выступает не Екатерина, а Софья), а его отец, незадолго перед этим женившийся на вдове Л. Иванова, которая, согласно тому же «Дневнику», «через две недели родила сына». Автора, видимо, не смущает откровенная двусмысленность положения старого Хованского, если допустить с его стороны возможность таких поползновений. Если такие планы и вынашивались Хованскими, то, конечно, наиболее реальным путем для их осуществления могла бы быть женитьба младшего из них на какой-нибудь царевне, хотя чрезвычайная сложность и деликатность ситуации, когда уже имелись не один, а даже два царя и регентша при них, с самого начала обрекали их безрассудные попытки на бесплодность, безрезультатность. Но не таковы, очевидно, были безрассудные и неумные отец и сын Хованские, чтобы не строить химерические планы и к тому же открыто не заявлять о них, кичась своей высокой породой, происхождением от литовского королевского «корени». Они могли достичь этого единственным путем — расправиться с царями и Софьей с помощью нового стрельцо-солдатского «мятежа», но они панически боялись народного движения и старались предотвратить возможный взрыв, хотя на словах грозили перепуганным царедворцам в кремлевских палатах призраком повторного кровавого восстания.

Итальянец сообщает из Варшавы в Рим, что Хованский «избран главою бунтовщиков. Он ходит, окруженный ими отовсюду, охраняемый многочисленною вооруженною стражею». Далее автор пишет о взаимоотношениях «отца» с «детьми», которым Хованский «повелевает... молиться богу, дабы он дал им хороший успех в их замыслах, почитать государей и прочее». Последнее

³¹² «Дневник зверского избиения...», стр. 24—25.

замечание очень верно — Хованский постоянно подчеркивал свою преданность царям, царскому семейству, хотя от их имени нередко отдавал самовольные распоряжения, угождая стрельцам. Автор, писавший в начале лета 1682 г., далее многозначительно добавляет, что «бунтовщики», «вероятно, скоро... оставят его». Хованский «обезоруживает недовольных... деятельностью своею и ласками... но долго ли его будут терпеть, — кто за это поручится?»³¹³ И. Келлер в письме от 1 августа 1682 г., рассказывая о своей беседе с И. А. Хованским, тонко замечает, что он «склонен больше придавать вес и значение словам лиц чина и состояния, чем верить чрезмерным донесениям народа, который переменчив и очень часто руководствуется своими собственными мыслями и впечатлениями момента»³¹⁴.

Что касается утверждения Матвеева о том, что Хованские оказались у власти благодаря хитрым замыслам, интригам Милославского, то в этом может быть доля истины. Вокруг восстания и одновременной с ним борьбы за власть разгорелись придворные интриги, распутать этот сложный клубок не так-то, конечно, легко. Б. И. Куракин считал, что после событий 15—17 мая царевна Софья взяла в свои руки правление государством вместе с Милославским. Она же посадила в Стрелецкий приказ Хованского, чтобы взвалить на него ответственность за стрелецкий бунт, который царевна стремилась погасить. Автор называет старого Хованского «генералом добрым», «человеком простым», намерение же его сына жениться на Софье «внушили интригами»³¹⁵. Вполне, конечно, возможно, что интриги врагов Хованских — Софьи, Милославского и их сторонников — сыграли свою роль в их незадачливой судьбе.

Милославский, между прочим, был единственным крупным политическим противником, которого Хованскому, пользуясь своим положением, удалось убрать со своего пути. Между Милославским и Хованским началась, по сообщению А. А. Матвеева, «великая ссора». Дело дошло до того, что стрельцы, «возлюбя» Хованских, «не токмо его, Милославского, прежнюю к себе внутреннюю любовь покинули», но стали искать случая убить его по «навождению» Хованских. Милославский, до которого доходили слухи об этом, «ездя по подмосковным своим вотчинам, всячески укрывался, как бы подземный крот, и паче меры тайно вкапывался внутрь земли». Он занимался тем, что искал удобного случая «искоренить» князей Хованских³¹⁶.

Боярин И. М. Милославский сразу после событий 15—17 мая возглавил несколько приказов — Пушкарский, Иноземский и

³¹³ «О московских происшествиях...», стр. 81.

³¹⁴ М. И. Белов. Нидерландский резидент в Москве, стр. 340.

³¹⁵ Б. И. Куракин. Указ. соч., стр. 45—50.

³¹⁶ А. А. Матвеев. Записки, стр. 41.

Рейтарский. Но через несколько дней, 25 мая, его сместили с поста, во главе приказов поставили боярина кн. Ф. С. Урусова³¹⁷. В связи с этим понятно сообщение одного архивного документа о передаче 28 мая двух выборных солдатских полков — генерала А. А. Шепелева и стольника полковника Р. Жданова — со всеми делами из ведения Иноземского приказа, куда они были переданы из Стрелецкого приказа в «прошлом 189-м году» (т. е. в 1681/82 г.), снова в Стрелецкий приказ, т. е. в ведение его начальника боярина кн. И. А. Хованского и его помощников³¹⁸.

Своего честолюбивого и коварного родственника И. М. Милославского Софья после упрочения положения правительства возвратила ко двору. В июле он сопровождал царей в троицком походе³¹⁹. 6 августа в царских палатах слушалось спорное земельное дело между боярами И. М. Милославским и Иваном Большим Севостьяновичем Хитрово. Последний в челобитье жаловался на то, что Милославский для розыска по тому делу «посылал наперед сего держальника своего и накупного межевщика» стольника Г. С. Супонева, который «розыскивал и межевал... нарыва» ему, Милославскому. К тому же Супонев сбежал от очной ставки, которую предполагалось устроить на спорной земле. В ответном челобитье Милославский возражал, что он Супонев не посылал, а выбрали его для того дела бояре «в полате», и просил учинить государев указ «в бесчестье» на И. С. Хитрово. В записи о приговоре сообщается, что «великие государи, слушав того их челобитья, указали» И. М. Милославскому на И. С. Хитрово «за ево челобитье, что он называл боярина Ивана Михайловича накупщиком, доправить ему бесчестье оклад ево сполна». Для розыска же по спорным землям велено было отправить дворянина Р. К. Цымерманова и дьяка Н. Зотова³²⁰.

Несмотря на это видимое упрочение своего положения, Милославский остался не у дел — Софья не очень-то его жаловала, во всяком случае, к власти не подпускала.

Хованские были в ссоре и с боярином кн. В. В. Голицыным, но здесь уже они ничего не могли поделать. Своего фаворита Софья сделала главой правительства, и он, по словам итальянца, «правит всеми государственными делами»³²¹. Характерен в этом плане следующий эпизод: в сентябре 1682 г. В. В. Голицын подал царям челобитную с жалобой на Хованских. В сентябре, писал Софьин «голант», «людишки мои» (холопы) были на празднике в гостях у солдат выборного полка на Бутырках. По дороге в Москву (Бутырки тогда были подгородной слободой Москвы)

³¹⁷ С. К. Богоявленский. Хованщина, стр. 185, 190—191.

³¹⁸ ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Московского стола, д. 629, лл. 106—107.

³¹⁹ С. К. Богоявленский. Хованщина, стр. 186.

³²⁰ ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, д. 1152, лл. 125—128; см. также: Столбцы Новгородского стола, д. 319, лл. 308, 309.

³²¹ «О московских происшествиях...», стр. 81.

напали на них неведомые люди «и учали их бить и, бив, покинули за смертью». Одного из «людишек», Родиона Чернева, привели те люди в Приказ надворной пехоты, а сами сказались «надворная же пехота Матвеева полку Марышева». В приказе Р. Чернева допросили, потом начальник приказа боярин кн. И. А. Хованский «велел его поставить перед собою в Верху» и распросить «с великим пристрастием вдругоряд». И далее: «И, мстя мне недружбу, что у меня с его сыном... ссора, посылал на дворишко мой по битых людей» многую надворную пехоту во главе с капитаном. Людишки «от того страху разбежались». По просьбе В. В. Голицына 11 сентября, незадолго до казни Хованских, последовало распоряжение властей, находившихся в это время на пути в Воздвиженское, передать людей челобитчика и все дело о них из Стрелецкого в Сибирский приказ⁶²².

Хованские были бессильны не только в борьбе с Голицыным, но и вообще в попытках взять под свой контроль положение дел в столице. Они делали судорожные попытки, угождая то стрельцам и солдатам, то царскому двору, удержаться у руля государственного управления, но были во власти тех же стрельцов и солдат, диктовавших свою волю и охотно отдававших внешние лести «большому», «царскому боярину», «батюшке», а реальную власть в правительственных делах умело, постепенно и неуклонно прибирали к рукам Софья, Голицын, Шакловитый и другие деятели, которым Хованские не могли противопоставить ничего, кроме своего эфемерного «союза» с восставшими и высокомерия. Автор повести из Соловецкого собрания по-своему тонко подметил двойственность и неустойчивость положения старого Хованского: стрельцы «нарицающе его „батком“». Он же сия зело любяще и их чествоваше и отсылаше на Сытной дворец, жалую от лица великих государей погребом, веляше поити доволно». Но Хованский послушно исполнял волю стрельцов и к тому же боялся их выступления, стремился его предотвратить, но не мог: *«Боярин же князь Иоанн Хованской во царствующем граде Москве мятежу утолти не возможе, боляшеся мятежников, творяше по их воле»*³²³.

Он был по существу бессилен и в правительственных делах. Правда, он отдавал различные распоряжения, угодные в первую очередь стрельцам и солдатам, успел, конечно, кое-что сделать и для себя, потеснить своих соперников по борьбе за власть, но все это было неустойчивым, кратковременным и держалось только на благом расположении к нему его «деток». Он с сыном возглавил несколько приказов, а во время отъездов царского семейства становился даже во главе боярской комиссии, ведавшей всеми делами по управлению государством. Он послушно

³²² ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Московского стола, д. 639, лл. 69—70.

³²³ ГПБ, ОР, Солов. собр., д. 988(878), л. 729, 729об.

и по возможности расторопно выполнял все указания Софьи и правительства. Хотя впоследствии его обвиняли в превышении власти, в частности в выдаче стрельцам и солдатам больших сумм денег и т. д., все это он делал как «царский боярин», член правительства, поскольку летом 1682 г. оно вынуждено было проводить такой курс под давлением восставших, а потом свалило все на Хованских.

С. К. Богоявленский, всячески стремящийся доказать, что Хованский был руководителем стрельцов в 1682 г., направлявшим вместе с Софьей ход событий, вместе с тем, противореча себе, показал, что приказной аппарат оказался в руках не Хованского, а Софьи и Голицына, последний сделался «легальным правителем государства и по мере упрочения власти Софьи мог все более и более противодействовать планам Хованского». В связи с этим интересно письмо дьяка Е. И. Украинцева В. В. Голицыну: он сообщал о том, что Хованский «досадует на тебя, что ведаешь ты настоящее дело, да не остерегаешь того и не так поступаешь, не опасая здоровья своего»³²⁴. Это был явный намек на возможную расправу, но Хованский оказался бессилён осуществить свою угрозу. Во главе приказов оказались его недруги и сторонники Софьи и Голицына³²⁵, его распоряжения выполнялись медленно или вовсе игнорировались. Приказные дьяки нередко запрашивали инструкции, минуя Хованского, у Голицына, Шакловитого, с которыми поддерживали тайную переписку. Более того, правительство во главе с Софьей нередко пренебрежительно относилось к Хованскому, не считаясь с его мнением и противодействуя его распоряжениям. Характерно, что 23 июня дела о холопстве были изъяты из ведения Судного приказа, которым руководил А. И. Хованский; во главе восстановленного Холопного приказа встал преданный Софье кн. Ф. Ф. Волконский. Пожалования дорогими тканями 24 июня, т. е. за день до венчания царей, обошли стороной обоих Хованских, которые в противоположность В. В. Голицыну и другим царедворцам не исполняли почетных обязанностей во время этого торжества³²⁶.

Во время царского похода в Тайнинское, Воздвиженское, Троице-Сергиев монастырь и Александрову слободу 13—29 июля, поразившего всех своей необычностью, быстрыми переходами, тайной, которой поход был окружен, Хованского даже не известили о местопребывании царей, намерениях царского двора, хотя его оставили в Москве во главе боярской комиссии. По Москве ходили тревожные слухи, вспоминали угрожающие слова Софьи, произнесенные 5 июля в Грановитой палате. Хованский,

³²⁴ С. К. Богоявленский. Хованщина, стр. 192.

³²⁵ Там же, стр. 190—193.

³²⁶ Там же, стр. 208—209.

испытывавший большое беспокойство, решал дела в соответствии с царскими указами, старался вникать во все вопросы, с энергией и усердием исполнять указания правительства. Оставшийся в Москве дьяк Е. И. Украинцев жаловался участвовавшему в царском походе В. В. Голицыну, с которым он состоял в секретной переписке: «В приказе сию безвыходно, а в Верх волочит князь Иван Андреевич беспрестанно, а с Верху прибреду,— и в приказе от челобитчиков доука. Все государство обратилось в Верх с челобитьями... По вся дни с утра и после обеда за челобитными сидим, и несть нам восклонения».

Надежды многих людей, подававших челобитные в комиссию, возглавлявшуюся И. А. Хованским, не могли осуществиться. Челобитным давался обычный ход—они направлялись в приказы, по ним составлялись различные справки, доклады и т. д.

В секретной переписке Е. И. Украинцева с В. В. Голицыным отразился ряд моментов, очень важных для суждения о том, какую роль в делах управления играли некоторые из видных политических деятелей. Так, 25 июля стольник кн. П. Г. Львов сообщал с Двины, что там неспокойно. С просьбой дать указания о необходимых в связи с этим срочных мерах глава боярской комиссии Хованский обратился к находившейся в Москве царевне Татьяне Михайловне. Она распорядилась написать на Двину; «и я,— писал Украинцев Голицыну,— грамоты изготовил, и князь Иван Андреевич приказал их отпустить; только я не отпустил тех грамот. Известно тебе, государю, о том чиню, что мне изволишь приказать?»

Одно из писем Голицына Украинцеву содержит загадочное упоминание о каком-то приставе, посланном в Иверский монастырь (на одном из островов Валдайского озера) с письмом. Боярин наказывает: «Да стереги, ради бога, пристава ... чтоб письмо, которое он привезет, не попало иным мимо вас в руки, зело то нужно»; то письмо предписывалось тайно с охраной привезти к Украинцеву, а от него к царевнину фавориту, который еще раз повторяет: «И о том се письмо держи тайно, чтобы никто не ведал». Очевидно, после памятных событий раскольничьего «мятежа», когда ряд стрельцов обнаружил склонность к новой «шатости», Софья и правительство искали на будущее убежище не только в царских селах и Троицком монастыре, но и на островах Валдайского озера.

В этом же письме В. В. Голицын указывает от имени царей Е. И. Украинцеву послать в Чернигов вместо Степана Янова, с которым стрельцы расправились в июне, Семена Воейкова, а Камынина (который, очевидно, находился в Чернигове) — отпустить к Москве; «как он приедет (неясно,—кто? Воейков или Камынин? — В. Б.), и о том се письмо держи тайно, чтоб ни кто не ведал». В других письмах от имени царей В. В. Голицын распорядается послать гетманских посланцев в село Воздвиженское

18 июля, немедленно отпустить с Москвы «казну крымскую»; «а о денгах в Сыскной приказ к боярину ко князю Андрею Ивановичу Хованскому здесь в походе учинен указ... чтоб за князь Андрея Ромодановского (выкупленного из крымского плена — В. Б.) долговые деньги против памяти ис Посолского приказа (его возглавлял В. В. Голицын.— В. Б.) отпустить все без уба[в]ки»³²⁷.

Между прочим, для отправки гетманских посланцев Украинцев не мог достать подвод, которых, по утверждению дьяка Ямского приказа, в наличности не было. Хованский тут же приказал поставить на правез ямских чиновников — дьяка и старост, и на следующий день Украинцев получил 50 подвод. Незадолго перед тем Хованский отказал, при поддержке выборных, стрельцам, которые требовали вознаграждения за устройство валов. Пораженный этим Украинцев писал Голицыну: «Все смиренно и тихо, а басен людских (слухов о царском походе.— В. Б.) не переслышать, только в деле ничего лихого не видим»³²⁸.

Столь же красноречивые строки находим в переписке дьяка П. Оловянникова, служившего в Москве, с думным дьяком Ф. Л. Шакловитым, участвовавшим в начале сентября в другом царском походе. 5 сентября Оловянников сообщал ему, что брянский пушкарь привез отписки и письмо от воеводы. Хованский, опять стоявший во главе боярской комиссии в Москве, распорядился послать грамоту воеводе. «И я,— пишет дьяк,— боярина докладывал, чтоб те отписки и письмо послать к великим государем в поход, а боярин посылать не велел, а есть де о том ему великих государей указ». Однако Оловянников, пренебрегая распоряжением Хованского, послал документы «для ведома» Ф. Л. Шакловитому, «в листу запечатав. А грамота в Брянск не послана. Как о том, государь, изволишь?» Дело осложнилось тем, что на следующий день, 6 сентября, Хованский неожиданно затребовал документы снова к себе, чтобы показать их патриарху Иоакиму, бывшему, между прочим, его врагом. Дьяк просит своего патрона срочно прислать письмо из похода, предварительно «вычетчи» его.

В других письмах конца августа — начала сентября Оловянников сообщает Шакловитому о разных делах, вершившихся в московской боярской комиссии, о посылке документов, испрашивает инструкции, жалуется: «А в приказе, государь, сию один, грамот множество и челобитчиков слишком»³²⁹.

³²⁷ ЦГАДА, ф. 141, д. 111, лл. 1—4; ДАИ, т. X, № 22, стр. 61—63; С. К. Богоявленский. Хованщина, стр. 211—213.

³²⁸ С. К. Богоявленский. Хованщина, стр. 213.

³²⁹ ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Новгородского стола, д. 319, лл. 294—311; С. К. Богоявленский. Хованщина, стр. 217—218.

Правительство Софьи и сама регентша вели в течение лета осторожную и хитрую политику. Софья, понимая, что другого выхода нет, в конце мая распорядилась выдать стрельцам и солдатам по 10 руб. одновременно, согласилась и с их требованием о выдаче «заслуженных денег» за 20—30 лет. Она же уговорила выборных разрешить похоронить тела убитых 15—17 мая, «похваляла» их службу 23 мая, т. е. накануне избрания Ивана первым царем, а ее — регентшей, всячески лавировала и интриговала (вспомним инцидент с постельницей Марфы Матвеевны Федорой Семеновой), говорила вместе со своими сестрами комплименты восставшим стрельцам и солдатам, которые-де «богом наставляеми» в своих действиях (по возведению на престол Ивана Алексеевича)³³⁰. Столь же умело и хитро царевна и ее помощники направляли ход правительственных дел в течение июня — первой половины сентября, поскольку получившие и получавшие удовлетворение своих требований стрельцы и солдаты отнюдь не стремились к непосредственному, личному овладению правительственными должностями. Хованские, упиваясь своим показным всеилием, замечали все же, что реальная власть фактически находится в руках Софьи, Голицына и других угодных царевне лиц. Они кое-что сделали для упрочения своего положения при дворе, например удалили Милославского, но этого оказалось недостаточно, опереться же всерьез на социально чуждых им стрельцов и солдат они не хотели и не могли. Поэтому они беспомощно наблюдали за тем, как власть все более сосредоточивается в руках их недругов.

Софью поддерживал ряд выборных стрельцов, как это показало движение раскольников. А. А. Матвеев очень верно подметил эту тактику царевны, «держава», т. е. правление, власть, которой «внутри у выборных и сильных стрелецких тех полков людей повсемерно и сильно приростала и во всем укреплялася, и тайные выходы и сношения и советы с ними непрестанно умножались». Столь же верно наблюдение автора и об отношении Софьи к Хованским: «Хотя она ж... их... властью тою стрелецкою правления... повысила тогда, наиболее за видностную токмо особую их фигуру, но до времени ведала, что их... правлению слабому и природному долго состоятельному быть не можно»³³¹.

Ход событий в июле — августе показал, что позиции правительства Софьи укрепились. Но в то же время, оставаясь в столице, где хозяевами положения в конечном счете являлись стрельцы и солдаты, оно не могло чувствовать себя уверенным, а царская власть не могла пользоваться, как это было обычно, своими самодержавными правами, привилегиями. Конфликт

³³⁰ С. Медведев. Созерцание, стр. 59—67.

³³¹ А. А. Матвеев. Записки, стр. 38.

между властью и стрельцами и солдатами, продолжавшими стоять на страже своих интересов и в этом смысле противостоявшими ей, был неизбежен.

ОБОСТРЕНИЕ ОБСТАНОВКИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ АВГУСТА — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ СЕНТЯБРЯ

(челобитная от 16 августа о подможных деньгах; отъезд двора в Коломенское; обстановка в столице; извет 2 сентября; переезд двора в Воздвиженское)

Толчком к конфликту послужили события 16 августа, когда, по словам С. Медведева, «паки воздвижеса житейское море бедоносными яростми волнами, яже своим свирепым гнева волнением мало-мало не опроверже российского гражданства и царского величества самодержавства». В этот день боярин кн. И. А. Хованский, продолжавший свои интриги, «подписа» челобитную (т. е. наложил положительную резолюцию) даточных служилых людей, взятых из дворцовых волостей и приверстанных в стрельцы. Они требовали, чтобы им выдали подможные деньги с дворцовых крестьян «противу монастырей», т. е. в том же размере, что и с монастырей. Предполагалось, что каждый из челобитчиков получит по 25 руб. на человека, всего более 100 тыс. руб.; следовательно, челобитье писалось от имени более чем 4 тыс. стрельцов — выходцев из дворцовых крестьян. Трудно сказать, насколько правомерно было их требование. Во всяком случае, Боярская дума приговорила ответить на него отказом, поскольку «им подъемныя деньги по указным статьям, каковы статьи которого выбору даточным в подможных денгах, были даны тогда все сполна». Правда, власти знали, что даточные недовольны малым размером подъемных, подможных денег. В частности, об этом говорилось в стрелецко-солдатских челобитных. В связи с этим в приговоре Боярской думы говорится применительно к монастырским даточным людям, что они «сверх прежних подъемных денег имали денги за правежем вновь своим самоволством, и о том великих государей указа не бывало».

По утверждению того же С. Медведева, старый князь Хованский царский указ «преслушал», «не пошел» говорить тот указ даточным, но тут же продолжает, что он вышел к стрельцам, «говорил словеса злая на возмущение их: „Дети! Ведите о сем, что уже и мне, вам добра хотящему, бояре грозят, и мне стало делать нечево. Как хотите, тако промышляйте себе!“». Трудно сказать, говорил ли такие слова Хованский, во всяком случае так охарактеризовали его реакцию Софье ее придворные.

«Служивыя», продолжает С. Медведев, после слов Хованского «возмятошася», на совещании с ним решили «их царское

величество всех в доме их царском и всех бояр и ближних людей побити без остатку». Они выражали желание поставить в цари И. А. Хованского, «яко их во всем верно поборника, иже о себе им глагола, яко он есть королевского рода». Предполагалось первую часть плана (расправа с царями и боярами) осуществить 19 августа (срок до этого «день от дне» откладывали) во время праздника богородицы и «хождения со кресты» царей и патриарха «со множеством народа» в Донской монастырь. Но испугавшиеся цари пошли в монастырь не «со крестами», а пришли в него позднее, когда там уже собрался народ. «Служивыя», по не совсем понятному объяснению Медведева, «не надеялися» на приход царей, и поэтому-де «той день преиде мирно». Но поскольку Хованский «с единомышленники своими, некоторыми служивыми», искал «подобного времени», чтобы «сотворити народное смущение», то царское семейство удалилось из Москвы и проживало в Коломенском и на Воробьевой горе³³².

Согласно неопубликованным разрядным записям, цари со двором выехали из Москвы 20 августа, т. е. на четвертый день после подачи челобитной о подможных деньгах. На третий же день после их отъезда из Москвы, 23 августа, в Коломенское прибыли представители восставших стрельцов из всех полков. Они отрицали наличие у них «злого умысла» против царей и «ближних» людей и просили их вернуться в Москву. Но им ответили, что о том «злом умысле» и «тайных пересылках» в восставших полках им «неведомо», а пошли они из Москвы в Коломенское «по своему государскому изволению. Да и наперед сего в то село их государевы походы бывали»³³³.

Ясно, что это было отговоркой, — обе стороны понимали, что дело принимает серьезный оборот, хотя открыто не высказывали своих истинных намерений. Именно к 20-м числам августа относится приезд И. А. Хованского в Коломенское, где он пугал Софью возможностью выступления новгородского и другого дворянства; но правительница не испугалась. 29 августа она затребовала в Коломенское стремянный полк и, как Хованский и стрельцы ни противились, сумела настоять на своем³³⁴. Все эти козни вменялись впоследствии в вину Хованским в приговоре о казни 17 сентября.

В связи с этим любопытен эпизод с «действом», которое ежедневно проводилось 1 сентября, т. е. в начале нового года. Обычно во время торжественного хода присутствовали царские особы, патриарх с освященным собором, царский двор. На этот же раз «ради великих смущений в народе от служивых», а также ввиду

³³² С. Медведев. Созерцание, стр. 94—96, 107; см. также: С. К. Богоявленский. Хованщина, стр. 215.

³³³ ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, д. 609, лл. 1—2.

³³⁴ С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 292.

того, что «ближние их государского сигклита люди» разъехались из Москвы по подмосковным селам «ради многих страхов», цари не поехали на «действие». На нем вообще присутствовало, вопреки обычаю, мало народу («всяких людей бе малость», по словам Медведева). Из знатных же лиц явился по распоряжению кн. И. А. Хованского только окольный К. О. Хлопов — его помощник по управлению Москвой на время отсутствия царского двора³³⁵. Сам Хованский ввиду отсутствия на церемонии царского двора не считал для себя возможным присутствовать на нем, его гордость и высокомерие проявились и здесь. Разрядная записка «Смутное время» замечает в связи с этим, что «великие государи к Москве на действия не ходили, а велели быть ему, князь Ивану Хованскому, и он ослушался и на действия не ходил»³³⁶. В указе о казни, прочитанном Хованскому 17 сентября, ему ставилось в вину и «непослушание» в связи с отсутствием на торжествах 1 сентября, когда он «велел быти у действия товарищу своему околничему Кирилу Осиповичю Хлопову одному, и тем своим непослушанием и гордостью высокою то действие опорочил и святейшему патриарху досаду учинил и от всех народов привел в зор»³³⁷.

Отсутствие царей на «действии» являлось преднамеренным шагом со стороны правительства Софьи. В письме из Москвы дьяка П. Оловянного думному дьяку Ф. Л. Шакловитому, бывшему в «походе» с царями, в конце августа, приводится известие: «Изволишь писать, чтоб выписать из записных книг: в прошлых годах хто бывали у действия новаго лета бояр и с ними товарищей в то время, в которое великие государи сами у того действия быть не изволили. И в Розряде в записных книгах с 167-го по 190 год (т. е. с 1659 по 1682 г.— В. Б.) в записке по вся годы изволили быть у действия новаго лета великие государи. А выше тех годов в записных книгах о том действе записки нет». В другом письме Оловянного сообщает о посылке 1 сентября выписки «о действиях с 167-го года» в Коломенское³³⁸. Таким образом, правительство уже вскоре после своего отъезда из Москвы решило вопрос об отсутствии царей и царского двора во время «действия» 1 сентября, несмотря на то, что, согласно обычаю, они должны были присутствовать на церемонии, как показала наведенная Оловянным справкой в разрядных документах.

Обстановка в столице оставалась крайне напряженной. По утверждению С. Медведева, «люди бо вси во ужасе ходиша». Велись разговоры «о смущении народа», «яко в той день или в той

³³⁵ С. Медведев. Созерцание, стр. 97, 109; ЧОИДР, 1907, кн. 4 (223), Смесь, стр. 49 (роспись «похода»).

³³⁶ С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 336.

³³⁷ С. Медведев. Созерцание, стр. 109.

³³⁸ ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Новгородского стола, д. 319, лл. 301, 304.

праздник паки имать быти смущение и побиение от служивых»; в свою очередь «также и служивым страх бе и трепет от народных гласов, яко в той праздник имать им отмщение от боярских холопей быти». Таким образом, ходили всякие разговоры, слухи. Тот же Медведев, несколькими страницами выше писавший о намерении Хованского и его единомышленников поднять новое народное восстание, а самому занять русский престол, пишет теперь, что старый князь, управлявший всем «в царствующем граде Москве», «детем своим названым, служивым, зело во многих делах угождая, потакал, делал по их воли мимо всякия правды собою многия без доклада великих государей»³³⁹. Конечно, Хованский, возможно, мечтая и о царском престоле, заискивал перед восставшими. Но это не может скрыть основного факта: хозяином положения был не он, а восставшие «служивые». Тот же автор признает, что в августе стрельцы всюду приступали к царям «смело и дерзостно и будто великия люди и з бояры мешали и ставили всех чинов людей ни во что»³⁴⁰.

Это подтверждают и другие источники. Итальянец сообщает, что цари не возвращались в столицу, «не смея ввериться буйным стрельцам и почитая унижением для своего сана допустить в общественный Совет простой народ, того требующий»³⁴¹.

Автор повести из Мазуринского летописца, характеризуя все время отсутствия царского двора вплоть до капитуляции восставших, пишет, что «на Москве в то время от стрельцов и от солдат было волнение великое, владели всем Московским государством стрельцы, что хотели, то делали»³⁴².

Автор повести из Соловецкого собрания тоже приводит любопытные известия: после отъезда царей в Коломенское «ради сохранения царского дому» в Москве оставили боярина кн. И. А. Хованского. «Врази же, к воровству вымысленицы затевающе паки во царстве смятение сотворити, подписывающе на вратах боярских и вельможских ночью тайно, яко сему убиену быти, кийждо же виде таковое подписание на вратех домов своих, и народи чтуше, всех ужас и страх объа, яко паки будет гибель». Далее автор сообщает, что старый князь Хованский «к мятежником советен бысть», ему же доносили «плевелныя глаголы», будто многие бояре и вельможи, в том числе А. Шеин и кн. Б. Голицын, собирают «полки великия» в «разных путех», «учаше ратному строю по деревням боярских и монастырских крестьян, хотяще стрелцов всех без останку побить». Среди стрельцов опять начались всполохи «по многия нощи»; они били в барабаны, заряжали оружие, пушки. Хотя ниоткуда никто не выступал против

³³⁹ С. Медведев. Созерцание, стр. 97—98.

³⁴⁰ Там же, стр. 97.

³⁴¹ «О московских происшествиях...», стр. 81.

³⁴² М. Н. Тихомиров. Записки, стр. 454.

них, однако стрельцов «и всех живущих во царстве (т. е. в Москве — В. Б.) страх объя». Следствием этого автор повести считает отъезд царского двора в Троице-Сергиев монастырь «странным путем чрез село Хорошево и Тушино и Тонинское» и последующие меры по «собранию вой»³⁴³.

Выезду царского двора из Коломенского предшествовали другие события, в развертывании которых чувствуется опытная режиссерская рука правительства Софьи. Отказ удовлетворить требование челобитной от 16 августа, отъезд из Москвы 20 августа, хитрая и уклончивая тактика в переговорах с представителями московских «мятежников», заранее подготовленный отказ присутствовать на «действе» 1 сентября — все это говорит о том, что правительство, Софья начали приводить в действие механизм разработанного ими плана; намек на него содержался уже в скрытой угрозе Софьи во время «при» 5 июля в Грановитой палате.

Важным звеном в этом плане явились события 2 сентября. В этот день в Коломенском на воротном щите передних ворот царского двора «прилеплено объявилось письмо», которое «объявил» царям стрелецкий полковник стольник А. Данилов. В разрядной записке «Смутное время» появление извета в Коломенском датируется 20 августа. Не исключено, как полагает Н. Я. Аристов, что мы имеем дело не с одним, а с двумя изветами-донасами³⁴⁴.

Этот анонимный донос на «воров изменников» Хованских якобы исходил от московского стрельца и двух посадских людей которые сообщают о себе: «Мы... ныне укрылись, живем в похоронках... А как ваше государское здравие сохранится и все бог утишит, и мы, холопи ваши, вам, государем, объявимся, и вы, государи, нас, холопей своих, пожалуете; а имян нам своих написать невозможно, а примет на нас: у одного на правом плече бородавка черная, у другога на правой ноге поперег берца рубец, посечено, а третьево объявим мы, потому что у него примет никаких нет». Извет содержал также адрес: «Вручить государыне царевне Софье Алексеевне, не распечатав».

Анонимные доносчики сообщали, что «на нынешних неделях» Хованские призывали к себе домой 9 человек «пехотного чина» и 5 посадских людей и уговаривали их, чтобы они помогли им «доступити царства московского». Для этого они должны были побудить свою братью, т. е. стрельцов, солдат и московских посадских людей, «ваш царский корень извести» — убить обоих царей, царицу Наталью Кирилловну, царевну Софью, патриарха, «власти», бояр — по три из Одоевских и Голицыных, по два из

³⁴³ ГПБ, ОР, Солов. собр., д. 988 (878), л. 728—728 об.

³⁴⁴ С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 336; Н. Я. Аристов. Указ. соч., прим., стр. XXVIII—XXIX.

Черкасских и Шереметевых, И. М. Милославского и многих других, дворян, гостей «за то, что будто они старую веру не любят, а новую заводят». Других царевен они хотели постричь и разослать по дальним монастырям, кроме Софьи, которую-де намерено было убить, и еще одной, на которой предполагал жениться князь Андрей Хованский.

Но это еще, оказывается, не все! Далее предполагалось «послать смучать во все Московское государство, по городом и по деревням, чтоб в городах посацкие люди побили воевод и приказных людей, а крестьян научать, чтоб побили бояр своих и холопей боярских». Речь шла, таким образом, ни много ни мало как о широком народном восстании, которого, как мы видели выше, так боялся Хованский.

Теперь же старый князь, старательно исполнявший роль «царского боярина», выступает, согласно утверждению автора или авторов анонимного доноса, чуть ли не возбудителем народного восстания в масштабах всей страны, целью которого являлось возведение на престол самого И. А. Хованского и избрание «народом» новых патриарха и церковных властей, «которые бы старые книги любили».

В научной литературе давно уже обращалось внимание на нелепость всех этих утверждений и явную подстроенность доноса.

Н. Г. Устрялов называет извет «нелепым, вымышленным», М. П. Погодин — подложным. Н. Я. Аристов считает, что к его появлению причастен, может быть, Ф. Л. Шакловитый. Только А. Н. Штраух был склонен принимать на веру подлинность извета, что вызвало ироническое замечание С. К. Богоявленского о том, что автор соблазнился возможностью на столь ненадежном материале построить картину революционного движения³⁴⁵.

Автор или авторы извета стараются доказать истинность своих утверждений, приводя «убедительные» детали «договора» между Хованскими и вызванными к ним стрельцами и посадскими людьми: те и другие целовали крест, «что нам злое дело делать всем вопче», Хованские выдали своим контрагентам по 200 руб., обещали заговорщиков из стрельцов по достижении своей цели («естьи они Московского государства доступят») «пожаловать в ближние люди», а из посадских людей — «гостиным именем и торговать во веки безпошлинно». Награды обещались и всем стрельцам — они-де получают все деньги, вырученные за имущество тех, «которые будут побиты»³⁴⁶.

³⁴⁵ Н. Г. Устрялов. Указ. соч., стр. 80; М. П. Погодин. Указ. соч. Исследования, стр. 139—140; Н. Я. Аристов. Указ. соч., стр. 102—103; А. Н. Штраух. Указ. соч., стр. 43—46; С. К. Богоявленский. Хованщина, стр. 216.

³⁴⁶ ААЭ, т. IV, № 258, стр. 368—369; С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 336 (здесь извет датирован 20 августа, т. е. днем выезда двора из Москвы в Коломенское; в нем по именам и отчествам называются бояре Одоевские, Чер-

Все в извете шито белыми нитками — и приметы анонимных авторов, которые почему-то не «объявились» после капитуляции восставших, и стремление представить «царского боярина» в роли вождя антифеодального народного движения. Этот извет был очень нужен правительству Софьи как предлог. В связи с этим любопытно замечание А. А. Матвеева, который предполагает, что «тот ков, видимо, был сложен из природной политики того ж боярина Милославского и сообщников его»³⁴⁷. Анонимный автор-поляк, наоборот, утверждает, что «это было делом стрельцов и Хованского, желавшего сделаться самому царем»; в «письме» (т. е. извете) содержалось требование об избииении «с лишком 70 бояр»³⁴⁸. Утверждение о стрельцах и Хованском как инициаторах подбрасывания извета явно не соответствует действительности, так как это было не в интересах людей, которые, как мы видели выше, стремились убедить царский двор возвратиться в столицу. Вряд ли инициатива принадлежала и Милославскому, который уже не играл большой роли в борьбе за власть. Скорее всего, это было делом рук самой Софьи и ее приближенных, Шакловитого и других, которые в течение всего лета, как мы могли убедиться, плели интриги против Хованских, постепенно подготавливая отстранение их от власти.

В связи с изветом 2 сентября отметим, наконец, еще одно обстоятельство — его составители и вдохновители действовали наверняка, поскольку у восставших на самом деле возникали какие-то не совсем ясно оформленные намерения против царского двора, вплоть до расправы с боярами и членами царского семейства и возведения на престол другого царя. Таким образом, здание обвинений в адрес Хованских и «мятежников» строилось отнюдь не на песке. Правда, составители извета переигрывали, изображая Хованского инициатором предполагаемого нового народного восстания. Собственно говоря, правительство приступило к фабрикации версии о Хованском как вожде выступления «воров мятежников» в мае 1682 г.; версию эту оно впоследствии развивает в ряде правительственных актов конца 1682 и следующего 1683 г. Поскольку на самом деле этого не было, прибегают к подлогу.

О том, что извет 2 сентября является не подлинным, а подложным, говорили и некоторые современники. Выше уже приводилось высказывание А. А. Матвеева. В связи с этим интересный эпизод разыгрался в солдатском полку стольника и полковника Р. Жданова (до восстания его возглавлял генерал М. Кравков). Боярин М. П. Головин, стоявший во главе властей в

касские, Голицыны, Шереметевы, которых хотели бы «побить» Хованские); С. Медведев. Созерцание, стр. 98—99; ГБЛ, ОР, М 735, лл. 208 об.—209 об.

³⁴⁷ А. А. Матвеев. Записки, стр. 43.

³⁴⁸ «Дневник зверского избииения...», стр. 24.

Москве после казни Хованских 17 сентября, прислал в начале октября в Троице-Сергиев монастырь к царям изветное письмо Р. Жданова от 3 октября. Последний в нем извещал, что 18 сентября к нему в полк из села Воздвиженского прислали царскую грамоту, в которой приводился текст коломенского извета 2 сентября. «И как та великих государей грамота перед полком вычтена, и солдат Ивашка Алексеев называл в то время воровскою и лживою грамотою. И ево, Ивашку, в то число поразила на землю». Обстоятельства дела обеспокоили правящие верхи. Боярская дума в присутствии царей приговорила взять того солдата в Приказ надворной пехоты и допросить: «По какому умыслу такие слова говорил и хто с ним в том был заводчик и единомышленник и собою ли или по чьему научению»; велено было организовать, исходя из результатов допроса, дополнительный розыск³⁴⁹. К сожалению, документов о продолжении этого дела не найдено.

Того же 2 сентября царский двор покинул Коломенское и направился в Троице-Сергиев монастырь через села Хорошево, Тушино и Тайнинское. Официальные разрядные записи называют и другие пункты этого маршрута: 2 сентября двор выехал из Коломенского в село Воробьево, из которого 4 сентября — в село Павловское, оттуда 6 сентября — в звенигородский Савво-Сторожевский монастырь, 10 сентября — в село Павловское, 12 сентября — в село Хлябово, 13 сентября — в село Воздвиженское³⁵⁰.

Поспешный отъезд царского двора из Коломенского привел в недоумение и смущение многих. Выше мы приводили мнение автора повести из Соловецкого собрания, который весьма колоритно назвал маршрут поездки царского двора из Коломенского в Троицу (минуя Москву!) «странным путем». По словам же А. А. Матвеева, Хованский, услышав от стрельцов «о скором их величеств шествии, впал в великое размышление»³⁵¹.

На пути к Воздвиженскому, где разыгрались драматические события 17 сентября, правительство предприняло некоторые важные и срочные меры — оно разослало во все концы страны грамоты о сборе вооруженных сил — дворян с их слугами, копейщиков, рейтар, солдат и других ратных людей (не упоминаются в грамотах стрельцы). Грамоты рассылались из Савво-Сторожевского монастыря, где правительство и двор находились под защитой высоких крепостных стен. Здесь, в монастыре, прибытие царей было отмечено их встречей «с кресты» всей братией во главе с архимандритом, торжественными молебнами³⁵². Некоторый диссонанс внесло происшествие с холопом стряпчего Сытного дворца Артемия Федорова Кириллом Сидоровым, которому

³⁴⁹ ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Московского стола, д. 639, лл. 161—164.

³⁵⁰ Там же, Столбцы Приказного стола, д. 609, лл. 4—5.

³⁵¹ А. А. Матвеев. Записки, стр. 44.

³⁵² ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, д. 609, л. 4.

8 сентября за какие-то непристойные слова учинено «наказанья» по распоряжению царских властей. К. Сидоров сидел в звенигородской тюрьме до зимы 1683 г.— в феврале этого года было велено переправить его в Москву в Разрядный приказ³⁵³.

В грамотах из Савво-Сторожевского монастыря³⁵⁴, направленных во Владимир, Суздаль, Юрьев Польской «и в иные города», правительство сформулировало свою версию восстания, начиная с 27 апреля — дня смерти царя Федора Алексеевича. Живым было уже первое утверждение, согласно которому после смерти Федора стали царствовать цари Иван и Петр, от имени которых и рассылались грамоты. Далее говорится, что «в то же самое время» изменили «нам, великим государем» (хотя в то время царствовал один Петр I) все московские стрельцы и бутырские солдаты «по тайному согласию» с боярином кн. И. А. Хованским. Они «весь народ Московского государства возмутили», а «свою братью, старых московских стрелцов», которые не пристали «к их измене» и «от того их унимали», самовольно «метали» с каланчей. Затем стрельцы и солдаты били челом на своих полковников «бутто в налогах своих и обидах»; теперь правители не считали нужным скрывать своего враждебного отношения к требованиям восставших, которые они ранее вынуждены были признать справедливыми. Их возмущает то, что стрельцы и солдаты не послушали уговоров патриарха, архиереев и думных людей, которых посылали к ним «многажды». Они же, «воры и изменники, то все презрев, уклонилися к воровству пушечму».

Далее излагаются другие события восстания — наказание полковников, правящих с них денег, расправы 15—17 мая, причем подчеркивается «безстудное дерзновение», «безстрашие» восставших, входивших в «государской дом... с народом и со всяким ружьем», чинивших «все по своему воровскому намерению» (конфискация денег из казны в зачет утаенного жалованья за прошлые годы, пытки и казни ненавистных им людей, «пря» с раскольниками 5 июля).

Ныне, говорится в грамоте, те «воры и изменники» по-прежнему «живут во всяком безстрашном самовольстве», «ходят ныне по своим волям и чинят казачьи круги, чего в Московском государстве никогда не повелось». По совету с Хованскими они замышляют «всякое зло» на царей, хотят ближних людей «побить всех без остатку для того, чтобы им Московским государством завладети».

Еще более сгущая краски, составители грамоты сообщают в провинцию, что И. А. Хованский «с теми ворами и со изменниками ныне на Москве и чинят все по злему своему намерению: многих людей наглými нападками разоряют и в напрасных

³⁵³ ЦГАДА, ф. 141, 1683 г., д. 54, л. 35.

³⁵⁴ ААЭ, т. IV, № 262, стр. 272—276; С. Медведев. Созерцание, стр. 100—105.

поклепных исках бьют многих знатных и честных людей на праже и всячески поругаются, а у иных из домов людей их (т. е. холопов — В. Б.) и дворы насилно отимают и емлют себе без всякого страха и зазора». Кн. И. А. Хованский не исполнил царского указа о посылке из Москвы стрелецких полков против воставших калмыков и башкир.

В конце грамоты дворяне московских чинов и городовые дворяне и дети боярские со своими холопами, а также копейщики, рейтары, солдаты и «всяких чинов ратные люди» призываются идти «в поход» послужить царям, направиться к ним для «очищения» Москвы, «отмщения невинныя крове» (т. е. крови убитых 15—17 мая) «тотчас безсрочно с великим поспешением во дни и ночи... *чтобы скорым вашим собранием тех воров и изменников устрашити и до болшого дурна и до расширения воровства не допустити и наше государское здоровье уберечь*». Ослушников этого указа ожидала «тяжкая церковная клятва», жестокая казнь, конфискация поместий и вотчин.

В царском указе дворянам от 25 октября содержится упоминание, что сбор дворян к царям «в поход» начался с 3 сентября, когда двор только что пошел из Коломенского³⁵⁵. Вероятно, к царскому поезду начали присоединяться вооруженные дворяне ближайших от Москвы местностей. Следует иметь также в виду, что ежегодно, начиная с 1 сентября, в Москву вызывались для очередных служб московские и городовые дворяне и дети боярские. Так было и в 1682 г. Сохранилась царская грамота от 27 августа дедиловскому воеводе И. Ачкасову, которому предписывалось принять меры к тому, чтобы дедиловские вотчинники и помещики были готовы к службе с нужными запасами; тех же, которым велено по очередному списку жить на Москве с 1 сентября по 1 декабря, выслать к Москве «без мотчанья»³⁵⁶. Аналогичные грамоты рассылались, несомненно, и в другие города; тем самым уже по крайней мере с конца августа дворяне начали стягиваться к царскому двору.

Правительство, избавившееся от стеснительной для него близости московских «мятежников», а по существу от своеобразного плена, в котором оно находилось, пребывая в столице, теперь, опираясь на собиравшееся дворянское войско, перешло к действиям против повстанцев. Оно заговорило уже другим языком, не скрывая своих намерений расправиться с ними, открыто называя их «ворами и изменниками». Это поняли стрельцы и солдаты и старый князь Хованский, который, по меткому замечанию А. А. Матвеева, «впал в великое размышление». Но повстанцы тянули время, не предпринимая быстрых и решительных действий, а Хованский, как всегда, лавировал между двумя лагерями.

³⁵⁵ ААЭ, т. IV, № 268, стр. 389; С. Медведев. Созерцание, стр. 160.

³⁵⁶ ДАИ, т. X, № 29, стр. 82.

Правительство одновременно с рассылкой грамот по городам о сборе дворян «в поход» к царям для выступления против «мятежников» послало 9 сентября из Савво-Сторожевского монастыря в Москву грамоту властям во главе с Хованским. В ней сообщается, что по царскому указу «по вестовым письмам» из Киева и других малороссийских городов, из Смоленска «для береженья от неприятельских воинских людей» велено быть в полках на службе дворянам московским и городовым, а также московским стрельцам. Всем служилым людям, «которые ныне на Москве», велено было этот указ сказать вслух на Постельном крыльце в Кремле. В приложенной к грамоте от 9 сентября росписи перечисляются московские стрелецкие полки, которые правительство приказывало послать в различные места на «полковую службу»: в большой полк назначались пять полков (стрельцкие Н. Глебова, В. Пушечникова, И. Огибалова, Р. Остафьева и солдатский Р. Жданова), в Новгородский полк — два (А. Данилова и П. Борисова), в Смоленский — три (А. Нармацкого, А. Левшина и П. Бохина), в Киев — четыре (Ф. Головленкова, С. Полтева, М. Ознобишина, С. Расловлева) — итого 14 полков, из которых 13 стрелецких и 1 солдатский³⁵⁷.

Таким образом, правительство Софьи намеревалось выслать из Москвы на службу большинство мятежных полков, ослабив тем самым силы восставших. Последние, естественно, не пошли на это. И. А. Хованскому перед казнью предьявлялось и такое обвинение: «Да и ныне ты по многим великих государей указом по подлинным вестям в Киев полков не послал же (до этого говорилось о непосылке пехотных полков против калмыков и башкир.— В. Б.) и вместо поспешения чинил в том мешкоту». Оказывается, вместо отправки в Киев полков, которые назвало правительство, Хованский приказал послать туда стрелецкий стремянный полк «без их, великих государей, указу». Но стремянный полк, всегда отличавшийся большей в сравнении с другими верностью царствующему дому и проявлявший наибольшие колебания в дни Московского восстания 1682 г., правительство затребовало из Москвы в село Коломенское «для аггела» царя Ивана Алексеича. Распоряжение, очевидно, было послано после 20 августа и до 3 сентября, во время пребывания царского двора в Коломенском. Однако стремянный полк туда не был сразу прислан: «А и ныне за ними, великими государи, в походе велел было ты (т. е. И. А. Хованский.— В. Б.) быти надворной пехоте иных полков мимо стремянной полк, чего никогда не повелось; а и послал ты за ними, великими государи, в поход стремянной полк по многим к тебе о том посылкам»³⁵⁸.

³⁵⁷ ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Московского стола, д. 621, лл. 248—252.

³⁵⁸ СГГид, т. IV, № 152; С. Медведев. Созерцание, стр. 109.

Как видим, восставшие стрельцы и солдаты в Москве ответили отказом на правительственное распоряжение о посылке большинства полков из столицы на различные окраинные службы; конечно, именно их решительная позиция, а не указания их «батушки» Хованского имели в данном случае решающее значение, хотя это соответствовало его интересам и замыслам. Однако в целом они вели себя нерешительно и непоследовательно. Строя какие-то не совсем ясные планы расправы с царским семейством и всеми «ближними людьми», они тут же выпустили царский двор из столицы. Столь же неразумным было согласие, хотя и данное с проволочками, на отправку стрелянного полка к царскому двору в Коломенское. В конце концов пиетет по отношению к царским особам, царской власти брал верх среди стрельцов и солдат, и они в итоге после, казалось бы, блестящей победы покорно шли к своему поражению.

КАЗНИ 17 СЕНТЯБРЯ

(вызов Хованских и выборных в Воздвиженское; заседание Боярской думы, приговор; арест и казнь Хованских и выборных)

Неизбежное поражение восстания возвестили уже отъезд царского двора из Москвы 20 августа и рассылка правительством грамот из Савво-Сторожевского монастыря с указом о сборе ратных людей для борьбы с «изменниками». Правительство Софьи почувствовало силу, поскольку оно получило свободу для маневров и могло в полной мере использовать нерешительность и разобщенность социально разнородных сил повстанцев, для которых вполне нормальным было признание верховной власти царей и командование над ними знатного «царского боярина». А казнь Хованских и некоторых предводителей из числа стрельцов прозвучала еще одним сигналом бедствия для повстанцев.

Казнь Хованских и группы стрельцов явилась результатом тщательно продуманного и осуществленного правительством плана. Инициатором решительных действий А. А. Матвеев называет того же И. М. Милославского, Невиль — В. В. Голицына; из актов выясняется немалая роль разрядного думного дьяка Ф. Л. Шакловитого. Все эти и другие руководящие деятели из окружения Софьи могли внести и, несомненно, внесли свою долю в разработку и осуществление плана подавления восстания в целом, в том числе и казней 17 сентября, причем активно проявила себя в эти дни сама регентша.

По словам С. Медведева, цари (т. е. Софья и ее сподвижники, конечно) «недоумеваяхуся, како бы его (Хованского. — В. Б.) из... Москвы взяти в поход и, от того Стрелецкого приказа отставя, от детей его (т. е. от стрельцов. — В. Б.) отлучити, яко

некоторым образом от пагубников, безумных товарищей своих он из Москвы не хоте, их разлучився, ехать»³⁵⁹. Эти слова о нежелании Хованского выезжать из Москвы, где он находился под охраной стрельцов, в царский «поход» как будто свидетельствуют о попытках вызвать его из Москвы еще до вызова в Воздвиженское 14 сентября. В связи с этим отметим замечание П. Н. Крекшина о том, что Хованские «по указам их, великих государей, в поход не поехали», поэтому они, прибыв в Воздвиженское, «изволили думать, как бы Хованского с сыном его от стрельцов отлучить»³⁶⁰.

Предлогом для вызова к царскому двору послужил приезд в Москву сына гетмана Ивана Самойловича Семена со старшиною. Об этом Хованский сообщил правительству в «поход» и запросил инструкции о том, как его принимать; он продолжал действовать как «царский боярин», облеченный властью от лица царей. Последовало указание о направлении С. И. Самойловича к царям и о приезде Хованских вместе с другими «ближними людьми» в «поход» для встречи запорожских послов. Все действия были хорошо спланированы и осуществлены.

Грамоту Хованскому с вызовом ко двору послали 14 сентября из Воздвиженского, но ее начали заготавливать еще раньше — сохранился черновик подобной грамоты, причем в ней сначала помечено, что писалась она в Хлябове (откуда двор выехал в Воздвиженское 13 сентября), потом переправлено на Воздвиженское; в ней Хованскому предписывалось приехать в Воздвиженское «для наших великих государей дел и для приезда Семена Самойловича» 18 сентября «на 1-м часу дни», т. е. рано утром, с восходом солнца. Однако грамоту перечеркнули и по левому полю поместили: «Ниже сего есть иная»³⁶¹.

В разрядных записях под тем же 14 сентября записан царский указ о вызове в Воздвиженское всех ближних людей и московских дворян к 1-му часу 18 сентября для встречи С. И. Самойловича; тут же приводятся две грамоты с вызовом И. А. Хованскому (вторая от того же 14 сентября — с напоминанием). Хованскому приказывалось оповестить о вызове и высылке в Воздвиженское тех из «ближних людей», которые находились в Москве. Любопытно, что в черновике первой грамоты Хованскому приказывалось послать из Разрядного приказа грамоты с вызовом в Воздвиженское тем «ближним людям» и московским дворянам, которых не было в Москве, а находились они, очевидно, в своих имениях, но потом эти слова зачеркнуты и вместо них боярину сообщалось, что подобные грамоты уже посланы из царской ставки. Далее в разрядных записях, которые вели

³⁵⁹ С. Медведев. Созерцание, стр. 105.

³⁶⁰ П. Н. Крекшин. Записки, стр. 47.

³⁶¹ ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Московского стола, д. 639, лл. 98—99.

какие-то дьяки во время «похода», действительно приводится подобная грамота, адресованная боярину А. С. Шеину, и список 40 бояр, окольных и других лиц, которым были посланы такие же вызовы³⁶².

Получив царскую грамоту, которая, по словам С. Медведева, содержала «похвалу» («грамота великих государей с похвалою», ее подлинник неизвестен), И. А. Хованский выехал из Москвы 16 сентября. Его сопровождали сын князь Андрей, группа выборных стрельцов (Алексей Юдин, Борис Одинцов и др.) и прочие лица, всего, по данным повести из Мазуринского летописца, около 70 человек³⁶³.

Об этом, несомненно, стало известно при дворе. 16 сентября в Воздвиженском организовали «на приезде» прием у царей гетманских послов, а вечером того же дня в церкви придворные слушали малую вечерню и молебное пение «для празднества ангела» регентши царевны Софьи. Хованский со спутниками ехал в это время по троицкой дороге к Воздвиженскому. На следующий день, 17 сентября, в честь дня ангела Софьи все присутствовали в церкви на обеде, после чего именовница «в хоромах изволила бояр и окольных и думных людей жаловать водкою». Затем в разрядных записях, откуда приведены эти данные, неожиданно, без всякого перехода приводятся обвинительные пункты против Хованских, которые потом повторялись во всех правительственных грамотах об их казни, рассылавшихся в Москву и во все концы Российского государства. Тут же упоминается об изветном письме, «объявившемся» в селе Коломенском 2 сентября (текст его здесь не приводится). Далее выясняется, что речь идет по существу о заседании Боярской думы в присутствии обоих царей и регентши, которое вынесло решение: цари и Софья, «слушав того письма (т. е. извет от 2 сентября.— В. Б.), указали и бояре приговорили» князей И. А. и А. И. Хованских «за то их многое воровство и за измену и на их, великих государей, здоровье и на державу за злой умысл и за подысканье под Московским государством по подлинному розыску и по явным свидетельством и делам, которые они противностью своею чинили, и тому изветному писму согласно казнить смертию». Далее следует запись о посылке боярина кн. М. И. Лыкова для ареста Хованских³⁶⁴.

Утверждения приговора Боярской думы о «подлинном розыске», «явных свидетельствах», конечно, нельзя принять всерьез-

³⁶² ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, д. 609, лл. 6—19.

³⁶³ С. Медведев. Созерцание, стр. 105—106; М. Н. Тихомиров. Записки, стр. 454. П. Н. Крекшин тоже утверждает, что цари велели послать Хованскому грамоту «со многою похвалою прежних служб его, и за те его прежния службы он и сыны его достойны высокого назначения, и милости, и чина, и деревень» (П. Н. Крекшин. Записки, стр. 47).

³⁶⁴ ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, д. 609, лл. 20—22.

ез — все делалось очень поспешно в отсутствие Хованских, которые, между прочим, вот-вот должны были прибыть в Воздвиженское, и каких-либо свидетелей, без следствия, в нарушение самых элементарных норм судопроизводства.

А. А. Матвеев сообщает, что еще до ареста Хованских на заседании Боярской думы, на которой присутствовали имевшиеся налицо бояре и «палатные люди», сама Софья «объявила им вышепоименованных тех князей Хованских неистовства и предпринятые злые умыслы»³⁶⁵.

Того же 17 сентября боярин кн. М. И. Лыков с большим отрядом царедворцев и их холопов (по Невиллю — 200 воинов, по «Диариушу» — даже несколько тысяч человек, что, конечно, неправдоподобно), выполняя указание Софьи с Боярской думой, неожиданно окружил стан старого князя Хованского около села Пушкина на крестьянском гумне и арестовал его. Затем неподалеку от этого места в своем владении на р. Клязьме (под селом Братовщино, как сообщает разрядная записка «Смутное время») был захвачен младший Хованский. Схватили и их спутников. Связанных Хованских привезли на лошадях в Воздвиженское и, по словам повести Мазуринского летописца, «не ведя их на дворец к государем», привели на открытую площадь, где уже сидели все «ближние люди». Думный дьяк Ф. Л. Шакловитый начал чтение «наказа», т. е. царского «указа и сказания вины»³⁶⁶.

В этом указе³⁶⁷ Хованскому и его сыну вменялись в вину все события, связанные с восстанием стрельцов и солдат: выдача денежных сумм из государственной казны, взыскание денег с разных лиц без очных ставок, выдача на правеж «знатных людей», поддержка раскольников во время и после «прия» 5 июля (освободил от смерти некоторых «товарищей» Никиты Пустосвята), отказ выполнять царские указы о посылке пехотных полков против калмыков, башкир, в Киев и на другие службы, отсутствие на «действие» 1 сентября, «попущение» «всяких чинов людем без всякого страха и опасения с таковым наглством и невежеством» ходить в царские палаты. Выше мы уже могли убедиться, что в большинстве этих «преступлений» Хованские не были виновны, так как конфискации различных денежных сумм, имущества у частных лиц и из казны, расправы и правеж, «прия» 5 июля — все это осуществлялось самими восставшими стрельцами и солдатами. Хованские же, преследуя свои цели, в отдельных случаях потакали этим действиям, в других просто плыли по течению,

³⁶⁵ А. А. Матвеев. Записки, стр. 44.

³⁶⁶ А. А. Матвеев. Записки, стр. 44—45; С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 337; М. Н. Тихомиров. Записки, стр. 454; Невиль. Записки, стр. 440; «Дневник зверского избияния...», стр. 25.

³⁶⁷ СГГид, т. IV, № 152, стр. 459—463; С. Медведев. Созерцание, стр. 106—111.

не имея, как и правительство в целом, ни сил, ни возможности противодействовать им. В некоторых же случаях они проявляли определенную активность — например, не выполняли распоряжений высших властей о высылке из Москвы стрельцов и солдат, на которых пытались опереться в своих замыслах, поддерживали раскольников и, как видим, возможно, спасли некоторых из их предводителей от смерти. Конечно, несмотря на то что Хованские угождали царскому двору (но в первую очередь, конечно, стрельцам и солдатам), обвинение их в превышении власти, высокомерном поведении на виду у всех придворных имело определенные основания. В самом начале указа по этому поводу говорится, что Хованский, будучи по распоряжению «великих государей» (на самом деле тогда правил один 10-летний Петр) назначенным в Стрелецкий приказ, «всякие дела делал по своим прихотям, не докладывая их, государей».

Хованским припомнили их прежние неудачные службы: «Где вы бывали, везде их государских людей своевољством своим и ослушанием их царских указов и безумною своею дерзостію напрасно теряли и отдавали неприятелю и тем Московскому государству поношение приносили и убыток и от сторонних народов укоризну». А между тем они во дворце при царях и всех боярах «вычитали свои службы с великою гордостью, будто никто тако не служивал». И. А. Хованский «говорил многожды в полате... величаяся в гордости своей, будто все государство стоит по твою кончину, а естли тебе не будет, и в то время будто никакая же плоть не спасется и будут в Москве ходити в крови по коленаю». Их упрекали в том, что они в палате при царях «дела всякие оговаривали противно их государскому указу и Соборному уложению с великим шумом, невежеством же и возношением и многих господ своих (т. е. более высоких по родовитости, положению.— В. Б.) и свою братью бояр безчестили и нагло поносили и никого в свою пору не ставили, того ради многим граживали смертью и копиями».

Обличался Хованский в разных интригах: посылал в города на воеводства воевод «по своим прихотям», а не по царскому указу, наговаривал царям на надворную пехоту, «будто от них о делех их челобитье и крики великие и будто от них быти великим бедам, а от них в то время того не бывало; выходя же от них, великих государей, ис полат, надворной пехоте говаривал многия смутныя речи, чево не бывало; и то ты все лгал и затевал напрасно». Однажды во время пребывания царского двора в Коломенском он извещал при боярах царевну Софью, будто приходили к нему новгородские дворяне и говорили, что присылали к ним дворяне и другие «служивыя люди» из замосковных и иных городов, «чтобы им, согласяся, с ними вместе итти сего лета к Москве о заслуженном жаловании бити челом и на Москве сечь всех без выбору и без остатку». Софья, конечно, не поверила и

предложила боярину объявить об этом «на Москве всяких чинов людем на Постелном крыльце для ведома». Но Хованский тут же стал просить ее не делать этого, «тем бы не навести беды на тебе».

После прочтения Хованскому извета от 2 сентября указ подводил итог: поскольку-де все обвинения в «воровских делах и измене», «злохитром вымысле» на «державу их, великих государей, и на их государское здоровье» обличились, стали явными, то цари указали и бояре приговорили «вас, князя Ивана и князь Андрея, за такая ваши великие вины и за многия воровства и за измену казнить смертию».

Этот приговор, как мы уже видели выше, был вынесен заранее, без «подлинного розыска»; так что теперь обоих Хованских только ознакомили с ним.

Это отметил в своих записках А. А. Матвеев: бояре и все патные люди «без всякого розыска, как бы надлежало, изготовили уже приговор и сказку и велели» казнить Хованских. Оба они «небезответно с сильными очистками... себя правили и слезно просили: чтоб господа бояре выслушали причины те о совершенных заводчиках с начала оного бунта стрелецкого, от кого вымышлен и учинен был, и их царским величеством милостиво донесли, чтоб им с теми дать очные ставки и безвинно их так скоро не казнить». Однако попытки Хованских оправдаться и вывести на чистую воду, как полагает Матвеев, истинных заводчиков «бунта», т. е. Милославского и его клеветов, окончились плачевно. Милославский тут же воздействовал на Софью, и с ее помощью «понудил» бояр, «чтоб, не взирая отнюдь ни на какия их, князей Хованских, отговорки, тотчас казнить их велел»³⁶⁸. Автор, вероятно, и здесь преувеличил роль Милославского в восстании и вынесении приговора Хованским, но что-то подобное могло иметь место, так как совсем сбрасывать со счета интриги Милославского и ему подобных нет оснований. Кстати, разряды свидетельствуют, что И. М. Милославский находился среди бояр во время этого царского «похода»³⁶⁹.

В тот же день Хованских казнили — отсекли головы — «на площади у большой Московской дороге» (согласно разрядным записям) в присутствии всех бояр и воинства. В Воздвиженском не оказалось палача, и его роль исполнил какой-то стрелец из стремянного приказа. Власти запретили хоронить тела Хованских у церкви в Воздвиженском, их предали земле недалеко от села «на Городце» (очевидно, на месте древнего Радонежа). Одновременно с Хованскими сложили головы выборные стрельцы Алексей Юдин «с товарищи», согласно официальному акту,

³⁶⁸ А. А. Матвеев. Записки, стр. 45.

³⁶⁹ ЧОИДР, 1907, кн. 4 (223), Смесь, стр. 49—54 (разрядные записи о «походе» за 30 августа — 15 октября 1682 г.).

или Борис Одинцов «с товарищи», по показанию А. А. Матвеева. П. Крекшин утверждает, что казнили 37 выборных стрельцов³⁷⁰.

После казней последовал указ о замене главы московских властей — вместо казненного И. А. Хованского туда назначался боярин кн. Ф. Ф. Куракин, о чем велено послать ему грамоту в вотчину, а на время отсутствия его обязанности возлагались на другого боярина — М. П. Головина, начальника Земского приказа, который в тот же день выехал из Воздвиженского в столицу. Туда же послали царскую грамоту патриарху Иоакиму с объявлением о казни Хованских и об их винах. Аналогичные грамоты посылались со стольником П. П. Зиновьевым в московские стрелецкие и солдатские полки; в последних, задабривая стрельцов и солдат, правительство уговаривало их, чтобы они «никаким ево (И. А. Хованского.— В. Б.) и детей и родственников ево прелесным и лукавым словам и писмам не верили и на себя наши великих государей опалы и никакова гневу не опасалися и никакова сумнения в том не имели, потому что нашего великих государей гневу на вас нет».

В грамоте же к правительственной комиссии во главе с М. П. Головиным указывалось сообщать в Воздвиженское «с нарочным посыльщиком тотчас» о посылке грамот в стрелецкие и солдатские полки и о том, «что в тех полках против тех наших великих государей грамот говорить учнут». Таким образом, правящие верхи еще не были окончательно уверены в своих силах и, не желая допустить нового взрыва, старались задобрить стрельцов и солдат. Для этого они, вычитывая «вины» и «измены» Хованских (они точь-в-точь повторяют то, что написано в указе, прочтенном им перед казнью), старательно избегали упоминаний о вине самих стрельцов и солдат в глазах правительства, а она была немаловажной, и правительство уже открыто заявило об этом, называя их в грамотах «ворами и изменниками» и казнив 17 сентября их представителей в Воздвиженском.

Грамоты были посланы в 19 стрелецких полков (Н. Д. Глебова, А. И. Данилова, Ф. И. Головленкова, С. Е. Полтева, М. Ф. Ознобишина, А. И. Козлова, М. П. Марышкина, Л. Р. Ермолова, М. И. Золотарева, В. А. Лопухина, Д. Р. Жукова, И. А. Огибалова, А. И. Нармацкого, Р. Г. Остафьева, Л. П. Сухарева, А. И. Левшина, П. И. Борисова, П. Ф. Бохина, С. И. Расловлева) и в 2 солдатских полка (А. А. Шепелева и Р. Жданова)³⁷¹. Таким образом, все полки получили царские грамоты.

³⁷⁰ ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, д. 609, л. 24; ГПБ, ОР, Солов. собр., д. 988(878), л. 730; С. Медведев. Созерцание, стр. 111, 168; А. А. Матвеев. Записки, стр. 45—46; М. Н. Тихомиров. Заметки, стр. 100; он же. Записки, стр. 455; С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 337; П. Н. Крекшин. Записки, стр. 47; Невиль. Записки, стр. 440; «Дневник зверского избияния...», стр. 25.

³⁷¹ ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, д. 609, лл. 24—41; Столбцы Московского стола, д. 639, лл. 14—16.

Сам перечень полков подтверждает, что распоряжение правительства о посылке многих из них на службу в Киев и другие места не было выполнено.

ВОЛНЕНИЯ В МОСКВЕ ПОСЛЕ 17 СЕНТЯБРЯ

(известие о казни Хованских и выборных; волнения в столице; переезд двора в Троице-Сергиев монастырь; начало переговоров правительства с восставшими)

Известие о казни Хованских и выборных вызвало в Москве волнения, «всполохи», довольно быстро, впрочем, прекратившиеся, как только стрельцы и солдаты поняли, что они были введены в заблуждение и, самое главное, что им самим не угрожает непосредственная опасность. Тем не менее новые волнения в Москве доставили правительству немало неприятных минут. По словам С. К. Богоявленского, стрельцы, став на путь открытого неповиновения, привлекли на свою сторону все имевшиеся в столице революционные элементы. Недаром власти после подавления восстания долго разыскивали посадских, крестьян и других людей, которые получили из рук стрельцов оружие в дни сентябрьского «всполоха». Капитуляция стрельцов явилась следствием розни в их среде, в силу чего велись долгие споры об образе действий; благоприятное время было упущено³⁷².

Известие о казни привез в столицу младший сын старого «батушки» Иван. Он находился в Воздвиженском в «походе» с царями, когда там Боярская дума вынесла решение о казни его отца и брата, ехавших из Москвы ко двору. «Неведомо из бояр кто ему сказал, что по отца его и по брата великие государи послали и хотят казнить». Младший князь Иван Хованский из Воздвиженского «ушел не дорогою, болотами и лесами, к Москве», куда прибыл 18 сентября в ночь с воскресенья на понедельник «в шестом часу ночи» (примерно часов в 12 или в час ночи)³⁷³. С ним вместе из Воздвиженского бежал и племянник старого Хованского князь Федор, но его по дороге «изловили»³⁷⁴.

Иван Хованский, таким образом, не был свидетелем самой казни. Перепуганный и измученный с дороги, он сообщил в Москве стрельцам и солдатам, будто его отца и брата «изрубил» боярин кн. М. И. Лыков с холопами без царского «указу» «и, пришед к Москве, будто хочет рубить надворную пехоту всех»³⁷⁵. В других разрядных записях говорится, что Иван Иванович Хованский, «хотя отца своего князя Ивана и брата своего князя

³⁷² С. К. Богоявленский. Хованщина, стр. 220.

³⁷³ М. Н. Тихомиров. Записки, стр. 454—455.

³⁷⁴ С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 337.

³⁷⁵ Там же.

Андрея воровство и измену покрыть, вместил ложно на смуту многие затейные слова и будто отец его и брат казнены без их, великих государей, указу и без розыску»³⁷⁶. В словах И. И. Хованского об отсутствии «розыска» о вине его отца и брата лжи, конечно, не было, хотя, как мы уже видели выше, указ об их казни был сформулирован на официальном заседании Боярской думы. Что же касается до утверждения о том, что М. И. Лыков «изрубил» Хованских и хочет идти к Москве для расправы со стрельцами, то в этом нет ничего удивительного — зная лишь то, что Лыков послан за отцом и братом, И. И. Хованский со страха мог сказать всякое. Ведь мог же польский анонимный автор написать в те дни, что Хованских арестовало войско в несколько тысяч человек³⁷⁷. Стало быть, в столице по этому поводу ходили самые разные слухи.

Обстановку в Москве хорошо характеризует С. Медведев: после сообщения И. И. Хованского, «что его отца бояря убили», «тогда паки наста велие смущение в служивых людех, паки неукротимая ярость и беды несказанныя объяша весь царствующий град». «В полунощи» стрельцы и солдаты зазвонили в набатные колокола, опасаясь прихода боярских холопов, которые «будто хотят... пришедше... рубить до ссушаго младенца и слободы их жечь». Осиротев, лишившись своего «начальника», они впали в «педумение», испытывая трепет и ужас. Все боялись друг друга: служивые — боярских холопов, бояре и их холопы — служивых, а посадские и других чинов люди «отвсяду и всех боятся, и присно всякий себе бедства и смерти ожидает». Масла в огонь добавил Г. П. Языков, сын окольного П. Языкова, который «сказывал» в полку В. Лопухина, «чтобы во все полки дати ведомость, будто... надворную пехоту бояре Одоевские и Голицыны хотят со многим собранием рубити»³⁷⁸.

Г. П. Языков об этом же говорил и московским посадским людям. 20 сентября в съезжую избу стрелецкого полка М. Ознобишина пришли двое посадских — П. Дмитриев и В. Алексеев — и сообщили: «Поймали де мы от изменников от бояр ис походу — Григорей Павлов сын Языков, а в роспросе сказал: хотят де с сего числа на все слободы быть от Коломенскаго и с ыных сторон, и вы, старосты и все посатцкие люди, сю ночь будьте опасны и оружейны, и караулы роставьте, и слободы хотят жечь и рубить». «Письмо» об этом происшествии с Языковым подал 25 сентября в Троицком монастыре тяглец Барашской слободы А. Софонов, «а сказал, что таково писмо прислано к ним ис стрелецких слобод»³⁷⁹.

³⁷⁶ ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, д. 609, л. 42.

³⁷⁷ «Дневник зверского избения...», стр. 25.

³⁷⁸ С. М е д в е д е в. Созерцание, стр. 111, 132, 135, 139.

³⁷⁹ ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Московского стола, д. 639, л. 7.

В этом эпизоде обращает на себя внимание ряд деталей. Во-первых, он свидетельствует о тесных контактах стрельцов и солдат с посадскими людьми в сентябре, после казни выборных стрельцов и Хованских. Как видим, двое посадских (неизвестно, из какой слободы) пришли к стрельцам сообщить об угрозе нападения бояр и их холопов на посадские слободы, очевидно, в расчете на помощь. Весьма любопытна характеристика, которую посадские дали боярам, находившимся в «походе» с царями, — они в их глазах были «изменниками». С другой стороны, стрельцы известие о предполагаемом нападении разослали в посадские слободы (так, в Барашскую слободу оно было послано «ис стрелецких слобод»). Во-вторых, среди посадских существовала и в эти дни рознь: если Дмитриев и Алексеев пришли к стрельцам за помощью, то тяглец из Барашской слободы Андрей Софонов сообщил о всем деле царским властям, уже сидевшим в Троицком монастыре; недаром цари (вернее: Софья и ее помощники), «слушав сего писма», распорядились послать в эту слободу «милостивую грамоту с ним же, Андриюшкою». В этом акте явно заметно стремление правительства отколоть посадских людей от стрельцов и солдат, не допустить их совместных действий.

Что же касается роли Г. П. Языкова, окольного сына, то она остается не совсем ясной. Представитель знати, он вдруг очутился среди «мятежников», причем даже призывал их, чтобы они «засели в Москве, а он, Григорей, с нами же (со стрельцами. — В. Б.)»³⁸⁰. Все это он мог заявить скорее всего от страха при аресте — его ведь схватили московские простолудины, как они говорили стрельцам, «от изменников от бояр ис походу»; об этом они, конечно, сказали и перепуганному Григорию Языкову, ряд родственников которого в дни восстания пал жертвой гнева «мятежников» или же был сослан. Вспомним эпизод с сыном Василия Шорина Борисом в 1662 г., когда он с испугу наговорил об отце такое, что вызвало взрыв негодования восставших москвичей. То же, вероятно, имело место и 20 лет спустя с Языковым.

«Всполох» в Москве начался сразу же по прибытии И. И. Хованского, в полночь (в 7-м часу ночи, т. е. примерно в 1—2 часа ночи, по сообщению повести Мазуринского летописца). «Многими стами» служивые разных полков ночью приходили в Крестовую палату к патриарху Иоакиму, который еще не получил «ведения» от правительства о последних событиях в «походе». Они обращались к нему, как главе московских властей после казни Хованского, и требовали, чтобы он послал «на украину» грамоты с вызовом «служивых людей» на помощь, а сами заявляли, что пойдут в «поход», чтобы «управиться» с боярами. Стрельцы и

³⁸⁰ С. Медведев. Созерцание, стр. 135.

солдаты расставили везде по городу караулы, «пришедше же в свои приказы, били в барабаны в збор», начали собираться «в поход со всяким ружьем на бой и с пушками». Вооруженные, они ходили по городу «многими купами». Но единогласия среди них не было — одни говорили о необходимости идти к Троице и расправиться с боярами, угрожали смертью даже патриарху, который-де «з бояры на нас заодно стоит и советует», другие колебались, не знали что делать, «стоявшие» перед тем же Иоакимом, «яко изумлени, почто пришли, что глаголати, не зная, точию глаголаху: „Како нам быти?“ и возвращахуся вспять». Некоторые видели выход в возвращении в Москву царей — в ответ на уговоры Иоакима успокоиться и не ходить походом на Троицу они говорили: «Почто государи Москву покинули, и ныне у нас правителя нет? Изволь государем отписать, чтоб пришли к Москве». Патриарх в ответ изворачивался как только мог: «Ведайте, братие, яко государи Москвы не покинули. Их государской издревле есть таковой обычай: в сие время шествие свое в Троецкой Сергиев монастырь творити» на память Сергия Радонежского³⁸¹.

Картина московского «всполоха» дополняется показаниями других источников. А. А. Матвеев пишет, что после рассказа И. И. Хованского стрельцы, «собрався скоропоспешно, устремились... в Троицкой монастырь с ружьями и с пушками идти», но «остановились», так как испугались имевшихся там царедворцев и их холопов. В Москве они разобрали из казны пушки, ружья, порох, раздали ружье «всякой черни», укрепили столицу караулами и сели в ней в осаде, никого не впуская и не выпуская³⁸².

Повесть Мазуринского летописца свидетельствует: стрельцы по вестям И. И. Хованского «велели бить в набат у Спасских ворот в семом часу ночи», все стрельцы «взволновались» и хотели идти в Воздвиженское «с нарядом, с пушками и с мушкетой, и с копыи, и з бердыши на великих государей. И думы были у стрельцов по всем приказам и раздумали, не пошли, итить поблюлись»³⁸³.

Согласно Невиллю, стрельцы пришли «в величайшую ярость», «захватили арсенал и военные снаряды, грозя разрушить все и вся, в том числе немецкую свободу Кокуй в предместье Москвы, где жили иностранные офицеры, которым было приказано явиться к Троице ко двору». Но «благоразумнейшие из стрельцов уговорили остальных», и они оставили свое намерение, боясь мести³⁸⁴.

Итальянец из Варшавы сообщал в Рим сведения (в значительной степени недостоверные) о том, что стрельцы захватили

³⁸¹ С. Медведев. Созерцание, стр. 111—113.

³⁸² А. А. Матвеев. Записки, стр. 46.

³⁸³ М. Н. Тихомиров. Записки, стр. 455.

³⁸⁴ Невиль. Записки, стр. 440—441.

Китай-город, где устроили резню большого числа крестьян (?!), которых послали бояре после неудачных попыток усмирить «мятеж преторианцев» путем подкупа. Стрельцы упорствуют, не хотят и слышать о переговорах, они имеют в своем распоряжении более 100 бронзовых пушек. Солдаты ввели 10 своих представителей (имеются в виду, вероятно, выборные) в «Совет», ни одно собрание которого не происходит без них, так как члены «Совета» боятся вызвать их гнев, что может привести к новой резне. Они также требуют, чтобы их представители впоследствии были возведены в звание бояр, чтобы постоянно представлять в «Совете» их интересы³⁸⁵.

Разрядная записка «Смутное время» дополнительно сообщает, что стрельцы и солдаты хотели «рубить» тех бояр, дворян и «всяких чинов государева двора» с их холопами, «которые были на Москве», что к ним «не пристали стремяной да выборной полки»³⁸⁶, т. е. стрелецкий стремянный полк, который был после некоторых проволочек отослан ко двору в Коломенское, но, может быть, не в полном, а, как это нередко бывало, в половинном составе (так было со стремянным полком в дни «Медного бунта» 1662 г.: одна половина находилась при Алексее Михайловиче в Коломенском, другая — в Москве), и выборный солдатский полк — вероятно полк А. А. Шепелева (полк М. Кравкова, после смещения которого его возглавил Р. Жданов, принял участие в восстании). Тот факт, что оба эти полка находились в Москве (стрелянной не в полном составе), подтверждается списком 21 полка, в которые были посланы 17 сентября грамоты из Воздвиженского о казни Хованских; среди них названы солдатский полк А. А. Шепелева и, вероятно, стремянной полк, поскольку перечислены все 19 стрелецких полков.

В Воздвиженском о «всполохе» в Москве узнали 18 сентября — «ведомо великим государем учинилось», что в столице «от смутных слов» И. И. Хованского во всех полках надворной пехоты «учинилось великое смятение и страхование», «учали» они «иметь опасенье от их, великих государей, ратных и от боярских людей». Далее в разрядах следуют записи о «зборах ратным обычаем» среди стрельцов, их хождении по городу с оружием; «и с Пушечного двора пушки розвезли к себе по полком, а иные везли в Кремль, и из их, великих государей, казны ружье, мушкеты и карабины, и списы, и банделеры, и зелье, и свинец, и фетиль розобрали по себе и роздали розных чинов людям», поставили везде караулы «со всяким ружьем». Людей, которые ездят от царей в Москву и с Москвы к ним, «имают и сажают за караулы, а никуды их не пропускают» (одним из задержанных и был, вероятно, Г. П. Языков). По Земляному городу стрельцы

³⁸⁵ А. Theiner, p. 238 (донесения от 21 октября и 4 ноября).

³⁸⁶ С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 337.

построили «крепости», а свои семьи и имущество «ввезли в Белой город»³⁸⁷.

В «повинной заручной челобитной» солдат выборного полка Р. Жданова, поданной в Троице 2 октября, они писали, что 20 сентября у них в Марьиной роще учинились «страх и сумнение», они взяли на Пушечном дворе без царского указа 4 пушки, 200 карабинов, 18 «мушкетов галанских», 100 «железец долгих спис», 12 пудов пороху, 7 пудов 20 гривенок свинцу, а «с Васильевского лушку» — 33 пуда зелья. 24 сентября «ввечеру» патриарший крестьянин из деревни Марфиной П. Воронин, «приехав к ним на Бутырки», сообщил, что будто идут против них по Троицкой дороге пешие и конные «боярские люди» с ружьем и пушками «великим собранием». От этих и других «многих смутных вестей» «многие их братья от великого страхования отпустили жен и детей своих к Москве к сродичам»³⁸⁸.

Из отписки боярина М. П. Головина «с товарищи» из Москвы (от 30 октября или несколько позднее) известно, что во второй половине октября сдавали оружие и припасы стрельцы и солдаты 17 полков — думного генерала А. А. Шепелева, стольников и полковников Р. Жданова, Н. Глебова, Л. Ермолова, Б. Головина, И. Огibalова, И. Дурова, Л. Сухарева, П. Борисова, П. Бохина, посланных «на службу» полков Ф. Головленкова, А. Нармацкого, С. Воейкова, Н. Полуектова, А. Бюста, К. Арпова, С. Расловлева и, возможно, других (здесь приводится роспись несданного оружия и припасов)³⁸⁹.

28 сентября 14 московских гранатных мастеров и пушкарей обратились с просьбой, чтобы их допрашивали не в Стрелецком, а в Пушкарском приказе, где они были постоянно «ведомы»; в Стрелецкий приказ их затребовали для проведения какого-то «розыскного дела», может быть, в связи с самовольным изъятием стрельцами военных припасов из казны³⁹⁰.

18 сентября правительство послало со стольником Г. М. Бахметевым в московские полки новые грамоты³⁹¹. В них оно ссылалось на свои грамоты от 17 сентября о казни Хованских, которые вез в Москву стольник П. П. Зиновьев, и уговаривало теперь стрельцов и солдат не верить словам «изменичого сына» И. И. Хованского. Оно снова убеждало мятежников, что «опалы и гневу» на них нет, призывало служить «по своему обещанью безо всякого сумнительства» (эти слова написаны вместо зачеркнутых: «отложа всякие свои замыслы»; очевидно, правительство не решалось еще говорить с «мятежниками» без обиняков, опасаясь нежелательной реакции).

³⁸⁷ ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, д. 609, лл. 42—44.

³⁸⁸ С. Медведев. Созерцание, стр. 144.

³⁸⁹ ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Московского стола, д. 639, лл. 49, 21—25.

³⁹⁰ ГПБ, ОР, Собр. грамот, д. 2943, л. 1.

³⁹¹ ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, д. 609, лл. 45—50.

Между тем 18 же сентября «в другом часу дни» (т. е. час спустя после рассвета), как сообщал в Воздвиженское из Москвы один из членов правительственной комиссии И. Сухотин в своей отписке³⁹², в столицу прибыл стольник П. П. Зиновьев. Он подал Сухотину грамоту от 17 сентября, посланную московским властям во главе с боярином кн. Ф. Ф. Куракиным, еще отсиживавшимся, как и многие другие его собратья, в своей вотчине. Распечатав грамоту, Сухотин, согласно указу, рассылал «того же часа» по стрелецким и солдатским полкам предназначенные им грамоты от того же 17 сентября с полковниками «по подпискам». Полковники сообщили ему, что грамоты во всех полках «чтены». Затем явились к Сухотину стрельцы всех полков и били челом, чтобы цари пожаловали их, велели отпустить двух или трех выборных, которые были «в походе» (очевидно, из числа тех, которые поехали туда с Хованскими, но были казнены, о чем, возможно, в Москве еще не знали), «для ведомости».

Таким образом, стрельцы и солдаты в Москве хотели получить известия о событиях в Воздвиженском, в частности о казни Хованских, от своих выборных представителей, не ограничиваясь информацией от И. И. Хованского. С просьбой об этом они приходят все же к представителю законной в их глазах царской власти — к И. Сухотину.

Приезд П. П. Зиновьева не выглядел столь мирным и спокойным, как это можно заключить из отписки И. Сухотина. «В час третий» (т. е. уже два часа спустя после рассвета) П. П. Зиновьев пришел с грамотой к патриарху (следовательно, после визита к И. Сухотину). Но стрельцы его арестовали, посадили под караул и «крепко страшили, чтобы он сказал, что писано», потом привели к Иоакиму и следили за тем, чтобы он не передал ему что-либо «тайно». В этом случае, по утверждению С. Медведева, они «вскоре бы святейшаго патриарха смерти предали, зело бо в той час вси исполнены быша велия ярости». В Крестовой палате прочитали царскую грамоту о казни Хованских в присутствии стрельцов, которые, «услышавше же... о смерти названного отца своего князь Ивана Хованского, за что кажен бысть, паки в размышление впадоша. Ин говорит: „Пойдем за бояры и их побьем“, ин же глаголет: „Еще пождем“. И сице от устремления войною в поход, время от времени, час от часу мятущесея, престаша»³⁹³.

По словам А. А. Матвеева, стрельцы стольника П. П. Зиновьева «изымав, едва не умертвили». Но его утверждение, что они после чтения грамоты у патриарха «все во один голос закричали: пойдем все сами и побьем бояр всех, и прочая тому

³⁹² Там же, лл. 51—52.

³⁹³ С. Медведев. Созерцание, стр. 113.

подобная»³⁹⁴, страдает односторонностью, понятной в устах человека, смотревшего на всех стрельцов как на извергов. Поэтому он не склонен отмечать разногласия среди стрельцов, на что обратил внимание более добросовестный автор — С. Медведев.

Разрядная записка «Смутное время» относительно приезда в Москву царского стольника с грамотами замечает кратко, но выразительно: стрельцы «грамот учинились непослушны»³⁹⁵, т. е. не вняли призыву правительства прекратить «смтение» и прийти в покорность.

П. П. Зиновьев возвратился в Воздвиженское и «возвести великим государем, что он был в каком страхе и что служивыя хотят итти в поход за ними, государи, войною со всякими оружии, яко на неприятелей государственных, чюжеземцов, и бити бояр и всяких чинов людей, и сам он то от них слышал и видел в Москве, како они, с ружьем ходяще, готовятся». Цари «убоявшася» «ради страха» от московских стрельцов и солдат («от стрелецкого дерзновения и свирепства»), а также из-за «малолюдства служивых дворян и всяких чинов людей» (вероятно, их мало еще собралось к царскому двору, по мнению правительства). С. Медведев добавляет по этому поводу: «И тамо в их государском дворе (яко слышах) мало бы кто от страха такового слез не лиял». Далее он сообщает, что царский двор отправился из Воздвиженского к Троице, «зане монастырь каменный и оружия в нем много». В тот же день 18 сентября дворовым воеводой на время «похода», т. е. главнокомандующим войсками при царях, был назначен боярин кн. В. В. Голицын, а его «товарищами» — боярин кн. М. И. Лыков, руководивший арестом Хованских, думный дворянин А. И. Ржевский, думный генерал А. А. Шепелев. По прибытии в монастырь власти приняли меры к обороне — расставили караулы, пушки, приготовили «всякое ружье», разместили ратных людей по крепостным стенам («всякой полковой строй устроили») ³⁹⁶.

Записка «Смутное время» сообщает, что цари пошли к Троице и распорядились послать «во все городы» грамоты «для ратных людей» ³⁹⁷.

Повесть Мазуринского летописца реакцию царского двора на известие о «смтении» в Москве прямо называет «всполохом»: «...в селе Воздвиженском учинился всполох; сказали великим государем, что стрельцы, все приказы, со многим снарядом на три дороги с Москвы идут на великих государей боем». Поэтому цари с царицами и царевнами из Воздвиженского «поднялися

³⁹⁴ А. А. Матвеев. Записки, стр. 46.

³⁹⁵ С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 337.

³⁹⁶ С. Медведев. Созерцание, стр. 113—114; см. также: А. А. Матвеев. Записки, стр. 46—47.

³⁹⁷ С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 337.

совсем, поход свой учинили» к Троице. Правда, «которые вести им... учинились, и то пролгалось»³⁹⁸.

В Москве было по-прежнему беспокойно. Медведев, подтверждая известия разрядов о том, что стрельцы и солдаты забрали из казны различное оружие и пушки с Пушечного двора, вооружали «многих людей» (очевидно, простых москвичей), добавляет, что они начали всюду и днем и ночью стрелять «изо всякого ружья», «яко бы ружье вычищают и неприятелем задавают страх». Везде по городу они построили надолбы, «на сторожи в день и в ночь выгоняли посацких людей и чернослоботцов, и всяких чинов людей». Далее Медведев приписывает **стрельцам и солдатам злокозненные умыслы**: как-де бояре с холопами пойдут на Москву «войною», они, стрельцы и солдаты, перед собою поставят посадских и иных чинов людей с женами и детьми, их прежде начнут бояре бить «или жалостию к ним приклонятся, мы же имамы с сторон вооружатися к приступающим». Это утверждение, конечно, не соответствует действительности, так как стрельцы и солдаты, по показаниям источников, в эти дни выступали вместе с посадскими, по крайней мере со многими из них; они их вооружали, ходили вместе на караулы, держали с ними связь. В это время в Москве, по замечанию того же С. Медведева, «кроме стрелцов и посацких, никого иных людей тогда не обретахуся»³⁹⁹. Большинство дворян и приказных покинуло столицу, которая полностью перешла под контроль стрельцов и солдат. Посадские же люди или поддерживали их, или же соблюдали нейтралитет, ожидая дальнейших событий.

У стрельцов и солдат по-прежнему были, как некоторое время спустя упрекала их Софья Алексеевна, «круги злосоветныя... по-казацки, чесого и в древния лета в царствующем граде не бывало» («или вы наше царство хотите завладеть?» — спрашивала она их представителей в Троицком монастыре 27 сентября), «нововодные обычаи, чего не бывало»⁴⁰⁰.

Двор прибыл в Троицкий монастырь 18 сентября в 3-м часу ночи (два часа спустя после начала сумерек)⁴⁰¹. На следующий день снова была отправлена грамота в один из стрелецких полков, причем, очевидно, не без умысла ее адресовали в полк Степана Янова, казненного стрельцами в июле. Правда, сохранился только черновик этой грамоты⁴⁰², но фамилия С. Янова в нем не вычеркнута; по содержанию она аналогична грамотам во все полки от 18 сентября.

19 сентября ко двору в Троицу приехал присланный патриархом архимандрит кремлевского Чудова монастыря Андриан. Он

³⁹⁸ М. Н. Тихомиров. Записки, стр. 455.

³⁹⁹ С. Медведев. Созерцание, стр. 114—115.

⁴⁰⁰ Там же, стр. 127, 129.

⁴⁰¹ ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, д. 609, л. 53.

⁴⁰² Там же, лл. 54—59.

известил правительство, что в Москве к Иоакиму приходили надворная пехота всех полков и били челом царям, чтобы они изволили возвратиться в столицу, «а у них де никакова умыслу нет». В ответ в Москву 20 сентября послали думного дворянина Л. Т. Голосова с грамотами патриарху Иоакиму и всем стрелецким полкам⁴⁰³.

В этих грамотах правительство, почувствовав слабость противника, его готовность к примирению, заговорило уже несколько иным языком. В них сначала говорилось о том, что правительству известно о «зборах», караулах и прочих «смятениях» на Москве. В ответ на их челобитье о возвращении царей в Москву выдвигалось требование, чтобы стрельцы служили верно, «от смятения престали, всполохов и страхования на Москве не чинили». Впервые в правительственных грамотах упоминается о реакции стрельцов и солдат на известие о казни Хованских: «И что князь Иван да князь Андрей Хованские за измену казнены, в то не вступались, потому что измена их по розыску и по подлинному свидетельству нам, великим государем, известна и всем людем явна. И та казнь учинена им по нашему... указу. И суд о милости и о казни вручен от бога нам... а им о том не токмо говорить, и мыслить не довелось и дела им да тово не достало». Эти высокомерные слова уже резко и прямо указывали стрельцам их место.

Понимая, однако, что стрельцы и солдаты остаются все же грозной силой, правительство продолжало лавировать, повторяя, что гнева и опалы на них нет, «и они б в том на нашу в. г. милость были надежны безо всякого размышления», требуя, чтобы они «однолично от смятения отстали и были во всяком нашем государском повелении и послушании». В частности, правительство сочло возможным напомнить о невыполненном распоряжении идти некоторым московским стрелецким полкам, принявшим активное участие в Московском восстании 1682 г., на службу в Киев «без мотчанья».

В конце грамоты правительство требовало от стрельцов, чтобы они прислали к Троице выборных для челобитья о своих делах. Тем самым оно давало им понять, что готово начать переговоры об их капитуляции. О возвращении же царей и двора в Москву грамоты дипломатично умалчивали. Обстановка для этого, по мнению правителей, еще не созрела. Именно поэтому они еще осторожничали в обращениях к стрельцам и солдатам, требовали от патриарха сообщить с Л. Т. Голосовым о стрельцах: «Что от тебе... против того (т. е. по поводу требований в царских грамотах.— В. Б.) говорить учнут и учетца у них делать». Недаром записка «Смутное время» отметила, что Голосов

⁴⁰³ ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, д. 609, лл. 60—84. АИ, т. V, № 95, стр. 147—148.

был послан в Москву для того, чтобы «уговаривать» стрельцов и солдат ⁴⁰⁴.

Таким образом, правительство продолжало маневрировать, не будучи окончательно уверенным в своих силах. При нем в Троице было не так уж много ратных людей («малолюдство», по словам С. Медведева), другие только собирались со всех сторон. Помимо этого, Москва, сильно укрепленная по тем временам крепость, в случае новой «смуты» могла противопоставить им внушительные силы стрельцов и солдат, а также вооруженных москвичей из числа посадских и «иных чинов» людей. Софья и ее помощники правильно учли сложившуюся обстановку и старались выиграть время для наращивания своих сил и успокоения «мятежников».

МОБИЛИЗАЦИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ СИЛ

(распоряжения правительства о сборе ратных людей; пункты сбора; численность правительственных сил; указы и грамоты правительства дворянам, холопам, посадским людям и др. после окончания восстания)

Между тем положение «мятежников» становилось все более сложным. Несмотря на все недомолвки и заигрывания с ними со стороны правительства, они не могли не понимать, что дела принимают серьезный оборот — двор, покинув Москву и объявив сбор вооруженных дворян и их слуг, открыто заявил о своем намерении выступить против «воров и изменников», потрясших здание российского самодержавия весной — летом 1682 г. Если бы повстанцы действовали смело и решительно, они давно сумели бы одним ударом расправиться со всеми правителями, когда они находились в Москве фактически в плену у восставших. Но они тянули время в надежде на «добрых» правителей — то царя Ивана и Софью, то «царского боярина» Хованского, а тем временем правительство концентрировало вокруг Москвы верные ему вооруженные силы.

Дворянство, по справедливому замечанию А. Н. Штрауха, в 1682 г. с совершенно исключительным энтузиазмом откликнулось на мобилизацию, объявленную правительством. Последнее с небывалой щедростью затем вознаградило дворянское войско за легкий и бескровный поход. Оно учитывало, что на стороне стрельцов и солдат имелось сочувствие широких народных масс ⁴⁰⁵.

Бояре и дворяне с холопами начали собираться к царскому двору уже во время его пребывания в Коломенском и в Савво-Сторожевском монастыре. Об этом упоминается в указах прави-

⁴⁰⁴ С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 337.

⁴⁰⁵ А. Н. Штраух. Указ. соч., стр. 50.

тельства дворянам и холопам от 25 октября⁴⁰⁶. В начале сентября из Савво-Сторожевского монастыря рассылались грамоты о сборе ратных людей. Потом подобные же распоряжения отдавались во время пребывания правительства в Воздвиженском и Троице-Сергиеве монастыре. Цари и регентша, по словам Медведева, «повелеша к себе в Троицкой монастырь из городов всяких чинов служивым людям вооруженным прибыти тотчас, чтобы их государское здоровье от невеждей мятущихся оберегли» (относительно распоряжения правительства о быстром прибытии ратных людей Желябужский выражается так: «не займовая Москвы, безо всякого мотчанья»). Для сбора и высылки ратных людей правительство в сентябре послало из Воздвиженского и из Троицы в разные города и уезды доверенных людей из числа бояр, окольных и других думных людей, стольников «наскоро» (в документах приводится список «высылщиков» и городов, куда их послали). 18 сентября из Воздвиженского послали грамоту в Новонемецкую слободу с вызовом в Троицу всех иностранных офицеров⁴⁰⁷.

Несколькими днями раньше в одной из грамот от 14 сентября И. А. Хованскому приказывалось выслать из Москвы в Воздвиженское вооруженных дворян (стольников, стряпчих, дворян московских, жильцов, «которые ныне на Москве») для встречи гетманских послов к 18 сентября, «чтоб в приезд того гетманского сына при нас, великих государех... было немалоллюдно»⁴⁰⁸. Правительство воспользовалось приездом С. И. Самойловича не только для вызова в свою ставку выборных стрельцов и Хованских, но и для сосредоточения около себя ратных людей из дворян, оставшихся еще в столице.

Для защиты царского двора в Воздвиженское и затем в Троицу стягивались дворяне «московского чина», т. е. верхушка российского дворянства; это — стольники, стряпчие, дворяне московские, жильцы (у Медведева: «А московских чинов людям, всех городов помещиком и вотчинником быти всем в полку у себе, великих государей»). Там же сосредоточивались думные чины — бояре, окольные, думные дворяне и думные дьяки. Всех их сопровождала вооруженная челядь. Главкомандующим — «дворовым воеводой» — был назначен фаворит регентши боярин кн. В. В. Голицын.

Городовые (уездные) дворяне и дети боярские, мобилизация которых тоже была объявлена правительственными распоряжениями, собирались в нескольких пунктах вокруг Москвы. 26 сентября состоялся указ о назначении бояр и воевод в полки, рас-

⁴⁰⁶ С. Медведев. Созерцание, стр. 160.

⁴⁰⁷ С. Медведев. Созерцание, стр. 115—116; Желябужский. Записки, стр. 6; С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 337.

⁴⁰⁸ ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Московского стола, д. 621, лл. 253—254.

пределении по полкам городовых дворян и детей боярских, а также копейщиков, рейтар и солдат, «которые из детей боярских и которые служили в выборном полку» (т. е. в отборном полку, комплектовавшемся из числа провинциальных дворян). Тем самым войско, собиравшееся для борьбы с московскими «мятежниками», по своему составу было в основном дворянским (с присоединением вооруженных холопов, которые всегда сопровождали своих господ на службу, в походы).

Правительство распорядилось собрать провинциальных дворян в четыре полка.

«Северный полк», в который стягивались дворяне из городов с уездами к северу от Москвы (Дмитров, Кашин, Углич, Бежецкий Верх, Клин, Тверь, Торжок, Старица), должен собираться в Клину, а стоять в 30 верстах от Москвы в селе Черкизове. Его возглавляли боярин кн. А. И. Голицын и окольный кн. К. О. Щербатый.

Владимирский полк (во главе с боярином кн. П. С. Урусовым, думным дворянином И. Д. Голохвостовым, стольником кн. Я. С. Барятинским) включал дворян из Владимира, Суздаля, Юрьева, Луха, Шуи, которые собирались во Владимире, стояли «на Рогоже» по владимирской дороге в 40 верстах от «мятежной» столицы.

Рязанский полк (возглавляли боярин А. С. Шеин, окольный кн. Д. Н. Щербатый) собирался в Бронницах, стоял на коломенской дороге у Боровского перевоза на Москве-реке, в 30 верстах от города. Он включал в себя, вероятно, дворян из уездов к юго-востоку от Москвы (Рязанский, Коломенский и соседние уезды). Это подтверждается указом от 25 октября с похвалой дворянам за службу, в котором говорится, что в Коломне с боярином А. С. Шеиным собирались дворяне коломенские, рязанские, тульские, каширские и «иных тамошних украинских и рязанских всех городов».

Заоцкий полк (командовали боярин И. Ф. Волынский, окольный Б. В. Полибин) состоял из дворян южных и западных подмосковных уездов (Звенигород, Борисов, Можайск, Руза, Верея, Волок-Ламский, Боровск, Малый Ярославец, Калуга, Воротынский, Перемышль, Медынь, Лихвин, Мещовск, Мосальск, Серпейск, Козельск). Он должен был стоять по можайской дороге «на Вяземе» в 30 верстах от Москвы⁴⁰⁹.

Правительство мобилизовало, таким образом, столичное дворянство и провинциальных дворян из уездов ближнего и дальнего Подмосковья, не считая нужным вызывать дворян из более отдаленных мест. Рассылая по уездам грамоты о высылке дворян на службу, оно очень торопило местные власти. Так, в грамоте дедиловскому воеводе И. Ачкасову от 26 сентября оно

⁴⁰⁹ С. Медведев. Созерцание, стр. 124—125, 161.

требовало выслать служилых людей «московских чинов» к Троице «тотчас» «со всею службою и с полными запасы»; в грамоте предписывалось, чтобы они «дорогою ехали днем и ночью наспех, не мешкая нигде ни за чем нималого времени, не отымаясь ничем и не дожидаясь о том впредь к себе иного нашего великих государей указу»⁴¹⁰.

В грамоте речь идет о дворянах Дедиловского уезда, имевших московские чины и служивших по «московскому списку», поэтому они и ехали в Троицкий монастырь. Дедиловцы же немосковского чина собирались, очевидно, в Рязанский полк.

Дворяне спешили в указанные им места, записывались «в приезд», подавали властям различные челобитные. Правительство строго следило за тем, чтобы дворяне ехали по правильным «адресам». Так, А. С. Шеину в грамоте от 3 октября сообщали, что некоторые коломенские, каширские, рязанские дворяне «полковые службы», а также копейщики, рейтары и солдаты приехали к Троице и записались «в приезд в Розряде», но их послали к нему в Рязанский полк⁴¹¹. Коломенскому воеводе С. К. Свечину Разряд 4 октября предписывает «без мотчанья» выслать в Троицу дворянина Н. И. Полозова из деревни Лаптевой⁴¹². Дворянин А. Ф. Марышкин сообщал в челобитной в начале октября о своем приезде к Троице, а о своем брате писал, что он «лежит больной при смерти на Москве»; Разряд тут же послал в Москву грамоту (от 4 октября) боярину М. П. Головину с повелением «осмотреть» П. М. Марышкина⁴¹³. Полковой воевода боярин А. С. Шеин просит влиятельного думного дьяка Ф. Л. Шакловитого: «Приятель мой Федор Леонтьевич, здравствуй навеки. Умилосердися, Федор Леонтьевич, вели быть в моем полку Михаилу Челищеву. Алешка Шеин челом бьет». В других письмах он просит за А. Б. Палицына, И. Ф. Бибикова, И. А. Посникова, С. В. Коробьина, Р. А. Беклемишева, И. С. Павлова «з братом»⁴¹⁴.

Автор повести из Мазуринского летописца приводит несколько иную роспись полков: у ратных людей при царях воевода боярин кн. В. В. Голицын, другой воевода—боярин кн. П. С. Урусов — стоял с ратными людьми в Переяславле-Залесском, третий — боярин А. С. Шеин — на Коломне, четвертый — боярин кн. М. И. Лыков («товарищ» В. В. Голицына в «дворовом» полку, по С. Медведеву) — в Рязани⁴¹⁵. В расстановке полков и их командном составе после 26 сентября произошли, таким образом, некоторые изменения. Тот же указ дворянам от 25 октября го-

⁴¹⁰ ДАИ, т. X, № 29, стр. 83; Архив ЛОИИ, ф. 134, оп. 1, д. 643, лл. 1—3.

⁴¹¹ ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Новгородского стола, д. 322, лл. 653—654

⁴¹² Там же, лл. 655—656.

⁴¹³ Там же, лл. 659—661.

⁴¹⁴ Там же, д. 319, лл. 315—316, 318—319.

⁴¹⁵ М. Н. Тихомиров. Записки, стр. 454.

ворит, что полк боярина П. С. Урусова стоял в Переяславле-Залесском, в него входили дворяне переяславские, ростовские, ярославские (они не назывались в указе от 26 сентября) и другие. Пунктом сбора полка А. С. Шеина называется здесь Коломна, Заозького полка (его главой называется не И. Ф. Волинский, а боярин кн. В. Д. Долгорукий «с товарищи») — Серпухов, в него входили дворяне из Калуги, Боровска (названы в указе от 26 сентября), Серпухова, Алексина, Тарусы, Оболенска (не названы в нем) и других заозьких городов, а также «Севского полку всех городов»⁴¹⁶.

Из сопоставления этих данных выясняется, что, во-первых, мобилизация дворян носила более широкий характер, чем предполагалось указом от 26 сентября; во-вторых, дворянские полки правительство не стало придвигать близко к Москве: указ 26 сентября предписывал им стоять в Черкизове, на Рогоже, в Бронницах и на Вяземах, в 30—40 верстах вокруг столицы; на самом деле они стояли гораздо дальше — в Переяславле-Залесском, Коломне и Серпухове. Объясняется это просто: стрельцы и солдаты в Москве быстро пришли к выводу о бесперспективности своих планов похода к Троице, куда со всех сторон спешило вооруженное дворянство, а по дальнему Подмосковию собирались другие дворянские полки. С. Медведев пишет, что в Троицкий монастырь «собрався... служивых людей многия тысячи», «мятежники» же, «слышавше о собрании многочисленного воинства, день от дне начаша страшиться...»⁴¹⁷

Во всяком случае, вооруженные дворяне собрались к Троицкому монастырю и в другие условленные места и «стояли» там «долгое время»⁴¹⁸. С. Медведев уточняет: полки стояли «во ополчении своем» до возвращения царей в Москву (6 ноября) и еще спустя «с неделю» после этого «ради опасения и внезапного предложения от наветов злобедственных»⁴¹⁹.

Относительно численности правительственных сил имеются, к сожалению, лишь отрывочные данные. Сохранились некоторые сведения о дворянах «московского чина», собравшихся к Троице-Сергиеву монастырю. Так, имеются записи о том, что из Москвы в Воздвиженское к 18 сентября было велено ехать 19 стольникам, 9 стряпчим, 3 дворянам московским, 18 жильцам, которые называются по фамилиям. В Воздвиженское приезжали дворяне «московского чина» и в другие дни — 27 октября, например, прибыл 41 человек, 28 октября — 82.

По спискам на «191 год», начинавшийся 1 сентября 1682 г.

⁴¹⁶ С. Медведев. Созерцание, стр. 161.

⁴¹⁷ Там же, стр. 116.

⁴¹⁸ Там же.

⁴¹⁹ Там же, стр. 125—126.

(данные относятся именно к осени и началу зимы, примерно к октябрю — ноябрю 1682 г.), «московских чинов» было налицо, «опричь» тех, которые на воеводствах, в отсылках и у различных других «дел», в отставке, всего 7625 человек. Из них к 26 сентября в Троицу приехало 1114 человек, к 26 октября — 4935 человек к Троице, 547 — «в полки», всего 5482 человека. Сюда же приезжали и другие лица: к 26 сентября, например, приехало 20 человек «смоленской шляхты», 34 городских дворянина и детей боярских, русские и иностранные офицеры: 33 полковника, 28 полуполковников, 31 майор, 26 ротмистров, 26 капитанов и т. д. В день приезжало по несколько сот человек⁴²⁰.

Таким образом, в сентябре — октябре основная масса столичного дворянства собралась вокруг правительства. Дворян, как правило, сопровождали вооруженные холопы (один или несколько человек). Кроме того, к царскому двору, помимо думных людей и московских дворян, прибывали и другие лица, вплоть до уездных дворян (очевидно, близлежащих к Троице уездов). Точно так же некоторые дворяне «московского чина» вливались в другие «полки», очевидно, из-за отдаленности от Троицы. К тому же не все данные по этому вопросу известны. Тем самым можно с уверенностью сказать, что численность дворянского войска, сосредоточенного правительством у Троицкого монастыря, не ограничивалась 5 тыс. человек, а значительно превышала эту цифру.

Повесть Мазуринского летописца сообщает, что в Троицкий монастырь из одного Великого Новгорода прибыло 40 тыс. «храбрых мужей», «ис прочих же окрестных государственных градов снисходяся избранных воинств безчисленное множество и круг монастыря станы устроиша»⁴²¹.

В указе 31 мая 1684 г. особо отмечалась верность, «радетельная служба» новгородских дворян, которые приходили к новгородскому воеводе боярину И. В. Бутурлину «со слезами» и просили о посылке к царям в Троицкий монастырь «прежде присылки в Великий Новгород великих государей грамоты за многие дни»⁴²². П. Н. Крекшин, использовавший при составлении своего труда ряд официальных документов, утверждает, что собранное по указанию правительства войско «бе тогда до ста тысячъ»⁴²³.

Трудно сказать, насколько эти цифры соответствуют действительности, но они свидетельствуют, что вокруг Москвы были собраны очень внушительные ратные силы. Троицкий монастырь,

⁴²⁰ ЦГАДА, ф. 210. Столбцы Московского стола, д. 645, ч. I, лл. 34—37, 43; ч. II, лл. 1555—1566; Столбцы Новгородского стола, д. 319, лл. 20—22, 514—515.

⁴²¹ ГПБ, ОР, Солов. собр., д. 988 (878), л. 728 об.

⁴²² СГГид, т. IV, № 165, стр. 485.

⁴²³ П. Н. Крекшин. Записки, стр. 51.

скрывавший за высокими крепостными стенами царское семейство, двор, правительство с многочисленной охраной из придворных, стрельцов, дворян, был со всех сторон окружен стенами верных правительству вооруженных дворян.

Правительство организовало перепись дворов с их жителями в слободах (Воскресенской и др.), окружавших монастырь и использовавшихся для постоя; согласно наказам «писцам», если выяснялось, что кто-то, помимо бояр, окольных, думных и ближних людей, занимает 2—3 двора или кто стоит по одному человеку на дворе, «а те дворы пространные», то указывалось на те дворы ставить «челобитчиков по рассмотренью»⁴²⁴. Приезжие дворяне проживали в слободах, «приселках» монастыря «со всею службою», со своими лошадьми, «рухлядью», съестными припасами, кормом для лошадей⁴²⁵.

В самом Троицком монастыре правительство строго следило за порядком и спокойствием; одного стрельца, который пришел пьяным на караул к Успенским воротам и ругал «скаредною бранью» караульного стрельца за то, что тот не «спустил» его в ночь с 17 на 18 сентября «за монастырь», боярин кн. В. В. Голицын «с товарищи» 22 сентября приказали бить батогами «нешадно, сняв рубашку, и из-за караула свободить», т. е. не допускать к караульной службе⁴²⁶.

Для войска, собранного к Троице, мобилизовывались и различные припасы, снаряжение. Так, из ярославского Спаского монастыря доставили сюда в конце сентября 64 пуда 35 фунтов пороха и 11 пудов 15 фунтов свинцу; в конце декабря правительство распорядилось, чтобы троицкие «власти» вернули «зелье» ярославской братии⁴²⁷.

Русское дворянство, как видим, сослужило верную службу своему правительству, выступило на защиту царского самодержавия против «бунтовщиков». Правительство не замедлило отблагодарить своих верных подданных. 25 октября в указе от имени царей столичные дворяне «милостиво похваляются» за то, что они, начиная с 3 сентября, т. е. со времени выхода царского двора из Коломенского в Савво-Сторожевский монастырь, а затем в Воздвиженское и к Троице, приехали к ним «без многия высылки», «а из далних мест... по высылке в нынешнее осеннее трудноватое время приехали... в скорых днях и великим многолюдством, принимая всякую нужду. Да вы же имали с собою людей своих со оружием сверх сказок своих с прибавкою и в том во всем к ним, великим государем, показали явную свою службу

⁴²⁴ ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Московского стола, д. 639, лл. 436—438.

⁴²⁵ Там же, д. 637, лл. 463 и сл. (дело по челобитью служилых людей московских чинов, пострадавших в октябре 1682 г. от пожара в приселке Сваткове).

⁴²⁶ Там же, д. 639, лл. 153—159.

⁴²⁷ Там же, Столбцы Новгородского стола, д. 322, пл. 509—515.

и радение многое»⁴²⁸. Московские и городовые дворяне, которые явились на службу до 26 октября, жаловались придачей к поместному окладу по 50 четвертей земли и 5 руб. денег и, кроме того, переводом из поместья в вотчину по 10 из каждых 100 четвертей земли. Тем московским дворянам, «которых имен за ними, великими государи, в поход не написано» (т. е. которым не нужно являться к Троице), и тем, кто приедет с 26 октября, велено быть в боярских полках в Переяславле-Залесском, Коломне, Серпухове, ехать им туда, «не заезжаячи в дома и в деревни свои некоторыми делы», и записываться «в приезд» с 1 по 8 ноября «безо всякого перевода». Ослушникам, которые «без отпуску», т. е. без разрешения властей, начальства, «съедут» «ис похода или ис полков бояр и воевод», грозили кары: перевод из московских дворян в городовые, конфискация четвертой доли поместий и вотчин для раздачи челобитчикам «бесповоротно».

В конце указа записано интересное распоряжение: московским и городовым дворянам предписывалось в Москве и «в походе» ходить «с саблями и с шпагами и со иным таким ружьем». То же разрешалось делать в Москве и других городах приказным, холопам, «конюшенного чину» людям, гостям, докторам «и иных таких чинов людем». «Купецким» же и «иных чинов людем» и надворной пехоте, когда она не на карауле, запрещалось носить какое-либо оружие (на караулах стрельцы могли ходить с саблями). В этом распоряжении ясно виден классовый подход правящих кругов к вопросу о праве ношения холодного оружия в обстановке только что закончившейся «смуты» (другое оружие запрещалось носить в городах всем без изъятия): разрешение касалось дворян и верхушки посадского мира, основная же масса посадских людей и стрельцы, когда они не находились на карауле, этого права лишались.

Приказные люди за свою верную службу правительству во время «мятежа» тоже получали награды. Так, дьяк И. Максимов, который «во время их государского походу был на Москве у их, великих государей, дел» с боярином М. П. Головиным «и им, великим государем, работал и в смутное время над винными у казней был и всякой страх принимал», получил прибавку в денежном жалованье в размере 5 руб. «против ево братья дьяков», которые были «в походе» в Троицком монастыре⁴²⁹.

Еще большие награды получали бояре, окольные, думные и ближние люди. По указу от 25 октября боярин и дворový воевода кн. В. В. Голицын получил 150 руб. денег и 300 четвер-

⁴²⁸ СГГид, т. IV, № 155, стр. 465—469; ААЭ, т. IV, № 268, стр. 389—380; С. Медведев. Созерцание, стр. 160—162; ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Новгородского стола, д. 319, лл. 172—179; Столбцы Московского стола, д. 677, ст. 1, лл. 10—12.

⁴²⁹ ЦГАДА, ф. 141, д. 44, лл. 6—7.

тей из поместья в вотчину, остальные бояре — по 100 руб. и 250 четвертей, кравчие — по 80 руб. и 225 четвертей, окольные — по 70 руб. и 150 четвертей, казначей, постельничий, думный генерал А. А. Шепелев — по 65 руб. и 140 четвертей, думные дворяне — по 60 руб. и 125 четвертей, печатник — 55 руб. и 120 четвертей, думные дьяки — по 50 руб. и 115 четвертей, укладничий — 40 руб. и 100 четвертей, комнатные стольники — по 70 четвертей поместной земли, 7 руб. денег и 10 четвертей земли из каждых 100 из поместья в вотчину. Наряду с дворянами столичными (в том числе рядовыми стольниками в отличие от комнатных) и городовыми, которые получали по 50 четвертей земли в поместье, 5 руб. денег и по 10 четвертей из каждых 100 из поместья в вотчину, здесь упоминаются полковники и дьяки.

На земли, которые переводились из поместья в вотчины, велено выдать дворянам жалованные грамоты, «чтоб та их верная и правдивая служба и усердное радение детям их и внучатом и впредь будущим родом была явна и памятна». Приведенные данные о наградах представителям высшего слоя класса феодалов (от бояр до комнатных стольников) содержатся в общем правительственном указе о пожалованиях⁴³⁰.

Важно отметить, что дворяне, воспользовавшись тем, что правительство прибегло к их помощи в трудный момент и пожаловало их различными льготами, обратились к нему с просьбой о дополнительных пожалованиях. Первую челобитную московские и городовые дворяне, собравшиеся вокруг Троице-Сергиева монастыря, подали 23 октября 1682 г. 18 ноября дворяне вручили царям вторую «заручную челобитную» (имеются подписи 273 человек). В ней они писали, что «крестьяня де их многия, разоря их, разбежались и живут в бегах в розных городех», и потому они просят послать для их сыска «сыщиков». Согласно помете думного дьяка В. Г. Семенова на их челобитной, правительство указало специально посланным писцам сыскивать в городах и уездах беглых холопов и крестьян и «суд с ними давать по крепостям», а после суда отдавать дворянам⁴³¹. Но «помещики и вотчинники всех чинов люди» 1 декабря в новом челобитье просили, чтобы сыском занимались не писцы («потому что земляных дел будет у них множество, а им де (дворянам. — В. Б.) будет многая волокита и убытки великие, и они де и до остатку разорятца»), а специально посланные («мимо писцов и воевод») «сыщики». Правительство удовлетво-

⁴³⁰ СГГид, т. IV, № 155, стр. 465—469; ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Новгородского стола, д. 319, лл. 163—169; ААЭ, т. IV, № 268, стр. 389—390; С. Медведев. Созерцание, стр. 160—162.

⁴³¹ А. Г. Маньков. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII в. М.—Л., 1962, стр. 56—57.

рило и эту просьбу дворян⁴³². По приговору Боярской думы от 2 марта 1683 г. был принят новый обширный наказ сыщикам⁴³³.

Те представители правящей верхушки, которые находились к 25 октября не в Троицком «походе», но несли важные службы, тоже получали соответствующие награды. Так, в феврале 1683 г. цари и регентша, согласно официальной записи, пожаловали главу московской правительственной комиссии боярина М. П. Головина «за ево службу, что он, будучи на Москве в смутное время, стрелцов от шатости унимал, велели ему своего государева жалованья денежные придачи учинить сто рублей и ис поместья в вотчину дать против ево братья, которые были за ними, великими государи, в походе в Троицком Сергиеве монастыре»⁴³⁴.

«Боярские люди», т. е. холопы-воины, во множестве съехавшиеся в полки со своими господами (последние приводили их иногда «с прибавкою» против нормы), по особому царскому указу от 25 октября⁴³⁵ тоже удостоились высочайшей похвалы и пожалования «на погреб» (т. е. на вино и водку) за приезд «в поход» в села Коломенское и Воздвиженское, Савво-Сторожевский и Троице-Сергиев монастыри «в скорых днях с самым добрым намерением». Слова царского указа о том, что холопы, «будучи на Москве в смутное время и ныне в полку, ни х каким смутным словам и к дурну не приставали, а от кого каких непристойныя слова слышали, и на тех извещали, а иные про то сказывали бояром своим», требуют поправок ввиду наличия явных неточностей. В целом было бы неверно отрицать тот факт, что холопы в значительной своей части не присоединились к восстанию и вместе с господами находились в стане его врагов, но все же источники засвидетельствовали их участие в той или иной форме в восстании, их попытки освободиться от своего холопского состояния в дни восстания, что вызвало соответствующие меры со стороны правительства. Относительно того, что холопы «извещали» о «непристойных словах», то, не отрицая этого факта, не следует забывать и об ином — другие холопы сообщали восставшим о своих господах, скрывавшихся от их гнева. Дело доходило до того, что стрельцы вставали на защиту холопов, которые вступали в их ряды, т. е. в число «мятежников», от притязаний господ. Так что о том, что все холопы, как

⁴³² А. Г. Маньков. Указ. соч. См. также: СО АН СССР, Ин-т истории, философии и филологии. Рукописный отдел Гос. публ. научно-технической б-ки, Собрание М. Н. Тихомирова, папка 22, лл. 1—2.

⁴³³ А. Г. Маньков. Указ. соч., стр. 60—73; Собрание М. Н. Тихомирова, папка 22, лл. 3—58 об.

⁴³⁴ ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Московского стола, д. 623, л. 206.

⁴³⁵ СГГиД, т. IV, № 155, стр. 469; ААЭ, т. IV, № 269, стр. 390—391; С. Медведев. Созерцание, стр. 162—163; ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Новгородского стола, д. 319, лл. 180—181; Столбцы Московского стола, д. 639, лл. 498—499.

это утверждается в указе 25 октября, «ни х каким смутным словам и к дурну не приставали», говорить не приходится, это— явная ложь правительственного акта.

Царскую грамоту с «похвалой» послали 26 сентября тяглицам Барашской слободы, представитель которой незадолго до этого приезжал в Троицу, чтобы донести о поимке сына окольничего Языкова, рассказывавшего о готовящемся якобы нападении бояр на московские посадские слободы, и о контактах посадских людей со стрельцами и солдатами. В этой грамоте тяглицев Барашской слободы хвалят за то, что они «не прельщаются» ни на какую «прелесть» по «смутным словам»; их призывают и впредь вести себя подобным образом⁴³⁶.

В окружных грамотах, рассылавшихся по всей стране, те же уговоры, обращения, предупреждения и угрозы обращены ко всему населению, в частности к служилым людям по прибору. Так, в грамоте белгородскому воеводе окольничему П. Д. Скуратову и дьяку П. Истомину после сообщений о казни Хованских и волнении в Москве в связи с этим указывалось прочесть грамоту служилым людям у приказной избы «всем вслух», похвалить стрельцов и солдат за то, что они «служили верно и никаким прелестным и смутным словам не верят и к ним (московским «мятежникам». — В. Б.) не пристаюи и во всем показывают к нам, великим государем, свою службу и верность и обычное повиновение и всякое послушание»; призвать и впредь не верить «прелестным письмам» Хованских и быть в надежде на царскую милость; если же эти «письма» объявятся где-либо, извещать о них властям, а при «объявлении» кого-либо из оставшихся в живых Хованских в украинских или порубежных городах арестовывать их и присылать в Москву.

Подобные же грамоты рассылались в Путивль, Бранск, Великие Луки, Тамбов и многие другие города⁴³⁷.

Провинциальное дворянство, не мобилизованное в полки, которые предполагалось направить против «мятежных» стрельцов и солдат столицы, было занято текущими годовыми службами или подготовкой к ним. Так, в начале сентября правительство, как уже отмечалось, распорядилось послать в Киев, Смоленск и другие города ряд стрелецких полков (что не было ими сделано, см. выше), а также служилых людей из московских и провинциальных дворян. Сохранилась грамота от 5 сентября ярославскому воеводе стольнику И. А. Аничкову и дьяку Зиновьеву, в которой указывалось ярославским дворянам «к нашей... служ-

⁴³⁶ ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Московского стола, д. 639, л. 5.

⁴³⁷ ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Московского стола, д. 639, лл. 185—188. Архив ЛОИИ, колл. 47, д. 302, лл. 1—6; ф. 157 (Ядринская воеводская изба), карт. 2, д. 325, лл. 1—3; ГБЛ, ОР, М 733, лл. 207 об.— 208 об.; ГПБ, ОР, Собр. грамот, д. 4671, лл. 1—3.

бе строитца, запасы свои готовить, лошади кормить и жить в домах своих, а к Москве никуда ни для каких дел из домов своих не разъезжатца и быть во всем наготове». Далее говорится, что указ о высылке их в полк будет прислан «вскоре». Подобные же грамоты были посланы в Переяславль-Залесский, Ростов, Кострому, Галич⁴³⁸ и, вероятно, другие города. Этот документ свидетельствует об обычной, так сказать, текущей деятельности Разрядного приказа, посылавшего ратных людей на различные службы, в частности, как было в начале сентября 1682 г., по «малороссийским вестям». Но обращает на себя внимание и следующее — правительство под прикрытием мобилизации войска для посылки в малороссийские города заранее готовило дворянские силы для борьбы с восставшими стрельцами и солдатами Москвы. 5 сентября оно приказывает дворянам-ярославцам быть наготове к службе по «малороссийским вестям», ни в коем случае не ездить в Москву (где сидели «мятежники») и дожидаться «вскоре» указа о назначении «в полк», а в октябре уже оказывается, что те же ярославцы вместе с дворянами других замосковных уездов находятся в составе полка П. С. Урусова в Переяславле-Залесском, т. е. в составе войска, подготовленного против «мятежников». Итак, правительство, объявляя в начале сентября о посылке войск — дворян и стрельцов — в малороссийские города, хотело вывести из столицы «мятежные» полки, а дворянское ополчение готовило не только для этой посылки, но и для борьбы со стрельцами и солдатами. Поскольку заставить стрелецкие и солдатские полки покинуть столицу не удалось, то дворяне (возможно, не все, а только из уездов ближнего и дальнего Подмосковья) были призваны в полки, кольцом охватившие «мятежную» Москву.

Таким образом, правительство Софьи приняло экстренные и энергичные меры для борьбы с восставшими. Главное место среди них занимала, конечно, мобилизация вооруженного дворянства. Класс феодалов единодушно встал на защиту своего правительства от социально враждебных им стрельцов и солдат, и последние быстро капитулировали. По словам С. Медведева, «они же, слышавше о собрании многочисленного воинства, день от дне начаша страшитися и от гневныя ярости и жестоты преставати». Они думали о том, «како бо им противу самодержцев и всего государства возможно будет стояти, и кто и откуда им помогати имать, всякия запасы откуда возимеют?»⁴³⁹.

А. А. Матвеев отмечает, что стрельцы начали переговоры с правительством, «увидя, что уже невозможно было противу zelo сильного рожна пратися...»⁴⁴⁰

⁴³⁸ ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Новгородского стола, д. 322, лл. 602—605. Архив ЛОИИ, ф. 134, оп. 1, д. 636, лл. 1—4.

⁴³⁹ С. Медведев. Созерцание, стр. 116—117.

⁴⁴⁰ А. А. Матвеев. Записки, стр. 47.

ОКОНЧАНИЕ ВОССТАНИЯ

ПЕРЕГОВОРЫ ВОССТАВШИХ С ПРАВИТЕЛЬСТВОМ. КАПИТУЛЯЦИЯ

(переговоры правительства с Москвой; обстановка в столице; делегация из Москвы в Троицу; статьи 3 октября; капитуляция восставших; проезд двора в Москву)

Правительство поняло настроение стрельцов и солдат уже на второй день после казни их выборных и Хованских — 19 сентября — присланный Иоакимом архимандрит Андриан известил, что стрельцы и солдаты просят царей вернуться в столицу и что у них «никакова умыслу нет» (см. выше). Ответ правительства с предложением прислать выборных для челобитья о своих делах означал по существу начало переговоров между двумя сторонами. Медведев в связи с миссией Андриана замечает, что Иоаким послал его по просьбам «служивых», моливших его «со слезами», «чтобы он, яко истинный пастырь, о них, бедных, за их грехи в таковую ярость и безумство пришедших... ко благочестивым же государем царем прошением попечение сотворил». Они просили, чтобы цари возвратились в столицу «и их бы от напрасного страха милостию и приходом своим обрадовали и от смущения усмирили». Но, добавляет автор, «о том тогда отказано».

Почувствовав слабость стрельцов и солдат, правительство послало в Москву «во начальство и управление» боярина М. П. Головина, который был там до возвращения двора, «стяжав терпение и досаждение немало». 21 сентября в столицу прибыл Л. Т. Голосов, который «их, служивых, уговаривал, им прочитали царские грамоты (см. выше) с предложением, чтобы они «для челобитья дел своих, кому надобно, шли бы в поход»⁴⁴¹. Днем ранее, 20 сентября, правительство направило грамоту в Москву к патриарху Иоакиму и стрельцам и солдатам с требованием о присылке представителей «для челобитья» (см. выше).

⁴⁴¹ С. Медведев. Созерцание, стр. 117—118.

Между тем в Москве стрельцы и солдаты днем и ночью, человек по 200 и 300, «стужали» патриарху: «Чесо ради великие государи Москву покинули, все же государство и нас без управления оставили, яко мы и между собою не знаем, что содеяти, а хотят нас бояре с холопи своими без остатку всех искоренить». С. Медведев, передающий эти слова восставших, приписывает им тайные замыслы — перебить бояр, которые придут в Москву вместе с царями⁴⁴². Трудно сказать, насколько соответствуют действительности эти сведения С. Медведева, автора, впрочем добросовестного, наблюдавшего лично события, происходившие в Москве (а отчасти и в Троице). Во всяком случае, вполне возможно, что часть наиболее радикально настроенных стрельцов и солдат продолжала отстаивать планы расправы с боярами — «изменниками», в то время как другие выступали противниками подобных планов. О распре, разногласии среди стрельцов и солдат сообщает тот же автор, описывая их реакцию на известие о казни выборных и Хованских. Это отсутствие единства, противоборство двух течений в стрелецко-солдатской среде продолжало самым губительным образом подтачивать силу восстания, которое быстро шло на убыль.

Убедившись, что «на их руку не успеваает ничто же», что к царям со всех сторон идут ратные люди «и собралось войско великое», а «о их злобе начала быти во всем государстве молва великая, что странное дело... невегласом-мужиком владети или начальствовати людми разумными и величайшим господам и самодержцам... указывати или противу их царского величества стояти упорно», стрельцы и солдаты стали просить Иоакима и М. П. Головина, чтобы послали из их числа двух человек «в поход и тамо милости у государей попросити, еже бы изволили их братье быти в поход лутчим людем, коликим изволят»⁴⁴³. В этих словах обращает на себя внимание косвенное признание того факта, что восставшие с конца весны и до начала осени были хозяевами положения в столице государства и даже «владели», «начальствовали» над «людми разумными», под которыми Медведев, как можно понять, имеет в виду представителей правящей верхушки. Те же «невегласы-мужики» «указывали» боярам («величайшим господам») и даже самим самодержцам, «противу» их «стояли упорно». Все это подтверждает небывалый в русской истории факт противостояния «невегласов-мужиков» правителям государства в самой его столице.

С другой стороны, Медведев, концентрирующий внимание на неспособности простолудинов к делам по управлению правительственными делами, о чем-де началась «во всем государстве молва великая» (это неверно, так как во многих местах этого

⁴⁴² С. Медведев. Созерцание, стр. 118—119.

⁴⁴³ Там же, стр. 119.

государства вспыхнули волнения или восстания в поддержку московских «бунтарей»), оказывается прав — ведь стрельцы и солдаты и не мыслили государственного устройства без царей и бояр, желая только, чтобы они были «хорошими». Поэтому они и просили не раз, чтобы цари (с двором, конечно) вернулись в Москву. Сами же восставшие в лучшем случае влияли на высших правительственных деятелей (регентшу Софью, И. А. Хованского и др.) через своих выборных. После казни их выборных и «батьюшки» Хованского с сыном они растерялись. Затем они снова обращаются к представителям власти — Иоакиму и боярину Головину, чтобы вступить в контакт с правительством. Стрельцы и солдаты боялись наказания в Троице или гибели по пути туда от холопов и поэтому выделили из своей среды двух человек, которых по их просьбе боярин М. П. Головин послал к царям со своей отпиской. Из Троицы последовал ответ боярину, в котором указывалось, чтобы стрельцы и солдаты прислали в Троицкий монастырь по 20 «лутчих людей» из каждого полка.

Все из-за тех же страхов «служивые» обратились 24 сентября к Иоакиму с просьбой послать с этими «лутчими людьми» какого-нибудь архиерея «от себе о них с прощением и в предводительстве». Патриарх, который помышлял «всячески о умирении и како бы тое смущение утолити», отправил с ними суздальского и юрьевского митрополита Илариона⁴⁴⁴.

Все эти переговоры происходили, очевидно, в течение нескольких дней, начиная с приезда в Москву 21 сентября Л. Т. Голосова, привезшего царские грамоты с предложением стрельцам и солдатам прислать челобитчиков. Их делегация численностью приблизительно около 400 человек (по 20 человек от каждого полка) во главе с митрополитом Иларионом выехала из столицы 25 сентября «уже к вечеру». Они везли с собой грамоту Иоакима от 25 сентября, в которой правительству сообщалось о посылке в Троицу 10 экземпляров патриаршего сочинения «Увет духовный», направленного против раскольников и «государским повелением» напечатанного «в тыя же дни» второй половины сентября, и о поездке выборных из всех полков с челобитьем⁴⁴⁵.

По пути выборные также боялись нападения ратных людей «ис похода», т. е. посланных царями, и несколько раз хотели было вернуться в Москву. Но Иларион и стрелецкий полковник стольник М. Ознобишин, который ехал в Троицу «с служивыми», уговорили их, и утром 26 сентября они продолжили путь. По дороге в Троицу они видели «множество всяких чинов служивых людей, к великим государем непрестанно идущих». В Воздвиженском, где казнили Хованских, выборные ходили

⁴⁴⁴ Там же, стр. 119—120.

⁴⁴⁵ Там же, стр. 120—122; ААЭ, т. IV, № 260, стр. 371—372.

толпами и, «воздыхающе», плакали, а некоторые «ис того села... убежали к Москве и сказали, что будто уже тех их товарищев всех переказнили». Оставшиеся, «отчаявшие... жизни своя, по прощавшеса меж себе, яко на смерть». После новых уговоров Илариона они продолжали путь.

Правительство, чтобы успокоить испуганных выборных, послало им навстречу стольника И. И. Нармацкого с «государскими милостивыми словами». После возвращения посланных ими в Троицу двух человек, которые подтвердили слова стольника, они, окончательно уверившись в своей безопасности, прибыли в резиденцию правительства 27 сентября «в час третий», т. е. рано утром. В составе делегации находился, между прочим, и С. Медведев, который сообщает: «И яко бы мы тогда приидом тамо из какия далния страны, вси бо тамо людие всяких чинов любезно вопрошаху: „Како приидосте? Что деется в царствующем граде? Жив ли той человек или овый?“»⁴⁴⁶

27 же сентября правительство сообщало из Троицы московским властям, что стрелецкие выборные пришли к Троице «в целости», но некоторые «своровали, з дороги збежали к Москве и на Москве надворные пехоты всеми полками возмутили и учинили всполохи большие, вместе воровские смутные слова, чего не бывало». Боярин М. П. Головин получил указание известить московских стрельцов, чтобы они «тех беглецов воровским смутным словам не верили», а самих беглецов «изымать»⁴⁴⁷.

С. Медведев с умилением и славословием в адрес Софьи описывает, как она «со множеством царского сигклита ближних людей» принимала делегацию, стоя на южной церковной паперти Успенского собора Троицкого монастыря. В своей речи, которую, можно полагать, слышал автор, передавший ее, конечно, в соответствующей литературной обработке, регентша начала с упреков в адрес восставших: «О, люди божии! Како вы не убоястеса бога? Како *востасте на величайших благочестивых самодержцев и на весь царского нашего величества сигклит, на бояр и ближних людей*, и на всех людей во всем Московском государстве вознеистовистеса... Почто поидосте по своим волям зло творити? Чесо ради, вознеистовяся, хотесте за нами войною воровски на погубление ити?» Софья, таким образом, вполне ясно заявила, что выступление стрельцов и солдат весной — осенью 1682 г. являлось восстанием против всей правящей верхушки во главе с самодержцами, хотя ранее она говорила об их действиях, результатом которых явилось провозглашение Ивана первым царем, а ее — регентшей, как о «промысле божьем». Но если тогда ею руководили определенные тактические сооб-

⁴⁴⁶ С. М е д в е д е в. Созерцание, стр. 122—124, 126.

⁴⁴⁷ ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Московского стола, д. 639, лл. 616—618.

ражения, а также сознание своего полного бессилия, то теперь она имела полную возможность высказывать об этих событиях то, что она думала как представитель своего класса. Теперь она не останавливалась перед обвинением в адрес стрельцов и солдат в том, что они «вознеистовились» не только на царей и царский «сигклит», но и на «всех людей» Российского государства, хотя ей, конечно, прекрасно было известно, что они выступили против своих обидчиков из числа правителей и непосредственных начальников, а их действия нашли поддержку у довольно широких слоев населения Москвы и провинции.

Софья снова резко указала стрельцам и солдатам их место: «Аще есте раби, где есть боязнь ваша?» Выборные, «точию плачуще», отвечали: «Винни есми, винни! Согрешихом, согрешихом! Бога и ваше величество прогневахом, прогневахом!»⁴⁴⁸

В своей сказке от 25 сентября, написанной от имени стрельцов, солдат всех выборных полков, пушкарей, гранатчиков, воротников и ямщиков, они обещают «служить и работать безизменно ж и безо всякие шатости», заявляют, что у них на царей и их думных и ближних людей «никаково злоумышления нет и впредь не будет», что оружие и запасы, взятые из казны, «ныне в полкх в целости». «А которым полкам велено ныне быть на службе... в Киеве, и на тое службу готовы»⁴⁴⁹.

Софья выразила удовлетворение тем, что восставшие «вину приносят». Но тут же, будучи хорошо осведомленной о том, что делается на Москве, дала понять, что ее беспокоит наличие в стрелецко-солдатской среде людей, несогласных, очевидно, с готовящейся капитуляцией: «Но суть у вас, яко слышим, и еще в полкх ваших ныне на Москве злонравнии люди развращенная глаголющи». Она призывает выборных: «...возвратившеся к Москве, в явлении нашея милости утвердите в полкх сущах вашу братию от всякого зла и от нововводных обычаев, чего не бывало (в частности, от «кругов злосоветных по-казацки». — В. Б.), и от стрелбы из ружья престаните, и взятое из царския казны всякое ружье, зелье и свинец, и пушки, все, собрав в места своя, по-прежнему положите». После этого, требует регентша, стрельцы и солдаты с «виновным челобитьем» и с «усердным покорением» снова должны прийти к царям в Троицкий монастырь, «и тогда оставление и совершенное примете прощение; а донели же сего не сотворите вскоре, не благо вам будет, ибо великие государи пойдут силою многою неисчислимаго воинства на вас». Это был настоящий ультиматум с угрозой расправы в случае неподчинения восставших его условиям. Выборные тут же выразили покорное согласие: «Все по воли вашей государственкой сотворим, точию молим державу вашу,

⁴⁴⁸ С. Медведев. Созерцание, стр. 126—128.

⁴⁴⁹ Там же, стр. 128—129; ААЭ, т. IV, № 261, стр. 372.

потерпите нам, бедным, донели же паки к вам, государем, возвратимся»⁴⁵⁰. Выборные поспешили в Москву к своей «братье».

Правительство в грамотах патриарху и М. П. Головину от 29 сентября⁴⁵¹ сообщало о переговорах с делегацией от стрельцов и солдат и о своем требовании о присылке «без мешкоты» в Троицу новой делегации выборных с «челобитными за своими и отцов своих духовных за руками» от всех полков, чтобы «о всем, и от кого у них в полках нынешняя смута учинилася, написали подлинно». Требуя, таким образом, назвать «заводчиков» восстания, правительство затем, выдавая свою постоянную боязнь перед возникновением новых волнений, требует также не чинить в столице никакого «смятения», в частности приводить к боярину М. П. Головину «с товарищи» людей, которые «учнут вмещати на смуту какие слова или говорить какие непристойные речи», приносить «прелестные и смутные писма», и настаивает: «а у себе всяких и иных никаких воровских людей не держали и их нигде не укрывали, и за них никогда не стояли никакими мерами, и никаких прелестных писем у себя не таили, и по полком писменных пересылок не держали, чтобы от того впредь смуты и смятения не было». Далее указывается, чтобы всякое оружие и запасы, разобранные из казны «по себе» и розданные «розных чинов людем без нашего... указу», были «в целости до нашего... указу», чтобы «прибылые караулы», поставленные восставшими по всему городу, они «свели ныне без мешкоты», а также чтобы «всяких чинов людей с Москвы и к Москве пропускали без задержанья». Одним из пунктов было также требование об освобождении людей, арестованных восставшими и сидевших «за караулы» «в полках» по съезжим избам и «в розных местех». Правительство по этому поводу еще раньше посылало грамоты московским властям⁴⁵². Стрельцы и солдаты должны были «отдать» московским властям Г. П. Языкова и «иных таких людей, которые, к ним приходя, небылые слова на смуту вмещали»; указывалось также арестовать и тотчас прислать к Троице И. И. Хованского. В одной из своих отписок московские власти сообщали об исполнении распоряжения правительства о «сыскании» И. И. Хованского, Г. П. Языкова и других чинивших «смуту» людей и их посылке к Троице⁴⁵³.

⁴⁵⁰ С. Медведев. Созерцание, стр. 129.

⁴⁵¹ ААЭ, т. IV, № 263, стр. 376—378; С. Медведев. Созерцание, стр. 131—134.

⁴⁵² ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Московского стола, д. 639, лл. 179, 184 (грамоты от 22 сентября с указанием об освобождении из-под ареста сидевших в Приказе надворной пехоты, съезжих избам полуполковника Д. Ця, холопов боярина М. И. Лыкова и «иных розных чинов и боярских людей»).

⁴⁵³ Там же, лл. 518—522. И. И. Хованского арестовали стольник и полковник И. Огибалов, дьяк И. Максимов, 2 капитана и 20 стрельцов «стенного караулу», а Г. Языкова, Д. Коптева «да ево, Григорьева (вероятно, Г. Язы-

Снова повторялось требование о походе на службу в Киев «без замотчанья» намеченных к тому полков, ранее отказавшихся подчиниться приказу.

Только после выполнения всех этих условий стрельцам и солдатам было обещано прощение, о чем им сообщалось в грамотах, посланных со стольником и полковником М. Ознобишиным.

В своих челобитных⁴⁵⁴ стрельцы и солдаты всех полков снова повторяли обещания о верной службе, писали, что оружие и припасы взяли из казны после слов И. И. Хованского и Г. П. Языкова, но оно все «в целости». 2 октября патриарх Иоаким в грамоте⁴⁵⁵ сообщал о поездке новой делегации в Троицу «с повинными челобитными» и посылке с ними того же чудовского архимандрита Андриана.

3 октября Софья снова «зело многими словесы... увещевала» прибывших в Троицу с челобитными выборных, простила им их «вины» и возвестила царскую милость «вместо чаемыя за их вину смерти и горких мучений», о чем правительство сообщало Иоакиму в грамоте от 5 октября⁴⁵⁶. Условия капитуляции стрельцов и солдат излагались в специальных «статьях», посланных в полки.

В «статьях» от 3 октября⁴⁵⁷ сначала кратко излагается правительственная версия движения 1682 г. («самовольное» правление Хованских, их казнь, «смятение» в столице, переговоры восставших с властями в Москве и в Троице). Основная цель «статей» сводилась к тому, чтобы не допустить повторения событий, подобных тем, которые происходили в столице в мае — сентябре 1682 г. Стрельцы и солдаты, которые-де «по... милостивому призрению (на самом деле в результате восстания.— В. Б.) от всяких тягостей и от работ освобождены и их государским жалованьем наполнены и всем удовлетворены, чево деды и

кова.— В. Б.) человека Степку Семенова да Федорова человека Языкова Микиту Тавлеева» доставили в Приказ надворной пехоты стрельцы полков В. Лопухина и П. Борисова. Всех их повезли в Троицу стольники и полковники С. Полтев и В. Лопухин, полуполковники Ф. Колзаков и И. Нечаев, 2 капитана и 20 стрельцов. С ними же послали патриаршего крестьянина, приведенного 30 сентября солдатами из Бутырской слободы. 1 октября И. И. Хованского допрашивали в Москве «перед бояры», но допрос, к сожалению, не сохранился. И. И. Хованского повезли 2 октября к Троице, откуда сослали в ссылку в Сибирь вместе с женой.— С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 337—338; М. Н. Тихомиров. Записки, стр. 455.

⁴⁵⁴ ААЭ, т. IV, № 264, стр. 378—379; С. Медведев. Созерцание, стр. 134—136.

⁴⁵⁵ ААЭ, т. IV, № 265, стр. 379—380. С. Медведев. Созерцание, стр. 136—138.

⁴⁵⁶ ААЭ, т. IV, № 266-I, стр. 380—381; С. Медведев. Созерцание, стр. 138—141.

⁴⁵⁷ ААЭ, т. IV, № 266-II, стр. 381—387; С. Медведев. Созерцание, стр. 141—151; ЦГАДА, ф. 210. Столбцы Приказного стола, д. 609, лл. 91—119.

отцы их не видали, а ныне от них же в таких великих и тяжких винах пощажены и от смерти свободны учинены», должны «тое их государскую премногую милость платить и нынешние свои вины заслуживать головами своими, а никакое дурно не мыслить», не затевать никакого «смятения», не приставать к раскольникам и к «иным воровским людям» «и для того по-прежнему зборов не чинить, и с ружьем в город и никуды не приходиться, и кругов по-казачью не заводить, и воровских ясаков не вымышлять, и каланчей не именовать, и никаким образом мимошедших дел не всчинать и не делать, и тем не похваляться, и никому не уграживать». Им приказывалось приводить к властям людей, которые будут затевать «злые умыслы» или говорить «похвальные слова», «непристойные речи», приносить «прелестные и смутные писма».

Регламентируется порядок подачи ими челобитных: «Многолюдством и с невежеством, и с шумом не приходиться и никакой наглости не чинить, а приходиться... с учтивостью», не вступаться «ни в какие чужие дела».

«Статьями» стремятся предотвратить всякое «своеволие» с их стороны (расправы, аресты, бесчестье и т. д.), как это было в дни восстания, и приказывают «быть у полковников во всяких государских делах в послушании и в подобострастии безо всякого прекословия и ослушанья». Повелевается сдать на Пушечный двор всякое оружие и припасы, отправиться на службу в Киев предназначенным для этого ранее полкам.

Составители «статей» особо оговаривают требование о том, чтобы «на Москве и в городех ни у ково дворов себе не отимать и людей (холопов. — В. Б.) и крестьян в пехотной строй и на свободу не подговаривать и свойственниками их не называть и за них в челобитчиках не ходить». Тех холопов, крестьян и гулящих людей, которые «в нынешнее смутное время писаны в солдаты и в надворную пехоту», велено «выкинуть ис того строю всех и отдать их помещиком их и вотчинником по крепостям, а гулящих людей переписать, кто имяны и откуда, и давно ли пришли, а, переписав, отпустить их в дома их, где кто живал наперед сего, а на Москве их не держать и жить им не велеть, чтобы от таких гулящих людей воровства не было». Повторялось требование «не вступатца никакими делы» в дело о казни Хованских, не затевать «никакова зла» по их «смутным словам» и «писмам». За похвалу прежней «смуты» и «завод» новой «статьи» грозили смертной казнью «безо всякого милосердия».

3 октября эти «статьи» прочитали в Троицком монастыре выборным, которые от имени стрельцов и солдат «обещалися с радостью» исполнить все по царскому повелению. Заготовленные с этих «статей» списки (копии), которые скрепили своими подписями думные дьяки В. Г. Семенов, И. С. Горохов, Е. И. Украинцев и Ф. Л. Шаковитый, были посланы в Москву

к Иоакиму с повелением отдать их в полки в Успенском соборе Кремля «перед Спасовым образом» с соответствующим поучением. Иоакиму и М. П. Головину послали грамоты ⁴⁵⁸.

В воскресенье 8 октября в Успенском соборе «по святей божественной литургии» стрельцам и солдатам прочитали указные статьи и царскую грамоту патриарху. Иоаким в проповеди «доволно учаше» их, «какo властем преддержажим повиноватися подобает». В своей «епистолии» от 10 октября патриарх сообщает, что все происходило «при множестве тесноместимых народов», а стрельцы и солдаты всех полков «никаких же вин и порицаний не глаголаша, но вси писанная прияша». Они взяли те указные статьи при боярине М. П. Головине «с товарищи», полковниках и всем народе, затем «чтоша» их по своим съезжим избам «и тамо (яко слышахом) прияша любезно вси без всякого прекословия», об этом известили его выборные в Крестовой палате 9 октября. В тот же день в Успенском соборе и во всех церквях в стрелецких слободах пели молебны «с доволным ударением компанов». Патриарх снова обратился к стрельцам и солдатам с проповедью, призывая их оставить «всякое зломысльство» ⁴⁵⁹.

Приехавший 11 октября в Троицу игумен Воздвиженского монастыря Ефрем «с служивыми людьми» известил царский двор о наступившем «мире». Власти обрадовались этим известиям. По словам С. Медведева, «возвеселишася же многочисленного воинства народи, сущия тамо, яко мирствование бысть». Для этого «веселия» имелись веские причины, «зело бо нужда осенняя постиже, дожди и воздушныя мятежи, слота и грязи велми обыдоша, скудость же конских кормов и всяких запасов такому множеству людей собранному немалая бысть». Правительство, почувствовав большое облегчение, послало похвальную грамоту Иоакиму (13 октября) ⁴⁶⁰. Несмотря на то, что вокруг Москвы собрали немалые ратные силы, правительство не было окончательно уверено в благополучном и, главное, быстром исходе борьбы с московскими «мятежниками», если бы дело дошло до серьезного столкновения. Ведь в столице под прикрытием укреплений сидели в осаде вооруженные стрелецкие и солдатские полки, к которым присоединилось, вероятно, немало посадских, гулящих людей, получивших из их рук оружие; в их рядах имелись также холопы и крестьяне.

⁴⁵⁸ ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, д. 609, лл. 85—89; Столбцы Московского стола, д. 639, лл. 597—609, 635; АИ, т. V, № 96, стр. 148—150.

⁴⁵⁹ С. Медведев. Созерцание, стр. 141, 151—155; ААЭ, т. IV, № 267, стр. 387—389; АИ, т. V, № 97, стр. 150—152; ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Московского стола, д. 639, лл. 630—631 (отписка боярина М. П. Головина «с товарищи»).

⁴⁶⁰ С. Медведев. Созерцание, стр. 155—159; АИ, т. V, № 97, стр. 152—154.

Складывался, таким образом, своеобразный блок из низших слоев московского и окрестного населения, и он мог представить грозную силу. Правительство не могло не учитывать такой возможности. К тому же наступили осенние холода и распутица, начал ощущаться недостаток запасов для ратных людей и фуража для их лошадей. Всем этим объясняется осторожная тактика правящих верхов, которые, выдвигая все новые и все более жесткие требования, в то же время стремились не слишком отпугнуть стрельцов и солдат — не угрожали им казнями и ссылками, более того, «простили» им «вины», дипломатично умалчивали об их расправах с властью имущими 15—17 мая и в последующее время и о казни их выборных вместе с Хованскими 17 сентября. Невиль по поводу соглашения между правительством и восставшими, которые «стали искать средства к примирению», отмечает, что царский двор на это «охотно согласился, ибо, сказать правду, он только этого и желал»⁴⁶¹. К тому же правительство в начале переговоров, очевидно, еще не располагало нужными силами. С. К. Богоявленский считает, что ко времени отъезда Хованских из Москвы в Воздвиженское перевес в силах был на стороне стрельцов, солдат и присоединившихся к ним «людей всякого звания»⁴⁶². Численность дворянского войска быстро увеличивалась, и правительство охотно демонстрировало его мощь перед представителями восставших, прибывавшими в Троицу.

Достигнув поставленной цели, правительство распустило по домам дворянское войско и холопов. Тогда же были отданы распоряжения о соблюдении порядка и спокойствия в столице, об охране царского дворца в Кремле дворянскими сотнями⁴⁶³. Запрещались всякие «ссоры» и «задоры» между дворянами, холопами и стрельцами и др.

Стрельцы в челобитных от 28 и 29 октября⁴⁶⁴ «просили» правительство разрушить каменный «столп», поставленный по их челобитью в начале июня. Здесь они впервые в извинительном тоне говорят о своих майских расправах («грех ради наших... учинился побиение на Красной площади и во многих разных местах, и тем мы... бога и вас, великих государей, прогневали»), инициативу же в подаче июньского «неправого челобитья» о сооружении «столпа» и выдаче царских жалованных грамот приписывают «ворам и расколщикам» А. Юдину «с товарищи»,

⁴⁶¹ Невиль. Записки, стр. 441.

⁴⁶² С. К. Богоявленский. Хованщина, стр. 219.

⁴⁶³ СГГид, т. IV, № 155, стр. 465—469. ААЭ, т. IV, № 268, 269, стр. 389—391; С. Медведев. Созерцание, стр. 159—163; ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Новгородского стола, д. 319, лл. 172—187.

⁴⁶⁴ ААЭ, т. IV, № 270, стр. 391—392; С. Медведев. Созерцание, стр. 163—164; ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Московского стола, д. 639, лл. 373—376.

казненным 17 сентября, и «по потачке всякому дурну отцу их» боярину кн. И. А. Хованскому с сыном Андреем. Тем самым составшие вынуждены были согласиться с правительственной версией, согласно которой восстание выглядело не подвигом в защиту справедливости, а мятежом, бунтом.

2 ноября посланный М. П. Головиным стольник и полковник Л. Ермолов со стрельцами сломал столп — весь буттовый камень и кирпич свезли к Земскому приказу, а жестяные листы, на которых был вытиснен текст жалованной грамоты, «сажены того же дня»⁴⁶⁵.

В ноябре, декабре и позднее, в следующем 1683 г., одни стрельцы и солдаты из полков приносили в Стрелецкий приказ тексты июньских жалованных грамот, у других их отбирали по распоряжению властей⁴⁶⁶. Приказ надворной пехоты, согласно приговору Боярской думы, по «челобитью» стрельцов снова стал именоваться Стрелецким приказом⁴⁶⁷, как он назывался до 28 июня того же года⁴⁶⁸; стрелецкие приказы велено было именовать полками, поскольку стрелецкие головы именовались уже полковниками.

В ноябре 1682 г. правительство выдало в полки новые жалованные грамоты⁴⁶⁹. В них снова, но более подробно, изложена официальная версия событий восстания, начиная с подачи стрельцами и солдатами челобитных в конце апреля. Майские события приписываются «злохитросному умышлению» Хованских и их «единомышленников, воров и раскольников святые церкви и ругателей Алешки Юдина с товарищи», которых казнили 17 сентября «за то их многое воровство и за измену, и за возмущение в народе, и на наше, великих государей, здоровье и на державу нашу злой умысл, и за подисканье над Московским государством». В соответствии с челобитными стрельцов и солдат правительство снова прощает их «вины» и «преступления», запрещает называть «изменниками и бунтовщиками и грабителями», но не вообще, а «напрасно или по какой недружбе», казнить и ссылать их без царского указа, наказывать «без подлинного розыску». Стрельцы получают жалованье «сполна без

⁴⁶⁵ С. Медведев. Созерцание, стр. 164—165; М. Н. Тихомиров. Записки, стр. 456.

⁴⁶⁶ ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Московского стола, д. 618, лл. 53—57 (памяти из Стрелецкого и Разрядного приказов от 27—28 мая 1682 г., послывшие во все приказы).

⁴⁶⁷ ЦГАДА, ф. 141, 1682 г., д. 202, л. 1 (указ датируется 22 декабря 1682 г.; то же: ПСЗ, т. II, № 975); ф. 210, Столбцы Московского стола, д. 633, ст. 4, лл. 7—8 (память в Разрядный приказ от 17 декабря 1682 г.; здесь указ о переименовании Стрелецкого приказа в Приказ надворной пехоты датируется 28 июля 1682 г.).

⁴⁶⁸ Там же, д. 628, лл. 316—319 (указ датируется 28 июня 1682 г.).

⁴⁶⁹ ААЭ, т. IV, № 271, стр. 392—396; С. Медведев. Созерцание, стр. 166—172.

вычета и безволочитно и от приказных людей без всяких взяток и корысти». К прежним подъемным 2 руб. прибавляется еще 1 руб. «по тому ж без всяких вычетов», а на всякое полковое «строение» (оковыванье пушечных станков и колес, изготовление знамен и барабанов и т. д.) разрешено деньги брать из приказа. Указывается на полковников и их друзей никаких работ не исполнять, денег не брать. Взамен стрельцы и солдаты должны быть «в нашем государском повелении и во всяком обыклом повиновении и послушании», не затевать в будущем никакого «дурна».

Таким образом, правительство, ликвидируя восстание, тем не менее было вынуждено идти на признание некоторых его прямых результатов, достигнутых восставшими стрельцами и солдатами.

Приведение в «спокойствие» московских посадских людей прошло гораздо быстрее. В одной из отписок М. П. Головина сообщается о чтении торговым и посадским людям в слободах и сотнях царской грамоты, присланной 22 сентября; они за царскую «милость» били челом, пишут московские власти, «и вашу великих государей грамоту приняли с радостью»⁴⁷⁰.

Грамота московским торговым и посадским людям была послана из Троицы 21 сентября; в ней сообщалось о казни Хованских, они призывались не присоединяться к «мятежу»⁴⁷¹.

В отписке боярина кн. Ф. Ф. Куракина «с товарищи» после 2 октября говорится, что в этот день, 2 октября, гости, торговые и тяглые люди разных слобод снова били челом на царской «милости» в присланной им грамоте из Троицкого монастыря; ее объявили «во весь мир», и «все они обрадовались»; московские власти отпустили их для челобитья («за вашу милость») в Троицкий монастырь по 2—3 человека от каждой сотни и слободы и 8 сотских и старост от черных слобод⁴⁷².

Грамоты о казни Хованских и прекращении восстания рассылались по градам и весям с повелением читать всем людям и предупреждать их от всякого «смятения». Местные власти доносили об исполнении этого указа. Так, козловский воевода сообщал в Москву, что грамота «чтена» жителям, которые «о вашем государском здорovie все зело обрадовались», били челом за царскую «милость», обещались служить верно и «обыклом повиновение и всякое послушание чинить и впредь ради»⁴⁷³.

⁴⁷⁰ ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Московского стола, д. 639, л. 636.

⁴⁷¹ Архив ЛОИИ, колл. 249, д. 76, лл. 1—4.

⁴⁷² ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Московского стола, д. 639, л. 523; Ф. Ф. Куракин приехал в Москву 2 октября и возглавил правительственную комиссию. но вскоре был «отпущен» в Троицкий монастырь — там же, л. 557.

⁴⁷³ ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Белгородского стола, д. 1029, лл. 117—120.

Только после «умирения» столицы и принятия мер по наведению в ней порядка и охране царского дворца двор и правительство, в течение полутора месяцев тщательно и осторожно готовившие это событие, решились, наконец, на возвращение. Выезд из Троицы состоялся 27 октября, въезд в столицу — 3 ноября⁴⁷⁴.

Вскоре по возвращении в Москву правительство назначило главой Стрелецкого приказа окольничего В. А. Змеева, а 10 декабря — думного дьяка Ф. Л. Шакловитого⁴⁷⁵. Еще раньше, в октябре, состоялись утверждения в должностях начальников Московского и Владимирского судных, Разбойного приказов, Палаты расправных дел, другие назначения членов правительства⁴⁷⁶. Возглавлявший правительство боярин кн. В. В. Голицын еще по указу от 19 октября стал именоваться пышным титулом: «Царственные большие печати и государственных великих посольских дел оберегатель»⁴⁷⁷.

ДЕКАБРЬСКИЕ ВОЛНЕНИЯ. ДВИЖЕНИЕ В СТРЕЛЕЦКОМ ПОЛКУ П. БОХИНА

(волнения в стрелецких полках; «мятеж» стрельцов полка П. Бохина; расправа правительства; капитуляция стрельцов; указы от 27 декабря 1682 г. и от начала января 1683 г.)

Правительство с большим чувством облегчения восприняло прекращение «смуты». Но оно испытывало явную неуверенность — именно этим объясняется тот факт, что оно с готовностью согласилось на мирное решение дела, отказалось, как это было 20 лет назад, в 1662 г., и 16 лет спустя, в 1698 г., от массовой расправы с восставшими и организации кровавого розыска, согласилось признать некоторые, как бы теперь сказали, завоевания восставших, зафиксированные в ноябрьских жалованных грамотах.

Основания для беспокойства у правительства оставались — искры недовольства могли вспыхнуть в только что «замиренной» столице, они тлели и вспыхивали в провинции.

В столице после возвращения двора как будто воцарилось спокойствие. Правда, иногда оно нарушалось. Так, в ночь на

⁴⁷⁴ Там же, Столбцы Новгородского стола, д. 319, лл. 188—193; Столбцы Московского стола, д. 639, лл. 380—381; С. Медведев. Созерцание, стр. 165 (въезд в Москву датирован 6 ноября); М. Н. Тихомиров. Записки, стр. 455—456 (двор из села Алексеевского собирался переезжать в Коломенское, но прибывший в Алексеевское Иоаким уговорил его «итти» в Москву, где «все, дал бог, смирно и тихо»).

⁴⁷⁵ С. Медведев. Созерцание, стр. 165, 172.

⁴⁷⁶ ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, д. 1152, л. 108; Невиль. Записки, стр. 441—442.

⁴⁷⁷ СГГид. т IV, № 154, стр. 464.

17 ноября какие-то люди «приходили воровски многолюдством» на двор И. И. и М. И. Давыдовых. Пришедшие все разгромили, разломали и разбросали, разогнали всех «людишек», владельцев двора. Дело этим не кончилось. «А нынче», — сообщают Давыдовы в своей челобитной уже после погрома, — эти «воры» приходят снова ко двору и похваляются «на нас и на людишек наших смертным убивством и всяким дурном»⁴⁷⁸.

Уже в декабре, т. е. полтора-два месяца спустя после «заморения», вспыхнули волнения в стрелецких полках, в особенности в одном из них — в полку П. Бохина, расквартированном в Замоскворечье. С. Медведев сообщает, что в этом месяце «служивыя убо тиижде люди в стрелецких полках в месяце декабре... скоро забыша (царскую «милость», т. е. прощение их «вин» и выдачу жалованных грамот. — В. Б.) и в развращении мыслей своих паки придоша, возвратилися бо из их полков мнози на первая своя дела мятежная и начали паки мястися и преслушание творити». Эти слова не дают возможность конкретно представить форму новых выступлений стрельцов, но ясно, что речь идет об их неподчинении властям, каких-то попытках снова начать такие «дела», какими было ознаменовано их восстание в конце апреля — сентябре 1682 г.

Тот же автор особо отмечает роль полка П. Бохина, все стрельцы которого («всем полком») «учинилися великих государей указу преслушны» — они приходили, нарушая «указные статьи» 3 октября, в Стрелецкий приказ «многолюдством и били челом криком и невежеством»⁴⁷⁹.

Из двух царских «указов» бохинским стрельцам (от 27 декабря 1682 г. и, вероятно, начала января 1683 г.)⁴⁸⁰ выясняется, что челобитье имело место 26 декабря — в этот день стрельцы этого полка Иван Пелепелка и Федор Ворон «с товарищи» «многолюдством и с великим невежеством и шумом» приходили в Стрелецкий приказ и подали челобитную, в которой потребовали, чтобы власти перевели «во иной полк» из их полка некоторых стрельцов — бывшего пятисотного Ивана Трифонова «с товарищи». В ответ им сказали, что этих стрельцов и «без вашего челобитья» велено перевести в другой полк, «и бити челом о том не о чем». Челобитчики как будто успокоились, узнав, что ненавистных им чем-то стрельцов, вероятно, из числа «значных» (И. Трифонов — бывший пятисотный, т. е. из той категории стрелецкой верхушки, с представителями которых стрельцы расправлялись в конце апреля — начале мая), власти, и здесь проявившие известную гибкость и осторожность, убирают из их полка. Стрельцы «пошедше было» из приказа, но тут же верну-

⁴⁷⁸ ГПБ, ОР, Общее собр. грамот, д. 2892, л. 1; д. 2893, л. 1.

⁴⁷⁹ С. Медведев. Созерцание, стр. 172.

⁴⁸⁰ Там же, стр. 173—178; ААЭ, т. IV, № 273—274, стр. 398—401.

лись «и учили говорить с великим невежеством и шумом пуще прежнего», требуя по поручению всего полка «им отдати» нынешнего пятисотного Исаака («Исачка») Борисова и «пристава Кондрашку».

Им ответили, что отдать требуемых лиц «не довелось», указ будет им «по сыскному делу». Власти, таким образом, ответили осторожно, но твердо, отказавшись в данном случае удовлетворить требование бохинских стрельцов.

Таким образом, выступление стрельцов полка П. Бохина было направлено против представителей социальной верхушки из их же среды. Эти события напоминают начало восстания 1682 г., когда стрельцы расправлялись с «ушничавшими» своему начальству сотниками и пятисотными (Морозовым и другими), сбрасывая их с каланчей. В декабре бохинские стрельцы собирались то же сделать с пятисотным И. Борисовым и приставом Кондратом. К тому же нужно учесть, что эти события происходили в обстановке правительственных репрессий, начавшихся сразу после капитуляции стрельцов и солдат. Естественно, в этих условиях стрелецкое начальство — полковники и их помощники из числа пятисотных и сотников — было проводником политики правительства. Поэтому вполне понятна ненависть стрельцов к особо рьяным и услужливым «ушникам» и доносчикам, которыми, несомненно, и являлись все эти Морозовы, Трифионовы, Борисовы и др.

Но дело не обошлось одним выступлением против «ушников».

Разрядная записка «Смутное время» сообщает важную деталь: некоторые стрельцы бохинского полка «бегали по слободе и говорили, что де пора опять заводить по старому иттить в город», т. е. в Кремль⁴⁸¹. Тем самым эти стрельцы, по-видимому, выступавшие организаторами, призывали по существу поднять новое восстание наподобие того, как это было в конце апреля — мае.

Предводителями выступления являлись стрельцы Иван Жареный «с товарищи». Власти приказали их схватить, но стрельцы «учинилися их, великих государей, указу ослушны», отказались их выдать. Полковник П. Бохин сначала послал для ареста «заводчиков» сотенного с денщиками, потом явился по указанию властей сам, но все было безуспешно. Стрельцы заявляли: «Хотя де нас велят и перевешать, мы того Ивашка не отдадим». Но 27 декабря Ивана Жареного и его «товарищей» из числа «заводчиков» арестовали посланные властями стольники и полковники А. Данилов и И. Цыклер «с полками своими» и привели в Стрелецкий приказ. Полк П. Бохина разоружили, отняли ноябрьскую жалованную грамоту и запретили исполнять караульную службу.

⁴⁸¹ С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 338.

«Воров и пуших возмутителей и мятежников» И. Жареного, И. Пелепелкина «с товарищи», всего 5 или 6 человек, казнили (отсекли головы) в тот же день на Красной площади. Указ 27 декабря так формулирует основания для их казни: «За их воровство и за мятеж и за смуту, и за своеволие, что они чинили мимо их, великих государей, указу и указных статей».

Правительство пыталось арестовать и наказать также и тех стрельцов, которые «за него, Ивашка Жареного, стояли и к тому пушие заводчики были, и в отдаче ево отказали, и на такую противность вас привели, и тех вы не объявили, укрывая их», но не смогло. Таким образом, несмотря на арест и казнь предводителей и разоружение их превосходящими силами двух стрелецких полков, бохинские стрельцы и после этого проявили упорство, отказавшись назвать и выдать других «пуших заводчиков»; вероятно также, правительству было трудно добиться выполнения своих требований ввиду массового возмущения в полку действиями «ушников» и столь же массовым решением отстаивать свои интересы. Но, как видим, их решимость не дала своих результатов — правительство быстро приняло меры, послав на подавление «мятежа» одного стрелецкого полка вдвое превосходящие силы. Столь быстрый финал этой «мятежной» попытки объясняется прежде всего отсутствием единства в стрелецких рядах — хотя брожение началось в ряде полков, но наиболее упорный характер и отчетливые формы оно приняло только, вероятно, в одном из них. Другие полки не поддержали активно начавшееся движение, а некоторые (полки А. Данилова и И. Цыклера) выступили в роли его душителей. В этом сказалась постоянная двойственность стрелецкого войска — его, с одной стороны, демократический, народный состав, что имело своим следствием выступления против правительства, а с другой — его служба тому же правительству, что обрекало их на исполнение роли карателей во время народных выступлений, в том числе своих собратьев.

После казни 27 декабря в правительственном указе бохинским стрельцам было сказано, что они до тех пор не будут нести караульную службу, пока не выдадут других «воров», «заводчиков». Это означало для основной массы стрельцов отстранение от службы и лишение источника существования. В то же время, не желая обострять обстановки (ведь брожение имело место и в других полках), правительство демагогически объявило о прощении основной массы стрельцов (помимо «заводчиков»): цари «пожаловали вас, напоминая прежняя ваши службы и раны, и полонное терпение, за те ваши великия и тяжкия вины смертию казнить вас не белели, а велели вам вместо смерти дати живот в другой ряд».

Реальная угроза правительства и предоставленная им возможность покончить дело миром привели к быстрой капитуля-

ции бохинских стрельцов. Группами человек по 200 и больше они начиная с 28 декабря приходили «по многия дни» к Красному крыльцу в Кремле с топорами и плахами и приносили свою «вину» — одни клали в знак этого головы на плахи, в которые вонзили топоры, другие лежали на земле. Все «вопияху же, яко недостойнии царского величества милости и за вину свою помилования и достойнии сущь смерти повисетелно (на виселицах.— В. Б.) или глав отсекателно»⁴⁸².

О них доложили царям. К ним выслали из дворца боярина П. М. Салтыкова, окольного К. О. Хлопова и думного дьяка Ф. Л. Шакловитого. Дьяк спросил их, «что они пришли и с какою виною», на что последовал ответ стрельцов: «Сказывают де великим государем, что мы бунт заводим; и от нас де бунту и заводу никакова нет, чтоб де о том великие государи указали розыскать: будет де какой от нас бунт или завод объявитца, велите де, великие государи, нас казнить всех». Шакловитый пошел доложить во дворец, «и долго ево не было». В это время «ис-под Грановитой полаты» к стрельцам вышел их полковник П. Бохин и велел перенести топоры и плахи «перед окошки» Грановитой палаты (там, очевидно, происходило совещание правящей верхушки в связи с их челобитьем); те это сделали «и легли так же». Наконец, «с Верху» к челобитчикам сошли окольный В. А. Змеев и начальник Стрелецкого приказа Ф. Л. Шакловитый, которые, вероятно, и объявили им, что цари «велели им вина отдавать», т. е. простить их⁴⁸³.

По указу, «сказанному» бохинским стрельцам, вероятно, в начале января 1683 г., им возвращалась отобранная жалованная грамота, разрешались выдача очередного жалованья «противу вашей братии» и несение караульной службы на царском дворе «с своею братьею по очереди по-прежнему». От стрельцов требовали, чтобы впредь они приводили в Стрелецкий приказ «воровских людей», которые «учнут вмешати какую смуту или затевать какое дурно»⁴⁸⁴.

Так закончилось это движение в полку П. Бохина, имевшее, впрочем, эпизодический характер. Правда, оно грозило, если учесть к тому же факт брожения в других стрелецких полках, вспышкой нового восстания в столице. Поэтому правительство приняло быстрые и решительные меры для его подавления в зародыше. И это ему удалось — обстановка в столице к концу 1682 г. сравнительно с весной того же года изменилась в корне: правительство сбором большого и верного ему дворянского войска показало, какую грозную силу оно имеет в своем рас-

⁴⁸² С. Медведев. Созерцание, стр. 477.

⁴⁸³ С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 338; М. Н. Тихомиров. Записки, стр. 456.

⁴⁸⁴ С. Медведев. Созерцание, стр. 177—178.

поряжении; стрельцы и солдаты столицы, учитывая этот факт, капитулировали в октябре; часть их полков к концу года находилась на службе далеко от Москвы. Стрельцы и солдаты к тому времени подверглись репрессиям (см. ниже), что тоже не могло не ослабить их силы; отсутствие же полного единства и социальная рознь оставались постоянным их грехом, которым ловко пользовалось правительство. Оно и в случае с бохинскими стрельцами проявило известную осторожность и ловкость: казнив «пущих заводчиков», простило остальных стрельцов и разрешило им нести обычную караульную службу в кремлевском дворце, в этом «святая святых» российского самодержавия.

ОТКЛИКИ НА МОСКОВСКОЕ ВОССТАНИЕ 1682 г.

(движения среди казаков, крестьян, приборных служилых людей, посадских людей на Дону, юге России, Украине; волнения в городах к западу и северо-западу от Москвы; крестьянские движения в Переяславль-Залесском, Ростовском, Владимирском, Ярославском, Коломенском уездах; движение на Дону в 1683 г.).

Московское восстание 1682 г. явилось сильнейшим потрясением для правительства, царского двора, всего класса феодалов. Выступление стрельцов и солдат столичного гарнизона, части московского и окрестного населения нашло отклики в ряде местностей России. Наиболее заметными были движения на юге Русского государства, на Дону и Украине.

В городах юга страны (украинские, польские, заочские города, города левобережной Украины) в волнениях основное участие приняли мелкие служилые люди — стрельцы, солдаты, драгуны, рейтары, а также крестьяне, донское казачество и отчасти посадские люди.

Некоторые из этих выступлений начались еще до Московского восстания 1682 г. Весной этого года на Дону происходило серьезное движение, напоминающее события Крестьянской войны под руководством Разина⁴⁸⁵. Поводом послужило заключение в 1681 г. русским правительством Бахчисарайского мира с Турцией и Крымом, лишившее донских казаков возможности организовывать походы «за зипунами» на Черное море. Между тем количество беглых на Дону после подавления разинского

⁴⁸⁵ См. Л. В. Черепнин. Классовая борьба 1682 г. на юге Московского государства.— «Исторические записки», т. 4, 1938, стр. 63—72; В. П. Глаголев. Движение на Дону и на юге России весной 1682 г.— «Ученые записки Московского гос. заочного педагогического ин-та», 1958, т. 1; «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в.». М., 1955, стр. 336; «История СССР с древнейших времен до наших дней», т. 3. М., 1967, стр. 119—120.

восстания значительно увеличилось; они не получали денежного и хлебного жалованья от правительства и фактически не имели средств к существованию.

Отряд донской гольтыбы, собравшийся в марте и начале апреля в Паншине городке (около 150 человек), перебрался для пополнения на устье Хопра. Во главе его стояли атаман И. И. Форонов, полковник Иван Длинный, есаулы И. С. Терский, Остап Грек, И. Кочалинский. Их план состоял в том, чтобы по Дону перебраться на Черное море. По пути они грабили богатых купцов, к ним присоединялись гребцы с их судов — судовые рабочие, ярыжки и др. По инициативе Форонова на реке Черной Калитве был принят план похода на Волгу по пути, которым шел в свое время Разин, а затем предполагалось прорваться в Каспийское море. В случае неудачи они хотели идти в южные пограничные уезды (Тамбовский, Козловский и др.). Цель похода состояла в борьбе с домовитыми казаками, богатыми купцами, феодалами Поволжья и южных уездов. В отряде имелись «знамена болшие камчатые и дорогилные», «прапорец с черным пластиным орлом под золотом», о которых казаки говорили, «что те знамена и прапорец Стеньки Разина».

Свой план казаки начали осуществлять уже во время похода по Дону. Численность их отряда выросла до 300 человек за счет бедных казаков, работных людей с судов, всяких «охочих людей». Но по пути он дважды потерпел поражение от отряда зажиточных казаков, во время одного из «боев» был тяжело ранен и вскоре умер атаман Форонов. На его место выбрали атаманом Терского.

Постепенно в отряде выкристаллизовался план похода на южные уезды по Тамбовской и Козловской черте, а затем на Волгу, «как делал вор Стенька Разин с товарищи». До казаков в это время дошли вести о восстании в Москве, и они вынашивали планы похода на Москву, союза со стрельцами, распространения восстания в замосковные города: «Итти к Москве, а на Москве, сложась заодно с стрельцами, побивать было бояр, а, взяв Москву, [с] стрельцами итти на замосковные города». Интересно, что атаман Терский хотел при этом, «чтоб быть ему на Москве владетелем».

Со своего стана между реками Битюгом и Байгорой Терский направил в ряд южных русских городов несколько станиц, в которые входили и беглые из этих мест, с целью поднять их население на борьбу. Движение в мае охватило 14 уездов, но вследствие маломощности и недостаточной организованности было быстро подавлено. Атаман Войска Донского и старшина послали против восставших сильный отряд, который нанес им поражение. Наиболее активных казаков (15 человек) доставили в Черкасск, где им отрубили головы, полковника И. Длинного повесили на якоре.

В этом движении для нас наибольший интерес представляет тот факт, что донская гольтыба, присоединившись к ним служилая мелкота, выходцы с Украины (служилые черкасы), работные люди стремились к соединению с московскими стрельцами для общего выступления против правящих верхов. В свою очередь среди низов московского населения ходили разговоры о том, что «донские казаки от великих государей отложились, а боярские люди хотели пришатнутца к ним же»⁴⁸⁶. Отряд восставших, возглавлявшихся атаманом, есаулами, сотниками и десятниками, имел в качестве высшего органа «круг», т. е. общевойсковое собрание. Эту традицию донских и запорожских казаков, которая была характерна и для разинского войска, вспомнили восставшие в Москве стрельцы и солдаты. Стремление участников движения на Дону и юге России весной 1682 г., прямо считавших себя преемниками, продолжателями дела разинцев (среди них был и разинец С. Буян или Буянко), соединиться с московскими повстанцами говорит о несомненном факте преемственности в развитии классовой борьбы во второй половине XVII в., передаче ее традиций от одного поколения «бунтарей» к другому.

В конце того же года правительство было обеспокоено возможностью возникновения новых волнений на Дону и в соседней с ним Астрахани, где находились московские стрельцы. Из документов⁴⁸⁷ выясняется, что 10 октября 1682 г. в Астрахани «московские стрельцы приход к соборной церкви великим соборным человек с триста и говорили им (воеводам.— В. Б.), чтоб их отпустить к Москве десяти человек для их дел; для каких, того не сказали; и дать бы им струг». Астраханские власти не сочли возможным запретить эту поездку и отпустили 10 стрельцов; «а удержать их и струга не дать,— опасались их шатости»⁴⁸⁸.

К воеводам в Тамбов и Козлов срочно отправили из Разрядного приказа грамоты с указанием поставить «крепкие заставы» по всем воротам и «причинным местам» для ареста 10 московских стрельцов из Астрахани. По этому образцу послали такие же грамоты в Шацк, Рязск, Валуйки, Воронеж, Коротояк.

Вскоре царицынский воевода стольник М. Глебов сообщил, что 29 октября приехали из Астрахани в Царицын «надворные пехоты» полка Ф. Мещеринова пятидесятники Давыд Ларешников «с товарищи», всего 10 человек. С ними из Астрахани же прибыла станица донских казаков походного атамана Любима Архипова (который с отрядом «промышлял» в районе Волги у

⁴⁸⁶ Л. В. Черепнин. Указ. соч., стр. 68.

⁴⁸⁷ ДАИ, т. X, стр. 159 и др.; ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Белгородского стола, д. 1039, лл. 391—418, 420—465, 468—469, 523—525, 557—576; см. также: С. К. Богоявленский. Хованщина, стр. 221.

⁴⁸⁸ ЦГАДА, ф. 210, столбцы Белгородского стола, д. 1039, л. 391.

Астрахани над «воровскими калмыками» и едисанскими татарами) во главе с атаманом Семеном Степановым и есаулом Федором Фроловым числом в 30 человек. Со стрельцами ехали из Астрахани также два холопа окольного А. С. Хитрово.

Из Царицына все они поехали на Дон, откуда хотели направиться на Тамбов или Валуйки. Власти снова шлют грамоты: стрельцов и холопов «поймать», допросить, держать в тюрьме «до указа», а донских казаков пропустить в Москву. Казаки и стрельцы, оказывается, «съехались» вместе» только в Царицыне, откуда стрельцы пошли на Дон раньше казаков. На Дону, в Паншине городке, они снова соединились, один день шли вместе, после чего снова разделились.

Арестовали стрельцов в Тамбове, с ними было до 200 или более всяких «посыльных грамоток» и других документов (рописи «посыльной рухляди» для стрелецких жен и детей в Москве и др.). Задержанные объявили на допросе, что они едут в Москву бить челом от всего приказа «о заслуженном жалованье». Два холопа идут с ними «по отпуску» окольного А. С. Хитрово; этих холопов арестовали в Козлове, где они «объявились» 10 декабря; их велели сковать и отослать в Москву.

В декабре 1682 г. Москва и местные власти из Тамбова и Козлова ведут переписку об арестованных, а в феврале следующего года Приказ Казанского дворца распорядился 10 московских стрельцов «написать в Козлове в службу и жен их и детей послать (из Москвы.— В. Б.) к ним»⁴⁸⁹. Так эти московские стрельцы поплатились ссылкой за попытку попасть в столицу и обратиться к правительству с челобитной о своих нуждах в обстановке только что закончившегося восстания, последняя вспышка которого, кстати говоря, относится к декабрю, когда эти стрельцы уже сидели в тюрьме.

Правительство было обеспокоено сообщениями астраханского воеводы окольного А. П. Головина о том, что московские стрельцы хотят, объединившись вместе с находившимися в окрестностях Астрахани донскими казаками, «народом бунт возмутить». Московские стрельцы уговаривали донских казаков, чтобы они зимовали у Астрахани, не уезжали на Дон, как того требовали царские воеводы. Интересно, что московские стрельцы находились в каких-то разногласиях с астраханскими конными стрельцами, которые «московских и казанских (тоже, вероятно, служивших в Астрахани.— В. Б.) стрельцов одноконечного дурна не допустили и к их воровству не пристали»⁴⁹⁰. Вероятно, именно в связи с этой неспокойной обстановкой в Астрахани, где «заворовавшие» московские и казанские стрель-

⁴⁸⁹ Там же, л. 455.

⁴⁹⁰ ДАИ, т. X, стр. 159.

цы вступали в контакт с донскими казаками, и следует рассматривать арест и ссылку 10 московских стрельцов.

Еще до восстания в Москве началось движение крестьян села Заячьего с деревнями в Белгородском уезде⁴⁹¹. Переданные в течение 1668—1676 гг. из дворцового ведомства во владение белгородского митрополита, они превратились в крепостных. Между тем они считали себя служилыми людьми, солдатами, рейтарами или их родственниками (что и было на самом деле; мелкие служилые люди юга страны в значительной степени комплектовались за счет крестьян, в том числе беглых, и холопов).

Сведения о майских событиях 1682 г. в столице дошли летом в белгородские места. Приехавший из Москвы в село Заячье к своему брату сын боярский Федор Озеров на вопросы крестьян о «московском поведении» отвечал, что «на Москве училили бунт московская надворная пехота», что там «побили бояр». Крестьяне решили послать в Москву своих челобитчиков «бить челом великим государем на митрополита в налогах, а прикащика де и домовых людей побьют», так как «им стала домовая работа работать на него, митрополита, не в мочь». На общей сходке во время устройства запруды у митрополичьей мельницы крестьяне вынесли решение: «Как де они с поля отделаютца, чтоб им ехать к Москве и бить челом на преосвященного митрополита об отставке от крестьянства». Таким образом, митрополичьи крестьяне по примеру московских стрельцов и солдат высказывали недовольство «налогами», т. е. поборами, и «домовой работой» на своего господина. Их заветная цель — освободиться от крепостного состояния.

К Ф. Озерову и Н. Съедину, белгородцу, который также приехал из Москвы, крестьяне обратились за советом. Те укрепили их в стремлении отправить челобитчиков в столицу: «Бог де вам в помощь, поезжайте к Москве». Ф. Озеров за вознаграждение в 20 руб. обещал им помощь в этом деле, так как у него в московском патриаршем приказе служил, по его словам, дядя Анисим Озеров в дьяках.

Крестьяне, собрав по гривне с двора, отправили 4—5 челобитчиков в Москву и 10— в Курск к окольному П. В. Шереметеву. Это происходило осенью 1682 г. (мирское решение было вынесено 30 сентября), после казней 17 сентября и фактического прекращения восстания. Белгородский митрополит Мисаил доносил белгородскому воеводе, что его крестьяне «советы и умыслы в вотчине чинили бунтовские и в колокола на бунт били, и в круги сходились».

⁴⁹¹ Н. Я. Аристов. Указ. соч., стр. 112; «Красный архив», 1936, № 6(79), стр. 150—174; Л. В. Черепнин. Указ. соч., стр. 53—61; «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в.», стр. 334—335

В вотчину Мисаила белгородский воевода стольник И. Скуратов послал пристава Д. Батракова. Последний вместе с понятыми и митрополичьим приказным подьячим И. Ухабовым должен был арестовать зачинщиков. Но попытка арестовать главного из них — Трофима Чепурного — вызвала отпор всех крестьян села. Они опять били в колокола «на бунт», кричали, сбежались с ружьем и кольем и «того бунтовщика отбили», а пристава и митрополичьих дьяка, подьячего, сына боярского и приказчика «били и везали и рубили и переувечили», хотели их убить.

Собравшись на «круг», крестьяне решили срочно послать челобитчиков в Москву; их возглавил Т. Чепурной. Другая группа челобитчиков отправилась в Курск.

Между тем Скуратов 1 октября отправил в вотчину Мисаила отряд из 50 белгородских стрельцов с приказом арестовать «бунтовщиков» во главе с Т. Чепурным. Но каратели возвратились в Белгород 3 октября ни с чем: крестьян «в домех» не застали, а около двора Т. Чепурного собралось их человек 20 с ружьями, косами, рогатинами «и взяты им себя не дали и учинили с ними бой». Стрельцы захватили 6 мужчин и 3 женщин, а остальные «с ружьем розбежались по лесом». На попытку уговорить их «не бунтовать» и выйти из лесов, чтобы выслушать царский указ, они отвечали, что не пойдут, и грозили: «Буде де посыльные люди к ним приедут, и они де будут с ними битца».

Крестьяне митрополичьей вотчины, остававшиеся в своих домах, прекратили всякие работы и повинности в пользу владельца. 22 октября курекий воевода думный дворянин Л. Неплюев в связи с этими событиями доносил в Москву, что «и в иных де местех послушание небольшое».

Вскоре, однако, движение прекратилось. 8 ноября в Москве арестовали белгородских челобитчиков и через неделю указали отправить их в Курск, куда приказали передать и привлеченных к следствию крестьян из Белгорода. 1 декабря Ф. Озерова и Т. Чепурного повесили; 21 крестьянина (а 13 декабря еще 9 человек) били кнутом и отослали к митрополиту.

В Белгороде, Киеве, Переяславле и других городах волновались стрельцы. В Переяславле заводились московские стрельцы, которым, как и стрельцам Батурина и других малороссийских городов, правительство Софьи, согласно грамоте гетману И. Самойловичу от 5 июня 1682 г., обещало выдать, как и стрельцам в Москве, по 10 руб. на человека. Они перестали подчиняться воеводе, посадили стрельца в приказную избу ведать всякими делами, отставили старых и выбрали новых пятисотных и десятников, одного из старых пятисотников чуть было не убили. Стрельцы овладели местным кабаком. Они направили в Москву 20 челобитчиков. И. Самойлович жаловался царям: «...Непрестанная печаль так меня преодолела, что уже и силы во мне мало осталось. Переяславские стрельцы поступками свои-

ми сильно вредят тамошним нашим людям, между которыми немало старых своевольников». А путивльский купец А. Беляев вел в Конотопе разговоры о том, что-де царские войска тайно соберутся под Путивлем на раду, пригласят или силою приведут на нее гетмана И. Самойловича и будут рубить всю войсковую старшину и арендаторов⁴⁹².

Волнения в Киеве и других городах были, возможно, еще летом. После получения известий о казни выборных и Хованских 17 сентября, которые привез из Москвы подьячий Малороссийского приказа Василий Баутин, они усилились⁴⁹³ (о своих злоключениях подьячий рассказал 3 ноября в Москве, что было зафиксировано в расспросных речах). Баутин был послан из Троице-Сергиева монастыря к запорожскому гетману Ивану Самойловичу и по городам с грамотами.

4 октября В. Баутин приехал в Батурин к гетману, который велел «вычесть» грамоту «того же часу» полку надворной пехоты стольника и полковника С. Воейкова. Стрельцы, выслушав грамоту, «за милость великих государей били челом и кланялися до земли трожды». То же самое сделали солдаты и стрельцы «жилых полков» в Нежине 5 октября.

Рано утром 9 октября Баутин прибыл в Киев. У приказной избы собрались все ратные люди, в том числе и стрельцы. Грамоту об «измене» Хованских читал дьяк Мина Гробов. Сначала «в полках» раздавались голоса: «Сколько де Хованской служил, а ныне стал изменник?» Когда же дьяк дочитал «до того, что великие государи жалуют их, за службы похваляют», а все начальные люди в ответ «за государскую милость били челом и кланялися», «в полкех де почал шум быть великой, и ниhto из них на государской милости не били челом и не кланялися»⁴⁹⁴. Стрельцы не присоединились к тому верноподданническому усердию, которое проявили воеводы, приказные и стрелецкие и солдатские командиры, а, наоборот, заявили о своем несогласии с царской грамотой. В ответ на упреки боярина кн. П. С. Прозоровского и других киевских воевод они обвинили в казни Хованских «господ», бояр: «Вы де, господа, боярина Хованского извели и измену на него вымыслили, а он де сколько великим государем служил и Польшу всее прошол и изменником никогда не бывал, а ныне де ево поставили изменником. А когда де он изменник, инде и мы такие же изменники, потому что де вместе с ним служили»⁴⁹⁵.

⁴⁹² ЦГАДА, ф. 124 (Малороссийские дела), 1682 г., д. 33, 38; С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 300; Н. Я. Аристов. Указ. соч., стр. 109.

⁴⁹³ ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, д. 117, лл. 2—18, 64—79, 223—225, 145—146; Л. В. Черепнин. Указ. соч., стр. 73—74; ЦГАДА, ф. 141, 1683 г., д. 93, лл. 2—5.

⁴⁹⁴ ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, д. 117, л. 5.

⁴⁹⁵ Там же, лл. 5—6.

Затем дошло до расправы с Баутиным. Его «ухватили» из-за воевод и начальников «за волосы и учили бить смертным боем, а назади де почали кричать и шапками махали, чтоб убить и боярина и начальных и приказных людей». После уговоров начальников стрельцы «от того крику и шуму унялися и подьячего до смерти не убили».

Подьячий Баутин очутился в киевской тюрьме, где уже сидело человек около 10 стрелецких пятидесятников и сотенных, «а сажали де их полками собою, а с ведома ль боярина и воевод, того он не ведает, только де слышал от них, что будто начли на них рублей по двести и по триста». Таким образом, в Киеве еще до приезда Баутина с грамотами о казнях 17 сентября начались события, аналогичные тем, которые имели место в столице в конце апреля — начале мая. Московские стрельцы, жившие в Киеве, по примеру своих столичных собратьев предъявили иск «шилникам» из числа сотников и пятидесятников, виновных, очевидно, в различных вымогательствах, и посадили их в тюрьму⁴⁹⁶.

10 октября в тюрьму к Баутину приходили стрельцы, по 2 от каждого полка, и спрашивали: «Где Хованского казнили и великие государи в то время где были и у казни бояр хто был?» Очевидно, стрельцы не верили, что цари имели какое-то отношение к казни Хованских, ее виновниками в их глазах были бояре, недаром они спрашивали о том, кто из них присутствовал на казни. Однако Баутин разочаровал их, сказав, что во время казни присутствовали все бояре по указу царей, которые и сами находились в Воздвиженском.

На третий день пребывания в тюрьме стрельцы, наконец, освободили московского подьячего, и 17 октября он приехал в Переяславль. Здесь все стрельцы уже стояли у приказной избы. После прочтения грамоты одни из них «великим государем здравствовали», но «многие говорили такие же слова, что и в Киеве учинили, с криком же». Баутин снова очутился в тюрьме. Переяславского воеводу стрельцы «приняли было за бороду», но его спасли от расправы стрелецкий подполковник Б. Батурин и два пятидесятника. В тюрьму к Баутину приходили «многожды» стрельцы группами по 5—10 человек и «меж собою» говорили по поводу восстания в Москве: «Худо де то, что учинили начало, а конца не учинили, в то время всем было учинить бояром и приказным людем в одно время. А как де они, пять полков, соберутца ныне и придут к Москве, а их де братья будут в целости, то де полно той медведице при великих государех быть, также и пестрой ризе, так же де их пора послать в дальние монастыри, как де иных напрасно в заточение ссылают»⁴⁹⁷. Речь

⁴⁹⁶ Там же, лл. 6—7.

⁴⁹⁷ Там же, лл. 8—10; Л. В. Черепнин. Указ. соч., стр. 74.

шла, таким образом, о планах расправы со всеми боярами и приказными людьми в Москве, ссылке Софьи Алексеевны (или Натальи Кирилловны?) и патриарха.

Переяславские стрельцы мечтали объединить силы не только со своими собратьями из Москвы и Киева, но и с донскими казаками, недаром они спрашивали у Баутина: «Есть ли на Москве донские казаки?» Несомненно, все свои планы они хотели заранее согласовать с московскими повстанцами. Об этом важном обстоятельстве говорит показание В. Баутина, слышавшего их слова: «И говорили меж себя: „Дай де бог, чтоб наш человек туда (очевидно, в Москву.— В. Б.) прошел“»⁴⁹⁸; стало быть, они тайно послали в Москву своего представителя для переговоров и согласования плана совместного выступления.

После трехдневного сидения в переяславской тюрьме Баутина по «уговору» воеводы и подполковника отпустили в Москву. По дороге он остановился в Глухове, где прапорщик А. И. Буков из севского полка А. Цея говорил ему, гетманскому посланцу и А. Заруцкому, «что на Москве великое замешание и надворная де пехота бояр всех побили, только де остались бояр» кн. В. В. Голицын и П. В. Шереметев. Эти слова раздавались, очевидно, в среде севских стрельцов и солдат. Власти заподозрили Букова в затевании «непристойного дела» в малороссийских городах. Его приказали арестовать и держать в севской тюрьме⁴⁹⁹.

Между тем московские власти выяснили, что в Киеве московские стрельцы во время волнений (эпизода с Баутиным) били и посадили в тюрьму пятидесятника Льва Мартынова (инициатором выступали стрельцы В. Алексеев «с товарищи»), а еще раньше (после заключения в тюрьму старых низших начальников) выбрали новых пятидесятников и десятников. Но вскоре они принесли повинную. По требованию правительства и местных властей стрельцы, которым 13 ноября прочитали новую царскую грамоту с выговором за «негораздное» поведение 9 октября, принесли «повинную челобитную» и привели четырех «завотчиков», «всякого злого дела начинателей». Это были Федор Марков из полка М. Философова, Михаил Редькин и Аким (Якимко) Степанов, прозвищем Енералка, из полка И. Нармацкого, Исай Курочкин из полка С. Сергеева. Правительство обещало киевским стрельцам, что «впредь те их вины и преступления будут непамятны». В Киеве все было «тихо и смирно», то же в полках Белгородского разряда, в городах Чернигове, Новгороде-Северском, Севске. Четырех «заводчиков» по приговору бояр от 3 декабря казнили в Киеве 23 декабря за то, что во время чтения грамоты, привезенной Баутиным, «кричали невежливо и на-

⁴⁹⁸ ЦГАДА, ф. 20, Столбцы Приказного стола, д. 117, л. 10.

⁴⁹⁹ Там же, лл. 11, 13.

зывали тое грамоту воровскою», а затем, вырвав ее из рук дьяка, «носили и в кругах чли во многих местах и держали тое грамоту за своею печатью многое время»; им же приписали и избиение Баутина. Боярский приговор так формулирует свою мотивировочную часть: «...повесить, чтоб, на то смотря, неповадно было иным так воровать и озорничать и невежничать»⁵⁰⁰.

В январе 1683 г. правительство выражало беспокойство по поводу того, что московские стрельцы в Киеве, Переяславле, Нежине, Чернигове, Батурине «носят с собою по слободам и чтут» списки с «прежних» жалованных грамот, т. е. с июньских грамот 1682 г. Их велено было изъять и прислать в Стрелецкий приказ, что и было сделано⁵⁰¹. Посланным в Киев московским стрелецким полкам Ф. И. Головленикова, С. И. Расловлева, Б. Ф. Дементьева велено было те полки, которые «учинили шатость», «ото всякие шатости унимать»⁵⁰².

16 декабря 1682 г. по памяти из Стрелецкого в Малороссийский приказ велено было по отписке из Севска боярина Ф. П. Шереметева арестовать «для розыску» стрельцов из московских полков М. Ф. Ознобишина и Ф. И. Головленикова, стоявших в этом городе на карауле у знамени и полковой казны. Их арестовали уже в Киеве, ими оказались стрельцы Ф. Куприянов, М. Васильев, Я. Павлов, Е. Семенов, Д. Федотов, Я. Митрофанов, С. Иванов (все очутились в полку Б. Ф. Дементьева) и Д. Якимов (полк Ф. И. Головленикова)⁵⁰³. За что арестовали этих московских стрельцов, стоявших на карауле в Севске, остается неясным.

4 декабря 1682 г. капитан московской надворной пехоты Т. Счаснов рассказал в Малороссийском приказе, что из черниговского полка С. Янова бежали два стрельца — Е. Григорьев и Василий Вшивый Бочок. Это произошло, очевидно, в ноябре, так как 28 ноября черниговский воевода Г. Комынин послал Счаснова ловить беглецов до Севска, где поймали второго из названных стрельцов. Поскольку «чаяли», что Е. Григорьев бежит в Москву, то капитана из Севска 28 ноября послали туда за беглецом⁵⁰⁴.

В волнениях среди белгородских стрельцов, которые побывали на службе в Киеве, а также части белгородских посадских людей говорят документы сыскного дела 1682/83 г.⁵⁰⁵ Обстоятельства дела таковы. 26 декабря 1682 г. к белгородскому воево-

⁵⁰⁰ Там же, лл. 14—18, 64—73, 223—225; ф. 141, д. 93, 1683 г., л. 2.

⁵⁰¹ ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, д. 117, лл. 257—258, 296, 299—308.

⁵⁰² Там же, лл. 31—37.

⁵⁰³ Там же, лл. 134—136, 274—277.

⁵⁰⁴ Там же, л. 29.

⁵⁰⁵ Там же, д. 582, лл. 1—122. Л. В. Черепнин. Указ. соч., стр. 72—73.

де стольнику И. Скуратову пришел с изветом капитан полка Я. Билса Адам Вейт и сказал, что жена белгородского пушкаря Наума Кострикина Авдотья была, по ее словам, в гостях у посадского человека Михаила Селиванова, к которому после обеда пришел белгородский земский староста Афанасий Погонин и «сказывал, что великих государей на Москве ныне не стало»; он же предупреждал, что «в той ночи станут бить в колокола на всполох», поэтому-де нужно, чтобы посадские люди не выходили из своих дворов «и были с ружьем все готовы, оберегали свои дома. И сказал де он, Афонка, что пошел извещать своей братьи»⁵⁰⁶.

Начался розыск по извету А. Вейта. Пушкарская жена Авдотья сказала белгородским властям: А. Погонин говорил М. Селиванову, который «в то число был пьян», что «букто великих государей на Москве ныне не стало и на Москве же де наперед сего учинилося дурно, и у них де в Белегороде учиница ныне в ночи то же» и т. д. Погонин отрицал, что говорил такие слова: он-де ходил извещать «своей братьи» посадским людям, чтобы они платили «рублевые деньги»; на дворе М. Селиванова он не был, а только подходил к воротам. М. Селиванов показал, что Погонин приходил к нему и просил «на вино гроша», но «никаких слов» он от него не слышал, потому что был пьян. Жена Федора Котляра Фекла, тоже бывшая в гостях у М. Селиванова, подтвердила показания Авдотьи: Погонин говорил М. Селиванову: «Как на всполох станут бить, и он бы с пищалью был готов и бежал к нему, а не инде».

Погонин отказывался от этих слов и на очных ставках. Но последовал новый допрос «з большим пристрастием», и он рассказал: в тот же день рано утром приходил к нему на двор «сотцкой посадских людей» Семен Волошенин и передавал слова белгородских пушкарей, которые 25 декабря «пили ис стрельцкой слободе у стрельцов, а те де стрельцы пришли ис Киева и говорили:... будучи де они, стрельцы, в Киеве, оскудали великих государей без жалованья; и как де они придут все в Белгород, и у них де бунт будет и на всполох в колокола бить станут». Погонин говорил, по его утверждению, М. Селиванову, чтобы он, «как будет всполох», шел с пищалью к приказу (т. е. к стрельцам, очевидно), но другим посадским людям он-де об этом ничего не говорил. Ему указали на тот факт, что он об этих разговорах «не известил» в белгородской приказной избе, и Погонин ничего не мог сказать в свое оправдание⁵⁰⁷.

Последовали допросы сотского С. Волошенина, пушкаря

⁵⁰⁶ ЦГАДА, д. 210, Столбцы Приказного стола, д. 582, л. 3.

⁵⁰⁷ Там же, лл. 4—6; Л. В. Черепнин. Указ. соч., стр. 72.

В. Воротникова. Последний показал: 25 декабря стрелец Ерофей Петров, с которым он «пил» у плотника Логина Токарева, сказал ему, «что есть у них (стрельцов — В. Б.) в приказе с указу великих государей список, что на бояр и на воевод и на полковников никакие работы не работать и сена не косить; и дай де им пособратца с своею братьею, с стрельцами, которые придут ис Киева, и они де тот указ, собрався, пришед к разрядной избе, вычтут»⁵⁰⁸. Таким образом, какая-то царская жалованная грамота с пунктом о запрещении «работ» на начальство произвела сильное впечатление на стрельцов, находившихся вне столицы.

27 декабря в Белгороде стрелецкой пятисотный пристав Иван Борисов сказал в извете своему полковнику стольнику С. Рязанову: в этот же день «в вечеру в другом часу ночи» был он «на беседе» у стрельца Семена Ефремова, где стрелец Еремей Алфимов говорил: «Учиним де смотр, а на смотре де у них, у киевских, будет своя рада; да здоров бы у них был отец их» Семен Климов (Клишов, Клишев), который является их выборным, «есть де у него великих государей грамота».

Допрошенный полковником С. Рязановым стрелец Е. Алфимов так передает свои слова на той «беседе»: «Как де у полковника будет смотр, а у них де, у киевских, на смотре своя рада будет; а какая рада будет, того он не сказал; и здоров бы де у них был отец их Семен Клишов: буде ево, Семена, станет полковник на смотре бить батоги, и им де ево бить не дать, стоять за него всем заодно, которые были в Киеве»⁵⁰⁹.

Таким образом, московские стрельцы полка С. Рязанова, служившие в Белгороде и Киеве, высказывали недовольство своим положением и строили планы выступления по возвращении из Киева в Белгород. Они хотели собраться на «раду», т. е. своим «кругом», у них уже имелся выборный С. Климов; хотели бы добиться того, чего добились столичные стрельцы, получившие жалованную грамоту. Причины недовольства у них имелись: месяца за полтора (в начале ноября) до описываемых событий стрельцы «московского жилого полка» С. Ю. Рязанова (387 человек) подали челобитную с просьбой «переменить» их со службы в Киеве, куда их послали 31 мая 1682 г. на перемену солдатам полка А. А. Шепелева⁵¹⁰. Они жаловались, что находятся «беспрестанно и беспеременно в походах», что выбрали их из полка Рязанова (всего в нем насчитывалось 779 человек)

⁵⁰⁸ Там же, лл. 7—8.

⁵⁰⁹ Там же, лл. 8—9.

⁵¹⁰ ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Белгородского стола, д. 1029, лл. 96—106; на лл. 107—109 см. челобитную о том же курских солдат (август 1682 г.). Они просили выдать им денежное жалованье и месячные кормы за прошлые годы и за «нынешней поход»; бояре, слушавшие дело 3 сентября в Коломенском, приговорили отказать им в их челобитье — там же, лл. 110—116.

«самых последних, которые нужные и скудные; а которые полные и мочные люди, и те оставлены по домою». Подъемных денег им дали только по 1 руб. «не против нашей братьи надворной московской пехоты». Купленные на те деньги запасы они по дороге «приели»; ныне же в Киеве, жалуются они, «помираем з голоду и с холоду и одолжали великими долгами». Они просят отпустить их из Киева, «чтоб нам, холопам вашим, скудным и нужным, и бедным, и должным, и безодежным, и досталь и последним, будучи на... службе в Киеве, не помереть и всем бы розно не розбрестися».

Но стрельцы перешли от угроз «розно розбрестися» из Киева к выработке плана выступления, «бунта» по возвращении в Белгород.

Привлеченных по белгородскому делу 29 декабря допрашивали в Курске «в разрядной избе». А. Погонин по сравнению со своими показаниями в Белгороде прибавил: он-де «не известил» в Белгороде о слышанных им словах «про бунт белгородских стрельцов, которые были в Киеве», «бояся того, чтоб сотцкой Сенка (С. Волошенин.—В. Б.) в тех словах не заперся, потому что де сказывал он, Сенка, ему, Афонке, про тот бунт наодине». Е. Алфимов тоже «пополнил» в допросе: есть-де у С. Климова «великих государей грамота: налог никаких чинить им никому не велено», но кое-что «убавил»: С. Климова «отцом» он уже «на называл»⁵¹¹.

Далее А. Погонин признался: он-де «говорил, что великих государей на Москве не стало, затеяв про то напрасно, напився пьян», таких слов он ни от кого не слышал, «и в той де ево, Афонкиной, вине что они, великие государи, укажут».

Е. Алфимов на пытке говорил то же самое, что и ранее, но пояснил, что во время смотра в Белгороде у приказной избы стрельцы пришедшие из Киева, собирались «вычесть» список с «грамоты», которая запрещала всякие работы на бояр, воевод и начальников; та грамота у их выборного С. Климова. Алфимова спрашивали во время допроса о пятидесятнике Родионе Ефремове. Алфимов сказал, что его «нихто из них до смерти не бивали, а умер де он, Родион, идучи ис Киева, своєю смертию на дороге»⁵¹². У властей, таким образом, имелись подозрения по поводу смерти пятидесятника Р. Ефремова, который, возможно, умер не своей смертью, а в результате расправы с ним ненавидевших его рядовых стрельцов.

Допросы других лиц, присланных из Белгорода, производились в Курске 1 января. Среди них был и выборный С. Климов, который сказал, что Е. Алфимов «поклепал ево напрасно»: никакого договора среди стрельцов не было, ни у него, ни у кого

⁵¹¹ ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, д. 582, л. 9.

⁵¹² Там же, лл. 10—11.

другого списка с жалованной грамоты нет, а на бояр и воевод сена стрельцы никогда «не кашивали», дрова «не важивали» (о стрелецком начальстве Климов умолчал в этой связи: стало быть, это имело место). Но он показал, что есть у них в стрелецком приказе «великих государей подлинная грамота у челобитчика их у Петрушки Мецнянкина о счете пятидесятников их во всяких стрелецких поборех прошлых годов», с П. Мецнянкиным в Москве же в челобитчиках был стрелец Иван Красный⁵¹³.

Е. Алфимов на очной ставке с С. Климовым продолжал утверждать, что у последнего есть список с царской грамоты, а договор о том, чтобы не давать бить его, С. Климова, был у стрельцов в Киеве, где изготовили копию с грамоты. Выяснилось также, что под этой грамотой подразумевалась, возможно, июньская или ноябрьская жалованная грамота московским стрельцам или грамота, выданная в ответ на челобитье московских стрельцов, находившихся в Киеве. В нем они, вероятно, жаловались на поборы пятидесятников, которых потом они посадили в тюрьму (с ними вместе сидел московский подьячий В. Баутин) до выплаты, очевидно, начетных денег (по 200—300 руб. на каждого). Одного из них они, возможно, избili так, что он умер по дороге из Киева в Белгород. С челобитьем в Москву посылались П. Мецнянкин и И. Красный. Оба показали 11 января в Курске, что они в Москве били челом о денежном годовом жалованье и о перемене их братья стрельцов из Киева (челобитье, вероятно, относится к началу ноября), но никакой грамоты о «счете пятидесятников их стрелецких в поборех» у них нет. Правда, их братья стрельцы в Киеве давали им челобитную «за руками» о «счете пятидесятников во всяких их стрелецких поборех прошлых годов». Но по той челобитной они в Москве не били челом, а, приехав в Белгород, отдали ее своему полковнику С. Рязанову; очевидно, в той обстановке, которая сложилась в Москве в ноябре 1682 г., они не сочли возможным давать ход этому теперь безнадежному делу⁵¹⁴. Может быть, это челобитье, с которого списали копию («список») в Киеве, и послужило основой для всяких разговоров о царской грамоте, запрещающей «работы» на бояр, воевод и полковых начальников.

С. Климов на очной ставке с П. Мецнянкиным вынужден был признать, что у него в Белгороде имелся список с царской грамоты, ее прислали в Курск «его братья стрельцы», а подлинная грамота «о счете пятидесятников» у П. Мецнянкина, который писал к своей братье в Киев из Москвы «четыре грамотки, что де такую великих государей грамоту он на Москве взял». Те его «грамотки» у него, С. Климова, дома в Белгороде, а две другие — у сотенного Петра Носа. Поданный С. Климовым

⁵¹³ Там же, лл. 13—14.

⁵¹⁴ Там же, лл. 15—16.

документ оказался списком с царской печатной жалованной грамоты, «что даны надворной пехоте» (в июне или ноябре?).

П. Мецнянкин отпирался и сказал, что он извещал в трех грамотках о «иных делах», а его товарищ И. Красный в одной грамотке писал в Киеве, «что оне о том на Москве докладывали на словах» думному дьяку Ф. Л. Шакловитому, который обещал, что указ по тому делу «будет впредь». Но после этого они на Москве не били челом и возвратились в Белгород, где отдали ту «заручную челобитную» С. Рязанову⁵¹⁵.

С. Климов признался далее, что он сам привез в Курск тот «список» с грамоты, который отдали ему «ево братья стрельцы все в Киеве на смотре». А «писали тот список» стрельцы Кузьма Семичин, Яков Селютин, о том знают все стрельцы в Киеве и Белгороде⁵¹⁶.

11 февраля 1683 г. московские бояре вынесли приговор по белгородскому сыскному делу⁵¹⁷. А. Погонина «за ево воровство, что он, Афонка, забыв страх божий, про великих государей говорил воровством своим затейные слова, чево человеку немочно и помыслить, казнить: вырезать ему язык». Но цари «для своего многолетнего здравия пожаловали» его, вместо этой казни указали на козле бить кнутом «нещадно». По окончании сыскного дела, которое поручалось курскому воеводе боярину А. С. Шеину (посланному туда после отставки кн. П. И. Хованского), указывалось А. Погонину и остальным людям, «которые в том деле сысканы и впредь сысканы будут», чинить наказание по «указным статьям» 3 октября, «хто чево довелися, не о[т]писываяся к великим государем ни о чем». 5 марта 1683 г. в Курске у разрядной избы «при многих людех» били кнутом привлеченных по этому делу. По 100 ударов получили А. Погонин (за «затейные слова» о царях), сотский С. Волошенин и отставной рейтар Филимон (Филька) Шилка («за их воровство, что они к его афонкиным словам причинны ж», что не извещали о словах о предполагаемом «бунте» стрельцов, пришедших из Киева), по 50 ударов — стрельцы Е. Алфимов («за бунт же, что хотел он с стрельцами, которые были в Киеве, раду учинить»), С. Климов («что у него к тому же бунтовству з грамоты великого государя список, какова дана надворной пехоте, а списал он тот список в Киеве, а в роспросе он тот список утаил, а после на очной ставке про тот список сказал»), Е. Петрову, П. Мецнянкину И. Красному («что они про тот список ведали ж, а не известили»), 70 ударов — пушкарь В. Воротников (не известил «про тот бунт» от белгородских стрельцов). 7 марта всех их, 9 человек, Шеин отослал в Белгород до царского указа с распоряжением

⁵¹⁵ ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, д. 582, лл. 17—18.

⁵¹⁶ Там же, л. 19.

⁵¹⁷ Там же, лл. 88—89, а также лл. 90—96.

отдать «на крепкие поруки з записьми, чтоб им, будучи в Белгороде, про бунт не всчинать и никаким воровством не воровать»⁵¹⁸.

Наконец, 11 апреля 1683 г. бояре приговорили сослать всех их с семьями из Белгорода в Усмань и Царев-Борисов и записать в солдаты, стрельцы, пушкари, «а к Москве и никуды их не отпускать и в посылки не посылать»⁵¹⁹.

Жители г. Доброго отправили в 1682 г. несколько челобитчиков в Москву с жалобой на своего воеводу Т. Г. Аргамакова. Они добились того, что воеводу посадили «за караул» в Разрядном приказе. Но тут в мае началось восстание в столице. Добренцы-челобитчики решили в эти дни расправиться со своим недругом с помощью стрельцов, «чтоб де его убить до смерти». Но это не удалось сделать, Аргамаков был уже освобожден, а разыскать его «было... негде, в то число на Москве смятение учинилось». Возвратившись домой, добренские челобитчики стали призывать своих сограждан к расправе с воеводскими «друзьями и хлебояжцами», как делали в Москве стрельцы со своими обидчиками: «На Москве де в мае месяце ушников и шильников побили до смерти, а нам де в Добром ушников же... побить до смерти».

Среди добренских ходоков были добренский подьячий Викула Михайлов, а также Тимофей Ушаков, Тимофей Рыбница «с товарищи», всего «человек з 10». Они замыслили «побить до смерти» нового добренского воеводу К. Г. Руднева, подьячего Е. Семенова и «добренцов» (очевидно, воеводских «друзей и хлебояжцев») М. Чеботаря, Ф. Лохмоткина, К. Никифорова, М. Навикова. Ходоки стали «наговаривать добренцов мирных людей для того, чтоб пособили им побить» их «каменьями».

Дело осложнялось тем, что, наряду с возмущением бедных жителей против местной власти, существовала личная вражда одного из представителей добренской администрации — энергичного и властного подьячего В. Михайлова с воеводами г. Доброго. Тем не менее видно, что добренские жители, используя обстановку, сложившуюся в связи с Московским восстанием 1682 г., выступали против местной власти⁵²⁰.

В ноябре 1683 г. по изветам Д. Васильева (холопа В. Михайлова) и добренского подьячего К. Чефракова воевода К. Г. Руднев посадил в тюрьму сообщников беспокойного В. Михайлова, а сам подьячий, «узнав свое воровство, в то число бежал»⁵²¹.

⁵¹⁸ Там же, лл. 97—101 об.

⁵¹⁹ Там же, лл. 116—120.

⁵²⁰ ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, д. 845, 846, 900, 1279 (лл. 166—170); Л. В. Черепнин. Указ. соч., стр. 61—63.

⁵²¹ ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, д. 1279, л. 167.

В г. Гремячем 31 октября 1682 г. драгунский атаман Т. С. Котов бил челом воеводе Г. Р. Украинцеву на драгуна А. Г. Баженова: 30 августа того же года он бил его на торгу «смертным боем занапрасно и, убив де его, Трошку, и ограбил: обарвал с него мирских зборных денег 4 рубля с полтиною». Во время «суда» у воеводы Баженов и не думал отпираться — он признал, что бил Котова «от себя» за то, что он «говорил похвальные слова: своею де слободою пришед в город и хотел спихнуть воеводу Микиту Карандеева з башни» «для таго де... что на Москве де Карандеевых выискивают»; то же самое, мол, нужно сделать с подьячими, одного из которых Баженов называет по имени; это Карп Семенов — «старай вор», по характеристике того же Котова. На возражение Баженова (нельзя, мол, это делать без государева указа) Котов снял с себя ремень, накинул ему на шею и хотел удавить, но Баженов сорвал с себя ремень и толкнул его, но не грабил.

Гремяченский драгун сержант Г. Кобускин, на которого ссылались оба в подтверждение своих слов, стал на сторону Баженова: он де слышал такие «похвальные слова» от Котова, который также говорил о воеводе Н. Карандееве: «Братья де у него, Микиты, заповедные люди»; Котов хотел скинуть с башни гремяченских подьячих К. Семенова и И. Лишкина, а за что, — не сказал, «только де их бранил матерна». На Баженова Котов накинул ремень и поволок в город, но тот скинул ремень, повалил его на землю и «учал бить».

Выписку по этому делу, сделанную по отписке гремяченского воеводы (написана до 4 декабря 1682 г.), Софья «з бояры» слушали в Новодевичьем монастыре «в трапезе, что на воротах»; отписку и выписку скрепил своей подписью Ф. Л. Шаковитый. Софья и бояре указали Котова повесить, о чем сообщалось в грамоте в Гремячий от 12 декабря того же года. 10 января 1683 г. Котова для казни «взвели на рели», но он, «не дашод до петли, кричала великим гласом во весь народ, а сказал за собою в то число ваше великих государей слово великое». В таких случаях местные власти должны были выяснять содержание «слова и дела», что гремяченский воевода и пытался сделать тут же на городской площади «при грацких людех». Но Котов ничего ему не сказал. Тем не менее Украинцев вынужден был отсрочить казнь, посадив Котова в тюрьму до нового указа. Было совершенно ясно, что Котов хотел оттянуть свой смертный час. Цари, Софья и бояре, хорошо это понимая, снова указали его повесить, поскольку о «слове» он говорил, «избывая от смертны казни». 25 января Котов был повешен⁵²².

⁵²² ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, д. 628, лл. 61—75; С. К. Богоявленский и. Хованщина, стр. 221.

В Одоеве сообщение о восстании в Москве вызвало побег некоторых стрельцов и пушкарей в столицу. О пятерых известно, что они записались в московский стрелецкий полк П. Бохина, а после капитуляции восставших при возвращении домой были арестованы 15 октября под Одоевом и в Лихвинском уезде⁵²³.

В том же городе в январе 1683 г. производился большой сыск на съезде двора «перед» стольником кн. В. И. Волконским⁵²⁴. Он охватил большое число одоевских посадских людей, стрельцов, пушкарей, воротников, крестьян («пахотных людей») и др., всего около 190 человек. Всех спрашивали, кто им говорил, чтобы не чинить оружие и не продавать «ружье», порох и свинец ратным людям в конце сентября 1682 г., когда стольники, стряпчие, дворяне московские и жильцы и «всяких чинов ратные люди» шли к Троице-Сергиеву монастырю «в поход» к царям? Судя по вопросам сыщика (или сыщиков), в этом подозревали прежде всего стрельцов — одоевских и московских: задавались и вопросы о том, был ли кто в Одоеве из московских стрельцов в «смутное время»? Допросы в целом не дали результатов: одни из кузнецов и торговцев, стрельцов и рассыльщиков сказали, что они ружья чинили, а порох и свинец продавали, называя своих «клиентов» по фамилиям, другие говорили, что не могли продавать, так как у них в лавках не было оружия и запасов к нему, третьи отговаривались своим отсутствием в городе (рассыльщики и другие «пахотные люди»), четвертые — тем, что они вообще не занимаются этим делом, и т. д. Все отрицали, что они знают что-либо о «заказе» от одоевских стрельцов, т. е. о запрете продажи и починки оружия. Выяснилось только, что в декабре 1682 г., вскоре после Николина дня и за неделю-полторы до праздника рождества Христова, в Одоеве пришли два московских стрельца из полка П. Бохина — Кузьма Боторов и Кирилл Худошерстов (Алехин). Их послали из Москвы в Тулу «проводить» (охранять) казну. После «провожденья» они заглянули на несколько дней к своим родственникам в Одоев и потом снова ушли в Москву. Интересно, что живший в Одоеве брат первого из московских стрельцов одоевский стрелец Иван Буторин вместе со своим «товарищем» одоевским стрельцом С. Ивановым пытался в начале января 1683 г. освободить двух «колодников» — одоевских кузнецов П. Остроухова и А. Савельева.

Одоевского стрелецкого десятника 11 января прямо спрашивали: «Для какова умыслу одоевским кузнецам делать ратным людям ружье и москотильного ряду сидельцом порох и свинец продавать заказывал?» Но Марков, как и другие привлеченные к этому делу, все отрицал, а относительно двух названных выше московских стрельцов сказал, что они жили в Одоеве три дня и

⁵²³ ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Белгородского стола, д. 1029, лл. 87—94.

⁵²⁴ Там же, Столбцы Приказного стола, д. 620, лл. 1—46.

объявляли свою подорожную в съезжей избе воеводе П. Расловлеву; кроме них, никто в Одоеве не бывал⁵²⁵.

Очевидно, основанием для розыска явились жалобы дворян, съехавшихся по вызову правительства к Троице в сентябре — октябре 1682 г. и уехавших оттуда уже в начале ноября. Недаром сыск в Одоеве принял такие обширные размеры, его проводил специально, вероятно, присланный сыщик стольник кн. В. И. Волконский (воеводой в Одоеве в декабре 1682 г. был П. Расловлев; маловероятно, что его заменили Волконским в конце 1682 — начале 1683 г., так как смена происходила обычно осенью).

Сохранилось отрывочное и не совсем ясное известие, свидетельствующее, возможно, еще об одном факте классовой борьбы летом 1682 г. Оно приводится в «росписи расходов» подьячего П. Петрова и слуги Я. Кондратьева. Они ездили в Мамонтову пустынь Николаевского монастыря «з грамотою великих государей» в Тамбов «для сыску про приезд и розорение» сына боярского и подьячего епископа тамбовского и козловского Леонтия. Деньги они получили в Савво-Сторожевском монастыре и Мамонтовой пустыни «на всякой расход» с июля (число неизвестно) по 14 августа 1682 г.⁵²⁶

Болезнь новых волнений служилых людей на юге преследовала правительство и год спустя после восстания в Москве. 11 июня 1683 г. цари и Софья указали послать в Курск в полк боярину А. С. Шенну и в Севск к окольному Л. Р. Неплюеву грамоты с указанием, «чтоб у генералов и у полковников и у начальных людей, которые ныне живут в Курску и в Белгороде и в Севску, денщикам и караульщиком до службы и до походу ис тех городов не быть». Запрещалось брать из полков всяких мастеровых людей «для работы всякой», не собирать поборов со своих «полчан», «чтоб им в том прежде времени тягостей никаких не было». В грамоте же А. С. Шенну от 14 июня 1683 г. прямо говорится о причине такого указа: «ведомо учинилось», что генерал-майор Андрей Цей и другие начальные люди солдат Комарицкой волости «емлют к себе» в денщики, караульщики и «для всякой работы плотников и работников сколько хто хочет»⁵²⁷. И здесь характерна оговорка правительственных документов: «Чтоб им, ратным людям, прежде времени разоренья и напрасных убытков и лишние тягости не было»⁵²⁸. Все это было естественным в глазах правительства, но приобретало такой размах, что оно считало нужным, особенно учитывая события «смуты» 1682 г., одернуть иногда «перебарщивавших» генералов, полковников и прочих начальников.

⁵²⁵ ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, д. 620, лл. 38—39.

⁵²⁶ Архив ЛОИИ, ф. 7, оп. 1, д. 26, л. 1.

⁵²⁷ ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Белгородского стола, д. 1029, лл. 362—368

⁵²⁸ Там же, л. 364.

На западе и северо-западе от Москвы волнений, судя по имеющимся данным, происходило мало. В Смоленске, где располагалось 4 стрелецких полка, переформированных из солдатских, стрельцы в июле 1682 г. написали челобитную с жалобами на притеснения и убытки от своих полковников и послали ее через воеводу в Москву. Они отставили старых полковников и пятидесятников и выбрали из числа стрельцов новых. В Москву выехало несколько их представителей, но челобитная все не рассматривалась. В конце концов правительство, направлявшееся в это время во второй «поход» в Воздвиженское, демонстративно пожаловало одного из смоленских полковников — Мельгунова — в стольники. Посланная из Москвы 5 сентября грамота о присылке смоленских полковников для расследования запоздала — последовали казни 17 сентября и капитуляция восставших. А в ноябре смоленские стрельцы получили от правительства ответ, что они снова переформировываются — опять в солдаты; это сопровождалось снижением окладов по сравнению со стрельцами. В декабре инициаторов челобитной сослали в г. Полатов. Сопровождавший их конвой стрельцов ввиду ненадежности тоже оставили в качестве ссыльных в этом городе. В Полатов же «за воровство, бунтовство и похвальные слова» сослали из Смоленска нескольких рейтар, в том числе капитана⁵²⁹.

Интересно в связи с этим сообщение о событиях в Смоленске анонимного автора-итальянца. По его словам, находившиеся здесь стрельцы «также сговорились убить своих начальников за то, что жалованье, полученное ими сполна из казны государственной, несполна раздавали солдатам». Четверо начальников (в Смоленске находилось четыре стрелецких, бывших солдатских, полка) спаслись бегством из города. Кроме того, «взбунтовались» граждане, т. е. жители города Смоленска, против «наместника» (вероятно, воеводы) «за отнятие у них некоторых угодий, данных им от митрополита; с испугу он возвратил им должное». Заключительная фраза — «этот бунт кровопролитный везде знают» — может относиться к событиям в Смоленске или же, скорее, в самой Москве, поскольку до этого автор подробно говорил о восстании в столице⁵³⁰. Поскольку это сообщение перекликается с показаниями официальных актов о событиях в Смоленске, то утверждение итальянца-анонима о движении среди смоленских горожан, а также о бегстве из города четырех стрелецких начальников, возможно, не лишено оснований.

В Савво-Сторожевском монастыре вскоре после прибытия туда царского двора (8 сентября) было «за непристойные

⁵²⁹ С. К. Богоявленский. Хованщина, стр. 220—221.

⁵³⁰ «О происшествиях московских...», стр. 80.

слова учинено наказанья» Кириллу Сидорову — холопу стряпчего А. Федорова⁵³¹.

В Новгороде имела место попытка поднять на восстание местных стрельцов. Она исходила от мелкопоместного дворянина Т. Вындомского, который, находясь в Москве, писал «грамотки» к своему сыну Марку «в смутное время, чтоб он, Марко, новгородских стрельцов взбунтовал и велел бить челом о заслуженных и о вычетных денгах и об нем, Марке, и о брате ево Вавиле к себе в головы». Таким образом, Вындомский преследовал, сообщая свои замыслы сыну, узкокорыстные цели, стремясь использовать движение стрельцов для того, чтобы сделать своих сыновей стрелецкими головами, т. е. полковниками. За это «воровство» Т. Вындомский поплатился ссылкой в Сибирь, поместья и вотчины его и сыновей (45 крестьянских и бобыльских дворов в разных пятинах и погостах Новгородского уезда и в Гдовском уезде) отдал думному дяку В. Г. Семенову. Из ссылки их освободили 1 февраля 1689 г.⁵³²

1 декабря 1682 г. били челом жители г. Опочки и Опочецкого уезда М. Лутонин «с товарищи» (3 человека): в ноябре того же года они подали в Разряде челобитную на «ябедников и мирских досадителей» псковичей Б. М., И. Б. и Г. Б. Неклюдовых, с которыми у них были какие-то споры. Неклюдовы обвиняли опочевцев в своей челобитной, которую последние характеризуют как «неудобное оболгательное оклеветание, будто опочекские жители написали тое заручную челобитную (на Неклюдовых.— В. Б.), приставаючи к нынешней мимошедшей шатности и будто хотя их из домов напрасно изогнать»⁵³³. Здесь показательно, что Неклюдовы для того, чтобы своих противников, опочевцев, как-то сделать уязвимыми в глазах московских властей, стремятся доказать, что опочевцы, подавая челобитную, пытались использовать обстановку «мимошедшей шатности» и даже «пристают» к ней, выступая против Неклюдовых.

В ряде уездов к востоку и северо-востоку от Москвы наблюдались движения среди помещичьих и монастырских крестьян.

В принадлежавшем Савво-Сторожевскому монастырю Надеином Усолье крестьяне и работные люди в июле 1682 г. послали в Москву челобитчиков с просьбой, чтобы «тому Надеинскому Усолью за Савиным монастырем не быть». Они перестали повиноваться властям монастыря, прекратились всякие работы, в том числе монастырский соляной и рыбный промысел. По просьбе игумена власти подавили волнения⁵³⁴.

⁵³¹ ЦГАДА, ф. 141, 1683 г., д. 54, л. 35.

⁵³² Там же, 1690 г., д. 59, лл. 1—3.

⁵³³ Там же, ф. 210, Столбцы Приказного стола, д. 1898, лл. 353—354; д. 1941, лл. 1177—1180.

⁵³⁴ «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в.», стр. 335.

Неподалеку от Троице-Сергиева монастыря, в Переяславль-Залесском уезде, происходили волнения крестьян села Годунова (Андреевского тоже) помещика И. М. Дурного⁵³⁵. В июне (или в июле) 1682 г. «в розных числах» крестьяне, как пишет в своей челобитной И. М. Дурной, «[ско]пом и заговором многие люди приходили ко мне... на дворышко с великим невежеством и бранили меня и женишку мою всякою неподобною бранью и хотели [ме]ня убить до смерти и, умысля воровски, просили у меня, холопа вашего, себе отпускных на волю при многих сторонних людех неведомо по какому своему воровскому умыслу». Впрочем, несколько ниже помещик показывает прекрасное понимание причин «воровского умысла»: он пишет, что его крестьяне выступили против него, «видя *смутное время, хотя они от меня отбыть крестьянства*».

Помещик, испугавшись расправы, бросил свой дом и имущество, «бежал и жил, укрываючися у своей братьи, в розных местах». Крестьяне без него приходили к его дому, «животишка мои многие розграбили и, узнав воровство свое, побежали». Он называет этих крестьян: Семен Михайлов, Константин Харитонов, Афанасий Карпов, Карп Макаров «с товарищи». «А ныне,— продолжает И. М. Дурной,— те мои крестьяне объявились на Москве, отбывая своего воровства», и бьют челом на него. Помещик просит не верить их «ложному» челобитью и наказать их, чтоб «мною, холопом вашим, образца учинить», т. е. наказать их в назидание всем другим крепостным крестьянам⁵³⁶.

18 июля Разрядный приказ направил из Воздвиженского, где в то время находился царский двор, грамоту переяславль-залесскому воеводе Л. С. Рудакову: ему предписывалось крестьянам Дурного «учинить наказание по нашему великих государей указу и Соборному Уложению и велеть тем крестьяном за ним, Иваном, быть по-прежнему»⁵³⁷.

То же было приказано сделать главе московской правительственной комиссии боярину кн. И. А. Хованскому в том случае, если крестьяне Дурного объявятся в Москве⁵³⁸.

Л. С. Рудаков посылал для ареста крестьян С. Михайлова «с товарищи» подьячего, рассыльщиков «двожды». Но «те крестьяне вашего великих государей указу учинились непослушны, в Переславль не поехали и розыльщиков и пристава и монастырских служек перебили». В своих доезжих памятях подьячие и рассыльщики сообщали, что крестьяне села Годунова К. Макаров, П. Михайлов, Г. Клементьев, «собрався великим собранием все крестьяня того села Годунова, крестьянина Сеньку Михайлова у нас отбили и нас, розыльщика и

⁵³⁵ ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, д. 591, лл. 1—43.

⁵³⁶ Там же, л. 1.

⁵³⁷ Там же, лл. 3—4.

⁵³⁸ Там же, лл. 5—6.

монастырских слуг, поленьем и дубьем били и указ великих государей называли воровским: тот де указ от воеводы». В другой доезжей памяти С. Михайлов «с товарищи называются «сильниками», а об их защитниках — крестьянах села Годунова — говорится, что они, «все собрався великим собранием, скопом и з заговором, з женами своими и з детьми вышед из домов своих з бердыши и з дубьем», начали всех посыльных бить дубьем и рубить бердышами. Рассыльщику С. Алексееву пробили голову «в теме» и «за правым ухом», а спину, руки и ноги «все избилы сине». Сильно пострадали также А. Микулин, Я. Аксенов, Я. Спиридонов. Всех приезжих для ареста крестьяне «розогна-ли». Это происходило 2 августа⁵³⁹.

Годуновские крестьяне в своей августовской челобитной жаловались на воеводу Л. С. Рудакова, который посадил в тюрьму их челобитчиков и морит их там голодом, «стакався» с И. М. Дурным и «накупя» 16 рассыльщиков, присланных к ним. По словам крестьян, «в селе в то число многих нас, сирот, и жен и детишок наших побили и из села вон выбили». Они же утверждали, что к ним по их челобитью присланы две царские грамоты, согласно которым «велено обыскать всякими сыски накрепко семи волостями», но Рудаков никакого розыска «по тем грамотам» не «учинил». Они просят передать руководство розыском другому лицу, «сверх ево, Лаврентья», т. е. Л. С. Рудакова⁵⁴⁰.

В новой челобитной помещик И. М. Дурной сообщал, что его крестьяне, бежавшие после грабежа его имущества в Москву, ходят там по улицам «з дубьем и хотят меня... убить до смерти». В Переяславль по его челобитью была послана грамота с приказом учинить наказание его крестьянам, но последние этому указу учинились «сильны и непослушны» и «били смертным боем» его жену и детей при подьячих, приставах и монастырских слугах; «и от того бою женишко моя ныне лежит при смерти». Переяславский воевода посылал после того «другую посылку» из подьячих и приставов с понятыми, которых те «мужики воры и бунтовщики били... смертным боем и бердыши рубили и рогатины кололи. И от того бою и от ран подьячие и приставы лежат при смерти» (это происходило 2 августа). «А ныне», — продолжает жаловаться И. М. Дурной, — крестьяне жену и детей «на дворишке завалили» (т. е. заперли, закрыли) и «хотят убить до смерти и домишко мой весь разорили и разграбили без остатку». Жена и дети помирают «голодной смертью». Крестьяне никакой работы на помещика в это время не исполняли⁵⁴¹.

⁵³⁹ ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, д. 591, лл. 8—12.

⁵⁴⁰ Там же, л. 7.

⁵⁴¹ Там же, л. 13.

14 августа в Москве состоялось решение Боярской думы по этому делу: «пущего завотчика» С. Михайлова указали повесить в торговый день «при многих людях», трех других «пущих завотчиков» Карпа Макарьева (Макарова) «с товарищи», «которые в том заводе с ним, Сенкою, были», бить кнутом «на козле и в проводку» и сослать с семьями в Сибирь «на вечное житье». Остальным крестьянам, «завотчикам же, которые к тому делу приличны, учинить наказанье по рассмотренью, смотря по вине», и отдать по-прежнему И. М. Дурному «в крестьянство с роспискою», «чтоб впредь, на то смотря, иным так неповадно было воровать»⁵⁴².

В своих новых челобитных (поданных до 5 октября) И. М. Дурной сообщает, что его крестьяне «учинились непослушны» и указу об их наказаньи, до сих пор держат в осаде на дворе его семью, а сам он скитается «меж двор», все они, он и его семья, помирают от голода⁵⁴³. 6 октября в его поместье послали из Троицы стольника В. Н. Тютчева с повелением об аресте «бунтовщиков» и доставке их к Троице. Но стольник тех крестьян «не изъехал, ис того села они разбежались в леса». Крестьян, которые «ведали» про «воровство» С. Михайлова «с товарищи», но к Дурному «бунтом не приходили», били кнутом «на козле и в проводку нещадно». Эти крестьяне сказали о С. Михайлове «с товарищи», что они сбежали в Москву, а «где живут на Москве, того де они не ведают»⁵⁴⁴. Поймали ли этих «завотчиков», неизвестно.

В прямой связи с Московским восстанием 1682 г. находится, можно думать, и выступление крестьян деревни Губачева и села Михалева Ростовского уезда. О нем говорится в грамоте, присланной ростовскому воеводе стольнику Г. Ф. Давыдову из Разрядного приказа⁵⁴⁵. Крестьяне, принадлежавшие стольнику И. И. Грекову, «во 191-м году», т. е. не ранее сентября 1682 г., «приходили к нему, собрався бунтом», и хотели его убить «до смерти». Но, поскольку помещик вместе с некоторыми слугами уехал в Троице-Сергиев монастырь, где собиралось дворянское войско для борьбы с восставшими в Москве, крестьяне «розогнали» детей И. И. Грекова и разгромили помещичий дом «без остатку». Кроме того, по словам И. И. Грекова, крестьяне полностью вышли у него из повиновения — «ни в чем его не слушают».

В документе не говорится ни о причинах, ни о непосредственных поводах, побудивших крестьян к столь решительным

⁵⁴² Там же, лл. 20—22.

⁵⁴³ Там же, лл. 29—32.

⁵⁴⁴ Там же, лл. 33—43.

⁵⁴⁵ Там же, Столбцы Московского стола, д. 639, лл. 332—333; В. И. Буганов. Новый источник о волнениях крестьян Ростовского уезда в 1682 г.— «Крестьянство и классовая борьба в феодальной России». Л., 1967, стр. 329—331.

действиям против своего владельца. И. И. Греков в челобитной, которая, к сожалению, неизвестна, жаловался на действия своих крестьян и просил вмешательства властей. Разрядный приказ полностью удовлетворил просьбу феодала — ростовскому воеводе Г. Ф. Давыдову предписывалось послать во владения И. И. Грекова «многих служилых людей» с тем, чтобы арестовать, привести в Ростов и допросить предводителей этого выступления. Наказание им должны были назначить в соответствии с нормами Соборного уложения 1649 г., беспощадно каравшего народные выступления против властей, дворян. Можно не сомневаться, что местные власти в Ростове неукоснительно выполнили указания представителей центрального управления.

Интересны данные, относящиеся к Владимирскому уезду. Сохранились документы, свидетельствующие о «непослушании» крестьян Боголюбовского монастыря (под Владимиром) монастырским властям⁵⁴⁶. Они несколько лет подавали челобитные в Приказ Большого дворца с жалобами на несправедливое отягощение барщинными работами, оброками и «всякими изделии». В Москве в это же время хлопотал по их делам крестьянский ходатай Иван Бусыга. Монастырские власти в свою очередь посылали челобитные с жалобами на крестьян. Дело тянулось без результатов, и Иван Бусыга год за годом без пользы жил в Москве. Однако 18 мая 1682 г. он пришел из Москвы в родные края (вышел из столицы, вероятно, в первый же день восстания — 15 мая, так как, чтобы добраться до Боголюбова, требовалось несколько дней) и обратился с призывом к односельчанам: «призвал их к себе на двор и говорил им, чтоб итти с ним в монастырь и оброчные вытныя денги пятьдесят рублей у казначея из казны выбить. А он де, Ивашко, пойдет в монастырь наперед с товарищем своим с Якушкой Быковым. Да сверх тех речей сказал им же, крестьяном, что де ныне на Москве замятня великая и боярские дома разоряют». Таким образом, этот крестьянин, который обладал явно выраженными чертами вожака-бунтаря, призывал к открытому выступлению против монастыря-феодала, обиравшего крестьян. Иван Бусыга указал на прямую связь своей агитации с началом восстания в столице против бояр. Однако боголюбовские крестьяне не отважились на выступление и «в том ему, Ивашку, отказали и с ним не пошли». Но и после этого И. Бусыга с товарищами вновь жил на Москве «многое время», подавая «составные челобитные» на монастырь. В грамоте Приказа Большого дворца владимирскому воеводе стольнику кн. Т. И. Шаховскому от 28 июня 1684 г. он характеризуется как «плут и старый мятежник». В 1683 г. И. Бусыга и

⁵⁴⁶ Госархив Владимирской области, ф. 567, оп. 1, д. 1, лл. II—6.

его десять товарищей были наказаны в Москве «за ложное многое челобитье и мятеж..., чтоб впредь неповадно было иным так же воровать». Затем они сидели «в смиреннии» в том же приказе⁵⁴⁷.

Ивану Бусыге велели жить по-прежнему «за монастырем на пашне»; с него приказали взять поручную запись в том, что он не будет ходить в Москву «за монастырскими делами». Вместе с тем монастырским властям указали не брать с крестьян лишних налогов «до новых писцов». Крестьяне добились некоторого сдерживания алчных appetитов монастырской братии (хотя, вероятно, и ненадолго), что было результатом их упорной борьбы, прежде всего группы крестьян во главе с И. Бусыгой, которого события Московского восстания 1682 г. побудили предложить крестьянам начать решительные действия против монастыря-эксплуататора.

Крестьяне села Ильинского Череможской волости Ярославского уезда, принадлежавшие московскому Симонову монастырю, в июле 1682 г., узнав о восстании в Москве, перестали повиноваться монастырскому приказчику и послали в столицу шесть челобитчиков во главе с Герасимом Ивановым. В челобитной, поданной главе Стрелецкого приказа И. А. Хованскому, они писали, что монастырь наложил на них большой денежный оброк (1200 руб. с 600 крестьянских дворов) «по неволе, за правожем». Они просили, «чтобы им в монастырь платить малой оброк, как оне похотят или как бы им стрельцы присоветовали». Архимандрит Симонова монастыря жаловался, что в Москве стрельцы выступили на стороне крестьян, приходя в монастырь, где они «всячески угроживали копьями и ссылкою». Челобитье архимандрита в Посольский приказ осталось без ответа. После 17 сентября архимандрит снова подал челобитную. На этот раз власти послали подьячего в Ярославль, где он должен был взять у воеводы палача. Подьячий прибыл в Ильинское, чтобы наказать «завотчиков» и других крестьян («бить на козле и в проводку по селу кнутом») и заставить их повиноваться монастырским властям. Но крестьяне избили и выгнали его из села. В январе 1683 г. для их усмирения прислали стрельцов из Москвы. Чем окончилось это движение, неизвестно⁵⁴⁸.

В селце Тишкове Коломенского уезда какие-то «разбойники» в 1682 г., «в смутное время», «разбили» дом Семена Загрязского «и многие животы ево разбоем побрали и всякие писма подрали и з собою поимали»; в частности «пропала» жалован-

⁵⁴⁷ Там же, лл. 3—4.

⁵⁴⁸ «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в.», стр. 334; Н. В. Устюгов. Волнения крестьян Симонова монастыря в селе Ильинском Череможской волости Ярославского уезда в 1682—1683 гг.—«Русское государство в XVII в.», М., 1961.

ная грамота великого князя Дмитрия Ивановича «на выезд, что была прародителю нашему Боровского и Верейского уездов на Вышгород с волостми». Об этом «разбое», носившем явные черты классового выступления против одного из русских феодалов, помещик подавал «много челобитье» в приказы Сыскных дел и Казанского дворца⁵⁴⁹.

Влияние Московского восстания 1682 г. чувствуется в более позднем движении на Дону в 1683 г. Здесь начались волнения раскольников во главе с елецким кузнецом Кузьмой Косым. «Воронские замыслы и смуты» исходили от московских раскольников и стрельцов, которых ссылали в южные города. Коротоякский сын боярский Н. Малшин, весной 1683 г. «сшедший» из Воронежа Доном в Черкасск в гребцах вместо воронежского полкового казака А. Аксенова «в наемщиках», при возвращении обратно в июне того же года вверх по Дону остановился из-за болезни в «нижнем городке» Чире. Здесь, в Чирском монастыре, он стал свидетелем того, как пришедшие туда же «неведома какой человек, слепец» и двое его спутников подали «строителю» Макарию два «писма» в столбцах. Первое «письмо» содержало грамоту, написанную якобы от имени царя Ивана Алексеевича на Дон к атаману Ивану Семенову и всем казакам, «будто его, великого государя, на Москве бояря не почитают». Во втором «письме на круглом листу» было написано: «Бояре де хотели московских стрелцов порубить, и московские де стрельцы за то бояр самих порубили, а за какие вины и кто имяны бояря порублены, и в том де писме написано имянно» (может быть, речь идет о стрелецко-солдатской челобитной начала июня 1682 г. или же жалованной грамоте, явившейся ответом на нее; в них, действительно, говорилось о причинах расправы с боярами 15—17 мая 1682 г. и перечислялись их имена). Двое спутников после чтения «писем» всем монастырским старцам говорили им, что бояре на Москве хотят «извести» царя Ивана и поэтому донским казакам нужно идти «с реки... к Москве».

Эти грамоты, присланные якобы от царя Ивана, слепец и двое его спутников читали по другим казачьим городкам на Дону, затем в самом Черкасске — столице Войска Донского.

Воронежские посадские люди Г. Полунин, Ф. Мызников, З. Колесников, бывшие свидетелями чтения грамот в Черкасске, докладывали 3 сентября 1683 г. в Воронеже воеводе стольнику О. А. Нармацкому: «сказывали де казаки, что та де грамота за вислою печатью о старой христианской вере». Подьячий Н. Гаврилов сообщил 23 августа 1683 г. в Посольском приказе: в той грамоте говорилось также о том, что Хованских казнили

⁵⁴⁹ ЦГАДА, ф. Герольдмейстерской конторы, д. 241, л. 188. Приношу глубокую благодарность В. И. Корецкому за сообщение этого известия.

«напрасно», что царь призывает казаков в Москву, в ней же были «непристойные слова» о патриархе и властях, о новоисправных книгах. Грамоту читал «в кругу» казакам «соборной белой поп Василий».

Во время чтения разыгрался характерный эпизод с елецким дворянином Е. Бехтеевым. Его присутствие в кругу вызвало подозрение казаков. Они схватили его и спрашивали: «Что он за дворянин? Есть ли де у него великих государей указ, с чем он к ним приехал?» Его противоречивые ответы (то говорил, что приехал в войско для покупки лошадей, а «в другой ряд» — за своим «дворовым человеком», т. е. холопом) еще более насторожили казаков, которые «за то де его... хотели посадить в воду, что в речах своих разнился, знатно де, что он бежал с Москвы за тою грамотою, которую к ним в войско старец принес, и хотел тое грамоту у старца отбить»; таким образом, казаки заподозрили в этом дворянине московского шпиона, соглядатая.

В том же кругу после того, как старшина заступилась за Е. Бехтеева, «многие казаки говорили, чтоб им, собрався, итти в Русь к Москве». Предварительно они хотели побить атаманов и старшину, в которых видели сторонников бояр, а затем уже подняв на восстание холопов, собирались идти к Москве для освобождения царя Ивана. За уговоры принялся атаман Фрол Минаев, говоривший о подложности грамоты, напомнивший им о «многом» царском жалованье (он выступил с речью как раз после раздела «в другом кругу» присланного из Москвы денежного и хлебного жалованья) и даже отказывавшийся от своей атаманской должности (в случае организации похода в Москву «на государей своих»). Казаки согласились с его доводами и успокоились.

Все это происходило в первой половине августа 1683 г. 21 августа о событиях на Дону стало известно в Москве со слов побывавшего там подьячего Земского приказа Н. Гаврилова, а на следующий же день, 22 августа, правительство послало в Черкасск толмача Посольского приказа Тараса Иванова с требованием прислать в Москву чернеца с «воровскими письмами».

Т. Иванов прибыл в Черкасск 6 сентября. Здесь в ответ на требование московского правительства казаки ответили отказом: чернец, по их словам, «малоумен и письмо воровское составлявал не он», ему то письмо «дали и обманули» «подлинные воры» — Кузьма Косой и беглый стрелец Константин (Костыка), которые живут при впадении Арчады в Медведицу. После резких пререканий за ними послали трех казаков. Фрол Минаев и старшина тайно объяснили Т. Иванову, что в таком поведении казаков, послушавшихся царского указа, виновны явившиеся с Москвы раскольники и стрельцы, которые бежали на Дон из

мест ссылки, например из Полатова, Коротояка и других южных пограничных городов. В донских казачьих городках они заводят всякие «смуты» и «воровство»: оспаривают в кругах царские указы «и вором потатчиками ставятся, и кричат такие вору для того, что их множество набродят». Среди казаков имеются люди, которые им сочувствуют.

Отпуская Т. Иванова в Москву, Минаев и старшина, обвинив еще раз в организации «смут» и «мятежей» раскольников, живших по Хопру и Медведице, просили ходатайствовать перед боярином кн. В. В. Голицыным, чтобы была запрещена ссылка в пограничные с Доном города. Они жаловались московскому посланцу, что из-за агитации раскольников упало их влияние на казаков.

Но основная масса донского казачества взяла под защиту обосновавшихся в их землях раскольников, всяких ссыльных людей. Поэтому приказы царских грамот о разорении раскольниковых пустынь на Дону не выполнялись.

Московское правительство, опасавшееся влияния «смуты» 1682 г. на донских казаков (как и на население всей страны), в грамоте от 10 сентября 1683 г. похвалило их за то, что они не пристали к «бывшему мятежу» в «прошлом 190 году», и призвало не верить и нынешним «ворам и прелестникам», раскольникам, которые вменяют лживыя и непристойныя дела и воровския свои письма объявляют на смуту и на прелесть, как бы **учинить** в Московском государстве мятеж и нестроение и всякое разорение».

Стрелец Константин и Кузьма Косой были вскоре арестованы, причем первый из них взял всю вину на себя и «оправил» Кузьму Косого и чернца Иосифа. Он признался, что привез сам «воровские письма» из Москвы, где их дал ему «и велел свезть на Дон для смуты» раскольник тяглец Басманной слободы Василий Симонов «с товарищем своим» Саввой Яковлевичем Грешным. Этот последний, как оказалось, и писал грамоту. Всех троих казнили. А 23 ноября 1683 г. на Дон послали грамоту с запрещением принимать в казачьи городки сосланных в Полатов стрельцов и «иных чинов людей» и с требованием присылать их в Москву⁵⁵⁰.

Но движение раскольников на Дону продолжалось и впоследствии. Тот же Кузьма Косой в 1687 г. призывал к походу на Москву, чтобы очистить ее от слуг «атихриста-царя», бояр и архиереев. Следующие два года также отмечены волнениями раскольников. Но московские власти и донская старшина решительно расправились с этими движениями.

⁵⁵⁰ ДАИ, т. X, № 97, стр. 430—433. Н. Я. Аристов. Указ. соч., стр. 110—111; В. Т. Дружинин. Раскол на Дону в конце XVII в. СПб., 1889, стр. 110—120.

**МЕРЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА
ПО ЛИКВИДАЦИИ ПОСЛЕДСТВИЙ ВОССТАНИЯ**

(казни, ссылки; меры для поимки бежавших участников
восстания; «докладная выписка» Стрелецкого приказа
от 27 декабря 1683 г.)

Репрессии правительства против участников восстания можно охарактеризовать лишь в общих чертах ввиду скудости показаний источников, как опубликованных, так и архивных, несмотря на их кажущееся обилие. Правда, иностранцы сообщают о большом размахе казней и ссылок. Так, польский анонимный автор пишет, что многие стрелецкие полки «разослали» из Москвы в Великие Луки, Астрахань, Киев, Смоленск; «и были даны и разосланы указы, как кого казнить». Получается, что власти организовали эти казни московских стрельцов в тех местах, куда из столицы отправили полки для службы. Таким путем «казнили около полуторы тысячи человек», после чего «стрельцы стали сильно негодовать и поджидать теперешней поры, когда спадут воды и оденутся листьями леса (т. е. весны 1683 г.— В. Б.), обещаясь снова собраться вместе. Что выйдет из этого, покажет время...»⁵⁵¹

Итальянец, папский представитель в Варшаве, сообщает даже, что в результате подавления «мятежа» посланные против них солдаты «зверски убили около трех тысяч стрельцов», остальные расквартированы далеко от Москвы: одна их часть направлена к границам Ливонии, другая — к границам Литвы⁵⁵².

Согласно Невиллю, В. В. Голицын, «великий канцлер и временщик», «начал свое управление строгим следствием над виновными стрельцами, казнил главных зачинщиков бунта и сослал других». Из сосланных стрельцов составили четыре полка, которые послали в Белгород, Курск, Севск и Симбирск⁵⁵³.

Все эти показания, вероятно, в какой-то степени отражают действительность, но нужно учесть недостаточную осведомленность иностранцев. Так, сомнения вызывает известие анонимного польского автора о полутора тысячах казненных стрельцов. Правительство старалось не обострять до крайности обстановку в столице и в провинции. Однако подобное тому, о чем пишут иностранцы, могло иметь место. Так, сохранилось известие, что стрелец А. Свищов из московского полка Ф. Головленкова, посланного на службу в Киев, был «принят», т. е. арестован, в Севске, вероятно в ноябре или октябре; «да и иные причинные люди не в одном в том полку есть, только де их не знают, как принять»⁵⁵⁴.

⁵⁵¹ «Дневник зверского избиения...», стр. 26.

⁵⁵² А. Theiner, p. 238 (донесение от 9 декабря).

⁵⁵³ Невиль. Записки, стр. 438.

⁵⁵⁴ ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, л. 117, л. 17 (из показания киевского рейтара И. Семенова в Малороссийском приказе в Москве 2 декабря 1682 г.).

Таким образом, власти не только в Москве, но и после высылки стрелецких полков из столицы в провинцию «не знали», как подступиться к «причинным» стрельцам для ареста. Тем самым сообщения иностранцев об организации репрессий над стрельцами после высылки их из Москвы могут иметь определенные основания.

А. А. Матвеев после сообщения о капитуляции стрельцов пишет, что «самых их главных воров в то же время смертью казнить указали»⁵⁵⁵. Автор здесь, очевидно, имеет в виду не выборных стрельцов Б. Одинцова «с товарищи», которых казнили 17 сентября вместе с Хованскими (о них он пишет выше особо), а других, которых казнили уже после окончания «мятежа».

Разрядная записка «Смутное время» сообщает, что «в иные месяцы до году была ж осторожность во всех полках и пущих заводчиков казнили, а иных, пытав, сылали в силки»⁵⁵⁶.

Таким образом, ряд русских источников сообщает о казнях, хотя они не подтверждают сообщения иностранцев об организации «следствия» над восставшими и нескольких тысячах казненных. Вероятнее всего, что следствия, или, как тогда говорили, «розыска», «сыска», как такового, официально организовано не было, хотя власти в той или иной форме могли разбирать дела о главных «заводчиках» из числа стрельцов и солдат и выносить по ним приговоры. Так, московские власти сообщали в Троицу, что 14 октября 1682 г. на Красной площади по указанию правительства были казнены стрелец Клим Бархат из полка М. Марышкина «за ево воровство и за смертное убивство» и стрелец Абросим (Оброска) Савельев «за многие непристойные слова и за смуту»⁵⁵⁷.

Относительно ссылок сохранились другие сведения. С. Медведев сообщает, что в течение 7191, т. е. конца 1682 г. и в 1683 г., «многих ради возмутительных вин многия стрелцы в города разные в разные же времена быша розосланы в ссылку»⁵⁵⁸. Сохранились архивные документы, свидетельствующие о ссылках стрельцов и представителей других слоев населения за «смутные», «похвальные» слова. Так, в одной из приказных памятей и в грамотах в Путивль, Нижний Новгород, Илимский (январь 1683 г.) сообщается, что в 7191, т. е. в конце 1682 и начале 1683 г., «в розных числех» сосланы в ссылку «в розные города» московские стрельцы и «иных чинов» люди «за смутные и за иные непристойные и мимошедшего смутного времени за похвальные слова» в соответствии с указными статьями 3 октября. Далее говорится, что тем ссыльным людям и тамошным жителям, «будет хто из них учнет то дело («смуту» 1682 г.— В. Б.) хвалить или

⁵⁵⁵ А. А. Матвеев. Записки, стр. 47.

⁵⁵⁶ С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 338.

⁵⁵⁷ ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, д. 2549, л. 44.

⁵⁵⁸ С. Медведев. Созерцание, стр. 179.

каким образом всчинать и заводить, чинить наш указ» по тем статьям, «не отписываясь» в Москву⁵⁵⁹.

В отписке боярина М. П. Головина (между 29 и 31 октября 1682 г.) говорится, что согласно царской грамоте, полученной в Москве 22 октября, велено солдата И. Алексеева из полка Р. Жданова и стрельцов С. Соколова и И. Зуба из полка Н. Глебова, которые «за воровские свои затейные и смутные слова дозелись смертные казни», сослать с семьями в ссылку «в сибирские дальние города на вечное житье в пашню». Они были отосланы для этого 23 октября в Сибирский приказ. В этой же отписке сообщается: 27 октября подьячий Сибирского приказа Ф. Федоров говорил московским властям, что по царскому указу в этот приказ присылают для ссылки в сибирские города «колодников» из Приказа надворной пехоты и «из иных приказов». Но он их принимать «не смеет», так как начальник — окольного И. И. Чадаева — и дьяков в Москве нет, грамот о провозачных и подводах для этих «колодников» подписывать некому. На «тюремный двор», где уже сидят ранее присланные в Сибирский приказ «колодники», теперь их не принимают «без памятей». 29 октября в Москве «объявился» дьяк Сибирского приказа П. Симонов, которому московская правительственная комиссия и приказала сослать «колодников» в Сибирь «тотчас».

В грамоте М. П. Головину из Разрядного приказа от 1 ноября, писанной в селе Братошине (на пути при возвращении царского двора из Троицы в Москву), приказывалось указанным трем «колодникам» везти в ссылку из Москвы по ярославской дороге, «не займаю села Братошина», на Вологду «с великим береженьем, чтоб они не ушли и дурна какова не учинили»⁵⁶⁰.

В грамоте из Сибирского приказа кузнецкому воеводе П. И. Дубровскому от 29 декабря 1682 г. указывалось принять ссыльных «колодников» стрельца С. Воробьева и тяглеца Сретенской сотни К. Савельева и поселить их под Кузнецком на пашню, «велеть их беречь накрепко, чтоб они ис Кузнецкого никуда не ушли»⁵⁶¹. В грамоте ему же от 4 января 1683 г. сообщалось о ссылке еще нескольких стрельцов, которых тоже велено было не верстать в службу, никуда не отпускать и не посылать «и смотреть за ними накрепко, чтоб они жили смирно и никакова дурна не чинили и никого ни на какое дурно не научали». Если же они «учнут жить несмирно и нашему указу учнут чинить противно», наказать их «по новым статьям (указным статьям 3 ок-

⁵⁵⁹ СГГИД, т. IV, № 158, стр. 472; ДАИ, т. X, № 59, стр. 206—207; ЦГАДА, ф. 141, 1683 г., д. 9, лл. 1—2; ф. 199, д. 133, ч. IV, лл. 8—10 об.; ГПБ, ОР, ф. 885 (Эрм.собр.), д. 340, лл. 12—16, ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Московского стола, д. 633, ст. 4, лл. 28—33; Столбцы Белгородского стола, д. 1028, лл. 41—49.

⁵⁶⁰ ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Московского стола, д. 639, лл. 44—46.

⁵⁶¹ Архив ЛОИИ, ф. 246 (Кузнецкая приказная изба), д. 90, л. 1.

тября.— В. Б.), как и иным ссыльным людям, не отсылаясь к нам, великим государем»⁵⁶².

В Иркутском летописце, правда, довольно позднем (составлен купцом В. А. Кротовым в XIX в.), записано, что во второй половине XVII в. Иркутский округ заселяется «разноплеменными людьми», «преступниками», «каковы были московские бунтовщики 1662 года, поддельватели противу законной монеты и стрелецкие мятежники»⁵⁶³.

Стрельцов Д. Карпова, Н. Романова, И. Лукьянова, А. Юрьева из полка Р. Остафьева сослали в город Полатов, в который в начале 1683 г. через Тулу и Мценск направляли их семьи. Туда же «за воровство и побег», «воровство и пьянство» ссылали стрельцов из других московских полков⁵⁶⁴.

Конечно, эти сведения о ссылках являются очень отрывочными, случайными. Во всяком случае, правительство широко применяло такую меру, как ссылки, зачастую в довольно отдаленные места, в качестве наказания за участие в восстании или за «похвальные слова», за замыслы о новом «дурне». Применялись и другие жестокие наказания — беспощадно били батогами, кнутом.

Правительство и в течение следующего 1683 г. внимательно следило за тем, чтобы население соблюдало обнародованные по этому вопросу распоряжения. Так, в памяти из Стрелецкого приказа в Разрядный 21 мая 1683 г. было написано: «Великим государем ведомо учинилось, что в городех тамошние жители и прохожие люди про мимошедшее смутное время говорят похвальные и иные многие непристойные слова на смуту и на страхование и на соблазн людям». По царскому указу во всех городах и уездах страны было велено «учинить заказ крепкой под смертною казнью», а биричам «не по один день» кликать, чтобы население перестало это делать. Воеводам и приказным людям правительство указывало виновных «имать и спрашивать и розыскивать», за «малые вины» предусматривалось наказание кнутом и батогами, «смотря по вине и по человеку», впредь (т. е. за повторное «преступление») за такую вину полагалась смертная казнь; кто объявится «в больших делах» — писать о них в Москву, присылать в Разряд взятые у арестованных «письма», а «тех людей» держать «за караулом» до указа из центра. За укрывательство, утаивание таких «дел и людей», за «пonorовку» полагалась также смертная казнь, чтоб таких непристойных слов и «вмещать было страшно». Приказывалось грамоты об этом ука-

⁵⁶² Архив ЛОИИ, ф. 246, д. 91, лл. 1—2.

⁵⁶³ Научная библиотека Иркутского гос. ун-та им. А. А. Жданова, фонд старопечатных и редких книг, д. 23, л. 4; «Иркутская летопись» (летописи Г. И. Пижемского и В. А. Кротова). Иркутск, 1911, стр. 370.

⁵⁶⁴ ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Белгородского стола, д. 1039, лл. 324—327, 337.

зе разослать «во все города»⁵⁶⁵, что и было исполнено⁵⁶⁶. Согласно памяти из Стрелецкого в Новгородский приказ от 6 сентября 1683 г., стрелец А. М. Лох из Великих Лук был сослан «на вечное житье» с семьей в Олонец «за воровские похвальные слова», вместо казни ему указано «учинить... жестокое наказанье»⁵⁶⁷.

Власти преследовали подданных за чтение июньских жалованных грамот стрельцам и солдатам, списки (копии) которых распространялись во время восстания из столицы на периферию.

В памяти из Стрелецкого в Разрядный приказ от 28 декабря 1682 г. говорилось: «ведомо учинилось», что «в городех у всяких чинов людей» объявились списки с этих грамот, которые они «чтут, и от того в народе чинитца сумнение». Местным властям предписывалось из центра конфисковывать эти грамоты, а виновных в их хранении и чтении строго наказывать (торговая казнь «безо всякого милосердия и пощады»)⁵⁶⁸.

Правительство принимало также меры к поимке стрельцов и солдат, массами бежавших из столицы и опасавшихся, несомненно, расправы за участие в восстании. В грамотах, рассылавшихся из Москвы в различные города в сентябре — декабре 1682 г., январе и, возможно, в следующие месяцы 1683 г.; говорилось, что «сентября в розных числах» бежали из разных московских полков стрельцы «многие люди неведомо для чего». Для «тайного проходу» они передеваются в сермяжные кафтаны «деревенских мужиков» и «иное такое же платье, чтобы их не познали». Во всех ожидаемых местах, куда они могли бежать, велено было «заказ учинить крепкой и по большим и по проселочным дорогам и по малым стешкам, и на реках, и на мостах, и на перелазех, и в ыных причинных местах поставить заставы». Они должны были ловить беглых стрельцов, приводить их к воеводам и приказным, а последние — допрашивать их: из которых они полков, когда и «для чего» бежали из Москвы, «хто с ними были товарищи». «Товарищей», «пonorовщиков» тоже велено «имать» и допрашивать, тех и других после допросов сажать в тюрьму до указа, а их списки и допросные речи — присылать в московские приказы. Местные власти доносили об исполнении правительственного распоряжения⁵⁶⁹.

⁵⁶⁵ СГГид, т. IV, № 160, стр. 477—478; ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Московского стола, д. 643, лл. 78—82, 482—485.

⁵⁶⁶ Там же, д. 618, лл. 414—416 (грамота во Владимир из Разрядного приказа от 23 мая 1683 г., такие же грамоты были посланы в города замосковные, украинные, рязанские, заюские, Севского полка, Новгородского разряда, всего перечислено 70 городов); Столбцы Белгородского стола, д. 1029, лл. 413—420.

⁵⁶⁷ ЦГАДА, ф. 141, 1683 г., д. 87, лл. 1—7.

⁵⁶⁸ ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Белгородского стола, д. 1028, лл. 36—40, 153—154, 161—163; д. 1029, лл. 142—143.

⁵⁶⁹ ЦГАДА, ф. 141, 1682 г., д. 187, лл. 2—9; д. 192, лл. 1—4; ф. 210, Столбцы Московского стола, д. 639, лл. 202—203, 346, 258—259, 420—421, 433, 446.

Сообщалось о задержании московских стрельцов, бежавших из столицы и из городов, куда были посланы их полки на службу (например, из полка С. Янова, стоявшего в Чернигове); стрельцы бежали в южные и юго-восточные, северо-западные и северные уезды⁵⁷⁰. Ряд беглых московских стрельцов объявился, например, на далеком Яике. А. Б. Карпов отмечает в связи с этим, что подавление «стрелецких бунтов» в Москве отразилось на Яике небывалым притоком беглых из Руси; этому способствовали и преследования старообрядцев. Так, за один только 1683 г. на Яик бежало 320 человек, преимущественно стрельцов. Яицкие казаки, несмотря на требования правительства, отказались выдавать беглых⁵⁷¹.

Отметим, наконец, факт ареста и ссылки некоторых членов семьи казненного боярина кн. И. А. Хованского — князей Петра Ивановича (на Мезень), Ивана Ивановича (в Якутск), Федора Семеновича; боярин Семен Андреевич был «отпущен» в свою коломенскую деревню, что являлось, видимо, почетной ссылкой⁵⁷². Если двое Хованских, погибших 17 сентября, поплатились головами за прямое и активное участие в борьбе за власть, то другие члены этой семьи отделались ссылками, несмотря на то, что один из них — младший князь Иван Хованский — бежал после казни отца и брата из Воздвиженского в Москву и своим сбивчивым и испуганным рассказом вызвал «смятение» среди восставших. Вместе с ним бежал и князь Федор Семенович, племянник стрелецкого «батюшки», задержанный в самом начале; последний, как и его отец, боярин Семен Андреевич, был сослан, вероятно, в одну из своих деревень.

Конечно, Хованские, оставшиеся в живых, не внушали опасения правительству. Этого не было и впоследствии — о Хованских одобрительно отзывались такие сподвижники Петра I, как А. А. Матвеев, Б. И. Куракин, во всяком случае, они не вызыва-

457, 500—501, 570—571, 577, 591, 593, 622, 628—629; Столбцы Белгородского стола, д. 990, лл. 101—102; д. 1028, л. 174; д. 1029, лл. 70—72, 87—94; д. 1044, лл. 1—7; Архив ЛОИИ, ф. 134, оп. 1, д. 644, лл. 1—3; Калужский областной краеведческий музей, Отдел фондов, Коллекция столбцов, папка 35, д. 118 (195).

⁵⁷⁰ ЦГАДА, ф. 141, 1682 г., д. 187, лл. 3—9 (Псковский уезд); д. 192, лл. 3—4 (Холмогоры); ф. 210, Столбцы Московского стола, д. 639, лл. 500—501 (Переяславль-Рязанский уезд); Столбцы Белгородского стола, д. 990, лл. 101—102 (Тульский уезд, пойман беглый из Пронского уезда); д. 1029, лл. 88—94 (одоевцы, пойманные под Одоевом и в Лихвинском уезде); д. 1044, лл. 1—7 (Переяславль-Рязанский).

⁵⁷¹ А. Б. Карпов. Уральцы. Исторический очерк, ч. I. Яицкое войско (1550—1727). Уральск, 1911, стр. 335—336.

⁵⁷² «Частная переписка кн. П. И. Хованского, его семьи и родственников». М., 1905, стр. 13; ЦГАДА, ф. 141, 1683 г., д. 10, л. 1; ф. 210, Столбцы Московского стола, д. 639, лл. 100—101, 142, 170, 197, 192, 282—285, 518—522; д. 645, ч. I, лл. 44—46, 156—159.

ли ненависти своих собратьев; наоборот, им сочувствовали, как жертве происков, козней Софьи и Милославских. Хованские впоследствии были возвращены из ссылки и служили; так, П. И. Хованский занимал важную должность астраханского наместника.

С опасением и настороженным вниманием относились правящие круги к стрелецким полкам. Год спустя после окончательного затухания «смуты» 1682 г. в Стрелецком приказе по поручению правительства Софьи и, очевидно, под руководством Ф. Л. Шакловитого была составлена «докладная выписка» о московских стрельцах, помеченная 27 декабря 1683 г. Ее изготовили, по словам С. Медведева, «ради опасения в предбудущая времена, чтобы от многого служивых людей числа и на Москве в царствующем граде их купнаго пребывания и в их полках от некоторых своевольных людей и мятежников какого зла и мятежа не было»⁵⁷³.

Из записки видно, что правительство в первую очередь уменьшило численность стрельцов в столице. Если в мае 1682 г., когда «московских полков стрельцы... своевольство учинили и безстрашие показали», о чем «известно» царям «и всему Российскому и окрестным государствам явно», их общая численность составляла 14 198 человек в составе 19 полков, то к 27 декабря 1683 г. она снизилась до 9542 человек (в тексте — 9512 человек) в 12 полках (вместе с иногородними стрельцами в это время было 28 полков с 19 тыс. человек)⁵⁷⁴. Таким образом, в течение года после восстания общая численность стрельцов в Москве была сокращена правительством почти на 5 тыс. человек.

Были приняты и другие меры, как свидетельствуют приводимые в «докладной выписке» особые «статьи» (25 статей)⁵⁷⁵. О целях подобных мер их инициаторы высказываются довольно определенно: «...впредь для опасения от шатостей стрелецких и от иного своевольства и чтоб впредь была постоянная и безопасная осторожность и во всем надежная крепость».

Из 12 полков, которые к концу 1683 г. должны были находиться в Москве, реально там несли службу только 7 (6056 стрельцов), а остальные 5 (3486 стрельцов) предполагалось перевести «с служб» из Киева (3 полка), Батурина и Переяславля (по одному полку). Согласно «статьям», первоначально велено было перевести в Москву из Киева стрельцов полка С. Сергеева «для того, что они в большой шатости не были», а затем уже полки Р. Остафьева, И. Нармацкого, Л. Сухарева и Н. Полуектова (из Киева, Батурина, Переяславля). Направлять в Москву их долж-

⁵⁷³ С. Медведев. Созерцание, стр. 179.

⁵⁷⁴ Там же, стр. 180; ААЭ, т. IV, № 280, стр. 409.

⁵⁷⁵ С. Медведев. Созерцание, стр. 180—192; ААЭ, т. IV, № 280, стр. 409—415.

ны были через Севск, где находился центр Севского военно-административного разряда. Здесь, прежде чем направлять эти полки в Москву, их нужно было «очистить» от ненадежных стрельцов — тех, которые «негодны для того, что они пьяницы и зернщики, и всякому злему делу пущие заводчики и раскольщики, и в смутное время были убойцы и грабители, и ныне от тех дел не унимаютца, и впредь от них опасно всякого дурна». Эту работу по отделению ненадежных и опасных стрельцов предполагалось провести с помощью полковников, а также «добрых людей» из числа пятисотных, приставов, пятидесятников, десятников и рядовых стрельцов, т. е. верных начальству и правительству «ушников», с представителями которых стрельцы расправлялись во время восстания 1682 г.

Таких подозрительных для правительства набралось в составе четырех полков 530 человек; в пятом полку — С. Сергеева — эту работу велено было провести тоже. Всех их, а также 88 стрельцов, которые находились на службе и в ссылке еще в 10 городах (Коломне, Полатове, Цареве-Борисове, Изюме, Соляном, Валках, Соколове, Мерефе, Савинском, Ольшанске) предполагалось отправить в Курск, сформировав из них новый полк.

5 полков, «очищенных» от ненадежных, велено было отправлять из Киева в Севск, а из него в Москву не всех вместе, а попеременно, «чтоб меж ими в походе было по неделе»; «а как они к Москве станут приходить врознь, и они, пришед, осмотрятца и увидят великих государей милость и наслушаютца добра и за дурости страху, а самоволство и шатость покинут». По дороге в Москву им говорить, что полки идут «порознь» для того, чтобы им избежать тесноты на станах, мешкоты в подводах, скудости в съестных припасах и конских кормах.

Оставленным в Севске стрельцам было приказано объяснить что это сделано «на время до указа», а по переводе их в Курск сказать, что это сделано «на время для береженья от приходу воинских людей татар»; в Курск им идти «с поспешеньем», всем сполна, за отказ передислоцироваться или дезертирство полагалось «жестокое наказанье безо всякого милосердия и пощады».

Из 5 других полков, остававшихся на службе в Киеве, Чернигове и Брянске, велено было выделить еще 606 стрельцов, которые признаны «негодными» за «многое воровство» (477 человек) и «которые и в тех полках быть негодны». Их отправляли в Севск «в зборном полку на время для того, что ныне великих государей у великих и полномочных послов с полскими комисары съезды, и им быть в Севску до тех мест, покаместа съезды минуютца».

Все эти «очистительные» мероприятия правительства сопро-водило, как видим, осторожными и гибкими маневрами, которые были направлены на то, чтобы предотвратить взрыв недовольства в стрелецких полках, притупить бдительность стрель-

цов. Но, подготавливая распоряжения о том, чтобы стрельцы, признанные ненадежными и недостойными возвращения в Москву, не догадались раньше времени о смысле их переводов в Севск и Курск вместо ожидаемого возвращения в Москву вместе со своими товарищами, правительство тут же подготовило и другое распоряжение — о высылке к ним из Москвы их семей. Это, говорится в статье 7, нужно было сделать, не дожидаясь даже прихода стрельцов в Севск. Члены семей должны были ехать из Москвы на подводах (три подводы на две семьи) тульской дорогой, чтобы не встретиться с возвращающимися в столицу стрелецкими полками (они должны идти калужской дорогой), свои московские дворы им указывалось продать «поволною ценою» и выехать из столицы «вскоре, до приходу к Москве стрелецких полков из малороссийских городов». То же приказывалось сделать семьям ссыльных московских стрельцов, которые проживали в Коломне и других городах и теперь отправлялись в Курск.

Только по приезде их семей стрельцы могли узнать, что им велели в этих городах (Севске и Курске) «быть... на вечном житье» и «быть в московских стрельцах по-прежнему», т. е. иметь равные с московскими стрельцами права, но *«на Москве им за многую их мимошедшую шатость быть немочно потому: хотя они вины свои... и принесли и впредь того не чинить обещались, однако ж и после того по многом своем обещании многие из них объявились во многих шатостях и противностях, и во всяком дурне, и в непостоянстве»* (статья 8).

Другие статьи предусматривали выдачу этим ссыльным московским стрельцам денег на «дворовое строенье» (по 5 руб. на человека), жалованья («сполна безо всякого переводу и без недодачи и без вычетов»), говорили о постройке для них отдельных слобод, обучении ратному строю, посылке на различные службы. Правительство, очищая Москву от опасных в социальном отношении стрельцов, выражало надежду, что, проживая в Курске и Севске, они «воровства заводитъ станут опасатца», так как «в тех городех и в уездех дворян небезлюдно», а ведь стрельцы будут жить «меж их». Правительство, таким образом, и здесь, рассылая беспокойных и ненадежных стрельцов из «мятежной» столицы, рассчитывало на помощь российского дворянства.

В статье 16 имеется любопытное упоминание о посылке «с Москвы вместо ссылки в разные полки заслуживать в Киев» (в московские же стрелецкие полки) еще семи московских стрельцов. Несмотря на такую «почетную» формулировку (не в ссылку, а для того, чтобы «заслуживать», очевидно, свою вину), этих стрельцов велено «написать в Киеве в жилой приказ», а их семьи послать к ним «нынешним зимним путем по тому ж вскоре».

Далее оказалось, что такие же «выписные» стрельцы, которые за ненадежностью высылались из Москвы в Севск и Курск, еще

до этого посланы в Псков и Мензелинск в составе двух полков, насчитывающих 913 человек. Правда, статья 19 предусматривает возможность возвращения некоторых из них в Москву: «...спросить на Москве тех полков, ис которых они выписаны, добрых людей по душам, кто из них на Москве быть годны, и не по злобе — кто напрасно написан; и буде такие объявятца, тех взять». Но тут же правительство бьет отбой: «А всех бы не иметь, потому что и впредь от них воровства опасно»; кроме того, это будет оскорбительно для тех «выписных», которых посылают в Курск и Севск: они-де там «устроены будут на вечном житье», а «выписные» из Пскова и Мензелинска, «такие ж воры, взяты будут к Москве, а дело их одно, и в воровстве были все вместе».

В четырех московских полках, посланных на службу в Астрахань, Царицын, Смоленск и Трубчевск (из последнего полк переведен в Переяславль), нужно было тоже провести такую же «выписку» и выявленных ненадежных стрельцов «устроить, где пристойно, чтоб и в тех полках шатких людей не было». Ныне это, мол, невозможно сделать, так как в Стрелецком приказе нет росписей тех полков, за исключением полка Б. Головина (находился в Переяславле).

Ввиду того, что стрелецкие полки А. Мертваго (переведенный из Трубчевска в Переяславль), С. Капустина, С. Сергеева, «что ныне Борисов полк Щербачова» (Киев), В. Боркова (Киев) «за выпискою... будут малолюдны, и то малолюдство наполнить добрыми людьми».

За всеми высланными московскими стрельцами правительство наказывало следить, чтобы они не только не пили, не бражничали, но, самое главное, чтобы «с воровскими и ни с какими причинными людьми не водились и к ним не приставали, и никакой бы шатости и своеволства у них отнюдь не было, и никаких бы непристойных, к мимошедшему смутному времени приличных слов не говорили». В то же время указывалось, что нужно смотреть и «над полковниками... чтоб однолично от них к стрелцом для взятков приметак и теснот, и обид не было некоторыми делы» (статья 15).

Правительство, справляясь с одними и ссылая других стрельцов, все же осторожничало, опасаясь повторения стрелецких волнений. Еще более оно старалось задобрить те московские стрелецкие полки, которые находились в самой столице или должны были возвратиться в нее со служб из Киева, Батурина и Переяславля: их, согласно статье 17, нужно «обнадежить великих государей милостию, и служебных полков стрелцов накормить и напоить, и сказать им, чтоб они... простирались на всякое добро и на верную службу... и ото всякого дурна имели осторожность от всея души, потому и из них в смутное время были многие в шатости, и то им совершенно отдано, и от таких людей (от других стрельцов.— В. Б.) учинены они отменны». Далее правительство

особо выделяло из числа московских стрельцов несколько полков и обещало им особые милости: «А особно из московских полков полком трем или четьрем сказать, что их они, великие государи, пожаловали: велели им быть всегда на Москве, и на службы им никуды посылков не будет», за это от них ожидалась особо «верная и постоянная служба».

В другие города, где стояли стрелецкие полки, предписывалось послать грамоты «с милостивым словом» (таким же, как и к служебным полкам, возвращавшимся в Москву), «чтоб они тому порадовались» и «не оскорблялись» за «выписных» стрельцов, которых из их полков переведут из Москвы в другие города. Правительство в данном случае опасалось, «чтоб в тех полках за то какие шатости не было» (т. е. как бы за «выписных» не встали в защиту их собратья по службе — статья 18).

Для избежания «впредь к дурну скорого согласия и поспешенья» предусматривалось, «чтоб полки были в розни, а в одной бы стороне многих полков не было» (статья 22). Для этого московские стрелецкие полки, как видим, так рассредоточили по разным городам, что к концу 1683 г. в столице находилось только 7 полков.

Москву предписывалось очистить от всех отставных стрельцов, «потому что в тех отставных много воров, а ныне от них хотя и воровства нет, и от них проходят многие воровские затейные слова, и впредь от них добра не чаеть; и учинить бы то, чтоб в в стрельцах, в служилых и отставных, воров не было, а были бы все добрые и надежные, и правдивые люди».

В статье 24 составители из Стрелецкого приказа выражают надежду, что если «учинено будет» по этим статьям, то можно «чаять... от стрельцов постоянства и на Москве от шатостей безопасности по тому»: те, которые «не были в большой шатости», будут благодарны царской милости «и станут простиратца на всякое добро и свою братью тому обучать станут»; те, которые «тому коснулись по какому случаю или по неволе», будут сообщаться с первыми «и отлучны не будут, потому что многим дурость надокучила». Таких людей «будет много», поэтому если и будут среди них «немногие и непостоянные люди, и их во немногочисленности мочно всяко усмотреть и в крепости держать». Устроенные в других городах московские стрельцы, как надеются авторы статей, «о воровстве мысли оставят».

Наконец, в последней, 25-й, статье говорится, что если эти «выписки» и высылку из московских полков неблагонадежных стрельцов («воров»), «а наипаче астраханцов» не произвести, то «те воры по отпуску будут на Москве и случатца немалочисленством», то «и впрямь от преждебывшаго стрелецкого воровства на Москве быть небезопасно, да и смирить их будет трудно».

Так, правительство в лице Стрелецкого приказа во главе со входившим в особую силу при дворе Ф. Л. Шакловитым подытожило свои опасения по поводу возможного нового «смятения» московских стрельцов и обосновало, подчас весьма выразительно, свои меры по его предотвращению.

30 декабря 1682 г. Боярская дума с участием обоих царей и регентши утвердила «докладную выписку» со статьями в качестве руководства для практических действий, в первую очередь для организации «выписки» ненадежных стрельцов из состава московских полков. В качестве особо пожалованных и приближенных ко двору были названы четыре стремянных стрелецких полка — И. Цыклера, С. Воейкова, Д. Жукова и И. Морева⁵⁷⁶.

7 января 1684 г. в Севск к воеводе окольникову Л. Р. Неплюеву «с товарищи» из Стрелецкого приказа была послана грамота, из которой видно, что работа по «выписке» неблагонадежных московских стрельцов проводилась с помощью «добрых людей» из стрелецкой верхушки. Именно эти пятисотные, приставы, пятидесятники и десятники подали на Москве в Стрелецкий приказ «росписи» с именами многих стрельцов, которые являются пьяницами, зернщиками, «всякому злему делу пущими завотчиками и расколщиками», участниками восстания 1682 г. («убойцами и грабителями»), «и ныне от тех дел они не унимаютца, и впредь от них на Москве опасно всякого дура, и за тем в тех полках быть негодны».

Выясняется, что «докладная выписка» и статьи от 27 декабря 1683 г. явились, собственно говоря, результатом обобщения «росписей», составленных представителями стрелецкой верхушки, на которую опиралось правительство. Несомненно, инициатива составления «росписей» исходила из того же Стрелецкого приказа, от Ф. Л. Шакловитого, правительства регентши Софьи.

Л. Р. Неплюеву вместе с грамотой посылались указные «статьи» от 27 декабря (не полностью, а в части, касающейся высылки ненадежных московских стрельцов в Севск) и «имянные росписи в тетратех», т. е. списки этих стрельцов (последние, к сожалению, у С. Медведева не приводятся)⁵⁷⁷.

Таким образом, правительство предприняло целый комплекс мер по «оздоровлению» обстановки в столице и других важных центрах России с целью предотвращения новых выступлений ратных людей против феодальной верхушки государства. А. Н. Штраух называет эти меры «общей фильтрацией стрелецкого войска», проведенной «чрезвычайно осторожно и с такой

⁵⁷⁶ С. Медведев. Созерцание, стр. 192—194; ААЭ, т. IV, № 280, стр. 415—416.

⁵⁷⁷ С. Медведев. Созерцание, стр. 194—197.

изобретательностью в приемах, которая делает честь даже самому зрелому полицейскому государству»⁵⁷⁸.

В том же 1683 г., как мы видели выше, правительство резко усилило меры по преследованию раскольников, возвращению в холопское состояние тех многих людей, которые освободились от него во время Московского восстания 1682 г. Из рядов московских стрельцов «выбили» просочившихся в них холопов, крестьян, иногородних мелких «служивых», гулящих людей.

* * *

Сравнительный анализ источников позволяет сделать ряд выводов о сущности, характерных особенностях восстания 1682 г. в Москве. Прежде всего выясняется, что оно началось не 15 мая, а в конце апреля 1682 г. вне зависимости от пожеланий придворных деятелей, а под влиянием недовольства стрельцов, основной движущей силы восстания, солдат и других слоев населения притеснениями, взяточничеством, несправедливым судом, принявшими широкие масштабы. Не подлежат сомнению факты подготовки выступления (общая «заповедь»-договор стоять всем заодно, составление и подача челобитных и росписей с перечислением взяток, удержаний из жалованья, «работ» и других обид, причиняемых начальниками), открытого неповиновения и сопротивления властям уже на раннем этапе движения. На тайных сходках стрельцы разрабатывали свои планы — выступление против полковников, взимание с них обозначенных в росписях сумм, взаимная поддержка и наказание тех, кто изменит общему делу (вплоть до смертной казни). Стрельцы делали все это без всякого воздействия со стороны Софьи и Милославских.

В течение первой половины мая они добились осуждения, отставки и наказания своих полковников, пражежа с них денег, расправились с представителями стрелецкой верхушки, выступившей против начавшегося «бунта». Они вышли из повиновения и готовились к более широкому выступлению против пришедшего к власти правительства Нарышкиных, глава которого боярин А. С. Матвеев недвусмысленно заявлял о намерении подавить восстание. Выступление готовилось под флагом защиты интересов обойденного при избрании царя старшего из сыновей Алексея Михайловича — царевича Ивана.

Уже с самого начала движения наблюдается отсутствие прочного единства в среде восставших (разногласия по вопросу о целовании креста Петру I, выступление некоторых «старых», «знатных» стрельцов против восстания и т. д.). Основная масса восставших выступала за продолжение борьбы. Восставшие организовали широкую агитацию среди московского населения в пользу нового, более решительного выступления против правя-

⁵⁷⁸ А. Н. Штраух. Указ. соч., стр. 52.

щей верхушки. Уже в это время столица оказалась фактически под их контролем. Они планировали широкое выступление против бояр и дворян не только в Москве, но и, вероятно, в других городах (Псков, Новгород и, возможно, другие).

Выступление стрельцов и солдат было ускорено и облегчено начавшейся после смерти царя Федора борьбой за власть между Милославскими и Нарышкиными. Восставшие, опасаясь расправы со стороны правительства А. С. Матвеева и Нарышкиных, вынесли решение сделать ставку на царевича Ивана, который, став с их поддержкой царем, удовлетворит их законные требования. На него они возложили надежды, как на будущего «хорошего» царя.

Источники, в том числе записки А. А. Матвеева, позволяют утверждать, что Милославские во главе с Софьей и Хованские не подготовили и не спровоцировали выступление стрельцов и солдат, а решили воспользоваться уже начавшимся движением, чтобы оттеснить от власти Нарышкиных и самим прорваться к власти, причем их вступление в политическую игру произошло накануне или во время решающих событий 15—17 мая.

Источники фиксируют уже на первом этапе восстания наличие его целеустремленной подготовки, элементов организованности (тайные совещания и открытые сходки-круги, совместная выработка планов, товарищеская спайка, дисциплина, выборные, агитаторы в народе). Народные низы столицы — посадские люди, холопы и др. — были на стороне восставших стрельцов, солдат, пушкарей и в какой-то степени приняли участие в событиях, разыгравшихся 15—17 мая. Другие соблюдали нейтралитет. Наконец, имелись и такие, кто неодобрительно относился к восстанию (верхи посадских, приборных служилых людей, «холопская аристократия»).

Расправляясь с ненавистными им лицами, восставшие действовали в соответствии со своими интересами и планами, не считаясь с призывами придворных деятелей, в том числе и царевны Софьи. Последняя, убедившись в бесполезности попыток уговорить восставших и воспользовавшись благоприятной обстановкой, по существу в эти дни начинает продвигаться к власти, тем более, что восставшие интересовались властью лишь в той степени, в какой она могла удовлетворить их требования; непосредственно в свои руки они брать ее не собирались. У кормила власти вскоре встали под давлением или при молчаливом одобрении восставших первый царь Иван Алексеевич, беспособный, впрочем, к делам, его энергичная и властолюбивая сестра Софья со своими сторонниками, наконец, боярин кн. И. А. Хованский с сыном. Все они в глазах повстанцев выглядели или должны были выглядеть «добрыми», «хорошими» правителями.

Конец весны, лето и начало осени явились временем своего рода «двоевластия». С одной стороны, реальная сила оставалась

в руках восставших стрельцов и солдат, и они использовали это в своих интересах (казни и ссылки неугодных лиц из придворной верхушки, непосредственного начальства, продолжение взимания «зачетных денег», избрание двух царей и регентши Софьи). С другой стороны, нити управления постепенно сосредоточивало в своих руках правительство Софьи — Голицына, в руках которого оказался весь приказной аппарат. Положение правительства облегчалось, однако, тем, что стрельцы и солдаты на непосредственную власть не претендовали. Правда, существовали еще Хованские с их мечтами о власти, но, несмотря на поддержку стрельцов и видимость всеисилия, их положение с самого начала было шатким, неустойчивым. Вздумав опереться на социально чуждые им силы и интригуя против правительства Софьи, опиравшегося на дворянство, они повисали над пропастью, которая и поглотила их 17 сентября.

Тяжелейшей ошибкой стрельцов и солдат было то, что они не сумели и не захотели опереться на помощь других слоев населения Москвы — посадских жителей, холопов, крестьян, на помощь периферии, где во многих местах вспыхнули волнения и восстания, являвшиеся нередко прямыми откликами на события в столице, а их участники в некоторых случаях прямо заявляли о необходимости объединения сил в борьбе с московскими боярами. Несмотря на то, что в ряды стрельцов в это время вошло немало представителей народных низов (холопы, посадские люди и т. д.), а сами восставшие выступали в их защиту, что в Москве началась внутрикласовая борьба среди посадских людей и т. д., в целом повстанцы поставили себя в положение самоизоляции. Самоуверенность, политическая слепота, рознь в их рядах, отсутствие талантливых вождей, сословная ограниченность, наивные надежды на «хороших» правителей, которых они поставили у власти и которым стали служить, — все это самым гибельным образом сказалось на судьбе всего движения. Весь ход восстания 1682 г. доказывает полную иллюзорность царистской идеологии восставших, их наивной программы (устранение злоупотреблений центральной власти и непосредственного начальства — несправедливого суда, волокиты, взяточничества, насилий; улучшение материального положения; устранение «плохих» и призывание к власти «хороших» правителей, высказывание им своих нужд и требований, формулируемых на сходках-кругах, через выборных). В силу этих причин восставшие стрельцы и солдаты после казни Хованских и ряда выборных стрельцов 17 сентября согласились на амнистию, предложенную правительством, и капитулировали.

В результате восстания заметно улучшилось положение стрельцов и их союзников (выдачи жалованья за прошлые годы, его увеличение и т. д.). Правительство, правда, выслало из

столицы немало ненадежных стрельцов, некоторых казнили, многие из них бежали на окраины. Но организовать массовые сыск и репрессии, как это было в 1662 г., власти не решились. Стрельцы и солдаты представляли внушительную военную силу.

Исключительное значение Московского восстания 1682 г. заключается в том, что его участники овладели положением в столице России, добились победы, диктовали свою волю. В конечном счете они не смогли довести дело до конца, однако и то, что они сделали, привело в ужас и растерянность всю правящую верхушку. Недаром Петр I, его современники и многие поколения его почитателей старались очернить повстанцев 1682 г., представить их какими-то кровожадными зверями, извергами, а позднее — «реакционерами» и т. д.

Московское восстание 1682 г. — одно из звеньев в цепи народных движений второй половины XVII в. Оно продолжает линию борьбы различных слоев народа с гнетом формирующегося российского абсолютизма.

ВОССТАНИЕ МОСКОВСКИХ СРЕЛЬЦОВ 1698 г.

СТРЕЛЬЦЫ ПЕРЕД ВОССТАНИЕМ

(служба стрельцов в азовских походах 1695 и 1696 гг., зимовка четырех московских стрелецких полков в Азове в 1696/97 г., их перевод на северо-западную границу осенью 1697 г.)

Восстание стрельцов в 1698 г. и ход последовавшего за ним кровавого следствия довольно подробно освещены в исторической литературе, в первую очередь в трудах Н. Г. Устрялова, С. М. Соловьева и М. М. Богословского. Это в значительной степени облегчает задачу исследователя при изложении фактической стороны вопроса. Но если нет необходимости в детальном освещении хода восстания и «стрелецкого розыска», то этого нельзя сказать о принципиальных вопросах истории движения 1698 г., именно: о характере, особенностях этого выступления, его связи с предыдущими народными движениями, в первую очередь с Московским восстанием 1682 г., его целях, программе, идеологии и некоторых других. Именно с целью объяснения исторического смысла восстания 1698 г. и следует еще раз обратиться к его изучению.

Если в Московском восстании 1682 г. столичные стрельцы являлись главной, но не единственной движущей силой, то 16 лет спустя они выступили по существу в одиночестве. В нем приняли участие четыре полка московских стрельцов. Это — полки Ф. А. Колзакова, И. И. Черного, А. А. Чубарова, Т. Х. Гундертмарка. Наряду с другими московскими стрелецкими полками они участвовали в азовских походах 1695 г. (тогда в войсках под командованием Ф. Лефорты и П. Гордона находилось 12 полков) и 1696 г. (13 полков в войсках П. Гордона и М. Голвина).

После взятия Азова девять стрелецких полков возвратили в Москву (стрелянный И. Конищева, полки И. Озерова, Д. Воронцова, Мартемьяна Сухарева, В. Батурина, В. Ельчанинова, М. Кривцова, М. Протопопова и Михаила Сухарева). Полки же Колзакова, Черного, Чубарова и Гундертмарка были оставлены (наряду с шестью городскими солдатскими полками) в Азове

для различных крепостных работ (очистка города, возведение укреплений и т. д.). Впрочем, 9 полков, возвращенных в столицу, вскоре отправили оттуда в пограничные места: 6 полков на устье Дона в войско А. С. Шенна, 3 полка — в Белгород, Севск и Брянск в армию кн. В. Д. Долгорукого. Шесть полков, посланных на Дон, сменили указанные 4 полка (Колзакова и др.), которым, однако, вместо возвращения в Москву указали летом 1697 г. идти быстрым маршем в Великие Луки в армию кн. М. Г. Ромодановского, стоявшую на границе с Польшей. В нее входили новгородские помещики, смоленская, бельская и рославльская шляхта, смоленские рейтары и солдаты; им в помощь предназначались эти 4 стрелецких полка¹.

Петр I, не доверяя столичным стрельцам, которых он считал орудием Софьи и Милославских во время событий 1682 и 1689 гг., упорно «очищал» от них Москву. В 1698 г. он находился в заграничном путешествии. Боярин Т. Н. Стрешнев в ответ на присланное из Амстердама повеление Петра от 17 августа 1697 г. доносил ему из Москвы 17 сентября: «Четыре полки стрелецкие, которые зимовали в Азове, велена их перевести к Ромодановскому в полк новгородской, и о том к ним посланы двой грамоты да и подьячие посланы нарочна, чтоб оне шли скоро и нигде не мешкали»².

В 1696 г. в составе указанных четырех полков числилось более 4 тыс. человек (вместе с 41 командиром)³. После взятия Азова они насчитывали около 2700 человек (в том числе 38 командиров)⁴. Сказались опасные военные действия во время осады и взятия Азова, тяготы службы. Указания на это мы находим в источниках.

Легко себе представить, с какой неохотой и озлоблением московские стрельцы, надеявшиеся после тяжелой и опасной службы под Азовом и в Азове возвратиться хотя бы на время к своим семьям, направлялись вместо этого на другую окраину России. По пути они терпели страшные лишения.

Правда, обоснованность их жалоб и крайнего недовольства сознавали не все. Так, в «журнале» Гюйсена причины выступле-

¹ См. Н. Г. Устрялов. История царствования Петра Великого, т. 3. СПб., 1858, стр. 113, 152—155; С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. VII (т. 13—14). М., 1962, стр. 558—559; М. М. Богословский. Петр I, т. II. Соцгиз, 1941, стр. 408.

² «Письма и бумаги имп. Петра Великого» (далее — ПИБПВ), т. I. СПб., 1887, стр. 642.

³ Рукописный отдел Библиотеки АН СССР (далее — РО БАН), Петровская галерея, д. 26 (инв. № 3807), лл. 12—18 об., 20—26 об., 68—75, 92—97 об. Рукопись, из которой взяты эти данные, содержит списки стрелецких полков и написана в 1696 г., скоропись, в 4°, 106 лл.; ее описание см.: «Исторические сборники XV—XVI вв. Описание рукописного отдела БАН СССР», т. 3, вып. 2. М.—Л., 1965, стр. 321—322.

⁴ Н. Г. Устрялов. Указ., соч., стр. 153.

ния стрельцов (отсутствие царя, удаление от жен и домов, походные беспокойства) квалифицируются как «фальшивые рацеи», которые внушены «от злоумышленников»; они «расшатали духи и мозги их и кровь у них взогрели», вследствие чего стрельцы «начали... мутиться и восставать против начальников своих»⁵. Подобное явно несправедливое суждение нередко затем повторяли в своих сочинениях авторы XVIII в.

Между тем ропот стрельцов имел под собой весьма серьезные основания. П. Гордон, наблюдавший стрельцов во время азовских походов и оставшийся, правда, недовольным их военными качествами, отмечает, тем не менее, тяжесть, опасность и необычайность их службы. Многих стрельцов пытали, наказывали кнутом за различные провинности. Стрельцы роптали и из-за того, что Петр I указал стрельцам служить без возвращения домой в течение нескольких лет. Стрельцы ожесточились, разгоралась злоба на бояр, которые «таскали» их по службам⁶.

Сами стрельцы в «изветном письме» и челобитной, поданных А. С. Шенну под Воскресенским монастырем накануне сражения 18 июня, подробно описывали свои лишения и страдания: во время похода на Азов в 1695 г. было «побито их множество», так как Ф. Лефорт ставил стрельцов в самые опасные места; под их шанцы «его ж умышлением делан подкоп», в результате «он их же побил человек с 300 и больше». Тот же Лефорт посулил каждому из стрельцов на приступе по 10 руб. и, очевидно, не сдержал слова; их же предложение взять Азов «привалом» он не принял, хотя во втором азовском походе город взяли именно таким способом. Ф. Лефорт задержал стрельцов в Азове при первом походе значительно дольше, чем других ратных людей, — до 3 октября и пошел из Черкаска только 14 октября. При возвращении из первого азовского похода (из Черкаска Лефорт «пошел степью») стрельцы ели мертвечину, «и преможество их пропало».

В следующем, 1696 г., когда Азов взяли, стрельцов оставили в нем зимовать. «Непрестанно», зимой и летом, они исполняли тяжелые работы — расчищали взятый город, затем строили в нем «город земляной и ров» (земляной вал со рвом), «Азов и всякие городовые крепости основали вновь». Они «всякую нужду терпели», «работали денно и ночью во весь год пресоверженною трудностью».

⁵ «Журнал государя Петра I с 1695 по 1709, сочиненный бар. Гизеном». — «Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого, изданное трудами и иждивением Ф. Туманского» (далее — Гюйсен. Журнал), ч. 3. СПб., 1787, стр. 103.

⁶ «Tagebuch des Generals Patrick Gordon» (далее — P. Gordon. Tagebuch), Bd. 2. СПб., 1851, S. 593, 598; А. Брикнер. Патрик Гордон и его дневник. СПб., 1878, стр. 100.

Наконец, 24 июня 1697 г. им велели как будто идти к Москве. В течение 10 недель «работою своею, не покладывая рук», они везли до Воронежа пушечную и оружейную казну на 200 бударах («шли», т. е. тянули по реке будары, идя по берегу). Другие стрельцы шли в это время сухим путем до Валук. Упоминаются также посылки стрельцов «по вестям» (вследствие тревожных известий) в Змиев, Изюм, Царев-Борисов и Маяк (Мояк, Маяцкий острог), где они были «в самой последней скудости»; их включили тогда в состав полка боярина кн. Я. Ф. Долгорукого. «И из тех мест» (из Змиева и других городов) им неожиданно велели 21 сентября того же года идти к польским рубежам в полк боярина кн. М. Г. Ромодановского, в Ржеву Пустую «в зимовье, не займуга Москвы». Добирались туда «денно и ночью в самую последнюю нужду осенним путем и пришли чуть живы». На польской границе стояли зимой в лесу «в самых нужных местех, мразом и всякими нуждами утесненны», «голод и холод и всякую нужду терпели». Не хватало дворов для постоев, стояли по 100—150 человек на одном дворе. На покупку хлеба пачальство выделяло на месяц человеку по 10 алт. 4 ден., которых не хватало и на две недели. То же продолжалось и в Великих Луках, куда их перевели и где они жили 13 недель. С голоду стрельцы ходили по миру «для прокормления», но их не отпускали и даже наказывали батогами. Затем их перевели в Торопец. «А служили все те походы одним подъемом (т. е. разовой выдачей денег «на подъем». — Б. В.), и от того оскудали и одолжали неоплатно». К тому же нужно иметь в виду убавку хлебного жалованья, задержки в его выплате и другие трудности и неурядицы⁷.

Как видим, оснований для недовольства у стрельцов, как и в 1682 г., накопилось более чем достаточно. Это — тяготы походов, большие потери во время осад и штурмов азовских укреплений, недовереие со стороны командиров, в том числе иностранцев, голод, холод и другие лишения, крайняя недостаточность жалованья, оторванность от семей, от своих промыслов, являвшихся серьезным подспорьем для прокормления. Дело дошло до нищенства, за которое их наказывали немилосердно батогами.

Из всех лишений самым тяжелым был, конечно, голод. Современники сообщают, что в 1698 г. от голода в России страдали массы людей. Датский посол Гейнс пишет, например, о страшном голоде на севере страны, в Архангельске и его окрестностях; от голода умирали тысячи людей⁸. То же, очевидно,

⁷ Н. Г. Устрялов. Указ. соч., стр. 168, 171—172. С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 565—566; М. М. Богословский. Петр I, т. III. Госполитиздат, 1946, стр. 30—33; Н. Б. Голикова. Политические процессы при Петре I. М., 1957, стр. 102—103.

⁸ Г. Форстен. Датские дипломаты при московском дворе во второй половине XVII в.— ЖМНП, 1904, ноябрь, стр. 99.

происходило и в северо-западных местностях, где находились несчастные стрельцы. И. А. Желябужский отмечает, что стрельцы приходили в Москву с польского рубежа бить челом «с голоду», в другом месте он сообщает, что в стране вообще «хлебу был недород велик: купили на Москве рожь четверть московскую по сороку алтын с гривною»⁹.

Из приведенных выше данных становится ясным, что стрельцы четырех московских полков испытывали острейшее недовольство, которое должно было найти какой-то выход. Их терпение истощилось. Причиной их восстания явилось исключительно тяжелое положение, в которое они попали в результате тяготей трехлетней военной службы, различных лишений и издевательств со стороны начальства. Все это очень похоже на то положение, которое сложилось у стрельцов перед выступлением 1682 г., хотя, может быть, их лишения 16 лет спустя после «смуты» в Москве были еще более тяжелыми и горькими — ко всему тому, что наблюдалось к 1682 г., прибавились еще большие тяготы походов, жестокий голод и настоящее нищенство. Как тогда, так и теперь именно эти крайние лишения толкали их к выступлению в защиту своих интересов, а не руководство их действиями со стороны Софьи. Против этого говорит хотя бы тот факт, что в 1689 г. основная масса стрельцов встала на сторону Петра, а не Софьи.

НАЧАЛО ВОССТАНИЯ

(появление беглых стрельцов в Москве в марте 1698 г.; события у двора кн. И. Б. Троекурова и в здании Стрелецкого приказа; переписка с царевнами; изгнание стрельцов из столицы)

Как и в 1682 г., стрельцы начали с подачи челобитья, хотя это и происходило в 1698 г. в иной обстановке. Тогда более полтора десятков стрелецких полков являлись почти единственной военной силой в столице. Теперь стрельцов разбросали по разным окраинам страны, а в Москве проживали только стрельчихи с детьми; охраняли город солдатские полки (Лефортов, Гордонов, Семеновский, Преображенский). Четыре стрелецких полка, в которых назревало восстание, стояли в Великих Луках.

В марте 1698 г. дезертировали и появились в Москве 175 стрельцов указанных четырех полков и пятого — «сборного полка» П. Головнина, сформированного из стрельцов нескольких московских полков и отправленного в Великие Луки в корпус М. Г. Ромодановского, а оттуда в Брянск, чтобы сопровождать

⁹ «Записки Желябужского с 1682 по 2 июля 1709» (далее — И. А. Желябужский. Записки). СПб., 1840, стр. 114, 128.

хлебные запасы в Тавань и другие городки в устье Днепра. На вопросы московских властей беглые стрельцы отвечали, что «их братья стрельцы с службы от бескормицы идут многие». Впоследствии те же стрельцы говорили, что на Москву они пришли с целью подать челобитную о выдаче жалованья. Они намеревались также узнать о том, кто у них убавил хлебное жалованье; в полках считали, что виновником убавки является боярин Т. Н. Стрешнев. Беглые стрельцы собирались спросить об этом у начальника Стрелецкого приказа боярина кн. И. Б. Троекурова¹⁰.

Предводителями, наиболее активными деятелями являлись несколько стрельцов. Это — В. Тума и Б. Проскурков из полка А. Чубарова, И. Чурин и П. Наумов — из полка П. Головина. Они выступают на первый план во время событий в доме И. Б. Троекурова и в Стрелецком приказе, а первый из них оказался тем стрельцом, с которым, как полагал Петр I и его подчиненные, переписывались оппозиционные к нему царевны.

Московские власти во главе с Ф. Ю. Ромодановским и Т. Н. Стрешневым сильно обеспокоились. Они удовлетворили просьбу стрельцов о выдаче им жалованья. В письме Петру от 8 апреля Ф. Ю. Ромодановский сообщал, что беглые стрельцы били челом в Стрелецком приказе «винами своими о побеге своем и побежали де ани от таго, что хлеб дорок». В ответ на распоряжение И. Б. Троекурова идти обратно в полки стрельцы заявили, что они идти готовы, но просили выдать деньги за те месяцы, «на которые не дано стрелцам хлеба». Власти удовлетворили эту просьбу. И. Чурин на допросе 23 января 1699 г. показал, что на Москве стрельцам выдали денежного жалованья по 1 руб. 20 алт. на человека.

Но стрельцы не успокоились на этом. 3 апреля, когда стрельцы по указанию властей должны были покинуть Москву, они явились под руководством В. Тумы ко двору И. Б. Троекурова. П. Гордон сообщает, что их толпа насчитывала около 400 человек (наше ап 400); стало быть, помимо беглых стрельцов (которых явилось в Москву, как упоминалось выше, 175 человек), в толпе находились, вероятно, члены семей стрельцов и другие лица.

Стрельцы потребовали, чтобы главный начальник выслушал их просьбы и жалобы. Троекуров распорядился, чтобы они выделили для разговоров четырех стрельцов. Выборные пришли к нему и заявили от имени тех, кто их послал, что они не пойдут из Москвы во время наступившей распутицы «до просухи», и

¹⁰ Н. Г. Устрялов. Указ. соч., стр. 155; С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 559. М. М. Богословский. Указ. соч., т. II, стр. 408; т. III, стр. 212—213, 217, 219.

просили об отсрочке. Другой темой для разговоров были тяготы службы, притеснения, нищенское положение, в котором очутились стрельцы. Разгневанный боярин резко прервал выборных и приказал всем стрельцам немедленно покинуть столицу и направиться к своим полкам. Но выборные настаивали на своем. Тогда Троекуров приказал двум стрелецким полковникам — Козину и Кошелеву — арестовать выборных и отвести в Стрелецкий приказ. Те вышли из княжеского дома с арестованными, их ждала наэлектризованная толпа. Увидев арестованных, стрельцы набросились на полковников и отбили у них своих выборных, вместе с которыми возвратились в слободы.

Вскоре двое головнинских стрельцов — П. Наумов и И. Чурин — повторили слова выборных в Стрелецком приказе перед дьяками, причем вели они себя дерзко, говорили «невежливо». Но их быстро арестовали и заковали в железа, один из них — И. Чурин — послал в слободу стрелецкого сына Р. Елфимова подговаривать стрельцов идти в город, т. е. в Кремль; это был прямой призыв к восстанию против властей, не желавших прислушаться к справедливым жалобам обнищавших и разобиженных стрельцов.

В своем показании во время розыска И. Чурин говорил, что он пошел ко двору И. Б. Троекурова после разговора с В. Тумой, который ему сказал: «Мы де идем к боярину ко князю Ивану Борисовичу Троекурову бить челом, чтоб дал нам сроку дни на два» (т. е. разрешил уйти из Москвы не 3 апреля, а на несколько дней позже). Р. Елфимова он посылал за стрельцами, чтобы они шли в город не только для того, чтобы освободить его, но и для того, чтобы «спрашивать» у Троекурова о том, кто убавил стрельцам хлебное жалованье.

Уже в это время у стрельцов выкристаллизовываются планы расправы с теми, кто являлся, по их мнению, обидчиками. Тот же И. Чурин на допросе показал, что у стрельцов была такая мысль, чтоб вывести всех бояр и побить их за то, что они отменили шедшее им хлебное жалованье. А В. Тума, по его словам, говорил ему у Арбатских ворот: «Идем де мы к боярину ко князю Ивану Борисовичу бить челом о том, кто у них хлебное жалованье отнял, и чтоб то хлебное жалованье дать им по прежнему; и буде он в том откажет, и им ему говорить, чтобы дал им сроку на два дня. А буде того хлеба им давать не станут, и мы де в понедельник или кончая во вторник их, бояр, выведем всех и побьем». Понимая, что одним беглым стрельцам не справиться с таким делом, они собирались известить в Великие Луки в свои полки, чтоб они к ним пришли «для того убийства на помощь, а та де дума была у них у всех».

О Т. Н. Стрешневе как человеке, отнявшем у стрельцов хлебное жалованье, говорили все беглые стрельцы, приходившие в Москву; это подтвердили в своих показаниях стрельцы В. Косарев и Л. Денисов¹¹.

Выясняется непреложный факт: беглые стрельцы дезертировали и пришли в столицу заявить о своих обидах, нуждах и требованиях, накопившихся задолго до их выступления весной — летом 1698 г.

Начавшееся движение ни в коей степени не явилось результатом козней царевны Софьи. Стрельцы начали действовать, исходя из собственных нужд и стремлений. Прибыв в столицу, они очутились в атмосфере самых различных слухов и разговоров, которые способствовали их решению обратиться за помощью «в Верх», т. е. к представителям царствующего дома¹². Петр I был за границей, и в народе говорили, что он уже умер в дальних странах. В этот слух одно время поверили и высшие сановники, так как от царя долго не поступало почты (ввиду, как оказалось впоследствии, наступившей распутицы); в Москве, взбудораженной к тому же пребыванием недовольных и беспоконных стрельцов-дезертиров, все волновались.

В этой обстановке и возникли контакты стрельцов с царевнами — сестрами Петра I, в результате которых на свет появились то ли реальные, то ли выдуманные два письма Софьи к стрельцам с призывом к выступлению против Петра. Это дало повод Н. Устрялову прямо заключить, что «стрельцы приходили звать царевну Софию на царство»¹³. Противоположной точки зрения придерживается Н. Я. Аристов, считающий, что стрельцы использовали популярное имя Софьи во время ненавистного боярского правления и сами от ее имени составили призыв, т. е. пресловутые письма Софьи. Последняя отнюдь не руководила восстанием стрельцов из кельи Новодевичьего монастыря и ни в чем не была виновата¹⁴.

Источники позволяют утверждать, что точка зрения Аристова ближе к истине. Хотя вряд ли можно сказать о царевне

¹¹ О событиях 3 апреля см.: P. Gordon. Tagebuch, Bd. 3, S. 181—182; А. Брикнер. Указ. соч., стр. 100; Н. Г. Устрялов. Указ. соч., стр. 113—114; С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 561; М. М. Богословский. Указ. соч., т. II, стр. 409; т. III, стр. 213, 216—219.

¹² О пребывании беглых стрельцов в Москве см.: И. Г. Корб. Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.) далее—И. Г. Корб. Дневник). СПб., 1906, стр. 188—190; М. И. Семевский. Восстание и казни стрельцов в 1698 г. (рассказ очевидца И. Г. Корба).—«Отечественные записки», 1861, т. СХХХVI, стр. 114—116; Н. Г. Устрялов. Указ. соч., стр. 155—161, 208, 212—218, 220; С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 560—561; М. М. Богословский. Указ. соч., т. III, стр. 82—83, 88—89.

¹³ Н. Г. Устрялов. Указ. соч., стр. 155.

¹⁴ Н. Я. Аристов. Московские смуты в правление Софьи Алексеевны. Варшава, 1871, стр. 155, 156, 157.

Софье, что она ни в чем не была виновата, совершенно ясно, что она ни в коей степени не являлась инициатором, вдохновителем стрелецкого восстания, хотя (и на это не обращает достаточного внимания Аристов) царевна с сочувствием встретила весть о начинавшемся движении и непрочь была воспользоваться им в своих целях — для освобождения из монастырского заточения и возможного прихода к власти. Как нередко случалось в те времена, народные выступления стимулировали замыслы, аппетиты всяких охотников до власти. Так было в 1682 г., так случилось и на этот раз.

Аристов обратил внимание на немаловажный в этом плане факт: Софья узнала о восстании только из тайного письма царевны Марфы, которая сообщила ей и о том, что стрельцы хотят снова видеть ее правительницей государства¹⁵. И это в самом деле было так.

Беглые стрельцы, как уже отмечалось, окунулись в столице в атмосферу всяких слухов и предположений. Слухи шли от случайных лиц на улицах, от стрельчих. Некоторые из стрелецких жеп были вхожи в палаты царевен, устраивавших несколько раз в году так называемые «кормки», т. е. кормления бедных, нищих, среди которых имелись и стрельчихи. Бывали они у царевен и в другие дни, причем некоторые довольно часто, приносили вести из города и уносили в стрелецкие слободы новости из царского дворца. Через двух стрельчих — Анютку Никитину и Офимку Кондратьеву Артарскую, передававших вести через постельниц Анну Клушину и Анну Жукову, царевна Марфа Алексеевна узнала о приходе стрельцов, их «бунте».

Стрельцы волновались, слушая рассказы о том, что царь Петр за границей, неведомо жив или умер, в Москве же бояре хотят удушить царевича Алексея Петровича. Передавали в народе, что однажды царевича подменили, чтобы уберечь от бояр, и надели на него другую одежду; «царица узнала, что не царевич; а царевича сыскали в другой комнате, и бояре царицу по щекам били». Весьма серьезным с точки зрения стрельцов был и слух о том, что в отсутствие царя «по стрельцов указ послан»; очевидно, здесь имелись в виду какие-либо меры против стрельцов.

Во время допроса 12 октября В. Игнатьев и Я. Алексеев признали, что когда приходили в Москву вместе с другими беглыми стрельцами, то слышали на Ивановской площади в Кремле разговор стрельцов Стремянного приказа и площадных подьячих: на Москве, мол, стрельца не бывать, боярин Т. Н. Стрешнев хотел удушить царевича, а сам быть на Москве владельцем. О том же толковали стрельчихи и стрельчата и другие лица.

¹⁵ Там же, стр. 156.

Все эти слухи и разговоры напоминают то, что происходило 16 лет назад — в 1682 г. Опять стрельцы, крайне недовольные условиями своего существования, ухватились за эти слухи как предлог для выступления. К тому же они, как и многие московские жители, могли верить и, вероятно, верили слухам о смерти царя, политикой которого они были недовольны (приблизил к себе иностранных офицеров, а стрельцов притесняет!), и о замыслах «плохих» бояр наподобие Т. Н. Стрешнева, снизившего им размер хлебного жалованья. Беспокоились они и по поводу возможных репрессий, которых они ожидали от тех же «плохих» бояр, управлявших Москвой и страной.

Царевна Марфа уведомила Софью о приходе стрельцов в Москву запиской, спрятанной «в стряпне», которую принесла от нее в Новодевичий монастырь карлица Авдотья: «Стрельцы к Москве пришли». Софья в ответной записке, переданной тем же путем, спрашивает сестру: «Что будет им?». Марфа ответила: «Велено рубить». Софья погоревала со своими постельницами по поводу возможной тяжкой судьбы стрельцов: «Жаль их, бедных!»

Между тем В. Тума и Б. Проскураков переслали через упоминавшуюся нищую стрельчиху Артарскую челобитную. Они просили ее передать «письмо» царевнам «которой ни есть»; о самом «письме» стрельцы ей сказали: «то де наша челобитная о наших нуждах».

В этой челобитной (текст ее не сохранился) стрельцы, очевидно, повторяли перечень своих тягот и лишений, о которых заявляли московским властям, а потом писали в изветном письме и челобитной в июне 1698 г.

Главный момент, на который нельзя не обратить внимание в истории с челобитной, поданной стрельцами в марте или самом начале апреля, заключается в том, что они переправили ее не Софье или какой-либо другой царевне, а вообще царевнам, «которой ни есть». Это говорит о том, что в той непонятной и смутной обстановке, которая, по мнению народа, в том числе стрельцов, сложилась весной 1698 г., стрельцы, получившие, конечно, соответствующее напутствие от своих товарищей, оставшихся в полках на Великих Луках, обратились за помощью к членам царского семейства. Челобитную они подали в Кремле, в палаты проживавших там царевен. Правда, они писали, что ввиду смерти Петра I желали бы видеть на царстве Софью. Это не удивительно, так как, не получая облегчения своей участи от Петра и его бояр, они должны были на кого-то возложить надежды. В 1682 г. таковыми стали Иван Алексеевич и Софья. В 1698 г. Ивана Алексеевича уже не было в живых. Они сразу вспомнили о Софье, о которой говорили как о доброй правительнице. Она пострадала от тех же Петра и «плохих» бояр после катастрофы 1689 г., когда стрельцы, кстати говоря, и не подумали

ее поддержать, потому что это не соответствовало их интересам. Но сейчас именно царевна-узница стала тем лицом, на которое они могли уповать в своих надеждах на облегчение их тяжелой участи. Как увидим ниже, стрельцы не были уверены в том, что Софья согласится быть правительницей при малолетнем царевиче; в этом случае они возлагали надежды на «добророго» боярина кн. В. В. Голицына или кого-либо другого.

И здесь снова можно отметить полное сходство с тем, что имело место в 1682 г., хотя обстановка была другой. Неизменным на протяжении всех этих и других движений XVII в. остается царизм, наивный монархизм, вера в царствующие особы, в «добрых» правителей.

Весной 1698 г., когда поползли слухи о смерти не любимого многими Петра, кознях бояр, притеснявших стрельцов, естественным стало их обращение «в Верх», к царствующим особам, за помощью. В этом, кстати говоря, не было ничего исключительного. Стрельцов многие историки обвиняют в том, что они стали на сторону Софьи, реакционного боярства и духовенства в их борьбе против прогрессивных преобразований Петра I. Но, во-первых, эти петровские преобразования начались по существу после возвращения Петра из-за границы; во-вторых, и это главное, стрельцы в своих действиях исходили из своих собственных нужд, а не из пожеланий или козней Софьи, бояр или церковников.

Характерен в связи с этим процесс над солдатом Лефортова полка Яковом Григорьевым в 1697 г. Солдаты этого полка нового строя, которых, в отличие от «реакционных» стрельцов, никто и никогда не обвинял в выступлении вместе с Софьей против новшеств Петра, вели разговоры о подаче челобитной о своем тяжелом положении (дают им на день по 4 ден. вместо 6, удерживая 2 ден. на церковь и «на выворот», совсем не дают хлебного жалованья) с просьбой помочь им добиться от начальства выдачи сухарей на пропитание. Челобитную «прогрессивные» солдаты Лефортова полка хотели подать... Софье. Дело в том, что однажды, когда некоторые из них стояли на карауле в Кремле на Красном крыльце, к ним вышла богато одетая женщина. Ей-то во время завязавшейся беседы и жаловались солдаты. Она им посочувствовала: «Только де на вас, что красные кафтаны». Добрую и милостивую женщину кое-кто из солдат, в том числе и Яков Григорьев, принял за царевну Софью. Надеясь на ее помощь и заступничество, он и решил после разговоров со своими товарищами-солдатами подать ей челобитную о сухарях.

«Царевна», выходящая к солдатам на Красном крыльце, оказалась постельницей царевен боярыней Коптевой; она и некоторые солдаты Лефортова полка заплатились за свою вину. Н. Б. Голикова, сообщающая эти факты, отмечает, что солдаты выражали недовольство тяжелым материальным положением,

грудностями военной службы, жестоким обращением и произволом начальства, суровыми наказаниями и почти полным бесправием.

Весной 1698 г. накануне выступления стрельцов недовольство проявляли солдаты полков Севского разряда, причем они говорили, что если выступят стрельцы, то солдаты должны их поддержать. То же было в московском солдатском полку П. Гордона, где велись в 1698 г. «непристойные» речи; например, солдат Рыбенко жаловался на то, что солдатам не выдали, как было обещано, сукна и денег за азовскую службу (ср. выше — на то же жаловались и стрельцы-«мятежники» 1698 г.). В 1700 г. властям стали известны опасные разговоры среди солдат о выдаче недоданного жалованья, наказаниях челобитчиков, жалующихся на это, о том, что виноваты в этом бояре Т. Н. Стрешнев, кн. И. Б. Троекуров, стольник кн. Ф. Ю. Ромодановский. Недовольство солдат вызвало сильное беспокойство правительства, которое опасалось, что они могут выступить вместе со стрельцами против властей¹⁶.

Ропот на тяжелое положение раздавался не только среди стрельцов и солдат, но и из рядов других слоев русского населения — крестьян, посадских людей и т. д.

Стрельцы не были здесь исключением. Как мы убедились, их стремление возложить надежды на «добрых», обиженных правителей, настоящих или бывших, тоже свойственно не только им.

Таким образом, в стрелецкой челобитной, поданной царевнам, нет ничего необычного. Марфа переслала ее Софье и через несколько дней передала ответ сестры Софьи стрельцам, причем сказала своей постельнице: «Письмо я тебе отдала, поверя тебе; а буде пронесется, тебя распытают, мне же, опричь монастыря, ничего не будет». Стрельчиха Анюта Никитина передала письмо Софьи В. Туме возле его двора близ церкви Николы Явленного на Арбате. Тума тут же прочитал письмо окружившей его толпе.

В этом письме, о содержании которого говорили стрельцы во время розыска, выражалось сожаление, что из стрелецких полков «приходило к Москве малое число». В столицу призывались все четыре полка, которым следовало стать табором под Новодевичьим монастырем и затем бить челом Софье, чтобы она пошла «против прежнего на державство». В случае сопротивления солдат или тех, «кто б не стал пускать с людьми своими» (имеются в виду, очевидно, вооруженные дворяне с челядью), стрельцы должны были начать с ними «бой».

¹⁶ Н. Б. Голикова. Указ. соч., стр. 198—205.

Во время допросов выяснилось, что несколько позже, когда стрельцы находились в пути из Москвы в Великие Луки, верстах в 40 к западу от столицы они получили второе письмо Софьи. Она торопила стрельцов: «Ныне вам худо, а впредь будет еще хуже. Идите к Москве. Чего вы стали? Про государя ничего не слышно».

Вопрос о том, существовали ли в действительности эти два письма Софьи (сама она позднее, во время допроса ее Петром, начисто отрицала свою причастность к составлению этих документов), остается открытым. Они не сохранились, о содержании их можно заключить только из показаний А. Маслова и некоторых других во время розыска. По словам Маслова, письма были написаны каким-то корявым пономарским или дяконским, «не мастерским» почерком¹⁷. Не исключено, что эти письма составлены не Софьей, а самими стрельцами-дезертирами от ее имени с целью поднять остальных стрельцов на восстание. Ведь признался же один из активнейших участников и руководителей восстания Я. Алексеев, что слова о смерти государя за морем он говорил для возмущения стрельцов к бунту¹⁸. Стрельцы-дезертиры в Москве не только обращались с челобитьями к боярам и царевнам, но и недвусмысленно показывали свои намерения расправиться с «плохими» боярами-правителями типа Т. Н. Стрешнева. Вызреванию этих замыслов только способствовали, как это было и в 1682 г., слухи о кознях бояр, хотевших-де удушить царевича и самим полностью овладеть властью. А это грозило тем же стрельцам еще большими бедствиями, тем более, что царя, по слухам, не стало. Вопрос о престолонаследии оставался, таким образом, открытым, в то время как он имел в глазах народа немалое значение. В этой сложной обстановке понятны их обращения «в Верх» к царевнам и уверенность, что возвращение к власти царевны Софьи или кого-либо другого из числа «добрых» правителей может принести им облегчение.

Как мы убедились выше, беглые стрельцы держались во время апрельских событий довольно угрожающе, и это переполошило московских бояр. Стольник кн. Ф. Ю. Ромодановский срочно послал за генералом П. Гордоном, но тот успокаивал московские власти тем, что бунтовщики бессильны, у них нет предводителя, поэтому опасности нет никакой. Гордон записал в своем дневнике, что московские вельможи преувеличивали опасность событий 3 апреля. Однако он сам проверил готовность солдат своего полка на Бутырках и доложил о принятых мерах А. С. Шеину и Ф. Ю. Ромодановскому.

Вечером следующего дня, 4 апреля, инцидент со стрельцами был исчерпан — власти послали в стрельцкие слободы

¹⁷ Н. Г. Устрялов. Указ. соч., стр. 210—211.

¹⁸ М. М. Богословский. Указ. соч., т. III, стр. 89.

несколько сот солдат Семеновского полка, которые при содействии части посадских людей «выбили» мятежных стрельцов из столицы. При этом одного из них посадские люди избili так, что он вскоре умер. Второго по боярскому приговору пытали и затем сослали в Даурию. Оба эти стрельца были виновны в том, что отбивались от солдат и посадских ножами и «кричали ясаком», т. е. призывали к восстанию. В сибирскую ссылку направили и упоминавшихся выше двух стрельцов — головнищев — Наумова и Чурина¹⁹.

О происшествии со стрельцами сообщили Петру за границу боярин кн. И. Б. Троекуров, стольник кн. Ф. Ю. Ромодановский и генерал П. Гордон. Из трех писем известно только одно — Ромодановского от 8 апреля. Стольник писал в нем царю, что стрельцы побежали из полков в Москву из-за того, что стал «хлеб дорок» (дорог). В столице они потребовали от Троекурова выдачи денег за те месяцы, в которые хлеба им не выдавали, но не успокоились после удовлетворения их требования. Он описывает «упрямство и дурость» стрельцов перед кн. Троекуровым 3 апреля. Последний в конце этого дня сообщил ему, Ромодановскому, что «хотят стрелцы итить в горат и бить в кала- [кола] у церквей». Таким образом, петровские вельможи имели полное основание опасаться выступления стрельцов в столице.

Власти, согласно этому письму, приняли меры — Ромодановский приказал привести в боевую готовность три солдатских полка — Преображенский, Семеновский и Лефортов; четвертый — Гордонов — приготовил к возможным событиям сам генерал Гордон. По его же указанию из числа солдат этих трех полков 700 человек во главе с полуполковником Никитой Репниным «с ружьем во всякой гатовности» ввели в Кремль «для опасения». Три роты семеновцев во главе с И. Чамарсом заняли все ворота Белого города. Стрельцы в результате этих мер утихомирились.

На следующий день, 4 апреля, продолжает Ромодановский, Троекуров «собрал бояр», т. е. Боярскую думу, и сообщил им о бунте стрельцов. Бояре послали за Ромодановским и «говорили» ему, чтобы он направил «для высылки» стрельцов полковника с солдатами. Ромодановский послал «с шестьсот человек» солдат во главе с И. Чамарсом и «с полтораста человек» стрельцов стрелянного полка во главе с М. Феоктистовым «с товарищи».

В результате стрельцы согласились пойти на службу²⁰. Столь-

¹⁹ О событиях 4 апреля см.: P. Gordon. Tagebuch, Bd. 3, S. 181—182; А. Брикнер. Указ. соч., стр. 100—101; Н. Г. Устрялов. Указ. соч., стр. 114—115; С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 561—562; М. М. Богословский. Указ. соч., т. III, стр. 409—410.

²⁰ ПИБПВ, т. I, стр. 725—727.

ник умолчал при этом о сопротивлении некоторых стрельцов. Уход последних из столицы, в которой они хотели было подняться против бояр, становится понятным ввиду явного неравенства сил.

Против 175 стрельцов-дезертиров, к которым могло присоединиться еще некоторое количество московского населения, в том числе и жителей стрелецких слобод (вспомним о толпе из 400 человек перед домом Троекурова), мобилизовали крупные силы — около 1 тыс. солдат расположили в Кремле и у ворот Белого города, на «высылку» в стрелецкие слободы пришло 750 солдат и стрельцов; наготове стояло еще немало солдат четырех полков. Попытка одного из стрельцов, И. Пузана, уговорить бутырских солдат присоединиться к ним успеха не имела. В таких условиях в выступлении не было, конечно, смысла, и стрельцы прекрасно это поняли. Обращает на себя внимание и то, что разгоравшийся «бунт» стрельцов был ликвидирован в начале апреля не только с помощью солдат, но и части стрельцов (из привилегированного стремянного приказа) и московских посадских жителей. Как и в 1682 г., с самого начала отсутствовало единство среди стрельцов; против «бунтовщиков» выступила и часть посадских людей столицы. Все это говорит опять же о разном отношении к начинавшемуся восстанию со стороны различных групп посадских людей и служилых людей по прибору, в данном случае стрельцов.

Петр I, получивший письмо Ромодановского в Амстердаме 8 мая, на следующий день ответил ему с досадой и выговором. По поводу усмирения «бунта от стрелцов» он писал: «Зело радуемся», — но тут же добавлял: «Только зело мне печально и досадно на тебя, для чего ты сего дела в розыск не вступил. Бох тебя судит! Не так было говорено на загородном дворе в сенех. Для чего и Афтамона взял, что не для етого». Следовательно, возможность выступления озлобленных своими тяготами стрельцов Петр предвидел еще накануне отъезда за границу. Об этом он разговаривал с Ромодановским, которому в случае «бунта» указывал, очевидно, организовать строгий розыск с помощью А. М. Головина. По поводу слухов и страхов бояр ввиду отсутствия известий от «великого посольства» и возможной гибели царя за границей он пишет, что об этом весть пришла бы быстрее почты («скорая бы почты весть была»); «я не знаю, — укоряет он стольника, — откуда на вас такой страх бабей!» О «замедлении почт» писал он 13 мая и А. А. Виниусу²¹.

²¹ ПиБПВ, т. I, стр. 251—252; М. М. Богословский. Указ. соч., т. II, стр. 410—412.

ВОССТАНИЕ В СРЕЛЕСЦКИХ ПОЛКАХ В ИЮНЕ 1698 г.

(возвращение стрельцов-дезертиров из Москвы; брожение в полках; приказ о переводе полков в другие города; восстание в Торопце и продвижение к Москве; организация восставших стрельцов, их планы)

Беглые стрельцы, изгнанные из Москвы, явились в свои полки с известиями о слухах, циркулирующих в столице, с письмами царевны Софьи. Эти известия подлили масла в огонь: недовольство стрельцов получило новую пищу. Агитация прибывших из Москвы в полки «стрельцов-скороходов» стимулировала поиски выхода из создавшегося тяжелого положения. В. Тума, Б. Проскуряков, А. Маслов, В. Зорин и другие беглецы подговаривали своих братьев-стрельцов к походу на Москву. Во всех полках шли речи о гибели Петра за границей, попытках бояр удушить царевича; стрельцы строили планы похода в столицу, где собирались перебить бояр и иноземцев, разорить Немецкую слободу, грабить дома богатых.

На совещаниях стрельцы обсуждали планы. Одни из них пытались удерживать стрельцов, другие, наоборот, выступали очень решительно; например, молодые стрельцы встретили весть о предполагаемом походе с энтузиазмом: «Наживем же мы по шапке денег». Стрельцы кричали в кругах: «Какая наша служба! Страждем от бояр, скитаемся чрез них третий год», требовали похода в Москву, расправы со Стрешневым, Троекуровым, Ромодановским. Попытки попов уговорить их от выступления успеха не имела, в ответ попов ругали и даже били. Однако единодушия среди стрельцов не было; месяца полтора после возвращения беглецов-«скороходов» из Москвы прошло в спорах и раздорах на кругах.

В конце мая все четыре стрелецких полка перевели из Великих Лук в Торопец — резиденцию воеводы боярина кн. М. Г. Ромодановского. Стрельцы надеялись, что отсюда их, наконец, отпустят к Москве. Но столичные правители, испуганные весенним «бунтом» стрельцов, которых не насчитывалось и двух сотен, отнюдь не намеревались допустить появления в Москве нескольких тысяч беспокойных и озлобленных служилых людей. 2 июня стрельцам объявили в Торопце указ из Разрядного приказа от 28 мая: полку Колзакова велено перейти в Вязьму, Чубарова — в Белую, Черного — в Ржеву Владимирову, Гундертмарка — в Дорогобуж; стрельцов, ходивших весной в Москву, правительство распорядилось сослать с семьями в ссылку «на вечное житье» в малороссийские города Чернигов, Переяславль, Новобогородицк. Между прочим, дворян из Новгородского полка, находившихся в корпусе Ромодановского, правительство указало распустить по домам, самому же боярину — ехать в

Москву. Стрешнев сообщал Петру об этих распоряжениях в письме от 27 мая.

¶ Но попытка присланного из Москвы дворянина Г. Микулина арестовать беглых стрельцов, /пришедших по распоряжению М. Г. Ромодановского к разрядному шатру, /окончилась неудачей — стрельцы-беглецы не подчинились, дубьем и дрекольем отбились от конных ратников. /Человек с 50 беглых стрельцов, которых назвали Ромодановскому полковники Гундертмарк, Черный и Чубаров, /боярин велел посадить в крепость. Есаулы повели их туда, но по дороге толпы стрельцов отбили своих товарищей, гонялись за есаулами, бросали в них палки. Ромодановский отправил на помощь есаулам небольшое число новгородских стрельцов, но те ничего не могли поделать. То же случилось и с 15 беглецами из полка Колзакова, которых тоже пытались посадить в тюрьму; стрельцы отняли их у торопецкого воеводы «отбоем» и гонялись с палками за самим полковником Колзаковым, который водил беглецов для отдачи под арест, а теперь спасался, бросив лошадь, от своих подчиненных бегством по «мостовинам» через реку Торопу. Затем беглые стрельцы вместе со своими товарищами собрались толпой перед домом полковника А. Чубарова. Они кричали: «Для чего боярин царского указа им не читает?» Очевидно, стрельцы давали понять, что боярин Ромодановский скрывает от них этот царский указ. Боярин тут же отдал приказ подьячему И. Антонову прочитать его, что тот и сделал. Ясно, что грамота не могла удовлетворить их, и они снова закричали: «Писали де ее, уду-мав, бояре; о государе же не слышно, где он ныне», «пойдем к Москве!», «Умрем друг за друга, бояр перебьем, Кокуй вырубим; а как будем на Москве, нас и чернь не выдаст». Грамоту читали у полковых съезжих изб, чтобы не собирать всех стрельцов вместе у разрядного шатра. Во время чтения стрельцы реагировали по-разному: в полку Колзакова заявили, что за стрельцов-«воров», если они явятся, они «стоять» не станут. Чубаровцы сказали, что у них «воров» нет; те же, кто ходил в Москву, делали это от голода. ¶ Но не только чубаровцы, но и колзаковцы, несмотря на обещание, решительно встали на защиту своих арестованных товарищей. А стрельцы двух других полков — Гундертмарка и Черного — вообще не пошли слушать царскую грамоту к съезжим избам. Они начали ломать колья из изгородей по улицам, расположенным по соседству с разрядным шатром и двором Ромодановского.

¶ Восстание в полках началось. Беглые стрельцы побежали по своим дворам, чтобы взять ружья и копья. ¶ Ромодановский вывел из Торопца дворянское войско и расставил его в поле на московской дороге в боевом порядке. С ним стояли полковники, которые по распоряжению Ромодановского должны были выводить полки из Торопца. Боярин потребовал от стрельцов

выдать своих беглых товарищей. Сначала они не подчинились («нас и всех посылают в ссылку на перевод»), но после вторичного требования боярина и уговоров некоторых пятисотных (например, Родиона Боровкова) стрельцы всех четырех полков, отделившись от «мятежников», вышли в пункты своего назначения. Но они не дали их арестовать, угрожали коннице, лившей «воров». «Бунтовщики» не отставали от своих полков и, более того, захватили несколько пушек и знамен на глазах у Ромодановского. Он не решился на более суровые меры и, надеясь, очевидно, что теперь все обойдется благополучно, уехал в Москву, отослав предварительно стрельцам, пошедшим в указные места, жалованье за два месяца²².

Стрелецкие полки шли на места нового назначения нехотя, медленно, делая верст по пять в день. 6 июня все полки сошлись на р. Двине. Здесь окончательно оформились планы восстания, которые начали созревать задолго до этого, во время событий в Москве весной 1698 г. и последующей агитации стрельцов-«скороходов» в полках. Во время переходов из Торопца до р. Двины главные вожди движения — Тума, Проскуряков и др. — продолжали призывать своих товарищей к решительному выступлению, их призывы имели успех; количество сочувствующих делу восстания росло.

6 июня на Двине пятидесятник Чубарова полка Артемий Маслов прочитал вслух в присутствии всех полков письмо царевны Софьи, переданное ему другим пятидесятником того же полка — Михаилом Обросимовым, который получил его непосредственно от В. Тумы в Великих Луках и тут же, на Двине, читал в своем полку. А. Маслов несколько позже читал письмо Софьи в другом месте — верстах в 20 к западу от Воскресенского (Новоиерусалимского) монастыря.

Письмо Софьи с призывом идти к Москве, чего так жаждали страдавшие от тяжелой службы и голода стрельцы, сыграло большую роль в момент принятия ими окончательного решения. Один из допрошенных во время розыска стрельцов — барабанщик Чубарова полка Карп Ерофеев — показал, что в ответ на его заявление о нежелании идти к Москве В. Тума закричал ему: «Для чего ты, дурак, не идешь? У меня есть письмо от царевны Софьи Алексеевны, чтобы итти к Москве»²³.

²² О возвращении беглых стрельцов, брожении в полках, восстании в Торопце см.: ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, д. 2042, лл. 1—56; Н. Г. Устрялов. Указ. соч., стр. 161—164; С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 562—563; М. М. Богословский. Указ. соч., т. III, стр. 28—29.

²³ О переходе стрельцов из Торопца на Двину и чтении письма на Двине, а также под Воскресенским монастырем, см.: Н. Г. Устрялов. Указ. соч., стр. 564; М. М. Богословский. Указ. соч., т. III, стр. 39, 44—45, 48—51, 53—58, 61—63, 65, 69 и сл., 100—104, 112, 221, 225; т. IV, стр. 321—322, 325—326, 329; ЦГАДА, ф. 6, д. 11—12.

Стрельцы сместили своих начальников и вместо них избрали в каждом полку по 4 человека выборных. В полку Чубарова выборными стали рядовые Жемель, И. Воскобойников, Григорьев, Андреев, в полку Черного — пятидесятник Пострелов, десятник Батурин, рядовые Сапожников (Сапожков), Иванов, в полку Гундертмарка — пятидесятник Плаутин,десятники Самойлов, Иванов и т. д. Они выступают в роли организаторов в своих полках. Впрочем, главными предводителями движения по-прежнему оставались стрельцы из числа «скороходов», побывавших весной в Москве и после возвращения оттуда непрерывно призывавших полки к восстанию. Это — В. Тума, Б. Проскуряков, В. Зорин, А. Маслов, М. Обросимов и др. Некоторые из них хорошо помнили события 1682 г., как, например, их участник В. Зорин. На следствии он говорил, что и в 1698 г. дело могло дойти до расправ с боярами. Именно Зорин являлся автором челобитной, поданной от имени стрельцов А. С. Шеину накануне сражения под Воскресенским монастырем. Стрелец В. Игнатьев на допросе 22 сентября привел слышанные им слова В. Зорина: «А Васька Зорин говорил: я де и в 90-м (1682.— В. Б.) году все по обычаю своему управил, а и ныне де, окромя меня, такого пределу никто не сделает». Таким образом, В. Зорин, ссылаясь на опыт, вынесенный из активного участия в восстании 1682 г., заявлял о своей готовности взять на себя руководство движением 16 лет спустя.

Поданное Шеину известное письмо составлял Артемий Маслов, дважды читавший всем стрельцам письмо Софьи.

Новые начальники из стрельцов делали все дела, не спрашивая ни о чем полковников и капитанов, сидевших в своих палатках; денщиков и караульных стрельцы у них отняли.

Помимо предводителей из числа «скороходов», активными деятелями восстания выступают некоторые выборные и другие стрельцы. Например, И. Воскобойников принимал деятельное участие в избрании других выборных; в харчевне, «будучи на Великих Луках», он говорил, что в случае успеха восстания следовало бы истязать бояр: «Мы бы де, приход, иному боярину, прорезав руку, продев волосяной аркан, поволочили!» Классовая ненависть в словах этого стрельца выражена, как видим, более чем ясно. Сотенный И. Клюкин принимал у восставших стрельцов порох для раздачи, передавал В. Зорину известное письмо для вручения А. С. Шеину, говорил в полках: «Все де мы страждем от бояр». А накануне сражения призывал своих собратьев: «Стой де, братцы, что бог ни даст!» Братья Калистратовы «с товарищи первые и крикуны были», согласно показаниям о них А. Маслова, Я. Алексеева и В. Игнатьева, которые сами были в числе наиболее активных деятелей восстания. Под Воскресенским монастырем именно братья Калистратовы, взяв у А. Маслова экземпляр «письма», переданного

Шейну, пытались уговорить солдат перейти на сторону восставших стрельцов. Они побежали с «письмом» в солдатские полки. Во время второго чтения письма Софьи Иван Калистратов кричал: «Хотя де всем помереть, а про то письмо не сказать!»

Пятидесятник Иван Волосатый, по показаниям В. Зорина и А. Маслова, был в своем полку наказным приставом, вел полк, делал по дороге смотры стрельцам, раздавал им порох и свинец.

И. Г. Корб сообщает, что стрельцы, «прогнав бывших у них верных офицеров,... распределили между собою воинские должности; наиболее усердный к преступному замыслу считался и наилучшим для командования». Автор называет в числе главных предводителей В. Зорина (Batska Girin), Б. Проскуракова, «Якушку» (возможно, Якова Алексеева). Последний вместе с другими двумя «низшими офицерами» был избран главным начальником караулов. Во время розыска стрельцы упоминали, между прочим, о том, что в восставших полках, действительно, была организована караульная служба.

Все вопросы стрельцы решали на общих сходках — кругах, на которые они собирались в Великих Луках и затем во время похода к Москве. На них они обсуждали свои планы, читали письма Софьи, составляли челобитные. Так, на «большом кругу» или «совете» на р. Двине читалось письмо Софьи, обсуждались планы похода в Москву, избияния бояр и иноземцев, смены власти и т. д.²⁴

Несмотря на принятое решение о походе в Москву, единодушия в стрелецких рядах не было. По-прежнему имели место разногласия, неверие в успех восстания и нежелание идти в Москву «бунтом». Несомненно, этим обстоятельством было вызвано появление приказа выборных: «Кто к Москве не пойдет, сажать на копья». Пятидесятник А. Прасолов показал во время розыска, что уговаривал стрельцов не ходить к Москве: «имитить не за чем, быть там всем казненным». Шел он со стрельцами «за страхом», так как они стали «присматривать, чтоб никто из них из обозу не ушел; а буде кто побежит, и тех колоть копы». Некоторых стрельцов (а таких, возможно, было немало) брали раздумья. Характерно, что по дороге к Москве около Ржевы Владимировой некоторые стрельцы хотели повернуть на бельскую дорогу, но их не пустили, загорюдив путь, упоминавшиеся уже Калистратовы и их товарищи. Все пошли к Москве, а пятисотный Боровков тайно сбежал в Торопец, не желая продолжать путь с восставшими стрельцами.

²⁴ Об организации восставших стрельцов, их руководителях см.: И. А. Желябужский. Записки, стр. 117; И. Г. Корб. Дневник, стр. 178, 186—187; М. И. Семевский. Указ. соч., стр. 106, 112—114; Н. Г. Устрялов. Указ. соч., стр. 162—163, 174—175; М. М. Богословский. Указ. соч., т. III, стр. 30—35, 54, 97, 112, 115, 119; ЦГАДА, ф. 6, д. 11, 12.

Таким образом, среди стрельцов существовали разногласия по поводу дальнейших действий. Имелись они и среди их руководителей. Об этом сообщает И. Г. Корб: «Раздор разъединил трех главных вождей бунтовщиков, это задержало их поход, и мятежные стрельцы только на третий день встретились с верным (правительству. — В. Б.) войском под монастырем». В другом месте тот же автор, перечисляя «глав мятежа», добавляет, что когда они шли к Москве, «то между ними вышел раздор, и это послужило причиной их четырехдневного замедления, которое принесло погибель им и спасение всем благонамеренным людям».

О том же говорится в «журнале» Гюйсена: «...Трое начальных бунтовщических глав разгласились, и рассеялась между ними некая сора», «они так разгласились и не успели захватить за спорами своими» Воскресенский монастырь²⁵.

Но, несмотря на рознь в рядах стрельцов, число которых к тому времени уменьшилось до 2200 человек (сказались лишения по пути из Азова к северо-западной границе, голод и т. п.), они направлялись к столице. На Двине и по пути к Москве окончательно созрели их планы, замыслы. «Идем к Москве!» — кричали они, прослушав еще 2 июня письмо Софьи, являвшееся, возможно, изделием группы стрельцов во главе с Тумой, решивших таким путем быстро поднять всех своих товарищей по службе, немало которых проявляли нерешительность, колебания.

В чем же состояли эти замыслы? Ясно, что их появление объясняется тяжелым положением, лишениями стрельцов в течение нескольких лет перед восстанием. Призыв же к восстановлению Софьи в роли правительницы являлся удобным предложением для осуществления этих планов. К тому же они, конечно, надеялись на помощь царевны или других «добрых» правителей.

Но шли они в Москву не только для того, чтобы посадить Софью в царское кресло. Это было одним из средств для достижения цели — добиться улучшения своего положения. Главное средство — это само восстание, которое они собирались организовать в столице.

Стрельцы, поднимая «бунт», хотели побить ненавистных бояр, назывались фамилии Т. Н. Стрешнева, И. Б. Троекурова, М. Г. Ромодановского, стольника Ф. Ю. Ромодановского. С этими особо ненавистными лицами стрельцы связывали свои лишения и страдания — тяготы службы, голод, унижения и бесправие,

²⁵ О разногласиях в среде стрельцов и их предводителей см.: И. Г. Корб. Дневник, стр. 179, 187; М. И. Семевский. Указ. соч., стр. 107, 113; Гюйсен. Журнал, стр. 105; Н. Г. Устрялов. Указ. соч., стр. 164—165; М. М. Бословский. Указ. соч., т. III, стр. 217—218.

нежелание властей вернуть их, хотя бы на время, к их семьям в Москву. Ненависть вызывали и иностранцы, прежде всего офицеры, от которых они страдали во время службы, походов. Этим объясняется постоянно повторяющийся во время допросов пункт о стремлении восставших расправиться с иноземцами, разорить Немецкую слободу в Москве, разграбить их дома. Собирались они грабить и боярские дома. Все это понятно, так как стрельцы считали, что они погибают от бояр и иноземцев.

Стрельцы надеялись добиться своего с помощью оружия — сразиться с солдатами, охраняющими столицу, в частности Новодевичий монастырь. Они надеялись, что в Москве к ним присоединится «чернь», т. е. социальные низы столицы, которую они хотели «возмутить». Разослав по слободам копии со своей челобитной, поданной А. С. Шеину в июне. В связи с этим любопытно замечание очевидца событий И. Г. Корба: «Небезосновательно было также опасение, что чернь присоединится к мятежникам», из-за чего московские бояре «сочли за более благоразумное» послать войско навстречу мятежным стрельцам, чтобы не допустить их прихода в столицу, «не ожидать их губительнейшего нападения». Другой иностранец, датский посол Гейнс, также сообщает, что у стрельцов много сочувствующих; если бы им удалось войти в столицу, то вся московская чернь присоединилась бы к ним, и началось бы общее восстание, в результате которого все иностранцы стали бы жертвами народной ненависти. В столице, говорит он, «все живут под страхом революции» при известии о движении к Москве восставших стрельцов. Последние недовольны иностранными офицерами, «которых царь любил больше своих подданных». Ропот черни в столице летом 1698 г. вызывала дороговизна на съестные припасы, достигшая крайней степени; цены на рожь и овес небывалые, а тут еще в Москву понаехало множество присланных царем иностранцев (до 800 моряков, канониров и др.).

Восставшие хотели бы организовать совместное не только с московскими жителями, но и со стрельцами других городов, казаками выступление. Так, предполагая, что ввиду своей малочисленности (2200 чел.) не смогут вступить в бой с солдатами, они думали одно время обойти Москву, засесть в Туле, Серпухове или, если их туда не пропустят, в звенигородском Савво-Сторожевском монастыре и оттуда писать стрельцам в Азов, Белгород, Севск и другие города, чтобы они шли к ним на помощь, «не мотчав». Вместе с ними они планировали расправиться с московскими боярами и иноземцами, сделать, по показанию В. Зорина, подобное тому, что произошло в 1682 г. Собирались они послать весть о своем выступлении донским казакам, рассчитывая, несомненно, что те присоединятся к ним.

Надеялись восставшие и на то, что их могут поддержать солдаты. Правда, еще во время прихода группы стрельцов в Москву весной 1398 г. стрелец-головнинец Иван Пузан ходил к бутырским солдатам (полк Гордона) с призывом присоединиться к стрельцам. Но солдаты отказались: «Как де вы знаете, так и делайте, нам де за вас стоять нельзя, государев де указ об вас жестокий». Другая попытка склонить солдат на свою сторону предпринималась под Воскресенским монастырем накануне решающего сражения, но и она окончилась неудачей.

Стрельцы ставили перед собой цель — возвратиться к семьям в Москву, улучшить материальное положение (получение хлеба, жалованья без «выворотов»); судя по их действиям и жалобам, они хотели избавиться от непомерных тяжестей службы, издевательств, унижений и оскорблений со стороны властей и своего начальства.

«Добрые» правители могли быть в их представлении только из числа членов царствующего дома или их приближенных. А. Маслов на вопрос боярина кн. Б. А. Голицына о том, кому бы править, если бы царевны не приняли правительства, ответил: «Как бы им не принять? Кому, кроме их, править?» Поскольку существующие власти — царь и его советники — были «плохими», немилосердными, то следует заменить их другими, «хорошими», «добрými», и тогда дела пойдут лучше. Вместо Петра, «немилосердного» к стрельцам, склонившегося к иноземцам и к тому же, возможно, погибшего в далеких землях, они хотели бы видеть на престоле Софью, милостивую к ним в прошлом, во время «правления» в 1682—1689 гг. (о репрессиях после подавления восстания 1682 г. они дипломатично предпочитали не вспоминать); к тому же им во время правления Софьи жилось спокойнее, чем до и после него.

Любопытно, что восставшие стрельцы допускали возможность того, что Софья не захочет «вступить в правительство», т. е. возглавить власть в стране. В этом случае они предполагали пригласить какую-либо другую царевну, царевича или до его возмужания, т. е. совершеннолетия, поставить в правители боярина кн. В. В. Голицына (его и других ссыльных предполагалось вернуть в Москву), который был всегда милосерден к ним в Москве и во время крымских походов. Некоторые стрельцы называли в качестве кандидата на престол популярного тогда в народе кн. М. Я. Черкасского или кого-нибудь другого, по совету с народом. Это говорит, с одной стороны, о том, что стрельцам в общем-то было безразлично, кто будет правителем. Они не разбирались в тонкостях высокой политики, ими двигали их непосредственные, житейские интересы. С другой стороны, такой подход (отсутствие уверенности в том, что Софья захочет снова стать правительницей, наличие другой кандидатуры на этот случай) как будто свидетельствует о том, что пре-

словутые письма Софьи, в которых стрельцы прямо призывались к тому, чтобы посадить ее в правительницы в результате похода на Москву, могут являться, действительно агитационной выдумкой группы энергичных предводителей во главе с В. Тумой и Б. Проскураковым или одного В. Тумы. Стрельцы, как показали события восстания и розыска, вообще прибегали к различным выдумкам для мобилизации своих собратьев или облегчения своей участи и т. д. Так, В. Зорин и А. Маслов признавались впоследствии, что допускали «неточности» в своих обвинениях против ненавистного иноземца Ф. Лефорта. А во время «большого розыска» группа стрельцов пыталась набросить тень на преображенских солдат, обвинив их в антиправительственных речах и замыслах, чтобы запутать следы, отомстить своим противникам.

Оставаясь убежденными царистами, монархистами, восставшие стрельцы проявляли в то же время известную смелость в подходе к решению вопроса о власти — они не только обсуждали разные кандидатуры на пост «доброего» правителя, но и не боялись открыто говорить о необходимости убить высшего носителя власти — самого царя. Впрочем, по своим стремлениям, в своей психологии, идеологии, программе действий, в организации они почти ничем не отличались от участников восстания 1682 г. и других народных движений XVII столетия. В то же время мысль о возможности расправы с царем, замены его другой личностью или даже перемены династии свидетельствует о новых чертах в идеологии восставших в сравнении с 1682 г., когда повстанцы не помышляли об этом или же высказывали очень неопределенные мысли о расправе с царским домом, избрании в цари другого лица.

Стрельцы, поднимаясь на восстание, отдавали себе отчет в том, что оно может окончиться поражением. Они прекрасно понимали, что сил у них немного, надежды на помощь стрельцов из других городов, донских казаков, социальных низов Москвы оставались только надеждами. Недаром некоторые стрельцы из среды самих восставших шли к Москве отнюдь не с энтузиазмом. Руководителям пришлось прибегнуть даже к угрозам физической расправы с теми, кто захочет покинуть ряды восставших. А. Маслов в показании от 22 сентября сообщил, что стрельцы договорились в случае поражения не выдавать друг друга под пытками, которым подвергнут их во время розыска («А будет де мы будем на Москве и станут нас пытать, и нам помирать, а друг на друга не говорить»).

Такое представление о замыслах стрельцов складывается из их признаний в ходе розыска²⁶. Это подтверждают современни-

²⁶ Н. Г. Устрялов. Указ. соч., стр. 165, 175—177, 205, 207—208, 210—211; С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 564—565; М. М. Богословский.

ки—очевидцы событий. И. Г. Корб так излагает «преступнейшие замыслы» стрельцов, о которых последние говорили во время сыска: «Если бы судьба помогла их начинаниям, то они назначили бы боярам те же самые мучения, которые теперь ждут их, побежденных». Одних бояр они стремились покарать смертью, других изгнанием, всех их лишить должностей и чинов, чтобы тем самым привлечь на свою сторону простой народ. Они хотели истребить всех немцев, сжечь и разграбить немецкое предместье; вырезать тех солдат, которые выступают против них, а остальных «принять в участники своего позорного замысла», т. е. включить в ряды восставших. Захватив власть, они предполагали разбросать «листы» в народе, чтобы уверить его в том, что царь окончил жизнь за морем; для управления делами до совершеннолетия царевича намеревались временно возвести на трон Софью, а ей в помощь дать В. В. Голицына. Весь «бунт» хотели устроить вместе «с черным народом». Царя они хотели не допустить в Москву, хотя в народе собирались говорить о том, что он якобы «за морем скончал жизнь». Это противоречие, имеющее место и в показаниях стрельцов во время розыска, опять же свидетельствует, что слова о смерти царя за границей, как, возможно, и чтение писем Софьи, являлись агитационной уловкой руководителей движения, поскольку они знали или предполагали другое — что царь жив и вернется в Москву, чему они хотели бы воспрепятствовать. Далее И. Г. Корб подтверждает наличие в планах восставших стремления опереться на помощь стрельцов из других мест для осуществления своих целей²⁷.

Однаково с Корбом о замыслах стрельцов говорится в «журнале» Гюйсена²⁸. Данные А. А. Матвеева по этому вопросу сходны с тем, что говорится в других источниках²⁹.

Для осуществления своих планов восставшие стрельцы после «большого круга» или «совета» на р. Двине направились к Москве. В пути опять начались колебания стрельцов и даже раздоры между их руководителями, отражавшие, несомненно, отсутствие единодушия в их рядах. Очевидно, чтобы сплотить ряды восставших, верстах в 20 к западу от Воскресенского монастыря один из главных деятелей восстания, А. Маслов, снова прочитал всем стрельцам письмо от имени Софьи, а накануне сражения 18 июня руководители повторили угрозу расправить-

Указ. соч., т. III, стр. 35—37; 42—43, 45, 47, 51—52, 56, 95, 97, 218, 221, 224—225; И. Г. Корб. Дневник, стр. 179; М. И. Семевский. Указ. соч., стр. 110; Г. Форстен. Указ. соч., стр. 100, 101.

²⁷ И. Г. Корб, Дневник, стр. 183—184, 191; М. И. Семевский. Указ. соч., стр. 116—117.

²⁸ Гюйсен. Журнал, стр. 108—109.

²⁹ «Записки Матвеева». — «Записки русских людей» (далее — А. А. Матвеев. Записки). СПб., 1841, стр. 61.

ся с теми, кто изменит общему делу и начнет перебегать в «большой полк», т. е. на сторону правительственного войска А. С. Шеина. Кроме того, в пути группа активных, руководящих деятелей движения — В. Зорин, А. Маслов и другие — составляли изветное письмо и челобитную, которые были вручены тому же Шеину перед сражением 18 июня.

Решимость стрельцов, часть которых колебалась и, вероятно, не хотела продолжать «бунташный» поход на Москву, была подстегнута встречей на пути из Волоколамска в Воскресенский монастырь с неким Константином Сухаревым — дьячком табачной продажи Клушинской дворцовой волости. Он принес им такие вести: на Москве-де власти готовятся к приходу стрельцов, приказали жителям «убираться» в Белый город с запасами на шесть недель; «и буде с Москвы к ним, стрельцам, будет какая присылка и будут вас прельщать деньгами, чтоб вам к Москве не ходить, и вы де на деньги не прельщайтесь, одно де подите к Москве» (допросы С. Плясунова, А. Маслова, Я. Алексеева и др.). Сам Сухарев показал на допросе, что он хотел возмутить стрельцов, так как ждал от их победы «всякого добра и награждения»³⁰.

Эта встреча, имевшая место за один или два стана от Воскресенского монастыря, укрепила стрельцов в их стремлениях, и они продолжали свой путь навстречу правительственным войскам, которые двигались к тому же монастырю с другой стороны — из Москвы.

МОБИЛИЗАЦИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ СИЛ ПРОТИВ ВОССТАВШИХ СРЕЛЬЦОВ

(известие в Москве о восстании в стрелецких полках; посылка войска навстречу восставшим; переписка московских властей с Петром I)

П. Гордон пишет в дневнике, что слухи о склонности к бунту стрельцов, находившихся в Торопце, распространились в Москве 8 июня. Чтобы узнать о положении дела, из Москвы выслали верного правительству человека. На следующий день решили отправить против стрельцов часть Бутырского и других полков и арестовать тех из них, которые приходили в Москву весной 1698 г. Власти, несомненно, понимали, что волнения в стрелецких полках обострились после возвращения из столицы «стрельцовско-сорокоходов», зараженных бунтарским духом.

10 и 11 июня, продолжает П. Гордон, пришли более подробные и тревожные известия о «бунте», в том числе от присланных

³⁰ Н. Г. Устрялов. Указ. соч., стр. 165; М. М. Богословский. Указ. соч., т. III, стр. 105—106.

полковниками из-под Торопца двух стрелецких капитанов. Сильно перепугавшиеся высшие сановники собрались на совет (имеется в виду созыв Боярской думы) и решили отправить против восставших войско из конницы и пехоты. Гордону поручили командование двухтысячным отрядом солдат³¹.

И. Г. Корб сообщает о ночных совещаниях бояр, на которых обсуждались меры для «усмирения мятежа стрельцов». Приговорили послать 6 тыс. конницы и 2 тыс. пехоты во главе с Шеиным и Гордоном. Ввиду опасности мятежа царевича отправили под прикрытием крепостных стен Троицкого монастыря. По Москве ходило много слухов «о столь близкой опасности». Частые свидания бояр, их неоднократные дневные и ночные совещания «открыли всем глаза на важность дела». Расправу над мятежниками поручили боярину А. С. Шеину, которого царь перед отъездом за границу назначил главнокомандующим своими войсками. Корб сообщает, что Шеин согласился с решением бояр, но потребовал, чтобы оно было подкреплено их подписями и печатами. Но бояре отказались это сделать, «неизвестно: из страха или из зависти»; подобная версия повторяется и в «журнале» Гюйсена (как и цифры — 6 тыс. конницы и 2 тыс. пехоты)³².

И. А. Желябужский пишет, что 11 июня, т. е. сразу после получения вестей о «бунте» стрельцов от их капитанов, приехавших из-под Торопца (по Гордону, они явились в Москву как раз 11 июня), в столице была «сказана сказка» всем дворянам московских чинов (стольникам, стряпчим, дворянам московским, жильцам), чтобы они записывались в Разрядном приказе, т. е. готовились к службе, для похода против стрельцов, которые «идут к Москве собою для волнения и смуты и прелести всего Московского государства». По городам тут же послали грамоты, «чтобы ехали всяких чинов люди к Москве безсрочно»³³.

А. А. Матвеев также пишет о решении бояр послать против стрельцов Шеина и Гордона с полками из царедворцев, всякого чина людей и солдат «с несколькими пушками», чтобы не пропустить мятежников в Москву³⁴.

Переполох московских бояр, их неоднократные совещания объясняются чувством страха при известии о подходе восставших стрельцов к Москве, где существовала реальная опасность восстания «черни», с нетерпением ждавшей прихода стрельцов, если судить по высказываниям свидетелей-иностранцев, с беспокой-

³¹ P. Gordon. Tagebuch, Bd. 3, S. 192—193; А. Брикнер. Указ. соч., стр. 101.

³² И. Г. Корб. Дневник, стр. 64, 178; М. И. Семевский. Указ. соч., стр. 106—107; Гюйсен. Журнал, стр. 103—104.

³³ И. А. Желябужский. Записки, стр. 117; см. также: ЦГАДА, ф. 248, д. 650, л. 557—557 об.

³⁴ А. А. Матвеев. Записки, стр. 61.

ством наблюдавших в эти дни за настроением социальных низов столицы. Из Москвы началось бегство богатых людей.

Согласно приговору Боярской думы, А. С. Шеин должен был возглавить все войско, а также большой полк, в который входили московские дворяне. П. Гордону подчинялся сборный полк из солдат Преображенского, Семеновского, Лефортова и собственно Гордонова полка; его численность составляла 2300 человек. Генерал-поручик кн. И. М. Кольцов-Мосальский, другой помощник Шеина, собрал отряд из отставных, недорослей, подьячих, служителей конюшенного чина, всего 1230 человек, а также царедворцев, число которых неизвестно. Таким образом, только у Гордона и Кольцова-Мосальского имелось до 4 тыс. человек при 25 пушках (о числе пушек пишет П. Гордон)³⁵. Обычно в литературе встречается утверждение, что численность высланного против стрельцов войска и составляла 4 тыс. человек. На самом деле она была выше, так как в этот расчет не входит численность дворян из большого полка. Сообщение Корба о приговоре Боярской думы послать 8-тысячное войско не кажется очень преувеличенным.

Первым 13 июня выступил в поход со своим полком П. Гордон, ставший обозом на Ходынке. На следующий день с конницей из столицы вышел Шеин, в тот же день устроивший всем войскам смотр на Ходынке. 16 июня в Тушине командиры расписали роты и выступили к Воскресенскому монастырю, куда, по поступившим 17 июня сведениям (от холопа, проведшего ночь в стане стрельцов), приближались восставшие стрельцы. Царские войска шли очень поспешно, чтобы не дать стрельцам занять этот важный укрепленный пункт. Полки Шеина пришли к монастырю поздно вечером 17 июня («в другом часу ночи», по Желябужскому). Сюда же подошли и восставшие стрелецкие полки, но они не успели занять монастырь из-за промедлений и разногласий в их рядах, в частности между руководителями. И. Г. Корб замечает в связи с этим, что «если бы мятежники хоть часом ранее заняли монастырь, то под оградой его укреплений они, вероятно, долго понапрасну изнуряли бы усилия верного воинства и увенчали бы свой преступный замысел злополучной для верноподданных победой»³⁶. Возможность победы стрельцов в случае занятия ими Воскресенского монастыря, которую не исключает Корб, является, конечно, весьма проблематичной, но во всяком случае их поражение не было бы таким быстрым.

17 же июня Ф. Ю. Ромодановский писал о восстании стрель-

³⁵ Н. Г. Устрялов. Указ. соч., стр. 166—167; С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 565; ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, д. 2104, лл. 1—189; д. 2386, лл. 28—33.

³⁶ И. А. Желябужский. Записки, стр. 117—118; И. Г. Корб. Дневник, стр. 179; ЦГАДА, ф. 248, д. 650, лл. 557 об.—558.

цов Петру за границу. Он сообщал, что 11 июня в Разрядный приказ явились четыре капитана из четырех восставших стрелецких полков и рассказали о случившемся. 6 июня, говорили они, на р. Двине в Торопецком уезде стрельцы, как только сошлись все четыре полка, отобрали у полковников знамена, пушки, всякие полковые запасы, подъемных лошадей, денежную казну, денщиков и караульщиков и «слушать их ни в чем не стали». В частности, они отказались подчиниться приказу следовать в указанные им места. Стрельцы полковникам, подполковникам и капитанам «от полков отказали», т. е. сняли их с командирских постов, затем избрали выборных и пошли московской дорогой к столице. Отставленные ими командиры пошли в указанные места, а нескольких капитанов послали в Москву «с ведомостью и с письмами своими». В этих письмах сообщалось то же самое, о чем говорили капитаны; добавлено только, что восставшие «взяли неволею за караулом» тех своих товарищей, которые «к ним не пристали и их уговаривали», т. е. убеждали не поднимать восстание. Далее Ромодановский сообщает царю о приговоре бояр и посылке войск против стрельцов. Интересно сообщение, что в большой полк А. С. Шеина входили московские дворяне, которые успели явиться в Разряд, а также дворовые, служители конюшенного чина, подьячие всех приказов. Очевидно, многие дворяне, находившиеся в своих деревнях, не успели явиться на службу в такое короткое время — об их высылке были посланы в города три грамоты. В конце стольник пишет, что «ныне по ведомости» стрельцы идут на Волоколамск, что в 90 верстах от Москвы.

Ответ Петра 16 июля отличается краткостью и решительностью. Царь пишет Ромодановскому о получении письма, из которого он, верный своей давней ненависти к стрельцам, заключил, что «семя Ивана Михайловича (Милославского.— В. Б.) растет, в чем прошу быть вас крепких; а кроме сего ничем сей огонь угасить немощно». В конце он добавляет: «Хотя зело нам жаль нынешнего полезного дела, аднако сей ради причины будем к вам так, как вы не чае»³⁷. Правда, в пути, когда только проехали Краков, царь получил известие о подавлении «бунта», но его решение осталось неизменным. В составленном при его участии и отредактированном им журнале по этому поводу говорится, что царь опасался «новых замешательств» со стороны других стрельцов, которые «хотя сему бунту и неточны, однако ж сумнение на них надлежало иметь»³⁸.

³⁷ Н. Г. Устрялов. Указ. соч., Прилож., стр. 144—145, 443, 475—476; ПиБПВ, т. I, стр. 266, 742; М. М. Богословский. Указ. соч., т. II, стр. 538—540.

³⁸ «Журнал или поденная записка», стр. 1—2; М. М. Богословский. Указ. соч., т. II, стр. 551, 552.

СРАЖЕНИЕ ПОД ВОСКРЕСЕНСКИМ МОНАСТЫРЕМ 18 ИЮНЯ

*(расположение войск, переговоры, сражение, поражение
восставших)*

К вечеру 17 июня царское войско с востока и восставшие полки стрельцов с запада подошли к Воскресенскому монастырю. П. Гордон распорядился, чтобы правительственные полки заняли холмы около монастыря на левом берегу Истры, здесь же расположилась артиллерия под командованием полковника Граге; под холмами расстилался обширный луг. Позиция была очень удобной. Подошедшие к Истре стрельцы начали было переправляться с правого, западного, берега на левый, чтобы занять луг и выйти на московскую дорогу. Но их остановили уговоры и угрозы П. Гордона, и они остались на правом берегу. Между тем, по признанию П. Гордона, если бы стрельцы на час раньше его пришли и заняли монастырь, то под прикрытием его стен могли бы разбить верное царю войско. Здесь Гордон стремился преувеличить свою роль как генерала, расторопность которого в ускорении походного марша и занятии выгодных позиций под стенами монастыря сыграли свою роль в разгроме восстания. Генерал сообщает при этом, что, поскольку стрельцы начали было переправляться через Истру, он распорядился двум полкам занять московскую дорогу, а два других расположил в дефиле (теснинах, узком проходе) около монастырской слободы Рогожи. Но сражение в этот вечер не состоялось, так как стрельцы отложили свое намерение. Наступила ночь, и оба истомленных быстрыми переходами войска расположились на отдых перед решающим сражением³⁹.

Сражение произошло 18 июня. Ему предшествовали переговоры царских воевод с восставшими стрельцами. Еще не дойдя до монастыря, П. Гордон встретил четырех стрельцов из стана восставших, которые шли к Шеину с известным письмом. Именно они сказали генералу, что восставшие полки еще верстах в 15 от монастыря, который в этот день они не намерены занимать. Это известие оказалось неточным, так как вскоре появились стрельцы и начали переправляться через Истру. Гордон прискакал к переправе и начал уговаривать стрельцов. Его «речь» к ним передает И. Г. Корб, встречавшийся в те дни с Гордоном и, очевидно, слышавший от него рассказы о своем участии в подавлении восстания. Гордон, по словам Корба, начал отклонять стрельцов от дальнейших попыток переправиться на левый берег

³⁹ P. Gordon. Tagebuch, Bd. 3, S. 196; А. Г. Брикнер. Указ. соч., стр. 102; И. Г. Корб. Дневник, стр. 180; М. И. Семевский. Указ. соч., стр. 107. А. А. Матвеев. Записки, стр. 62; Н. Г. Устрялов. Указ. соч., стр. 167.

«примерно в следующих выражениях: Какое у них намерение? Куда они направляются? Если они думают про Москву, то наступающая ночь препятствует им идти далее и занять все теснины более высокого берега». Генерал советовал им остаться на правом берегу, чтобы «воспользоваться ночным временем для более зрелого обсуждения, что им предпринять на завтра». Стрельцы не послушались этих советов Гордона, которые Корб называет «дружескими».

Так как стрельцы продолжали переправляться, то Гордон возвратился к своим солдатам и отдал распоряжения о расстановке полков в дефиле и на московской дороге. Затем он снова возвратился к стрельцам и, несмотря на неуступчивость в требованиях, уговорил их все-таки ничего ночью не предпринимать, а также послать еще двух человек в дополнение к четырем, уже прибывшим, вероятно, к Шеину. После этого генерал возвратился к боярину для совещания.

И. А. Желябужский сообщает, что во время этих переговоров «говорил» не только Гордон, но и стрельцы «ему кланялись и с ним говорили: мы де идем к Москве милости просить о своих нуждах, а не драться и не биться».

По А. А. Матвееву, Шеин посылал к стрельцам для уговоров «из знатных особ царедворцев», потом П. Гордона. Но стрельцы, «от той старой повадки воры, не внимая на те посылки, отнюдь слышать о том не хотели и со многим лаем и с угрозами оных посыльных от себя назад отсылали», а Гордону «по тому же как и прежде, с многим невежеством от противных и грубых слов ответ учинили».

Вероятно, на совещании у Шеина обсуждалось принесенное представителями восставших стрельцов изветное письмо. В нем стрельцы после жалоб на службу в Азове и на северо-западной границе рассказывали о событиях в Торопце и походе к Москве. Свой «бунт» в Торопце они интерпретировали по-своему: боярин кн. М. Г. Ромодановский вывел из города новгородский полк, а затем по разным дорогам велел выводить стрелецкие полки, у которых приказал отобрать оружие и знамена «и велел конным, обступя их вокруг, рубить. И они, того убоясь, в указные места не пошли». Столь же неубедительно выглядит их истолкование целей похода на столицу: «А идут к Москве, чтобы напрасно не умереть, а не для московского разоренья или какого смертного убийства и междоусобия и бунту». Они, мол, хотят увидиться с женами и детьми, а потом «со усердием служить рады». Жалуясь на то, что пушки и полковые припасы они везут на себе, так как лошади «пристали», они подчеркивали, что, несмотря на это, в пути не брали из казны подвод, не чинили «грабительства и обид». Цель подачи изветного письма, по их словам, состояла в том, «чтоб напрасного кровопролития не было».

В челобитной, поданной 18 июня кн. Кольцову-Мосальскому десятником Колзакова полка В. А. Зориным, помимо тех же жалоб на тяготы службы, стрельцы напоминали о своей верности властям, причем ее автор, Зорин, счел возможным заявить, что в 1682 г. стрельцы «стремление бесчинства, радея о благочестии, удержали»; по указу царей их не велено звать изменниками и бунтовщиками. Зорин, говоря об «удержании» бесчинства и радении о «благочестии», имеет, очевидно, в виду прежде всего движение раскольников; которых стрельцы в конечном счете бросили на произвол судьбы. Но он предпочел не упоминать о том, что стрельцы рассматривались правительством Софьи все-таки как «воры», «изменники» и подверглись репрессиям. Сам Зорин хвалился своим активным участием в восстании 1682 г., претендовал на роль вожака в 1698 г. и на самом деле был одним из них. Он же показывал на следствии, что восставшие стрельцы шли к Москве «страшною и неурядною яростью» с целью поднять возмущение и побить бояр, как и в 1682 г. Так что все содержащиеся в изветном письме и челобитной заявления о прежней верности стрельцов правительству являлись в определенной степени тактической уловкой. Под ее прикрытием они хотели прорваться во что бы то ни стало в столицу, чтобы затем осуществить свои планы.

Интересно, что челобитная, которую Зорин писал накануне сражения, осталась незаконченной. В конце ее автор написал, что стрельцы слышат о «великом страховании», которое «чинится» в Москве, из-за чего город затворяют рано, а отворяют во втором и третьем часу дня, «всему народу чинится наглость»; к тому же «слышно», что в Москву идут «немцы». Последняя незаконченная фраза содержит обвинения в адрес этих иноземцев: «И то знатно последуя брадобритию и табуку во всесовершенное благочестия испровержения».

В этих не совсем четко сформулированных словах угадывается стремление стрельцов и самого автора челобитной Зорина представить себя защитниками порядка в столице, интересов ее населения, ревнителями обычаев родной земли и противниками немцев с их брадобритием и курением табака. За всем этим стояло горячее стремление обедневших и изобитанных стрельцов вернуться в Москву к своим семьям, искоренить неправду, идущую от «плохих» бояр и иноземцев, повинных в угнетении служилых людей.

С рассветом 18 июня П. Гордон с шестью стрелецкими представителями, побывавшими у Шеина, отправился в лагерь восставших. По словам «журнала или поденной записки» Петра I, Шеин приказал Гордону «с теми бунтовщиками паки разговаривать погордее». Генерала окружило, по его словам, человек 200, и он снова начал убеждать их. Он упрекал стрельцов за неповиновение, нарушение долга, верности, убеждал изложить

свои требования не «мятежным скопом», а мирным путем, избегая насилия.)

Но стрельцы, по сообщению Гордона, заявили, что они или умрут, или пройдут в Москву, хотя бы на два-три дня, чтобы увидеться с семьями, а потом готовы идти туда, куда им укажут. Два старых стрельца выступили из рядов восставших и изложили свои нужды и требования. Все их поддержали, и поднялся большой шум. Гордон снова предложил им поразмыслить; переговорить в каждом полку отдельно. Но присутствовавшие не соглашались: у них у всех одна дума, т. е. единогласие. Корб передает, что стрельцы в ответ на уговоры Гордона обнаружили «закоренелое упорство», «упрямство» и заявили, что им скорее следует отправиться в Москву к семьям и получить невыплаченное жалованье, чем вернуться бедняками в назначенное место.

Гордон, после ночного совещания у Шеина, потребовал, исполняя его инструкции, чтобы стрельцы выдали для наказания стрельцов-беглецов, приходивших в Москву весной этого года, зачинщиков и руководителей восстания, обещая, что царь простит остальным их непослушание, им прикажут выдать жалованье и провиант.

После некоторого перерыва Гордон вернулся к стрельцам и сделал новую попытку предотвратить сражение. Но восставшие упорствовали, не согласились на условия, угрожали Гордону расправой («если он не хочет, чтобы пуля покарала его за такую дерзость», по словам Корба). Они повторили, что хотят пройти в Москву; если им будут препятствовать, они проложат себе дорогу с помощью оружия.

И. А. Желябужский пишет, что утром в субботу (18 июня) Шеин посылал для переговоров со стрельцами «товарищей своих и сам им о всем изволил говорить, чтоб они взяли жалованье и шли б на службу в указное число». Но стрельцы «упорно отказали» и просились в Москву повидаться с семьями или же разрешить женам и детям приехать к ним.

Гордон снова возвратился ни с чем в лагерь Шеина. Обе стороны стали готовиться к бою. Там и тут пели молебны, строились в боевые порядки. «Стойте, братцы! Что бог ни даст!» — кричал в стане восставших сотенный Колзакова полка И. Ключкин, раздававший стрельцам порох. В этот момент братья Калитратовы пытались уговорить большой полк присоединиться к восставшим, но солдаты их отогнали.

Правительственные войска заняли боевые позиции. Шеин послал для уговоров князя Кольцова-Мосальского, которому Зорин вручил стрелецкую челобитную и потребовал прочесть ее всем царским полкам, что, конечно, не было сделано воеводами.

Желябужский дополнительно сообщает, что Шеин после построения своего войска послал к стрельцам Т. Ржевского, кото-

рый передал требование Шеина выйти из обоза, оставив оружие, и добить челом царю в своих «винностях»; после этого царь их простит. Но стрельцы снова в том «отказали», а в ответ на угрозу обстрела из пушек заявили: «Мы де того не боимся, видали мы де пушки и не такие». На этом переговоры закончились⁴⁰, в разговор вступили пушки.

Сражение началось залпом из 25 орудий по мятежным стрельцам. Но первый залп сделали, по словам Гордона, так, что ядра перелетели через их головы; Корб же и Матвеев сообщают, что выстрелы были холостыми. Во всяком случае стрельцов они не заделали, и те ободрились, распустили знамена и открыли огонь из пушек и ружей по царским войскам, ранили четырех человек. Вслед за этим пушки полковника Граге точным огнем начали наносить урон стрельцам и внесли смятение в их ряды. Пять-шесть рот стрельцов пытались укрыться в дефиле, но им навстречу вышли солдаты-лефортовцы и бутырцы, и восставшие начали отступать. После третьего залпа стрельцы бросились было на солдат, но следующий залп внес растерянность, и они со страхом разбежались или сдавались в плен. Два батальона Бутырского полка заняли их лагерь, большинство стрельцов было переловлено. Их рассажали в Воскресенском монастыре по тюрьмам. Согласно донесению А. С. Шеина, документам розысского дела, во время боя, длившегося не более часа, 15 стрельцов было убито, 37 — ранено; по Гордону — 22 убито и 40 ранено⁴¹.

Причинами поражения восставших стрельцов явились неравенство сил (царские войска превосходили их по численности в два-три раза), изолированность их выступления, отсутствие поддержки со стороны других стрельцов, солдат и т. д., со стороны народных низов, отсутствие единогласия в их рядах, раздоры между руководителями, медлительность в действиях, отсутствие ясной программы действий, наивный монархизм.

⁴⁰ О переговорах см.: И. Г. Корб. Дневник, стр. 180—181. М. И. Семевский. Указ. соч., стр. 107—108; P. Gordon. Tagebuch, Bd. 3, S. 195—198; И. А. Желябужский. Записки, стр. 118—120; А. А. Матвеев. Записки, стр. 61—62; Гюйсен. Журнал, стр. 106—107; Н. Г. Устрялов. Указ. соч., стр. 167—172; С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 565—567; М. М. Богословский. Указ. соч., т. III, стр. 40, 112; ЦГАДА, ф. 248, д. 650, лл. 558 об.—559.

⁴¹ P. Gordon. Tagebuch, Bd. 3, S. 198—199; А. Брикнер. Указ. соч., стр. 104; И. Г. Корб. Дневник, стр. 181—182; М. И. Семевский. Указ. соч., стр. 108—109; И. А. Желябужский. Записки, стр. 119—121; А. А. Матвеев. Записки, стр. 62—63; Гюйсен. Журнал, стр. 107—108; Н. Г. Устрялов. Указ. соч., стр. 170, 172—173, 175—176; М. М. Богословский. Указ. соч., т. III, стр. 116; ЦГАДА, ф. 248, д. 650, лл. 559 об.—560.

СЛЕДСТВИЕ НАД УЧАСТНИКАМИ СТРЕЛЕЦКОГО ВОССТАНИЯ 1698 г.

*(следствие и казни в Воскресенском монастыре в июне;
возвращение Петра I из-за границы, указ о новом розыске;
розыск в Москве в 1698, 1699, 1700 гг.; последние казни;
расформирование московских стрелецких полков)*

Ход знаменитого розыска над участниками Стрелецкого восстания 1698 г. подробно освещен в литературе, в первую очередь в трудах Н. Г. Устрялова и особенно М. М. Богословского⁴². В работе последнего вопрос разобран настолько тщательно, что новейший исследователь истории политических процессов при Петре I в Преображенском приказе Н. Б. Голикова сочла возможным очень кратко изложить ход розысков, отослав читателя к книге Богословского⁴³. Тем самым в подробном рассмотрении фактической истории «стрелецкого розыска» нет необходимости; остановимся только на некоторых его характерных чертах и результатах.

А. А. Матвеев и И. А. Желябужский очень кратко пишут о розыске в Воскресенском монастыре. Первый преувеличивает число арестованных стрельцов (3 тыс. чел.) и, наоборот, преуменьшает количество казненных после розыска А. С. Шенна («несколько» человек «заводчиков, воров»). Второй, сообщая сначала о том, что Шейн «разбирал и смотрел» стрельцов, отделяя «воров» от «добрых людей», пишет о казни «наперед» 24 «беглецов», приходивших к Москве, а затем, после розысков и пыток, — о казни еще 124 человек (всего 148 человек). Впрочем, возможно, 24 «беглеца» входят в общий итог — 124 человека⁴⁴. Все эти цифры у автора несколько завышены. Мы видели, что потери стрельцов во время сражения 18 июня исчислялись примерно в 50—60 человек, т. е. вдвое меньше в сравнении со сведениями Желябужского. То же можно сказать и о числе казненных после розыска.

И. Г. Корб, тоже преувеличивая, пишет о казни в один день партии стрельцов в 70, в другой — в 90 человек, итого — 160 человек. Интересны его сообщения о методах следствия в Воскресенском монастыре: «Свирепость примененных пыток была неслыханная». Стрельцов секли жесточайшим образом розгами; если они не сознавались, их отправляли на огонь — более 30 «зловещих костров» пылало на открытой равнине у монастыря. Израненные спины стрельцов, истекающие гноем и сукровицей,

⁴² Н. Г. Устрялов. Указ. соч., стр. 174—178, 201—232, 235—242; М. М. Богословский. Указ. соч., т. III, стр. 26—126, 212—225; т. IV, стр. 321—331.

⁴³ Н. Б. Голикова. Указ. соч., стр. 104—109.

⁴⁴ А. А. Матвеев. Записки, стр. 63; И. А. Желябужский. Записки, стр. 121—123.

«подвергали действию огня, чтобы чрез медленное опаление кожи и большого мяса острая боль проникала с жесточайшими муками до мозга костей и волокон нервов». Смена пыток повторялась один и два раза. «Ужасная для слуха и зрелища трагедия!» — восклицает даже Корб, относившийся с ненавистью к восставшим стрельцам; «прелестнейший уголок земли стал местом злейшей расправы палачей».

Корб пишет, что этот скорый розыск и казни «глав мятежа» Шеин организовал с целью устрашения других стрельцов и «для перемены общественного настроения», но вопреки советам Гордона и Кольцова-Мосальского, которые рекомендовали сохранить главных «мятежников» для более тщательного розыска. Эта же мысль повторена и в «журнале» Гюйсена⁴⁵.

Из материалов сыска известно, что розыск и казни в Воскресенском монастыре были предприняты Шеиным не единолично, а по указанию московских бояр. Последние по получении известия о подавлении восстания приказали допросить выборных из четырех полков о целях похода на Москву, о заводчиках восстания и затем их повесить при всех стрельцах. «Пущих заводчиков», человек по 20 из каждого полка или более, если будет нужно, велели держать в монастыре «за караулом» и допрашивать, а остальных — разослать по разным городам в тюрьмы, заковав в кандалы.

Шеин так и поступил. Начал он розыск еще до получения указания бояр. Он произвел смотр всем полкам, приказал выделить сначала выборных, затем «беглецов» в Москву и «пущих заводчиков». Первых нашлось 11 человек (остальных не оказалось; возможно, они погибли во время сражения или попросту не отозвались), вторых — 162, третьих — 81. Стрельцы говорили о своих «облихованных» ими же товарищах, что они призывали к походу в Москву, шумели в полках, кричали на полковников, раздавали порох и пули перед сражением, стреляли по царскому войску, кричали «ясаком» (т. е. призывали к бунту), бегали по полкам вестовщиками, выходили на вылазку и т. д.

На следствии выборные отговаривались тем, что их выбрали «по неволе», выставляли заводчиками дела В. Туму, Б. Проскурякова и их сообщников. Последние признавались в замыслах восставших — идти на Москву, расправиться с некоторыми боярами (Стрешнев, Троекуров, двое Ромодановских) и т. д. Группа стрельцов из 53 человек призналась в коллективном составлении изветного письма, а В. Зорин — в написании челобитной. Первые сказали, что слова изветного письма, будто М. Г. Ромодановский под Торопцом приказал коннице рубить стрельцов и отбирать у последних оружие и припасы, они «затеяли собою»

⁴⁵ И. Г. Корб. Дневник, стр. 183, 184; М. И. Семевский. Указ. соч., стр. 109—111; Гюйсен. Журнал, стр. 108, 110.

для того, чтобы им было чем «отговариваться» в Москве. Тем самым этот пункт является одной из своеобразных агитационных уловок, применявшихся стрельцами.

22 и 28 июня Шеин приказал повесить 56 «пущих заводчиков», среди них главных предводителей восстания — В. Туму и Б. Проскуракова, а 2 июля по указу московских бояр — 74 «беглеца» в Москву. Все они умирали молча, с крестным знаменем. 140 человек из числа наиболее активных участников восстания после наказания фрутом разослали в ссылки, за исключением В. Зорина с несколькими стрельцами, которых оставили в Воскресенском монастыре для дальнейшего розыска.

Остальных 1965 человек разослали по разным городам и монастырям.

Так проходил сыск в Воскресенском монастыре, который проводился по указанию московских властей комиссией во главе с А. С. Шеиным. В нее входили П. Гордон (он сообщает в дневнике: «Мы постановили приговор»), вероятно, Кольцов-Мосальский и, возможно, другие лица⁴⁶.

Но розыск на этом отнюдь не закончился. 25 августа из-за границы приехал Петр I. Его недовольство розыском Шеина приняло резкую форму на одном из пиров, когда он набросился на Шеина со шпагой. Сразу же по приезде последовало указание о свозе из разных городов и монастырей арестованных стрельцов. Начался еще более страшный розыск, оставивший тяжелейшие воспоминания и впечатления у современников и потомков.

А. А. Матвеев, сообщив о недовольстве Петра розыском Шеина и его указании о новом следствии, не рассказывает о последнем ничего интересного. С нескрываемой радостью человека, жестоко потерпевшего от стрельцов, он пишет о массовых казнях стрельцов («чтобы те змеи впредь еще из жала своего с горьшим вновь ядом не отродилися на неукротимую всем пагубу»). «И тако до конца века тот злой и богу противный род и чин их стрелецкий исчез», — заключает он, имея в виду окончательное расформирование московских стрельцов, происшедшее в первой четверти XVIII в.⁴⁷

И. А. Желябужский рассказывает о различных казнях — колесовании, повешении на бревнах, «просунутых» между зубцами городских стен, и т. д. Колесованные «пущие воры и заводчики», по его словам, «живы были... не много не сутки и на тех колесах стонали и охали»; одного из них по указу Петра застрелил из фузеи (ружья) преображенский сержант А. Меншиков.

⁴⁶ P. Gordon. Tagebuch. Bd. 3, S. 200; А. Брикнер. Указ. соч., стр. 104; Н. Г. Устрялов. Указ. соч., стр. 174—178; М. М. Богословский. Указ. соч., т. III, стр. 33—35 и др.; ЦГАДА ф. 248, д. 650, лл. 560 об.—562.

⁴⁷ А. А. Матвеев. Записки, стр. 63—64.

По примеру Петра принимали участие в казнях бояре и «все палатные люди», орудовавшие топорами и палашами. Говорит он также о судьбе стрельчих — одних брали к себе по деревням всяких чинов люди (превращая их тем самым в крепостных, холопов вместе с детьми), других ссылали в разные города «на вечное житье». Дворовые места стрельцов в Москве раздавались, а строения продавались «всяких же чинов людям»^{48/}

Касаются стрелецкого розыска и очевидцы-иностранцы. П. Гордон сообщает о нем мало, хотя пишет, что Петр, бывая у него иногда по вечерам, рассказывал ему за угощением о показаниях стрельцов. Сам Гордон однажды присутствовал на допросах с пыткой придворной Анны Жуковой и подполковника В. Колпакова⁴⁹.

Датский посол Гейнс писал своему двору о казнях 30 сентября 1698 г. и последовавшем затем обеде у Лефорта, на котором присутствовал Петр. Царь настаивал на том, чтобы иностранные дипломаты присутствовали на казнях, говорил о серьезности восстания стрельцов, которые хотели не только подорвать государственный строй, но даже посягали на его жизнь. По заключению Гейнса, вынесенному, несомненно, из сообщений Петра, в восстании оказались виновными сестры царя Софья и Марфа. Любопытно его замечание, что безопасность царя далеко еще не гарантирована, внутренний кризис и революционное настроение умов — крайние. О казнях он писал: «Всего казнено здесь 1400 человек». Эта цифра близка к действительности, хотя, может быть, несколько завышена; число же колесованных (только двое) явно уменьшено. В январе 1699 г. расследование по стрелецкому бунту и казни продолжались. Малолетним стрельцам (не достигшим 20 лет) на щеках «выжигали какие-то знаки и отрезывали часть уха». У стрельцов, несомненно, много сторонников среди столичного населения, враждебно настроенного к царю⁵⁰.

Наиболее подробно стрелецкие казни описал И. Г. Корб. В дневнике за сентябрь — октябрь 1698 г. он пишет о приводе полком Гордона мятежных стрельцов для розыска, о допросе Петром одного попа — участника мятежа, затем Софьи (сообщает здесь сентиментальную подробность: у брата и сестры будто бы хлынули слезы из глаз при первом взгляде друг на друга). Автор вообще пишет об активной роли царя в розыске: он составляет допросные пункты, ведет дознания. Но это отнюдь нельзя объяснить, как делает Корб, недоверием царя к своим боярам. Из материалов сыска известно, что они возглавляли

⁴⁸ И. А. Желябужский. Записки, стр. 125—127.

⁴⁹ P. Gordon. Tagebuch, Bd. 3, S. 216 и сл.; А. Брикнер. Указ. соч., стр. 104—105.

⁵⁰ Г. Форстен. Указ. соч.— ЖМНП, 1904, декабрь, стр. 294—295, 301.

пыточные застенки и вели следствие. Тот же автор сообщает о попытке патриарха смягчить царя, применявшего в ходе следствия «жестокие и ужасные пытки», и «отповеди» царя патриарху. Произошло ли это на самом деле, — сказать трудно.

В октябре 1698 г., по сообщению Корба, царь сам наказал пять стрельцов, отрубив им головы топором в Преображенском. Любопытен в передаче автора ход допроса Петром одного стрельца. Последний на вопрос царя, что бы он сделал, если бы захватил царя или Лефорта, тот «быстро возразил: „К чему ты об этом спрашиваешь? Сам можешь гораздо лучше сообразить это. Если бы счастье нас не покинуло и мы овладели бы Москвою, то, откинув подобные допросы, как излишние, расправились бы с боярами так, что всем было бы любо“».

Ряд подробностей, сообщаемых автором, вызывает большие сомнения (о числе казненных или сосланных в разное время; о допросе подполковника Колпакова, которого он по незнанию считает чуть ли не одним из руководителей движения; о соборе для суда над Софьей; о нескольких тысячах погибших в ходе розыска осенью 1698 г. и т. д.).

Интересно сообщение автора (записи за ноябрь 1698 г.), хотя оно не подтверждается другими источниками, о «тайных собраниях неких беспокойных людей, заставляющих лиц благонамеренных опасаться, как бы не возродилась гораздо более упорная и жестокая междоусобная война» (ср. выше сообщение Гейнса о беспокойной обстановке в столице в это же примерно время). Он же пишет о слухах: в трехстах верстах от столицы устраивают сборище семь тысяч мятежников (декабрь). В записях за февраль 1699 г. он сообщает, что 500 мятежных стрельцов снова устраивают смуту в окрестностях Москвы. Здесь же приводятся сведения о допросах и казнях, на которых присутствовал Петр. Последний во время обеда у Гордона «горько жаловался на упорство и упрямство виновных», с «негодованием» рассказывал, как один стрелец проявил «такую закоренелость», что, готовясь лечь на плаху, дерзнул сказать близко стоящему царю: «Посторонись, государь! Это я должен здесь лечь». Во время казней в феврале однажды «говорят, что царь отсек мечем головы 84 преступникам».

О погребении тел казненных (март 1699 г.) автор пишет, что это зрелище было ужасно, необычно и отвратительно.

Помимо записей в дневнике, Корб подробно рассказывает о казнях осени 1698 г. в «Сжатом описании опасного мятежа стрельцов в Московии». Он присутствовал на зрелище казней 10 октября, когда царская десница собственноручно «снесла секирою пять мятежных голов». Автор воссоздает обстановку расправ, частично изображенную впоследствии В. И. Суриковым, — стрельцы с зажженными свечами в руках, сидящие на телегах, вопли и стоны их родственников, толпы народа, ужасные казни.

На многих казнях автор не присутствовал, но видел страшно изуродованные тела стрельцов в самой столице, повешенных под окнами кельи старицы Сусанны, которая могла достать рукою из своей темницы некоторых мертвецов, державших «просьбы» к ней об «управлении царством». И в этом «описании» встречается ряд неточностей, ошибок, вызванных тем, что автор нередко писал по слухам, часто преувеличенным⁵¹.

Как видим, описания современников касаются прежде всего казней стрельцов, обстановки, в которой они происходили, впечатлений, производимых ими на современников. Ряд их сообщений является неточным, их необходимо проверять данными сохранившегося следственного дела. Последнее, и в этом главная его ценность, дает возможность ознакомиться со всеми деталями самого розыска, ход которого нельзя изучить по другим источникам.

Розыск начался 17 сентября. В этот день глава Преображенского приказа стольник кн. Ф. Ю. Ромодановский допрашивал (возможно, с участием самого Петра) трех «распопов» — Е. Семенова, Б. Леонтьева, И. С. Кобякова и дьячка С. Осипова. Они показали, что знали о намерениях стрельцов, но не смели им противоречить, так как на уговоры последние отвечали побоями; нельзя было и уйти из лагеря стрельцов — они никого не выпускали⁵².

В тот же день допрашивали некоторых наиболее активных деятелей восстания, его возможных руководителей — десятника колзаковского полка В. А. Зорина, В. Игнатьева, Я. Алексеева, А. Сидорова. Первый сделал важные признания. Еще во время допросов в Воскресенском монастыре 18, 20, 24, 25 и 26 июня он в конце концов признал свое авторство при составлении стрелецкой челобитной, поданной утром 18 июня перед сражением кн. И. М. Кольцову-Мосальскому, хотя и давал по этому вопросу разноречивые показания. Теперь, 17 сентября, признавая то же самое, он заявил, что ряд фактов, сообщенных в челобитной (например, о распоряжении М. Г. Ромодановского рубить стрельцов около Торопца, о тревоге в Москве, приходе туда немцев), вымышлен им «собою напрасно» для того, чтобы вызвать возмущение. Таким образом, сам автор челобитной признал, что он прибегал к вымыслу в агитационных целях, чтобы создать атмосферу, способствующую восстанию стрельцов. И это было действительно так, потому что подобное признание не облегчало вину Зорина в глазах следователей, а, наоборот, усугубляло ее, и он не мог не знать этого.

Тот же Зорин сделал и второе, очень важное с точки зрения

⁵¹ И. Г. Корб. Дневник, стр. 88—98, 101, 103—104, 119—125, 132, 144, 185—190 и др.; М. И. Семевский. Указ. соч., стр. 116—122.

⁵² М. М. Богословский. Указ. соч., т. III, стр. 28—30.

властей, особенно самого Петра I, признание о том, что стрельцы, придя к Москве, предполагали просить Софью взять в свои руки правление государственными делами.

Из показаний Зорина, а также названных выше трех его товарищей, которые после некоторого заперательства подтвердили и расширили их, следователи выяснили два важных пункта. Первый заключался в том, что стрельцы восстали из-за своих тягот и нищеты и планировали возвращение в Москву, избившие бояр и иноземцев. Второй — в том, что стрельцы хотели просить Софью стать правительницей после успеха своего дела⁵³.

Именно эти два пункта легли в основу пяти вопросных статей, продиктованных, как не без основания предполагает М. М. Богословский, самим Петром и врученных следователям 19 сентября. В этот и следующие дни допрашивались 164 стрельца группами по 14—19 человек в 10 застенках. Розыск вели стольник кн. Ф. Ю. Ромодановский, бояре кн. М. А. Черкасский, кн. В. Д. Долгорукий, кн. П. И. Прозоровский, кн. И. Б. Троекуров, кн. Б. А. Голицын, Т. Н. Стрешнев, А. С. Шеин, окольный кн. Ю. Ф. Щербатый, думный дьяк Н. М. Зотов.

Большинство стрельцов заявляло, что шли в Москву не для бунта, а для свидания с семьями, от голода, нищеты, для челобитья о жалованье. Другие ссылались на свое малолетство или подневольность похода (их принуждали наиболее активные стрельцы, прежде всего чубаровцы; как показал стрелец Ф. Боровков, «положею было у них у всех: кто сбежит, тому голову отрубить»). Большинство отрицало факт знакомства с челобитной, путая ее иногда с изветным письмом, и намерение обратиться к Софье по приходе в столицу. Но некоторые признавались по этим двум пунктам. Так был вынужден поступить, например А. Маслов, признавший к тому же свое авторство при составлении изветного письма. Постепенно и другие делали признания о замыслах восставших стрельцов, о чтении письма царевны Софьи в полках. К пяти вопросным пунктам с 22 сентября прибавился шестой — о письме Софьи, принесенном в полки В. Тумой, возвратившимся вместе с другими «стрельцами-скороходами» из Москвы. Выяснялись новые детали стрелецких планов относительно Софьи или других возможных кандидатур для вручения им дел государственного правления. А. Маслов 22 сентября в письменной повинной сообщил о содержании письма Софьи и признал, что он, получив его от М. Обросимова (которому передал его В. Тума), дважды читал письмо стрельцам, «и то письмо было всем им угодно». Показание Маслова было с успехом использовано следователями для обличения многих упирающихся стрельцов⁵⁴.

⁵³ Там же, стр. 30—37.

⁵⁴ Там же, стр. 37—58.

Начиная с 23 сентября происходил розыск среди приближенных царевен Софьи и Марфы. Дело дошло до допросов и самих царевен! Следствие выяснило факт переписки царевен между собою и со стрельцами, приходившими весной в Москву. Софье стало известно о приходе стрельцов, их желании видеть кого-либо из царевен, прежде всего ее самой, в правительстве. Стремление следователей установить лиц, через которых письма Софьи попали к стрельцам, дало определенный результат — стрельцы назвали несколько стрельчих, нищих, которые могли сделать это и, возможно, действительно передали письмо, но окончательно установить факт написания письма Софьей и передачи его именно от нее не удалось. Во всяком случае Софья категорически отрицала это, утверждая, что стрельцы приглашали ее в правительницы, памятуя ее регентство в 1682—1689 гг. Именно эта недоказанность обвинения и явилась причиной того, что Софья отделалась пострижением в монахини в том же Новодевичьем монастыре, где она находилась в заточении с 1689 г. Иначе Петр, ненавидевший сестру и видевший в ней опасную соперницу в борьбе за власть, не преминул бы расправиться с нею, как он это позднее сделал, например, со своим сыном Алексеем Петровичем.

В октябре, помимо приближенных царевен и стрельчих, допрашивались другие группы стрельцов. Следователи выясняли, по замечанию М. М. Богословского, историю их похода к Москве, их замыслы. Их виновность в каждом отдельном случае следователей не интересовала; в глазах властей они все были виновны: «А смерти они достойны и за одну противность, что забунтовали и бились против большого полку». Дополнительно выяснялись ходившие среди стрельцов слухи о намерении бояр удушить царевича, о гибели Петра за границей. (Большой, или «второй», розыск 12, 14—15 октября (в отличие от «первого» — 19—22 сентября) производился в 14 застенках, было допрошено 225 человек (в сентябре более 300) ⁵⁵!

После первого большого розыска казнили 30 сентября 201 стрельца. Сначала пять стрельцов обезглавили в Преображенском. Затем 196 стрельцов повезли отсюда на телегах, по двое в каждой, с зажженными свечами в руках. У Покровских ворот им объявили указ о вине и казни в присутствии Петра, сановников, иностранцев. Затем стрельцов вешали у полковых съезжих изб и городских ворот.

11 октября казнили 144 стрельцов, которых не подвергали никаким допросам, поскольку все считались виновными в выступлении против властей. Их снова вешали у съезжих изб и у ворот Белого города.

⁵⁵ М. М. Богословский. Указ. соч., т. III, стр. 61—67, 69—111, 125—126.

После второго общего розыска казнили 17—18 октября 176 человек. Более чем 100 из них отрубили головы в Преображенском, других вешали под стенами Новодевичьего монастыря, казнили на Красной площади. Казни происходили и в другие дни. Под окнами кельи монахини Сусанны, как теперь, после пострижения, называлась Софья, раскачивались на виселицах трое стрельцов, в их окоченевших руках виднелись столбцы с челобитными.

Царь Петр с приближенными объезжал места казней, что изобразил В. И. Суриков в гениальной картине «Утро стрелецкой казни». Участие в допросах с ужасными для стрельцов пытками, присутствие на страшных зрелищах казней, личное участие в них Петр и его сановники перемежали с попойками на пирах.

Всего в результате розыска в сентябре—октябре 1698 г. казнили 799 стрельцов. Ряд малолетних стрельцов после наказания кнутом и заклеяния сослали. Всего было оставлено в живых (сослано или сохранено для дальнейших розысков) 222 стрельца. Таким образом, всего в сентябре—октябре привлекли к розыску 1021 человека⁵⁶.

В конце января и начале февраля 1699 г. в Москве производился розыск над стрельцами, которые не оказались привлеченными к следствию в сентябре—октябре предыдущего года. К следствию свезли из разных мест 695 человек, в том числе 285 малолетних. Но к розыску привлекли далеко не всех. Новый сыск производился в 10 застенках и опять сопровождался жесточайшими и изощреннейшими пытками. Стрельцы давали показания о целях прихода «беглецов» в Москву весной 1698 г. и последующего похода четырех полков к столице, о письме царевны Софьи.

В начале февраля казнили многих стрельцов: 3 февраля—150 (по документам розыска), 4 февраля—192 человека (по И. А. Желябужскому), число казненных 1 февраля неизвестно. Некоторых из привлеченных к следствию в это время стрельцов казнили в феврале 1700 г. 1 февраля 100 стрельцам отрезали уши, вырвали ноздри, других клеймили и, вероятно, сослали. Таким образом, в январе и феврале 1699 г. казнили несколько сот стрельцов⁵⁷.

От этого розыска осталось в живых 86 стрельцов. Ими Петр I и его следователи занимались через год—в январе и феврале 1700 г. Работало четыре пыточных застенка. На этот раз к делу была привлечена Боярская дума, заседавшая 5 и 9 февраля. 9 февраля она приговорила к казни 42 человека,

⁵⁶ Там же, стр. 67—69, 84—88, 91—92, 111—121, 125—126.

⁵⁷ И. А. Желябужский. Записки, стр. 136—137; И. Г. Корб. Дневник, стр. 121—126; М. М. Богословский. Указ. соч., т. III, стр. 212—225.

остальных — к ссылкам на каторгу (в гребцы на галеры), в Сибирь. В числе казненных того же 9 февраля были В. Зорин, В. Игнатьев и другие руководители и наиболее активные участники движения. 9 человек, в том числе А. Маслова, оставили для дальнейших розысков о письме Софьи, слухах об удушении царевича, гибели Петра за границей.

Розыск по показаниям А. Маслова о письме Софьи продолжался до 27 мая 1707 г., когда казнили его самого и всех лиц, им «облихованных».

Тела казненных стрельцов долгое время находились у мест расправ с ними, только в конце февраля 1699 г. их распорядились похоронить около дорог неподалеку (примерно в 3 верстах) от Москвы. Всего вывезли 1091 труп. По указанию Петра около могил поставили каменные четырехгранные столбы с железными досками на каждой из сторон. На досках выбивался текст с перечислением «преступлений» стрельцов. А. А. Матвеев, писавший свои записки в 10-е годы XVIII в., сообщает, что каменные столбы над ямами по дорогам «и поныне видимы»⁵⁸.

↑Так отметил Петр конец вакханалии пыток и казней несчастных, униженных и обнищавших стрельцов, которым он мстил не только за мятежный поход в 1698 г., но и за восстание в 1682 г.

Затем Петр принял меры по расформированию, или, по его собственному выражению, «скасованию» (раскассированию), московских стрелецких полков. Правда, в литературе можно подчас встретить утверждение, что после восстания 1698 г. стрелецкое войско было уничтожено вообще. Это мнение основано на сообщениях некоторых источников. Так, А. А. Матвеев, правда в неясной форме, говорит об исчезновении «злого и богу противного рода и чина их стрелецкого»; но его замечание можно отнести к первой четверти XVIII в., когда он писал свои записки. В «Журнале», редактированном Петром I, говорится, что после стрелецкого розыска «все полки стрелецкие» (очевидно, московские) «скасованы и распущены по городам, куды кто похотел». Вместо них начали набирать регулярное войско (18 пехотных полков и 2 драгунских в две дивизии — генералов А. Головина и А. Вейде)⁵⁹.

О полном уничтожении стрельцов как войска пишет Корб. По его словам, Петр уничтожил даже «самое название стрельца»⁶⁰.

⁵⁸ А. А. Матвеев. Записки, стр. 64; М. М. Богословский. Указ. соч., т. IV, стр. 321—331.

⁵⁹ А. А. Матвеев. Записки, стр. 64; «Журнал или поденная записка», стр. 2—3.

⁶⁰ И. Г. Корб. Дневник, стр. 197; М. И. Семевский. Указ. соч., стр. 122.

На самом деле в конце XVII — начале XVIII в. раскассировали 16 московских стрелецких полков; стрельцов и их семьи выслали из столицы в разные города и записали в посадские люди.)

Власти запретили этим стрельцам жить в Москве, из новых мест жительства не разрешалось никуда их выпускать без проезжих листов. Строго приказывалось не принимать стрельцов в солдаты, чтобы последние не заразились от них «злонравием»; тех же, кто все-таки сумел сделать это, указали сослать на каторгу (по указу от 23 декабря 1700 г.). По указу 23 июня 1701 г. Стрелецкий приказ переименовывался в Приказ земских дел, который отныне получал в свое ведение дела по земскому управлению. Расформирование московских стрельцов-«бунтарей» в народе метко окрестили «стрелецким разорением». Так трагично закончились выступления стрельцов против невыносимого гнета абсолютистского государства.

Петр I, опасавшийся новых выступлений непокорных стрельцов (что и осуществилось в начале XVIII в., например, во время Астраханского восстания 1705 г. и др.), намеревался ликвидировать и другие стрелецкие полки, но начавшаяся Северная война помешала этому. Расформирование стрелецкого войска в начале XVIII в. приостановилось, а затем и вовсе прекратилось. В 1702—1704 гг. были даже организованы новые стрелецкие полки из числа бывших московских стрельцов. Они участвовали затем в военных действиях (в том числе в Полтавском сражении 1709 г., Прутском походе 1711 г. и др.). Постепенно стрельцы вливались в регулярную армию. Некоторые московские стрелецкие полки существовали до 1713 г., а городовые стрельцы, которых раскассирование совсем не затронуло, были расформированы только во второй четверти XVIII в.⁶¹

ОТКЛИКИ НА СТРЕЛЕЦКОЕ ВОССТАНИЕ 1698 г.

(волнения московских и городовых стрельцов в Азове, южных городах; политические процессы над стрельцами, солдатами, крестьянами, посадскими и гулящими людьми)

Стрелецкое восстание 1698 г. и последовавший за ним розыск получили, с одной стороны, отклики в виде волнений в некоторых стрелецких полках, расположенных на окраинах, а с

⁶¹ ПСЗ, т. III, № 1667; т. IV, № 1820, 1859, 1979; Н. Г. Устрялов. Указ. соч., стр. 243—245; Л. Г. Бескровный. Русская армия и флот в XVIII в. М., 1958, стр. 20—21; «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в.» М., 1954, стр. 344; М. Д. Рабинович. Стрельцы в первой четверти XVIII в.— «Исторические записки», т. 58, стр. 273 и сл.; Н. Б. Голикова. Указ. соч., стр. 119—120.

другой — в форме разговоров, слухов, отражавших сочувствие стрельцам со стороны широких кругов населения, в том числе социальных низов столицы.

По словам «журнала» Гюйсена, в начале 1699 г. «немного замутился было» азовский гарнизон. Служившие в Азове стрельцы, «огорчився и осердився за казнь и искоренение братьи своей», тайно переписывались с татарами, «хотя им и горю отдать»⁶². Очевидно, что эти волнения в Азове были связаны не только с перепиской с «татарами». И. Г. Корб сообщает, что в мае 1699 г. в Москву привели «пленниками» из Азова 150 стрельцов⁶³.

Из документов следствия выясняется, что вскоре после разгрома стрельцов под Воскресенским монастырем и в связи с ним возникло брожение среди стрельцов шести московских полков в Азове (численностью в 4644 человека) и донских казаков.

Известия об июньских событиях привезли выехавшие из Москвы в середине июля 1698 г. на Дон в Черкасск казачий атаман Тимофей Соколов с 15 казаками. Еще в пути, во время плавания по Дону, он разговаривал на эти темы с казаком Филиппом Ивановым. Последний в беседе с атаманом упоминал о том, что во время похода стрельцов четырех полков к Москве «бояре везли животы свои по церквам и монастырям», т. е. в панике прятали свое имущество. На это Соколов отвечал: «Москва де — царство; есть чем богатиться. И по дворам де животов много». Далее казак высказал предположение, что азовские стрельцы, узнав об июньских событиях под Москвой, поднимутся всеми шестью полками, а донские казаки к ним пристанут. Атаман не отрицал такой возможности относительно донских казаков: «Река де вольная, никто ее не удержит».

Эти предположения хотя и не сбылись, однако не были беспочвенными. На Дону сообщения Соколова и его товарищей об отсутствии вестей от царя, расправе бояр со стрельцами вызвали возбуждение казаков на войсковом круге. Они сочувствовали стрельцам, грозились «перерубить» их врагов — потешных солдат, идти «очищать» Москву от бояр. «А боярам де мы не будем служить, и царством де им не владеть... Как ни будь, а Москву де нам очищать».

Здесь же, на войсковом круге в Черкасске присутствовал ряд московских стрельцов из Азова. Одни из них отговаривали от похода на Москву («так де и над нами учинят»), другие, наоборот, призывали к этому донских казаков. Последние соглашались на совместное выступление, причем строили планы похода на Москву с участием «городовых людей», «черни» — из

⁶² Гюйсен. Журнал, стр. 113.

⁶³ И. Г. Корб. Дневник, стр. 152.

тех городов, которые они будут брать на пути к Москве, предусматривали расправы с царскими воеводами («а воевод будем рубить или в воду сажать»).

Московские стрельцы из Азова в черкасских шинках угощали казаков вином и медом, кланялись и просили, чтобы они не покинули их во время предполагаемого похода на Москву.

В Азове эти разговоры и планы стали известны от возвратившегося туда 20 августа из Черкасска старца Предтечева монастыря Дия (в миру — Дорофея Щербачева) — бывшего солдата Преображенского полка. В разных местах (в торговой бане, монастыре, на улице) он сообщал стрельцам, монахам вести о расправе в июне с московскими стрельцами, слухи о гибели царя, о том, что боярин кн. Б. А. Голицын без царского указа ездит по «низовым» городам (по Волге) и отбирает у стрельцов оружие. Не ограничиваясь этим, старец прямо призывал стрельцов к выступлению против властей: «...стрельцов всех бранил матерны и говорил возмутительные и непристойные слова: уж де вашу братью стрельцов четыре полка, которые зимовали в Азове, всех порубили, а вас де и достальных всех немцы порубят, а вы де не умеете за себя и стать. Хотя де вы за себя не стоите, а донские казаки давно готовы». Он говорил стрельцам: «Дураки де они, что не умеют за свои головы стоять».

В разговоре с подьячим А. Дугиным Дий передал толки самих стрельцов о намерении расправиться с азовским воеводой боярином кн. А. П. Прозоровским, его товарищами, начальными людьми за то, что «отцов де наших и братьев и сродичев порубили» (в июне 1698 г.). Оказывается, незадолго до этих событий среди московских стрельцов в Азове дело чуть не дошло до восстания: «А и недавно де было взволновались и хотели иттить, да старики удержали».

Известия о брожении среди стрельцов и их серьезных намерениях сильно обеспокоили азовские власти. По указанию Прозоровского арестовали старца Дия, а затем по его оговорам и других лиц. В результате возникло большое «азовское дело», которое рассматривалось сначала в самом Азове, а затем в Москве — в Пушкарском (Азов был подчинен этому приказу) и Преображенском приказах. Дело тянулось с 1698 по 1705 г., им лично интересовался Петр I.

В ходе следствия и выяснились серьезные обстоятельства — сильное брожение среди московских стрельцов в Азове, планы их совместного с донскими казаками похода к Москве.

Пристав стрелецкого Воронцова полка Кузьма Аксентьев показал, что «у них де в полках неведомо как стало с людьми ладить, чинятся ослушны». Стрелец Терентий Артемьев признал, что слова о казнях стрельцов под Воскресенским монастырем «говорят их братья стрельцы вслух, будучи на работе,

всех полков»; рассуждают также о том, что царя на Москве нет, а бояре «их братью, стрельцов, переводят».

Тимофей Филиппов, помимо этого, добавлял, что стрельцы на работе говорят «не тайно, въяв: что немчин над ними надсматривает и их бьет, кабы де пихнул его в ров, так бы де и почин пошел».

Стрелец Михаил Чебоксарь, по показанию старца Дионисия, грозил убить из самопала своего полковника, а другой «неведомо какой человек» высказал еще более страшную угрозу: «Нечего де в кулак шептать, говорят де въявь, хотят де и до большого (т. е. до Петра.— В. Б.) добраться!»

Стрелец Нестер Бугаев отважился даже говорить «непристойные» слова полковнику Стремянного полка Ивану Башмакову, с которым плыл в сентябре Доном из Паншина в Азов. Он заявил: «Нам, стрельцам, ни на Москве, ни в Азове житья нет» — и далее уточнил: «Житья де нам нет на Москве от бояр, а в Азове от немцев, в воде черти, а в земле черви». Бояре, по его словам, отняли у стрельцов хлеб без указа царя, который о том «и не ведает». О сокращении боярами хлебного жалованья стрельцам писали из Москвы их жены. Немцы же бьют их, стрельцов, на городской работе и заставляют работать «безвременно».

Старый стрелец из Протопопова полка Парфен Тимофеев (из крепостных крестьян боярина А. С. Шеина), признавшийся, что во время разинского восстания «ходил с ним же, Стенкою (Разиным.— В. Б.), обжегши шест, будто с копьем», призывал стрельцов не давать к пытке М. Чебоксаря, когда его поведут в застенок; «еще де он, Парфенко, на старости трахнет!»

Стрелец Яков Улеснев распространял слухи о гибели царя за рубежом, о попытке бояр удушить царевича. Среди стрельцов ходили также разговоры о том, что боярин Прозоровский, азовский воевода, скрывает от них царские указы с похвалой в их адрес, хочет послать московские стрелецкие полки не в столицу к семьям, а на Миус и в «русские города». Воеводу с товарищами стрельцы, по словам Улеснева, посадят на копья, если они начнут пытать М. Чебоксаря (это «лучше, чем от них терпеть»), побьют «недобрых» полковников, а «добрых» оставят, затем пойдут к Москве с донскими казаками, которые «говорили и хотели» идти с ними вместе. А «как де придут они на Валуйки, и с ними де вся чернь поднимется». Он же сказал, что побить боярина Прозоровского и его товарищей намечалось 1 сентября 1698 г., «а в помочь к себе ждали донских казаков».

Из допроса стрельцов Афанасия Нефедьева и Давыда Тихонова выяснилось, что заводчиком предполагаемого бунта и похода на Москву являлся пятисотный Протопопова полка Кузьма Иванов «с товарищи». Он призывал стрельцов идти в столицу, побить бояр, не пускать царя в Азов, если он туда приедет.

По признанию Д. Тихонова, тоже хотевшего идти к Москве, «та де речь у них во всех шести полках носилась».

Все эти планы и замыслы, оставшиеся только разговорами, отражали общее недовольство стрельцов политикой правительства, гнетом и притеснениями начальства. Как и стрельцы, поднявшие восстание в июне, азовские стрельцы тоже были раздражены убавкой хлебного жалованья, проведенной московскими боярами, насилиями «недобрых» полковников — русских и офицеров-иностранцев, местных воевод. Среди них тоже поползли слухи о гибели за границей царя, стремлении бояр удушить царевича Алексея Петровича и самим владеть «царством». Местные воеводы, по их мнению, скрывали от них «хорошие» царские указы. Ввиду всего этого стрельцы, надеявшиеся (и не без оснований) на активную помощь волновавшихся донских казаков, высказывали желание идти походом на Москву, поднять по пути «чернь», «городовых людей». В их планы входила расправа с городовыми воеводами, азовскими властями, своими «недобрыми» начальниками из русских и иноземцев, а также с московскими боярами, которым они хотели, кстати, отомстить и за своих погибших в июне собратьев. В принципе это выступление, если бы оно разразилось, ничем бы не отличалось от восстания стрельцов в июне 1698 г.

Но планам азовских стрельцов и донских казаков не суждено было сбыться. Дело быстро закончилось арестом ряда стрельцов, Дия и других лиц, жестоким розыском. Дия «за воровство» казнили, других сослали в Сибирь⁶⁴.

Волновались московские стрельцы ряда южных городов. Из сборного полка П. Головнина, посланного в Белгород, ряд стрельцов, как мы видели выше, весной 1698 г. дезертировал в Москву, где вместе со стрельцами В. Тумой и его товарищами принял участие в «бунте». В декабре 1698 г. 60 этих стрельцов-беглецов кн. Я. Ф. Долгорукий выслал из Белгорода для розыска в Москву.

Брожение началось в стрелецком полку Кривцова, стоявшем под Харьковом (он числился в Белгородском разряде). Во время розыска, возникшего по доносу полкового священника Лукьянова, выяснилось, что летом 1698 г. стрельцы этого полка намеревались идти походом на Москву вместе с донскими казаками, чтобы «отплатить» тем, кто казнит и вешает их «братью». Стрельцы, сходявшиеся в круг, в группы по 5—10 человек, высказывали недовольство тем, что их полк перебрасывают с места на место, а в Москву «не поднимают». По утверждению десятника Л. Масленникова, стрелец Р. Буданов вспоминал о

⁶⁴ Н. Г. Устрялов. Указ. соч., стр. 232—235, 242; М. М. Богословский. Указ. соч., т. III, стр. 175—195; Н. Б. Голикова. Указ. соч., стр. 112—117.

победе восставших в 1682 г., когда он сам «таскал» деньги с двора боярина кн. Ю. А. Долгорукого, «и лежали у него те деньги под порогом». Стрельцы хотели объединиться с харьковским же стрелецким полком Ельчанинова, а также с киевскими стрельцами, подав им «весть» о выступлении, убить бояр: кн. Я. Ф. Долгорукого в Белгороде, где они собирались брать «снаряд» для похода на Москву, а в Москве — Т. Н. Стрешнева («за то, что у них... хлеба убавил») и А. С. Шеина (за расправу со стрельцами под Воскресенским монастырем). «Чем было нам татар рубить, пойдем де к Москве бояр рубить», — говорили некоторые стрельцы.

Стрелец полка Жукова Севского разряда (полк стоял под Курском) Петр Кривой, дезертировавший, как и многие его товарищи, и приговоренный к ссылке в Сибирь, говорил другим колодникам Вологодской пересыльной тюрьмы: «Голова де ево, государя, на нитке. Нас де, стрельцов, во всех городех и в Сибири много; собрався, все будем к Москве, и самому де ему, государю, торчать у нас на коле». Он «бранил» Петра за то, что он стрельцов «казнил и вешал и на колеса сажал». П. Кривой признал, что он, как и многие другие стрельцы, помышлял не раз об убийстве царя, который «был к ним немилостив», разослал их по разным городам, казнил их братью-стрельцов. Этот бесстрашный стрелец говорил, что однажды в Курске вел разговоры с четырьмя товарищами, «чтоб им собратца стрелецкими остальными полками и призывать себе в помощь донских казаков и итти к Москве и, возмутья чернь, чинить бунт и его, государя, убить».

Все эти разговоры, планы, призывы тоже кончались розысками, пытками, казнями и ссылками⁶⁵.

Как выяснялось во время процессов, проходивших в конце XVII — начале XVIII в. в застенках Преображенского приказа, стрельцы, солдаты, крестьяне, посадские люди, гулящие люди заявляли о своем недовольстве властями, тяжелым положением, высказывали горячее сочувствие стрельцам, поднявшим в 1698 г. восстание и казненным жестокими царем и боярами во время страшного розыска⁶⁶.

Так, стрельчиху Е. Егорову приговорили к смертной казни за слова: «Боярам за их насмешку отсмеютца дети; шука де умерла, а зубы остались».

Солдат Гордонова полка Рыбенек осенью 1698 г. говорил своим бывшим односельчанам в Дмитровском уезде, куда он пришел навестить мать, что на царской службе «добра» нет,

⁶⁵ Н. Г. Устрялов. Указ. соч., стр. 242—243; Н. Б. Голикова. Указ. соч., стр. 109—112, 118—119.

⁶⁶ Н. Б. Голикова. Указ. соч., стр. 123—127, 170, 173, 200—205, 210—212, 218—219.

«за азовскую де службу и за воскресенскую посулил (царь.— В. Б.) нам сукна да деньги, и тех сукон и денег нам не дано. Избаловался де он, государь».

Солдаты московского полка Козлова тоже жаловались на скудное хлебное жалованье (по полуосьмине хлеба и овса на человека), невыдачу второй год денежного жалованья. По словам солдата С. Бессонова, царь приказал выдать им денежное и полное хлебное («стрелецкий оклад») жалованье, но боярин кн. И. Б. Троекуров и стольник кн. Ф. Ю. Ромодановский в том отказывают и бьют их челобитчиков М. Зверева «с товарищи». По словам солдата Сапожникова, на убавление Т. Н. Стрешневым их содержания (вразрез де с указом государя) жаловались «дворовые люди». Тот же Бессонов заявлял, что все солдаты из-за такого невыносимого положения бросят ружья и «побредут куды годно», «топерьва все на плаху готовы».

Власти (Преображенский приказ, сам Петр I) в связи с этими процессами боялись, как бы солдаты не выступили вместе со стрельцами.

Крестьянин Никитин в 1699 г. ругал царя нецензурной бранью, говоря о нем: «Какой он государь, царицу свою в ссылку сослал, а стрельцов всех перерубил, а ныне де стал и нас разорять, берет даточных».

Одоевский посадский человек Ф. Корольков, возвращаясь в июне 1698 г. из Москвы, рассказывал встречным о походе стрельцов на столицу: «Поделом де они хотят бояр рубить». А новокрещеная татарка Анна Кучумова в 1701 г. порицала Петра за отношение к стрельцам, которым он лично рубил головы.

Московский посадский человек Маленький в 1702 г. высказывал надежду, что стрельцы снова поднимут восстание: «Стрельцов де государь в посад пожаловал, и им де то и лучше. Как де они, стрельцы, съедутца для торгу в один город, и они де в собранстве будут и, удумав, сделают повешенных стрельцов и краше». А дети московских стрельцов тоже не оставят дела отцов: «...отрыжка от них, в год или в два, как-нибудь, а будет».

Гулящий человек нищий Чича говорил арестованному участнику Стрелецкого восстания 1698 г.: «Милые де вы служивые головушки де, пропали занапрасно». Далее он сказал, что молит бога за тех стрельцов, «которые порублены», осуждал бояр, немцев, царя.

Таким образом, Стрелецкое восстание 1698 г. в отличие от Московского восстания 1682 г. не получило активных откликов в виде восстаний, выступлений. Дело ограничилось глухим брожением, высказыванием сочувствия и поддержки в адрес разгромленных и казненных стрельцов, порицанием действий царя и его бояр. В отдельных случаях высказывались намерения

организовать совместный поход стрельцов, донских казаков, «черни» на Москву, расправу с боярами и даже с царем. Но дальше разговоров дело не пошло. Власти быстро расправлялись со всеми проявлениями недовольства, и пыточные застенки Москвы и других городов оглашались воплями все новых жертв петровского деспотизма. Как само восстание стрельцов в 1698 г., так и отклики на него отличались быстротечностью и безрезультатностью в отличие от событий 1682 г., когда восстание носило длительный характер и принесло определенные плоды его участникам, а отклики были более бурными и охватили более широкую территорию.

* * *

Восстание московских стрельцов в 1698 г. произошло в иной исторической обстановке в сравнении с Московским восстанием 1682 г. В нем участвовали только четыре стрелецких полка, причем восстание хотя и началось весной в столице, но в основном развернулось летом, сравнительно далеко от Москвы. Правительство располагало необходимыми силами для противодействия стрельцам и быстро подавило восстание. Это явное неравенство сил привело к массовому и страшному «стрелецкому розыску» и кровавым казням — Петр, дворянское правительство жестоко отплатили стрельцам за то потрясение и унижение, которое испытали правящие верхи в 1682 г.

Стрельцы начали выступление под влиянием крайних тягот службы, нищеты и голода. Их целью был приход к семьям в Москву, расправа с теми боярами и иностранцами, с которыми они связывали свои невзгоды. Они мечтали, как и раньше, о замене «плохих» правителей (Петра I, якобы погибшего за границей, и его советников) «хорошими» (Софьей или другой царевной, царевичем Алексеем, кн. В. В. Голицыным и др.). Новым в их намерениях, в идеологии было намерение расправиться с высшим носителем власти — Петром I.

Поражение стрельцов и массовые расправы с ними вызвали сочувствие в различных слоях русских людей — у стрельцов, солдат, крестьян, посадских и гулящих людей, высказывавших, как и они, недовольство гнетом абсолютистского государства.

Стрелецкое восстание 1698 г. — прямое продолжение дела восставших 1682 г. — явилось последним крупнейшим антифеодальным движением XVII в. Его участники передали эстафету борьбы угнетенных с угнетателями повстанцам начала XVIII в. (Восстание К. Булавина, Астраханское восстание 1705 г. и др.). Жестокий разгром восстания 1698 г. — один из этапов борьбы формирующегося русского абсолютизма с выступлениями народных низов против его политики гнета и насилий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сделать некоторые выводы.

Несмотря на большую историографию, посвященную московским восстаниям 1682 и 1698 гг., их исследование нельзя признать завершенным. Помимо недостаточно подробного изучения хода этих восстаний, особенно первого из них, в суждениях о них накопилось немало ошибок, неправильных выводов принципиального характера. Речь идет об ошибочной, с нашей точки зрения, трактовке их исторического смысла и значения. Это выражается в их оценке как якобы реакционных бунтов, направленных против петровских преобразований, в определении восстания 1682 г. как дворцового переворота, в характеристике их участников как послушного орудия в руках реакционного боярства и духовенства. Состояние изученности указанных движений говорит о необходимости нового, более детального их исследования с привлечением всех источников, как опубликованных, так и архивных.

Большое значение в проводимом заново изучении всех событий классовой борьбы в столице России конца XVII в. имеет фронтальное, детальное исследование всего комплекса источников. В настоящем исследовании внимательно проанализированы как уже неоднократно использовавшиеся в литературе источники (акты, записки современников и др.), так и источники, недавно введенные в научный оборот (например, две повести о восстании 1682 г., изданные М. Н. Тихомировым); ряд источников использован впервые. Нужно сказать, что, помимо привлечения этих мало или совсем неиспользованных памятников, не меньшее значение имеет внимательный повторный анализ источников, давно известных в науке. Особенно характерен в этом отношении пример с записками А. А. Матвеева. Многие поколения исследователей именно на показаниях и инсинуациях этого автора строили свои выводы о восставших стрельцах как орудии в руках Софьи и ее сторонников, противников преобразований Петра Великого. Между тем оказывается, что сам А. А. Матвеев при всей ненависти к стрельцам, расправившимся 15 мая 1682 г. с его отцом, признает тот очевидный факт, что они начали вос-

стане без всяких понуканий со стороны Софьи и Милославского, действовали по своей инициативе, исходя из собственных нужд и стремлений.

Оба восстания, рассматриваемые в настоящей работе, имеют свои специфические черты и отличия. Восстание в Москве 1682 г. — это в первую очередь движение московских стрельцов, которые являлись частью не только военного, но и торгово-промышленного населения Москвы; вместе с ними выступили солдаты, пушкари, в известной степени приняли участие в восстании и социальные низы столицы (посадская беднота, часть холопов и др.).

В 1698 г. единственной силой восстания являлись московские стрельцы, причем только часть их (четыре полка); на их стороне было сочувствие готовых восстать народных низов столицы, к которой приближались мятежные полки.

Отличались эти восстания друг от друга и по длительности, размаху, результатам и т. д. В то же время имеются и явные черты сходства.

Как и другие народные движения того времени, московские восстания конца XVII в. были обусловлены рядом социально-экономических и политических факторов. В области социально-экономического развития к их числу можно отнести такие глубокие процессы, как рост производительных сил в «новый период» истории России, усиление режима эксплуатации после принятия Соборного уложения 1649 г. и проведения в жизнь посадской реформы середины века, вызревание элементов нового, капиталистического уклада в экономической жизни страны, усиление налогового гнета в обстановке длительных войн, резкое ухудшение материального положения приборных служилых людей и т. д. В области политической это — формирование абсолютной монархии, выразившееся в консолидации класса феодалов, прекращении деятельности сословно-представительного органа — земских соборов, укреплении аппарата принуждения — приказного и воеводского управления, армии. Все это приводило к усилению системы притеснений и насилий со стороны властей, ухудшению юридического, бытового положения широких народных масс, обострению классово-борьбы, различные проявления которой заполняют середину и вторую половину XVII в. Против крепостнической, антинародной политики складывающейся абсолютной монархии то тут, то там, буквально по всей стране — от Украины и северо-западных уездов до отдаленных районов Сибири — выступают то вместе, то поочередно крестьяне, горожане, служилые люди по прибору, всякие «вольные люди» холопы, русские и нерусские, православные и раскольники, люди гражданские и военные.

Московские восстания конца XVII в. занимают свое место в ряду этих народных выступлений против гнета формирующего-

ся абсолютистского государства. Важной их особенностью было то, что они происходили в Москве — столице Русского государства, где проживали царь, правительство, многие представители класса феодалов.

Изучение источников о восстаниях 1682 и 1698 гг. позволяет не только заново и гораздо более подробно, чем это делалось до сих пор, изучить их фактическую историю (особенно восстания 1682 г.), но и попытаться пересмотреть трактовку этих движений в целом.

В обоих восстаниях основной движущей силой явились московские стрельцы (во втором восстании — единственной силой), составлявшие часть торгово-промышленного и военного населения Москвы. В 1682 г. они получили поддержку со стороны других мелких приборных служилых людей, а также части столичных низов (сочувствие московского населения было на их стороне во время обоих движений). Источники неопровержимо свидетельствуют, что эти восстания возникли, готовились по инициативе самих восставших, явились выражением их протеста против ухудшения материального и правового положения во второй половине XVII в., усиления гнета и притеснений со стороны правящей верхушки и непосредственного начальства, принявших к началу 80-х годов XVII в. катастрофические для мелких приборных служилых людей размеры.

Участники Московского восстания 1682 г. приняли эстафету борьбы с классовыми врагами от повстанцев середины столетия, «Медного бунта» 1662 г., второй Крестьянской войны в России. Разинские традиции воодушевляли участников антифеодальных выступлений 70-х — начала 80-х годов, в частности участников движения на Дону и на юге России весной 1682 г., которые выдвигали планы совместного с московскими стрельцами выступления против бояр и других правителей. В Московском восстании 1682 г. приняли участие астраханские стрельцы, высланные в Москву за участие в разинском восстании.

Существенными факторами в положении стрельцов и других приборных служилых людей являлись их происхождение, социальное положение. Они комплектовались из числа родственников самих приборных людей, а также в значительной степени из представителей социальных низов — крестьян, посадских, «вольных» людей, холопов и т. д.; в эти же категории населения они попадали при расформировании стрелецких полков. Из-за крайне скудного жалованья, которое уменьшилось в течение второй половины XVII в. примерно вдвое, они для прокормления себя и своих семей вынуждены были заниматься ремеслом и торговлей. Это сближало их с посадским миром столицы и других городов страны, но, с другой стороны, вызывало трения между ними, поскольку посадские люди выступали в защиту своих сословных привилегий, а приборные служилые люди, являвшиеся

их конкурентами, тоже отстаивали свои интересы. Среди тех и других явственно обозначается имущественное неравенство, социальное расслоение (с одной стороны, масса малообеспеченных бедняков, полунищих или нищих, с другой — группа зажиточных ремесленников, купцов, предпринимателей). Выступления стрельцов и посадских людей против феодального гнета переплетаются с внутриклассовой борьбой против зажиточной верхушки посада и приборных служилых верхов. Сложность социального состава стрельцов и их взаимоотношений с другими социальными группами населения, рознь в собственных рядах приводили к тому, что выступление 1682 г. носило весьма сложный, противоречивый и запутанный характер, усугублявшийся еще и тем немаловажным обстоятельством, что приборные служилые люди составляли часть государственного аппарата принуждения. А московские стрельцы призваны были служить опорой трона. Они нередко выполняли карательные функции при подавлении народных восстаний (1662 г., вторая Крестьянская война), но, с другой стороны, нередко выступали их участниками (в 1648 г., в том же разинском восстании) или основной движущей силой, как в 1682 и 1698 гг. Их приближенность к царскому двору, наличие некоторых сословных привилегий, которые они (как и горожане) защищали, стремление улучшить свое положение с помощью государей и бояр, которым они служили, — все это стимулировало всякие расчеты и надежды придворных деятелей, партий в борьбе за власть. Последние вообще нередко пытались использовать и использовали народные движения в своих целях. Не были исключениями в этом плане и изучаемые нами восстания. Верная служба приборных людей правительству, с одной стороны, их подчас политическая неблагонадежность — с другой, являлись отражением их сложного состава, социального происхождения, наличия социальной розни. Диалектическое противоречие в положении и поведении социальных низов, к которым принадлежали мелкие посадские и приборные служилые люди, заключалось в том, что они помогали укреплять цепи эксплуатации угнетавшему их самодержавию, поскольку способствовали своим трудом и службой его усилению, и с другой стороны, непрерывно возобновляли попытки разорвать эти цепи, ослабить давивший их гнет. В процессе этого противоборства, развития классовой борьбы имеет место, с одной стороны, дальнейшее укрепление государства, его аппарата принуждения, а с другой — некоторое ослабление гнета, носившее, впрочем, недолговременный, непрочный характер. В отношениях между самодержавием, классом феодалов и угнетаемыми ими народными низами происходила своего рода регуляция норм экономического и внеэкономического принуждения, в ходе которой страдающей стороной оставались всегда социальные низы. В то же время нельзя исключить и того, что иногда становилось возможным определенное ослаб-

ление эксплуатации, что имело место, например, после первой Крестьянской войны начала XVII в., отмена некоторых правительственных мероприятий, тяжелых для простого народа (соляного налога за полгода до восстания 1648 г., медных денег после восстания 1662 г.), известное улучшение материального положения (например, стрельцов и их сторонников в 1682 г.) и т. д. Но в целом государство, его аппарат укреплялись.

В отличие от Московского восстания 1662 г. «смута» 1682 г. продолжалась долго — с весны до осени, примерно пять месяцев. Это объясняется тем, что восставшие — стрельцы и их союзники — представляли собой решающую военную силу в столице, на их стороне были сочувствие и отчасти поддержка социальных низов Москвы и периферии. Этим же объясняется и необычный характер восстания 1682 г. Восстание разразилось в столице и привело по существу к тому, что восставшие стали в ней хозяевами положения, поставили под свой контроль высшую власть в государстве. Они расправились с наиболее ненавистными деятелями из правящей верхушки и из числа своих начальников, взимали с последних уворованные ими деньги, заставляли правительство выдавать им крупные суммы в зачет удержанного за многие прошлые годы жалованья. Своей волей они включали в свои ряды холопов, освобождавшихся таким образом от подневольного состояния, крестьян и др. Их позиция оказалась решающей при избрании царевича Ивана первым царем, Софьи — регентшей. Заменили полководцев, не смевших теперь, после восстания, допускать те злоупотребления и вымогательства, которые имели место до него.

Добившись ряда успехов и уступок со стороны боявшегося их правительства, стрельцы и их помощники сразу же стали делать одну ошибку за другой. В результате собственной недалекости, неопытности, самоуверенности и сословной ограниченности, эгоистичности они сами лишили себя активной поддержки со стороны, казалось бы, естественных союзников в поднятом ими восстании в лице посадских людей, холопов, раскольников, хотя отрицать некоторое участие последних в восстании, а тем более их сочувствие делу восстания никак невозможно. Они ошибочно и самонадеянно полагали, что их сил достаточно для достижения поставленных ими целей и в дальнейшем. Тем более что, как считали восставшие, они поставили под свой контроль правительство, которое возглавили угодные им лица — «хороший» царь Иван и его ласковая сестра Софья, а также «добрый» боярин Хованский, которого они величали «большим», «батькой».

Эта вера в «хороших», «добрых» правителей, являвшаяся наиболее тяжелой и трагической из всех их ошибок, тесно связана с царистской идеологией, психологией, пронизывающей все их действия и устремления и особенно рельефно выразившейся в

челобитной восставших и жалованных грамотах в стрелецкие и солдатские полки 6 июня 1682 г. Эти документы зафиксировали все завоевания восставших и отразили все недостатки их программы. Последняя сводилась к ослаблению гнета и произвола феодально-крепостнического государства и непосредственного начальства, улучшению материального положения. Ее ограниченность заключалась не только в их политической недалекости, которая выразилась, например, в том, что они отвернулись от холопов, в их сословном эгоизме (переложение некоторых тягот с себя на плечи посадских людей), но и в вере в то, что «добрые» правители будут и впредь учитывать их нужды и пожелания. После успеха восстания они, собственно говоря, заявили, что возвращаются к своему «естественному состоянию» в качестве верных и покорных слуг поставленных ими «хороших» царей и бояр.

Но они не учли, что эти «добрые» правители выполняют волю чуждого и противостоящего им в социальном плане класса феодалов. Мобилизация последнего вокруг царского трона имела решающую роль в капитуляции восставших. В их поражении немалую роль сыграли также отсутствие единства в их собственных рядах, крепких связей с другими социальными слоями народных низов столицы и периферии, талантливых вождей, сословная ограниченность, политическая наивность.

Господствующий класс в лице Софьи и ее сторонников показал себя способным к политическому маневрированию, к противостоянию выступлениям социальных низов и к борьбе за власть. Воспользовавшись народным движением, стихия которого захлестнула столицу и которое началось вне зависимости от придворных интриг (хотя обстановка смены царей, несомненно, могла способствовать выступлению восставших), Софья и ее клеветы, сначала уступая давлению восставших, затем наступая на них, применяя политику кнута и пряника, постепенно и осторожно прибирали власть к рукам и овладевали положением. В результате именно они оказались триумфаторами, въехавшими в столицу после двухмесячного полудобровольного изгнания. Хованские, оказавшиеся в межеумочном положении людей, старавшихся угодить и стрельцам и Софье в надежде прорваться к власти с помощью первых и оттеснить от нее вторую, неизбежно стали жертвой своего недалеконovidного авантюризма, высокомерия и политической слепоты.

Исторический опыт Московского восстания 1682 г. с полной очевидностью показал утопичность, трагическую обреченность выступлений народных низов, строивших свои иллюзорные расчеты на добрую волю «хороших» правителей.

Относительно восстания московских стрельцов 1698 г. в настоящем исследовании делается попытка, как и по отношению к восстанию 1682 г., заново подойти к рассмотрению основных,

принципиальных вопросов его истории — характерных особенностей идеологии, психологии, программы его участников, его исторического смысла и значения, месте среди народных движений второй половины XVII в., связи с Московским восстанием 1682 г. и последующей классовой борьбой в начале XVIII в. Меньшее внимание в сравнении с восстанием 1682 г. уделялось изучению хода восстания 1698 г. (хотя и здесь автор пытался найти новые штрихи в исследовании вопроса с помощью дополнительного сравнительного изучения источников) и особенно «стрелецкого розыска», хорошо обследованного в литературе.

Данные источников свидетельствуют о прямой преемственной связи восстания 1698 г. с восстанием 1682 г. В нем участвовали повстанцы 1682 г., оставшиеся в живых и находившиеся в составе восставших четырех полков. Они прямо ссылались на свой прошлый опыт и призывали к осуществлению целей, которые ставились и в движении 1682 г. В 1698 г. московские стрельцы повторили свою попытку. Как и в 1682 г., они хотели овладеть Москвой, побить ненавистных «плохих» правителей — бояр и иноземцев, поставить у руля государственного управления «добрых», «хороших» правителей (царевича Алексея Петровича, царевну Софью, боярина кн. В. В. Голицына и др.) и получить от последних облегчение своей действительно очень тяжелой участи. Как и 16 лет назад, они по собственной инициативе, исходя из своих требований, начали восстание; их идеология, психология, программа, их ошибки ничем не отличались от того, что имело место в 1682 г. Но существенно изменилась обстановка — государственная власть и аппарат принуждения стали более сильными, а московские стрельцы, наоборот, были ослаблены дальними и тяжелыми походами, разосланы из Москвы в разные концы государства. В результате восстание буквально захлебнулось в крови. Его венчали страшный «стрелецкий розыск» и массовые кровавые казни, оставившие тяжелый впечатлени в сознании народа. Жестокость расправ свидетельствовала о нравах, свойственных всем государствам эпохи средневековья. Московские стрелецкие полки были расформированы, семь московских стрельцов высланы из столицы.

Так складывавшееся абсолютистское государство расправилось с выступлениями народных низов, выражавших протест против усиления гнета и насилий.

Эти народные движения, очень сложные и противоречивые по своей внутренней сущности, выступления, в которых в запутанном клубке переплетаются положительные и отрицательные черты, характерные для всех движений России периода феодализма, занимают среди них свое почетное место. Московские восстания 1682 и 1698 гг. продолжают линию классовых выступлений народных масс предшествующего времени и находят свое продолжение в классовой борьбе начала XVIII в.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Аввакум, протопоп 37
 Авдотья, жена Н. Кострикина 328
 Авдотья, «карлица» 372
 Аверкий, земский дячок на Ваге 17, 105, 119, 146, 156—158, 170, 180
 Агеев С., крестьянин 161
 Аделунг Ф., историк 13
 Адриан (Андрриан), архимандрит Чудова м-ря, затем патриарх 33, 287, 301, 307
 Аксенов А., казак 344
 Аксенов Я. 340
 Аксентьев Кузьма, стрелецкий пристав 409
 Александров В. А., историк 5, 68, 76, 77
 Алексеев В., стрелец 326
 Алексеев В., московский посадский человек 280, 281
 Алексеев Иван (Ивашка), солдат 268, 349
 Алексеев С., рассыльщик 340
 Алексеев Я., стрелец 371, 375, 382, 388, 402
 Алексей, митрополит 228
 Алексей Михайлович, ц. 14, 71, 72, 82, 96, 100, 129, 142, 143, 170, 183, 204, 221, 227, 229, 230, 253, 283, 359
 Алексей Петрович, ц-ч, сын Петра I 53, 371, 404, 411, 414, 421
 Алмазов С. Е., стольник 130
 Алфимов Еремей, стрелец 329—332
 Анастасов Иван, греческий купец 187, 188
 Андреев, стрелец 381
 Андрей Первозванный, апостол 233
 Аничков И. А., стольник, ярославский воевода 299
 Антонов И., подьячий 379
 Аргамаков Т. Г., добренский воевода 333
 Аристов Н. Я., историк 7, 15, 19, 44, 106, 123, 132, 140, 176, 204, 265, 266, 322, 324, 346, 370, 371
 Арлов К., стрелецкий полковник 284
 Арсений, чернец 229, 230
 Артарская Ефимия (Офимка) Кондратьевна, стрельчиха 371, 372
 Артемьев Авдей, пятидесятник 213, 231
 Артемьев Михаил, пятидесятник 217
 Артемьев Михаил, сотенный 213
 Артемьев Терентий, стрелец 409
 Артман Д. И., голландский купец 188
 Архипов Любим, донской атаман 321
 Афанасий, архиепископ холмогорский 228
 Ачкасов И., дедиловский воевода 270, 291
 Баженов А. Г., драгун 334
 Базилевич К. В., историк 5
 Барсуков А., стрелецкий полковник 246
 Бархат Клим, стрелец 348
 Барыков, стрелецкий (солдатский?) начальник 246
 Борятинский (Борятинский) Я. С., кн., стольник 291
 Батраков Д., пристав 323
 Батуриин, стрелецкий десятник 381
 Батуриин Б., стрелецкий подполковник 325, 327
 Батуриин В., стрелецкий полковник 363
 Баутин Василий, подьячий 324—327, 331
 Бахметев Г. М., стольник 284
 Бахрушин С. В., историк 5
 Башмаков Д. М., думный дяк, затем думный дворянин, начальник Приказа тайных дел 61
 Башмаков Иван, стрелецкий полковник 410

* Указатели составлены Л. С. Беляевой.

Принятые сокращения: библ.—библейский; в.—великий, кн.—князь; м-рь — монастырский, монастырь; ц.—царь; ц-на — царевна, ц-ца — царица, ц-ч — царевич.

- Безобразов А., стольник 203, 205
 Беклемишев Р. А., дворянин 292
 Белов Е. А., историк 7
 Белов М. И., историк 18, 38, 89, 99,
 115, 129, 134, 154, 158, 173, 196, 197,
 254
 Беляев А., путивльский купец 324
 Берх В., историк 6, 14
 Бескровный Л. Г., историк 81, 407
 Бессонов С., солдат 413
 Бехтеев Е., елецкий дворянин 345
 Бибииков И. Ф., дворянин 292
 Бизяев Иван, ярославский посадский
 человек 206, 207, 247
 Билс Я., полковник 328
 Бове см. Крелль
 Богданов Г., думный дьяк 138, 150
 Богословский М. М., историк 7, 44—
 46, 50, 363, 364, 366, 368, 370, 375—
 377, 380, 382, 383, 386—388, 391, 396,
 397, 399, 402—406, 411
 Богоявленский С. К. историк 5, 8, 32,
 79, 100, 105, 120, 137—140, 142, 153,
 155, 161, 177, 189, 195, 199, 207, 208,
 210, 216, 236, 239, 246, 255, 257, 259,
 262, 266, 279, 310, 320, 334, 337
 Борисов Иван, стрелецкий пятидесять-
 ник 136
 Борисов Иван, стрелецкий пятисот-
 ный пристав 329
 Борисов Исаак, стрелецкий пятисот-
 ный 315
 Борисов Никита, раскольник 212, 213
 Борисов Н., стрелецкий полковник
 102, 117, 120
 Борисов П., стрелецкий полковник
 271, 278, 284, 307
 Борков В., стрелецкий полковник 356
 Боровков Родион, стрелецкий пяти-
 сотный 380, 382
 Боровков С., стрелец 201
 Боровков Ф., стрелец 403
 Ботвиньев М. И., одоевец 202
 Боторов Кузьма, стрелец 335
 Бохин П., стрелецкий полковник 21,
 201, 202, 271, 278, 284, 313—315, 317,
 335
 О'Брайен Б., американский историк 9
 Браудо А. И., переводчик 16
 Брикнер А., историк 43, 365, 370, 376,
 389, 392, 396, 399, 400
 Брюгген Э. Э. фон, немецкий исто-
 рик 9
 Бугаев Нестор, стрелец 410
 Буганов В. И. (псевдоним — В. И. Ки-
 риллов), историк 9, 17—19, 21,
 29, 33, 92, 95, 105, 114, 151, 171, 341
 Буданов Р., стрелец 154, 411
 Буков А. И., прапорщик 326
 Булавин К. 414
 Булыгин И. А., историк 59, 63
 Бурмистров Василий, стрелецкий пя-
 тисотный 136
 Бусыга Иван, крестьянин 342, 343
 Бутурин Иван, стрелец 335
 Бутурлин И. В., боярин, новгородский
 воевода 294
 Бухарев М. Т., холоп 201
 Бухвостов Борис, стрелецкий голова
 79
 Бухвостов В., стрелецкий полковник
 108
 Буян (Буянко) С., разинец 320
 Ыков Яков (Якушка), крестьянин
 342
 Бюст А., стрелецкий полковник 284
 Василий, священник 345
 Василий Чернец, священник 26
 Васильев Д., холоп 333
 Васильев М., стрелец 327
 Еасильев С., невелицкий подьячий 187
 Вейде А. А., генерал 406
 Вейт Адам, капитан 328
 Вешняков Михаил, московский дворя-
 нин 206, 247
 Вешняков М. М., московский дворя-
 нин, стрелецкий полковник 102, 117,
 120, 206, 247
 Вениус А. А., думный дьяк 377
 Годарский Я. Е., историк 61, 64
 Восйков Семен, стольник, стрелецкий
 полковник 258, 284, 324, 358
 Волков М. Я., историк 63, 65
 Волконский В. И., стольник 335, 336
 Волконский Ф. Ф., кн., боярин 257
 Волосатый Иван, стрелецкий пятиде-
 сятник 382
 Волошенин Семен, белгородский сот-
 ский 328, 330, 332
 Вольнский В. С., кн. 164
 Вольнский И. Ф., кн., боярин 291, 293
 Воробин В., стрелецкий полковник
 102, 117, 219
 Горобьев С., стрелец 349
 Ворон Федор, стрелец 314
 Воронин П., крестьянин 284
 Воронцов Д., стрелецкий полковник
 363, 409
 Воротников В., белгородский пушкарь
 329, 332
 Воротынский И. А., кн. 60
 Воскобойников И., стрелец 381
 Гшивый Бочок Василий, стрелец 327
 Вындомский В. Т., новгородский дво-
 рянин 338
 Вындомский М. Т., новгородский дво-
 рянин 338

- Выдомский Т., новгородский дворянин 338
- Гавриил, архимандрит московского Симонова м-ря 247
- Гавриил, крестьянин 213
- Гаврилов Н., подьячий 344, 345
- Гаден Даниил, придворный врач 38, 151, 156, 167—169, 174, 188
- Гаден М. Д., сын Д. Гадена 151
- Галактион, архимандрит 233
- Гвариент, цесарский посол 43, 50, 53
- Гедимин, в. кн. литовский 140, 141
- Гейнс, датский посол 44, 51, 56, 366, 384, 400, 401
- Глаголев В. П., историк 318
- Глебов М., царицынский воевода 320
- Глебов Н. Д., стрелецкий полковник 117, 149, 185, 271, 278, 284, 349
- Глебов П., стрелецкий полковник 102, 117, 120
- Годунов Борис Федорович, ц. 169
- Голиков И. И., историк 6, 13, 42
- Голикова Н. Б., историк 8, 44—46, 366, 373, 374, 397, 407, 411, 412
- Голицын А. И., кн., боярин 291
- Голицын В. В., кн., боярин 9, 53, 82, 101, 143, 165, 195, 196, 209, 216, 245—247, 255—260, 272, 286, 290, 292, 295, 296, 313, 326, 346, 347, 361, 373, 385, 387, 414, 421
- Голицын Б. А., кн., боярин 264, 385, 403, 409
- Голицын И. А., кн. 60
- Голицын М. А., кн., боярин, псковский воевода 124
- Голицыны, кн., бояре 96, 256, 265—267, 280
- Головин А. М., генерал 377, 406
- Головин А. П., окольный, астраханский воевода 321
- Головин Б., стрелецкий полковник 284, 356
- Головин М., стрелецкий полковник 363
- Головин М. П., боярин, начальник Земского приказа 53, 208, 248, 267, 278, 284, 292, 296, 298, 301—304, 306, 309, 311, 312, 349
- Головленков Ф. И., стрелецкий полковник 116, 149, 186, 271, 278, 284, 327, 347
- Головнин П., полковник 367, 368, 411
- Голосов Л. Т., думный дворянин 288, 301, 303
- Голохвостов И. Д., думный дворянин 291
- Гордон Патрик, генерал 43, 44, 46—53, 55, 56, 363, 365, 367, 368, 370, 374—376, 385, 388—390, 392—396, 398—401, 412
- Горохов И. С., думный дьяк 23, 308
- Горюшкин Г., стрелецкий полуполковник 150—152, 156, 163
- Готье Ю. В., историк 60
- Граге, полковник 392, 396
- Грек Остап, есаул 319
- Греков Б. Д., историк 83
- Греков И. И., стольник 341, 342
- Грешный С. Я., московский посадский человек 346
- Грибоедов Семен, стрелецкий полковник 30, 32, 90—95, 102, 105, 111, 114, 116, 117, 119, 120, 152
- Григорьев, стрелец 381
- Григорьев Е., стрелец 327
- Григорьев Ф., жилец 204
- Григорьев Яков, солдат 373
- Гроров Мина, дьяк 324
- Грязной И. Е., стрелец 203
- Гундертмарк Т. Х., стрелецкий полковник 363, 378, 379, 381
- Гурьевы, купцы 66
- Гутменш Йоганн, придворный врач 151, 156
- Гюйсен, барон 42, 44, 48, 54, 364, 365, 383, 387, 389, 396, 398, 408
- Давыдов Г. Ф., стольник, ростовский воевода 341, 342
- Давыдов И. И., дворянин 314
- Давыдов М. И., дворянин 314
- Давыдов П. Ф., стрелецкий начальник 246
- Даль В. И. 154
- Данилов А. И., стрелецкий полковник 117, 185, 265, 271, 278, 315, 316
- Даниловец Павел, раскольник 219—221
- Дашков Средний И. В., ближний стольник 128
- Девора, библ. 175
- Дементьев Б. Ф., стрелецкий полковник 327
- Денисов Л., стрелец 370
- Дербышев Мартын, одоевский стрелец 202
- Дидьянец см. Леонтьев Матвей
- Дий (в миру Шербачев Дорофей), монах 409, 411
- Дионисий, монах 410
- Длинный Иван, казачий полковник 319, 320
- Дмитриев П., московский посадский человек 280, 281
- Дмитрий, ц-ч 169
- Дмитрий Иванович Донской, в. кн. 344
- Добролюбов Н. А. 7

- Добрынский Н. К. см. Никита Пусто-
свят
Долгорукие, бояре 96, 113, 118, 119,
135, 153, 155
Долгорукий А., кн. 163
Долгорукий В. Д., кн., боярин 164,
293, 364, 403
Долгорукий М. Ю., кн., боярин 35, 38,
79, 99, 112, 150, 151, 153, 154, 164—
166
Долгорукий Ю. А., кн., боярин 32, 38,
79, 90, 93, 112, 131, 138, 141, 150,
151, 153—155, 157, 160, 163, 180,
212, 412
Долгорукий Я. Ф., кн., боярин 366,
411, 412
Дорофей, крестьянин 213
Дохтуров А. С., стрелецкий полков-
ник 102, 117, 120, 151, 152, 156
Дружинин В. Т., историк 346
Дубровский П. И., кузнецкий воевода
349
Дугин А., подьячий 409
Дукмайер Ф., историк 9
Дунаев Е., стрелец 202
Дурнобрагов, одоевский стрелец 202
Дурной И. М., помещик 339—341
Дуров И., стрелецкий полковник 284
Дьяконов М. А., историк 62
- Егор, стрелец 217
Егорова Е., стрельчиха 412
Екатерина Алексеевна, ц-на 43, 46,
252
Екимов О., крестьянин 202
Елфимов Р., стрелецкий сын 369
Ельчанинов В., стрелецкий полковник
363, 412
Епифанов П. П., историк 71, 75, 79
Еремеев Е., крестьянский сын 203
Ермак Тимофеевич 36
Ермолов Л. Р., стольник, стрелецкий
полковник 278, 284, 311
Ерофеев Карп, стрелец 380
Ефрем, игумен Воздвиженского м-ря
309
Ефремов Родион, стрелецкий пятиде-
сятник 330
Ефремов Семен, стрелец 329
- Жареный Иван, стрелец 315, 316
Жданов Р., стольник, стрелецкий пол-
ковник 30, 255, 267, 268, 271, 278,
283, 284, 349
Желябужский И. А., автор записок
13, 15, 17, 27, 42—44, 49, 50, 98, 147,
160, 182, 290, 367, 382, 389, 390, 393,
395—397, 399, 400, 405
Жемель, стрелец 381
- Жировой-Засекин М. Ф., кн. 161
Жуков Д. Р., стрелецкий полковник
136, 278, 358, 412
Жукова Анна, постельница 371, 400
- Заборовский Семен, думный дьяк 61
Загряжский Семен, коломенский по-
мещик 343
Задорины, гости 66
Заруцкий А. 326
Захарьев Павел 213
Зверев М., солдат 413
Зерцалов А. Н., историк, археограф
16
Зимин А. А., историк 5, 18
Зиновьев, дьяк 299
Зиновьев П. П., стольник 278, 284—
286
Змеев В. А., думный дворянин, затем
окольныйчий 98, 246, 313, 317
Золотарев М. И., стрелецкий полков-
ник 186, 278
Зорин В. А., стрелецкий десятник 378,
381, 382, 384, 386, 388, 394, 395, 398,
399, 402, 403, 406
Зотов Е., подьячий 204
Зотов Н. М., думный дьяк 255, 403
Зуб И., стрелец 349
- Ивакин И., переводчик 38
Иван, пятисотный 213
Иван (Иоанн) Алексеевич, ц-ч, брат
Петра I 11, 12, 16, 20, 22, 23, 30—
35, 39, 40, 97, 98, 101, 107, 108, 116,
126, 129, 133—139, 141, 145, 146, 150,
154, 156, 162, 164—166, 169—179,
182, 189, 190—196, 198, 210, 233, 246,
260, 269, 271, 289, 304, 344, 345, 359,
360, 372, 419
Иван Васильевич Грозный, ц. 9, 69
Иванов, стрелецкий десятник 381
Иванов В. Л., сын Л. И. Иванова 156
Иванов Герасим, крестьянин 343
Иванов Кузьма, стрелецкий пятисот-
ный 410
Иванов Л. И., думный дьяк 39, 102,
112, 116, 117, 119, 150, 151, 155, 156,
180, 187, 188, 252, 253
Иванов С., московский стрелец 327
Иванов С., одоевский стрелец 335
Иванов С., целовальник 149
Иванов Тарас, толмач Посольского
приказа 345, 346
Иванов Филипп, казак 408
Игнатъев В., стрелец 371, 381, 402, 406
Иеремя, константинопольский патри-
арх 228
Иларий, митрополит суздальский и
юрьевский 303, 304

- Иларнон, монах *см.* Нарышкин К. П.
Иловайский Д. И., историк 7
Илья, инок 212
Индова Е. И., историк 59, 63, 85
Иоаким, патриарх 6, 11, 20, 22, 24—
27, 31, 33, 36, 101, 102, 112, 117—
119, 121, 124, 127, 145, 163, 164, 166,
172, 175, 190, 191, 193, 210—212,
218, 219, 221—223, 225—228, 231,
233, 259, 278, 281, 282, 285, 288,
301—303, 307, 309, 313
Иоасаф, архимандрит Псково-Печор-
ского м-ря 19, 123—125
Иоасаф Сарап, монах 19, 123—126
Иосиф, патриарх 210
Иосиф, чернец 346
Иржи Давид, автор записок о России
39
Истомин Карнон, монах, справщик
Печатного двора, писатель 16
Истомин П., дьяк 299
Июдин Алексей *см.* Юдин Алексей
- Казак И., крестьянский сын 203
Казанцев Борис, стрелец 36
Калашников С. И., московский посад-
ский человек 212, 213
Калистратов Иван, стрелец 382
Калистратовы, стрельцы 381, 382, 395
Камынин, стрелецкий начальник 258
Канин Антип, пушкарь 202
Капустин В. А., археограф 16
Капустин С., стрелецкий полковник
356
Карамзин Н. М., историк 6
Карандеев А. Ф., стрелецкий полков-
ник 21, 98, 102, 116, 117, 120
Карандеев В. Ф., помещик 201
Карандеев Никита, гремяченский вое-
вода 334
Карибут, король Литвы 252
Карпов Афанасий, крестьянин 339
Карпов А. Б., историк 352
Карпов Д., стрелец 350
Келлер И. фан, барон, нидерландский
дипломатический представитель в
Москве 18, 38, 89, 99, 115, 122, 134,
136, 154, 173, 196—199, 254
Кемпфер, автор записок 13, 15
Керстен К., немецкий историк 9
Кириллов А. С., думный дьяк 138, 142,
150, 151, 155, 167, 187—189, 247
Кириллов В. И. *см.* Буганов В. И.
Кирилловы, купцы 66
Климов (Клишев, Клишов) Семен,
стрелец 329—332
Клокман Ю. Р., историк 64
Клушина Анна, постельница 371
- Клюкин И., стрелецкий сотенный 381,
395
Кобускин Г., драгунский сержант 334
Кобяков И. С., священник-расстрига
402
Кожин И. В., стольник 161
Козин, стрелецкий полковник 369
Козлов, полковник 413
Козлов А. И., стрелецкий полковник
278
Козловский Г., рязанский воевода 202
Козловский И., археограф 16
Колесников З., воронежский посад-
ский человек 344
Колзаков Ф. А., стрелецкий полков-
ник 307, 363, 364, 378, 379, 394, 395
Колобов Н., стрелецкий полковник
102, 117—120, 145
Колпаков В., стрелецкий подполков-
ник 51, 400, 401
Колупаев, стрелецкий (солдатский?)
начальник 246
Кольцов-Мосальский И. М., генерал-
поручик 390, 394, 395, 398, 399, 402
Комар, холоп («карла») 25
Комынин Г., черниговский воевода
327
Кондратий (Кондрашка), пристав 315
Кондратов И., стрелец 202
Кондратьев Я., слуга 336
Кондырев И. Т., окольный 152, 153
Конищев И., стрелецкий полковник
104, 363
Константин (Костька), стрелец 345,
346
Константинов Ф., литовский пленник
161
Коптев Д. 306
Коптева, боярыня, постельница 373
Корб И. Г., секретарь цесарского по-
сольства в Москву 9, 40, 43, 44,
48, 50—52, 54, 56, 148, 370, 382—384,
387, 389, 390, 392, 393, 395—398,
400—402, 405, 406, 408
Корецкий В. И., историк 185, 344
Корнилий, митрополит новгородский
20
Коробьин С. В., дворянин 292
Корольков Ф., одоевский посадский
человек 413
Косарев В., стрелец 370
Косой Кузьма, елецкий кузнец 344—
346
Косой М. А., московский посадский
человек 208
Кострикин Наум, белгородский пуш-
карь 328
Котляр Федор, белгородец 328
Котов Т. С., драгунский атаман 334

- Котошихин Г., подьячий Посольского приказа, автор записок о России 71—75
- Кочалинский И., есаул 31
- Кочелев, стрелецкий полковник 369
- Кравков М. О., генерал 30, 78, 98, 102, 104, 120, 200, 247, 267, 283
- Красный Иван, стрелец 331, 332
- Крашенинников С. И. см. Сергей, раскольник
- Крекшин П. Н., автор записок 33, 34, 55, 97, 153, 158, 161, 172, 174, 181, 185, 240, 241, 273, 274, 278, 294
- Крелль (Бове, Bouvet I.), автор записок 12
- Кривой Петр, стрелец 412
- Кривцов М., стрелецкий полковник 363, 411
- Кром К., стрелецкий полковник 116, 117
- Кротов В. А., купец, составитель Иркутской летописи 350
- Кройс К., вице-адмирал 53
- Кудрявцев И. М., историк 36
- Кузьмищев Федор, дьяк 116
- Куприянов Ф., стрелец 327
- Куракин Б. И., кн., автор записок 254, 352
- Куракин Г. С., кн. 60
- Куракин Ф. Ф., кн., боярин 164, 278, 285, 312
- Курбатов И. И., раскольник 212
- Курочкин Исая, стрелец 326
- Кучкин В. А., историк 17
- Кучумова Анна, новокрещеная татарка 413
- Лазарев-Станицев Г. Ф., псковский посадский человек 19, 123—125
- Ларешников Д., стрелецкий пятидесятник 320
- Лебедев В. И., историк 5
- Левшин А., стрелецкий полковник 271, 278
- Ленин В. И. 58, 65
- Леонтий, епископ тамбовский и козловский 336
- Леонтьев Б., священник-расстрига 402
- Леонтьев Матвей (Дидьянец) 205
- Лефорт Франц, генерал 53, 54, 363, 365, 367, 373, 376, 386, 390, 400, 401
- Лихарев И. П., думный дворянин 182
- Лихачев А. Т., постельничий 128, 150
- Лихачев М. Т., казначей 61, 128, 150
- Лихачевы 61, 101, 118, 119, 142, 151, 178, 181, 182
- Лишкин И., гремяченский подьячий 334
- Ломоносов М. В. 6
- Лопухин В. А., стрелецкий полковник 117, 278, 280, 307
- Лопухин П. А., стрелецкий полковник 117, 119, 149
- Лопухины 52
- Лох А. М., стрелец 351
- Лохер Т., голландский историк 9
- Лукьянов, священник 411
- Лукьянов И., стрелец 350
- Лукьянов П., стрелец 202
- Лутонин М., опочечский житель 338
- Лутохин Я. Ю., стрелецкий полковник 186
- Львов П. Г., кн., стольник 258
- Лызлов А. И., автор «Скифской истории» 209
- Лыков М. И., кн., боярин 248, 274, 275, 279, 280, 286, 292, 306
- Любавский П. В., дворянин 201
- Мавродин В. В., историк 5
- Мазпа И., украинский гетман 22
- Мазурин Ф. Ф., собиратель рукописей 55
- Макарий, архимандрит Тихвинского м-ря 20
- Макарий, архимандрит Чирского м-ря 344
- Макаров (Макарьев) Карп, крестьянин 339, 341
- Максимов И., дьяк 296, 306
- Максимов Иван, стрелец 217
- Малеин А. И., переводчик 43
- Маленький, московский посадский человек 413
- Малшин Н., сын боярский 344
- Маньков А. Г., историк 5, 62, 297, 298
- Мария Алексеевна, ц-на 227
- Марков, одоевский стрелецкий десятник 335
- Марков Федор, стрелец 326
- Мartiнов, одоевский садовник 202
- Мартьянов Лев, пятидесятник 326
- Марфа Алексеевна, ц-на 43, 46
- Марфа Матвеевна, ц-ца, жена ц. Федора Алексеевича 25, 129, 131, 137, 145, 168, 174, 177, 191, 192, 260, 370, 372, 374, 400, 404
- Марышкин А. Ф., дворянин 292
- Марышкин (Марышев) М. П., стрелецкий полковник 117, 256 (ошибочно Нарышкин), 278, 348
- Марышкин П. М., дворянин 292
- Маслеников Л., стрелецкий десятник 411
- Маслов А., стрелецкий пятидесятник 375, 378, 380—382, 385—388, 403, 406
- Матвеев А. А., автор записок 6, 7, 12—16, 25—27, 33, 40, 42, 49, 55, 96—98,

- 102, 104, 112—114, 130, 132—138, 141, 144, 145, 147, 149—151, 153—155, 159, 160, 162—166, 169—171, 173, 174, 181, 182, 184, 185, 187—189, 201, 205, 211, 215, 222, 223, 231, 234, 240, 241, 245, 246, 248, 251, 252, 254, 260, 267, 268, 270, 272, 275, 277, 278, 282, 285, 286, 300, 348, 352, 360, 387, 389, 392, 393, 396, 397, 399, 406, 415, 416
- Матвеев А. С., боярин 12, 15, 21, 25, 26, 28, 30, 34, 39, 40, 77, 82, 96, 99, 108, 116, 118, 119, 127—133, 135, 138, 141, 150—154, 156, 162—166, 177, 359, 360
- Матвеевы 27, 61, 178
- Медведев Сильвестр, автор записок 6, 7, 12—16, 18, 20, 22, 24, 25, 30, 32, 41, 87, 88, 90, 94, 95, 98, 102, 104, 105, 111, 117, 118, 121, 127, 136, 137, 145, 147, 148, 151, 155, 157, 158, 160, 163, 166, 171—173, 175, 176, 179, 180, 181, 183—185, 189—191, 193, 198, 205—207, 211—213, 217, 218, 222—224, 227, 228, 230, 231, 235, 237, 240, 241, 247—252, 260—264, 267, 269—275, 278, 280—282, 284—287, 289—291, 293, 296—298, 300—307, 309—311, 313, 314, 317, 348, 353, 353
- Мейерберг, барон, автор записок 13
- Мельгунов, стольник, стрелецкий полковник 337
- Меншиков А. 399
- Мериме П., писатель 9
- Мертваго А., стрелецкий полковник 356
- Мецнянкин Петр, стрелец 331, 332
- Мещеринов И. А., стрелецкий голова 161, 185—187, 200
- Мещеринов Ф., стрелецкий полковник 320
- Микулин А. 340
- Микулин Г., дворянин 379
- Миллер Г. Ф., историк 12, 13
- Милославская М. И., ц-ца, первая жена Алексея Михайловича 96, 143
- Милославские 9, 25, 26, 61, 80, 82, 95—97, 99, 101, 109, 128, 132—139, 141, 162, 189, 353, 359, 360, 364
- Милославский А. И., племянник И. М. Милославского 133, 135, 150, 173
- Милославский И. Д., боярин 82
- Милославский И. М., боярин 6, 7, 12, 27, 35, 82, 100, 127, 129, 130—133, 135, 136, 138, 141—143, 150, 155, 173, 174, 189, 195, 245, 251, 252, 254, 255, 260, 266, 267, 272, 277, 391, 416
- Минаев Фрол, донской атаман 345, 346
- Мисаил, митрополит белгородский 322, 323
- Митрофанов Я., стрелец 327
- Михаил, стрелец 217
- Михаил, стрелецкий десятский 223
- Михаил Федорович, ц. 38, 233
- Михайлов Викула, добренский подьячий 333
- Михайлов П., крестьянин 339
- Михайлов Семен, крестьянин 339—341
- Морев И., стрелецкий полковник 358
- Морозов, стрелецкий пятидесятник 32, 113, 114, 122, 315
- Морозов Б. И., боярин 73, 183
- Мызников Ф., воронежский посадский человек 344
- Мюллер Э., немецкий историк 9
- Мясной И. Я., тульский воевода 201
- Навроцкий И. А., археограф 12, 13
- Наримунт, в. кн. литовский 252
- Нармацкий А. И., стрелецкий полковник 117, 149, 271, 278, 284
- Нармацкий И. И., стольник, стрелецкий полковник 304, 326, 353
- Нармацкий О. А., стольник, воронежский воевода 344
- Нарышкин А. К., стольник 108, 130, 145, 146, 150, 151, 156, 160, 180
- Нарышкин В. К., спальник 150
- Нарышкин В. Ф., стольник 151
- Нарышкин И. К., боярин 28, 35, 108, 128, 129, 141, 145, 146, 150—152, 156, 157, 162, 167—170, 173, 174, 176, 180, 188
- Нарышкин К. П., боярин 35, 77, 93, 108, 129, 150, 151, 164, 167, 168, 171, 176, 180—182
- Нарышкин Л. К., стольник, потом боярин 82, 150
- Нарышкин М. К., спальник 150
- Нарышкин П. К., спальник 150
- Нарышкин Ф. К., спальник 150, 182
- Нарышкина А. Л., жена боярина К. П. Нарышкина 169
- Нарышкины 12, 21, 29, 30, 33, 35, 60, 61, 82, 96, 97, 99, 101, 108, 109, 116, 118, 119, 127—139, 142, 145, 146, 150—153, 156, 162, 163, 169, 171, 173, 178, 181, 182, 359, 360
- Насонов А. Н. историк 33, 34, 44, 54—56
- Наталья Алексеевна, ц-на 25
- Наталья Кирилловна Нарышкина, ц-ца, вторая жена Алексея Михайловича 31, 35, 36, 40, 96, 108, 109, 123, 128, 138, 151, 160, 163, 164, 167, 169, 170, 172, 173, 177, 178, 182, 189,

- 190, 195, 214, 218, 221, 222, 227, 229, 230, 234, 265, 326
- Наумов П., стрелец 368, 369, 376
- Невиль (Балье), автор записок 11—13, 15, 16, 40, 174, 177, 252, 272, 275, 278, 282, 310, 313, 347
- Неклюдов Б. М., пскович 338
- Неклюдов Г. Б., пскович 338
- Неклюдов И. Б., пскович 338
- Нелидов И., стрелецкий полковник 102, 117
- Нелюбов, стрелецкий (солдатский?) начальник 246
- Неплюев Л., думный дворянин, курский воевода 323
- Неплюев Л. Р., окольничий, севский воевода 336, 358
- Нефедьев Афанасий, стрелец 410
- Нечаев И., стрелецкий подполковник 307
- Нечкина М. В., историк 59
- Никита Пустосвят, раскольник 20, 27, 28, 36, 110, 210, 211, 213—216, 222, 223, 225—228, 231, 233, 235, 275
- Никитин, крестьянин 413
- Никитин А., стрелец 187
- Никитина Анна (Анюта), стрельчиха 371, 374
- Никифоров К., добронец 333
- Никольский В. К., историк 61
- Никол, патриарх 210, 219, 229—231
- Новиков М., добронец 333
- Новиков Н. И., археограф 12, 13
- Новицкий Г. А., историк 5
- Новосельский А. А., историк 60, 77
- Нос Петр, сотенный 331
- Обонисимов С., рязанский подьячий 203
- Обросимов Михаил, стрелецкий пятидесятник 380, 381, 403
- Огибалов И. А., стрелецкий полковник 271, 278, 284, 306
- Одинцов Борис, стрелец 136, 274, 278, 348
- Одинцов Ю., стрелец 131
- Одоевские, кн. 96, 265, 266, 280
- Одоевский В. Ф., кн., боярин 205
- Одоевский Н. И., кн., боярин 82, 164, 205, 206
- Одоевский Я. Н., кн., боярин 60, 164, 169, 173, 205
- Озеров Анисим, дьяк 322
- Озеров И. Г., стрелецкий подполковник 135, 240, 363
- Озеров Федор, сын боярский 322, 323
- Ознобишин М. Ф., стрелецкий полковник 149, 186, 202, 203, 212, 271, 278, 280, 303, 307, 327
- Окладников А. П., историк 5
- Оловяников П., дьяк 246, 259, 263
- Осипов С., дьячок 402
- Остафьев Р. Г., стрелецкий полковник 102, 104, 246, 271, 278, 350, 353
- Остроухов П., одоевский кузнец 335
- Павлов И. С., дворянин 292
- Павлов Я., стрелец 327
- Павлов-Сильванский Н. П., историк 60
- Палицын А. Б., дворянин 292
- Панкратов Афанасий, пушкарь 202
- Панкратьев Иван, гость 187, 188
- Пелепелкин (Пелепелка) И., стрелец 314, 316
- Перхуров В., стрелецкий полковник 102, 117
- Перхуров, стрелецкий (солдатский?) начальник 246
- Першин Г., москвич 202
- Петр, митрополит 221
- Петр I Алексеевич, ц. 6, 8, 9, 11—16, 20—23, 25, 30—32, 34—40, 42—46, 48—50, 53—55, 70, 77, 80, 81, 89, 96—111, 113, 116, 118, 121, 123, 126, 127, 129, 130—136, 139, 141, 153, 164, 166, 170—172, 175—177, 179, 181, 189—195, 210, 233, 236, 269, 276, 352, 359, 362, 364—368, 370—373, 375—379, 385, 388, 391, 394, 397, 399, 400—407, 409, 410, 412—414, 416
- Петров Абросим, стрелец 136
- Петров Ерофей, стрелец 329, 332
- Петров П., подьячий 336
- Пижемский П. И., составитель Иркутской летописи 350
- Писарев, стрелецкий (солдатский?) начальник 246
- Плаутин, стрелецкий пятидесятник 381
- Плещеев П. М., боярин 23
- Плясунов С., стрелец 388
- Погодин М. П., историк 7, 14, 15, 37, 38, 89, 91, 100, 105, 131, 132, 140, 266
- Погонин Афанасий, белгородский земский староста 328 330, 332
- Подборский И. Л., учитель А. А. Матвеева 26
- Покровский М. Н., историк 8
- Полевой Н. А., историк 13
- Полибин Б. В., окольничий 291
- Поликарпов Ф., составитель летописного свода 56
- Полозов Н. И., дворянин 292
- Полоцкий Симеон 24, 227
- Полтев И., стрелецкий полковник 102, 117, 136, 149, 271
- Полтев С. Е., стрелецкий полковник 186, 278, 307

Полуектов Н., стрелецкий полковник 284, 353
Полунин Г., воронежский посадский человек 344
Полянский Д., думный дьяк 150
Поммеринг, шведский представитель в Москве 199
Посников И. А., дворянин 292
Пострелов, стрелецкий пятидесятник 381
Прасковья Павловна, приближенная ц-цы Натальи Кирилловны 221
Прасолов А., стрелецкий пятидесятник 382
Преображенский А. А., историк 5, 59, 63, 85
Прозоровский А., археограф 16
Прозоровский А. П., кн., боярин, азовский воевода 409, 410
Прозоровский П. И., кн., боярин 164, 403
Прозоровский П. С., кн., боярин, киевский воевода 324
Прокопович Феофан 6
Прокофьев Михаил, дьяк 93
Прончищев И. А., помещик 205
Пронштейн А. П., историк 5
Проскураков Б., стрелец 368, 372, 378, 380—382, 386, 398, 399
Протопопов М., стрелецкий полковник 363, 410
Пузан Иван, стрелец 377, 385
Пульхерия, византийская ц-на 175
Пушечников В. Л., стрелецкий полковник 117, 186, 271
Пушкин И. Ф., окольный 23
Пыжов Богдан, стрелецкий полковник 87—89
Рабинович М. Д., историк 81, 407
Разин С. Т. 5, 75, 82, 84, 114, 122, 131, 244, 249, 318, 319, 410
Расловлев П. А., одоевский воевода 202, 336
Расловлев С. И., стрелецкий полковник 271, 278, 284, 327
Редькин Михаил, стрелец 326
Репнин Никита, подполковник 376
Ржевский А. И., думный дворянин 286
Ржевский И. И., воевода 47, 55
Ржевский Т., дворянин 395
Родиславский В., историк 70
Розенбуш, автор записок 6, 7, 11, 13—15, 37, 38, 41, 90, 91, 94—96, 104, 115—117, 128—131, 136, 145, 147, 148, 150, 151, 154, 155, 157—160, 167, 168, 171, 172, 174, 177, 178—180, 195
Романов Иван, московский посадский человек 208

Романов Н., стрелец 350
Романов Савва, келейник архимандрита Макарьевского м-ря, затем раскольник, автор записок 6, 15, 16, 20, 27, 40, 211—213, 217—225, 227—231, 233, 242
Романовы 8
Ромодановские, кн. 398
Ромодановский А. Г., кн., боярин 155, 259
Ромодановский Г. Г., кн., боярин 142, 150, 151, 154—156, 164
Ромодановский М. Г., кн., боярин, воевода 48, 51, 56, 364, 366, 367, 378—380, 383, 393, 398, 402
Ромодановский Ф. Ю., кн., стольник 48, 368, 374—378, 383, 390, 391, 402, 403, 413
Рудаков Л. С., переяславль-залесский воевода 339, 340
Руднев К. Г., добренский воевода 333
Рыбенко, солдат 374, 412
Рыбница Тимофей, добронец 333
Рязанов С. Ю., стольник, стрелецкий полковник 329, 331
Савва Романов см. Романов Савва
Савватий, раскольник 215
Савельев А., одоевский кузнец 335
Савельев Абрисм (Оброска), стрелец 348
Савельев К., московский посадский человек 349
Сакович С. И., историк 66
Салтыков П. М., боярин 31, 33, 60, 152, 157, 164, 317
Салтыков Ф. П., стольник 39, 151—153, 157
Самойлов, стрелецкий десятник 381
Самойлович Иван, украинский гетман 27, 273, 323—325
Самойлович С. И., сын украинского гетмана 273, 290
Сапожников, солдат 413
Сапожников (Сапожков), стрелец 381
Сарап Иоасаф см. Иоасаф Сарап
Саркел, митрополит псковский 124, 125
Сахаров А. Н., историк 63
Сахаров Н., археограф 13, 15, 42
Свечин С. К., коломенский воевода 292
Свистунова Т. Г., историк 102
Свищов А., стрелец 347
Селиванов Михаил, белгородский посадский человек 328
Селютин Яков, стрелец 332
Семевский М. И., историк 43, 370, 382, 383, 387, 389, 392, 396, 398, 402, 406

- Семенов В. Г., думный дьяк 297, 308, 338
- Семенов Е., стрелец 327
- Семенов Е., священник-расстрига 402
- Семенов Е., добренский подьячий 333
- Семенов И., рейтар 347
- Семенов Иван, атаман 344
- Семенов К., добренский подьячий 334
- Семенов Степан, холоп 307
- Семенова Федора, постельница 131, 137, 191, 192, 260
- Семион, монах Псково-Печорского м-ря (он же стрелец Семен Юрлов) 123—126
- Семичин Кузьма, стрелец 332
- Сергеев С., стрелецкий полковник 187, 326, 353, 354, 356
- Сергий, раскольник 16, 20, 210, 212—215, 223—225
- Сергий Радонежский, основатель Троице-Сергиева м-ря 282
- Сидоров А., стрелец 402
- Сидоров Кирилл, холоп 268, 269, 338
- Силин Никифор, стрелецкий пятисотный 231
- Симонов Василий, московский посадский человек 346
- Симонов П., дьяк 349
- Скорняков-Писарев Г. Г., составитель летописного свода 55
- Скуратов И., стольник, белгородский воевода 323, 328
- Скуратов П. Д., окольничий 299
- Смирнов И. И., историк 18
- Смирнов П. П., историк 5, 63, 66
- Сныткин А., крестьянин 209
- Сныткин Б., крестьянин 209
- Соковнин А. П., окольничий 22, 80, 132
- Соколов С., стрелец 349
- Соколов Тимофей, казачий атаман 408
- Соловьев С. М., историк 6, 14, 21, 43, 44, 46, 48, 98, 102, 112, 116, 130, 132, 138, 140, 150, 151, 160, 164, 166—168, 176, 181—183, 189, 196, 198, 205, 216, 233, 239, 240, 262, 263, 265, 266, 275, 278, 279, 283, 286, 289, 290, 307, 315, 317, 324, 348, 363, 364, 366, 368, 370, 376, 380, 386, 390, 396
- Софонов А., московский посадский человек 280, 281
- Софья Алексеевна (в иночестве — Сусанна), ц-на, правительница при ц. Иване и Петре Алексеевичах 6, 7, 9, 15, 16, 20, 23—25, 34—36, 40, 43, 44, 46, 50, 53, 56, 57, 80, 95—97, 100, 101, 106, 109, 121, 126—129, 131—141, 143, 146, 162, 166, 167, 173—179, 181—185, 188—196, 203, 206, 207, 209, 215, 216, 218, 221—234, 240—243, 245, 246, 250—257, 258, 260—263, 265—267, 271, 272, 274—277, 281, 287—289, 300, 303—305, 307, 323, 326, 334, 336, 353, 358—361, 364, 367, 370—375, 378, 380—383, 385—387, 394, 400—406, 414, 416, 419—421
- Сперанский А. Н., историк 66
- Спирidonов Я. 340
- Станевич А. П., историк 17, 72, 74, 76—79, 90, 94, 101, 132, 140, 161, 162, 183, 190, 197, 204
- Станищев см. Лазарев-Станищев
- Степанов А., холоп 152, 198
- Степанов (Енералка) Аким (Якимко), стрелец 326
- Степанов И. В., историк 5
- Степанов Семен, атаман 321
- Стефан, врач 167
- Стефан Яворский, митрополит рязанский, местоблюститель патриаршего престола 208
- Стрешнев Т. Н., боярин 48, 364, 368, 370—372, 374, 375, 378, 383, 398, 403, 412, 413
- Стрешневы 61
- Субботин Н., историк 16, 210
- Сумароков А. П., писатель 6
- Сумбулов М. И., дворянин 98
- Супонев Г. С., стольник 255
- Суриков В. И., художник 401, 405
- Сусанна см. Софья Алексеевна
- Суханов Арсений (Грек), монах, сподвижник патриарха Никона, учредитель греко-латинской школы 219
- Сухарев К., дьячок 388
- Сухарев Л. П., стрелецкий полковник 105, 149, 278, 284, 353
- Сухарев Мартемьян, стрелецкий полковник 363
- Сухарев Михаил, стрелецкий полковник 363
- Сухотин И. И., думный дворянин 23, 285
- Счаснов Т., стрелецкий капитан 327
- Съедин Н., белгородец 322
- Тавлеев Никита (Микита), холоп 307
- Тангеев А., стрелецкий полковник 102, 117, 120
- Таннер Беригард, автор записок 38
- Татищев В. Н., историк 6, 12
- Татьяна Михайловна, ц-на 227, 258
- Тверитинов Д. Е., «вольнодумец» 208
- Тейнер О. (Theiner Aug.), археограф 14, 39, 100, 108, 151, 180, 200, 242, 248, 283, 347
- Терский И. С., есаул 319

- Тимофеев Парфен, стрелец 410
 Титов, одоевский посадский человек 202
 Титов Г. С., стрелецкий полковник 36, 102, 117, 120, 210, 212, 213, 217, 220, 222, 231—233
 Тихомиров М. Н., историк 5, 17, 28, 37, 44, 71, 75, 79, 87, 105, 119, 146, 148, 151, 157, 161, 167, 168, 171, 180, 182, 189, 205, 222, 227, 231, 240, 264, 274, 275, 278, 279, 282, 287, 292, 297, 298, 307, 311, 313, 317, 415
 Тихонов Давыд, стрелец 410, 411
 Тихонов Ю. А., историк 59, 63, 85
 Тихонравов Н. С., историк литературы 208, 212
 Токарев Логин, плотник 329
 Толочанов С. Ф., дворянин 197, 198
 Толстой И. А. 135
 Толстой П. А., стольник 35, 133, 135, 150, 173
 Трифионов Иван, стрелецкий пятисотный 314, 315
 Троекуров И. Б., кн., боярин, начальник Стрелецкого приказа 60, 164, 367—369, 374, 376—378, 383, 398, 403, 413
 Троицкий С. М., историк 59, 63, 83
 Троурнихт А. Ф., генерал-поручик, воевода 189
 Тума В., стрелец 368, 369, 372, 374, 378, 380, 381, 383, 386, 398, 399, 403, 411
 Туманский Ф., археограф 12, 13, 15, 42, 48
 Тухачевский Г. Я., стольник 27
 Тютчев В. Н., стольник 341
 Тяпкин В. М., думный дворянин 23
 Украинцев Г. Р., гремяченский воевода 334
 Украинцев Е. И., думный дьяк 98, 257—259, 308
 Улеснев Яков, стрелец 410
 Урусов П. С., кн., боярин, 291—293, 300
 Урусов Ф. С., кн., боярин 163, 195, 255
 Устрялов Н. Г., историк 7, 12, 14, 15, 43, 45, 48, 50, 106, 139, 210, 266, 363, 364, 366, 368, 370, 375, 376, 380, 382, 383, 386, 388, 390, 391, 392, 396, 397, 399, 407, 411, 412
 Устюгов Н. В., историк 21, 63, 66, 83, 84, 209
 Ухабов И., подьячий 323
 Ушаков Тимофей, добронец 333
 Федор Алексеевич, ц. 14, 21, 26—30, 32, 36—40, 88, 90—103, 106—109, 111, 116, 128—130, 132—134, 137—139, 141—143, 145, 150, 152, 155—157, 170, 236, 247, 269, 360
 Федоров А., одоевец 202
 Федоров А., смоленский стряпчий 338
 Федоров Артемий, стряпчий Сытного двorca 268
 Федоров Илья, серебряник 208
 Федоров Ф., подьячий 349
 Федотов Д., стрелец 327
 Фекла, жена Ф. Котляра 328
 Феодосий, византийский император 175
 Феоктистов М., стрелецкий начальник 376
 Филиппов Тимофей, стрелец 410
 Филиппова Т., крестьянка 161
 Философов М., стрелецкий полковник 326
 Форонов И. И., атаман 319
 Форстен Г. В., историк 44, 51, 366, 387, 400
 Фролов Федор, есуал 321
 Фурсов Елизар, стрелецкий сын 202
 Харитонов Константин, крестьянин 339
 Хитрово А. С., окольный 321
 Хитрово В. Я., стольник 99
 Хитрово И. Б. 164
 Хитрово Иван Большой Севостьянович, боярин 255
 Хлопов К. О., окольный 23, 263, 317
 Хованские, кн. 9, 13, 16, 18, 20, 23, 27, 29, 31, 33, 35, 87, 95, 120, 135, 139, 140, 142, 209, 245, 246, 248—257, 260, 265—269, 272—281, 283—286, 288, 290, 299, 301—303, 307, 308, 310—312, 324, 325, 344, 348, 352, 353, 360, 361, 420
 Хованский А. И., кн., боярин 189, 195, 203, 207, 216, 241, 252, 253, 259, 266, 274, 275, 277, 280, 288, 311
 Хованский И. А. (Тараруй), кн., боярин 7, 8, 22, 23, 27, 31, 33, 39, 40, 77, 120, 127, 132, 138—143, 147, 148, 164, 165, 173, 174, 176—179, 189—191, 195, 196, 200, 209—211, 214—221, 223—229, 234, 235, 241, 242, 244—246, 250—259 (?), 261—264, 266—278, 285, 288, 289, 303, 311, 324, 325, 339, 343, 352, 360, 419
 Хованский И. И., сын И. А. Хованского 279—285, 306, 307, 352
 Хованский П. И., кн., сын И. А. Хованского 140, 332, 352, 353
 Хованский С. А., кн., боярин 352
 Хованский Федор, кн., племянник И. А. Хованского 279, 352

- Хомяк, холоп («карла») 160
Худошорстов (Алехин) Кузьма, стрелец 202, 335
- Цей А., генерал-майор 326, 336
Цей Данил, стрелецкий подполковник 248, 306
Цыклер И. Е., стрелецкий подполковник, потом полковник 22, 31, 80, 132, 133, 135, 176, 240, 315, 316, 358
Цымерманов Р. К., дворянин 255
- Чаадаев И. И., окольный, глава Сибирского приказа 349
Чамарс И., солдатский начальник 376
Чебоксарь Михаил, стрелец 410
Чеботарь М., добронец 333
Челищев Михаил, дворянин 292
Чепурной Трофим, крестьянин 323
Черепнин Л. В., историк 5, 8, 62, 82, 320, 322, 324, 326, 328, 333
Черкасские, кн. 96, 266
Черкасский М. А., кн., боярин 152, 164—166, 203, 403
Черкасский М. Л., кн. 164
Черкасский М. Я., кн. 60, 385
Чермный Кузьма, стрелец 136
Чернев Родион, москвич 256
Чернов А. В., историк 70, 72, 74, 75, 78—80, 83, 84
Черный И. И., стрелецкий полковник 363, 378, 379, 381
Чефраков К., добренский подьячий 333
Чистякова Е. В., историк 5, 64, 209
Чича, гулящий человек 413
Чубаров А. А., стрелецкий полковник 363, 368, 378—381
Чурин И., стрелец 368, 369, 376
- Шакловитый Ф. Л., думный дьяк, потом окольный, начальник Стрелецкого приказа 22, 24, 143, 195, 246, 256, 257, 259, 263, 266, 267, 272, 275, 292, 308, 313, 317, 332, 334, 353, 358
Шаховской Т. И., кн., стольник, владимирский воевода 342
Шаховской Ф. И., кн., окольный 48
Шейн А. С., боярин 43, 46—48, 51—54, 56, 264, 274, 291—293, 332, 336, 364, 365, 375, 381, 382, 384, 388—399, 403, 410, 412
Шепелев, стрелецкий (солдатский?) начальник 246
Шепелев А. А., думный генерал 78, 255, 278, 283, 284, 286, 297, 329
Шереметев Б. П., боярин 123, 124
Шереметев П. В. Большой, окольный 164, 165, 322, 326
- Шереметев Ф. П., боярин, севский воевода 327
Шереметевы, бояре 266, 267
Шилка Филимон (Филька), рейтар 332
Шлейзинг Г. А. (Schleusing G. A.) 11, 15
Шмурло Е. Ф., историк 16
Шорин Б. В., гость 281
Шорин В. Г., гость 281
Шорины, гости 66
Шпаковский Н., историк 70
Штраух А. Н., историк 8, 77, 100, 106, 139, 149, 199, 210, 236, 242, 245, 266, 289, 358
Шунков В. И., историк 5
- Шапов А. П., историк 7, 243
Щебальский П., историк 6
Щепин И., стрелецкий полковник 102, 116, 117
Щербатов М. М., историк 42
Щербатый Д. Н., кн., окольный 291
Щербатый К. О., кн., окольный 98, 291
Щербатый Ю. Ф., кн., окольный 403
Щербачев Борис, стрелецкий полковник 356
Щербачев Дорочей *см.* Дий
- Эсфирь, библия 175
- Юдин (Июдин) Алексей, стрелец 140, 148, 219, 239, 250, 274, 277, 310, 311
Юдифь, библия 175
Юрлов Семен *см.* Семион, монах
Юрьев А., стрелец 350
Юрьев Колча Никита, стрелец 213
- Яворский Стефан *см.* Стефан Яворский
Ягелло, король литовский 252
Языков А. И., дворянин 151, 152
Языков Г. П., дворянин 280, 281, 283, 299, 306, 307
Языков Д., археограф 13, 42
Языков И. А., ближний стольник 128, 152
Языков И. М., боярин 88—91, 98, 128, 150, 151, 155, 160, 180
Языков М. И., дворянин 152
Языков П., окольный 280
Языков С. И., чашник 128, 150
Языков Федор, дворянин 307
Языковы 61, 82, 101, 118, 119, 135, 138, 142, 178, 181, 182
Янов Степан, стрелецкий полковник 102, 104, 120, 152, 247, 248, 258, 287, 327, 352

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ *

- Австрия 25
 Азов, г. 44, 55, 80, 363—365, 383, 393, 407—410
 Алексеевское, с. Московского у. 313
 Алексин, г. 293
 Амстердам, г. 364, 377
 Архангельск, г. 366
 Арчада, р. 345
 Астрахань, г. 114, 122, 320—322, 347, 356

 Байгора, р. 319
 Батурин, г. 323, 324, 327, 353, 356
 Башкирия 84
 Башкиры 40, 89, 115, 129, 270, 271, 275
 Бежецкий Верх, г. 291
 Белая, г. 378
 Белгород, г. 77, 323, 328—333, 336, 347, 364, 384, 411, 412
 Белгородский разряд (округ) 79, 82, 326, 411
 Белгородский у. 322
 Елоозеро 151
 Битюг, р. 319
 Благовещенский погост, на Ваге 28
 Борисов, г. 291
 Боровск, г. 247, 291, 293
 Боровский перевоз на р. Москве 291
 Боровский у. 344
 Братовщино (Братошино), с. Московского у. 275, 349
 Бронницы, с. Коломенского у. 291, 293
 Брянск, г. 259, 299, 354, 364, 367

 Вага, р. приток Сев. Двины и местность 17, 28, 156
 Валдайское оз. 258
 Валки, г. 354

 Валуйки, г. 320, 321, 366
 Варшава, г. 39, 99, 108, 115, 179, 200, 242, 248, 253, 282, 347
 Великие Луки, г. 299, 347, 351, 364, 366, 367, 369, 372, 375, 378, 380—382
 Вена, г. 55
 Верейский у. 344
 Беря, г. 291
 Византия 175
 Владимир, г. 99, 269, 291, 342, 351
 Владимирский разряд (округ) 83
 Владимирский у. 18, 21, 318, 342
 Воздвиженское, с. Московского у. 20, 22—24, 29, 31, 256, 257, 258, 261, 268, 272, 273, 275, 277—279, 282, 283, 285, 286, 290, 293, 295, 298, 303, 310, 325, 337, 339, 352
 Волга, р. 319, 321, 409
 Вологда, г. 182, 349
 Волоколамск (Волок-Ламский), г. 47, 291, 388, 391
 Воробьевы горы (Воробьева гора) 262
 Воробьево, с. Московского у. 268
 Воронеж, г. 53, 76, 77, 320, 344, 366
 Воротыньск, г. 291
 Воскресенская сл. у Троице-Сергиева м-ря 295
 Вышгород, г. 344
 Вяземы, с. Можайского у. 291, 293
 Вязьма, г. 378
 Вятка, г. 247

 Галич, г. 300
 Гдовский у. 338
 Глухов, г. 326
 Годуново (Андреевское), с. Переяславль-Залесского у. 339, 340
 Голландия 25

* Принятые сокращения: г.—город; гос-во — государство; вол.—волость; дер.—деревня; кн-во — княжество; м-рь — монастырь; оз.—озеро; р.—река; с.—село; сл.—слобода; у.—уезд; ул.—улица; ц.—церковь.

- Городок (Радонеж?), г. 277
 Гороховец, г. 99
 Гремячий, г. 334
 Губачево, дер. Ростовского у. 341
- Данков, г. 201
 Даурия 376
 Двина, р., местность 258, 380, 382, 383, 387, 391
 Дедиловский у. 292
 Дмитров, г. 291
 Дмитровский у. 412
 Днепр, р. 368
 Добрый, г. 333
 Дон, р., местность (Войско Донское) 84, 89, 113, 318—321, 344—346, 364, 408, 410, 417
 Дорогобуж, г. 378
 Древняя Русь *см.* Россия
- Европа 65
 Европа Восточная 61
 Европа Западная 12
 Енисейск, г. 182
 Епифань, г. 89
- Заячье, с. Белгородского у. 322
 Звенигород, г. 291
 Змиев, г. 366
- Изюм, г. 354, 366
 Илимский, г. 348
 Ильинское, с. Черемсжской вол. Ярославского у. 21, 209, 343
 Иркутский округ 350
 Истра, р. 47, 392
- Казанский разряд (округ) 82
 Казань, г. 69, 89, 115
 Калмыки 40, 89, 270, 271, 275
 Калуга, г. 291, 293
 Карпов, г. 77
 Каспийское море 319
 Кашин, г. 291
 Кенигсберг, г. 99
 Киев, г. 185, 187, 271, 275, 279, 288, 299, 305, 307, 308, 323, 332, 347, 353—356
 Клин, г. 291
 Клушинская дворцовая вол. Можайского у. 388
 Клязьма, р. 275
 Козельск, г. 291
 Козлов, г. 77, 320, 321
 Козловская черта 319
 Козловский у. 319
 Коломенское, с. Московского у. 20—23, 27, 39, 40, 126, 261—266, 268, 270—272, 274, 276, 280, 283, 289, 295, 298, 313, 329
- Коломенский у. 291, 318, 343
 Коломна, г. 23, 291—293, 296, 354, 355
 Кольский острог 182
 Комарицкая вол. 336
 Конотоп, г. 324
 Константинополь, г. 175
 Коротояк, г. 320, 346
 Кострома, г. 300
 Краков, г. 391
 Крым 318, 416
 Кузнецк (Кузнецкий), г. 182, 349
 Курск, г. 76, 322, 323, 330—332, 336, 347, 354—356, 412
- Лаптево, дер. Коломенского у. 292
 Ливония 347
 Литва 347
 Лихвин, г. 74, 291
 Лихвинский, у. 202, 335, 352
 Лух, г. 130, 291
- Малый Ярославец, г. 291
 Мангазея, г. 182
 Марфино, дер. Московского у. 284
 Маяк (Маяцкий острог, Мояк), г. 366
 Медведица, р. 345, 346
 Медынь, г. 291
 Мезень, г. 130, 352
 Мензелинск, г. 356
 Мерефа, г. 354
 Мещовск, г. 291
 Миус, р. 410
 Михалево, с. Ростовского у. 341
 Можайск, г. 291
 Монастыри:
- Боголобовский под Владимиром 342
 Воздвиженский в Москве 309
 Вознесенский в московском Кремле 192
 Воскресенский (Новоиерусалимский) на р. Истре под Москвой 45—47, 49, 51, 52, 55, 56, 365, 380, 383, 385, 397, 388, 390, 392, 396—399, 402, 408, 409, 412
 Донской в Москве 262
 Елизаров *см.* Спасо-Елизаров под Псковом
 Иверский на Валдайском оз. 258
 Ипатьевский в Костроме 247
 Калязин *см.* Троицкий (Макарьев) в Калязине
 Кирилло-Белозерский на Белом оз. 60, 182
 Макарьевский на Желтых песках под Нижним Новгородом 27, 212, 220
 Мамонтова пустынь под Тамбовом 336

Настасов в Лихвинском у. 202
Николаевский под Тамбовом 336
Новодевичий в Москве 53, 189,
334, 370, 372, 374, 384, 404, 405
Предтеченский Ивановский в Мо-
скве 409
Псково-Печорский 19, 123, 124, 126
Савво-Сторожевский под Звени-
городом 23, 121, 183, 268, 269,
271, 272, 289, 290, 295, 298,
336—338, 384
Симонов в Москве 21, 209, 247,
343
Соловецкий на Белом море 29, 34
Спaso-Евфимьев в Суздале 202
Спaso-Елизаров под Псковом 124
Спaso-Преображенский в Ярос-
лавле 295
Тихвинский Богородицкий в Тих-
вине 20
Троице-Сергиев (Троицкий) 16,
20, 23, 24, 36, 39, 52, 60, 199, 248,
249, 257, 258, 265, 268, 279—283,
286—290, 292—299, 301—310,
312, 313, 324, 335, 336, 339, 341,
348, 389
Успенские ворота 295
Троицкий (Макарьев) в Калязи-
не 247
Чирский 344
Чудов в Москве 151, 182, 287
Мосальск, г. 291
Москва, г. 5, 10, 11, 16, 18—20, 22, 23,
26, 29—31, 33, 35—40, 44, 46, 47,
49—53, 55, 58, 63—67, 69, 72, 74, 76,
81, 85, 87, 89, 90, 92, 96, 98, 99, 102—
104, 106, 111, 114, 115, 119, 122—
126, 129—131, 133, 139, 140, 144,
147—150, 152, 154, 156, 158, 161—
163, 173, 179, 187, 197—199, 201—
204, 206, 208—210, 212, 213, 218, 229,
237, 241, 243, 244, 246, 248, 254, 255,
257—259, 262—266, 268—274, 276,
277, 279—294, 296, 298—310, 312,
313, 318—328, 330—333, 335—342,
344—361, 366—372, 374—376, 378—
391, 393—395, 397—414, 416, 417,
419, 421
Кремль 17, 21, 23, 30, 33, 38, 40,
69, 98, 111, 118, 121, 145—148,
150, 152, 153, 157, 158, 160, 161,
163, 165, 167, 171, 174, 176—178,
180, 188, 190, 211, 214, 218,
221—223, 225, 235, 271, 283, 309,
315, 317, 369, 371—373, 377
Башни:
Константино-Еленинская 170,
188, 248
Спасская 157

Ворота:
Кремлевские 163, 223
Никольские (Николаевские)
191
Спасские 282
Дворы:
Патриарший 164
Крыльца:
Красное (Золотое) 35, 108,
152, 163, 164, 166, 171, 174,
177, 190, 214, 215, 226, 317,
373
Постельное 181, 271, 277
Палаты:
Грановитая 27, 35, 164, 191,
193, 221, 223, 225, 226, 228,
230, 257, 265, 317
Крестовая патриаршая 16,
212, 218, 219, 222, 281, 285,
309
Ответная 215, 217
Столовая 188
Царицына мастерская 66
Царская мастерская 66
Площади:
Ивановская 371
Соборная (Кремлевская) 218,
228, 230
Приказы:
Большого дворца 83, 247, 342
Большого прихода 155
Большой казны 155
Великорусский 82
Владимирская четь 82
Владимирский судный 195,
313
Галицкая четь 82
Иноземский 78, 79, 119, 120,
138, 195, 254
Казанского дворца 321, 344
Конюшенный 153
Малороссийский 82, 324, 327,
347
Московский судный 195, 313
Надворной пехоты *см.* Стре-
лецкий
Новгородский 82, 351
Посольский 38, 82, 102, 112,
124, 129, 188, 195, 209, 247,
259, 343—345
Пушкарский 138, 195, 254,
284, 409
Разбойный 313
Разрядный 14, 17, 20—22, 32,
79, 99, 112, 114, 118, 182,
193, 195, 241, 263, 269, 273,
292, 300, 311, 320, 333, 338,
339, 341, 342, 349—351, 378,
389, 391
Рейтарский 79, 138, 195, 255

Сбора стрелецкого хлеба 84
Сибирский 256, 349
Смоленский 82
Стрелецкий (Надворной пехоты) 22, 32, 35, 78, 79, 83, 84, 90—93, 112, 114, 116, 118, 120, 126, 131, 141, 152, 153, 155, 156, 176, 177, 189, 195, 211, 241, 247, 248, 251, 254—256, 268, 276, 284, 306, 307, 311, 313—315, 317, 327, 343, 347, 349, 350, 351, 353, 356—358, 367, 368, 407
Судный (Судных дел) 120, 144, 160, 195, 197, 203, 207, 251, 257
Сыской 188, 189, 251, 259, 344
Сытный дворец 256, 268
Тайный (Тайных дел) 72, 82
Устюжская четь 82
Холопий (Холопьяго суда) 62, 144, 159—161, 195, 197, 201, 203, 207, 257
Ямской 259
Китай-город 40, 66, 111, 180, 283
Ворота:
Ильинские 74
Москворецкие 221
Дворы:
Денежный 66
Мосты:
Красный 180
Приказы:
Земский (Приказ земских дел) 208, 278, 311, 345, 407
Белый город 23, 54, 111, 156, 163, 180, 284, 376, 377, 388, 404
Ворота:
Арбатские 369
Никитские 160
Покровские 404
Пречистенские 25, 74
Тверские 74, 160, 204
Дворы:
Пушечный 23, 66, 149, 283, 284, 287, 308
Земляной город 30, 54, 110, 111, 156, 163, 180, 206, 283
Монастыри в Москве *см.* Монастыри
Площади, улицы, перекрестки вне Кремля:
Арбат, ул. 374
Красная площадь 28, 35, 54, 55, 66, 145—148, 153, 158, 180, 205, 206, 211, 212, 218, 230, 231, 233, 235—237, 240, 248, 310, 315, 348, 405

Лобное место 54, 180, 205, 212, 214, 218, 221, 231
Мясницкая, ул. 74
Сретенка, ул. 54
Слободы, сотни, части Москвы и др.:
Барашская сл. 280, 281, 299
Басманная сл. 346
Бронная сл. 208
Бутырская сл. (Бутырки) 183, 204, 255, 284, 307, 375
Гончарная сл. 212
Дмитровская сотня 208
Замоскворечье 314
Измайловский стекольный завод 66
Кадашевская полотняная мануфактура 66
Кожевенная сл. 66
Кокуй *см.* Немецкая сл.
Котельная сл. 208
Марьина роща 203, 204, 205, 284
Мещанская сл. 208
Немецкая (Новонемецкая, Кокуй), сл. 38, 290, 378, 384
Сыромятная сл. 66
Сретенская сотня 349
Церкви в Москве *см.* Церкви Москва, р. 92, 291
Московский разряд (округ) 79, 83
Московское гос-во (Московия, Московское царство) *см.* Россия
Московское кн-во 28
Мценск, г. 350
Мячково, с. Московского у. 92, 103
Надеино Усолье, соляной промысел близ Сызрани 338
Нарва, г. 81
Нарым, г. 182
Невель, г. 187
Невельский у. 187
Нежин, г. 324, 327
Нижегородский у. 213
Нижний Новгород, г. 220, 348
Ивановская башня 220
Новгородский разряд (округ) 82, 351
Новгород Великий, г. 76, 125, 140, 294, 338, 359
Новгород Нижний *см.* Нижний Новгород
Новгородский у. 338
Новгород-Северский, г. 326
Новобогородицк, г. 378
Оболensk, г. 293
Одоев, г. 74, 202, 335, 336, 352

- Одышевская земля (?) 205
Олонец, г. 351
Ольшанск, г. 354
Опочечный у. 338
Опочка, г. 338
- Павловское, с. Московского у. 23, 268
Паншин, городок 319, 321, 410
Перемышль, г. 291
Переяславль (Южный), г. 323, 325, 327, 353, 356, 378
Переяславль-Залесский, г. 23, 292, 293, 296, 300, 340
Переяславль-Залесский у. 318, 339
Переяславль-Рязанский, г. 76, 202, 203, 292, 318
Переяславль-Рязанский у. 291, 352
Поволжье 60, 69, 319
Подмосковье 291, 293, 300
Полатов, г. 337, 346, 350, 354
Польша 61, 85, 253, 324, 364, 416
Преображенское, с. под Москвой, 53, 401, 404, 405
Преображенский приказ 44, 45, 48, 397, 402, 409, 412, 413
Пронский у. 201, 352
Псков, г. 123—125, 356, 359
Псковский у. 352
Пустозерск, г. (острог) 26, 27, 130
Путивль, г. 76, 299, 324, 348
- Ржев (Ржева-Владимирова), г. 89, 378, 382
Ржева Пустая, г. 366
Рим. г. 39, 99, 108, 115, 179, 242, 253, 282
Рогожа, с. Московского у. 291, 293
Рогожа, сл. у Ново-Иерусалимского м-ря 392
Россия (Московия, Московское гос-во, Российское гос-во, Русская земля, Русь) 5, 8—10, 12—14, 17, 18, 21, 22, 25, 29, 39, 40, 42—44, 48, 50, 57—66, 69—72, 74, 75, 77, 78, 82—87, 98, 106, 108, 121, 122, 147, 157, 158, 169, 181, 190, 192, 193, 199, 206, 210, 228, 235, 242, 248, 249, 253, 264, 266, 269, 274, 276, 297, 304, 305, 311, 318, 320, 345, 346, 352, 353, 358, 362, 364, 366, 370, 389, 401, 407, 415—417, 421, 422
Ростов, г. 300, 342
Ростовский у. 18, 318, 341
Руза, г. 291
Русская земля (Русь) *см.* Россия
Рязск, г. 320
Рязанский разряд (округ) 83
Рязанский у. *см.* Переяславль-Рязанский у.
Рязань *см.* Переяславль-Рязанский
- Савинский, г. 354
Санкт-Петербург, г. 22
Сватково, приселок Троице-Сергиева м-ря 295
Севск, г. 326, 327, 336, 347, 354—356, 358, 364, 384
Севский разряд (округ) 79, 82, 353, 349, 406, 411, 412
Селунь, г. 233
Серпейск, г. 291
Серпухов, г. 23, 247, 293, 296, 384
Сибирь 5, 36, 69, 84, 182, 307, 338, 341, 349, 406, 411, 412
Симбирск, г. 347
Смоленск, г. 40, 271, 299, 337, 347, 356
Смоленский разряд (округ) 82
Соколов, г. 354
Соляной, г. 354
Старица, г. 247, 291
Стебачево, с. Суздальского у. 202
Стекланная земля *см.* Швеция
Суздаль, г. 269, 291
Суздальский у. 202
- Тавань, г. 368
Тайнинское (Тонинское), с. Московского у. 257, 265, 268
Тамбов, г. 299, 320, 321, 336
Тамбовская черта 319
Тамбовский разряд (округ) 83
Тамбовский у. 319
Таруса, г. 293
Татары 115, 129
Тверь, г. 247, 291
Терек, р. 182, 235
Терехово, д. Пронского у. 201
Тишково, сельцо Коломенского у. 343
Тобольск, г. 36, 182, 208
Томск, г. 182
Торжок, г. 247, 291
Торопа, р. 379
Торопец, г. 366, 378—380, 382, 388, 389, 393, 398, 402
Торопецкий у. 391
Трубчевск, г. 356
Тула, г. 76, 201, 335, 350, 384
Тульский у. 352
Турция 318, 416
Тушино, с. Московского у. 47, 265, 268, 275, 390
- Украина 27, 248, 318, 320
Углич, г. 291
Упа, р. 202
Усмань, г. 333
Устюг Великий, г. 189
Устюжский у. 189

Харьков, г. 411
Хлябово, с. Московского у. 268, 273
Ходынка, р. 46
Ходынка, Ходынское поле 390
Холмогоры, г. 352
Хопер, р. 319, 346
Хорошево, с. Московского у. 265,
268

Царев-Борисов, г. 333, 354, 366

Царицын, г. 320, 321, 356

Церкви, соборы:

ц. Апостола Филиппа в Москве
233

Архангельский собор в московском
Кремле 108, 109, 222

ц. Василия Блаженного (Покровский
собор) в Москве 192, 231

ц. Воскресения Христова на Сене-
сах в московском Кремле 160

ц. Казанской богородицы в Моск-
ве 180

ц. Николая Явленного в Москве
374

ц. Николая на Хлынове в Москве
160

ц. Ризположения в московском
Кремле 225

ц. Троицы на Рву в Москве 232
Успенский собор в московском

Кремле 36, 98, 107, 164, 172, 191,
216, 218, 221, 222, 225, 309
Успенский собор в Троице-Серги-
евском м-ре 304

Череможская вол. 21, 343

Черкасск, г. 319, 344, 345, 365, 408, 409

Черкзово, с. Московского у. 291,
293

Черная Калитва, р. 319

Чернигов, г. 120, 258, 326, 327, 352,
354, 378

Черное море 318, 319

Чигирин, г. 154, 155

Чир, г. 344

Шацк, г. 74, 320

Швеция (Стеклопанная земля) 54, 85,
416

Шотландия 50

Шуя, г. 291

Юрьев-Польской, г. 269, 291

Яблонев, г. 77

Янк, р. 182, 352

Якутск, г. 352

Ярославль, г. 213, 343

Ярославский у. 21, 318, 543

Яуза, р. 36, 222, 231

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Источники о Московском восстании 1682 г.	11
Публикация и изучение источников	11
Документальные источники	18
Сообщения русских современников	24
Летописные повести и записи	28
Сообщения современников-иностранцев	37
Источники о восстании московских стрельцов 1698 г.	42
Публикация и изучение источников	42
Документальные источники, переписка и др.	45
Сообщения современников	49
Летописные записи	54
Россия в конце XVII в.	58
Укрепление позиций дворянства во второй половине XVII в.	60
Крестьяне и холопы	62
Город и горожане	63
Служилые люди по прибору (стрельцы и др.)	68
Складывание абсолютизма	81
Московское восстание 1682 г.	87
Начало восстания	87
Первые волнения. Начало восстания	87
Действия восставших в конце апреля — первой половине мая	101
Правящие верхи в конце апреля — первой половине мая	127
Майские события	144
Действия восставших 15—17 мая	144
Правящие верхи во время событий 15—17 мая	161
Действия восставших после 15—17 мая	179
Социальный состав восставших. Программа восстания	197
Холопы, посадские люди во время восстания	197
Движение раскольников	210
Челобитная и жалованная грамота 6 июня	236
«Двоевластие» лета — начала осени 1682 г.	245
Действия восставших	245
Обострение обстановки во второй половине августа — первой половине сентября	261
Казни 17 сентября	272
Волнения в Москве после 17 сентября	279
Мобилизация правительственных сил	289
Окончание восстания	301
Переговоры восставших с правительством. Капитуляция	301
Декабрьские волнения. Движение в стрелецком полку П. Бохина	313
Отклики на Московское восстание 1682 г.	318
— Меры правительства по ликвидации последствий восстания	347
Восстание московских стрельцов 1698 г.	363
Стрельцы перед восстанием	363
Начало восстания	367
Восстание в стрелецких полках в июне 1698 г.	378
Мобилизация правительственных сил против восставших стрельцов	388
Сражение под Воскресенским монастырем 18 июня	392
Следствие над участниками Стрелецкого восстания 1698 г.	397
Отклики на Стрелецкое восстание 1698 г.	407
Заключение	415